

И. А. Шейн

ВОЙНА 1812 года

в отечественной
историографии

ОПИСАНИЕ ВОЙНЫ
1812 года

Александр Волков

ОПИСАНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
1812 года,

по
очайшему

жалению
переземца
Даниловского.

ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА,
по достоверным источникам.

И. А. Шейн

ВОЙНА 1812 года

в отечественной
историографии

НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КНИГА
МОСКВА * 2013

УДК 93/94
ББК 63.3(2)47
ШЗ9

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Шеин И. А.

ШЗ9 **Война 1812 года в отечественной историографии / И. А. Шеин.** – М. : Научно-политическая книга, 2013. – 462 с. – (Эпоха 1812 года).

ISBN 978-5-906594-03-7

Монография представляет собой опыт историографического исследования Отечественной войны 1812 года от первых публикаций до современности. Автор с позиций современной исторической науки критически проанализировал процесс зарождения и развития научных представлений об истории похода Наполеона в Россию. В работе особое внимание уделяется критике субъективистских взглядов, сложившихся в историографии темы под влиянием различных, преимущественно социально-политических, факторов. В центре повествования – разбор научных позиций ведущих исследователей, а также историографический анализ социально-политической и военно-исторической проблематики «Двенадцатого года».

Монография предназначена для специалистов и преподавателей-историков, студентов исторических факультетов высших учебных заведений, а также для тех, кто интересуется историей Отечественной войны 1812 года.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-906594-03-7

© Шеин И. А., 2013
© Научно-политическая книга, 2013

ОТ АВТОРА

Основу настоящей монографии составило содержание докторской диссертации, выполненной в 1999–2003 гг. на кафедре истории войн и военного искусства и защищенной в диссертационном совете по историческим наукам при Военном университете.

В течение 10 лет, прошедших после защиты, современная историография Отечественной войны 1812 года продвинулась далеко вперед в познании этого эпохального для нашей Родины исторического события. По данной причине значительной переработке подверглась заключительная глава диссертационного исследования. Справиться со столь сложной задачей историографического анализа современной литературы было бы практически невозможно без помощи ведущих исследователей, крупных специалистов по этой теме В.М. Безотосного, В.Н. Земцова, А.В. Горбунова, Л.Л. Ивченко, А.М. Лукашевича, А.И. Попова, А.А. Подмазо, Н.В. Промышлова, Р.Н. Рахимова, с которыми в процессе работы был установлен тесный контакт.

Автор настоящей монографии выражает им большую благодарность и искреннюю признательность за предоставленные материалы и полезные советы, которые, безусловно, сделали содержание книги более интересным, а авторские суждения и выводы аргументированными.

ВВЕДЕНИЕ

В военную летопись нашего Отечества 1812 год вписан ее наиболее блистательной страницей. Победа россиян над силами объединенной Европы, предводимыми одним из выдающихся полководцев мира, создала предмет национальной гордости для современников и до настоящего времени пробуждает высокие патриотические чувства у их потомков. Завоеватели получили очередной урок, который сегодня в исторической ретроспективе служит извечным предостережением: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стояла и стоит русская земля!» Вместе с тем крах русской кампании Наполеона у многих аналитиков не находит простого и в достаточной мере аргументированного объяснения, оставаясь для них и по сей день неразгаданной загадкой. Война России с наполеоновской Францией в этом незабвенном не только для русского, но и для многих европейских народов году создала уникальный исторический прецедент. В течение нескольких месяцев, невиданная дотоле по численности и мощи Великая армия, не проигравшая противнику к началу своего отступления ни одного крупного сражения, потерпела сокрушительное поражение.

Наверное поэтому, несмотря на давность лет, не иссякает у специалистов-историков интерес к изучению этого периода истории Российского государства. «Гроза двенадцатого года» превратилась в неисчерпаемую исследовательскую проблему, особое положение которой в отечественной историографии определяется, в первую очередь, значимостью исторических событий, определивших пути дальнейшего развития русского общества, сыгравших судьбоносную роль в послевоенном устройстве Европы. По данной причине история отношений России с Францией в 1812 г. со всей тщательностью изучалась и изучается не только отечественными, но и зарубежными историками различных стран.

Наглядность, непреходящая злободневность уроков и выводов, вытекавших из событий 1812 г., заставляла исследователей вновь и вновь обращаться к этой теме. Ее актуальность зачастую определялась складывавшейся международной и внутренней обстановкой. Чисто практический интерес различных политических сил в прове-

дении необходимых им исторических параллелей нередко генерировал новые исследования.

Масштабность и противоречивость событий 1812 г. объективно порождали трудности в их изучении. Накопление фактов, их систематизация и обобщение осуществлялись в течение длительного времени. Становившиеся доступными документальные источники требовали критического осмысления уже написанных работ. Процесс углубления и расширения научного поиска, дающий материал к формированию новых взглядов и концепций, продолжается и в наши дни.

Наконец, многие из поднимаемых историками проблем имеют спорный и дискуссионный характер. Плюрализм взглядов подталкивает исследователей к аргументированному обоснованию собственных позиций, стимулирует написание новых исторических трудов по данной проблеме.

Историография «Двенадцатого года» не была обделена вниманием ученых и в количественном отношении настолько обширна, что не поддается сколько-нибудь точному учету. Она включает в себя огромное число всевозможных сочинений. По самым приблизительным подсчетам, проведенным современными исследователями темы, число печатной продукции по этой проблеме превысило к настоящему времени 10 тыс. книг и статей.

Труды, отражающие историографическую разработанность проблемы, в зависимости от уровня научного анализа и обобщений, можно условно разделить на библиографические указатели, историографические обзоры литературы в научных исследованиях и собственно специальные труды по историографии войны 1812 года.

Библиографические указатели литературы стали наиболее ранней формой отражения историографической разработанности темы. Одной из первых известных работ этого вида считается написанная в 1817 г. статья генерал-майора А.А. Писарева «О сочинениях и произведениях искусств по проблемам Отечественной войны 1812 года», которая включала перечень 125 названий русских и 150 иностранных произведений¹. К первым библиографическим трудам также следует отнести подготовленный в 1820–1821 гг. «Разбор российских сочинений, касающихся до истории 1812 года» А.И. Михайловского-

¹ См.: Дунаевский В.А. К выходу в свет указателя литературы об Отечественной войне 1812 года // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы науч. конф., посвящ. 181-й годовщине Малоярославского сражения. Малоярославец, 1994. С. 193 (далее: Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года).

Данилевского¹. Отличительная особенность этой работы состояла в том, что автор не ограничился простым перечислением наиболее значимых трудов, а ввел в свой «Разбор...» элементы историографического анализа, дав значительной части произведений собственные научные оценки.

Специалистам также широко известны библиографические указатели (частью аннотированные), составленные во второй половине XIX – начале XX в. К.А. Военским, Н.М. Затворницким, И.Х. Колодеевым, И.П. Липранди². Они дают во многом исчерпывающие сведения об издаваемой в дореволюционной России литературе, посвященной событиям 1812 г. Например, двухтомный библиографический указатель «Наполеоновская эпоха» Н.М. Затворницкого содержит 3122 краткие аннотации на документальные источники, мемуарные произведения и научные работы, опубликованные в популярных научно-публицистических журналах («Русский архив», «Русская старина», «Военный сборник» и др.), а также в «Сборнике исторических материалов, извлеченных из Архива первого отделения собственной его императорского величества канцелярии».

На сегодняшний день этот библиографический труд можно считать одним из наиболее полных справочных изданий по дореволюционной публицистике. Тем не менее можно признать его определенное несовершенство, связанное с авторской компоновкой материала без учета жанровых, видовых и тематических особенностей аннотируемых публикаций.

По-видимому, понимая эти недостатки, Н.М. Затворницкий в перспективе предполагал осуществить еще более масштабный замысел составления многотомного указателя. По мысли ученого, он должен был включать в себя самостоятельные библиографические обзоры важных журнальных статей, книг, издававшихся на русском и иностранных языках, документальных архивных источников, а так-

¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Разбор российских сочинений, касающихся до истории 1812 года // Отечественные записки. 1820–1821. Ч. IV–VI. № 6–10, 12, 14 (черновик статьи см.: Российский государственный военно-исторический архив [далее: РГВИА]. Ф. ВУА. Д. 3465(1). Л. 43–69).

² См.: Военский К.А. Отечественная война в Новоборисовском собрании И.Х. Колодеева. СПб., 1904; Его же. Отечественная война в русской журналистике: Библиографический сборник статей, относящихся к 1812 году. СПб., 1906; Затворницкий Н.М. Наполеоновская эпоха: Библиографический указатель. Пг., 1914–1915. Вып. 1–2; Колодеев И.Х. Каталог русских книг по истории Отечественной войны библиотеки Ив. Хр. Колодеева. Отдел военной. Минск, 1912; Липранди И.П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М., 1876.

же перечень наиболее популярных иллюстраций¹. Однако этот план не удалось реализовать в связи с начавшейся Первой мировой войной и последовавшей за ней революцией. По мнению автора настоящей монографии, эта задача остается актуальной и в условиях современного развития исторической науки.

Для исследователя историографии 1812 года значительный интерес представляют выступающие в роли библиографических указателей печатные каталоги книг, выпускавшиеся к столетнему юбилею войны². Они дают наглядное представление о количестве издаваемой в юбилейные годы литературы и ее тематической направленности.

По мере развития историографии темы совершенствовалась и ее библиография. Советские историки, так же как и их предшественники, неоднократно предпринимали попытки отразить в систематизированном виде огромный пласт сочинений об Отечественной войне 1812 года³. Среди работ советских библиографов своей информативной насыщенностью особо выделяется указатель советской литературы за 1918–1990 гг.⁴ В его содержании наиболее полно, чем в предшествующих изданиях, представлены многочисленные книги, брошюры, статьи, рецензии, авторефераты диссертаций советских авторов на русском языке. Составители во многом учли недостатки дореволюционных библиографических трудов, распределив литературу одновременно по проблемно-хронологическому и алфавитному принципам. Такое построение книги в сочетании с подробным указателем фамилий авторов и названий работ, описанных на заглавии, во многом облегчает получение искомых данных.

¹ См.: Затворницкий Н.М. Наполеоновская эпоха: Библиографический указатель. Пг., 1914. Вып. 1. С. III.

² См.: Каталог изданий, посвященных юбилею 1812 года и находящихся на выставке произведений печати, устроенной Главным управлением по делам печати. М., 1912; Каталог юбилейных изданий к 100-летию Отечественной войны 1812 года. 1812–1912. СПб., 1912.

³ См.: Бессмертный подвиг народа: Отечественная война 1812 года: Рекоменд. указатель литературы. М., 1963; Отечественная война 1812 года: Указатель литературы / сост. А.Т. Кинкулькин и др. М., 1942; Недаром помнит вся Россия...: к 175-летию Бородинской битвы: Рек. указ. лит. / сост. Н.Н. Карлина. М., 1987; Каталог рукописных материалов о войне 1812 года / сост. Л.А. Мандрыкина и др. Л., 1961; Отечественная война 1812 года: Указатель советской литературы 1962–1987 гг. / сост. В.Н. Бабенко и др. М., 1987; и др.

⁴ См.: История Отечественной войны 1812 года: Указатель советской литературы (1918–1990 гг.) / отв. ред. В.А. Дунаевский. М., 1992.

Оригинальностью содержания отличается библиографический указатель литературы «Гроза двенадцатого года». Путеводитель по книгам об Отечественной войне», составленный профессиональным библиографом, ведущим научным сотрудником Российской государственной библиотеки В.М. Мешковым¹.

Книга представляет читателям около трехсот наиболее популярных изданий, сопровождаемых краткими аннотациями и выдержками из содержания описываемых работ.

Материал изложен по хронологическому принципу. Основное место занимает авторская характеристика книг, раскрывающих генезис русско-французского конфликта начала XIX в., драматические события Отечественной войны 1812 года и военные действия в Европе до взятия Парижа и Венского конгресса 1814–1815 гг. Тщательно подобранные выдержки из книг позволяют проследить развитие научных взглядов в отечественной историографии.

В содержании путеводителя особым шрифтом выделена биографическая литература, составляющая сквозную рубрику «Лица эпохи». В завершении путеводителя рассмотрена литература, посвященная сохранению памяти об «эпохе Двенадцатого года» и ее научной разработке на современном этапе. Общий перечень работ и имен представлен в алфавитном «Указателе представленных в путеводителе книг» и «Именном указателе».

Сегодня созданный усилиями многих поколений историков печатный библиографический комплекс является незаменимым подспорьем для любого исследователя историографии темы. Только на основе библиографических трудов можно получить наиболее точные представления о количестве публиковавшейся в различные периоды литературы. Изучение библиографии позволяет судить о приоритетной тематике научных исследований, о творчестве известных историков, о проблемных вопросах в историографии темы. Тем не менее справочники и указатели литературы при всей их необходимости и важности не преследуют цель изучения эволюции научных знаний об Отечественной войне 1812 года.

Историографические обзоры литературы в научных исследованиях впервые появились во второй половине XIX в. Одним из первых, кто сопроводил свой труд обстоятельным историографическим комментарием, стал военный историк М.И. Богданович². Он дал харак-

¹ См.: Мешков В.М. «Гроза двенадцатого года»: путеводитель по книгам об Отечественной войне. М.: Пашков дом, 2012.

² См.: История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам составлена по высочайшему повелению. Сочинение генерал-майора

теристику наиболее известным русским и иностранным сочинениям, которые использовал при подготовке своего научного труда. Авторские оценки положительных и отрицательных сторон этих работ легли в основу указанного разбора.

В дальнейшем, в начале XX в., историографические обзоры начинают приближаться к самостоятельным историографическим исследованиям. В некоторых из них отмечается тенденция к более глубоким обобщениям и выводам. Показательна в этом отношении вводная часть работы Ю. Карцова и К. Военского, в которой историки предприняли попытку создать научную периодизацию историографии темы. Одновременно они попытались выявить определенные тенденции в развитии историографии и показать ее зависимость от социальных факторов¹.

Критический анализ литературы характерен также для трудов Б.М. Колюбакина и Н.П. Поликарпова². Особое внимание эти историки уделяли рассмотрению источниковой базы проводимых исследований и преодолению субъективистских, документально не аргументированных подходов к освещению военных событий. Для историографических обзоров Б.М. Колюбакина и Н.П. Поликарпова также характерно определение проблематики малоисследованных аспектов войны 1812 года.

В советский период традиция характеристики предшествующей историографии была продолжена с конца 40-х годов XX столетия и фактически стала нормой для монографических работ³. Кроме того, историографический анализ литературы является обязательным

М.И. Богдановича: в 3 т. СПб., 1859–1860. Т. 3. С. 529–541 (далее: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года).

¹ См.: Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. V–XIV.

² См.: Колюбакин Б.М. Война 1812 года: Бородинская операция и Бородинское сражение // Труды Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Кн. 1. С. VIII–XII (далее: Труды ИРВИО); Поликарпов Н.П. Отечественная война 1812 года по неисследованным военно-историческим документам (первоисточникам) Московского отделения Общего Архива (Лефортовского Архива) // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 1. С. 31–33 (далее: Поликарпов Н.П. Отечественная война 1812 года...); и др.

³ См.: Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950. С. 6–30; Его же. Отечественная война 1812 года. М., 1988. С. 7–17; Гарнич Н.Ф. 1812 год. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1956. С. 3–12; Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 6–17; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 7–104; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 3–11; Народы России

элементом каждого диссертационного исследования¹. Это направление продолжает развиваться в современных условиях, когда историографические аспекты все чаще становятся неотъемлемой частью даже научных статей, освещающих конкретные исторические вопросы².

Историографические обзоры интересны авторскими суждениями о наиболее важных для развития темы работах. Они позволяют получить углубленное представление о взглядах историков. Некоторые историографические введения, как, например, у Л.Г. Бескровного и у Н.А. Троицкого, Л.Л. Ивченко, в коллективной монографии «Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812)»³, выделены в отдельные главы, логически завершены и поэтому могут рассматриваться в качестве специальных научных трудов. Однако в большинстве случаев авторы не ставили перед собой задачи выявления закономерностей, тенденций и особенностей в развитии темы, ограничиваясь разбором содержания наиболее значимых работ.

и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812) / Алексеев Ю.А., Ковалев В.Е., Колотков В.Е. и др. М., 2012. С. 7–36; и др.

¹ См., напр.: Абалихин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на Юго-Западе России в период Отечественной войны 1812 года: Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1979; Малышкин С.А. Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и его «Описание Отечественной войны в 1812 году»: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии): Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Ивченко Л.Л. Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Постникова А.А. Великая армия на Березине: событие – память. Екатеринбург, 2013; Безотосный В.М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013; и др.

² См.: Шведов С.В. Об участии ополчений в Бородинском сражении // Бородинское поле: история, культура, экология. Бородино, 2000. Вып. 2. С. 75–76; Ивченко Л.Л. Бой за Семеновские высоты // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IX Всерос. науч. конф. Бородино, 2001 [далее: Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы (IX)]. С. 121–122; Попов А.И. Кто был зачинателем «народной войны» в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы III науч. конф. Москва, 27 апреля 2000 года. М., 2000 [далее: Эпоха наполеоновских войн (III)]. С. 75–78; и др.

³ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 7–104; Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 11–50; Ивченко Л.Л. Бородинское сражение, история русской версии событий. М., 2009. С. 5–19; Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812). С. 7–36.

Собственно специальные труды по историографии войны 1812 года представлены рецензиями, а также историографическими монографиями, статьями и диссертационными исследованиями. Наиболее распространенной формой историографического анализа являются *рецензии на печатные издания*. Первоначально в историографии исследуемой проблемы рецензии представляли собой своеобразные расширенные аннотации к новым книгам¹. Со второй половины XIX столетия они приобрели критическую направленность. Наиболее типичным примером в этом отношении могут служить отклики И.П. Липранди на публикуемые монографии и статьи². Например, рецензент довольно скептически относился к зарубежной военной историографии, объяснявшей поражение наполеоновской армии географическими и климатическими особенностями театра военных действий. Как непосредственный участник войны, И.П. Липранди критически оценивал современные ему официальные истории А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича за фактические неточности, содержащиеся в трудах этих авторов. Можно отметить, что оппонент в своих критических статьях затрагивал сугубо военный аспект проблемы, не вдаваясь в характеристику социально-политических воззрений авторов рецензируемых работ.

Иной характер приобретают рецензии в начале XX столетия, для которых критика являлась уже обязательным элементом. Их отличительная особенность состояла в том, что оценке стали подвергаться авторские воззрения на социальную сторону войны. Наиболее показательны в этом отношении аналитические разборы новых публикаций С.П. Мельгунова и М.Н. Покровского, которые критически оценивали приверженность авторов рецензируемых ими работ к тра-

¹ См.: М. [Рецензия] // Сын Отечества. 1813. № 19. С. 338. Рец. на кн.: Чуйкевич П. Рассуждения о войне 1812 года...СПб., 1813; М. П. [Рецензия] // Русский инвалид. 1813. 3 мая. № 18. Рец. на кн.: Чуйкевич П. Рассуждения о войне 1812 года... СПб., 1813; и др.

² См.: Липранди И.П. Некоторые замечания по поводу двух сочинений, вышедших под заглавием «Малая война». СПб., 1851; Его же. Несколько мыслей по поводу двух сочинений об Отечественной войне, вышедших в 1856 и 1857 годах (Извлечено из «Северной пчелы»). СПб., 1858; Его же. Недоумения, возбужденные чтением сочинения «История Отечественной войны 1812 г.»... ген.-майора М. Богдановича. СПб., 1859 // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее: ЧИОИДР). 1866. Кн. 3. С. 165–221 (далее: Липранди И.П. Недоумения, возбужденные чтением...); и др.

диционному приукрашиванию роли Александра I и русского дворянства в войне¹.

В советский период практика рецензирования сочинений о 1812 году также получила широкое распространение. Наряду с положительными откликами в периодической печати нередко публиковались и остро критические рецензии. Некоторые из них, опубликованные в годы культа личности И.В. Сталина в центральной партийной печати, имели социально-политическую направленность и служили своеобразным показателем отношения властей к научным взглядам на историю Отечественной войны 1812 года. Негативный отзыв на научный труд в 30-е гг. мог повлечь за собой дискредитацию научного авторитета ученого. Такая ситуация, например, складывалась вокруг Е.В. Тарле в связи с жесткой критикой его работ в газетах «Правда», «Известия» в 1937 г. и журнале «Большевик» в 1951 г. Целенаправленно и комплексно в конце 30-х годов велась критика взглядов М.Н. Покровского, в том числе и по истории похода Наполеона в Россию².

В дальнейшем, как показал опыт изучения литературы второй половины 80-х годов, острые полемические рецензии помогали утверждению новых взглядов на историю 1812 г. Наиболее ярко такая тенденция проявлялась в критических статьях Н.А. Троицкого, который первым из советских историков встал на путь кардинального пересмотра концепции войны, сложившейся в 50–80-е годы XX столетия³. Историк решительно выступил против односторонних подходов к объяснению причин военного конфликта между Россией и Францией. На основе архивных документов он критиковал распространенные в литературе субъективистские суждения о силах и сред-

¹ См., например: Мельгунов С.П. Новая работа об Александре I // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 232–246; Покровский М.Н. О значении эпохи Отечественной войны // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 257–264; и др.

² Более подробно содержание критики в адрес Е.В. Тарле и М.Н. Покровского будет рассмотрено в соответствующих параграфах настоящей монографии.

³ См.: Троицкий Н.А. Кладезь ошибок: О книге О.В. Орлик «Гроза двенадцатого года...» // В мире книг. 1988. № 4. С. 86–87; Его же. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 155–162; Его же. [Рецензия] // Отечественная история. 1992. № 2. С. 195–197. Рец. на кн.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990 (далее: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений...); Его же. Небываемое бывает? Война 1812 года в изображении советских писателей // Родина. 1994. № 9. С. 68–72; и др.

ствах, потерях противоборствующих сторон, итогах сражений и по некоторым другим вопросам.

В современных условиях следует отметить наличие рецензий, которые по глубине сделанных в них обобщений поднимаются до уровня этапных научных публикаций. В них наряду с анализом конкретного произведения ставятся наиболее злободневные вопросы развития отечественной историографии. Например, в одной из рецензий В.М. Безотосного поставлен вопрос о правомерности принятой в настоящее время классификации научных трудов и концепций по социально-классовому признаку. Критик обозначил необходимость нового подхода к объяснению роли различных социальных слоев Российской империи в разгроме агрессора. Одновременно рецензент подверг сомнению и высказал свою точку зрения на общепризнанный в советской историографии тезис о контрнаступлении М.И. Кутузова как главном слагаемом победы¹.

Общие и частные вопросы развития постсоветской российской историографии поднимались, например, в критических рецензиях А.И. Попова, на повторное издание книги Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» и публикации П.Н. Грюнберга, М.А. Голденкова².

Отмечая тенденцию к возрастанию роли рецензий в утверждении или отрицании в исторической науке тех или иных концептуальных взглядов на войну в 1812 г., нельзя не заметить их специфическую направленность на разбор одного или нескольких печатных изданий. При всей важности и необходимости анализа рецензий для последующих научных обобщений, следует признать, что сами по себе они представляют лишь материал, позволяющий судить об отношении научной общественности к творчеству отдельных историков или в

¹ См.: Безотосный В.М. [Рецензия] // Отечественная история. 1993. № 2. С. 203–207. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991 (далее: Безотосный В.М. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 203–207).

² См.: Попов А.И. [Рецензия] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2008. Т. 10. № 4. С. 1300–1306. Рец на кн.: Троицкий Н.А. 1812 Великий год России. М.: Изд-во Омега, 2007; Его же. Отечественная война 1812 года: «новые открытия» и псевдопроблемы // Музеи России. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2009/Popov.pdf (дата обращения: 9.10.2013 г.); Его же. Неизвестная война [Рецензия] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 302–309. Рец на кн.: Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск, 2010.

какой-то мере об общем состоянии историографии в конкретный исторический период.

О начале специального и целенаправленного научного изучения отечественной историографии войны 1812 года можно говорить лишь применительно к началу XX столетия, когда *вся совокупность* посвященной этой теме литературы выделилась в особый предмет исследований. Одной из первых работ подобного плана стала публикация В.П. Алексеева «Отечественная война в русской исторической литературе», в которой автор наряду с аналитическим разбором основных научных трудов попытался доказать прямую зависимость историографии темы от окружающей исследователя социокультурной среды¹.

Октябрьская революция 1917 г. на время прервала систематизированное изучение темы. Политизированные рецензии, критические статьи и краткие историографические обзоры 20-х – конца 40-х годов не могли дать полного, объективного представления об эволюции этой темы в исторической науке².

В последующем историографические исследования приняли форму *историографических диссертаций, монографий и статей*. Так, в начале 50-х годов М. Василевская первой из советских историков в филологическом аспекте исследовала отражение войны 1812 года в журнальной публицистике военных и послевоенных лет³. По сути этот же мотив развивала статья А.В. Предтеченского, представлявшая собой краткий историографический анализ публицистики и некоторых литературных произведений, вышедших в 1812–1819 гг.⁴

В начале 60-х годов в качестве ведущего историографа войны 1812 года заявил о себе Л.Г. Бескровный. Как уже отмечалось, выполненный им в монографии «Отечественная война 1812 года» историографический обзор представлял собой самостоятельную научную работу. Бесспорное достоинство труда состояло в привлечении к историографическому анализу широкого круга литературы. На фоне

¹ См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 299–317.

² См., напр.: Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст.: в 2 ч. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 276–279.

³ См.: Василевская М. Отечественная война 1812 года на страницах русских журналов первой четверти XIX в. (1802–1825 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1950.

⁴ См.: Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. М., 1950. Вып. 31. С. 222–244.

общего развития исторической науки историк обстоятельно проследил развитие темы, затронув эволюцию взглядов на историю похода Наполеона в Россию не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Ученый очертил круг проблем, которые вызывали наибольшие споры среди ученых. Однако многие его выводы подгонялись под заранее разработанную схему, в которой с узкоклассовых позиций не учитывалась многофакторность развития исторической науки. Поэтому значительная часть авторских суждений предвзято отражала реальное положение дел в историографии. Это привело к принижению Л.Г. Бескровным роли дореволюционных историков официального направления в изучении истории войны 1812 года. Одновременно явно завышалось значение исторических трудов представителей революционного движения для развития исследуемой темы.

Субъективизм исследователя проявился и в характеристиках советской историографии, особенно в односторонних оценках взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина на войны наполеоновской эпохи. Л.Г. Бескровный критически отнесся к научному творчеству Е.В. Тарле. Пристрастно, с позиций официальной советской историографии он оценивал его суждения о полководческой деятельности М.И. Кутузова, о народном характере войны, о причинах гибели наполеоновской армии в России. По мнению историографа, ошибочные идеи Е.В. Тарле своими корнями уходили в дореволюционную и зарубежную историографию и тормозили «правильное освещение Отечественной войны 1812 года»¹. Подобный подход к исследуемой проблеме Л.Г. Бескровный обосновывал в своих историографических статьях². Схожи по конечным выводам Л.Г. Бескровного и работы П.А. Жилина³.

В ряду исследований 60-х годов, отражавших новые направления в историографии темы, можно выделить статью В.Г. Сироткина, в которой поднимался ранее не исследовавшийся в историографиче-

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 61–63.

² См.: Бескровный Л.Г. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 10. С. 50–60; Его же. Отечественная война 1812 года: некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований // Вестник АН СССР. 1962. № 9. С. 97–103.

³ См.: Жилин П.А. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 6. С. 54–75; Его же. Историография Отечественной войны 1812 года [Стенограмма лекции, прочитанной перед слушателями Академии общественных наук] // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. Д. 713. Л. 44–90.

ском аспекте вопрос о последствиях континентальной блокады для развития экономики России и других европейских стран¹. Отметив противоречивость суждений советских и зарубежных историков, В.Г. Сироткин пришел к выводу о необходимости дополнительного комплексного изучения этой проблемы. По его мнению, окончательный вывод о прогрессивном или регрессивном влиянии континентальной блокады на экономику России мог быть сделан только на основе дополнительного исследования динамики развития всей русской промышленности, а не ее отдельных отраслей².

Изучению военной публицистики посвятил свои первые историографические работы А.Г. Тартаковский, в которых он обстоятельно рассмотрел развитие этого вида литературы, издаваемой в годы войны типографией при Главной квартире русской армии. Изучив архивные материалы и литературу, историк указал на относительную самостоятельность и прогрессивную направленность легучих изданий армейской типографии в потоке публицистики изучаемого периода³.

Отметим, что уже в этих сочинениях просматривались особые исследовательские приемы А.Г. Тартаковского. Ученый строил свои суждения не только на анализе содержания наиболее значимых армейских публицистических изданий, но с учетом конкретных обстоятельств, обусловивших их появление. Такой подход был новым для историографических исследований и выгодно отличал труды Тартаковского особой доказательностью выдвигаемых положений.

Анализ работ, вышедших в 50–60-е годы прошедшего столетия, свидетельствует о том, что историография Отечественной войны 1812 года постепенно начинает оформляться в самостоятельное научное направление. Характерной особенностью ее развития в данный период являлся переход от постановки общих проблем в научных исследованиях к изучению отдельных историографических аспектов.

Эта тенденция не только сохранилась, но и усилилась в дальнейшем, в 70–80-е годы XX в. Так, например, изучение начального этапа

¹ См.: Сироткин В.Г. Континентальная блокада и русская экономика: обзор советской и французской литературы // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969. С. 54–77.

² См.: Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 76–77.

³ См.: Тартаковский А.Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны: Сб. ст. М., 1962. С. 233–254; Его же. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; Его же. Военная публицистика 1812 года. М., 1967; Его же. Заметки о военной пропаганде 1812 года // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. С. 300–313.

в историографии темы было продолжено в новых работах А.Г. Тартаковского. Основанные на не публиковавшихся ранее архивных первоисточниках, они во многом уточняли и позволяли по-новому оценить причины и обстоятельства подготовки первых научных работ об Отечественной войне 1812 года¹.

В свою очередь, Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский, проанализировав новейшую советской литературу, подняли наиболее актуальные вопросы в развитии исследуемой проблемы².

Политический кризис, разразившийся в стране в начале 90-х годов прошедшего столетия, способствовал появлению новых явлений в историографии темы. Характерной чертой в ее развитии стал критический подход к анализу предшествующей, в первую очередь советской, литературы. Наиболее ярко это направление отразилось в монографии Н.А. Троицкого «Отечественная война 1812 года: история темы»³. Историографические разработки в постсоветской российской историографии были продолжены и далее. Их подробный анализ будет приведен в заключительной главе настоящей монографии. Здесь лишь отметим, что вопросы историографии в настоящее время находятся в эпицентре внимания специалистов-историков. По многим аспектам эволюции научных представлений об Отечественной войне 1812 года сегодня отмечаются различные точки зрения. Поэтому правильное разрешение возникших противоречий представляет собой наиболее актуальную задачу, от реализации которой будет зависеть дальнейшее поступательное развитие темы.

¹ См.: Тартаковский А.Г. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года: опыт реконструкции // Исторические записки. М., 1970. Т. 85. С. 368–428; Его же. У истоков русской историографии 1812 года // История и историки: Историогр. ежегодник. 1978. М., 1981. С. 67–95; Его же. 1812 год и русская мемуаристика XIX в. // История СССР. 1979. № 6. С. 71–94; Его же. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980 (далее: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика...); и др.

² См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года и освободительная миссия русской армии: итоги и перспективы исследований // История и историки: Историогр. ежегодник. 1974. М., 1976. С. 105–147; Их же. Новое в изучении истории войны 1812 года. М.: Знание, 1983; Их же. К. Маркс и Ф. Энгельс – историки войны 1812 года // Вопросы истории. 1987. № 9. С. 3–9; Их же. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990; Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года на северо-западе России и в Прибалтике: некоторые вопросы историографии: постановка темы // Известия АН Латв. ССР. 1976. № 10. С. 58–66; и др.

³ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991.

Таким образом, за 200-летний период, прошедший со времени окончания Отечественной войны 1812 года, историки уделяли большое внимание ее историографии и достигли в этом позитивных результатов. Сегодня историографические работы отражают различную степень обобщения научного знания об истории нашествия Наполеона на Россию. Однако большинство из них ограничено по хронологии или имеет узкую тематическую направленность.

Как правило, исследователи темы свое отношение к анализируемым сочинениям определяли в связи со складывавшейся в стране политической конъюнктурой. В сочетании с недостаточной методологической оснащенностью исследований, узостью источниковой базы это зачастую приводило к схематизму и поверхностному теоретическому анализу, формулировкам обобщений и выводов, подгоняемым под требуемые идеологические установки.

Изучение историографических работ конца XX – начала XXI в. показывает, что в настоящее время в исторической науке складывается принципиально новое отношение к научному наследию предшествующих поколений историков, что требует всестороннего, комплексного анализа всего массива имеющейся литературы.

Этими обстоятельствами определяется и цель настоящей монографии, предполагающая анализ содержания и научной обоснованности различных точек зрения за весь период развития отечественной историографии войны 1812 года. Особое внимание обращается на причинно-следственные связи формирования, господства и смены исторических концепций.

Объективные трудности, вытекающие из объема, особенностей и характера темы монографии, обусловили приоритетное обращение ее автора к трудам известных *отечественных* специалистов-историков. Их научные разработки являются базовыми и этапными в историографии Отечественной войны 1812 года. В первую очередь изучались сочинения, в которых вопросы исследуемой проблемы даны в прямой постановке. Произведения, не имеющие прямого и непосредственного отношения к освещаемой теме, затрагивались лишь с целью более всестороннего и объективного понимания ее развития. В связи с этим к историографическому анализу привлекалось более 600 монографий, брошюр, научных статей, сборников документов, докторских и кандидатских диссертаций. Это позволило, не углубляясь в частности, увидеть главное, провести комплексный анализ *отечественной* историографии за 200 лет существования, дать обобщенную характеристику ее содержательной стороны, тенденциям развития, а также указать на сильные и слабые стороны различных концепций.

В современных условиях, когда растет интерес к сравнительно-историческим исследованиям, важно более полно учитывать достижения иностранной историографии. В монографии в какой-то мере в самых общих чертах предпринята попытка реализовать такую задачу. Однако труды иностранных авторов затронуты лишь частично, поскольку выходят за рамки предмета исследования.

В настоящем сочинении сознательно не выделяются особенности литературы Русского зарубежья. Изучение каталогов крупнейших книгохранилищ страны: Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России – указало на незначительное количество эмигрантских сочинений, раскрывающих тему в прямой постановке. Кроме того, авторы Русского зарубежья по своим воззрениям, как правило, стояли на позициях дореволюционных историков и, следовательно, отражали один из уровней теоретического развития исторической науки.

В монографии исследуется комплекс литературы и документов, посвященных событиям 1812 г., от вторжения Великой армии Наполеона в пределы России 12(24) июня 1812 г. до изгнания интервентов с территории государства. Окончание войны автор настоящей монографии, в отличие от общепринятой даты 31.12.1812 г. (12.1.1813), связывает с официальным правительственным документом – царским манифестом от 25 декабря 1912 (6 января 1913 г.) «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского», который можно считать официальным объявлением окончания Отечественной войны 1812 года¹. При этом признается ее тесная взаимосвязь с участием Российской империи в антинаполеоновских коалициях 1805–1807 гг. и с заграничными походами русской армии 1813–1814 гг. Однако по своему социально-политическому содержанию, военно-политическим целям и задачам, характеру военных действий Отечественная война 1812 года занимает особое место в вооруженном противоборстве России с наполеоновской Францией. Историография военных действий русской армии против Наполеона в Европе является отдельной темой научных изысканий.

Хронологические рамки собственно историографического анализа включают в себя период от первых публикаций, появившихся еще в ходе военных действий в 1812 г., до современного состояния исследуемой проблемы.

¹ См.: О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского // ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 1. С. 486–487.

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

§ 1. Характеристика источниковой базы историографии и истории Отечественной войны 1812 года

Специфика изучения историографии Отечественной войны 1812 года во многом зависит от особенностей его источниковой базы. Главными элементами, которыми оперирует историограф, являются *историографические источники*. Под ними понимаются «те исторические источники, которые определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования»¹.

С учетом приведенного определения историографические источники подразделяются на относительно самостоятельные видовые группы и подгруппы. В качестве важнейших критериев для такой классификации выступают происхождение, особенности содержания, степень научных обобщений, адекватность отражения исторической действительности, тематическая направленность, виды публикаций, авторство и т. д. Ими определяется важность и место источника в иерархии источниковой базы исследования. Принимая во внимание перечисленные критерии, в качестве основных элементов источниковой базы настоящего исследования можно считать *литературу и документальные материалы*.

Под литературой в источниковедческом аспекте историографического исследования Отечественной войны 1812 года автор настоящей монографии понимает всю совокупность разнохарактерных, но вместе с тем тематически ориентированных печатных или рукописных общественно значимых произведений письменности. По уровню научного анализа и обобщений среди них ведущую роль играют монографии, диссертации, научные и научно-популярные статьи в периодической печати, тематических сборниках, справочно-энциклопедических изданиях и др. Отдельно выделяется учебная литература,

¹ См.: Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. С. 120.

включающая в себя учебники и учебные пособия или специальные разделы в них. К самостоятельной группе литературы относятся популярные книги и брошюры, рассчитанные на массового читателя. В исключительных случаях в качестве историографических источников могут выступать некоторые художественные произведения, например, «Война и мир» Л.Н. Толстого. Как правило, на основе учебной, научно-популярной и художественной литературы формируется общественное знание о войне 1812 года. Эти виды сочинений отражают устоявшиеся в исторической науке важнейшие концептуальные положения. Поэтому они также должны вовлекаться в процесс историографического анализа.

К литературе, как историографическому источнику, можно отнести мемуары и воспоминания, написанные свидетелями и непосредственными участниками войны. Особенности развития этого вида произведений будут рассмотрены в специальном параграфе.

Как сами события Отечественной войны 1812 года, так и ее историография, отражены в значительном количестве *документальных материалов*, позволяющих не только создать объективную и всесторонне аргументированную картину изучаемых событий, но глубже понять закономерности их научного осмысления.

Документальные источники по своей информативной направленности целесообразно подразделить на два вида: *относящиеся собственно к истории войны* и те, которые *раскрывают процесс становления и развития историографии*. Последние представлены, в первую очередь, делопроизводственной документацией государственных учреждений и источниками личного происхождения – сохранившимися в личных фондах историков письмами, черновиками докладов и выступлений, набросками статей, рецензиями на научные труды и т. п.

Наиболее важными при подготовке историографического труда являются документы, отражающие процесс формирования и развития научных представлений об истории Отечественной войны 1812 года. В первую очередь, это *постановления и решения государственных и партийно-государственных органов* о развитии исторической науки, о праздновании юбилеев войны, подготовке или издании конкретных научных трудов. Таковыми, например, в дореволюционный период являются решения «Особой Междуведомственной Комиссии», учрежденной в 1910 г. для празднования 100-летней годовщины войны¹. На развитие советской историографии темы значительное влияние ока-

¹ Анализ этих документов см.: Малышкин С.А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 152–159.

зывали постановление СНК и ЦК ВКП(б) СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР»; постановление СНК Союза ССР от 8 сентября 1945 г. «О 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова»¹; тезисы ЦК КП(б)У «Отечественная война 1812 года», посвященные 130-летию Отечественной войны 1812 года²; постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 15 августа 1945 г. «О Бородинском военно-историческом музее»³; решение Секретариата ЦК от 23 июля 1951 г. «К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года»⁴ и другие.

К этой группе источников тесно примыкают различные замечания, *мнения и решения первых лиц государства*, сделанные по поводу проектов издания крупных научных работ. Это касается указаний российских императоров о подготовке фундаментальных трудов и сборников документов, посвященных истории войны, их оценок научного творчества ведущих историков темы, содержания различных изданий и публикаций и по некоторым другим вопросам.

Определенную информативную значимость имеют правки и замечания И.В. Сталина на макетах учебников по истории СССР, представленных ему на рецензирование в 1935 и 1937 гг., а также сталинские письма и указания секретарей ЦК ВКП(б) по поводу критики взглядов Е.В. Тарле и т. п.⁵

Изучение таких первоисточников позволяет проследить влияние высших органов государственной власти на формирование официальных концепций Отечественной войны 1812 года.

В ходе проводимого исследования неопенимыми оказались *документальные материалы о работе научных конференций, ученых советов и совещаний историков по проблемам развития исторической науки* и историографии Отечественной войны 1812 года. Среди них – постановления заседаний Бюро Отделения исторических наук АН СССР (РАН), стенографические отчеты заседаний ученых советов, совещаний историков, печатные материалы с докладами и выступлениями историков. Например, особый интерес для понимания основных тенденций в развитии историографии темы в начале XX столетия представляли доклады ученых на торжественных собраниях Московского

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 231. Л. 7–8.

² См.: Отечественная война 1812 года. Киев, 1941 (на укр. яз.).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 226. Л. 51–52.

⁴ Там же. Оп. 119. Д. 441. Л. 167–175 об.; Оп. 116. Д. 600. Л. 4; Оп. 119. Д. 441. Л. 176.

⁵ Там же. Ф. 558. Оп. 3. Д. 218. С. 42–43; Д. 219. С. 77–80; Ф. 17. Оп. 133. Д. 5. Л. 5, 6 и др.

университета, заседаний военно-исторических обществ, посвященных столетию Отечественной войны 1812 года¹. Определенные выводы о состоянии изучаемой научной проблемы в середине XX в. автором монографии делались на основании стенограмм заседаний ученого совета Института истории АН СССР². Современные тенденции в развитии историографии Отечественной войны 1812 года отражены в материалах ежегодных конференций, проводимых в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, Малоярославецком военно-историческом музее Отечественной войны 1812 года, Музее-панораме Бородинская битва³.

Особую группу историографических источников, использованных в монографии, составляют документы, отражающие *процесс накопления и введения в научный оборот исторических источников*. К ним относятся сводные ведомости и описи о поступлении в архивы документальных материалов, листы использования историками архивных дел, аналитические записки и отчеты о проведенной архивной работе, о допуске в архивы исследователей, о подготовке документов к публикации и т. п. С их помощью анализировалось общее состояние источниковой базы, возможности историков в документальной аргументации выдвигаемых положений, круг вовлеченных в научный оборот архивных документов и некоторые другие вопросы.

Среди *личных документальных и эпистолярных материалов историков* большое значение имеют черновики неопубликованных рукописей и авторских предисловий к печатным изданиям, корректуры, автобиографии, анкеты, рецензии, частная переписка, дневниковые записи и др. Изучение этих источников позволило проследить динамику эволюции научных взглядов ведущих историков темы, степень зависимости их творчества от воздействия различных факторов, де-

¹ См.: Речи, произнесенные в торжественном заседании Совета Императорского Московского университета и Императорского Общества истории и древностей российских в память 1812 года // ЧИОИДР. М., 1913. Кн. 4. (243); Военно-исторический вестник. 1912. № 4; и др.

² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 457. Оп. 1(1956). Д. 487; Ф. 1577. Оп. 2. Д. 295, 487; и др.

³ См.: Материалы научных конференций «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», проходивших в Бородино в 1992–2001 гг. Бородино, 1992–2010; События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1995 (далее: События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии); Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы III науч. конф. Москва, 27 апреля 2000 г. М., 2000; и др.

тализовать условия подготовки крупных монографий, сборников документов и т. п. В свою очередь, это способствовало выявлению особенностей, тенденций и перспектив развития темы на различных этапах историографии. Большое количество таких материалов содержится в личных архивных фондах А.Н. Попова, С.П. Мельгунова, Б.М. Колюбакина, Е.В. Тарле и др.

Автор, как непосредственный участник современного развития историографии Отечественной войны 1812 года, использовал в своей работе *опыт личного участия* в научных форумах, рецензирования новых сочинений, подготовки собственных трудов к публикации, а также непосредственного общения с ныне здравствующими исследователями темы: В.М. Безотосным, В.А. Бессоновым, А.В. Горбуновым, В.Н. Земцовым, Л.Л. Ивченко, А.И. Поповым, А.А. Смирновым, С.В. Шведовым, В.П. Тотфалушиным, Н.А. Троицким и др.

Полученные таким путем сведения помогали глубже уяснить внутренний механизм развития современной историографии.

В качестве историографических источников использовались *сообщения периодической печати*, объясняющие историческую эпоху, в которой формировались новые воззрения на историю похода Наполеона в Россию. Они помогали оценивать общественную атмосферу как фактор, влияющий на научное творчество историков.

Специфическими историографическими источниками являются *документы, непосредственно запечатлевшие события 1812 г.* В зависимости от перечисленных ранее критериев они также имеют свою классификацию.

В первую очередь, выделяются *официальные правительственные источники*, включающие императорские манифесты, указы, рескрипты, решения различных правительственных учреждений, сообщения с театра военных действий и т. п.

Важное значение для проводимого исследования имела *делопроизводственная штабная документация*, состоявшая из переписки главнокомандующих и ответственных чиновников военного ведомства, реляций о сражениях и боях, журналов военных действий, журналов входящих и исходящих бумаг штабных канцелярий, рапортов и ведомостей по строевой части, тыловому обеспечению войск и т. п. Их изучение позволяет историографу самостоятельно судить о механизме функционирования армейского организма и о характере его интерпретации в исторических сочинениях. Кроме того, эти документы позволяли нам аргументировать собственную точку зрения в научной полемике.

Большинство исследователей Отечественной войны 1812 года считали штабную документацию бесспорной и основополагающей

при подготовке своих сочинений. Однако, как это было установлено в дореволюционной, а затем подтверждено в советской и современной историографии¹, ряд документов, составленных первым помощником и квартирмейстером штаба М.И. Кутузова К.Ф. Толем, имели гораздо более позднее происхождение и содержали много неточностей, опосредованных субъективистскими взглядами их автора. Между тем высокий авторитет К.Ф. Толя среди современников и первых историков войны способствовал активному вовлечению этих документов в научный оборот и формированию в исторической науке ложных представлений об отдельных событиях и фактах. Все это, в свою очередь, подчеркивает настоятельную необходимость критического отношения к любым, в том числе и документальным, источникам и необходимости их тщательной и всесторонней проверки.

Особое место в источниковой базе исследования занимают *первоисточники иностранного происхождения*. В русской дореволюционной литературе они публиковались отдельными коллекциями², избирательно привлекались к написанию научных трудов³. Можно констатировать, что только крайне незначительная часть советских историков использовала в своих работах французские архивные документы⁴. В целом для советской историографии было характерно критическое отношение к зарубежным источникам. По этой причине они всесторонне не анализировались и фактически не принимались

¹ См.: Геруа А.В. Бородино. СПб., 1912. С. 15; Тартаковский А.Г. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года. С. 414–415; Васильев А.А., Ивченко Л.Л. Девять на двенадцать, или Повесть о том, как некто перевел часовую стрелку // Родина. 1992. № 6–7. С. 65 (далее: Васильев А.А., Ивченко Л.Л. Девять на двенадцать...); и др.

² См.: Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника. Т. 1. Исходящая переписка маршала Даву (с 14 октября по 31 декабря 1911 года). СПб., 1903; Николай Михайлович, Вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812: в 8 т. СПб., 1905–1914; Беляев В. К истории 1812 года: письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Италианскому. СПб., 1905; и др.

³ См., напр.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. IV–V.

⁴ По данным В.М. Безотосного, лишь четверо советских историков, занимавшихся тематикой 1812 года, имели доступ к французским архивохранилищам: Е.В. Тарле, А.З. Манфред, П.А. Жилин (использовал незначительное количество и в научном отношении маловажных документов) и Б.И. Дундулис (долгое время проработавший во французских архивах). См.: Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1990. № 3. С. 217.

в расчет при написании научных трудов. Новая тенденция обозначилась со второй половины 90-х годов, когда этому вопросу стало уделяться более пристальное внимание. Состав и содержание в первую очередь французских архивных материалов составили предмет специальных публикаций¹. В современной историографии также отмечено появление научных трудов, построенных преимущественно на зарубежных источниках². Источниковедами справедливо отмечено, что изучению иностранных материалов и введению их в научный оборот препятствуют главным образом трудности языкового барьера. Для комплексного изучения источниковедческих проблем войны 1812 года от историков требуется обязательное знание французского, а также польского и немецкого языков³.

Основная часть документов по вопросам развития историографии темы сосредоточена в различных архивохранилищах. В ходе подготовки монографии активно использовались фонды Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива Российской академии наук (РАН), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального государственного исторического архива Москвы (ЦГИАМ), отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Документы, непосредственно отражающие события 1812 г., также рассредоточены по многочисленным архивам. Кроме упомянутых РГВИА и ОР РГБ, документальные комплексы по истории похода Наполеона в Россию отложились в Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), отделе письменных источников Государственного истори-

¹ См.: Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года. С. 212–219; Васильев А.А. Обзор французских документов-трофеев Отечественной войны 1812 года, хранящихся в фонде и коллекциях Военно-ученого архива // Документальные реликвии Российской истории. 200-летие Военно-ученого архива. М., 1998. Труды РГВИА. Вып. 2. С. 123–134 (далее: Документальные реликвии Российской истории); и др.

² См., напр.: Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999; Попов А.И. Бородинское сражение: боевые действия на северном фланге. Самара, 1995; и др.

³ См.: Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года. С. 212.

ческого музея (ОПИ ГИМ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Следует также отметить, что большое количество разнообразных материалов о войне 1812 года сосредоточено в региональных государственных архивах Белоруссии, Литвы, Украины, Калужской, Московской, Смоленской, Тульской и других областей. Их изучение началось еще в начале XX столетия, а повышение исследовательского интереса в современных условиях к фондам местных архивохранилищ стимулировало написание новых научных трудов¹.

Документы центральных и региональных архивов к настоящему моменту систематизированы, описаны и вполне доступны каждому исследователю. Более того, значительная часть источников публиковалась в периодической печати и издавалась отдельными сборниками. Характеристика архивных фондов и документальных публикаций в обязательном порядке предваряет диссертационные исследования. Обзор документальных источников неоднократно давался в ряде монографий и источниковедческих статей².

Однако до настоящего времени проблема всестороннего и полного исследования документальных источников по истории и историографии нашествия Наполеона на Россию остается нерешенной. Специальных комплексных научных работ с подробным анализом

¹ См.: Прохоров М.Ф. Фили в 1812 году: Новые документы и материалы // Калужская губерния на II этапе Отечественной войне 1812 года: Проблемы изучения. Персоналии. Памятники: Сб. Малоярославец, 1998. С. 49–57; Бессонов В.А. Калужский военный орданан-гауз // Там же. С. 88–100; Голикова Н.И. О праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года: по материалам Вологодской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (IX). С. 81–85; Малышкин С.А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. С. 152–159; и др.

² См.: Указатели к Бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 года. Собр. и изд. П.И. Шукиным / сост. П.И. Миллер. М., 1912; Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957. Очерк 6. С. 247–252; Чернов А. Документальные материалы по военной истории в государственных архивах СССР // Военно-исторический журнал. 1959. № 10. С. 117–122; Каталог рукописных материалов о войне 1812 года. Л., 1961; Березняков Н. Слава русского оружия: отражение Отечественной войны 1812 года в документах архива МССР // Днестр. 1962. № 8. С. 146–150; Из истории партизанского движения в 1812 году: обзор материалов ЦГВИА / подгот. В.К. Головников // Вопросы архивоведения. 1962. № 2. С. 105–107; Жилин П.А. Отечественная война 1812 года; Петров Ф.А. музей 1812 года // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 183–188; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 9–11; и др.

процесса накопления, описания и публикации таких документов еще не подготовлено. Между тем архивные материалы позволяют воссоздать полную и достоверную историю комплектования различных архивохранилищ документацией, создания ее научно-справочного аппарата (НСА). Для современного источниковедения определенный интерес могут представлять принципы, формы и методы работы архивистов по подготовке этого документального комплекса к печати. Представляется важным изучение истории научного использования документов из фондов старейших государственных архивов.

Специфика предмета настоящей работы не предполагает детального и всестороннего анализа источниковедческих аспектов темы. Эта крупная проблема, как уже отмечено, требует самостоятельного изучения. Тем не менее исследование историографии Отечественной войны 1812 г. окажется неполным, если хотя бы кратко не коснуться пока еще мало исследованных вопросов источниковедения.

Не требует особых доказательств тот факт, что первые *документальные источники, отражавшие официальную правительственную точку зрения на войну с французами*, стали разрабатываться сразу с началом наполеоновского вторжения. Большинство царских манифестов, указов, рескриптов, правительственных обращений к народу и личному составу армии первоначально публиковалось в периодической печати, а впоследствии были включены в отдельный сборник¹. Также известно, что автором большинства официальных правительственных документов, призванных играть мобилизующую роль в борьбе с врагом, являлся Государственный секретарь А.С. Шишков².

О событиях на театре военных действий население также информировалось через газеты и журналы. *Сообщения из войск* помещались главным образом в «Прибавлениях» к газете «Санкт-Петербургские ведомости». Вскоре после войны они были объединены в сборник «Известия о военных действиях русских войск против французов в 1812 году»³.

¹ См.: Собрание Высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, проследовавших в течение 1812, 813, 814, 815 и 816 годов. СПб., 6. г.

² Подробнее см.: Михайлова Н.И. А.С. Шишков – автор правительственных манифестов 1812–1814 гг. // Тезисы науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992. С. 77–80; Палицын Н.А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Июнь. С. 476–491.

³ См.: Известия о военных действиях российской армии против французов 1812, 1813 и до окончания войны 1814 года: в 3 т. Собрал Койленский. СПб., 1814.

Известно, что Александр I лично редактировал готовившиеся к печати документы. Наиболее известный пример такой правки текста связан с подготовкой к опубликованию донесения М.И. Кутузова о Бородинском сражении. Из содержания реляции главнокомандующего царь исключил абзац с сообщением о тяжелых потерях в войсках и принятом решении продолжить отступление русской армии к Москве¹. Такое избирательное отношение правительства к информации о подлинном положении дел на главном стратегическом направлении исследователи впервые отметили во второй половине 80-х годов XIX в.² Более поздние аналитики считали, что по этой причине обнародованные сразу за происходившими событиями официальные информационные сообщения не могут являться достоверным источником³.

Подобная точка зрения в какой-то мере опровергается современными исследованиями истории Отечественной войны 1812 года. В частности, В.М. Безотосный обратил внимание на редкое использование историками официальных правительственных сообщений из действующей армии. Проводя аналогию с известными бюллетенями Великой армии, он соглашался с тем, что «Известия...» прямо преследовали цель информирования русского общества о военных событиях в нужном для правительственных кругов русле и создания определенного общественного мнения. Исследователь рассматривал этот комплекс документов как важную составную часть пропагандистской машины, созданной и инициированной усилиями Александра I и разнообразность военной публицистики 1812 года.

Вместе с тем сравнительным анализом первых правительственных сообщений с театра военных действий с другими документальными свидетельствами, относящимися к этому времени, В.М. Безотосный убедительно показал, что русское командование сразу четко придерживалось концепции стратегического отхода вглубь российской территории перед превосходящими силами противника, отказа от генерального сражения до момента равенства сил, затягивания войны по времени⁴.

¹ Ср.: Северная почта. 1812. № 70. 31 августа; М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. Документ № 187. С. 154–155.

² Сравнительную характеристику публикации с оригиналом см.: Попов А.Н. Москва в 1812 году. Кн. 3. С. 176.

³ См.: Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. С. 250.

⁴ См.: Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010. С. 151–153.

В послевоенные десятилетия, вплоть до начала 70-х годов XIX в., публикации архивных документов были весьма незначительны. Первоисточники из государственных архивов использовались только при написании официальных историй войны А.И. Михайловским-Данилевским и М.И. Богдановичем, которые помещали их непосредственно в тексте или выносили в приложения¹. Однако в ряде случаев исследователи предпочитали обходить негативные факты войны и по этой причине корректировали публикуемые документальные материалы. С этой целью, например, А.И. Михайловский-Данилевский исключил из текста донесения князя М.И. Кутузова императору от 19 августа из Гжатска замечания о поимке специальными отрядами ополчения более 2000 русских дезертиров и мародеров². Сокращения документов историк допускал и в некоторых других случаях³.

Своеобразный прорыв в публикации документов по Отечественной войне 1812 года произошел в последней четверти XIX столетия, когда началось массовое издание новых ранее не известных научной общественности первоисточников. Большое их количество, преимущественно из частных коллекций, публиковалось в исторической периодике. Только один популярный журнал «Русская старина» за период с 1870 по 1912 г. поместил на своих страницах 324 документальных публикации, а также мемуаров и воспоминаний, относящихся к эпохе наполеоновских войн. Основная их часть была представлена копиями документов, дневниками, записками и письмами участников и очевидцев событий.

Много не доступных ранее исследователям документальных материалов содержалось в «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 года», собранных и изданных на свои средства меценатом купцом П.И. Щукиным⁴. Обширное эпистолярное наследие войны публиковалось в сборниках, подготовленных известным военным источниковедом, генерал-лейтенантом Н.Ф. Дубровиным⁵.

¹ См.: Описание Отечественной войны в 1812 году, по Высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. Ч. 1–4. СПб., 1839 (далее: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году); Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года.

² Ср. анализ см.: М.И. Кутузов: Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 96.

³ Ср. анализ см.: Там же. Т. IV. Ч. 1. С. 159, 176, 185, 193; и др.

⁴ См.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным: Ч. 1–10. М., 1897–1908.

⁵ См.: Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812–1815): Приложение к XLIII тому записок Императорской Академии

К концу XIX в. постепенно начали открываться фонды некоторых государственных архивов. Большое значение для изучения истории Отечественной войны 1812 года имела публикация материалов из Собственной его императорского величества канцелярии¹.

Между тем основной массив документов, состоявший из переписки высших государственных лиц и учреждений, а также армейской оперативной документации, к этому времени оказался сосредоточенным в Военно-ученом архиве Главного штаба в Петербурге и в Московском отделении Общего архива Главного штаба (Лефортовском архиве). Научная обработка этих материалов проводилась в рамках архивной работы по упорядочению хранения документальных материалов, созданию необходимого НСА.

Во второй половине XIX – начале XX в. Военно-ученый архив Главного штаба (ВУА) являлся самым крупным хранилищем архивных документов по истории 1812 г. Его фонды комплектовались наиболее ценными первоисточниками по истории войны.

Напомним, что Военно-ученый архив, один из первых военно-исторических архивов Российской империи, получил свое начало 13 ноября 1796 г. В этот день последовало повеление Павла I о передаче старых карт, планов и дел Управления Департамента Генерального штаба под начало генерал-адъютанта, вице-адмирала и вице-президента Адмиралтейств-коллегии Г.Г. Кушелева. Данное собрание архивных документов вошло в состав образованного в августе 1797 г. Собственного е. и. в. Депо карт. Первоначально Депо располагалось в Зимнем Дворце. С течением времени, в связи с активным пополнением его фондов новыми материалами, оно было переведено в новое здание на Дворцовой площади.

В 1812 г. это архивохранилище составило основу вновь образованного архива Военно-топографического депо (ВТД). В 1863 г. Архив ВТД был переименован в Военно-исторический и топографический архив. В 1867 г. указанный архив поступил в ведение Военно-ученого комитета Главного штаба и получил название Военно-ученого архива Главного штаба, а в 1906 г. был подчинен Главному управлению Генерального штаба².

наук № 1. СПб., 1882; Его же. Письма главнейших деятелей Императора Александра I (с 1801 по 1829 г.). СПб., 1883.

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива первого отделения собственной его императорского величества канцелярии / под ред. Дубровина. Вып. 1–14. СПб., 1876–1906. Вып. 1–2, 10–12 и 14.

² В начале 1918 г. вся документация Военно-ученого архива была передана в Московское отделение Общего архива Главного штаба. В 1925 г. Военно-ученый архив был объединен с другими военными архивами в

Во второй половине XIX в. в Военно-ученом архиве была проведена масштабная работа по систематизации и упорядочению хранения документов. В 1867–1870 гг. специальная комиссия под председательством известного военного историка генерал-лейтенанта М.И. Богдановича разработала новую схему классификации и методику описания архивных дел. Однако в дальнейшем выявилось ее несовершенство. Поэтому созданный по итогам работы комиссии научно-справочный аппарат (НСА) в начале XX столетия подвергся дополнительной переработке¹.

Документальные материалы по истории 1812 г. начали поступать в ВУА со второй половины декабря 1815 г., когда генерал-квартирмейстерская часть Главного штаба, под руководством генерала К.Ф. Голя стала истребовать от командиров воинских соединений и частей «сведений для сочинения военной истории 1812 года»². Кроме картографических материалов, сюда же поступали секретные документы от первых лиц, возглавлявших русскую армию во время войны с Наполеоном. В течение нескольких десятилетий был накоплен большой объем архивных материалов. Среди них имелись уникальные первоисточники, как, например, деловые бумаги М.Б. Баркляя де Толли, содержащие ранее «самые секретнейшие дела, известные только Государю императору» и самому Барклаю³. Часть этих дел, в частности раскрывавших планы российского командования на вторжение в Пруссию осенью 1811 г., хранилась в секретной части ВУА в «запечатанном печатью Начальника Главного штаба конверте», который «не велено распечатывать без его повеления и хранить в тайне»⁴. В различное время в Военно-ученый архив поступили подлинники приказов по Западным армиям, журналы военных действий, картографические материалы, переписка Александра I, А.А. Аракчеева, М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, П.Х. Витгенштейна и другие документы особой важности. Здесь же хранились документы, собранные известным историком Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенантом

Военно-исторический архив РСФСР в Москве. Ныне его материалы составляют значительную часть фондов современного Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

¹ Подробнее о создании НСА Военно-ученого архива см.: Пучкова О.А. Научно-справочный аппарат Военно-ученого архива: история развития // Документальные реликвии Российской истории: 200-летие Военно-ученого архива / сост. М.Р. Рыженков. Труды Российского государственного военно-исторического архива. Вып. II. М., 1998 (далее: Труды РГВИА). С. 14–36.

² РГВИА. Ф. 37. Оп. 1/191. Св. 2. Д. 12; Св. 51. Д. 31, 32.

³ Там же. Св. 3. Д. 27. Л. 1.

⁴ Там же. Св. 16. Д. 183. Л. 5.

А.И. Михайловским-Данилевским. Разложенные по 224 папкам с общим названием «Материалы, служащие к описанию войны против французов и союзников их в царствование имп. Александра I в 1812 году», они были сведены в 13 томов архивного дела. Среди них особое место занимала богатейшая коллекция воспоминаний участников войны¹. Большая часть всех этих документов была описана, систематизирована и включена отдельной рубрикой «Отечественная война 1812 года» в общий каталог Военно-ученого архива, составленный М.О. Бендером².

В течение всего XIX столетия основным массивом документов ВУА по истории Отечественной войны 1812 г. могли пользоваться только официальные историки войны А.И. Михайловский-Данилевский и М.И. Богданович. Некоторые из архивных документов, иногда с сокращениями, приводились в их сочинениях. Тем не менее до начала XX в. архивная документация «Двенадцатого года» оставалась недоступной для широкого круга исследователей. Например, в 1899 г. для работы «на общих основаниях» допуск в Военно-ученый архив получили всего лишь 23 историка. В 1900 г. в архиве работало 22 ученых, а в 1901 г. их число возросло до 25³. Тематика проводимых исследований преимущественно касалась составления полковых историй. За упомянутый трехлетний период автору настоящей монографии не удалось обнаружить ни одного разрешения Военно-ученого комитета для работы с материалами по 1812 г. Даже такому известному исследователю «Двенадцатого года», как В.И. Харкевич, в 1900 г. официально было разрешено пользоваться только делами, «относящимися до полковых историй»⁴.

В начале XX в., в преддверии столетнего юбилея войны, руководство Военным министерством сочло необходимым подготовить фундаментальную публикацию материалов Военно-ученого архива о 1812 г. Инициатором этого обширного издательского проекта стал управляющий Военно-ученым архивом Генерального штаба подполковник Александр Захарьевич Мышлаевский. Приняв в 1899 г. под свое начальство архив, он внес на рассмотрение военного министра

¹ Подробнее о судьбе архива А.И. Михайловского-Данилевского и его коллекции мемуаров см.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 218–224; Малышкин С.А. Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и судьба его архива // Труды РГВИА. С. 104–122.

² См.: Каталог Военно-ученого архива Главного штаба, сост. кап. Бендером / под ред. полк. Вивьен де Шаторбрена. СПб., 1905. Т. 1. С. 302–329.

³ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 100. Л. 3–72.

⁴ РГВИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 100. Л. 28.

предложение об опубликовании основного содержания данного документального комплекса¹.

По замыслу архивиста все публиковавшиеся под эгидой Военно-ученого архива материалы делились на самостоятельные отделы. К первому, официальному, отделу относилась переписка правительственных лиц и учреждений, раскрывавшая подготовку к войне и ход военных действий. Сюда также включалась делопроизводственная документация армейских штабов и журналы военных действий. В состав второго, неофициального, отдела вошли «бумаги, отбитые у неприятеля». Самостоятельный отдел составили, дневники, записки и воспоминания современников войны, которые «должны быть рассматриваемы как естественное дополнение к изданиям Архива»².

А.З. Мышлаевский определил основные принципы издательской деятельности. Вся архивная документация печаталась «не входя в определение сравнительной исторической ценности документов». В сборник включались как неопубликованные, так и ранее публиковавшиеся первоисточники, чтобы ссылки на другие публикации не нарушали «целостность издания». При опубликовании первоисточников выдерживалась их хронологическая последовательность и строго соблюдалась орфография оригиналов. Подлинные пометки, надписи и резолюции на документах, как имеющие особую цену для исследователей, воспроизводились «на выносках» соответствующих страниц текста. Трофейные документы издавались без русского перевода, исходя из соображения, «что для исследователя Отечественной войны 1812 г. знание важнейших иностранных языков совершенно необходимо»³.

В 1900 г., после утверждения издательского проекта Николаем II, на его реализацию Военным министерством было выделено 6,5 тыс. рублей. Отбор и редактирование российской документации для официального отдела издания проводили штатные офицеры архива подполковник Илинский и ротмистр Первощеков. Редакция готовившихся к печати трофейных документов, отбитых у противника в ноябре 1812 г., была поручена начальнику путей сообщения Виленского военного округа Генерального штаба подполковнику В.И. Харкевичу.

¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 122. Л. 27 об. Издательская деятельность архива началась в первой половине 70-х годов. За период с 1871 по 1911 г. вышло 27 объемных сборников документов Военно-ученого архива по военной истории Российской империи (подсчитано по: Военно-архивное дело. С. 496).

² РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 129. Л. 2–4; Д. 148. Л. 2.

³ Там же. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–2.

По его же инициативе планировалось опубликовать самостоятельным отделом наиболее интересные воспоминания и дневники участников войны из коллекции популярного историка войны 1812 года А.И. Михайловского-Данилевского. С 1902 г. по просьбе руководства Военно-ученого комитета свое согласие на участие в издательской деятельности дал Н.Ф. Дубровин¹.

Первоначально общее руководство составительской работой осуществлял А.З. Мышлаевский, впоследствии сменившие его на посту начальника Военно-ученого архива М.О. Бендер, Е.А. Искринский и др.²

Упорядоченность фондов Военно-ученого архива позволила начать издание сборника документов в короткое время. Уже в феврале 1900 г. Мышлаевский докладывал военному министру о готовности приступить к публикации первых шести томов объемом 30–40 п. л. каждый. В декабре этого же года первый том документов вышел в свет. К началу 1902 г. было опубликовано еще два выпуска и два сданы в набор.

Вместе с тем столь успешно начатая издательская деятельность в 1902 г. оказалась «накануне прекращения по истечению денежных сумм и недостатку рабочей силы». Выход из кризисного положения ответственный за выпуск А.З. Мышлаевский видел в расширении количества писарей из числа «лиц по вольному найму, с широким привлечением женского труда, как более дешевого». По его мнению, это значительно разгрузило бы штатных офицеров архива, которые должны были заниматься только подготовкой отобранных материалов к печати. На таких условиях, при выделении денежного кредита в 13–15 тыс. рублей, «по полному напряжению издательских работ», Мышлаевский считал возможным ежегодно публиковать до 8–10 томов документации архива общим объемом в 200 п. л.³

Предложения управляющего Военно-ученым архивом были приняты во внимание в Главном штабе. После выделения новых ассигнований выпуск сборника был продолжен. В преддверии столетия Отечественной войны 1812 года издательская деятельность осуществлялась в ускоренном темпе. В 1911 г. вышло рекордное число томов (4 тома: с 15 по 18 т.), тогда как в предшествующие годы и в последу-

¹ Там же. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–1 об., 7, 32–33.

² См.: Дьяков В.А. Об использовании документальных материалов Центрального государственного военно-исторического архива русскими военными историками периода капитализма // Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР. 1958. № 9. С. 109.

³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 122. Л. 1, 13, 28–30 об.

ющем юбилейном году их издавалось не более двух. К концу 1912 г. уже было издано 20 выпусков (19 томов) материалов Военно-ученого архива. Но, несмотря на все прилагаемые усилия, к юбилейным торжествам издание оказалось незавершенным. Только после годичного перерыва, в 1914 г., вышел последний 21-й том официальной части издания. Ее общая стоимость обошлась Военному министерству в 27 000 рублей. Объем опубликованной российской документации составил 22 выпуска (первый том состоит из 2-х частей) в 530 п. л. Тираж каждого выпуска состоял из 500 экземпляров¹. По содержанию первые 12 томов (13 выпусков) охватывают период подготовки России к войне с 1 января 1810 г. по 11 июня 1812 г. Документы, отражающие собственно военные действия с 12 июня по 31 декабря 1812 г., включены в 13–21 тома.

Археографическое оформление первого отдела печатных материалов Военно-ученого архива неоднородно. Например, выпуски, подготовленные под руководством и при непосредственном участии А.З. Мышлаевского, выгодно отличаются от последующих томов. В первых 14 томах строго выдержаны все установленные правила археографии. Документы в этих изданиях расположены в строгом хронологическом порядке. Заголовки первоисточников полностью соответствуют их содержанию. Составители полно указали исходные данные, включая листовую нумерацию каждого документа. Все документы воспроизведены на языке оригинала с соблюдением подлинной орфографии и пунктуации. Резолюции и другие пометки, имеющиеся на первоисточнике, выносились в подстрочник. К некоторым документам давались необходимые пояснения. В этих выпусках имеются указатели имен, воинских частей и гражданских учреждений, географических названий. Последующие выпуски оформлены хуже. Часть материалов опубликована бессистемно – группами документов или целыми делами. Содержание документов не всегда соответствует их заглавию. Например, опубликованный в 21 томе издания «Журнал военных действий отряда генерал-адъютанта Чернышева в 1812, 1813, и 1814 гг.» фактически представляет собой не поденные записи происходивших событий, а общие рассуждения о войне 1812 года со сведениями об участии в ней А.И. Чернышева². Исходные данные материалов здесь приводятся не полностью, либо вообще отсутствуют. Без указания поисковых данных опубликованы, например, военные журналы 1-й Западной армии, составленные

¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 129. Л. 4.

² См.: Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отд. 1. Т. 21. С. 468–471.

генерал-майором Мухиным и полковником К.Ф. Толем¹. В последних выпусках нет редакционных ссылок и пояснений, а также тематических указателей. Такая дифференциация в оформлении отчасти объясняется стремлением руководства Военного министерства ускоренно завершить сборник документов к столетию Отечественной войны. С 1911 г. издание документов фактически оказалось поставленным на поток, что не могло не сказаться на качестве публикации.

В 1903 г. под эгидой Военно-ученого архива отдельной книгой вышли «Бумаги, отбитые у противника». Первый и единственный их том содержал в себе исходящую переписку маршала Даву с 14 октября по 31 декабря 1811 г.² Дальнейшего развития этот второй или неофициальный отдел не получил из-за преждевременной смерти в 1906 г. его составителя В.И. Харкевича.

Комплекс материалов Военно-ученого архива, опубликованный в начале XX столетия, также включает в себя несколько изданий дневников, записок и воспоминаний современников 1812 г., участников войны, издававшихся под редакцией В.И. Харкевича³ и К.А. Военского⁴.

Таким образом, весь объем материалов об Отечественной войне 1812 г., опубликованных Военно-ученым архивом за 14 лет, с учетом трофейных французских документов и мемуаров, изданных В.И. Харкевичем и К.А. Военским, составил 28 отдельных выпусков.

Одновременно с Военно-ученым архивом огромное количество документов о войне 1812 года к началу XX в. накопилось в *Московском отделении Общего архива Главного штаба* (Лефортовском архиве). Известно, что этот архив образован повелением Александра I 7(19) февраля 1819 г. под названием Московское отделение архива Инспекторского департамента Главного штаба е.и.в. Почти 50 лет он располагался в Кремле в здании Сената. В 1866 г. архив был переведен в Лефортовский дворец (ныне здание РГВИА), откуда и пошло его неофициальное название «Лефортовский». С 1863 г. архив назывался Московским отделением Общего архива Инспекторского де-

¹ Там же. Т. 15. С. 1–9, 10–24.

² См.: Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отд. 2. Бумаги, отбитые у противника. Т. 1. Исходящая переписка маршала Даву (с 14 октября по 31 декабря 1811 года). СПб., 1903.

³ См.: Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы Военно-ученого архива. Вып. 1–4. Вильна, 1900–1907.

⁴ См.: Военский К.А. Отечественная война 1812 года в записках современников: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1911.

партамента, а с 1865 г., в связи с ликвидацией Инспекторского департамента и образованием Главного штаба, Московским отделением Общего архива Главного штаба; под этим названием он просуществовал до 1918 г.

Лефортовский архив предназначался для хранения утративших практическое значение дел отложившихся в результате деятельности ликвидированных и продолжавших существовать учреждений Военной коллегии и Военного министерства, а также действующих армий XVIII–XIX вв., канцелярий и «дежурств» русских полководцев и военачальников. Он активно комплектовался в течение всего XIX в. материалами из Петербурга. Например, крупная «присылка новых дел» ожидалась в 1869 г. К этому времени в архиве уже находилось 960 200 единиц архивного хранения. В начале XX в. (по состоянию на 1907 г.) их количество возросло до 1 493 316 единиц архивного хранения, которые размещались на 4–5-ярусных стеллажах, общей протяженностью 28 верст (44,8 км). Основной массив архивной документации этого архивохранилища охватывал исторический период с 1719 по 1864 г.

Материалы по истории Отечественной войны 1812 года стали направляться в архив в 20-е годы XIX в. Так, в 1826–1833 гг. сюда поступили дела из канцелярий главнокомандующих Западными армиями, командиров корпусов Ф.П. Уварова, П.Х. Витгенштейна, военного министра (с 24 августа 1812 г.) А.И. Горчакова, других видных военачальников¹. Поступление документов продолжалось и в дальнейшем. К концу столетия в фондах архива оказались сосредоточенными дела высших органов военного управления периода Отечественной войны. Среди них материалы из канцелярий цесаревича Константина Павловича, военно-походной канцелярии е.и.в. с журналами военных действий, рапортами командиров различных кавалерийских частей, о снабжении войск артиллерийским имуществом, обмундированием продовольствием². Наибольший интерес для исследователей и до настоящего времени представляют сосредоточенные в фонде канцелярии Военного министерства планы кампаний и журналы военных действий против Наполеона в 1812–1815 гг., донесения соединений и частей о подвигах в Отечественной войне 1812 года и о награждении их за подвиги, оперативная документация 1-й, 2-й, 3-й Западных и Главной (под командованием М.И. Кутузова)

¹ РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 177, 179, 180, 195, 209, 213 и др.

² Центральный государственный военно-исторический архив: Путеводитель. М., 1979. С. 50, 51.

русских армий, а также 1-го отдельного корпуса генерала П.Х. Витгенштейна¹.

Сами архивисты в конце XIX в. признавали, что Лефортовский архив «не есть архив, правильно организованный из дел какой-либо одной административной части. Это не более и не менее как склад дел прошедшего XVIII в. и нынешнего столетия всех военных управлений»². Ценнейшие документы хранились в мало приспособленных для этого помещениях. Многие из них «вследствие неудовлетворительного состояния зданий Лефортовского дворца» были «издавна подвержены губительному влиянию сырости...» и «...в большей или меньшей степени» разрушались³. Материалы имели связки «несшитых, нумерованных бумаг ... ведомости и строевые рапорты, приказы, диспозиции» были «разбросаны без системы»⁴. «Неупорядоченность хранения актов» требовала «заняться выяснением общего состава и содержания дел этого архива, касающихся Отечественной войны 1812 года». Затем, на основании составленной описи, архивные дела предполагалось группировать «по степени их важности». Только после выполнения этой трудоемкой работы можно было приступить к «выработке общего плана последовательного издания актов»⁵.

Однако эту работу невозможно было выполнить ограниченным штатом сотрудников архива. В связи с резким расширением архивных фондов еще в марте 1875 г. управляющий Московским отделением Общего архива Главного штаба настаивал на расширении штатов архива. В 1900 г. по решению военного министра для выявления архивных дел по истории 1812 г. и для составления их карточного каталога в Лефортовском архиве было создано особое описательное делопроизводство. Новое подразделение первоначально возглавил статский советник Д.И. Васильев, впоследствии его сменил капитан Николай Петрович Поликарпов, перешедший в архив с должности

¹ См.: Там же. С. 61; Военно-архивное дело. С. 497; Печатные описи № 125, 151–152, 156, 160–161, 208, 240, 291–293 и другие, хранящиеся в читальном зале РГВИА.

² Цит. по: Богданов Г.В. Методика описания документальных материалов и издания описей Московского отделения Общего архива Главного штаба (1901–1907) // Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР. 1958. № 9. С. 84.

³ РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 17. Л. 26–26 об.

⁴ Цит. по: Богданов Г.В. Указ. соч. С. 88–89.

⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 123. Л. 7.

помощника заведующего библиотекой Главного штаба¹. Отделение состояло из 3 офицеров, 5 «составительниц карточек» и 1 писаря. Перед этим небольшим научным коллективом была поставлена поистине грандиозная задача: выбрать и описать из огромного количества дел, принадлежащих 150 учреждениям², все, что относилось к истории похода Наполеона в Россию. Плохое состояние документальных материалов тормозило работу. Зачастую офицеры «особого делопроизводства» вынуждены были заниматься «формированием дел из россыпи, восстановлением внешних архивных признаков дел»³. К этому добавлялись тяжелые условия труда. В помещениях, где работали «классные чины и составительницы карточек», почти круглый год стояла низкая температура. Поэтому «в целях предупреждения простуды» сотрудники отделения были «снабжены войлочными подстилками под ноги». В «хранительской комнате» зимой нельзя было работать «иначе как только в меховом пальто, теплых галошах и шапке»⁴.

На первых порах в работе сотрудников делопроизводства, в большинстве своем не имевших никакого практического опыта создания НСА, появились серьезные затруднения. Для их разрешения в конце августа – начале сентября 1901 г. из Военно-ученого архива в Москву был командирован А.З. Мышлаевский. В течение трех дней, с 31 августа по 2 сентября, он инспектировал особое делопроизводство, с целью выяснить и дать ответ на «возникшие недоразумения» по порядку описания архивных дел.

В результате было уточнено около 30 вопросов, связанных с подготовкой архивных документов к описанию. В частности, Мышлаевский настаивал на том, чтобы дела из архива сдавались особому делопроизводству «в том виде, в каком они находятся в архиве, по возможности целыми описями сразу». Не систематизированные по тематике бумаги одного дела он рекомендовал располагать в хронологическом порядке. Случайно попавшие в связки документы должны были оставаться в них, но на описательных карточках при этом полагалось делать специальную отметку. Одно из важнейших требований А.З. Мышлаевского, как и при публикации документов Военно-ученого архива, состояло в том, чтобы «не входить в оценки исторической ценности бумаг» и ни в коем случае их не уничтожать.

¹ РГВИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 101. Ч. 2. Л. 194; Список полковникам по старшинству, состоящим по 1-е марта 1912 года: в 3 ч. СПб., 1812. Ч. II. С. 40.

² РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.

³ Богданов Г.В. Указ. соч. С. 89.

⁴ РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 17. Л. 22 об.

«Оценка бумаг вещь условная и крайне растяжная. В самых ничтожных бумагах находят путеводную нить для исторических разысканий», – наставлял своих коллег известный архивист. Были даны и другие указания, разрешавшие поставленные руководством делопроизводства вопросы.

Главный недостаток при пробном составлении карточного каталога А.З. Мышлаевский усмотрел в отсутствии единых требований к оформлению описательных карточек. По этому поводу им также были даны необходимые указания. В целом начальник Военно-ученого архива считал, что делопроизводство в основном завершило подготовку «к систематическому описанию дел Архива ... и может считаться вполне подготовленным для дальнейшего ответственного ведения работ»¹.

Инспективная поездка Мышлаевского дала положительный результат. Работы по описанию дел сразу пошли с «необычайной энергией». В течение двух лет своей деятельности личный состав отделения сумел описать 21 128 единиц хранения, относящихся к войне 1812–1814 гг.² Высокие темпы достигались, прежде всего, благодаря самоотверженности «чинов делопроизводства, беззаветно отдающих делу все свои досуги», хотя они, кроме мизерной зарплаты³ и «нравственного удовлетворения... ничем иным» не вознаграждались⁴.

В Главном штабе имелись определенные планы начать публикацию документов Лефортовского архива к столетию Отечественной войны 1812 года, «когда появление материалов в полном объеме будет особенно ценно». Но масштабность стоящих перед небольшим делопроизводственным отделением задач ставила под сомнение возможность их выполнения. Выход из создавшегося положения некоторым высокопоставленным военачальникам виделся в расширении круга участников архивных работ, вплоть до привлечения к ним широких кругов общественности. В марте 1903 г. командующий войсками Московского военного округа великий князь Сергей Александрович предложил Военному министру А.Н. Куропаткину для описания архивных документов по войне 1812 года создать при штабе

¹ Там же. Ф. 492. Оп. 1. Д. 101. Ч. 2. Л. 175–178, 188–192.

² Там же. Ф. 474. Д. 123. Л. 7–7 об.

³ Среднемесячный заработок составительниц карточек составлял 25–30 рублей. Как отмечал А.З. Мышлаевский: «Сумма эта при удаленности архива от центра города решительно ничтожна». Поэтому, чтобы не допустить текучести кадров, он предложил вышестоящему командованию увеличить денежное содержание указанной категории сотрудников делопроизводства до 30–35 рублей в месяц (РГВИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 101. Ч. 2. Л. 193).

⁴ РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 17. Л. 28; Ф. 474. Оп. 1. Д. 122. Л. 27 об.

МВО специальную комиссию. В состав комиссии планировалось ввести 10 офицеров генерального штаба с 10–20 переписчицами из числа вольнонаемных женщин. Кроме того, предполагалось, что к разбору архива «могут быть допущены вообще гг. офицеры, служащие в округе, и частные лица, интересующиеся историей и желающие оказать содействие работам комиссии». Архивные дела, подлежащие описанию, великий князь предложил перевести из здания Московского отделения архива Главного штаба в помещение военнокругового совета, «как наиболее удовлетворяющее работе подобного рода». Систематизировать архивные материалы для издания намечалось «по эпохам, операциям и лицам». Общие расходы на переписку документов при 10 переписчиках исчислялись ежегодным субсидированием в 5000 рублей. По мнению великого князя, реализация данных предложений позволила бы значительно ускорить описание дел и даже начать публикацию важнейших документов Лефортовского архива.

Однако предложения великого князя встретили обоснованные возражения со стороны А.З. Мышлаевского. Его сомнения вызвала профессиональная подготовка членов комиссии и тем более «гг. офицеров, служащих в округе». Мышлаевский справедливо замечал, что не всякий офицер Генерального штаба «может с полным успехом заниматься архивными расследованиями». Такой вывод вытекал из специфики работы с первоисточниками, требующей «навыка, техники... особых познаний ... основательной исторической подготовки». На этом основании ведущий военный архивист высказал опасение, что непрофессионально подготовленные сборники документов будут содержать ошибки и неточности, обесценивающие «напечатанные акты, заставляя историка относиться к ним с недоверием».

Невыясненным для А.З. Мышлаевского оставался вопрос, кто будет руководить составлением научно-справочного аппарата архива после передачи дел в ведение штаба МВО. Проблематичным виделось освобождение предложенного количества офицеров от их прямых должностных обязанностей. Ведь огромное количество дел требовало многолетней работы с ними. Несостоятельным считалось предложение группировать документы «по эпохам, операциям и лицам», поскольку в ходе работы наверняка найдутся важные по значимости источники, которые нельзя будет классифицировать ни под один из перечисленных разделов¹.

Наконец, критически оценивалось предложение об изъятии документации по 1812 г. из помещений Лефортовского дворца. В данном

¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 123. Л. 2–3, 8–9 об.

случае пришлось бы перевозить почти треть всего архива в помещение, не приспособленное для хранения ценных памятников истории.

Возражения Мышлаевского были поддержаны в Главном штабе. Тем не менее великий князь Сергей Александрович решил лично удостовериться, как ведутся описательные работы. В мае 1903 г. вместе с начальником штаба округа великий князь посетил архив. Осмотрев архивохранилище, он «выразил одобрение по поводу составления карточного каталога» и «никаких замечаний не сделал»¹. По-видимому, командующий воочию убедился в справедливости доводов Мышлаевского и решил отказаться от своей затеи.

Архивоведческая работа усилилась накануне столетней годовщины Отечественной войны 1812 года. В 1907 г. Н.П. Поликарпов поднял вопрос о превращении уже готовых карточных каталогов в печатные инвентарные описи. По его мнению, обнародование реестров могло способствовать накоплению материалов для военно-исторического музея Отечественной войны 1812 года. В первую очередь, намечалось издать описи Канцелярии Военного министерства за 1812–1816 гг. и Военно-походной е.и.в. канцелярии. Главный штаб поддержал идею. В этом же году на печатание каталога к делам, относящимся к 1812 г., Военный совет выделил 10 000 рублей².

В читальном зале РГВИА автору настоящей монографии удалось ознакомиться с 23 печатными каталогами Лефортовского архива³. За

¹ Там же. Ф. 799. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

² См.: Богданов Г.В. Указ. соч. С. 91. Издание печатных каталогов Московского отделения Общего архива Главного штаба началось в конце XIX столетия по инициативе и под редакцией военного историка ординарного профессора Императорской Николаевской академии Генерального штаба Д.Ф. Масловского. Круг научных интересов ученого определил содержание воспроизводимых архивных описей – материалы, относящиеся к XVIII в. См.: Опись дел секретного повытья Московского отделения Общего архива Главного штаба. М., 1890; Каталог Московского отделения Общего архива Главного штаба. СПб., 1891. (Продолжение описей секретного повытья.); Каталог Московского отделения Общего архива Главного штаба. Опись дел фельдмаршалов: графа Румянцева-Задунайского и кн. Потемкина-Таврического. Вып. 3. СПб., 1892.

³ В 1979 г. в РГВИА СССР имелось 176 изданных описей. Это описи, составленные Московским отделением Общего архива Главного штаба в 1890–1916 гг., Каталог Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба, т. I–IV / составленный М.О. Бендером. СПб., 1905–1914 гг.; Суворов Александр Васильевич (1730–1800): Опись документальных материалов фонда 43. Крайние даты 1760–1820 гг. М., 1952 (Центральный государственный военно-исторический архив СССР: Путеводитель: в 3 ч. М., 1979. Ч. 1. С. 12).

вычетом четырех каталогов, изданных в конце XIX столетия, можно предположить, что оставшиеся 19 печатались в соответствии с предложениями Н.П. Поликарпова. К сожалению, не все эти описи имеют исходные данные о месте и времени их издания. На руководство составлением каталогов и их редактирование Поликарповым указано лишь в 9 книгах. Все они издавались в 1912–1914 гг.

К 1912 г. описание дел, относящихся к Отечественной войне 1812 года, в основном завершилась. Всего с 1901 по 1 января 1912 г. было описано 164 030 дел и составлено к ним 137 457 карточек¹.

Заметим, что разбор материалов Лефортовского архива в начале XX в. выявил большое количество уникальных первоисточников, позволявших в то время в новом ракурсе оценить драматические события столетней давности. Сам заведующий Московским отделением Общего архива Главного штаба Н.П. Поликарпов (с 1906 г.) делал все от него зависящее, чтобы привлечь внимание научной общественности к вновь выявленным первоисточникам о войне 1812 года. В октябре 1910 г. на основе малоизвестных документов он сделал научное сообщение в Московском отделе Императорского русского военно-исторического общества (МО ИРВИО)².

В юбилейном 1912 г. Н.П. Поликарпов выразил обеспокоенность тем, что историки войны 1812 года материалы Лефортовского архива «не только не печатают, но не делают даже попыток для их всестороннего исследования и изучения»³. Он настаивал на скорейшей публикации сосредоточенных в архиве документов. По его мнению, «если эти первоисточники не будут полностью опубликованы теперь, когда интерес к юбилею Отечественной войны 1812 г. еще не остыл, то опубликования их можно будет ожидать только в 2010 году (не опубликованы до сих пор! – *И. Ш.*). Но к тому времени эти первоисточники могут и не уцелеть, т. к. судьба архивных документов подвержена многим случайностям»⁴.

Точка зрения Н.П. Поликарпова разделялась и частью академической профессуры. В частности, ведущий специалист того периода по истории Отечественной войны 1812 г., заслуженный ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии Гене-

¹ РГВИА. Ф. 799. Оп. 1. Д. 17. Л. 27 об.

² Более подробно ход этого заседания будет рассмотрен при анализе литературы, посвященной 100-летию Отечественной войны 1812 года.

³ Поликарпов Н.П. Отечественная война 1812 года по неисследованным военно-историческим документам (первоисточникам) Московского отделения Общего Архива (Лефортовского Архива). С. 32.

⁴ Там же.

рального штаба¹ генерал-лейтенант Б.М. Коллюбакин признавал, что в плане издания архивного материала «все же исполнено очень мало и государственные архивы еще не достаточно использованы»².

Несмотря на справедливость этих замечаний, Военное министерство сочло возможным завершить массовый выпуск только материалов Военно-ученого архива. Материалы Лефортовского архива публиковались лишь частично, по частной инициативе. Например, на их основе была построена документальная публикация В.А. Афанасьева³. Московский отдел Императорского русского военно-исторического общества в одном из своих выпусков опубликовал «Подробный журнал» исходящих бумаг из канцелярии М.И. Кутузова⁴. Д.П. Ахлестышев подготовил к изданию документацию из канцелярии главнокомандующего 3-й Западной армией А.П. Тормасова⁵. Часть оперативной документации из фондов московского военного архива вошли в сборник документов о Бородинском сражении, подготовленный по решению Совета ИРВИО⁶. Его подготовкой руководил Б.М. Коллюбакин. В составлении сборника приняли участие действительные члены общества полковник А.В. Геруа, подполковник

¹ Императорская военная академия открылась 28 ноября 1832 г. в Санкт-Петербурге на Английской набережной. Наиболее крупная ее реорганизация произошла в 1855 г., когда были объединены три высших военно-учебных заведения: Императорская военная академия, а также офицерские классы Инженерного и Артиллерийского военных училищ. При этом они были переименованы в Николаевскую генеральную академию, Николаевскую инженерную и Михайловскую артиллерийскую академии. Общее руководство обновленной Императорской военной академией осуществлял Совет под председательством начальника Главного штаба по военно-учебным заведениям. С 1901 г. Академия размещалась на Таврическом плацу по Суворовском проспекту (Императорская Николаевская военная академия // Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. X. С. 598–602).

² Война 1812 г.: Бородинская операция и Бородинское сражение / под ред. Б.М. Коллюбакина // Труды ИРВИО. СПб., 1912. Кн. 1. С. XI.

³ См.: Афанасьев В. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. М., 1912.

⁴ См.: Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии главнокомандующего соединенными армиями, генерал-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского в 1812 г. // Труды МО ИРВИО. М., 1912. Т. 2.

⁵ См.: Двенадцатый год: Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-ю Западной армией генерала от кавалерии А.П. Тормасова / сост. Д.П. Ахлестышев. СПб., 1912.

⁶ См.: Война 1812 г.: Бородинская операция и Бородинское сражение / под ред. Б.М. Коллюбакина // Труды ИРВИО. СПб., 1912. Кн. 1–3.

князь В.П. Максутов, ротмистр А.Ф. Пац-Помарнацкий и сам полковник (с 1907 г.) Н.П. Поликарпов¹.

Параллельно с этим шло издание документального материала из других архивохранилищ и частных коллекций². Однако охватить публикациями всю совокупность важнейших архивных документов не удалось. Большое их количество так и осталось в запасниках Московского отделения Общего архива Главного штаба.

Время отчасти подтвердило справедливость прогноза Н.П. Поликарпова о подверженности судьбы архивных документов многим случайностям. Как известно, после Октябрьской революции старая архивная система оказалась фактически разрушенной. Ее восстановление осуществлялось на принципиально новых основаниях и растянулось на два десятилетия³. Вплоть до конца 30-х годов история 1812 г. находилась в забвении. Более того, с 1918 г. под лозунгом «Довольно хранить наследие рабского прошлого!» начался погром монументов Бородинского поля⁴. В 20-х – начале 30-х годов часть фондов архива была варварски уничтожена: сотни подвод с документами вывозились в качестве макулатуры и поступали на развесочные фабрики⁵. Однако и в это сложное время научный коллектив Военно-

¹ См.: Русская военная мысль: Конец XIX – начало XX в. М., 1982. С. 68.

² См.: Беляев В. К истории 1812 года. Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Италианскому. СПб., 1905; Булычев Н.И. Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии. Калуга, 1910; Военский К. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г.: в 3 т. СПб., 1909–1912; Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. Вильно, 1912; Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильно, 1912; Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812: в 8 т. СПб., 1905–1914; Его же. Император Александр I: Опыт исторического исследования: Т. 1–2. СПб., 1912; То же. СПб., 1914; Его же. Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910; и др.

³ См.: Маскаков В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945). М., 1969. С. 152.

⁴ См.: Иванов Н. Дымовая завеса над полем // Родина. 1992. № 6–7. С. 184.

⁵ См.: Рыбин В. Архив на Яузе // Там же. С. 154. Безответственное отношение государственных чиновников к архивной документации наблюдалось не только в первые годы Советской власти. Подобные явления имели место и в дореволюционный период. Например, из документов Рижского архива,

исторического архива [впоследствии Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА)] предпринимал все возможные меры для спасения архивных документов и приведения их в надлежащий порядок¹.

Публикации новых архивных материалов были ориентированы на иллюстрацию классовую борьбу против царизма². Отношение властей к документам, посвященным военной истории царской России, было противоречивым и неоднозначным. Первоисточники по войне 1812 года, большей частью сосредоточенные в Военно-историческом архиве³ или рассеянные по другим архивохранилищам, пока оставались невостребованными.

Ситуация начала меняться с конца 30-х годов, когда в преддверии немецко-фашистской агрессии в партийно-правительственных кругах стало отмечаться позитивное отношение к военной истории России и боевым традициям ее вооруженных сил. История Отечественной войны 1812 года в эти годы вновь стала актуальной и получила дальнейшее развитие в советской историографии. Новые веяния отмечались и в археографии темы. Однако в этот период новые документальные сборники формировались главным образом за счет включения в их состав уже ранее публиковавшихся первоисточников. Отличительной особенностью новых изданий стала их строгая идеологическая направленность. Ярким примером тенденциоз-

хранившего дела Суворова, в 1873 г. по распоряжению генерал-губернатора лифляндского, эстляндского и курляндского, генерал-лейтенанта кн. П.Р. Багратиона (племянник героя 1812 г.) все дела по 1790 г. были проданы на конфектную фабрику для изготовления упаковки. Между тем среди этих дел были такие важные документы, как донесения Суворова из Пруссии в бытность его губернатором Кенигсберга. Документация Тверского губернского архива хранилась в бывшем соляном амбаре и т. п. (Военно-архивное дело. С. 495).

¹ Пучкова О.А. Научно-справочный аппарат Военно-ученого архива: история развития. Указ. соч. С. 27–28.

² Так, с 1925 по 1929 г. было опубликовано 12 внушительных сборников документов о восстании декабристов. Средний объем каждого издания составил 450–500 страниц. С 1926 по 1931 г. публикуются документы о пугачевском движении. В 1932 г. вышло 3 сборника о крестьянских выступлениях в период самодержавной России. Подсчитано по: Каталог сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР 1917–1960 гг. М., 1961. С. 6.

³ Образован в 1925 г. путем слияния фондов всех военно-исторических архивов дореволюционной России, впоследствии стал называться Центральным государственным военно-исторический архив (ЦГВИА). Современное название – РГВИА. См.: Автократов А.В. Военно-исторические архивы дореволюционной России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 93.

ного подбора материала может служить небольшой сборник документов и статей, подготовленный в Военно-политической академии им. В.И. Ленина¹. Основу публикации составили отрывки из популярных в то время работ К. Клаузевица и Е.В. Тарле². Использовались документальные выдержки из дореволюционных изданий «1812–1912. Отечественная война и русское общество», «История русской армии и флота». Из 51 опубликованного отрывка, собственно архивных документов оказалось только 4.

В содержании указанной публикации преобладали оценки, подчеркивавшие агрессивность и захватнические замыслы Наполеона, патриотизм и массовое участие в войне крестьянства, а также крепостнический антинародный характер политики Александра I. Методика подачи материала недвусмысленно свидетельствовала о стремлении авторов сборника сформировать у читателя классовый взгляд на поход Наполеона в Россию. Вся подборка должна была стать иллюстрацией новой, отличной от М.Н. Покровского версии войны. Для большей убедительности и для подтверждения несостоятельности старых воззрений в конце сборника его создатели поместили отрывки из статьи В.И. Пичеты об «антиисторизме» взглядов М.Н. Покровского на войну 1812 года³.

Подобную идейную направленность имел другой сборник «Отечественная война 1812 года»⁴. Содержание этой книги носило скорее пропагандистский, чем научный характер и актуализировалось начавшейся войной СССР с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1945 гг.

Со второй половины 40-х годов наряду с переизданием уже известных материалов осуществлялась публикация новых первоисточников из фондов бывшего Лефортовского архива⁵. На решение

¹ См.: О войне 1812 года: Сб. документов и ст. / сост. Н.М. Лебедев, Т.С. Капустина. М., 1939.

² Приводились выдержки из следующих сочинений: Гарин Ф.Д. Изгнание Наполеона из Москвы. М., 1938; Клаузевиц К. 1812 год. 2-е изд. М., 1937; Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; и др.

³ Имеется в виду статья В.И. Пичеты «Покровский о войне 1812 года». См.: Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст.: в 2 ч. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 276–302.

⁴ См.: Отечественная война 1812 года: Сб. документов и матер. Л.; М., 1941.

⁵ См.: Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов / под ред. Н.М. Коробкова. М., 1947; М.И. Кутузов: Сб. документов / под ред. Л. Бескровного. М., 1954–1955. Т. IV. Ч. I–II; Бородино, 1812–1962: Документы, письма, воспоминания / сост. Р.Е. Альтшуллер и др. М., 1962; и др. Всего за период с 1925 по 1979 г.

этой задачи нацеливало специальное распоряжение Главного архивного управления СССР, принятое в 1945 г. в связи с 200-летием со дня рождения М.И. Кутузова. Оно обязало центральные и местные государственные архивы страны приступить к выявлению документов, раскрывающих военную деятельность известного полководца и его ближайших соратников. Тогда же было принято решение об издании серии документальных публикаций под общим названием «Русские полководцы»¹.

Уже через несколько месяцев архивисты представили общественности первые итоги проделанной работы. К юбилейной дате в журнале «Военная мысль», с предисловием Н.М. Коробкова, была опубликована документальная подборка о М.И. Кутузове, содержащая ряд архивных источников, извлеченных из фондов ЦГВИА и РГАДА². В последующем эти документы в расширенном варианте дважды выпускались отдельными сборниками³. Но в целом содержание материалов в духе времени подбиралось с учетом политической конъюнктуры. Часть из них перепечатывалась из дореволюционных изданий с характерными искажениями и ошибками⁴.

В победном для советского народа 1945 г. в серии «Русские полководцы» был опубликован сборник документов, посвященный полководческой деятельности П.И. Багратиона⁵. В состав сборника были включены новые документы из фонда Багратиона, выявленные научными сотрудниками архива И.С. Назиным, Е.П. Ворониным, З.М. Новиковой и Р.Е. Альтшулер.

Для этого издания характерен удачный подбор и новизна архивных материалов, позволяющих всесторонне судить не только о боевой, но и об административной деятельности полководца на посту главнокомандующего 2-й Западной армии. Эти достоинства книги были отмечены критикой⁶.

самостоятельно и совместно с другими научными учреждениями архив подготовил и издал 57 томов сборников документов общим объемом свыше 1900 п. л. и тиражом около 200 тыс. экз. (Центральный государственный военно-исторический архив СССР: Путеводитель: в 3 ч. М., 1979. Ч. 1. С. 11).

¹ Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 90.

² См.: Полководческая деятельность Кутузова в 1812 году: Документы // Военная мысль. 1945. № 9. С. 68–83.

³ См.: Фельдмаршал Кутузов: Сб. документов и материалов / под ред. Н.М. Коробкова. М., 1945; 2-е изд.: М., 1947.

⁴ См.: Там же. С. 174–175.

⁵ См.: Генерал Багратион: Сб. документов и матер. Л., 1945. С. 13–14.

⁶ См.: Четков В. [Рецензия] // Военная мысль. 1946. № 4. С. 79–84. Рец. на кн.: Генерал Багратион: Сб. док. и матер. Л., 1945.

Некоторые не публиковавшиеся ранее документы, свидетельствующие о мужестве, героизме и стойкости русских офицеров и солдат в Отечественной войне 1812 года, вошли в документальный сборник «Из боевого прошлого русской армии», подготовленный сотрудниками ЦГВИА¹.

Обнародование архивных документов было продолжено в 50-е годы XX в. Благодаря кропотливой архивной работе Р.Е. Альтшулер и М.В. Манухиной, научная общественность могла ознакомиться с новыми материалами по истории Отечественной войны, хранившимися в ЦГВИА. Они вошли в сборник документов «М.И. Кутузов»². Следует отметить высокое качество археографического оформления данного издания. Составители строго выдержали хронологический принцип публикации документов, указали их точные исходные данные. Все первоисточники воспроизведены на языке оригиналов с соблюдением подлинной орфографии и пунктуации. Работу с печатными материалами во многом облегчают редакционные пояснения, терминологический словарь, предметно-тематический и географический указатели. Масштабность опубликованных первоисточников позволяет говорить о фундаментальности сборника. Сегодня он является незаменимым подспорьем для любого исследователя истории Отечественной войны 1812 года. Тем не менее некоторые из современных критиков полагают, что авторы издания оказались зависимы от политических пристрастий. Поэтому в него не включались документы о карательных акциях по подавлению крестьянских выступлений, проводимых по приказам М.И. Кутузова, или документальные сведения, позволяющие критически оценивать личные качества и деятельность полководца на посту главнокомандующего³. Сравнительный анализ содержания указанного сборника с другими документами, публиковавшимися в дореволюционной историографии, дают основание согласиться с такой точкой зрения.

Своеобразный всплеск документальных публикаций, имевших строгую тематическую направленность, отмечался в преддверии 150-летия Отечественной войны 1812 года. Среди них особо выделялся сборник документов о народных ополчениях⁴. Его полезность для

¹ См.: Из боевого прошлого русской армии / под ред. Н.М. Коробкова. М., 1947.

² См.: М.И. Кутузов: Сб. документов / под ред. Л. Бескровного: в 5 т. М., 1954. Т. IV. Ч. I (июль–октябрь 1812 г.); М., 1955. Т. IV. Ч. 2. (октябрь–декабрь 1812 г.).

³ См.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. С. 47–48.

⁴ См.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов / под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.

историографии темы сразу признали критики, считая книгу «значительным вкладом в создание документальной источниковой базы»¹. Заслугой советских архивистов стало издание полного комплекса армейских листовок походной типографии Главной квартиры². Подборка из писем и воспоминаний современников событий, а также делопроизводственной документации, часть которой публиковалась впервые, составили содержание сборника «Бородино, 1812–1962»³.

Особенностью археографии 60-х годов стало документальное освещение деятельности Министерства иностранных дел России в канун и во время Отечественной войны 1812 года. Цели и задачи внешнеполитического ведомства в указанный период подробно раскрывались в нескольких томах собрания документов по истории международных отношений⁴. Изучению австро-российских отношений способствовала публикация Ф.А. Федоровой и Т.И. Михайловой⁵.

В юбилейный год историки войны 1812 года получили уникальную возможность ознакомиться не только с печатными изданиями архивных документов, но и с их оригиналами, которые экспонировались на специальной выставке в Государственном историческом музее. Всего к обозрению было выставлено более 1000 документов, хранившихся в различных архивах СССР⁶.

¹ Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 20; См. также: Богданов Г. [Рецензия] // Военно-исторический журнал. 1962. № 8. С. 62–98. Рец. на кн.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962; Бычков Л.Н. [Рецензия] // Вестник Академии наук СССР. 1962. № 9. С. 122–123. Рец. на кн.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962; Клокман Ю.Р. [Рецензия] // История СССР. 1962. № 5. С. 192. Рец. на кн.: Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: Сб. документов. М., 1962; и др.

² См.: Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов / отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1962.

³ См.: Бородино, 1812–1962: Документы, письма, воспоминания / сост. Р.Е. Альтшуллер и др. М., 1962.

⁴ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского министерства иностранных дел: Сер. 1. 1801–1815: в 8 т. М., 1960–1972. Т. 5. Апр. 1809 – янв. 1811. М., 1967; Т. 6. 1811–1812 гг. М., 1962.

⁵ См.: Австро-русские отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 года / публ. док. и предисл. Ф.А. Федоровой и Т.И. Михайловой // Исторический архив. 1962. № 4. С. 96–120.

⁶ См.: Альтшуллер Р.Е., Климова С.В. Реликвии боевой славы: Документы и материалы новой экспозиции в Государственном историческом музее, посвященной Отечественной войне 1812 года // История СССР. 1963. № 1. С. 228–233.

Крупные сборники документов издавались и в последующие десятилетия¹, в том числе и в современных условиях². Однако следует заметить, что вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов ХХ в. по интенсивности и количеству опубликованных первоисточников выгодно отличается от 80–90-х годов прошедшего столетия и начала ХХI в.

Со второй половины 80-х годов в архиве шел процесс совершенствования созданного под руководством Поликарпова НСА, в целях приведения его к современным требованиям архивной науки и практики. Например, из личной беседы с известным исследователем «Двенадцатого года», бывшим научным сотрудником РГВИА С.В. Шведовым, автором настоящей монографии выяснено, что с 1987 по 1997 г. он совместно с А.М. Вальковичем руководил работами по созданию межархивного карточного указателя документов по истории Отечественной войны 1812 года. Основной замысел этой комплексной архивоведческой работы состоял в конкретизации уже имеющихся описей архивных дел до уровня отдельного документа. При этом архивисты проверили и подробно описали более 3000 дел, в большинстве своем ранее уже заявленных в поликарповских описях. В итоге было выявлено большое количество первоисточников, ранее не обозначенных в НСА, уточнена их атрибуция и даны подробные характеристики. Всего в ходе десятилетней работы было составлено около 23 тыс. каталожных карточек, 90% которых отражали материалы бывшего Лефортовского архива.

¹ См.: Бородинское сражение, 1812 // Поля ратной славы: Страницы истории, страницы литературы. М., 1987. С. 136–178; Материалы по истории России первой четверти XIX в. из частных собраний Италии: Переписка семьи Терци. 1812–1814 / под ред. А.Л. Напрочницкого. М., 1987; Россия и Швеция: Документы и материалы. 1809–1818 / сост.: В.В. Дубинин и др. М., 1985.

² См.: 1812–1814. Секретная переписка ген. П.И. Багратиона. Личные письма ген. Н.Н. Раевского. Записки ген. М.С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собрания Гос. ист. музея. М., 1992; Фельдмаршал Кутузов: Документы, дневники, воспоминания М., 1995; Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Вып. 3. М., 1991; Вып. 7. М., 1996; Бородино: Документальная хроника / сост. А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М., 2004; Кутузов М.И. Тактика победы: Документы, письма, воспоминания. М., 2011; Москва и Отечественная война 1812 г.: в 2 кн. / авт.-сост. Д.И. Горшков. М., 2011–2012; Малоярославецкое сражение 12/24 октября 1812 года: Документы. Воспоминания. Дневники. Письма / науч. ред. А.И. Попов, Е.В. Суворова; Малоярославец. военно-истор. музей 1812 г. Калуга, 2012; 1812 г. Московский календарь / сост. В.М. Хлесткин. М., 2012; и др.

Научно-справочный аппарат Московского отделения Общего архива Главного штаба является незаменимым подспорьем для современных исследователей Отечественной войны 1812 г. Сегодня ведущие специалисты РГВИА признают нецелесообразным отказ от каталогов, составленных дореволюционными архивистами. Наоборот, дальнейшая перспектива развития имеющегося НСА представляется в создании на его основе автоматизированной базы данных со всеми возможными дополнениями, доработками и максимальным совершенствованием поисковых возможностей. К началу XXI в. в архиве был разработан проект создания такой базы данных¹.

Следует отметить, что сегодня изучение событий 1812 г. ведется не только на опубликованных материалах или трофейных документах российских архивохранилищ. Значительные резервы для изучения войны 1812 года содержатся в архивах Республики Беларусь. Об этом свидетельствует недавняя публикация сборника документов «Беларусь и война 1812 года»². С точки зрения составителей сборника, они позволяют широко осветить подготовку противоборствующих сторон к войне, военные, политические и экономические события на белорусских землях, оценить последствия войны для Беларуси и судьбу военнопленных Великой армии. Основной массив документов сосредоточен в Национальном историческом архиве Беларуси (г. Минск), в фондах учреждений Витебской, Минской и Могилевской губерний. Ряд документов, раскрывающих ход военных действий на территории Беларуси, а также деятельность в 1812 г. наполеоновской администрации, хранится в архиве г. Гродно.

В современной историографии отмечается стремление российских исследователей к введению в научный оборот документов, хранящихся в архивах Франции. По сведениям В.Н. Земцова, личные досье французского генералитета Великой армии изучал Д.И. Горшков. Достаточно плодотворно поработал во французских архивах при подготовке своей кандидатской диссертации Н.В. Промыслов. Из русскоязычных много работал и работает В.В. Ададунов, в том числе в польских, австрийских, итальянских архивах. К этому можно добавить и построенные на французских архивных источниках работы О. Соколова.

Сам В.Н. Земцов отснял большой объем документов о походе Наполеона в Россию в Военном архиве сухопутных сил в Венсенне (SHD/DAT) и Национальном архиве (N.A.) Франции. Среди них

¹ См.: Рыженков М.Р. Указ. соч. С. 13.

² См.: Беларусь и война 1812 года: Документы / сост. А.М. Лукашевич, Д.Л. Яцкевич. Минск, 2011.

множество расписаний, списков, журнал исходящих документов штаба Мюрата, неизвестный ранее рапорт Э. Груши о Бородинском сражении, несколько мемуаров, личные бумаги некоторых французских генералов. Часть этих документов историк использовал при подготовке монографии «1812 год. Пожар Москвы». В целом, по определению В.Н. Земцова, «французских документов по 1812 г. множество, но они рассеяны по фондам различных архивов и еще ждут своих исследователей»¹.

Эту оценку В.М. Земцова подтвердил американский историк Э.М. Вовси. Работая во французских архивах, он также обнаружил огромный комплекс документов по 1812 г. Однако эти архивные документы лишь фрагментарно вводятся в научный оборот, поскольку основная их часть, за небольшим исключением, рассредоточена по различным фондам: хранятся в составе полковых дел, отдельно составленных тематических групп и в общей корреспонденции Наполеона².

Следует признать, что расширение источниковой базы изучения истории Отечественной войны 1812 года за счет введения в научный оборот зарубежных архивных документов оправдано, прежде всего, с точки зрения реализации принципа объективности научных исследований. Совершенно справедливо утверждается, что «ставить... в упрек в условиях быстрой интернационализации исторических знаний частое обращение к документам иностранного происхождения еще более странно»³. Между тем часть историков высказывает беспокойство по поводу наметившейся тенденции к «офранцузиванию» современной российской историографии и «опасной доверчивости» российских историков к сочинениям воинов Великой армии, о большинстве которых известны «лишь номер полка и цвет мундира», но письма, дневники и мемуары которых зачастую безосновательно считаются «исключительно правдивыми»⁴. Необходимость дополнительной проверки

¹ В.Н. Земцов – И.А. Шеину. 09.07.2013 г. // Из личного архива И.А. Шеина.

² См.: Вовси Э.М. Документы кампании 1812 года в военных архивах Франции // Материалы III Международной конференции «1812 год. Люди и события великой эпохи». 21–22 апреля 2011 г. М., 2011; Его же. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии: Материалы «круглого стола» в РГГУ 20 апреля 2011 г. // Французский Ежегодник 2011. М., 2011. С. 350–351.

³ См.: Земцов В.Н. Вместо заключения // Французский ежегодник 2013. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/fe2013-oglav.html#Editorial> (дата обращения: 02.10.2013 г.).

⁴ См.: Хлесткин В. О чувстве родства в истории: к юбилею Отечественной войны 1812 года // Новая книга России. 2009. № 2. С. 35–38; Ивчен-

богатой мемуарной литературы непосредственных участников похода 1812 г. признают и некоторые зарубежные исследователи¹.

В целом, завершая обзор источниковой базы исследования, можно отметить, что она развивалась по четырем направлениям. *Во-первых*, в течение XIX столетия шел процесс активного комплектования государственных и частных архивов документальными материалами, которые легли в основу подготовки многочисленных научных трудов.

Во-вторых, в последней четверти XIX – начале XX в. была проведена комплексная систематизация архивных документов, создан их подробный научно-справочный аппарат (НСА). В дореволюционный период архивисты фактически завершили первичную научную обработку документального комплекса по истории Отечественной войны 1812 года. Масштабные мероприятия в этом отношении были проведены в Лефортовском архиве. Создание его подробных систематизированных каталогов во многом способствовало углублению исследовательской работы по истории похода Наполеона в Россию.

В-третьих, со второй половины XIX в. была начата массовая публикация документальных источников, которая с периодами повышенной активности продолжается и в настоящее время. Только до октября 1917 г. в общей сложности, было издано около 70 томов документов и материалов, относящихся к истории похода Наполеона в Россию². Как свидетельствует общий анализ источников и литературы, к столетию Отечественной войны 1812 г. была сформирована обширная источниковая база для написания полной и объективной ее истории. В формировании документального фундамента научных исследований активное участие приняли военные археографы. Благодаря их стараниям, были осуществлены беспрецедентные по своим масштабам меры для опубликования и систематизации архивных материалов.

Совокупными усилиями дореволюционных, советских и современных архивистов многие из не известных ранее архивных материалов стали достоянием широких научных кругов и активно вовлекались в научный оборот. Однако резервы археографической работы еще далеко не исчерпаны. Нереализованным осталось высказанное в

ко Л.Л. Историография Отечественной войны 1812 года: 200-летний юбилей события // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года: Сб. / Фонд ист. перспективы; сост. Е.Н. Рудая. М.: Вече, 2012. С. 170–216.

¹ См.: Вовси Э.М. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии. С. 351–352.

² Русская военная мысль: Конец XIX – начало XX в. / под ред. П.А. Жилина. М., 1982. С. 167.

начале XX в. столетия предложение организовать по примеру Военно-ученого архива сплошную публикацию материалов Московского отделения Общего архива Главного штаба. Выполнение этой задачи может составить одно из направлений современной военной археологии. Кроме того, в настоящее время возникает настоятельная необходимость организовать новое, дополненное и исправленное, переиздание ставших раритетами сборников документов.

До настоящего времени значительная часть документального массива о войне 1812 года, сосредоточенного в хранилищах РГВИА, все еще ждет своих исследователей. Об этом свидетельствуют основанные на последних архивных разработках научные труды В.М. Безотосного, А.А. Васильева, С.А. Малышкина, Н.А. Троицкого, Д.Г. Целорунго, С.В. Шведова и многих других историков, открывающих новые горизонты в, казалось бы, давно изученной теме.

В-четвертых, перспективным направлением источниковедческой работы российских исследователей следует признать освоение фондов архивов как ближнего, так и дальнего зарубежья, которые хранят в себе большой потенциал для новых научных открытий.

В-пятых, по мере эволюции историографии, как научного особого направления в истории темы, сформировалась и получила развитие источниковая база для проведения собственно историографических исследований. В настоящее время основными историографическими источниками являются совокупность тематически ориентированной литературы, а также комплекс разнообразных архивных документов, позволяющих всесторонне исследовать поднятую в настоящей монографии проблему.

§ 2. Мемуарная литература как источник историографического исследования борьбы русского народа с наполеоновской агрессией

В источниковой базе изучения истории и историографии Отечественной войны 1812 года особое место занимает специфический видовой комплекс литературы мемуарного жанра. Вплоть до конца 70-х гг. XX столетия мемуары о 1812 годе в историко-источниковедческом аспекте практически не изучались. Их историография была представлена краткими библиографическими обзорами в работах В. Базанова, Л.Г. Бескровного, К.Н. Бестужева-Рюмина, С.А. Никитина, М.А. Поликтова и некоторых других¹, представлявшими собой аннотированные перечни более чем двух десятков мемуаров.

¹ См.: Базанов В. Очерки декабристской литературы. М., 1953. С. 106–125; Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории Рос-

О целенаправленном комплексном исследовании мемуарной литературы 1812 г. можно говорить лишь в связи с научной деятельностью известного источниковеда и историографа темы А.Г. Тартаковского. В его трудах историко-литературное наследие современников эпохи «Двенадцатого года» стало самостоятельным предметом историографического анализа. Ученый разработал научно-теоретические основы проблемы, воспроизвел библиографию большинства известных сегодня мемуаров, дал источниковедческую характеристику наиболее значимых работ. На основе количественного анализа А.Г. Тартаковский разработал периодизацию развития мемуарной литературы, выявил важнейшие тенденции ее качественного видоизменения. Несомненной заслугой ученого является исследование общественно-историографических предпосылок развития русской мемуаристики 1812 г. от ее зарождения до начала 70-х годов XIX в.¹

Масштабность исследований А.Г. Тартаковского, взвешенность и объективность сделанных им обобщений позволяют указать на фундаментальность проделанной работы и принять ее итоги за основу при характеристике мемуаров как специфического типа не только исторических, но и историографических источников. Необходимость такого анализа в настоящей монографии вызвана логикой проводимого исследования. Кроме того, обращение к мемуарам в определенной степени обусловлено и тем, что А.Г. Тартаковский ограничивал хронологические рамки своей работы XIX – началом XX в., тогда как архивные поиски и публикации этого вида литературы продолжались и в дальнейшем. Некоторые из записок и воспоминаний современников событий не получили у ученого детальной оценки, хотя они представляют важность для понимания развития историографии темы. Выявленные автором настоящей монографии архивные документы также позволяют уточнить общий замысел опубликованных в начале XX в. мемуаров из фондов Военно-ученого архива. Обращение к мемуарной литературе вызвано и необходимостью развернутой ха-

сии. С. 294–313; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Введение. С. 72–74; Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX в. (до начала 90-х годов): Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. С. 102–106, 129–130; Полиектов М.А. Первая Отечественная война («1812 года») в воспоминаниях и письмах современников // Труды Тбилисского гос. ун-та. Тбилиси, 1942. Вып. XXIII. С. 57–69; и др.

¹ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источниковедческого изучения. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980; Его же. 1812 год и русская мемуаристика XIX в. // История СССР. 1979. № 6. С. 71–94; Его же. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Его же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М.: Наука, 1991.

рактические особенности ее содержания как историографического источника.

В современном источниковедении мемуары принято подразделять на две группы родственных в гносеологическом отношении, но отличающихся по форме произведений. Первую группу составляют *дневники* – наиболее простая, построенная на первых впечатлениях, форма отражения современником своего участия в исторических событиях. Ко второй группе относятся *воспоминания* (мемуары в узком смысле слова), как более сложная и развитая форма мемуарной культуры¹.

В мемуарном источнике историка и историографа привлекает, прежде всего, его информативность, т. е. насыщенность содержания сведениями о предмете исследования. Другой вопрос – достоверность представленных мемуаристом фактов и объективность его суждений. Рассматривая мемуары в качестве важнейшего историографического источника, исследователь должен учитывать тот факт, что их создание представляет собой процесс индивидуального сохранения личных впечатлений о событиях, в которых мемуарист принимал непосредственное участие или которым являлся свидетелем. Главными исходными данными для повествования служат не документальные материалы, а личные впечатления, являющиеся специфическим субъективным средством отражения окружающей человека реальности. Как правило, современник стремится не только зафиксировать само историческое событие, но и осмыслить свое место в нем. В силу различных обстоятельств: влияния общественного мнения, собственных идейных убеждений, недостатка сведений, индивидуальных особенностей восприятия мира – воспроизведенная мемуаристом историческая картина, как правило, приобретает субъективистский характер.

К пониманию подобных недостатков у источников мемуарного типа исследователи подошли еще в начале XX столетия. Некоторые из историков, стремившиеся к объективности своих исследований, признавали мемуары, «написанные большей частью в пылу борьбы» и «не подвергавшиеся критико-методологическому изучению», источником «неполным и слишком субъективным»². Поэтому пороки предшествующей историографии 1812 г. они видели в том, что «большинство прежних исследователей слишком доверчиво относятся к мемуарным сведениям и на основании их строят довольно рискованные выводы»³.

¹ См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. С. 8.

² См.: От редакции // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 1. С. VI.

³ Там же.

Такое же отношение к мемуарам и дневникам отмечалось и у советских источниковедов. Так, по мнению С.А. Никитина, «субъективизм является первой и основной чертой мемуаров. Лишь в редчайших случаях мемуарист стремится к объективному изложению событий. Правилom является обратное: автору важно не только пересказать события, но и изобразить их под определенным углом зрения»¹.

Такую точку зрения нельзя не признать справедливой. Действительно, особенность мемуарных сочинений нередко связана с целевыми установками их написания и должна учитываться в ходе проводимого научного исследования. Например, в отечественной историографии войны 1812 года хорошо известны записки московского военного губернатора Ф.В. Ростопчина, видных военачальников русской армии М.Б. Барклая де Толли, А.П. Ермолова, Л.Л. Беннигсена, П.П. Коновницына и др., которые неоднократно использовались в исторических исследованиях в качестве важнейшего источника для аргументации тех или иных положений. Однако исследователями не всегда принимался в расчет субъективизм авторских суждений, обусловленный либо оправдательными мотивами², либо личностными пристрастиями³, либо чрезмерным стремлением возвеличить свою роль в войне⁴. Наконец, некоторые из повествований носят просто фрагментарный характер и с ним никак нельзя связать обстоятельное освещение хода боевых действий⁵.

Информация, почерпнутая из литературы подобного типа, может быть признана достоверной только с учетом мотивов, заставивших автора взяться за перо, после сравнительного анализа альтернативных точек зрения, с учетом документальных первоисточников. Одним из первых такую методику работы с мемуарами при изучении темы использовал А.Н. Попов⁶.

¹ Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х гг.): Курс источниковедения истории СССР. М., 1940. Т. 2. С. 99–100.

² См.: Барклай-де-Толли М.Б. Изображение военных действий в первой армии в 1812 году: Донесение государю императору главнокомандующего первую армией, военного министра Барклай де Толли // ЧИОИДР. М., 1858. Кн. IV. С. 1–32; Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках гр. Ф.В. Ростопчина / пер. с фр. подлин. рукописи И.И. Ореус // Русская Старина. 1889. Декабрь. С. 643–725.

³ См.: Записки Алексея Петровича Ермолова: С приложениями: в 2 ч. М., 1865, 1868.

⁴ См.: Записки графа Л.Л. Беннигсена в кампании 1812 года // Русская старина. 1909. Апрель, июнь, июль, ноябрь, декабрь.

⁵ См.: Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 121–133.

⁶ См.: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2, 3; Его же. Отечественная война 1812 года. От Смоленска до приезда Кутузова в

В связи с этим для историографа и источниковеда представляется важной и другая сторона проблемы – собственная история создания и опубликования мемуарных источников. Ее изучение в диалектическом единстве с анализом содержательной стороны позволяет не только определить ценность такого источника, но и способствует выявлению общих закономерностей и тенденций развития историографии в целом.

Записки и воспоминания о нашествии Наполеона на Россию заняли значительное место в мемуарной литературе XIX в. В настоящее время известно более пятисот их наименований¹. Эти произведения различны по объему, манере повествования и глубине исторического анализа. Большая часть из них опубликована, а часть хранится в рукописях.

Из всего массива известных записок и воспоминаний А.Г. Тартаковский установил точную дату написания только 270 сочинений. Анализируя их, историк выделил периоды подъема и падения мемуаротворчества.

Как установлено ученым, устойчивый рост мемуарной литературы совпадал с повышением общественно-исторического интереса к теме. Наибольшее количество сочинений мемуарного жанра создавалось сразу после войны. По подсчетам А.Г. Тартаковского, за 8 послевоенных лет их было создано больше, чем в каждое из последующих десятилетий XIX в. – 76 произведений, или $\frac{1}{4}$ от общего числа известных произведений.

Самые первые воспоминания писались уже в октябре 1812 г. под непосредственным впечатлением от недавних событий. Наибольшее освещение в мемуарах этого периода получила тема пожара Москвы и пребывания в ней французских войск².

В послевоенный период стали создаваться и более обстоятельные работы. Свои воспоминания об участии в военных действиях начали писать армейские офицеры и генералы – А.Х. Бенкендорф, Д.П. Бутурлин, С.Н. Глинка, Ф.Н. Глинка, Д.В. Давыдов, А.П. Ермолов, А.И. Михайловский-Данилевский и др. К 1820 г. некоторые из них частично

армию // Русская старина. 1893. № 11, 12; Его же. Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины. СПб., 1877.

¹ См.: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: легенды и быль 1812 г. М., 1996. С. 18.

² Подробнее см.: Тартаковский А.Г. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 году: к методике источниковедческого анализа // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 264–273.

или полностью публиковались в периодической печати, другие выходили отдельными изданиями¹.

В начале 20-х годов к описанию своего участия в событиях войны 1812 года приступили некоторые видные политические деятели, и в частности гр. Ф.В. Ростопчин². В записках московского военного губернатора оказались запечатлены важнейшие сведения о состоянии московского общества, раскрывались подробности приезда Александра I в Москву, последние часы пребывания русских войск в столице, отчасти проливался свет на причины московского пожара, на характер взаимоотношений Ф.В. Ростопчина с главнокомандующим русской армией и т. п. Однако, как и многие другие важные мемуарные источники, эти записки длительное время оставались скрытыми от взора общественности. Ряд мемуаров, написанных в первое десятилетие после войны, также стали известны русской общественности гораздо позже, во второй половине XIX в.

Анализ мемуарной литературы этого периода указывает, что в ней, как правило, находили отражение господствующие в обществе национально-патриотические настроения. В связи с этим авторы подавляющего большинства воспоминаний придерживались самодержавно-охранительного направления в историографии 1812 г., стремились обойти острые углы социально-политических проблем.

Следует отметить и тот факт, что записки и воспоминания послевоенного периода готовились параллельно с разработкой первых научно-публицистических работ о нашествии Наполеона в Россию. Как будет рассмотрено в дальнейшем, их авторы также в своем большинстве являлись непосредственными участниками происходивших

¹ См.: Бенкендорф А.Х. Описание военных действий отряда, находящегося под начальством ген. Винценгероде в 1812 году // Военный журнал. 1817. Кн. III. С. 25–41; Глинка С. Прибавление к русской истории Сергея Глинки, или Записки и замечания о происшествиях 1812, 1813 и 1814 годов, им самим изданные: в 2 ч. М., 1818; Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 1–8. М., 1815–1816. Ч. 4. М., 1815; Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года // Отечественные записки. 1820. № 1. 1821. № 17, 18. 1822. № 23, 24; Михайловский-Данилевский А.И. О сдаче Москвы // Русский вестник. 1819. № 9–10. С. 5–44; Его же. Два отрывка из истории 1812 года // Вестник Европы. 1817. № 22. С. 128–146; Норов С.В. Записки о походах 1812–1813 гг. от Тарутинского сражения до Кульмского боя: в 2 ч. СПб., 1834; Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9–11. 1886. № 1–2; Раевский А.Ф. Записки русского офицера // Благонамеренный. 1818. Ч. 1. С. 51–75, 331–345; Штейнгель В. Записки касательно составления и самого похода С.-Петербургского ополчения...: в 2 ч. М.; СПб., 1814–1815.

² См.: Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках гр. Ф.В. Ростопчина. С. 725.

событий. Отчасти по этой причине, но в большей степени потому, что наиболее значимые мемуарные произведения оставались пока в стадии разработки или были не доступны исследователям, на данном этапе развития историографии мемуары еще активно не вводились в научный оборот.

Новый подъем русской мемуарной литературы, посвященной Отечественной войне 1812 года, отмечался в 30-е гг. XIX в., когда создавались наиболее яркие памятники мемуарного творчества. Важное место для последующего развития историографии имела публикация записок участников войны Н.Б. Голицына, Н.А. Дуровой, Р.М. Зотова, Н. Любенкова, В.С. Норова, И.Т. Радожицкого, Государственного секретаря А.С. Шишкова, которые неоднократно использовались историками при подготовке научных трудов в качестве важнейших исторических источников¹.

В эти же годы Д.В. Давыдов пытался полностью опубликовать главный мемуарный труд своей жизни «Дневник партизанских действий», над которым он работал в общей сложности четверть века. Однако эти попытки не привели к успеху, «Дневник» при жизни Д.В. Давыдова в полном объеме опубликован не был. Наиболее полная редакция этого произведения не опубликована и до настоящего времени².

Активный количественный рост опубликованной мемуарной литературы во второй половине 30-х годов можно объяснить предстоявшим 25-летним юбилеем Отечественной войны 1812 года. Поэтому главной темой для воспоминаний являлись собственно военные события. Значительная часть мемуаров писалась в виде книг с явным расчетом на массового читателя. В какой-то степени это обстоятельство определило их ориентацию на официальную концепцию войны.

В это же время свидетельства генералов и офицеров действующей армии стали активно использоваться в научных работах, что составило одну из особенностей развития историографии темы. Широкую опору на мемуарные источники одним из первых осуществил А.И. Михайловский-Данилевский при подготовке заказанной ему

¹ См.: Голицын Н.Б. Офицерские записки, или Воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. М., 1838.; Дурова Н.А. Кавалерист-девица: происшествия в России: в 2 ч. СПб., 1836; Зотов Р.М. Рассказы о походах 1812-го и 1813-го годов прапорщика Санкт-петербургского ополчения. Соч. Р. Зотова. СПб., 1836; Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837; Наполеон и Москва. СПб., 1837; Шишков А.С. Краткие записки адмирала А. Шишкова... СПб., 1831; 2-е изд. СПб., 1832; и др.

² См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. С. 192–193.

Николаем I официальной истории войны. Историк проводил целенаправленную работу по сбору воспоминаний участников событий 1812 г. Его переписка с корреспондентами носила конфиденциальный характер, выражала личную просьбу делать, по возможности, объективные суждения о пережитом¹.

Собранная А.И. Михайловским-Данилевским коллекция воспоминаний в последующем стала предметом специального изучения В.И. Харкевича и К.А. Военского и была опубликована благодаря их стараниям. Она активно использовалась и продолжает использоваться при подготовке многих научных трудов.

Однако, как отмечалось, ведущей тенденцией в публикуемой мемуарной литературе 30-х годов являлась ее ориентация на правительственную концепцию Отечественной войны 1812 года. Критические оценки деятельности правительства из-за жестких цензурных ограничений в этот период вряд ли могли быть вынесены на суд общественности. Примером тому могут послужить упомянутые «Краткие записки адмирала А.С. Шишкова», которые представляли собой выдержки из более обширных воспоминаний о жизненном пути известного государственного деятеля, предназначенные для его ближайшего окружения, а не для широкой читательской аудитории. Готовя текст к публикации, А.С. Шишков вынужден был изъять из текста все объективные характеристики положения дел в Главной квартире в 1812 г., рассуждения о негативном влиянии Александра I на управление войсками, о его покровительстве иностранцам и т. п. Одновременно для кратких записок им писались дополнения, усиливавшие их официально-правительственную направленность.

В 40-х – первой половине 50-х годов XIX в. в развитии мемуарной литературы, как и в общей историографии темы, наблюдается определенный спад. Анализ статистики, представленной А.Г. Тартаковским, указывает на уменьшение общего количества всех написанных в 40-е годы воспоминаний по сравнению с предшествующим десятилетием в 3 раза, а публикаций 50-х годов – в 2 раза.

Рост числа мемуарных произведений, начавшийся с конца 50-х годов, А.Г. Тартаковский, объяснял повышением общественного внимания к теме наполеоновского нашествия на Россию в связи с Крымской войной 1853–1856 гг., приближающимся 50-летием войны, а также возрастом ее участников. По мнению ученого, новая война, которую пережила страна в середине XIX столетия, и грядущие

¹ Подробнее см.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. С. 218–224.

юбилейные торжества настраивали престарелых ветеранов оставить свои впечатления и размышления о пережитом для потомства¹.

Однако такую точку зрения вряд ли можно признать исчерпывающей при объяснении нового подъема в мемуарном творчестве. Во многом дальнейшему обновлению комплекса публикуемой мемуарной литературы, способствовало смягчение цензурных ограничений в период демократических реформ Александра II.

Как извлеченные из архивов, так и новые мемуарные сочинения, издававшиеся в 50–70-е годы XIX в. под влиянием наступивших перемен в общественной жизни, отличались большей свободой в суждениях о событиях войны. В ряде мемуаров затрагивались те исторические сюжеты, которые в предшествующие десятилетия не предавались огласке. Сильное впечатление на общественность произвела публикация исторических заметок А.Д. Бестужева-Рюмина, занимавшего в 1812 г. должность начальника Московского вотчинного департамента и хранителя архива². Правдивое описание автором в своих мемуарах драматических и противоречивых событий московской жизни накануне вступления и в период пребывания французов в Москве побудили и некоторых других очевидцев событий взяться за перо³.

На волне демократизации и развития критического направления в исторической науке часть мемуаров переиздавались в более полном объеме. Так, в 1860 г. появление очередного выпуска сочинений Д.В. Давыдова⁴ объяснялось тем, что «прежние издания были еще слишком близки к тем событиям... по этому самому, многие подробности о действователях того времени, об их характерах не могли появиться в печати так, как они выходили из-под правдивого пера Давыдова. Только теперь уже это делается несколько более возможным и позволило в новом издании пополнить те пропуски, которые были сделаны в прежних изданиях»⁵.

¹ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 229–235.

² См., напр.: Бестужев-Рюмин А.Д. Донесение И.И. Дмитриевичу от 27 февраля 1813 года: О происшествиях, случившихся в Москве во время пребывания в оной неприятеля в 1812 году // ЧИОИДР. 1859. Кн. II. Отд. II. С. 93–114; Его же. Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году: Вступление. Отдел 1 // ЧИОИДР. 1859. Кн. II. Смесь. С. 65–59.

³ См.: Канонов А.Н. Письмо к редактору // Московские ведомости. 1860. № 13; Жуков И.Ф. Новые известия очевидца и личного деятеля катастрофы // Московские ведомости. 1860. № 76.

⁴ См.: Сочинения Д.В. Давыдова. 4-е изд., испр. и доп. М., 1860.

⁵ Сочинения Д.В. Давыдова / публ. Н. Глиноецкого // Военный сборник. 1860. № 6. С. 499–506.

На развитие мемуарной литературы сильное влияние оказывала дальнейшая разработка истории Отечественной войны 1812 года. В этот период некоторые из современников тех лет обращались к воспоминаниям о пережитом под влиянием научной полемики, развернувшейся в периодической печати. Жесткая критика И.П. Липранди работ А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича побудили и других участников войны обнародовать свои мысли о памятных событиях. Среди них бывший адъютант А.И. Остермана-Толстого князь Н.Б. Голицын, который описал положение дел в Москве накануне вступления в нее французских войск¹, существенно дополнив тем самым свои изданные еще в 1838 г. «Офицерские записки». «Слово Липранди пробудило... воспоминания» и у его сослуживца по VI пехотному корпусу, бывшего артиллерийского поручика Н.Е. Митаревского, опубликовавшего свои впечатления о Бородинском сражении², а впоследствии и более полные записки о 1812 г.³

Сама «История Отечественной войны 1812 года» М.И. Богдановича стала предметом основанного на личных воспоминаниях разбора не только у И.П. Липранди, но и у хорошо осведомленного о делах в Главной квартире делопроизводителя секретной канцелярии М.И. Кутузова А.А. Щербинина. Суждения историка рецензент пытался дополнить или опровергнуть своими замечаниями непосредственного участника событий⁴.

Под влиянием сочинения М.И. Богдановича и острых рецензий И.П. Липранди, не смог остаться в стороне от завязавшейся дискуссии бывший поручик пионерных (инженерных) войск генерал-лейтенант Д. Богданов⁵. В 1869 г. он написал «...Рассказ очевидца» о Бородинском сражении⁶. В отличие от историка участник битвы оценивал действия русского командования только с положительной стороны. Д. Богданов выражал полное несогласие по поводу критических замечаний, высказанных М.И. Богдановичем в адрес М.И. Кутузова. Вслед за Липранди он подверг сомнению достоверность

¹ См.: Голицын Н.Б. Еще об Отечественной войне: письмо в редакцию // Северная пчела. 1858. № 202.

² См.: М[итаревский] Н.Е. Воспоминания о Бородинском сражении // Русский инвалид. 1861. № 119, 120.

³ См.: Митаревский Н.Е. Воспоминания о войне 1812 года. М., 1871.

⁴ См.: Щербинин А.А. Мои заметки при чтении истории войны 1812 года ген. Богдановича // ЧИОИДР. 1912. Кн. 4, II. С. 10–16.

⁵ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 81. Л. 269.

⁶ См.: Богданов Д. Бородино. Из войны 1812 года. Рассказ очевидца // РГИА. Ф. 729. Оп. 1 (1812 г.). Д. 900. Л. 1–57. Копия в АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 81. Л. 243–298.

воспроизведенной исследователем хронологии сражения, подчеркнув, что в работе «замечается более чем неточность...»¹ Несмотря на явную публицистическую направленность воспоминаний Д. Богданова, они не попали на страницы печати, долгое время хранились в архиве и частично были опубликованы лишь к 150-летию Отечественной войны 1812 года.

В 60–70-е годы XIX столетия мемуары оставались важнейшим историческим источником при подготовке капитальных научных работ. М.И. Богданович, например, был лично знаком с А.П. Ермоловым, прислушивался к его советам и замечаниям. Это знакомство с известным героем войны 1812 года и подлинником его мемуаров дало основание историку указать, что многочисленные копии воспоминаний А.П. Ермолова, «из числа коих один экземпляр находится в Императорской публичной библиотеке под заглавием “Записки о войне 1812 года”, А.П. Е., большею частью неверны»².

Изучая историю Отечественной войны, М.И. Богданович имел у себя собственноручные записки А.А. Щербинина³. Из фондов Военно-топографического депо историк извлек «Изображение военных действий в первой армии в 1812 году» М.Б. Баркляя де Толли, описания сражений при Смоленске и Бородине графа К.Ф. Толя, воспоминания принца Е. Виртембергского, В.И. Левенштерна, А.Х. Бенкендорфа, П.В. Чичагова и некоторых других. Всего историк использовал около 50 мемуарных произведений иностранных и отечественных авторов⁴.

С середины 70-х годов отмечается стремление исследователей к критическому анализу содержащихся в мемуарах сведений и суждений. Получивший широкую известность труд А.Н. Попова о московских событиях представлял собой критический разбор тогда еще не опубликованных воспоминаний Ф.В. Ростопчина⁵.

¹ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 81. Л. 278.

² Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 527–528.

³ См.: Щербинин А.А. Мои записки о кампании 1812 года // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках... Вып. 1. С. 14–53. Эти записки после смерти их автора были переданы М.И. Богдановичем в Военно-учебный архив и в настоящее время составляют одно из архивных дел фонда ВУА в РГВИА. См.: Валькович А.М. А.А. Щербинин // 1812 год...: Военные дневники. М., 1990. С. 245–247.

⁴ Подсчитано по: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года Т. 3. С. 527–528, 537–541.

⁵ См.: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2, 3. Полностью текст записок Ростопчина был опубликован лишь в конце 80-х го-

Между тем масштаб работ по сбору мемуарных памятников для использования их в исторических исследованиях в 60–70-е годы XIX в. явно уступал усилиям, проявленным в этом направлении А.И. Михайловским-Данилевским.

Начиная с 70-х годов XIX столетия массив мемуаров увеличивался за счет последних воспоминаний престарелых современников 1812 г. Хронологию мемуаров непосредственных участников войны завершили краткие заметки М.И. Муравьева-Апостола, продиктованные наследникам в 1886 г.¹

В начале XX столетия наиболее плодотворная работа, предпринятая для опубликования не известных широкой научной общественности воспоминаний участников Отечественной войны, была проделана В.И. Харкевичем и К.А. Военским.

В 1900 г. по рекомендации начальника Военно-ученого архива А.З. Мышлаевского В.И. Харкевич был привлечен к издательству упомянутого ранее многотомного документального свода «Отечественная война 1812 года: Материалы Военно-ученого архива». К этому времени историк уже имел в своем активе серьезное военно-историческое сочинение, посвященное Березинской операции², и проводил большую научно-поисковую работу в Военно-ученом архиве³. Тогда же он выступил с инициативой опубликовать наиболее интересные воспоминания из коллекции мемуаров А.И. Михайловского-Данилевского⁴. Они издавались с 1900 по 1907 г. при содействии штаба Виленского военного округа, но преимущественно на личные средства В.И. Харкевича⁵.

Первый и второй выпуски сборника мемуаров содержали в себе воспоминания офицеров и генералов 1-й и 2-й Западных армий. Третий выпуск составили дневники и записки ветеранов отдельного корпуса П.Х. Витгенштейна, четвертый – свидетельства участников войны, сражавшихся в армии П.В. Чичагова⁶.

дов. См.: Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках гр. Ф.В. Ростопчина.

¹ Подробнее об этом см.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в. С. 78.

² См.: Харкевич В.И. 1812 год. Березина: военно-историческое исследование. СПб., 1893.

³ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–1 об.; Д. 123. Л. 7, 123.

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Д. 129. Л. 10; Д. 124. Л. 18.

⁶ См.: Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы Военно-ученого архива: Вып. 1–4. Вильна, 1900–1907.

После смерти В.И. Харкевича новые усилия для издания мемуаров предпринял К.А. Военский. В преддверии столетия Отечественной войны 1812 года он выпустил отдельной книгой воспоминания участников Березинской операции¹. Этот сборник, как и предшествовавшие ему выпуски В.И. Харкевича, был составлен преимущественно по материалам коллекции А.И. Михайловского-Данилевского.

Следует заметить, что до настоящего времени мемуарные публикации В.И. Харкевича и К.А. Военского рассматривались в качестве совершенно обособленных изданий². Более доскональное изучение материалов РГВИА позволяет уточнить эту точку зрения. Судя по архивным источникам, опубликование мемуаров из коллекции А.И. Михайловского-Данилевского осуществлялось в рамках единого замысла масштабного издания всего комплекса военно-исторических документов о 1812 г.

Положение указанных сборников мемуаров в издательском проекте Военно-ученого архива во многом объясняет направленность их содержания на военную проблематику. Дневники и воспоминания служили дополнением к оперативной и военно-административной документации, позволяли исследователям более глубоко и всесторонне освещать положение дел в армии с учетом свидетельств непосредственных участников событий.

Начало XX столетия было последним в дореволюционной историографии временем подъема публикаций мемуарной литературы, посвященной событиям Отечественной войны 1812 года. Первая мировая и последовавшая за ней Гражданская войны не только отодвинули на второй план эту проблему, но во многом создавали труднопреодолимые препятствия для ее реализации.

В итоге ожесточенного классового противостояния оказались уничтожены, вывезены за границу или безвозвратно утрачены многочисленные частные архивы с их бесценными рукописями. Одновременно нарушилась налаженная работа ведущих археографических центров.

В таких условиях возможности для воспроизводства в печатном виде мемуарного наследия 1812 года оказались резко ограниченными. Возрождение интереса к военным традициям русской армии на-

¹ См.: Военский К.А. Отечественная война 1812 года в записках современников: Материалы Военно-ученого архива. СПб., 1911.

² См.: Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. С. 10; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 9; 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 7.

кануне Отечественной войны 1941–1945 гг. не внесло принципиальных изменений в этот вопрос. Однако в русле военно-патриотической работы, активно проводившейся в советском обществе в преддверии фашистской агрессии, стали появляться отдельные публикации с воспоминаниями современников 1812 г.¹

Летом 1941 г., уже в условиях начавшейся войны, из печати вышел составленный научными сотрудниками ленинградского отделения Института истории АН СССР сборник документов и материалов под общей редакцией Е.В. Тарле, А.В. Предтеченского и Е.И. Бочкаревой. Построенный по тематическому принципу, он содержал в себе многочисленные отрывки из уже публиковавшихся мемуаров И.П. Раджицкого, П.А. Тучкова, Н.Н. Муравьева, А.С. Норова, А.Д. Бестужева-Рюмина, С.Г. Волконского и других². Отчетливо прослеживается тенденциозность сделанной подборки. Авторы сборника исключили мемуарные воспоминания с критическими оценками русского военного искусства. В свою очередь, приводились только негативные характеристики современников об участии дворянства и купечества в событиях войны³. Как и при публикации документов, перепечатка известных мемуарных произведений выполняла сугубо прагматическую роль идейно-политического и патриотического воспитания населения, направленного на воспитание ненависти к любым иноземным захватчикам.

Положение дел существенно не изменилось и в послевоенные десятилетия. Однако некоторое оживление в публикации мемуарной литературы наблюдалось в связи с масштабными приготовлениями к празднованию 150-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. Выпущенный под руководством Главного архивного управления при Совете министров СССР юбилейный сборник документальных материалов был представлен подборкой из дневников и воспоминаний участников Бородинского сражения, в большинстве своем опубликованных еще в дореволюционной историографии⁴.

С точки зрения введения в историографический оборот не известных ранее мемуаров интерес представлял включенный в этот сборник отрывок из записок Д. Богданова об инженерном укреплении

¹ См.: Глушаковский А. Москва в 1812 году // Красный Архив. 1937. Т. 4. С. 121–159.

² См.: Отечественная война 1812 года: Сб. документов и материалов. Л.; М., 1941.

³ См. там же. С. 78–79, 86–87, 89 и др.

⁴ См.: Бородино. 1812–1962: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 315–400.

Курганной батарее¹. Судя по всему, о записках Д. Богданова советским исследователям стало известно в первой половине 50-х годов. Полная машинописная копия этого документа, подшитая среди подготовительных материалов к рукописи очерка Е.В. Тарле «Бородино», имеется и в Архиве РАН². Она составлялась специально для ученого по рукописи подлинника, хранящегося в Российском государственном историческом архиве. Об этом свидетельствуют отметки, сделанные на последнем листе машинописной копии.

Е.В. Тарле работал над очерком после жесткой партийной критики его взглядов в 1951 г. Патриотической настрой автора записок, проявлявшийся в чрезмерном стремлении показать действия русских войск только с выгодной стороны, как нельзя лучше подходил для иллюстрации новых подходов к освещению роли М.И. Кутузова в войне. Поэтому историк широко использовал этот нигде не публиковавшийся документ и неоднократно ссылался на него как на авторитетный источник³. Например, Д. Богданов в сочинении Е.В. Тарле охарактеризован как «умный, проницательный и осторожный наблюдатель», который даже в начале сражения, видя большие потери противника, «ясно понял уже тогда... что у неприятеля быть победы не может никак»⁴.

Однако Е.В. Тарле не успел при жизни опубликовать свою последнюю работу о Бородинском сражении. Несколько лет она пролежала в бумагах академика после его смерти и была обнаружена А.Г. Черновым при их разборе⁵. В 1961 г. работа была передана для рецензирования Л.Г. Бескровному⁶, который мог ознакомиться с записками Д. Богданова, подшитыми к рукописи. Вполне возможно, что по его рекомендации, как редактора готовившегося к печати юбилейного сборника документальных материалов, в книгу были включены выдержки из этих воспоминаний. Такой вывод напрашивается из того, что рукопись Д. Богданова оказалась единственным документом, опубликованным без ссылки на источник.

¹ См.: Из Воспоминаний Д. Богданова «Бородино». Из войны 1812 года. Рассказ очевидца // Бородино, 1812–1962: Документы, письма, воспоминания. С. 336–339.

² См.: АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 81. Л. 243–248.

³ См.: Тарле Е.В. Бородино. 1812–1952 // Соч.: в 12 т. М., 1962. Т. 12. С. 423, 437, 439, 440, 443.

⁴ См.: Там же. С. 437.

⁵ См.: Шеин И.А. Научное наследие Е.В. Тарле: история одной публикации // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 39.

⁶ АРАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 54. Л. 9.

Кроме мемуаров Д. Богданова, к 150-летию юбилею Отечественной войны 1812 года в периодической печати были опубликованы еще несколько не известных ранее отрывков из воспоминаний современников 1812 г.¹

Эти незначительные по своему объему публикации вплоть до начала 80-х годов XX в. составили прирост новых публикаций мемуарной литературы о 1812 г.

Архивные работы по поиску и опубликованию мемуаров современников 1812 г. были активизированы в связи с итогами упомянутого источниковедческого исследования А.Г. Тартаковского². В процессе разработки проблемы ученый установил, что резервы рукописных материалов, требующие своего издания, далеко не исчерпаны. Он сумел выявить 40 неизвестных или забытых мемуарных рукописей по эпохе 1812 г. и указал на наличие еще 37, местоположение которых было неизвестно³.

С течением времени определенное количество мемуаров постепенно откладывалось в государственных архивах, хранивших материалы известных политических и общественных деятелей дореволюционной России. Особый интерес представляли архивные фонды историков и редакторов исторических журналов (М.Н. Погодина, П.И. Бартенева, В.И. и М.И. Семевского, С.П. Мельгунова). Определенная подборка воспоминаний скопилась среди документов «Особого комитета по устройству Музея 1812 года», а также в коллекциях собирателей русской старины (П.И. Щукина, А.А. Титова, Е.В. Барсова). В начале 20-х годов XX в. эти материалы образовали фонды отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)⁴.

В преддверии 175-летнего юбилея Отечественной войны по предложению А.Г. Тартаковского было решено подготовить сборник из ранее не публиковавшихся воспоминаний участников войны. Для

¹ См.: Паскевич И.Ф. День Бородина. Походные записки И.Ф. Паскевича // Неделя. 1962. № 29; Душенкевич Д. Честь защищать отечество. Из воспоминаний Д. Душенкевича, адъютанта генерала Неверовского // Известия. 1962. 17 октября; Чичерин А. Тетрадь Александра Чичерина // Новый мир. 1962. № 9. С. 7–70; Его же. Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966.

² См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источниковедческого изучения: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980.

³ См.: 1812 год в воспоминаниях современников. С. 10.

⁴ 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания отдельных письменных источников Государственного исторического музея. М., 1991. С. 5.

реализации этой идеи при содействии Института истории АН СССР были специально обследованы фонды 11 крупнейших архивохранилищ Москвы и Ленинграда. В результате тщательных поисков было выявлено 80 неизвестных или частично известных воспоминаний и дневников¹.

К лету 1985 г. внушительный по объему (около 50 авторских листов) сборник под названием «1812 год глазами современников» был подготовлен к печати. Он включал в себя полные тексты более 30 ранее малоизвестных или вообще неизвестных мемуаров самого широкого жанрового диапазона, «написанных людьми разных поколений и различных социокультурных слоев»². Однако в связи с финансовыми затруднениями указанный труд так и не вышел в свет³. Некоторая часть наиболее важных с точки зрения разносторонности и новизны освещения событий 1812 года воспоминаний была опубликована А. Г. Тартаковским в журнале «Знамя»⁴.

Подготовка к 175-летнему юбилею Отечественной войны 1812 года была ознаменована другими журнальными публикациями⁵ и даже отдельными сборниками⁶, построенными на перепечатке наиболее редких и содержательных, но все же уже ранее публиковавшихся дневников, записок, воспоминаний участников войны.

Между тем идея издать неизвестные и не публиковавшиеся ранее рукописи не была оставлена. Не без усилий составителей в 1990 г. в издательстве «Советская Россия» вышел сборник «1812 год...: Военные дневники»⁷. В нем впервые по архивным первоисточникам вводились в историографический оборот полные тексты дневниковых записей генералов Д. М. Волконского и В. В. Вяземского, штабных офицеров Н. Д. Дурново, И. П. Липранди, А. А. Щербинина, А. И. Михайловского-Данилевского – всего

¹ См.: 1812 год в воспоминаниях современников. С. 10.

² 1812 год...: Военные дневники. М., 1990. С. 12.

³ См.: 1812 год в воспоминаниях современников. С. 11.

⁴ См.: Знамя. 1987. № 8. С. 129–206.

⁵ См.: Богатыри: [Ранее не публиковавшиеся записки и дневники] / публ. Л. Исаевой и А. Горбунова // Смена. 1987. № 17. С. 4–8; К 175-летию Отечественной войны 1812 года: Отрывки из воспоминаний участников войны // В мире книг. 1987. № 10. С. 65–71.

⁶ См.: Мы были дети 1812 года: Записки, страницы воспоминаний. Воронеж, 1989; России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988; Русские мемуары: Избранные страницы, 1800–1825 гг. М., 1989.

⁷ См.: 1812 год...: Военные дневники / сост. и вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990.

шесть дневников. Основная ценность этого издания заключалась том, что исследователи истории Отечественной войны 1812 года получили свежий материал, который в хронологическом ряду мемуарной литературы создавался одновременно с происходившими событиями.

В следующем 1991 г. в издательстве «Мысль» вышла вторая очередь ранее не публиковавшихся записок участников войны под названием «1812 год: Воспоминания воинов русской армии»¹. Новый сборник был построен на материалах ОПИ ГИМ. Читателю предлагалось 6 памятников русской мемуарной культуры, посвященных эпохе 1812 г. Материалы указанного сборника позволили уточнить ряд военных эпизодов, не нашедших отражения в официальных реляциях, и некоторые биографические данные о знаменитых русских полководцах.

Очередные четыре неизвестных дневника участников заграничных походов 1813–1815 гг. составили один из разделов сборника документальных материалов опубликованного в 1992 г. издательством «Терра»². Здесь же в новом переводе с французского языка были помещены фрагмент из воспоминаний защитника Багратионовых флешей 26 августа 1812 г. графа М.С. Воронцова, а также его «Дневниковые записки» 1813 г. и рапорты 1814 г., извлеченные из коллекции И.Е. Забелина³.

Наконец в 1995 г. под редакцией А.Г. Тартаковского увидела свет последняя подборка вновь выявленных мемуарных рукописей: «1812 год в воспоминаниях современников»⁴. В отличие от сборников начала XX в., подготовленных В.И. Харкевичем и К.А. Военским на материалах одной коллекции А.И. Михайловского-Данилевского, новая публикация представляла собой итог целенаправленного поиска в фондах важнейших архивохранилищ страны⁵. Включенные в сборник 17 мемуаров в большинстве своем публиковались впервые. Специфическая особенность сборника состояла и в том, что он не замыкался только на военном аспекте 1812 г. Его содержание отражало достаточно правдивые свидетельства людей различного социального происхождения о состоянии русского общества в годы войны.

¹ 1812 год: Воспоминания воинов русской армии: Из собрания отдельных письменных источников Государственного исторического музея / сост. Ф.А. Петров и др. М., 1991.

² См.: 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона... С. 315–487.

³ См.: Там же. С. 270–283.

⁴ См.: 1812 год в воспоминаниях современников / под ред. А.Г. Тартаковского. М., 1995.

⁵ См.: Там же. С. 12.

В начале XXI столетия массового издания мемуаров участников войны 1812 года не наблюдалось. Исключение составляют отдельные публикации¹. Следует также отметить переиздание некоторых ранее публиковавшихся воспоминаний².

Отличительной особенностью современной российской историографии стало введение в научный оборот большого количества иностранных мемуаров, ранее практически не использовавшихся отечественными исследователями. Показательна в этом отношении источниковедческая деятельность А.И. Попова³. Представляется, что это

¹ См.: Воспоминания князя А.Г. Щербатова / публ. О.И. Киянской и А.А. Щиряевой // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 года: Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 137. С. 221–248; Воспоминания Д. ван Довеваарда // публ. М.В. Кроль, В.П. Тотфалушина // Там же. М., 2003. Вып. 179. С. 382–389; Дневник 1812–1813 гг. В.Г. Геракова / публ. Д.Р. Невской, В.М. Боковой // Там же. М., 2005. Вып. 147. С. 125–215; и др.

² См.: 1812 г. в воспоминаниях, переписке и рассказах современников / сост. Г. Балицкий. М., 2001; Бородино: в воспоминаниях современников. СПб., 2001; Наполеон в России глазами русских / под ред. И. Захарова. М., 2004; Наполеон в России глазами иностранцев: в 2 кн. / пер. с фр. и нем. М., 2004. Кн. 1: Нашествие в Москву / сост. А.М. Васютинский и др.; Отечественная война 1812 года: воспоминания современников / сост. А.И. Михайловский-Данилевский. М., 2004; Отечественная война в письмах современников / сост. Н.Ф. Дубровин. М., 2006; Воспоминания современников эпохи 1812 года на страницах журнала «Русская старина» / сост. В. Безотосный. М., 2011; Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев: в 2 кн. / сост. А. Васютинский, А. Дживелегов, С. Мельгунов. М., 2012; и др.

³ См.: Попов А.И. Мемуары о Бородинском сражении // Воин. 2002. № 10. С. 68–70; Его же. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 46–64; Его же. Воспоминания о службе в тылу // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография: Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 161. С. 248–270; Его же. Из солдатских воспоминаний о русском походе 1812 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 335–349; Его же. Служба в тылах Великой армии в 1812 г. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография: Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 166. С. 257–283; Его же. Отрывки из «Дневника кампании в России в 1812 году» // Эпоха 1812 г. // Там же. М., 2009. Вып. 181. С. 261–290; Его же. Безымянные мемуары // Наполеон. Альманах за 2010 г. М., 2011. С. 81–88; Его же. Дневник капитана Теодора фон Папета // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография: Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 187. С. 382–415; Его же. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812–1814 гг. // Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 531–580; Его же. «Северные

новое направление связанного с расширением вводимого в научный оборот круга источников личного происхождения имеет значительный, но пока еще не реализованный исследовательский потенциал. Российские историки пока еще делают только первые шаги в указанном направлении¹.

Таким образом, процесс обнаружения и опубликования свидетельств современников 1812 г. растянулся почти на два столетия. Изучение литературы мемуарного жанра показало, что процесс приращения ее рукописного и опубликованного фондов активизировался под влиянием различных факторов. В XIX–XX вв. рост количественных показателей мемуаров находился в прямой зависимости от степени актуальности темы и общественного интереса к ней, отношения к истории 1812 г. представителей высшей государственной власти, остроты разворачивавшихся на страницах периодических изданий дискуссий, итогов научно-исследовательской работы и т. п.

Сопоставив научные труды и мемуарную литературу XIX в., можно сделать вывод, что господствующая историческая концепция войны зачастую определяла собой содержательную часть мемуаров, в первую очередь оценочные подходы авторов к воспроизведению пережитого. Следовательно, русская мемуаристика 1812 г. являет собой неотъемлемую составляющую историографии исследуемой проблемы, развивавшуюся в контексте общих тенденций в этой области исторических знаний.

В качестве общего заключения об источниковой базе историографии и истории Отечественной войны 1812 года, что за 200-летний период своего существования она имеет в своем распоряжении мощную источниковую базу, основу которой составляет массив тематически ориентированной литературы. В течение XIX–XX вв. был накоплен, систематизирован и частично опубликован комплекс документов, отражающий как процесс развития историографии темы, так и подлинные события тех давних лет. Представляя особый тип историографических источников, документальные материалы выступают надежным аргументом для обоснования выдвигаемых историками взглядов и суждений. Только их всесторонний анализ позволяет до-

амуры»: иррегулярные войска России в восприятии наполеоновских войн // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 2012. С. 208–217; Попов А.И., Хомченко С.Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография: Труды ГИМ. Вып. 166. М., 2007. С. 215–223.

¹ См.: Военнопленные армии Наполеона в России: 1806–1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. СПб., 2012.

биться глубокого и всестороннего понимания внутренних процессов развития исторической науки.

В источниковой базе особое место занимают мемуары и воспоминания свидетелей и участников войны. Эволюция этого вида литературы следовала в русле основных тенденций развития историографии темы, но вместе с тем имела свои характерные черты. Мемуары, для которых изначально свойственно личностно-субъективное начало в отображении пережитого, широко использовались в практике написания научных работ. Зачастую они становились основным и единственным доказательством в пользу выдвигаемых концептуальных положений, что влекло за собой ошибочные мнения и выводы. Поэтому учет специфики мемуарной литературы обязателен как при подготовке новых сочинений, так и при историографическом анализе научных трудов.

ГЛАВА II. ГЕНЕЗИС ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Приступая к характеристике дореволюционной историографии, важно подчеркнуть, что ее зарождение началось еще во время военных действий и связано с появлением первых информационных сообщений, правительственных документов и публицистических откликов на происходившие события. В послевоенный период с началом научного осмысления истории похода Наполеона в Россию тема получила дальнейшее развитие. Историки Российской империи разрабатывали и в большинстве случаев успешно воплощали в жизнь разнообразные творческие замыслы написания многочисленных исторических сочинений о событиях тех лет. Благодаря первопроходцам темы правительственная точка зрения на причины и характер прошедшей войны получила научное оформление. Официально-правительственная концепция войны, отражающая героический эпос борьбы русского народа с иноземным агрессором, была принята в научных кругах и широко популяризировалась среди населения страны. Однако с течением времени под влиянием различных факторов, утвердившиеся в науке и обществе официальные взгляды стали подвергаться сомнению и существенно изменялись. Разнообразие представленных точек зрения на историю Отечественной войны 1812 года в сочетании с активным формированием ее источниковой базы способствовало созданию в исследуемый период обширного в количественном отношении и многопланового по содержанию комплекса печатных изданий. Эти особенности в развитии историографии темы, получившие наиболее яркое выражение в период подготовки к 100-летию юбилею победоносного завершения войны, определили сложность ее научного познания.

Учитывая перечисленные обстоятельства, основное внимание в настоящей главе предполагается сосредоточить на вопросах причинной обусловленности появления научных работ, игравших ведущую роль в развитии изучаемой проблемы. При анализе их содержания ставилась задача проследить изменения в концептуальных положениях. Первостепенное значение придается сравнительному анализу

взглядов на социальный генезис войны и ее характер, на роль военачальников в руководстве военными действиями, на развитие вопросов военного искусства. Большое внимание уделяется сопоставлению существующих суждений о степени участия сословий и классов в организации обороны страны, о московском пожаре. Соответствующим образом предполагалось изучить эволюцию научных взглядов на причины победы России над наполеоновской Францией и ее значение для судеб нашей страны и послевоенной Европы. Указанные положения имеют основополагающее значение при разработке научной концепции войны.

Автор настоящей монографии стремился к тому, чтобы обобщающие оценки делать с учетом условий и факторов, которые влияли на творчество русских историков. Определенное значение придается научной критике анализируемых работ, изложенной в рецензиях и последующих научных трудах.

Представляется важным показать, каким образом итоги научных исследований отражались в научно-популярной публицистике и учебной литературе и формировали общественный взгляд на исследуемую проблему.

В настоящей главе немаловажное значение придается количественным показателям всей совокупности выпускаемой печатной продукции, позволяющим выявить особенности приращения литературы на различных этапах историографии.

§ 1. Формирование и развитие научных взглядов на историю похода Наполеона в Россию в первой половине XIX в.

Первые публикации о вторжении войск Наполеона в Россию появились в период военных действий. Их особенность состояла в том, что авторы военной поры еще не ставили перед собой задачи научного исследования войны и даже не пытались восстановить хронологию событий. Печатная продукция выполняла мобилизующую и информативную роль. Как правило, она представляла собой сочинения патриотического содержания, в которых отражалось возмущение современников вражеской агрессией. Особое место в зарождающейся историографии Отечественной войны 1812 года заняли официальные правительственные документы и информационные сообщения из действующей армии.

Наиболее оперативно на события войны реагировала *периодическая печать*. Статьи на злобу дня публиковались почти 20 газетами и журналами. Некоторые периодические издания, такие, например, как «Сын Отечества», «Военный журнал», своему появлению всеце-

ло обязаны событиям 1812 г. Тематика статей была представлена исторической ретроспективой, публицистическими размышлениями, заметками, а также всевозможными рассказами («анекдотами») об отдельных эпизодах войны¹.

В это же время большое распространение получили *публицистические брошюры*. В 1812 г. только в Москве и Петербурге их вышло около полусотни. Всего в 1812–1815 гг. по поводу наполеоновской агрессии вышло более 150 отдельных изданий².

Эмоциональный настрой русского общества определял *особенности жанра литературы* того времени, представленной политической сатирой³, памфлетами⁴, обращениями к согражданам⁵, заметками с театра военных действий.

Сочинения военных и первых послевоенных лет не отличались разнообразием тематики. В содержании многих из них доминировал наполеоновский мотив. Личность Наполеона оценивалась предвзято и без должного анализа результатов его военно-политической деятельности⁶. Практически каждое произведение 1812 и последующих годов проникнуто пафосом патриотизма, призывами к борьбе с врагом и выражением твердой уверенности в победе. Официальный историк темы А.И. Михайловский-Данилевский не относил такой «недостаток хладнокровия» к серьезным изъянам публицистики во-

¹ Подробнее см.: Тартаковский А.Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года. С. 233–254; Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников. С. 222–244; Михайловская Н. Журнал «Сын Отечества». 1812–1825 гг.: Из истории декабристской журналистики: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1952; и др.

² См.: Тартаковский А.Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года. С. 240; Его же. Военная публицистика 1812 года. С. 7.

³ См., напр.: Видение на яву и разговор Н[аполеона] с С[атаню] после сожжения Москвы... СПб., 1812; Дух Наполеона Бонапарте или истинное и безпристрастное изображение всех его свойств... В 2 ч. СПб., 1812; Ода на мир Европы, превращенная в басню. Харьков, 1815; Ретирада большой французской армии, поэма, или Наполеон горе-богатырь. СПб., 1813; и др.

⁴ См., напр.: Беседа столетнего подмосковного жителя с пленным французским солдатом. СПб., 1812; Мысли престарелого россиянина... М., [1813]; Русские и Наполеон Бонапарте... М., 1813; Разговор двух россиян и истинные чувства российского дворянина... М., 1812; 2-е изд. М., 1814; и др.

⁵ См.: Воззвание к соотичам... СПб., 1812. (Согласно исследованиям А.Г. Тартаковского, «Воззвание...» было написано Г. Меркелем и претерпело девять изданий: четыре – на русском, четыре – на немецком и одно – на французском. См.: Тартаковский А.Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года. С. 236.); Глас истины. СПб., 1812; Глас Русского. СПб., 1812; и др.

⁶ См., напр.: Видение на яву и разговор Н[аполеона] с С[атаню...].

енного лихолетья, считая, что «ниродно русскому сохранять равнодушие, видя пламенеющую Москву и бедствия Отечества»¹. Такая оправдательная характеристика для того периода имела свое объяснение и в наши дни может считаться вполне приемлемой по отношению к сочинениям, написанным под впечатлением от тяжелых последствий войны. Но одновременно следует обратить внимание на замечание А. В. Предтеченского² о том, что цензурные ограничения накладывали свой отпечаток на публикации военных и послевоенных лет. Поэтому представленные в них точки зрения во всех случаях не могли быть объективными.

Уже во время заграничных походов в 1813–1814 гг. в атмосфере всеобщего национального подъема современники начинают осознавать величие и историческую значимость победы русского народа над Наполеоном, необходимость запечатлеть историю борьбы за свою национальную независимость для потомков. Этот фактор стимулировал написание *первых обобщающих трудов*, которые стали появляться в печати с января–февраля 1813 г. в виде разнообразных «обозрений» и «описаний» военных действий³. Характеризуя этот начальный опыт исторических обобщений, А. И. Михайловский-Данилевский замечал, что «сии писатели не всегда имели верные источники... от сего не всегда в сочинениях находили истину»⁴.

Действительно, первые работы по истории войны 1812 года представляли собой изложения (не всегда последовательные) прошедшей военной кампании в России. Как правило, они писались на основе сообщений открытой печати и личных наблюдений авторов. По характеру привлечения документальных источников и по методам исследования такие сочинения были еще весьма несовершенны. Но тем не менее именно они заложили фундамент для последующих более основательных научных трудов, наметили общий контур первой военно-исторической концепции, занявшей ведущее положение в исторической науке.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465 (I). Л. 57 об.

² См.: Предтеченский А. В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников. С. 224.

³ См.: Булгаков А. Я. Русские и Наполеон. СПб., 1813; Деминский Я. Поход Наполеона в Россию... СПб., 1813; Историческое описание войны 1812 года. СПб., 1813; Наполеон и французы в Москве. М., 1813; Обзорение кампании 1812 года // Сын Отечества. 1813. № 3–5, 9; Отступление французов // Сын Отечества. 1813. № 1, 2; Поход Наполеона в Россию и бегство их из оной. Ч. 1–2. М., 1813; Тихонов Я. Поражение французов на Севере... М., 1814; и др.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465 (I). Л. 57 об.–58.

Примером научно-публицистических сочинений послевоенных лет может служить работа П.А. Чуйкевича под названием «Разсуждения о войне 1812 года»¹, в которой автор одним из первых в отечественной историографии попытался дать оценку социальной природе прошедшей войны, вскрыть причины успехов и неудач противоборствующих сторон. Историк проследил преемственность военного искусства Наполеона от войн революционной Франции, успешно применил метод сравнения Отечественной войны 1812 года с войной испанского народа за независимость, указав на их общие черты. На этом основании П.А. Чуйкевич сделал вывод о решающем значении морального фактора в войне и ее захватническом несправедливом характере со стороны Франции².

В рассматриваемой работе автор, указывая на правильность и необходимость стратегического отступления русской армии вглубь страны, развивал идеи своей написанной в апреле 1812 г. для военного министра аналитической записки³. Как полагают некоторые из современных историографов, в подобных рассуждениях П.А. Чуйкевича после окончания войны проявилось его целенаправленное стремление к публичной реабилитации находившегося в опале М.Б. Барклая де Толли⁴.

Обращает на себя внимание патриотическая направленность содержания работы. Историк стремился показать высокий общенациональный подъем страны, который, по его мнению, стал важнейшей причиной поражения Наполеона в России. «Воинство и все сословия граждан, – замечал по этому поводу П.А. Чуйкевич, – в священной брани сей... стремилось к одной цели, все сливалось к одной мысли: спасти Отечество»⁵.

Следовательно, уже в первых научно-публицистических произведениях о войне 1812 года получило распространение важнейшее концептуальное положение официальной историографии XIX в. о единении всех классов и сословий в борьбе с иноземными захватчиками. Примечательно, что особенности ментальности русского народа, связанные с его религиозными, монархическими и патриотическими

¹ См.: Чуйкевич П. Разсуждения о войне 1812 года... СПб., 1813.

² См.: Чуйкевич П. Разсуждения о войне 1812 года... С. 21–22.

³ См.: Чуйкевич П.А. Патриотические мысли или политические и военные разсуждения о предстоящей войне между Россиею и Франциею... / публ. В.М. Безотосного // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. С. 19–32.

⁴ См.: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 193–199.

⁵ Чуйкевич П. Разсуждения о войне 1812 года... С. I.

убеждениями хорошо осознавались современниками как важнейшее условие развязывания народной войны. Например, в упомянутой аналитической записке П.А. Чуйкевич предложил прибегнуть в предстоящих военных действиях «к средствам необыкновенным», опираясь на преданный государю народ, «который должно вооружить и настроить как в Гишпании с помощью Духовенства»¹.

Работа П.А. Чуйкевича получила признание у критиков, посчитавших, что его суждения «везде превосходны»², а автор сочинения показал «необыкновенные познания в военном искусстве»³. Подобные характеристики работы во многом можно признать актуальными и в наши дни, потому что точка зрения историка по ряду аспектов проблемы получает активную разработку в современной историографии.

В послевоенные годы в обществе отчетливо прослеживалось стремление с *национально-патриотических позиций более широко осмыслить военный опыт*, создать фундаментальную работу о борьбе с Наполеоном в России. В концентрированном виде такая идея выражена в статье Ф.Н. Глинки «Разсуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года»⁴.

Считая войну 1812 года священной и Отечественной, Ф.Н. Глинка подчеркивал, что история борьбы с наполеоновской агрессией, решая задачи научно-прикладного значения, должна стать «лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей»⁵. Следовательно, основная цель исторических исследований первопроходцами темы виделась главным образом в реализации того мощного идейно-нравственного и духовного потенциала, который заключали в себе изучаемые ими события.

Идея создания крупного исторического труда, имеющего патристическую направленность, поддерживалась и другими представителями передового офицерства. Так, развивая мысли Ф.Н. Глинки, А.И. Михайловский-Данилевский считал, что честь написания полной и объективной истории Отечественной войны 1812 года должна

¹ Чуйкевич П.А. Патриотические мысли или политические и военные разсуждения о предстоящей войне между Россиею и Франциею... С. 19–32.

² См.: М. П. [Рецензия] // Русский инвалид. 1813. 3 мая. № 18. Рец. на кн.: Чуйкевич П. Разсуждения о войне 1812 года... СПб., 1813.

³ См.: М. [Рецензия] // Сын Отечества. 1813. № 19. С. 338. Рец. на кн.: Чуйкевич П. Разсуждения о войне 1812 года... СПб., 1813.

⁴ См.: Глинка Ф.Н. Разсуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Сын Отечества. 1816. № 4. Ч. 27. С. 138–162.

⁵ Глинка Ф.Н. Разсуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 150.

принадлежать именно русским историкам, потому что только русские, «имея все необходимые для того способы, одни могут изобразить оное в настоящем виде»¹.

Активная разработка основанной на документальных источниках истории наполеоновского нашествия на Россию началась в Главном штабе в 1815 г. Первоначально эту работу возглавил генерал-лейтенант *К.Ф. Толь*, по указанию которого проводился сбор первичной армейской документации².

Скорее всего, Александр I не разделял распространенное мнение об обязательном российском подданстве официальных историков прошедшей войны. Судя по всему, царь считал, что написание такой масштабной работы под силу только крупному ученому с мировым именем. Поэтому для написания первой официальной истории Александр I в 1816 г. пригласил французского военного историка и теоретика, бывшего начальника военно-исторической секции в Генеральном штабе Великой армии (швейцарца по происхождению) *Антуана Анри Жомини*. С учетом «известных талантов» этого исследователя император надеялся, «что он подарит... историю, превосходно написанную»³. Именитый историк был обеспечен всем необходимым для работы, получив «важную сумму денег» и «все возможные средства и способы»⁴.

Трудно предметно говорить какие методологические установки получила сформированная под руководством французской знаменитости научно-исследовательская группа⁵. Но, судя по монаршему желанию «передать потомству подвиги незабвенного для России 1812 года»⁶, первая официальная история должна была отразить героический эпос освободительной борьбы с Наполеоном. По всей видимости, такой подход расходился с критическими взглядами Жомини на войну, что послужило для него основанием оставить начатую работу и уехать в 1817 г. во Францию⁷.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. I. Л. 58 об.

² Подробнее см.: Тартаковский А.Г. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года; Его же. У истоков русской историографии 1812 года.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 605. Л. 123.

⁴ Там же.

⁵ В качестве научных сотрудников к Жомини были прикомандированы адъютант начальника Главного штаба Д.П. Бутурлин и офицер квартирмейстерской службы, в последующем известный декабрист Н.М. Муравьев.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 605. Л. 122.

⁷ После отъезда из России Жомини продолжил исследования наполеоновской эпохи, подготовив обстоятельный труд о военно-политической деятельности Наполеона. История войны 1812 года выделена в этой книге в от-

Несмотря на неудачу, постигшую организаторов первого крупномасштабного проекта подготовки официальной истории Отечественной войны, исследования были продолжены *Карлом Федоровичем Толем*, который в общих чертах завершил их к 1823 г. Но отдельного издания по не установленной до настоящего времени причине не последовало. Нет сведений и о дальнейшей участи полной рукописи работы, которая считается утраченной¹.

В 1822 г. К.Ф. Толь начал частичную публикацию своего сочинения. Один из его разделов «Описание сражения при селе Бородине, бывшего 26-го числа августа 1812 года» с измененным названием первоначально был помещен в журнале «Отечественные записки»², а впоследствии, в 1839 г., издан отдельной брошюрой³. Из всех известных описаний великой битвы, выполненных очевидцами, произведение К.Ф. Толя характеризуется наиболее полным и последовательным ее изображением. По замечанию самого автора, в основу работы легли донесения корпусных командиров и трофейные документы, перехваченные в сражении при г. Красном. Однако главным источником стала хранящаяся ныне в РГВИА реляция о Бородинском сражении⁴, которую от имени главнокомандующего составлял сам К.Ф. Толь. Указанный документ считался наиболее авторитетным у

дельную большую главу. Историк стремился проявлять необходимую меру объективности при описании прошедших событий, в которых он принимал непосредственное участие в качестве французского военного коменданта г. Вильно и губернатора г. Смоленска. См.: Jomini A. *Vie politique et militaire de Napoleon, racontee par lui-meme au tribunal de Cesar, d' Alexandre et de Frederic*. Paris, 1827. Т. 1–4. В русском переводе книга издана в Санкт-Петербурге в 1840 г. См.: Жомини А. *Политическая и военная жизнь Наполеона*. СПб., 1840. Т. 1–6.

¹ Источники, состав, структуру и концепцию научной работы К.Ф. Толя в общих чертах реконструировал А.Г. Тартаковский. См.: Тартаковский А.Г. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года.

² См.: Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине, происходившей между Российской императорскою армиею под предводительством генерала от инфантерии князя Голенищева-Кутузова и французскою соединенною армиею, из войск всех держав Западной Европы, составленною под личным предводительством императора Наполеона // *Отечественные записки*. 1822. № 28. С. 146–193.

³ См.: Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24 и 26 августа 1812 года. Составленное ген.-л-том бароном Толем из рапортов гг. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских... из иностранных описаний сей достопамятной войны, изданное по окончании оной. СПб., 1839.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3561. Л. 52–58.

большинства историков, занимавшихся изучением этой темы в более поздний период. Между тем в современной историографии высказано аргументированное мнение о том, что Толь умышленно искажал общую картину битвы, чтобы «оградить главное командование русской армии от основательных нареканий по поводу неудачного расположения войск накануне битвы»¹.

Хотя подготовка первой официальной истории Отечественной войны 1812 года и не завершилась отдельным изданием, но все же она оказала влияние на историографию этой темы.

Наиболее ярко первые итоги научного подхода к изучению истории похода Наполеона в Россию отразились в работах *Дмитрия Ивановича Ахшарумова*, который приступил к ее разработке по поручению М.И. Кутузова еще в годы войны. Покровительство главнокомандующего создало историку благоприятные условия для работы, открыло доступ к пользованию «многими документами, которые не для всех известны»².

Анализ эпистолярного наследия ученого свидетельствует о том, что он добивался создания обобщающего труда, основанного на документальных источниках. Используя представленные возможности, Ахшарумов стремился получить необходимую оперативную и делопроизводственную документацию из Военного министерства и Главного штаба, а также из личных архивов А.П. Ермолова и К.Ф. Толя³.

Вместе с тем Д.И. Ахшарумов подчеркивал, что создаваемая им история «не есть военное сочинение, то есть книга для военного искусства только, а направление мнения публики...»⁴ Подобное заявление историка свидетельствует о том, что новая работа должна была решать не столько научные, сколько пропагандистские задачи, связанные с формированием в обществе требуемого правительству общественного мнения.

Уже в 1813 г. ученый анонимно опубликовал свой первый публицистический военно-политический очерк «Историческое описание войны 1812 года»⁵. Книга давала наиболее общее представление о

¹ Васильев А.А., Ивченко Л.Л. Девять на двенадцать... С. 67.

² См.: Михайловский-Данилевский А.И. Разбор российских сочинений, касающихся до истории 1812 года // Отечественные записки. 1820. № 8. С. 251.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3376. Ч. III. Л. 386–405.

⁴ Там же. Л. 403 об.–404.

⁵ См.: Историческое описание войны 1812 года. СПб., 1813. Авторство этой работы выяснил А.Г. Тартаковский. См.: Тартаковский А.Г. У истоков русской историографии 1812 года. С. 71–72.

действиях всех русских армий, однако имела и недоработки, которые сам автор объяснял отсутствием необходимых источников¹.

Не будет ошибкой утверждать, что эта проба пера определила перспективу последующего научного творчества Д.И. Ахшарумова. С 1815 г. параллельно с К.Ф. Толем он приступил к подготовке нового труда о войне 1812 года. Исходя из ранее принятых установок Ахшарумов в своем рапорте от 20 октября 1818 г. вновь акцентировал внимание командования на том, что «предлагаемая книга не есть сочинение для военного искусства сделанное... но оно предназначено для публики вообще»². Поэтому он протестовал против детализации ее содержания подробностями в описании боев и сражений, чрезмерной иллюстрацией картографическим материалом, которые «были бы утомительны и затемнили бы... собою общую картину, или, легче сказать, дух войны»³.

По решению начальника Главного штаба кн. П.М. Волконского рукопись рассматривалась в Военно-ученом комитете, члены которого отметили, что «причины, обстоятельства и следствия сей войны изложены вообще ясно и довольно исправным слогом...»⁴ Одновременно в рецензии комитета указывалось на незавершенность исследования и подчеркивалось, что полученный первый опыт исследовательской работы должен служить «к возбуждению других писателей, кои участвовали сами в важнейших делах незабвенной сей кампании... издать уже полное о сем сочинение»⁵.

В 1819 г. рукопись была опубликована отдельным изданием⁶, а ее автор впоследствии официально признан первым историком войны 1812 года⁷.

В книге развивались положения официальных правительственных документов об ответственности Наполеона за развязывание войны. Одним из первых в отечественной историографии Д.И. Ахшарумов заявил о внезапном нападении Франции на Россию, которое «...открыло явным образом лживость миролюбивых обещаний (Наполеона. — *И. Ш.*)»⁸.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3376. Ч. III. Л. 399 об., 402.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 13–13 об.

⁶ См.: Описание войны 1812 года Дмитрием Ахшарумовым. СПб., 1819 (далее: Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 года).

⁷ См.: Д.И. Ахшарумов // Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1852. Т. 1. С. 733.

⁸ См.: Ахшарумов Д.И. Описание войны 1812 года. С. 4–6, 34.

Исследователь последовательно и в целом правильно раскрыл хронологию военных действий, высказав собственные, во многом созвучные идеям П.А. Чуйкевича, суждения о стратегических планах сторон. Подобным же образом историк подчеркивал особенность русской духовной жизни, которая, как полагал ученый, сделала возможным превратить войну в народную и отличала Россию от других государств, «где вовсе таковую войну устроить нельзя без совершенного разорения жителей...»¹

Общественно-научную значимость своей работы Д.И. Ахшарумов видел в необходимости противопоставить русскую точку зрения на войну сочинениям, «что есть в чужих краях... и кои есть почти неверны и пристрастны»². Таким образом, уже в первом десятилетии по-

¹ Там же. С. 135.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3376. Ч. III. Л. 10 об.-11.

Например, издаваемая в изучаемый исторический период французская литература содержала противоречивые оценки событий 1812 года в России. Так, первая версия войны, представленная в официальных бюллетенях Великой армии, оправдывала действия Наполеона и давала объяснение причин его поражения. В частности, в 29 бюллетене, составленном 22 ноября (3 декабря) 1812 г. в Молодечно, император, признавая свое поражение в России, объяснял его особыми климатическими условиями театра военных действий. В дальнейшем этот тезис активно развивался в зарубежной историографии и оспаривался большинством российских (советских) историков. Являясь источником правительственной информации, наполеоновские бюллетени, как и «Известия о военных действиях российской армии...», во многом искажали историческую действительность.

После восстановления династии Бурбонов во Франции во французской историографии отмечалось критически-субъективное отношение к личности отрекшегося от престола императора и его походу в Россию. Наиболее показательна в этом отношении брошюра «Московская кампания 1812 года», подготовленная Р. Дюрданом. Автор обвинял Наполеона в алчности и захватнических устремлениях, возлагая на него единоличную ответственность за массовую гибель сотен тысяч французов в России. Идея бесполезности больших потерь, понесенных французской армией в России, пронизывала и основанное на личных воспоминаниях сочинение инженер-капитана штаба 4-го корпуса вице-короля Италии Е. Богарнэ Э. Лабома. Автор также обвинял Наполеона в чрезмерном честолюбии, агрессивных замыслах покорения Европы и создания всемирной империи. Александр I, напротив, представлен в сочинении в виде миротворца, стремящегося всеми силами сохранить мир. Такая позиция указанных французских историков во многом перекликалась с российской историографией.

Против подобных суждений резко выступил отставной бригадный генерал в недавнем времени командир 2-й бригады 15-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса барон Ф.-Ф.-Г. де Водонкур. Историк подверг критике

сле поражения Наполеона в России задача критики западноевропейских концепций была поставлена на повестку дня.

Новая работа заняла видное место в историографии Отечественной войны 1812 года. Это следует уже из заключения Военно-ученого комитета, который признал научную значимость работы. Однако современники и последующие критики дали «Описанию...» Д.И. Ахшарумова неоднозначную оценку. Так, А.И. Михайловский-Данилевский в 1820 г. назвал указанную книгу лучшим сочинением «из вышедших по сие время на нашем языке», поскольку «в оном находятся предметы, о которых ни в коем сочинении упомянуто не было»¹. В середине XIX в. М.И. Богданович пришел к противоположному выводу. Он считал, что Ахшарумов «недостаточно был приготовлен к занятию по военной истории, не воспользовался предоставленными ему средствами...»² В свою очередь, известный историограф Отечественной войны 1812 года И.П. Липранди подчеркнул несостоятельность замечания Богдановича³.

Советские и современные историки признавали большой вклад Д.И. Ахшарумова в развитие отечественной историографии

зарождавшуюся официальную российскую историографию и, в частности, патристическую направленность сочинения П.А. Чуйкевича. Подобным же образом были раскритикованы сочинения Р. Дюрдана и Э. Лабома. Сам де Водонкур проявил себя как последовательный сторонник Наполеона, который видел во французском императоре великого полководца и поборника прогресса. В противовес такой характеристике Александр I представлен в работе в виде коварного восточного правителя, воспринимающего миролюбие Наполеона как слабость. В описании военных действий Ф.-Ф.-Г. де Водонкур, как правило, придерживался содержания наполеоновских бюллетеней, хотя и старался скрыть их очевидную предвзятость. Французский историк своеобразно объяснял духовный подъем русского народа в борьбе против интервентов, считая, что православному духовенству удалось утвердить в сознании русского крепостного крестьянства религиозный фанатизм.

Критическое замечание Ахшарумова в адрес иностранной историографии, скорее всего, следует увязать с сочинением Ф.-Ф.-Г. де Водонкура и другими работами подобного содержания. См.: *Bulletins officiels de la Grande Armee. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P. 157–164; Durdant R. Campagne de Moscou en 1812. P., 1814; Labaume E. Relation circonstancie de la campagne de Russie en 1812. P., 1814; Vaudoncourt F.-F.-G. Memoires pour servir a l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812. L., 1815. V. 1–2; и др.*

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465(1). Л. 59–59 об.

² Богданович М. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 533.

³ См.: Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года: собрание статей И.П. Липранди. СПб., 1868. С. 197.

войны 1812 года, оценивая его как носителя передовой общественной мысли¹.

Следует заметить, что в оценках некоторых советских историографов работа Д.И. Ахшарумова представлена как «произведение, которое не показывало руководящую роль Александра I» и потому казалось правительственным кругам «вредным»². По всей видимости, подобные обобщения делались исходя из близости Ахшарумова к декабристским кругам. Однако сам историк считал, что в «книге содержится многое к личной хвале Государя»³. Характеризуя подобным образом собственный труд, он настаивал на том, чтобы в его заглавии не было ссылок на издание ее «по высочайшему повелению», «поскольку объявление таковое не было бы прилично»⁴. Кроме того, работа готовилась по поручению и под контролем высшего военного командования и вышла в печать после ее официального рецензирования Военно-ученым комитетом, члены которого вряд ли выступали за распространение антимонархических идей.

Анализ содержания «Описания...» позволил выявить в нем все характерные признаки научно-публицистического сочинения: опору на документальную базу, последовательность, логичность, доказательность изложения событий и фактов. Отчетливо прослеживается и авторская позиция по ряду ключевых аспектов темы. Тем не менее критический подход к изучению данного произведения показал и его недостатки, свойственные вообще публикациям тех лет: повествовательность, отсутствие точных ссылок на документальные источники, налет субъективизма в оценках военных событий, политических и военных деятелей и др.

Одним из ведущих разработчиков исследуемой проблемы в 20-х годах XIX столетия стал участник войны 1812 года адъютант начальника Главного штаба П.М. Волконского и флигель-адъютант царской свиты генерал-майор с 1824 г. *Дмитрий Петрович Бутурлин*. Первоначально он выступал в качестве переводчика и интерпретатора материалов К.Ф. Толя о 1812 г. для А. Жомини. После отъезда последнего во Францию Бутурлин стал играть первую роль в завершении той части работы, которая касалась 1812 г. Характер его переписки

¹ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 5; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 13–14; Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. С. 8; Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 35; Шведова Н. Кем и когда была написана первая история войны 1812 года? // Родина. 1992. № 6–7. С. 103; и др.

² См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 14.

³ РГВИА. Ф. 35. Оп. 1/242. Св. 16. Д. 10. Л. 6.

⁴ Там же.

ски с П.М. Волконским¹ позволил заключить, что подготовка книги осуществлялась с личного одобрения царя. К марту 1820 г. рукопись была готова. 18 октября 1821 г. П.М. Волконский официально объявил Д.П. Бутурлину, что «Его Императорское Величество не только соизволил, чтобы... напечатали в Париже сочиненную... историю кампании 1812 года, но и с удовольствием изволил принять посвящение сей книги»². Публиковалась она на двух языках – на французском в 1824 г. в Париже³ и одновременно на русском в 1823–1824 гг. в Петербурге⁴.

Решение печатать «Историю нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» в столице недавно враждебного России государства, по видимости, было принято не случайно. Французское издание, скорее всего, преследовало цель представить европейскому обществу русскую точку зрения на историю похода Наполеона в Россию⁵. Напомним, что необходимость развенчать «неверные и при-

¹ РГВИА. Ф. 35. Оп. 1/242. Св. 19. Д. 161а. Л. 1–5.

² Там же. Л. 5.

³ См.: *Historie militaire de la Campagne de Russe en 1812*: V. 1–2. Paris, 1824.

⁴ См.: Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: в 2 ч. СПб., 1823–1824.

⁵ В пользу этой версии говорит и тот факт, что в 1823 г. во Франции вышла трехтомная «История похода в Россию» маркиза Жоржа де Шамбре, которой предпринял попытку дать новые, критические оценки военным действиям обеих противоборствующих сторон.

Основное внимание ученый сосредоточил на анализе вопросов стратегии и тактики, практически не коснувшись социально-политической стороны войны. Среди ошибок Наполеона Шамбре указал на его неспособность понять особые условия театра военных действий, особенности менталитета русского народа. Просчеты наполеоновских войск в Бородинском сражении исследователь объяснял состоянием здоровья французского императора. При анализе отступления Великой армии из Москвы отмечался неудачно выбранный маршрут на Смоленск, а не на Витебск, а также движение одной колонной без использования параллельных дорог.

В книге содержалась критика Тарутинского маневра М.И. Кутузова, в результате которого, по мнению историка, резко возрос риск разгрома ослабленной русской армии. Шамбре указал на крайне низкую активность русского главнокомандующего на заключительном этапе войны, проявлявшего нерешительность и беспечность. По мнению историка, недостатки в организации взаимодействия русских войск во время переправы Наполеона через Березину дали возможность французам избежать полного разгрома.

Свои выводы исследователь строил на использовании обширной источниковой базы в первую очередь на изучении архивной делопроизводственной

страстные» сочинения, «что есть в чужих краях», остро осознавалось Д.И. Ахшарумовым уже в 1818 г.

В своей книге Д.П. Бутурлин более масштабно, чем его предшественники, осветил основные события войны. При изложении хода боевых действий автор опирался на материалы, подготовленные К.Ф. Толем. В сочинении использовался широкий круг источников, присутствовал анализ военного искусства обеих сторон. Выводы Д.П. Бутурлина о необходимости учета пространства как одного из важнейших стратегических факторов остаются актуальными и сейчас. Можно отметить и стремление автора к достоверному освещению событий войны. Все это определило те достоинства работы, которые делают ее непреходящей в историографии темы 1812 года.

С другой стороны, правительственное влияние на исследовательскую работу Д.П. Бутурлина не могло не наложить своего отпечатка на конечные выводы, сделанные историком. Основная идея сочинения свелась к возвеличиванию роли самодержавия в организации отпора наполеоновской агрессии. Это придало работе панегирический оттенок. Верноподданнический характер произведения критиковался в последующих исследованиях¹. В новейшей историографии Д.П. Бутурлин не без основания считается «основоположником и первым классиком» официальной концепции войны².

Представляется, что критический анализ военной кампании Наполеона в России, получивший широкое распространение в работах французских историков Жоржа де Шамбре, Ф.-П. Сегюра и

документации Военного министерства Франции. Поэтому «История похода в Россию» высоко оценивалась отечественными исследователями темы как первая подлинно научная история войны 1812 года, не потерявшая своего значения и в современных условиях.

См.: Chambray G. Histoire de l'expedition de Russie. P. 1823. V. 1–3. Оценки указанной работы в отечественной историографии см.: Васютинский А.М. Отечественная война во французской исторической литературе // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 285–286; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 72; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 88–89; Земцов В.Н. Битва при Москве-реке: армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 8–9.

¹ См.: А.Б. [Рецензия] // Военный сборник. 1860. № 4. С. 488. Рец. на кн.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года; Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 5–6; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 14–15; Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. С. 15; Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. С. 36; и др.

² Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. С. 16.

А. Фэна¹ в какой-то мере способствовал развитию критического направления в отечественной историографии. В 1829 г. в Париже был опубликован первый в отечественной историографии аналитический разбор военных действий 1812 г. *Николая Александровича Окунева*

¹ Широкую популярность, кроме уже упомянутой книги Ж. Шамбре получил основанный на личных воспоминаниях с привлечением документальных источников труд «История Наполеона и Великой армии в 1812 году» Филиппа-Поля Сегюра, бывшего в 1812 г. бригадным генералом и главным квартирмейстером Главной квартиры императора. Книга выдержала более 40 изданий на французском, немецком и английском языках. В русском переводе издавалась в начале XX в.

Автор книги критически отнесся к действиям Наполеона, обратив особое внимание на психологический аспект его полководческой деятельности. В сочинении рельефно отражены многочисленные трудности, которыми сопровождался поход Великой армии вглубь России. Историк отдавал должное героизму и мужеству российских воинов, хотя считал, что их высокие боевые качества являлись следствием религиозного фанатизма и беспрекословного подчинения забитых крепостных крестьян своим господам. Положительную оценку у Ф.-П. Сегюра получили многие аспекты русской стратегии и тактики.

Суждения историка были неоднозначно восприняты общественностью Франции. Бывший ординарец Наполеона и его слуга на о. Св. Елены Г. Гурго в сочинении «Наполеон и Великая армия в России, или Критический разбор работы г-на графа Ф. де Сегюра» подверг сомнению объективность высказанных ученым суждений и добросовестность его выводов. Последующая переписка автора книги и его оппонента привела их к дуэли, которая, к счастью, окончилась без трагических последствий.

Критический разбор военных событий характерен и для работы «Рукопись 1812 года» участника похода личного секретаря императора барона Агафона Фэна. Книга создавалась не только на личных воспоминаниях, но с привлечением ряда документальных источников. Фэн одним из первых в зарубежной историографии при подготовке своей работы использовал французское издание «Истории нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году» Д.П. Бутурлина, что свидетельствовало о высоком авторитете первых российских научных трудов за рубежом и об их определенном влиянии на развитие западноевропейской исторической науки.

А. Фэн признавал гегемонистские замыслы Наполеона, но в то же время подчеркивал его постоянную готовность к миру с Россией. Александр I представлен в книге как противник мирных взаимоотношений с наполеоновской Францией, что объяснялось влиянием на русского царя проанглийских настроений петербургского высшего света. В целом Фэн проявлял заметное преклонение перед Наполеоном, как великим политиком и полководцем. См.: Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Paris. 1823. V. 1–3; Segur F.-P. Histoire de Napoleon et de la Grande Armee pendant l'annee 1812. P., 1824. V. 1–2. Русские переводы: Сегюр П.Ф. Бородинское сражение. Киев, 1901; Его же. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911; Его же. Поход в Россию. М., 1916; Fain A.-J.-F. Manuscrit de 1812. P., 1827. V. 2.

«Разсуждения о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году». Первое издание книги вышло в 1829 г. в Париже на французском языке¹. В русском переводе сочинение опубликовано в Санкт-Петербурге в 1833 г. и переиздавалось в 1844 г.² В 1912 г. книга была еще раз переведена на русский язык А. Голубовым, поскольку предыдущее переводное издание «сильно грешит против принятых в военной русской литературе стратегических и тактических выражений, что делает его понимание крайне затруднительным»³.

Изучая 1812 г., Н.А. Окунев сосредоточил свое внимание исключительно на военном аспекте проблемы. Как отмечал сам исследователь, взявшись за перо его побудило стремление «проникнуть в тайну военного искусства и особливо стремление сделаться... полезным членом Российской Армии»⁴.

Окунев одним из первых в отечественной историографии проанализировал стратегические планы противоборствующих сторон. Выбор Наполеоном главного стратегического направления историк объяснял физико-географическими и экономическими особенностями театра военных действий⁵. Крайне неудачной он считал дислокацию русских армий накануне войны⁶. Критически оценивал Окунев выбор Дрисского лагеря в качестве опорной базы стратегических действий русской армии⁷. На основе анализа военных событий первого этапа Отечественной войны 1812 года Окунев положительно оценивал стратегию М.Б. Барклая де Толли, направленную на уклонение от генерального сражения. Автор пришел к выводу, что пространственно-временной фактор является одним из важнейших моментов, на котором «должны базироваться всякие стратегические операции»⁸.

¹ См.: *Considerations sur les grandes operations de la campagne de 1812 en Russie*. Paris, 1829.

² См.: Окунев Н.А. Разсуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб., 1833; СПб., 1844.

³ Окунев Н.А. Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. СПб., 1912. С. IV.

⁴ См.: Там же. С. IV.

⁵ См.: Там же. С. 10.

⁶ См.: Там же. С. 20.

⁷ См.: Там же. С. 12.

⁸ См.: Там же. С. 29.

Весьма кратко Н.А. Окунев дал оценку генеральному сражению. Он отмечал удачный выбор Кутузовым Бородинской позиции. Однако в самом расположении войск, по мнению историка, «не трудно заметить некоторые ошибки», связанные «с выгодами и недостатками самой местности»¹.

В «Разсуждениях...» физико-географический фактор указан в числе важнейших причин, приведших к поражению армию Наполеона. Историк сделал вывод, что «суровый климат и громадные расстояния... были так важны, что нападающим следовало бы... выработать особый план войны, приуроченный к характерным особенностям России...»²

Исследование Н.А. Окунева высоко оценили за рубежом. По мнению французских военных, оно являлось талантливой картиной всей войны 1812 года с топографическими описаниями и стратегическими рассуждениями³.

В дореволюционной отечественной историографии «Разсуждения...» Н.А. Окунева воспринимались неоднозначно. М.И. Богданович из-за приверженности автора к военной теории А. Жомини отнес это исследование «скорее к догматическим, нежели историческим книгам»⁴. По мнению А.П. Скугаревского, «Разсуждения...» представляли собой «вообще довольно поверхностный» военно-исторический разбор, содержащий «малоценные суждения и довольно спорные выводы»⁵. Другого мнения придерживался начальник Главного штаба русской армии Н.П. Михневич, который в начале XX столетия назвал работу Н.А. Окунева выдающимся сочинением по стратегии⁶.

В советской историографии положительно отзывался о названной работе Г.П. Мещеряков, ставивший ее выше «многотомных фолиантов» А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича⁷.

¹ См.: Окунев Н.А. Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. С. 68–69.

² Там же. С. 2.

³ См.: Николай Александрович Окунев // Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. М., 1997. Т. 3. С. 261.

⁴ См.: Богданович М. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 534–535.

⁵ См.: Скугаревский А.П. 1812-й год от начала войны до Смоленска включительно: Практические приемы изучения военной истории. Казань, 1898. С. 124.

⁶ См.: Окунев Н.А. Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 года. С. V.

⁷ См.: Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. С. 104.

Такая оценка историографа явно преувеличена. Гораздо более соответствует действительности мнение П.А. Жилина, который хотя и ошибочно относил научную деятельность Окунева к концу XIX – началу XX в., но отметил в качестве положительного момента наличие критического подхода в методологии исследования¹. Серьезный недостаток работы некоторые советские аналитики видели в сильном влиянии на нее распространенной в зарубежной историографии теории естественных факторов, которая, по их мнению, рельефно проявилась в данном сочинении².

Вместе с тем можно отметить, что при всех достоинствах и недостатках работы Н.А. Окунева ее значение состоит в развитии критического направления, на основе которого создавалась объективная история Отечественной войны 1812 года. Окунев не ограничивался констатацией недостатков и ошибок в действиях войск и военачальников, а вскрывал основные их причины. Имея узкую тематическую направленность, сочинение способствовало развитию русской военно-теоретической мысли, прежде всего, в области стратегии. На убедительных конкретных примерах в работе раскрыто соотношение стратегии и тактики в войне, что было новым, для того времени еще научно не исследованным, явлением. Приемы критического анализа военно-исторических событий имели большое методологическое и практическое значение.

Последующими историографами установлено, что в послевоенные десятилетия замыслы создания серьезных научных работ по истории 1812 г. возникали не только в военной среде, но и в других слоях общества, в дворянских кругах и чиновничьем мире. Так, собственный проект иллюстрированной истории разработал военный губернатор и главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин. А.С. Шишков предполагал составить подробное описание пребывания французов в Москве. Благодатная тема патриотизма русского народа в 1812 г. не могла пройти мимо такого маститого историка, как Н.М. Карамзин. Мысль о необходимости капитального исторического труда о наполеоновском нашествии созрела у него в 1814 г., когда он работал над «Историей государства Российского». Ретроспективу исторических событий именитый историк предполагал воссоздать на международном фоне от начала Французской революции до вступления войск в Париж в 1814 г.³ Однако эти, как и

¹ См.: Жилин П.А. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года. С. 56.

² См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 6; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 23.

³ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 160–162.

другие многочисленные усилия, предпринятые для написания истории Отечественной войны 1812 года, так и остались на уровне идей, замыслов, проектов.

Развитие историографии Отечественной войны 1812 года в 30-х годах XIX в. проходило под знаком 25-летнего юбилея ее победоносного завершения. Предстоящий юбилей должен был послужить демонстрацией мощи Российской империи и, возможно, вызвать международный резонанс. Одновременно проводимые торжества были более ориентированы на воспитание населения в верноподданническом духе. Как отмечали некоторые из советских исследователей, Александр I в послевоенное время был склонен умалять значение победы русского народа над Наполеоном в отечественной и всемирной истории¹. Николай I не разделял скептицизма своего старшего брата по отношению к памятной 1812 г. Приближавшуюся 25-летнюю годовщину победоносного завершения войны он решил использовать для прославления памяти ее героев в духе верности Вере, Царю и Отечеству.

Одним из центральных событий юбилея стало открытие в 1839 г. на Бородинском поле чугунного монумента «в русском вкусе с крестом»², отлитого по проекту архитектора Адамини на Петербургском Александровском заводе. Памятник должен был сохранить для всех, «коим отечественные воспоминания дороги»³, вечную память «бессмертному для нас императору», «падшим геройскою смертью товарищам нашим» и служить примером «позднейшему потомству»⁴. На церемонию открытия памятника прибыли многочисленные ветераны, а 120 тысяч войск разыграли в этот день ход Бородинского сражения. Примечательно, что Николай I, не довольствуясь одной обороной «русских», как это было в 1812 г., отдал им приказ завершить «битву» переходом в общее наступление⁵.

Поднятые чередой юбилейных мероприятий национально-патриотические настроения русского общества отразились в новом историческом сочинении «Описание Отечественной войны в 1812 го-

¹ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 184.

² Центральный государственный исторический архив Москвы (далее: ЦГИАМ). Ф. 16. Оп. 10. Д. 4. Л. 4.

³ Там же. Л. 23.

⁴ См.: Теобальд В.А. Бородинская годовщина // Русская старина. 1889. Апрель. С. 53.

⁵ См.: Веригин А.И. Открытие памятника на Бородинском поле в 1839 году: Из воспоминаний офицера Генерального штаба // Русская старина. 1885. Апрель. С. 126, 133–134.

ду» *Александра Ивановича Михайловского-Данилевского*¹. Как один из наиболее ярких и талантливых военных историков первой половины XIX в., активный участник боевых действий, он приступил к изучению этой темы, еще исполняя обязанности адъютанта в штабе М.И. Кутузова. Научная деятельность Михайловского-Данилевского и его исторический труд стали предметом специального историографического анализа С.А. Малышкина². Проведенное им исследование детализировало обстоятельства написания одной из наиболее полных официальных историй Отечественной войны 1812 года. Поэтому важно предметно остановиться на его последующих историографических оценках.

В критических разборах «Описания...» в зависимости от политических и научных пристрастий исследователи отмечали как его положительные, так и отрицательные стороны.

Большинство ветеранов войны, далекие от научных дискуссий, восторженно приняли новый труд. По признанию некоторых из них, «чувство святого русского патриотизма», изображенное А.И. Михайловским-Данилевским, «неволью вызывает слезы»³. Сам историк с их легкой руки был поставлен в один ряд с древнегреческим Гомером⁴. Представляется, что такие высокие оценки современников, принимавших непосредственное участие в военных действиях, вызваны пафосом патриотизма, который особенно ярко проявился в данном сочинении.

Однако в среде радикально настроенных рецензентов более поздних времен автора порицали за субъективизм суждений. И.П. Липранди, например, упрекнул А.И. Михайловского-Данилевского в преувеличенном патриотизме, абсолютном неприятии всего иностранного и слепом преклонении перед Кутузовым. При этом он подчеркивал, что «книга наполнена разноречиями, писана без определенного плана» и потому в ней давалась, «пища», «позволяющая клеветать» западным историкам⁵. В этом же ключе выдержаны и замечания М.И. Богдановича, который считал, что упреки или

¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1–4. СПб., 1839.

² См.: Малышкин С.А. Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и его «Описание Отечественной войны в 1812 году»: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3379. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 10 об.

⁵ См.: Липранди И.П. Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам». Соч. М. Богдановича. СПб., 1869. С. 2; Его же. Краткое обозрение эпизода Отечествен-

похвалы историк расточал, «руководствуясь более личными отношениями, нежели истиною»¹.

В начале XX в. в историографии утверждается мнение о том, что «Описание...» получило крайне политизированный характер из-за личного редактирования ее содержания Николаем I. Одним из первых с такими утверждениями выступил В.П. Алексеев². Имея аналогичную точку зрения, Н.П. Поликарпов причислил А.И. Михайловского-Данилевского к последователям школы М.В. Ломоносова, «который видел в русской истории своего рода панегирик прошлого»³.

Подобные взгляды были благосклонно восприняты в среде советских историографов, которые в своих оценках также критиковали наличие у А.И. Михайловского-Данилевского верноподданнических мотивов во славу Александра I и русского дворянства⁴. Однако при этом некоторые из них приветствовали общую патриотическую направленность работы, в частности приведенные в ней оценки полководческого таланта М.И. Кутузова⁵.

Есть все основания считать, что выводы о проправительственной ориентации «Описания...» не лишены оснований. Как следует из авторского предисловия, перед А.И. Михайловским-Данилевским ставилась конкретная задача создать «бессмертный памятник Благословенному, гимн во Славу Его»⁶.

Дневниковые откровения исследователя, опубликованные Н.К. Шильдером в 1900 г.⁷, свидетельствуют о его желании уловить все тонкости правительственной конъюнктуры, добросовестно вы-

ной войны (из соч. Михайловского-Данилевского)... // Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. С. 100, 81.

¹ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 536, 537.

² См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе. С. 301.

³ Поликарпов Н.П. Отечественная война 1812 года... С. 31.

⁴ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 5; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 24–25; Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. С. 105; Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. ст.: в 2 ч. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 276; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 16; и др.

⁵ См.: Жилин П.А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. С. 17.

⁶ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. XIII.

⁷ См.: Император Николай I и Михайловский-Данилевский / сообщил Н. Шильдер // Русская старина. 1900. Июнь. С. 585–591.

полнить сделанный ему социальный заказ. «Сегодняшнюю ночь провел я ужасно, – делает запись историк 11(23) февраля 1838 г., – сердце билось, голова горела, мне все чудилось, что мною будут недовольны, что молчание государя на бале гр. Воронцова есть тому непреложное доказательство. Я в такой грусти, что ни за что не могу приняться, решительно убит духом»¹.

Но беспокойство оказалось напрасным: императору «Описание...» понравилось. Он назвал его монументальным сочинением во славу императора Александра и во славу России. Сам исследователь был удостоен благодарственного рескрипта и щедро награжден².

В «Описании...» А.И. Михайловский-Данилевский продолжил научное обоснование официальной, правительственной концепции войны. Основные элементы этой концепции отчетливо проявились в выводах о международной обстановке накануне войны, согласно которым российский император принимал все возможные миротворческие усилия, направленные на сдерживание агрессивной политики Наполеона.

Историк дал оправдательное объяснение подписанию Тильзитского мира. В его интерпретации союзники не проявили должной инициативы в коалиционных войнах и фактически отказались от сотрудничества с Россией. В этих условиях Александр I вынужден была пойти на соглашение с Францией и подписать мирный договор, который ущемлял суверенитет его империи³.

А.И. Михайловский-Данилевский развил правительственную точку зрения на причины войны, согласно которой Россия строго и точно выполняла все положения Тильзитского мира, тогда как Наполеон сам постоянно нарушал условия экономической блокады Англии, поощрял антирусские настроения в Польше, одновременно постоянно предъявлял необоснованные претензии к России по другим вопросам. На этой почве, усиленной оскорбленным самолюбием Наполеона неудачным сватовством к великой княгине Екатерине Павловне, резко обострилась конфликтная ситуация, которая и привела к войне.

Исследователь четко сформулировал захватнические политические цели Наполеона в войне: «основать единодержавие Французского Императора в Европе, отдалить Россию за Днепр, или еще далее, воздвигнуть между ней и Германией новые подвластные

¹ Там же. С. 586.

² См.: Там же. С. 588.

³ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. 8.

Наполеону области, и потом, передав его власти Константинополь, с помощью покоренных народов проложить ему путь в Индию»¹.

В «Описании...» еще более отчетливо, чем в других сочинениях, была обоснована идея о народном единстве в борьбе с агрессором. «Все племена Российской империи слились в одну душу ... не взирая на различие нравов, обычаев, климата, наречия, веры...», – отмечалось в работе. В этом патриотическом порыве ученый отводил ведущую роль русскому дворянству, которое считал «главным двигателем... умом и душой народа»². В целом, по мнению историка, общественные настроения в 1812 г. сводились к тому, что Россия готова была «скорее погибнуть за Веру и Царя, нежели покориться врагу»³.

Таким образом, А.И. Михайловский-Данилевский окончательно утвердил основополагающий тезис официально-патриотической концепции войны о ее всенародном и всеобщем характере в защиту религиозных и монархических идей под руководством русского дворянства.

Оценивая общую научную значимость работы, следует отметить, что она знаменовала собой веху в отечественной историографии и имела большое значение для дальнейшего изучения истории Отечественной войны 1812 года. По многим военным эпизодам в работе даны детализированные, хронологически выверенные описания. В отличие от своих предшественников А.И. Михайловский-Данилевский строил повествование на более обширной источниковой базе. Им изучен и введен в научный оборот широкий круг ранее не известных документальных источников. От структуры и содержания книги отталкивались последующие исследователи темы. Фактический материал, опубликованный А.И. Михайловским-Данилевским, и до сегодняшнего дня широко используется учеными.

Последующее двадцатилетие характеризовалось спадом в проведении капитальных научно-исследовательских работ по истории Отечественной войны 1812 года. Такое положение отчасти объясняется тем, что предшествующими трудами проблема на время оказалась как бы «исчерпанной». Этот вывод подтвержден исследованием В.А. Дьякова, который указал, что ко второй половине XIX в. в тематическом ряду военно-исторической проблематики 1812 г. оказался наиболее изученным периодом военной истории⁴.

¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1. С. 18. Впоследствии эта идея нашла широкий отклик среди советских историков.

² См.: Там же. Ч. 2. С. 62.

³ См.: Там же. С. 64.

⁴ См.: Дьяков В.А. Русская военная историография в последней четверти XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1959. С. 117.

Вместе с тем анализ всей совокупности печатной продукции 40-х – первой половины 50-х годов показал, что при отсутствии фундаментальных разработок проблемы в ее историографии тем не менее наметились новые явления. Во-первых, основные положения сложившейся исторической концепции войны 1812 года вошли в военные справочно-энциклопедические издания. В первой отечественной военной энциклопедии, претерпевшей за короткий промежуток времени два переиздания¹, эта тема была представлена более чем 50 статьями и заметками². В них нашли отражение все известные сражения, а также биографические сведения о видных полководцах и военачальниках³. Участие в составительской работе таких известных военных историков, как А.В. Висковатов, Н.С. Голицын, М.И. Богданович, Л.И. Зедделер, обеспечили высокий уровень научности представленного в энциклопедии военно-исторического материала. Обобщающая статья об Отечественной войне 1812 года была написана Л.И. Зедделером, который придерживался официальных воззрений по основным концептуальным аспектам этой проблемы⁴. Однако следует признать, что Л.И. Зедделер критичнее, чем его предшественники, отнесся к очевидным просчетам русского командования⁵.

Во-вторых, активный количественный рост биографических сочинений о политических деятелях, полководцах и героях Отечественной войны составил другую особенность историографии 40-х – первой половины 50-х годов XIX в. Отчасти эта тема отразилась в особом виде справочной литературы, посвященной выдающимся русским полководцам⁶. Специализированное издание о военачальниках 1812 г. было подготовлено под общей редакцией А.И. Михай-

¹ См.: Военный энциклопедический лексикон / под ред. Л.И. Зедделера: Т. 1–14. СПб., 1837–1852; То же / под ред. М.И. Богдановича. 2-е изд. СПб., 1852–1858.

² Подсчитано по: Военный энциклопедический лексикон. 2-е изд.

³ См., напр.: Бородинская битва // Военный энциклопедический лексикон. 2-е изд. Т. 2. С. 419–429; Валутина гора // Там же. Т. 3. С. 60–62; Вязьма // Там же. Т. 3. С. 670–673; Малая война // Там же. Т. 8. С. 427–428; Мала-рославец // Там же. Т. 8. С. 436–439; и др.

⁴ См.: Военный энциклопедический лексикон. 2-е изд. Т. X. С. 57, 68, 83 и др.

⁵ См.: Там же. Т. X. С. 62, 78, 84, 85.

⁶ См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами. Ч. 1–4. СПб., 1840–1841; Полевой Н. Русские Полководцы, или Жизнь и подвиги Русских Полководцев, от времени Императора Петра Великого до царствования Николая I. СПб., 1845.

ловского-Данилевского¹. Целый ряд отдельных изданий освещал жизненный путь персоналий «второго» плана, тем не менее заметных в истории Отечественной войны². В какой-то мере эти работы восполнили образовавшийся в историографии темы пробел и сформировали ее новое направление. Однако большинство авторов изображали своих героев преимущественно в позитивном аспекте, без серьезного критического анализа их личных качеств, военной или общественно-политической деятельности.

В-третьих, абсолютно новым в издательской деятельности 40-х годов XIX в. стали книги, ориентированные на массового читателя. В качестве примера этого, зарождавшегося в историографии темы направления, можно привести сочинение И. Бочарова «Сказание о том, как Россия сражалась за Веру, Царя и Отечество в 1812 году»³. Выдержанное строго в патриотическом духе, оно в обобщенной форме и доступным языком разъясняло основные положения официальной концепции войны. Учитывая низкий образовательный уровень читательской аудитории, для которой предназначалась книга, автор построил свое повествование в форме диалога старого солдата с новобранцами л.-гв. Преображенского полка. Сочинение имело явно пропагандистскую направленность, преследовало цель апологетики существовавшего политического режима. Впоследствии книги для народа начинают все чаще появляться на книжном рынке России⁴.

¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Александр I-й (Император) и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего Дворца. Издана по Высочайшему соизволению А.И. Михайловским-Данилевским: в 6 т. СПб., 1845–1849.

² См.: Де Санглен Я. В память Графу Александру Ивановичу Кутайсову. СПб., 1842; Лукьянович Н. Биография генерал-адъютанта К.И. Бистрома. СПб., 1841; Снегирев И. Очерки жизни Московского Архиепископа Августина; М., 1841; Щербинин М. Биография генерал-фельдмаршала Князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858; и др.

³ См.: Бочаров И. Сказание о том, как Россия сражалась за Веру, Царя и Отечество в 1812 году. СПб., 1846.

⁴ См.: Памятник славы Русским воинам, ознаменовавшим себя на Бородинском поле 26 августа 1812 года, или Признательность Императора Николая Павловича к павшим за Веру и Отечество. СПб., 1853; Фукс В. Три ополчения земли Русской (1612, 1812 и 1855 годов), рассказанные русскому мужичку В. Фуксом. СПб., 1856; Любецкий С.М. Русь и русские в 1812 году: Книга для чтения всех возрастов. М., 1868; Его же. Рассказы из Отечественной войны 1812 года. От начала войны до вступления союзных войск в Париж...: Книга для чтения всех возрастов С.М. Любецкого: в 2 ч. М., 1880; Богданович Е. Тысяча девятьсот двенадцатый год: Издание автора, бесплатное для войск, народа и учащихся. СПб., б. г.; и др.

В-четвертых, в рассматриваемый исторический период тема Отечественной войны 1812 года нашла отражение в учебной литературе для военно-учебных заведений. Необходимость учебников по военной истории стала остро ощущаться после учреждения в 1832 г. Императорской военной академии, и особенно с введением в ней в 1838 г. военно-исторической подготовки слушателей. В первых академических учебниках материалы по отечественной военной истории были представлены крайне незначительно, а опыт войны 1812 года не рассматривался вообще¹.

Однако уже в первой половине 30-х годов XIX в. командование академии осознавало необходимость поднять в образовательном процессе значение русской военной истории. В записке от 9 апреля 1833 г. на имя вице-директора академии Л.И. Зедделера начальник академии предписывал объявить преподавательскому составу при преподавании военных наук «преимущественно подыскивать примеры из русской военной истории»². Важность такого подхода виделась, прежде всего, в его воспитательном аспекте, «дабы блистательные подвиги наших полководцев, коими должен гордиться всякой русской», могли «более воспламенять к последованию примером своих соотечественников»³.

В 40-х годах XIX в. преподавание военной истории было введено и в кадетских корпусах. В рамках этой учебной дисциплины изучались только Северная (1700–1721 гг.) и Отечественная (1812 г.) войны. Для освещения этого курса в начале 50-х годов А.П. Карцовым были подготовлены специальные учебные пособия⁴. В авторских комментариях ко второму изданию внимание читателей акцентировалось на том, что пособие по Отечественной войне 1812 года выполнено в соответствии с указаниями руководящих документов военного ведомства о патриотическом воспитании кадетов и юнкеров⁵. Понятно, что при таком методологическом подходе история войны могла быть представлена только в виде ее официальной версии. Именно с этих позиций Карцов и рассматривал важнейшие аспекты

¹ См.: Зедделер Л.И. Обзорение истории военного искусства: в 2 т. СПб., 1836, 1843; Веймарн. Высшая тактика. СПб., 1840; Голицын Н.С. Всеобщая военная история новейших времен: в 2 ч. СПб., 1874–1875; и др.

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

³ Там же.

⁴ См.: Карцов А.П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851; Его же. Военно-исторический обзор войны 1812 года. СПб., 1851; 2-е изд. СПб., 1858.

⁵ См.: Карцов А.П. Военно-исторический обзор войны 1812 года. 2-е изд. С. 1.

войны. Примечательно, что в своем повествовании он не употреблял достаточно распространенный в то время термин «Отечественная».

В-пятых, отечественная историография войны 1812 года в данный период развивалась параллельно с западноевропейской исторической наукой, что нашло свое отражение в издании многочисленных сочинений французских, немецких, английских историков. Публикация собственных записок Наполеона, многотомных исследований наполеоновской эпохи В. Скотта, А. Жомини, А. Тьера и некоторых других отозвалась в России 40-х годов переводными сочинениями этих авторов¹. В последующем критический анализ этих и других произведений иностранных авторов составил важнейшее направление в российской историографии Отечественной войны 1812 года.

В-шестых, начиная с середины 50-х годов XIX в. в военной публицистике все чаще стали появляться статьи критико-библиографического характера – рецензии, отзывы или критические разборы. Неудовлетворенность достигнутыми результатами в изучении истории нашествия Наполеона на Россию ярко проявилась в активной публицистической деятельности И.П. Липранди. Критик отмечал относительную малочисленность русских изданий по истории

¹ См.: Вернет Г. История Наполеона. СПб., 1842; Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона: в 6 т. СПб., 1840. Т. 5; Наполеон, сам себя изображающий. Пер. с фр. СПб., 1843; Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта, императоров французов: в 6 т. СПб., 1840; Тьер А. История Консульства и Империи во Франции / пер. с фр. Ф.А. Кони. СПб., 1849; и др.

Из зарубежных сочинений рассматриваемого исторического периода наибольший резонанс в научном мире вызвал капитальный труд французского историка А. Тьера «История Консульства и Империи во Франции». 14-й том этого исследования, вышедший в свет в 1856 г., был посвящен войне 1812 года. Представленная в книге концепция существенным образом отличалась от взглядов, изложенных в трудах ведущих российских историков. Так, Тьер, объясняя войну честолюбивыми замыслами Наполеона, одновременно считал, что он защищал прогрессивные революционные идеи. Критикуя Бонапарта за поход на Москву, историк вместе с тем считал вооруженное столкновение правильным и неизбежным. По мнению Тьера, Наполеон совершил ошибку, вторгнувшись в пределы Российской империи. Его успех был бы обеспечен, если бы военные действия развернулись на Висле, а для этого необходимо было выбрать оборонительную стратегию войны. В работе приводились другие оправдательные характеристики военно-политической деятельности Наполеона, совместно с критикой его военных ошибок. Обращает на себя внимание, что Тьер правильно уловил основную причину поражения великого полководца: пренебрежение духовными чувствами народа, который он собирался победить. См.: Thiers A. Histoire du Consulat et de L'Empire Paris: 1845–1874. Т. 14.

похода Наполеона в Россию и указывал на «многие противоречия» в их содержании¹. По этой причине он считал необходимым начать более тщательное изучение событий войны и высказался за подготовку фундаментального коллективного труда, основанного исключительно на архивных данных и критическом анализе зарубежной литературы². В последующее десятилетие И.П. Липранди выступил в качестве главного оппонента авторам публикуемых работ³. Большая часть его публицистики в 1867 г. была собрана в отдельный сборник под названием «Материалы для Отечественной войны 1812 года»⁴.

Критическая направленность статей «Военно-энциклопедического лексикона», рецензий И.П. Липранди и других историков в периодической печати указывала на стремление исследователей более объективно осмыслить события исследуемого периода. В свою очередь, это позволяет утверждать, что уже в 50-х годах зародилась тенденция пересмотра ряда важнейших положений официальной истории, которая достигла своего апогея в последней четверти XIX – начале XX в. Конечно, в середине XIX в. обсуждались только вопросы развития военного искусства без анализа социально-политических аспектов войны.

Таким образом, завершая разбор историографии Отечественной войны 1812 года в первой половине XIX в., отметим, что ее зарождение происходило еще в период боевых действий и отражалось в сово-

¹ См.: Липранди И.П. Несколько мыслей по поводу двух сочинений об Отечественной войне... С. 13.

² См.: Там же. С. 13–14.

³ См.: Липранди И.П. Бородинское сражение. Заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, соч. ген.-м-ра Богдановича // Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. С. 65–74; Его же. Еще об истории Отечественной войны: Ответ М. Новоселову на статью его, помещенную в «Голосе», 1865 г. № 183, под заглавием: «За и против, два слова об истории 1812 года г.-л. Богдановича» // Там же. С. 65–74; Его же. Замечания на статью П. Бутовского о войне 1812 года, помещенную в нескольких номерах «Русского инвалида» // Там же. С. 119–134; Его же. Отповедь статье, напечатанной в «Русском инвалиде» 1858 года № 64 за подписью «Офицер генерального штаба» // Там же. С. 51–63; Его же. Письмо к редактору // Русский инвалид. 1858. № 9; Его же. Заметки по поводу соч. А.Н. Попова под заглавием: «Сношения России с европейскими державами перед войной 1812 года». СПб., 1876 // Русская старина. 1876. Т. XVII; Его же. Следует ли называть укрепление, находившееся в центре Бородинской позиции, батареею Раевского? Ответ на ст. Богдановича, напеч. в «Военном сборнике» № 1 за 1858 год. СПб., 1858; и др.

⁴ См.: Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб., 1868.

купности публикаций патриотического содержания, а также в правительственных документах и информационных сообщениях из действующей армии.

Начало углубленному научному изучению исследуемой проблемы было положено в первое послевоенное десятилетие, когда в высших военных и правительственных кругах было принято решение о создании официальной истории прошедшей войны. Первый замысел написания такой работы с привлечением известного французского военного историка А. Жомини оказался нереализованным, по-видимому, из-за несоответствия в методологических подходах к освещению темы, выбранных историком, и правительственной точкой зрения на происходившие события.

В дальнейшем изучение истории Отечественной войны 1812 года было продолжено главным образом в стенах военного ведомства, генералами и офицерами – участниками войны. До конца 30-х годов благодаря творчеству Д.И. Ахшарумова, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского, Н.А. Окунева был создан ряд монографий, заложивших научную основу ее историографии. Труды большинства исследователей имели военно-историческую направленность, отражали их стремление к детализации хода военных событий. Одновременно в работах перечисленных историков нашла научное обоснование правительственная концепция войны. Согласно распространенным в литературе взглядам, единоличная ответственность за франко-российский конфликт возлагалась на французского императора, который представлялся в виде диктатора, поработившего всю Западную Европу. В противовес агрессивной политике Франции, Россия характеризовалась как миролюбивое государство, ставившее своей целью защитить не только собственный суверенитет, но и освободить поработанные народы от французской гегемонии.

В контексте подобного объяснения причин вооруженного столкновения война провозглашалась освободительной и Отечественной. Широкое распространение в литературе получили правительственные взгляды о всеобщем национальном подъеме, без различия сословий и классов, в борьбе с французскими завоевателями. Активно утверждалось положение о руководящей роли дворянства в организации отпора врагу.

В качестве важнейшей причины победы над Наполеоном указывалось на особенности русской духовной жизни, которая объединяла в себе религиозные, монархические и патриотические начала.

Общая концепция войны, базировавшаяся на позициях монархически-охранительной идеологии, отражавшая национально-патриотические настроения значительной части русского общества,

окончательно сложилась ко второй половине 50-х годов XIX столетия. Она закреплялась в справочно-энциклопедической, научно-популярной и учебной литературе. Распространение основных концептуальных положений в народе стало осуществляться через издание популярных книг, предназначенных для широкой читательской аудитории с низкой общеобразовательной подготовкой. В исследуемый исторический период в историографии темы выделилось отдельное направление, связанное с изучением персоналий военачальников Отечественной войны 1812 года. Был получен первый опыт критического анализа отдельных научных трудов.

Определенное влияние на развитие отечественной историографии в исследуемый исторический период оказало развитие западноевропейской исторической мысли. Набиравший силу в иностранной литературе метод критического изучения военных событий, в какой-то мере, нашел отражение и в трудах русских военных историков.

Однако несовпадение взглядов русских и зарубежных ученых по вопросам причин начала войны и поражения в ней наполеоновских войск, политических целей и задач воюющих сторон, роли государственных и военных деятелей в вооруженном конфликте и по некоторым другим аспектам проблемы вызывало в целом критическое отношение отечественной историографии к иностранным научным трудам.

§ 2. 1812 год в научной литературе второй половины XIX – начала XX столетия (1909 г.)

Общая историографическая ситуация во второй половине XX – начале XX столетия характеризовалась дальнейшим развитием критического направления в освещении войны 1812 года. В определенной мере усилению этой тенденции способствовала новая официальная «История Отечественной войны 1812 года», подготовленная *М.И. Богдановичем*¹.

Необходимость подготовки очередного крупного исследования можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, политика Александра II на проведение либеральных реформ способствовала демократизации общественной жизни. Новый правительственный курс оказал свое влияние и на общее состояние исторической науки. В какой-то мере творческая энергия историков, в том числе и в историографии 1812 г., оказалась раскрепощенной. Некоторые из крити-

¹ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года: в 3 т. СПб., 1859–1860.

ков того времени признавали, что работы первой половины XIX в. искажали события 1812 г. «благодаря панегирикам, унижению врага, скрytiю своих неудач и ошибок...», но «теперь... настало иное время»¹. Можно сказать, что труд М.И. Богдановича был своеобразным откликом на сложившуюся в стране и исторической науке новую политическую конъюнктуру.

Во-вторых, важнейшим социально-политическим фактором, обусловившим необходимость подготовки очередного фундаментального труда с патриотической тематикой, стала Крымская война, которая усилила интерес историков, публицистов и литераторов к истории Отечественной войны 1812 года. Поражение наполеоновской армии в России служило наглядным историческим примером, дававшим богатый материал для формирования патриотических настроений в обществе и одновременно вселявшим уверенность в успешное отражение иностранной агрессии.

Ассоциации с Отечественной войной 1812 года усиливались в связи с правительственным решением созвать народное ополчение, которое возглавил известный военачальник эпохи наполеоновских войн А.П. Ермолов². На такие сопоставления нацеливал специально выпущенный сборник царских манифестов 1812 г. с кратким изложением истории ополчений XIX в.³ Эту тему развивала и рассчитанная на массового читателя книга В. Фукса «Три ополчения земли Русской (1612, 1812, 1855 гг.)»⁴.

Поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. вскрыло отсталость России, снизило авторитет самодержавия среди различных слоев населения. В этих условиях правительство, в связи с приближавшейся 50-летней годовщиной войны 1812 года, стремилось поднять свой престиж привлечением общественного внимания к историческим традициям, подчеркивавшим величие империи.

Еще в годы войны в правительственных кругах созрела идея издания крупной работы о 1812 г., призванной дать народу «здоровую для ума и нравственности пищу» и помогающей ему утвердиться в «обязанностях своих к Богу, Государю и Отечеству». Реализация этого замысла была поручена И.П. Липранди, который планировал

¹ Библиотека для чтения. 1860. № 5. С. 10.

² См.: Кавтарадзе А.Г. Генерал Ермолов. Тула, 1977. С. 108–112.

³ См.: Всеобщее ополчение России за веру, царя и Отечество, или Русские ратники во время императора Александра I и ныне царствующего Александра II. СПб., 1855.

⁴ См.: Фукс В. Три ополчения земли Русской (1612, 1812 и 1855 гг.), рассказанные русскому мужичку В. Фуксом. С. 36–96.

подготовить 16-томное «Собрание статей об Отечественной войне, рассеянных по разным русским периодическим изданиям». Однако, несмотря на все усилия составителя, сборник так и не вышел в свет¹.

К 50-летнему юбилею готовился и новый труд М.И. Богдановича. С учетом последних достижений исторической науки в нем предполагалось сохранить официально-патриотическую концепцию войны.

В-третьих, за время, прошедшее после публикации работы А.И. Михайловского-Данилевского, расширилась и углубилась источниковая база исследований, что давало возможность по-новому взглянуть на некоторые эпизоды войны. М.И. Богданович, как и его предшественники, получил свободный доступ к важнейшим архивным материалам. В процессе работы им были выявлены новые документальные источники. «Отдавая должную справедливость трудам историков Отечественной войны, генералов Бутурлина и Михайловского-Данилевского, – отмечал Богданович, – я, однако ж, убедился, что многие из любопытнейших документов войны 1812 года не были им известны»².

В-четвертых, метод критического подхода к освещению военной истории, получивший широкое распространение за рубежом, к середине 50-х годов стал занимать ведущее положение и в отечественной исторической науке. Кроме упомянутого сочинения Н.А. Окунева, критический анализ военно-исторических событий широко использовал Д.А. Милютин при изучении заграничного похода русской армии в 1799 г.³ Некоторые из современных историографов считают, что работа Милютина знаменовала собой своеобразный прорыв в методологии военно-исторических исследований⁴.

М.И. Богданович, который ко второй половине 50-х годов уже считался крупным специалистом в области военной истории XVIII столетия⁵, также проявил себя как новатор в области методики исторического познания. Он активно выступал за повышение уровня научности военно-исторических сочинений. Главную задачу

¹ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 236.

² Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 1. С. III.

³ См.: Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году: в 5 т. СПб., 1852–1853.

⁴ См.: Гаврищук В.В. Строительство русской армии в XVIII в.: историографическое исследование: Дис. ... д-ра ист. наук. С. 64.

⁵ См.: Богданович М.И. Поход 1796 года Бонапарта в Италию. СПб., 1845; Его же. Походы Суворова в Италию и Швейцарии. СПб., 1846; Его же. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова. СПб., 1846; Его же. Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции. СПб., 1852; и др.

историка ученый видел в том, чтобы «доказать... истину на основании несомненных фактов»¹. Такой подход, по собственному замечанию автора, он и пытался реализовать при изучении истории Отечественной войны 1812 года². Подобные научные взгляды Богдановича, по-видимому, оказались созвучными общим либеральным настроениям в обществе и новым течениям в исторической науке того времени.

В-пятых, как уже отмечалось, историография Отечественной войны 1812 года развивалась параллельно с научными разработками западноевропейских историков³. К концепциям, господствовавшим за

¹ См.: Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг.: в 2 т. СПб., 1877. Т. 1. С. 1.

² См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812. Т. 1. С. III–IV.

³ Во второй половине XIX в. сильное развитие получила немецкая историография изучаемой проблемы. Среди сочинений немецких историков особое внимание научной общественности привлекла монография К. Клаузевица «1812 год». Основательная военно-теоретическая подготовка исследователя позволила ему оценить изучаемые события с позиций современной по тому времени военной науки.

Клаузевиц критически отнесся к стратегии Наполеона, отметив его нерешительность в ведении боевых действий, неспособность сохранить подавляющее численное превосходство над противником, серьезные просчеты при отступлении из Москвы, которые поставили французскую армию в тяжелое положение и фактически привели ее к полному уничтожению.

Подобным образом военный историк подчеркивал нецелесообразность решения М.И. Кутузова дать генеральное сражение под Москвой на «весьма посредственной позиции». В книге разбирались недостатки расположения русской армии перед Бородинским сражением, переведшие к скручиванию войск и, как следствие, к большим потерям в личном составе от артиллерийского огня. Управляя сражением, как свидетельствовал К. Клаузевиц, М.И. Кутузов выслушивал донесения с рассеянным видом и отдавал распоряжения без подобающей такому случаю твердости.

Ученый дал высокую оценку действиям русского главнокомандующего на заключительном этапе войны, заметив, что в течение всей военной истории преследование неприятеля не велось с таким размахом и так энергично.

Гораздо меньше объективности отмечалось в суждениях других немецких историков – Т. Бернгарди, Г. Бейцке, А. Грубе, которые зачастую преувеличивали влияние своих соотечественников, находившихся на военной службе в русской армии в годы войны, на стратегию российского командования.

В английской историографии в указанный исторический период наибольшую популярность получило историческое описание войны 1812 года генерала Р. Вильсона, бывшего представителя Англии при русском штабе. Историк скептически отнесся к идее решающего влияния климатических условий на поражение армии Наполеона, впервые высказанной в 29 бюллетене Великой

рубежом, у российских ученых складывалось избирательное отношение, хотя большей частью они проявляли негативный настрой к выводам зарубежной историографии. По этому поводу с рядом острых замечаний выступил И.П. Липранди, который призывал исследователей провести «тщательный критический разбор» иностранной литературы¹.

Богданович также соотносил свое творчество с достижениями западноевропейской исторической мысли. Из массы зарубежной литературы он выделил исследования К. Клаузевица и Т. Бенгарди, как отличающиеся «беспристрастием и верным критическим взглядом на описываемые события»². Но в целом историк скептически относился к выводам зарубежных историков, считая, что ни одна из иностранных книг о наполеоновской эпохе «не соответствует ни важности предмета, ни современному состоянию науки»³. Поэтому особую актуальность собственного труда он видел в необходимости развенчать «сочинения, заключающие в себе исследование события 1812 года, не всегда основанное на истине»⁴.

Подобные замечания М.И. Богдановича изменяют распространенное среди советских историографов мнение о нем как «яром про-

армии. В его трудах был сформирован тезис о «золотом мосте», который якобы строил М.И. Кутузов своему противнику в ходе преследования, для того чтобы Наполеон имел возможность вывести свою армию в Европу.

В середине XIX в. французская историография развивалась преимущественно за счет увеличения комплекса мемуарной литературы, в которой идеализировался император Наполеон и его полководческие дарования, в том числе и во время похода в Россию.

См.: Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937; *Denkwurdigkeiten des Kaiserl. – russ. Generals vor der Infanterie Karl Fridrich grafen von Toll von Theodor von Bernhardi*. Leipzig, 1856–1858. Bd. 1–4; Beitzke H. *Geschichte des russischen Krieges, im Jahre 1812* Berlin, 1862; Grube A. *Napoleons Kriegszug nach Moscau im Jahre 1812*. Berlin. 1874; Wilson R. *Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, and the retreat of the French Army*. London, 1860; Wilson R. *The French Invasion in Russia*. London, 1860. V. 1–2; Du Casse A. *Memoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugene*. P., 1858 (1860). V. 7–8; Pelleport P. *Souvenirs militaires et intimes*. P., 1857. V. 2; Fezensac M. *Souvenirs militaires*. P., 1863; и др.

¹ См.: Липранди И.П. Несколько мыслей по поводу двух сочинений об Отечественной войне... С. 13.

² См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 532.

³ См.: Там же. Т. 1. С. V.

⁴ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 1. С. IV.

пагандисте» иностранных взглядов о походе Наполеона в Россию, «надолго закрепившем» в русской военной историографии взгляды французских и немецких историков¹.

Учитывая совокупность перечисленных факторов, можно утверждать, что необходимость подготовки нового сочинения по истории Отечественной войны 1812 года была обусловлена преимущественно изменениями, происходившими в социально-политической жизни страны, и логикой развития исторической науки. Конкретный же выбор профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора М.И. Богдановича очередным официальным историком темы определялся его профессиональными качествами как специалиста-исследователя.

Издание очередной официальной истории наполеоновского нашествия в Россию осуществлялось в течение двух лет, в 1859 и 1860 гг., и вызвало в целом одобрительные отклики в периодической печати². В роли главного критика М.И. Богдановича выступил И.П. Липранди, который в своих полемических статьях³ указал на наличие в сочинении многочисленных фактических неточностей, вызвавших у оппонента «некоторые недоумения»⁴. С отдельными из этих замечаний соглашались другие рецензенты, считая, например, что М.И. Богданович недооценил роль М.И. Кутузова как полководца⁵.

В последующие годы, в начале XX столетия, историографы в качестве положительной стороны отмечали обстоятельство проведен-

¹ См.: Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950. С. 19; Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 194. В начале 90-х годов XX столетия на необъективность подобных оценок обратил внимание Н.А. Троицкий. См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 19.

² См. рец.: Военный сборник. 1860. № 4. С. 483–532; № 6. С. 451–498; Русский инвалид. 1859. № 249; Там же. 1865. № 112; Московские ведомости. 1860. № 51, 54, 58, 64; Отечественные записки. 1860. № 1. Отд. 3. С. 18–37. № 2. С. 91–117; Артиллерийский журнал. 1860. № 5. Отд. IV. С. 141–169; Там же. 1861. № 6. Отд. IV. С. 255–325; Голос. 1865. № 183; и др.

³ См.: Липранди И.П. Бородинское сражение. С. 159–198; Его же. Еще о фальшивых ассигнациях 1812 года: статья, помещенная в «Русском Архиве» 1865 года. Вып. 7; Его же. Материалы для Отечественной войны 1812 года. С. 135–143; Его же. Еще об истории Отечественной войны. С. 145–156; Его же. Недоумения, возбужденные чтением...; и др.

⁴ Липранди И.П. Недоумения, возбужденные чтением... С. 165–166.

⁵ См.: Глебов П. Несколько слов в защиту памяти Гавриила Александровича Игнатова // Артиллерийский журнал. 1861. № 6. С. 324.

ного Богдановичем исследования, «представляющего наиболее полное из всех имеющихся описаний Отечественной войны»¹. Одновременно рецензенты приветствовали критическую направленность работы, что, по их мнению, составило ее «несомненное преимущество... перед книгой Михайловского-Данилевского»². С другой стороны, отмечалось, что «как историк, Богданович отличается шаблонностью взглядов, крайне сух и, в довершение всего, изобилует фактическими погрешностями»³. По этой причине работе «следует доверять далеко не во всем»⁴.

В советской историографии основное внимание аналитиков акцентировалось на противоречиях и ошибках, содержащихся в работе⁵. При этом единодушно признавалось, что основным недостатком «Истории» являлась ее промонархическая идейная ориентация. Но и здесь труд Богдановича «при всех его недостатках» рассматривался как «шаг вперед по сравнению с сочинениями Михайловского-Данилевского и Бутурлина»⁶.

В последнее десятилетие XX в., судя по замечаниям Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, Ю.Л. Епанчина, Л.Л. Ивченко, Н.А. Троицкого⁷, также не сложилось единогласного мнения об анализируемом труде, хотя большинство из перечисленных авторов наряду с многочисленными достоинствами усматривали в нем и очевидные недостатки.

¹ См.: Харкевич В. 1812 год. Березина. С. 1.

² См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе. С. 305.

³ См.: Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. VIII.

⁴ См.: Поликарпов Н.П. Отечественная война 1812 года... С. 31.

⁵ См.: Пичета В.И. Покровский о войне 1812 года. С. 7; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 35–37; Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. С. 18–19.

⁶ См.: Дьяков В.А. Об особенностях развития русской военно-исторической мысли в предреформенное тридцатилетие // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969. С. 82; Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика... С. 242.

⁷ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков... С. 5; Епанчин Ю.Л. Батарея Раевского // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 252–253; Ивченко Л.Л. Историография Бородинского сражения // Воинский подвиг защитников Отечества: Традиции, преемственность, новации: Материалы Межрегиональной научно-практической конф. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 125–126; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 18–21.

С позиций современной методологии историографического анализа можно констатировать, что «История Отечественной войны 1812 года» М.И. Богдановича, несомненно, обладала исследовательской новизной по отношению к предшествующим научным работам. Оставив практически без изменения структуру повествования А.И. Михайловского-Данилевского, ученый под иным углом зрения подошел к объяснению многих концептуальных положений и особенно к изображению военных действий.

Обстоятельнее, чем его предшественники, изучив совокупность внешнеполитических и экономических противоречий между двумя державами, исследователь по-своему, хотя и с традиционных позиций, объяснял причины войны. Важнейшим фактором, способствовавшим возникновению вооруженного конфликта, историк считал отрицательное влияние континентальной блокады на экономику России, которое проявилось в сокращении вывоза «русских сырых произведений», отрицательном балансе внешней торговли и упадке «вексельного курса и ассигнаций»¹. Признание экономических противоречий одним из основных факторов в генезисе войны 1812 года было, безусловно, новым словом в исторической науке.

По-прежнему считая Наполеона «грозным завоевателем», который «враждовал к России», историк вместе с тем отмечал его нежелание идти на полный разрыв с Александром I из-за продолжавшейся войны в Испании². Тем самым исследователь косвенно признавал невыгодность для Франции войны с Россией. Однако всю ответственность за ее развязывание он традиционно возложил на Наполеона, подчеркнув, что «Император Александр желал сохранить союз с Францией, но не мог достигнуть этой благой цели»³.

Историк высказал свое, отличное от других исследователей, мнение в отношении стратегических планов сторон. В частности, он отметил отсутствие конкретного замысла ведения войны у Наполеона, поскольку император не мог знать «по каким направлениям он будет вести свои войска во все продолжение действий и как далеко зайдет он в Россию»⁴. Тем самым объяснялась медлительность и нерешительность Наполеона после начала военных действий, его колебания в Смоленске, связанные с разрешением вопроса «идти ли вперед, либо остановится на Днепре и зимовать в Литве и Белоруссии?»⁵ Эта

¹ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 1. С. 27–32, 35–36.

² См.: Там же. Т. 1. С. 33.

³ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 1. С. 39.

⁴ См.: Там же. С. 93–94.

⁵ Там же. С. 94.

авторская точка зрения представляется актуальной и для современной историографии, поскольку документальные источники, дающие полное и недвусмысленное представление о стратегическом плане войны Наполеона, пока еще не известны.

На новом фактическом материале М.И. Богданович попытался опровергнуть утвердившееся в литературе мнение о том, что военные действия русских войск в первом периоде войны «ведены были без всякого определенного плана» и показал последовательность разработки стратегии военных действий русским командованием. В противовес утверждениям немецких историков о том, что стратегическое планирование войны осуществлялось исключительно немецкими военными специалистами, ученый отметил ведущую роль в этом процессе М.Б. Барклая де Толли¹.

Богданович подробно, останавливаясь на каждом сражении, проанализировал военные действия противоборствующих сторон. В работе значительно расширена фактическая сторона описания боевых действий. Некоторые из военных эпизодов, как, например, одновременное отступление враждующих армий от Малоярославца², упоминались в литературе вообще впервые.

Историк принципиально отнесся к стратегии Кутузова, упрекнув полководца в чрезмерной осторожности, «которая... не позволяла ему стремиться решительно к цели действий» при преследовании отступающей французской армии³. На этом основании в советской литературе утверждалось, что роль М.И. Кутузова как руководителя армии и организатора победы над Наполеоном в книге М.И. Богдановича «сведена на нет»⁴.

Подобные категоричные суждения сегодня представляются субъективистскими. Следует признать, что, несмотря на критическое отношение к действиям Кутузова, Богданович одновременно признавал в нем «полководца, освободившего Россию от чужеземного нашествия», благоговел перед его памятью «и не занимался вопросом: возможно бы было исполнить лучше то, что так хорошо совершил Кутузов?»⁵

¹ См.: Там же. С. 93–106.

² См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. С. 50.

³ См.: Там же. С. 52.

⁴ См.: Пичета В.И. Покровский о войне 1812 года. С. 7; Кожухов С. К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Большевик. 1951. № 15. С. 23.

⁵ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. С. 14.

Несомненно, что М.И. Богданович сумел правильно передать общественные настроения, господствовавшие в народе накануне наполеоновского вторжения. Заслуживают внимания его замечания о том, что имя Бонапарта вызывало у населения «таинственный ужас, подобно имени злого духа». Признавая высокую религиозность крестьян и городских обывателей, историк справедливо указал на формирование в общественном сознании мифологических предрассудков, согласно которым предстоящая война связывалась с нашествием Антихриста, с концом Света и началом «Страшного Суда Божия». Вместе с тем ученый вполне оправданно подчеркивал решимость народа вести войну во имя господствовавших в обществе идеалов: «Все до единого готовы были вооружиться, по слову Царя, в защиту оскорбленного Отечества»¹.

В таком контексте исследователь объяснял причины народной войны, которые связывал с особенностью русского национального сознания. «Принять врага в дом свой, – отмечалось в работе, – значило, в понятиях Русского, изменить Царю, изменить Богу. Иностранцы, не постигая величия сих понятий, честили нас за то варварами!»² Исследователь указывал на особую роль православной церкви в войне, именем которой поднимали народ на борьбу с врагами. Русские воины, ополченцы и крестьяне, вооружившиеся против французов, сравнивались с «христианскими воинами Божьей Матери», вставшими на защиту «святой Руси»³. Представляется, что такое понимание идейного смысла народной войны против агрессора наиболее близко отражает причины ее возникновения в 1812 г. Эта тема актуальна и для современной историографии, в которой завершается очередное переосмысление идейных основ народного движения в защиту своей независимости. Поэтому целесообразно продолжить дальнейшее углубленное изучение рассматриваемого аспекта.

При анализе участия сословий и классов в войне М.И. Богданович, как и другие официальные историки, утверждал идею об их сплочении вокруг царского престола и ведущей роли русского дворянства в организации народной войны против захватчиков⁴.

Рассматривая причины поражения французской армии, историк значительное внимание уделял естественным факторам, которые считал важным условием в победе над Наполеоном. В советской

¹ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. С. 92.

² См.: История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. С. 68.

³ См.: Там же. Т. 2. С. 411.

⁴ См.: Там же. С. 68, 93, 400–402, 416.

историографии такая авторская позиция возводилась до уровня первопричин поражения французов в России¹. Более того, ведущие советские историки считали, что «в книге... не осталось места для показа роли общественных сил в войне»².

Подобные суждения опровергаются анализом содержания рассматриваемого труда. Как видно из предыдущего изложения, народный характер войны у М.И. Богдановича проступает вполне рельефно. Именно патриотизм народа, по мнению автора, закалил «русских в сознании их силы», что «дало... возможность отстоять Россию»³.

«История Отечественной войны 1812 года» писалась по высочайшему повелению Александра II как официальная версия этой темы и должна была утверждать несокрушимость существовавшего политического строя. Поэтому, выполняя требуемые установки, М.И. Богданович, как и его предшественники, представлял российского монарха непогрешимым вождем, орудием Всевышнего Промысла, совершающим «в челе своего народа» личный подвиг спасения Отечества⁴. Отсутствие взвешенного критического анализа личности Александра I, его достоинств и недостатков, несомненно, снизили научную ценность труда, за что М.И. Богданович вполне оправданно критиковался в дореволюционной и советской литературе⁵.

Вместе с тем представляется оправданной точка зрения, согласно которой «в тогдашних условиях» книга являлась определенной либеральной уступкой русской научной общественности⁶. Ее появление дало определенный толчок развитию научно-критического направления в изучении истории темы, хотя одновременно способствовало дальнейшему утверждению в исторической науке официально-патриотической концепции.

Анализируя дореволюционную историографию, советские историки выделяли в ней *неофициальное, «прогрессивное направление в изучении истории Отечественной войны 1812 года»⁷, представленное трудами декабристов и революционных демократов.*

¹ См.: Жилин П.А. Историография Отечественной войны 1812 года. Л. 58.

² См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 35.

³ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. С. 93.

⁴ См.: Там же. Т. 1. С. 87; Т. 2. С. 369; Т. 3. С. 407–408.

⁵ См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе. С. 306.

⁶ См.: Дьяков В.А. Об особенностях развития русской военно-исторической мысли в предреформенное тридцатилетие. С. 82.

⁷ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 15.

Так, на основе изучения мемуаров и публицистических статей декабристов Л.Г. Бескровный утверждал, что в освещении событий войны дворянские революционеры опирались «на свою историческую концепцию», по которой «народ защищал не русскую монархию, а свободу и независимость России»¹.

Соответствующим образом, высказывалось убеждение, что русские просветители «старались разоблачить истинную сущность политики правящих классов», «вопреки официальной историографии» давали «правильную историческую оценку этой войне, выдвигая в качестве ее основной и решающей силы народ»².

Подобные взгляды нашли широкое распространение в литературе второй половины прошедшего столетия³.

Анализ работ декабристов и революционных демократов, проведенный с позиций современной методологии научного познания, дает основание не согласиться с некоторыми из высказанных положений.

Во-первых, существующее мнение о том, что «многие декабристы, русские революционеры-демократы... писали о войне 1812 года в *специальных работах* (курсив мой. – И. Ш.)...»⁴, во многом не соответствует действительности и завышает их роль в изучении темы. Ни участники тайных декабристских обществ, ни революционные просветители не являлись исследователями истории Отечественной войны 1812 года в научном понимании этого слова и не писали о ней *специальных научных работ*.

Свое отношение к войне декабристы выражали как ее непосредственные свидетели в мемуарах⁵, письмах⁶ или публицистике⁷.

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 16.

² См.: Там же. С. 28, 29.

³ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков... С. 6–7. Жилин П.А. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года. С. 54; Его же. Отечественная война 1812 года. С. 7; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 5.

⁴ См.: Орлик О.В. Гроза двенадцатого года... М., 1987. С. 4.

⁵ См.: Волконский С.Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901; Глинка Ф.Н. Письма русского офицера... Ч. 4; Норов С.В. Записки о походах 1812–1813 гг. от Тарутинского сражения до Кульмского боя; Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951; и др.

⁶ См., напр.: письма П.Г. Каховского и А.А. Бестужева к Николаю I // Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 211, 212.

⁷ См., напр.: Глинка Ф.Н. Разсуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Литературно-критические работы декабристов. С. 142–150.

В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и другие представители революционно-демократического лагеря рассматривали эту проблему в контексте литературной критики или в статьях общественно-публицистического звучания¹.

Во-вторых, как правило, декабристы и революционные демократы свое мнение о нашествии Наполеона в Россию выражали преимущественно по двум аспектам, а именно: место и роль сословий и классов в войне и влияние ее последствий на развитие национального самосознания русского народа. Эти положения хотя и являются концептуальными, но не составили завершенной системы взглядов на Отечественную войну 1812 года. Об отношении представителей указанных революционных течений к другим вопросам можно судить только по высказываниям, сделанным в контексте их личных воспоминаний или изучения смежной тематики. Поэтому следует признать недостаточно аргументированной идею Л.Г. Бескровного, согласно которой у декабристов и революционеров-демократов имела собственная историческая концепция нашествия Наполеона на Россию. Видимо, правильнее говорить об особой точке зрения на отдельные аспекты изучаемой проблемы. На этом же основании неправомерно выделять их воззрения в отдельное научное течение в историографии Отечественной войны 1812 года.

В-третьих, представляется спорным вывод о том, что «официозная трактовка характера и основных событий Отечественной войны 1812 года вызвала резкие возражения со стороны будущих декабристов» и сменившего их нового поколения «революционно настроенной молодежи»². Однако предметный анализ их сочинений дает основание утверждать обратное. Оценки личности французского императора³, критика теории естественных факторов⁴, мнение об освободительной миссии русской армии в Западной Европе⁵, сделанные декабристами и революционными демократами, не противоречили официальной концепции войны, разработанной в работах Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича.

¹ См.: Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 446–447; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 765; и др.

² См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков... С. 6, 7.

³ См.: Писарев Д.И. Избранные произведения. Л., 1968. С. 520.

⁴ См.: Норов С.В. Записки о походах 1812–1813 гг. от Тарутинского сражения до Кульмского боя. Ч. 1. С. 134.

⁵ См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 48.

Например, как уже отмечалось, Ф.Н. Глинка, признанный советскими историками противником «реакционной монархической концепции», не отрицал в качестве важнейшего фактора победы русского народа их преданность вере и царю¹. В свою очередь, и Н.Г. Чернышевский полагал, что «главнейшими же причинами нашего торжества в 1812 году должны быть признаваемы твердая решимость императора Александра Благословенного, патриотизм народа, мужество наших армий и искусство полководцев»². Следовательно, в качестве главного условия «нашего торжества в 1812 году» представители революционного движения считали мобилизующую силу монархических идей и непримиримую позицию царя в вопросе о мире с Наполеоном.

В-четвертых, известно, что декабристы и революционные демократы, выступали за ограничение или полную ликвидацию самодержавия в России, освобождение крестьян от крепостной зависимости. Такая политическая позиция выразилась в специфическом понимании социальной стороны войны и ее значении в жизни русского общества. Личность Александра I декабристами представлена без верноподданнического любования. С другой стороны, наоборот, более обостренно, чем у официальных историков, у них присутствовало понимание народного характера войны. По данной причине ими совершенно справедливо подчеркивалось революционизирующее влияние войны на последующее состояние русского общества³, о чем умалчивала официальная историография.

Подобные взгляды в изучаемый исторический период являлись передовыми, поскольку вскрывали пороки существовавшей политической системы. Между тем замечание об их «огромном влиянии на умы современников»⁴ представляется несоразмерным с действительным положением в исторической науке того времени. Гораздо ближе к истине современное суждение том, что прогрессивные воззрения в то время «не могли утвердиться в исторической науке так, чтобы составить ее полноправную отрасль или концепцию»⁵.

¹ См.: Глинка Ф.Н. Разсуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 148.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 490.

³ См.: Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 7; Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 446–447; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 285; и др.

⁴ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 26.

⁵ Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 13.

Анализируя процесс развития исследуемой проблемы во второй половине XIX в., важно отметить тот резонанс, который вызвала в ученом мире публикация романа *Л.Н. Толстого* «Война и мир».

Основные события Отечественной войны 1812 года, изображенные в четвертом томе указанного произведения, как признавал сам писатель, он «не выдумывал, а пользовался материалами, из которых... образовалась целая библиотека книг»¹. Однако реальные исторические процессы и явления, соединенные с художественным вымыслом и авторскими философскими рассуждениями, получили в сочинении искаженное отражение. Популярность романа и высокий авторитет его создателя в читательской аудитории стали формировать в обществе, по замечанию историков-специалистов, «самые превратные понятия, как о военном деле, так и об исторических событиях 1812 года»².

По этой причине точка зрения Л.Н. Толстого на историю вторжения наполеоновской армии в Россию неоднократно становились предметом специальных историографических разборов³. Большинство историков, обсуждавших обоснованность и научность суждений писателя, считали, что его выводы «не выдерживают самой снисходительной критики по своей односторонности...»⁴ Следует отметить, что подобная характеристика имела под собой веские основания.

Научная дискуссия, возникшая вокруг литературного произведения, обозначила важную проблему о роли и значении писателей исторических романов в распространении исторических знаний в обществе. Критика специалистами-историками взглядов одного из крупнейших русских мыслителей на историю похода Наполеона в Россию не случайна. Ведь Л.Н. Толстой, претендуя на историческую достоверность содержания своего сочинения, в конечном счете, фальсифицировал реальную действительность. Посредством художе-

¹ Цит. по.: Лебедев Ю.В. Русская литература XIX в. Вторая половина: Учебн. для общеобразоват. учреждений. 6-е изд. М., 1999. С. 298.

² Витмер А. 1812 год в «Войне и мире». По поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» графа Л.Н. Толстого. СПб., 1869. С. II.

³ Подробно о первых откликах на произведение Л.Н. Толстого в 60-е годы XIX в. см.: Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика 60-х гг. XIX в.: «Война и мир» в отзывах журнальной критики. М., 1977; Кроме того: Драгомиров М. Очерки: Разбор «Войны и Мира»... Киев, 1898. С. 3–136; Пугачев В.В. Толстой об отступлении русской армии в 1812 году и историческая действительность // Л.Н. Толстой: Статьи и материалы. Вып. V. Горький, 1963. С. 196–225; Щербинин А.А. «Война и мир», замечания мои на IV том // ЧИОИДР. 1912. Кн. 4. II. С. 4–10; и др.

⁴ Драгомиров М. Очерки: Разбор «Войны и Мира»... С. 7.

ственного слова субъективистские взгляды о войне 1812 года распространялись в общественном сознании. Поэтому Л.Н. Толстой как историк закономерно подвергался критике со стороны специалистов – исследователей темы.

Следовательно, опыт развития историографии изучаемой проблемы свидетельствует об известной доли ответственности писателей за правдивое отражение реальных исторических событий в своих произведениях.

Последующий за появлением монографии М.И. Богдановича тридцатилетний период не был ознаменован новыми фундаментальными трудами по изучаемой проблеме. Некоторые из ее ветеранов в середине 70-х годов XIX в. констатировали определенное снижение научного интереса к истории наполеоновского нашествия на Россию. Такая тенденция связывалась с прошедшей Крымской войной 1853–1856 гг., обозначившей интерес историков к событиям современности. Так, Ф.Н. Глинка, в одном из своих писем к И.П. Липранди, по этому поводу писал: «Правду сказали Вы, Севастополь смыл все прошедшее. Не смыл, впрочем, а только заслонил. Но ведь старые, даже уродливые моды наших бабушек возникают из забвения. Авось настанет мода и для Великой Эпохи Великого XII-го года»¹.

Некоторые исследователи снижение научного внимания к изучаемой проблеме в 70–80-е годы XIX в. связывали с переориентацией внешнеполитического курса России в Европе на сближение с Германией и Австро-Венгрией².

Между тем подобные оценки историографии 1812 г. вряд ли можно считать оправданными. Как уже отмечалось, именно к середине 70-х годов наблюдался рост публикаций в периодической печати документальных источников и ранее не известных мемуаров. Кроме того, при определенном снижении количества специальных научных работ именно в 70–80-е годы XIX в. изучение этой проблемы вступило в качественно новую стадию.

Новые подходы были обозначены в работах *Александра Николаевича Попова*. Хотя он не оставил обобщающей работы, но его статьи, по хронологии охватившие почти весь период войны, в совокупности являли целостное произведение³. В научной деятельности

¹ ОР РГБ. Ф. 18, карт. 5. Д. 28. Л. 3.

² См.: Дьяков В. О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX в. С. 63.

³ См.: Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры // Русская старина. 1897. № 6–10; 1898. № 10; Его же. Отечественная война 1812 года Т. 1: Сношения России с европейскими державами перед войной 1812 года. М., 1905; Его же. Отечественная война 1812 года. От Малоярос-

историка можно выделить несколько особенностей, отличавших его труды от предшествующих разработок.

Характерной чертой творческой деятельности А.Н. Попова явилось углубление и расширение тематики исследования за пределы собственно военной стороны 1812 г.

Ученый предпринял попытку вскрыть всю совокупность сложных международных отношений, приведших к войне между Россией и Францией в 1812 г., усмотрев главную ее причину в столкновении национальных интересов двух государств¹. Однако, как справедливо замечают некоторые современные исследователи, Попов в этом вопросе все же «не вышел за рамки “патриотической” схемы», в духе господствовавшей концепции представил Францию «очагом международного разбоя», а Россию «оплотом мира», свято соблюдавшей условия Тильзитского договора².

Приоритетным в исследованиях А.Н. Попова стало изучение социально-политических аспектов войны, прежде всего отношения общества к военным событиям. Эти вопросы в предшествующей историографии углубленно не изучались, хотя определенные предпосылки для их осмысления уже были заложены в ранних статьях Н.Ф. Дубровина³.

Последующие критики были единогласны в том, что русское общество изображалось А.Н. Поповым в войне наравне с правительством и армией⁴. Такой взгляд исследователя дал основание советским историографам охарактеризовать его как первопроходца в развенчании «самодержавно-религиозной» концепции дворянских историков⁵.

лавца до Березины. СПб., 1877; Его же. Французы в Москве в 1812 году // Русский архив. 1876. Кн. 1. № 2–4; Кн. 2. № 5–8; Его же. Эпизоды из истории 1812 года // Русский архив. 1892. № 2–6, 8; и др.

¹ См.: Попов А.Н. Сношения России с европейскими державами перед войной 1812 года. С. 188–190. Его же. Эпизоды из истории 1812 года. № 6 С. 357–359.

² См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 22.

³ См.: Дубровин Н.Ф. Материалы для внутренней стороны 1812 года. Князь Кутузов-Смоленский в 1812 году // Артиллерийский журнал. 1862. № 9; Его же. Москва и граф Ростопчин в 1812 году. (Материалы для внутренней стороны 1812 года.) // Артиллерийский журнал. 1863. № 3, 5, 7.

⁴ См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе. С. 310; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 39; и др.

⁵ См.: Пичета В.И. Покровский о войне 1812 года. С. 278. См. также: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 39; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 22.

Более глубокий анализ произведений А.Н. Попова позволяет лишь отчасти согласиться с такой точкой зрения. Действительно, в работах историка русское общество выступило на первый план, «нисколько не ошибаясь» в характере и значении войны, «признавая ее войною за существование»¹.

Вместе с тем, показывая возросшее влияние общественного сознания на ход и исход войны, ученый отнюдь не затушевывал личность императора, как это представлялось в историографии второй половины прошедшего столетия. Историк считал, что многие инициативы, в том числе и в организации повсеместной вооруженной партизанской борьбы с захватчиками, исходили от Александра I и поддерживались в народе. Такая авторская позиция со всей очевидностью проступает из приведенного в сочинении императорского рескрипта на имя смоленского епископа Иринаея об организации проповедей среди прихожан с призывами оказывать вооруженное сопротивление французским войскам².

Можно также напомнить о несостоятельности распространенной в литературе точки зрения, согласно которой А.Н. Попов критически относился к идее единения народа вокруг престола. Так, по мнению Л.Г. Бескровного, историк «отверг... идею дворянской историографии о единении народа вокруг трона»³. Между тем в одном из его сочинений мы находим следующее утверждение: «В одном общем чувстве необходимости и готовности к самопожертвованию для спасения Отечества сливались все состояния...», и это патриотическое чувство, «переполняя души, вызвало их на встречу императора»⁴. Подобные замечания Попова дают основание усомниться в объективности тезиса Бескровного.

Следует отметить, что официально-патриотический характер сочинений А.Н. Попова очень четко уловил их самый главный рецензент – Александр II, который высочайше одобрил поднесенную ему автором книгу «Французы в Москве в 1812 году»⁵. Как можно судить по официальному ответу историку, направленному из императорской канцелярии, царь «давно ожидал подношения этой книги», заслуживающей «особого внимания»⁶. Одобрение научного творчества

¹ См.: Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2. С. 284.

² См.: Там же. С. 295.

³ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 39.

⁴ Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. Кн. 2. С. 301.

⁵ РГВИА. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁶ Там же.

ученого в высшей государственной инстанции свидетельствовало о том, что взгляды Попова в целом оказались созвучны официальным воззрениям на историю Отечественной войны 1812 года.

Архивные материалы позволяют предположить, что опубликованные А.Н. Поповым статьи должны были составить содержание крупного труда о царствовании Александра I, который историк готовил более 15 лет, начиная с 1861 г.¹ Работа должна была удовлетворять правительственным требованиям. Такое заключение запрашивается из содержания письма исследователя к Министру иностранных дел кн. А.Н. Горчакову. Выражая собственную просьбу о допуске к документам, хранящимся в архиве министерства иностранных дел, А.Н. Попов заверял царского чиновника в своей полной политической лояльности. При этом он проявлял полное понимание того, «что документы такой важности не могут быть открываемы всякому, кто изъявил только желание; для этого необходимо ручательство...»²

Характеризуя труды А.Н. Попова, следует заметить их несомненную исследовательскую новизну. В них детализированы многие военные события, всесторонне рассмотрено состояние армии накануне и в первый период войны. Особое внимание историк уделял анализу сложных взаимоотношений среди русского генералитета³. Однако ученый в своих оценках некоторых руководителей русской армии не избежал субъективизма, принижая заслуги М.Б. Барклая де Толли и возвеличивая М.И. Кутузова⁴.

Новым в изучении войны 1812 года явилась попытка А.Н. Попова при помощи зарубежных источников заглянуть «за линию фронта», оценить поступки и действия французского командования, встав на их точку зрения⁵. С конца 40-х годов XX в. такой методологический подход в отечественной историографии полностью игнорировался и был возрожден в научных трудах конца XX – начала XXI в.

В методологии исторического исследования работы А.Н. Попова стали едва ли не хрестоматийным примером воплощения на практике метода критического анализа первоисточников. Вполне возможно, что подобная методика и породила представления о данном

¹ Там же. Л. 1 об.

² РГВИА. Ф. 226. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

³ См.: Попов А.Н.. Отечественная война 1812 года. От Смоленска до приезда Кутузова в армию.

⁴ См.: Там же. С. 520–521, 523; Его же. Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины. С. 64.

⁵ См.: Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины; Его же. Французы в Москве в 1812 году; и др.

исследователе как яром противнике официально-патриотической концепции.

Критическое направление в изучении наполеоновского нашествия в Россию развивалось и другими историками 70–80-х годов XIX в. Среди них – известный военный теоретик, профессор, начальник Николаевской академии Генерального штаба *Генрих Антонович Леер*. Следует заметить, что в историографических работах по истории Отечественной войны 1812 года его сочинениям вообще не уделялось внимания. Такое невнимание к взглядам одного из крупнейших специалистов в области военной истории представляется неоправданным. Хотя ученый и не писал обобщающих трудов по рассматриваемой проблеме, но история военного искусства наполеоновской эпохи, в том числе и похода Наполеона в Россию, входила в круг его научных интересов. В последующей историографии многие выводы исследователя, касающиеся стратегии и тактики противоборствующих сторон в войне 1812 года, были приняты другими историками и нашли распространение в научной литературе.

Известно, что научная деятельность Г.А. Леера имела большое значение как для дальнейшего развития военной теории, так и для методологии проведения военно-исторических исследований. В последнем случае наибольший интерес представляют суждения ученого о необходимости искать за историческими фактами определенные закономерности – «дойти до идеи, которая вылилась в факте»¹. «Без критического отношения к изучению факта, – полагал Г.А. Леер, – военная история обращается в балласт, пригодный только для засорения голов. Только благодаря здоровой и разумной критике военная история и делается лучшей школой для изучения военного дела»². Указанные методологические установки представляются наиболее актуальными и для проведения современных военно-исторических исследований.

Под таким углом зрения Г.А. Леер проанализировал ряд сражений периода наполеоновских войн³. Вопросы истории Отечественной войны 1812 года он рассмотрел в одной из глав своего капитального военно-теоретического труда «Стратегия» и в специ-

¹ Леер Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. Положительная стратегия. СПб., 1869. Ч. 1. С. 170.

² См.: Леер Г.А. Стратегия: Тактика театра военных действий. 6-е изд. СПб., 1896. Ч. 1. С. 91 (далее цитируется только это издание).

³ См.: Леер Г.А. Война 1805 года. Ульмская операция. Подробный конспект. СПб., 1887; Его же. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. Подробный конспект. СПб., 1888; и др.

альном разделе, написанном для учебника по военной истории для военных училищ¹.

Изучая 1812 г., Г.А. Леер с новых позиций объяснил причины войны. В этом вопросе он пошел дальше А.Н. Попова, предприняв попытку отойти от ранее распространенной схемы, по которой Наполеон считался агрессором, увлеченным идеей мирового господства, а Александр I миротворцем, борющимся с распространением наполеоновской гегемонии. В авторской интерпретации оба государства соперничали за лидерство в Европе. Правда, в утверждении этой мысли историк действовал осторожно, высказывал ее исподволь, полунамеками.

Леер критически оценивал подготовку сторон к войне и сам ход военных действий. План войны Наполеона он считал «недостаточно соображенным с географическими свойствами театра войны и в особенности с моральными качествами противника»². По его мнению, серьезные просчеты были допущены и русским командованием, которое добровольно устроило для противника прорыв «с полным обнажением главного операционного направления на Москву»³.

Одним из первых в отечественной историографии Г.А. Леер предложил свою периодизацию войны, выделив в ней три периода: первый, от начала военных действий до Бородина; второй, Бородинское сражение; третий, от занятия французами Москвы до Березинской переправы⁴.

Г.А. Леер пытался преодолеть негативные тенденции в оценках полководческой деятельности М.Б. Барклая де Толли. Главнокомандующий 1-й армией выдвинут историком на передний план – он один с немногими своими сподвижниками осознавал необходимость стратегического отступления, за которое осуждался генералитетом, обществом и самим государем⁵.

В работах Леера прослеживалось критическое отношение к полководческому мастерству Кутузова в Бородинской битве. Например, отмечены серьезные недостатки в боевом построении русских войск перед сражением, подчеркивается, что главнокомандующий сосредото-

¹ См.: Леер Г.А. Стратегия. Ч. 1. С. 174–181; Его же. Отечественная война 1812 года // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней: пособие для изучения военной истории в военных училищах: в 4 ч. 2-е изд. СПб., 1893. Ч. 1. С. 169–270.

² Леер Г.А. Стратегия. Ч. 1. С. 336.

³ См.: Там же. С. 176.

⁴ См.: Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 265.

⁵ См.: Там же. С. 195, 199, 205 и др.

точил основные усилия в обороне в стороне от направления главного удара противника. Поэтому усиленная правофланговая группировка фактически оказалась в роли оперативного резерва. Отсюда соответствующим образом оценивались Леером и результаты сражения – «полууспех, только отбитие наполеоновского удара»¹. Столь же малозначительными представлены в книге и итоги Березинской операции, «где войска наши вводились в бой по частям и действовали без совокупности единства»².

Сосредоточившись на анализе военного искусства, Г.А. Леер старался обходить социально-политические вопросы войны. Однако им одновременно учитывался воспитательный, военно-патриотический аспект, который проявился в воспроизведении основных положений официально-патриотической концепции о характере Отечественной войны 1812 года³.

Патриотическая направленность указанного сочинения Леера проявилась в сравнительном анализе воззваний Александра I и Наполеона к войскам в связи с началом войны. Историк считал, что воззвание русского царя выгодно отличалось простотой и умеренностью, опорой на религиозные чувства солдат и офицеров, верой в их любовь к Отечеству⁴. В соответствии с общепринятыми положениями Г.А. Леер объяснял народный характер войны, считая, что «вся Россия откликнулась на призыв царя, каждый готов был пожертвовать собою и всем своим достоянием», которые превзошли «даже меру ожидания»⁵.

По мнению исследователя, сопротивление народа врагу возрастало по мере продвижения захватчиков вглубь российской территории, «а ко времени занятия ими Москвы обратилось в грозную силу...»⁶ Из содержания работы следовало, что главным вдохновителем народной партизанской войны стал император Александр I. Впоследствии, как отмечал Г.А. Леер, она спонтанно разрасталась в ответ на «грабежи, неистовства неприятеля, поругания над святынями...»⁷

Таким образом, историк пытался сочетать научно-критический подход к изучению темы с пафосом ее патриотического начала.

¹ См.: Леер Г.А. Стратегия. Приложение № 9. С. 159.

² См.: Там же. С. 161.

³ См.: Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 227.

⁴ См.: Там же. Ч. 1. С. 185.

⁵ См.: Там же. С. 226.

⁶ См.: Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. 227.

⁷ См.: Там же.

В конце XIX в. научная разработка похода Наполеона в Россию была продолжена *Владимиром Ивановичем Харкевичем*. В 1893 г. общественность ознакомилась с его первым научным трудом, посвященным событиям на реке Березине в ноябре 1812 г.¹ Книга принесла начинающему историку известность в научных кругах. Как специалиста по истории Отечественной войны 1812 года его пригласили к чтению лекций в Николаевской академии Генерального штаба. Часть этих лекций, написанных преимущественно по первоисточникам, в том числе и французского происхождения, В.И. Харкевич опубликовал в 1901 г. под названием «Война 1812 года. От Немана до Смоленска»². В этот же период им было подготовлено и несколько других работ, более подробно освещавших малоисследованные страницы войны³.

В своих трудах В.И. Харкевич с критических позиций развил важнейшие концептуальные положения и уточнил некоторые вопросы, связанные с боевыми действиями русской армии. При анализе причин военного столкновения России с Францией исследователь более четко выразил идею, обозначенную в трудах Г.А. Леера. С точки зрения историка, «и Россия и Франция преследовали завоевательные цели, причем обе стороны таили в себе и задние мысли и взаимное недоверие»⁴. Понятно, что такое заключение на деле означало начало пересмотра господствовавшей официально-правительственной концепции войны. Подобные выводы в рассматриваемый исторический период вряд ли могли получить поддержку со стороны официальных представителей военно-исторической науки. Поэтому историк проявил определенную непоследовательность и предпочел в очередной раз повторить тезис о наличии у Наполеона плана «всемирного порабощения, против которого император Александр I считал себя обязанным бороться»⁵.

Харкевич всесторонне рассмотрел вопросы стратегического планирования войны русским генералитетом. Особое мнение историк высказал об известном плане Фуля, найдя в нем, при определенных

¹ См.: Харкевич В. 1812 год. Березина.

² См.: Харкевич В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска. Вильна, 1901. С. III.

³ См.: Харкевич В. Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. СПб., 1901; Его же. Действия кн. Багратиона в 1812 году // Военно-исторический сборник. 1913. № 1–4; Его же. Военный совет в Филях // Военный сборник. 1903. № 1; Его же. Барклай де Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. СПб., 1904.

⁴ Харкевич В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска. С. 3.

⁵ См.: Там же. С. 10.

условиях обстановки, рациональное зерно¹. Харкевич значительно углубил знания о военных действиях, в особенности на начальном и заключительном этапах войны. Его военно-исторический труд «Березина» по совокупности привлеченных источников и беспристрастию анализа боевых действий большинством отечественных историографов признан одним из лучших².

Однако в историографии второй половины XX в. это сочинение анализировалось по упрощенной схеме – якобы все предложения и действия императора оценивались В.И. Харкевичем отрицательно, а М.И. Кутузова – положительно³. И в современных условиях, следуя утвердившейся точке зрения, некоторые из аналитиков считают, что у Харкевича царь «отодвинут в тень, где он на самом деле и пребывал всю войну; М.И. Кутузов занимает первый план, но не идеализируется...»⁴

Скорее всего, подобные оценки исходили из общих методологических установок, согласно которым В.И. Харкевич причислялся к числу «буржуазных» историков и, следовательно, должен был развенчивать «дворянскую» концепцию руководящей роли Александра I в войне и единения народа вокруг престола. В действительности суждения Харкевича представляются не такими категоричными. С одной стороны, историк действительно отказался от восторженных оценок политической и военной деятельности Александра I, критически оценивал некоторые из решений царя. Но, с другой стороны, царь в исследованиях Харкевича отнюдь не отодвинут «в тень». Наоборот, он представлен одним из основных действующих лиц в начале войны и на ее заключительном этапе. Как следует из содержания работ, император принимал активное участие в разработке стратегического планирования войны, до своего отъезда в Москву фактически стоял во главе действующей армии, осуществляя руководство военными действиями согласно принятому накануне стратегическому плану, пытался исправить допущенные ошибки⁵.

Исследователь положительно оценил одобренный императором петербургский план окружения наполеоновской армии на реке Бере-

¹ См.: Харкевич В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска. С. 90–91.

² См.: Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе. С. 311; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 40; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 24.

³ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 40.

⁴ Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 23.

⁵ См.: Харкевич В. Война 1812 года. От Немана до Смоленска. С. 75–95, 100, 102–103, 119–123 и др.

зине. По его мнению, этот план «смелый по идее, вполне отвечал обстановке... обещал самые решительные результаты... в силу сложившейся обстановки, был близок к осуществлению»¹. Тем не менее автор критически оценил предпринятую попытку реализовать разработанный план. И основная причина неудач виделась ему в различных подходах к решению данной проблемы со стороны Александра I и М.И. Кутузова. Для осуществления замысла царя требовались решительные и активные действия, на чем император и настаивал в своих директивах. У главнокомандующего на этот счет было свое мнение. Фельдмаршал принял предложенный ему план «пассивно, без возражения, но и без веры в возможность его осуществления», действовал, «избегая решительного боя», чтобы «постепенно ослабить французскую армию и довести ее до полного разрушения». Поэтому, по мнению историка, Кутузов «добровольно лишил себя возможности руководить действиями в момент кризиса и является простым свидетелем совершающихся событий»².

В конечном счете В.И. Харкевич пришел к выводу, ранее высказанному Г.А. Леером, – русское командование на Березине действовало несогласованно, войска вводились в сражение по частям, половиной имевшихся сил, а «ослабленная, но не уничтоженная (курсив мой. – И. Ш.) французская армия покидает берега Березины и продолжает отступление на Вильну»³. При этом историк, как это следует из содержания заключительной части сочинения, был далек от того, чтобы возлагать ответственность за неудачу только на Чичагова и Витгенштейна⁴.

В целом, научная деятельность В.И. Харкевича была высоко оценена современниками – исследователями 1812 г. Достоинства его сочинений отмечались и на официальном уровне, в Главном штабе, но одновременно признавалась их узкая тематическая направленность, не дающая «цельного представления о кампании 1812 года»⁵.

В конце XIX в. критическое направление в историографии 1812 г. получило свое развитие в труде *Аркадия Платоновича Скугаревского*. Ученый считал, что «исследование военно-исторических событий... должно вестись строго объективно, с самой внимательной критикой источников». Такой методологический подход историк применил при изучении Отечественной войны 1812 года.

¹ Харкевич В. 1812 год. Березина. С. 13, 15–16, 203.

² См.: Харкевич В. 1812 год. Березина. С. 204, 205.

³ См.: Там же. С. 206–207.

⁴ См.: Там же. С. 208–210.

⁵ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 124. Л. 21.

В 1898 г. на базе лекций, прочитанных в Николаевском инженерном и Михайловском артиллерийском училищах, А.П. Скугаревский выпустил книгу «1812 год от начала войны до Смоленска включительно»¹. Сочинение было предназначено в качестве учебного пособия для проведения «военных бесед» с офицерами. Такие целевые установки определили методику написания книги в виде постановки тактических задач.

Основное внимание в своем труде автор сосредоточил на детальном обзоре хода военных событий. Скугаревский подробно не рассматривал социально-политические аспекты войны, предпочитая по этим вопросам придерживаться основных положений официальной концепции, изложенной в работах Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича².

Однако в отдельных случаях историк высказывал собственную точку зрения. Например, он полагал, что император Франции не ставил своей задачей «полное покорение России под свою власть...», а «лишь подчинение нашего отечества его (Наполеона. – *И. Ш.*) политике»³.

В таком контексте А.П. Скугаревский определил и стратегический план Наполеона, который, по его мнению, был рассчитан «только до достижения первой ближайшей задачи – уничтожение неприятельских армий»⁴. При этом ученый обоснованно заметил, что судить об истинных замыслах Наполеона можно только в самых общих чертах по его группировке войск. Такой вывод делался на основании того, что «Наполеон никогда не составлял письменных планов, они во всех деталях держались в его удивительной голове»⁵. Логика подобных рассуждений привела А.П. Скугаревского к оригинальному выводу о месте и роли Москвы в наполеоновской стратегии войны. Он поставил под сомнение распространенные в литературе утверждения о наличии у Наполеона предварительного плана захвата первопрестольной. Историк справедливо отмечал, что «движение Наполеона на Москву было следствием отступления туда русских; а русские отправились туда вследствие результата действий под Смоленском»⁶. В последующем

¹ См.: Скугаревский А.П. 1812-й год от начала войны до Смоленска включительно: Практические приемы изучения военной истории. Казань, 1898.

² См.: Там же. С. 9–10, 19.

³ См.: Там же. С. 14.

⁴ См.: Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ См.: Скугаревский А.П. 1812-й год от начала войны до Смоленска включительно. С. 28.

эта идея была возрождена в историографии 70-х годов XX в. столетия и широко пропагандировалась Б.С. Абалихиным и В.А. Дунаевским.

Скугаревский признавал наличие наступательных планов ведения войны у русского командования. Однако отказ Александра I от вторжения в Польшу на рубеж реки Одер историк выводил не из анализа неблагоприятной для России международной обстановки, а исключительно из миролюбивых устремлений императора и из его нежелания первым начинать военные действия¹.

Подводя общий итог «начальным действиям наших войск», А.П. Скугаревский считал, что их «нельзя признать искусными». Хотя русская армия и вышла из кризисного положения «вполне благополучно», но, по мнению автора книги, с точки зрения военного искусства гораздо более поучительны действия французской стороны².

В своей работе Скугаревский затронул и такой важный концептуальный вопрос, как причины победы России в войне. Он выступил решительным противником распространенной в западной историографии теории «климатических факторов» поражения Наполеона. В числе важнейших причин разгрома наполеоновской армии историк отмечал «замечательную твердость духа» Александра I, «необыкновенную энергию и упорство» русских войск, участие народа в вооруженной борьбе с неприятелем, ошибки самого Наполеона³. Но в совокупности перечисленных факторов ошибкам французского императора Скугаревский придавал решающее значение⁴.

Работа А.П. Скугаревского была положительно оценена критикой и рекомендовалась «частям войск» в качестве «превосходного пособия для беседований по поводу событий описанных двух периодов войны 1812 года»⁵. Тем не менее некоторые замечания автора вызвали принципиальное несогласие у рецензентов и, в частности, вывод о том, что Наполеон не ставил своей целью «полное покорение России»⁶.

С позиций сегодняшнего дня большинство суждений Скугаревского видятся вполне объективными и могут учитываться при разработке современной концепции войны. Следует также обратить внимание на тот факт, что критическая направленность авторских

¹ См.: Там же. С. 18–19.

² См.: Там же. С. 117.

³ См.: Там же. С. 9.

⁴ См.: Там же. С. 113–114.

⁵ См.: Н. П. М. [Рецензия] // Разведчик. 1898. № 414. С. 819. Рец. на кн.: Скугаревский А.П. 1812-й год от начала войны до Смоленска включительно: Практические приемы изучения военной истории.

⁶ См.: Там же.

выводов не препятствовала их использованию в процессе военно-исторической подготовки офицерского состава. Возрождение подобного подхода в обучении современных военных кадров должно получить приоритетное значение при изучении Отечественной войны 1812 года и в наши дни.

К началу XX столетия по истории Отечественной было создано большое количество литературы. По сведениям К. Военского, русский отдел крупнейшей частной библиотеки по наполеоновской эпохе минского помещика Ивана Христофоровича Колодеева насчитывал более 2000 одних только книг. В общем, с учетом иностранных изданий собрание насчитывало 15 000 томов¹.

Кроме проанализированных военно-исторических трудов тема Отечественной войны 1812 года нашла отражение и в других работах, выходявших на рубеже XIX–XX вв. История борьбы русского народа с наполеоновской агрессией в контексте политической деятельности Александра I в качестве самостоятельных разделов включалась в многотомные издания *В.К. Надлера* и *Н.К. Шильдера*². В своих оценках социально-политического характера войны указанные историки придерживались официально-патриотической концепции, нашедшей отражение в трудах Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича. Например, оба историка в качестве главной причины победы над Наполеоном признавали твердость духа российского императора, преданность народа престолу, а В.К. Надлер, в дополнение к этому, и «помощь всевышнего»³.

Предметом специального изучения в указанный исторический период стал один из вариантов стратегического плана русского командования, разработанного накануне войны. В частности, внимание исследователей привлек известный план прусского офицера на русской службе К.Л. Фуля, который критически оценивался как участниками войны, так и историками послевоенных лет. В противовес такому распространенному мнению в конце XIX в. начала утверждаться мысль о рациональности общей идеи плана, которой русское командование руководствовалось в ходе всей войны⁴.

¹ См.: Военский К.А. Священной памяти двенадцатый год: Исторические очерки, рассказы, воспоминания и другие статьи, относящиеся к эпохе Отечественной войны. СПб., б.г. С. 67.

² См.: Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного союза: в 5 т. Рига, 1886–1892. Т. 1–2; Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 ч. СПб., 1897–1998. Ч. 3.

³ См.: Надлер В.К. Указ. соч. Т. 2. С. 377, 383.

⁴ См.: Омелянович. План Пфуля. Этюд из истории Отечественной войны. СПб., 1898.

Н.П. Михневич и Б.М. Колюбакин проанализировали тактику ведения «малой» войны армейскими партизанами, признав ее полезность для современной практики военных действий¹.

В. Тимирязев продолжил исследования причин московского пожара, высказав мысль о причастности к этому событию московского генерал-губернатора *Ф.В. Ростопчина*².

Общее количество и содержание ростопчинских афиш уточнил *П.А. Картавов*³. Историк признал их благотворное влияние на патриотические настроения московских жителей, подчеркнув, что большая часть этих летучих изданий была написана самим *Ф.В. Ростопчиным*.

Определенное внимание в историографии начала XX в. было уделено вопросу патриотизма священнослужителей в период наполеоновского нашествия⁴. Общим для этих работ стало признание мобилизирующего значения церкви для развития народной войны в широких масштабах.

Более объективно историки стали характеризовать личность Наполеона, признав у него политический разум и полководческие дарования. Такие оценки наиболее ярко отразились в сочинении *П.И. Ковалевского*⁵.

На некоторых вопросах национальных отношений в годы войны заострил внимание *К.А. Военский*, рассмотрев конкретный исторический пример поведения борисовских евреев при переправе наполеоновских войск через Березину в ноябре 1812 г.⁶

Новым предметом историографии 1812 г. становятся мемориалы, увековечивавшие народную память о войне⁷.

¹ См.: Михневич Н.П. Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 гг. СПб., 1888; Колюбакин Б.М. Набег Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу с 9-го по 14-е сентября 1812 г: Эпизод из сентябрьских событий кампании 1812 года. СПб., 1900.

² См.: Тимирязев В. Пожар Москвы и граф Ростопчин в 1812 году // Исторический вестник. 1902. Октябрь.

³ См.: Картавов П.А. Ростопчинские афиши. СПб., 1904.

⁴ См.: Орловский Н.И. Дьячок-партизан 1812 года // Исторический вестник. 1902. Октябрь; Его же. Священник Н.А. Мазуркевич обвиняемый в измене в 1812 году // Русская старина. 1903. Апрель–июнь.

⁵ См.: Ковалевский П.И. Наполеон I и его гений. СПб., 1901.

⁶ См.: Военский К.А. Наполеон и борисовские евреи в 1812 году. СПб., 1906.

⁷ См.: Мостовский М. История Храма Христа Спасителя в Москве. М., 1882; Шильдер Н.К. Бородино и Москва в 1839 году: Записка Витебского, Могилевского и Смоленского ген.-губернатора. кн. Голицына по поводу от-

Анализ перечисленных и других сочинений свидетельствует о том, что тенденция к количественному увеличению литературы в конце XIX – начале XX в. одновременно сопровождалась расширением тематики проводимых исследований, способствовала дальнейшему углубленному изучению фактической стороны войны.

Как видно из предыдущего изложения, выводы некоторых исследователей последней четверти XIX в. по ряду концептуальных положений расходились с официальной историей М.И. Богдановича. Разночтение было замечено и в официальных военных кругах, где признавалось, что «нельзя удовлетвориться имеющимися сочинениями и признать их достаточно полными и вполне разработанными»¹.

Документальные источники, хранящиеся в РГВИА, свидетельствуют, что в начале XX в. руководство военным ведомством планировало взять на себя создание нового официального труда по истории 1812 г. С обнаружением массива документов из государственных и частных архивов выводы официальной концепции войны стали звучать не всегда убедительно и потребовали соответствующей корректировки. Одновременно открылась широкая перспектива для активной разработки малоисследованных вопросов войны. В военном ведомстве допускали, что всесторонний анализ всего документального комплекса может оказаться не под силу одному исследователю. На этом основании вносились предложения публиковать самостоятельные работы по этапам войны. Однако такой подход не поддержали в Главном штабе, где считали важным подготовить обобщающую монографию².

Написание очередной официальной истории связывалась с предстоящей 100-летней годовщиной войны. «Желательно, – писал командующий Московским военным округом к военному министру, – чтобы ко дню юбилея Отечественной войны была издана ее подробная история»³.

Инициатором идеи подготовки нового исторического труда о 1812 г. выступил великий князь Сергей Александрович. Поданные им в 1902 г. предложения⁴ после проработки в Главном штабе были

крытия Бородинского памятника и закладки храма Христа Спасителя в Москве // Русская старина. 1891. Январь; Оболев Н.Н. Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле. М., 1903; Ярцев А.А. Бородинский исторический музей // Исторический вестник. 1903. Ноябрь; и др.

¹ РГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 124. Л. 2 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С.А. Малышкин ошибочно полагал, что данная инициатива была проявлена Великим князем в 1896 г. См.: Малышкин С.А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. С. 157.

высочайше утверждены в январе 1904 г. Очередной официальный труд предполагали создавать на принципиально иных основаниях, чем это было в первой половине XIX столетия. Тогда конкретный исполнитель и общие цели исследования декларировались монаршим повелением. В начале XX в. вопрос о выборе официального историка войны решался на конкурсной основе после предоставления монографий для их оценки специальной комиссией.

Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович выполняли поставленную перед ними задачу исходя из собственных воззрений, сообразуясь с авторской логикой изложения материала. Теперь структура и содержание работы должны были соответствовать специально разработанной программе. Для возможно большего привлечения историков к конкурсу устанавливался принцип материального стимулирования. За лучшие книги было назначено три премии – 1-й, 2-й и 3-й степени – суммой в 15, 6 и 3 тысячи рублей соответственно. Составление программы исследования возлагалось на Николаевскую академию Генерального штаба¹.

В соответствии с принятым решением для разработки программы конкурсных сочинений в феврале 1904 г. на конференции академии² была избрана комиссия в количестве трех человек под председательством генерал-майора А.З. Мышлаевского³. Непосредственным исполнителем указанного документа стал известный военный историк генерал-майор П.А. Гейсман. В конце мая 1906 г. отредактированная и утвержденная военным министром А.Ф. Редигером программа вместе с положением о премиях была доведена до войск приказом по военному ведомству⁴.

Знакомство с содержанием «Программы для конкурсных сочинений по истории Отечественной войны 1812 года»⁵ позволяет высказать о ней несколько соображений. Следует признать, что документ предусматривал объективный и всесторонний разбор вооруженных сил и военного искусства *обеих* противоборствующих сторон. Боевые действия рассматривались как двусторонний процесс. При этом внимание конкурсантов акцентировалось на недостатках в управлении войсками и их тыловом обеспечении. На решение этой задачи наце-

¹ Там же.

² В современном понимании этого слова ученый совет академии.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1259. Л. 9. Кроме А.З. Мышлаевского в состав комиссии были включены ординарные профессора академии генерал-майор П.А. Гейсман и генерал-лейтенант Н.П. Михневич.

⁴ Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 124. Л. 26–28, 32.

⁵ Там же. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1259. Л. 14–26 об.

ливала историков и архивистов соответствующая формулировка вопросов¹.

В новом сочинении предполагалась характеристика социально-политических аспектов. Особое значение придавалось оценке всей совокупности факторов, приведших к вооруженному столкновению России с Францией, разъяснению их политических целей в войне. Отдельно требовалось рассмотреть «отношение народа к войне», «дух русского народа», «положение в западных губерниях, занятых неприятелем». Следовало обосновать позицию и решения императора Александра I после занятия Москвы французами. Полагалось необходимым определить понятие «народная война», ее последствия² и т. п.

К чести авторов программы, они не подталкивали создателей новых трудов к конкретным, заранее предопределенным выводам. Научные задачи как по военным, так и по социально-политическим вопросам формулировались вполне нейтрально с акцентом на собственные суждения авторов. Вместе с тем ее составители не заостряли внимание на острых, дискуссионных проблемах, уже отмеченных в литературе. Например, в программе не обозначалось различие точек зрения на причины войны, итоги Бородинского сражения, виновников московского пожара, роли пространственно-климатических и временных факторов в поражении Наполеона. Были обойдены вопросы о политических целях и задачах основных сословий и классов в войне, о выступлениях крестьян против помещиков, о влиянии войны на последующее социально-политическое развитие общества и т. п.

Однако и с учетом указанных недостатков предложенная Николаевской академией Генерального штаба конкурсная программа позволяла создать достаточно объективный научный труд по истории 1812 г.

К сожалению, автору настоящей монографии не удалось найти документов, позволяющих судить об официальных итогах конкурса. Анализ военно-исторической литературы свидетельствует о том, что военное ведомство не заявляло о создании обобщающей научной монографии, претендующей на статус официальной истории войны. При наличии высококвалифицированных кадров военных историков основная причина неудачи в реализации исследовательского проекта, как представляется, состояла в ущербности организационных принципов, согласно которым подготовка нового сочинения являлась добровольным делом частных исследователей.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1259. Л. 15 об., 16, 17, 18 об., 22 и др.

² Там же. Л. 14–14 об., 18–18 об., 20–20 об., 21.

Подводя итог развитию историографии Отечественной войны 1812 года во второй половине XIX – начале XX столетия, следует отметить, что дальнейшее развитие темы в этот период осуществлялось под влиянием общественных настроений и социальных процессов, происходивших в стране во время и после окончания Крымской войны 1853–1856 гг. В новых социально-политических условиях правительство сочло важным подготовить очередную официальную версию Отечественной войны 1812 года, утверждавшую в общественном сознании идеалы нерушимости существовавшего политического строя.

По этой причине в новой работе, подготовленной М.И. Богдановичем, нашли подтверждение и необходимое научное обоснование все важнейшие социально-политические характеристики господствовавшей в первой половине XIX в. концепции похода Наполеона в Россию. По уже сложившейся историографической традиции был развит тезис о единоличной ответственности Наполеона за развязывание войны. Вновь утверждалась мысль о тесном сплочении всех классов, сословий и социальных групп вокруг престола, об их едином стремлении отстоять Веру, Царя и Отечество. Ведущая роль в этом процессе, как и прежде, отводилась русскому дворянству. В признании причин поражения Наполеона главенствующее положение отводилось особенностям русской народной духовности, состоянием которой объяснялся народный характер войны.

В новой официальной истории войны нашли определенное отражение изменения, происходившие в методологии научного исследования, а также в его источниковой базе. Активное внедрение в военно-исторические исследования методов научно-критического изучения явлений и фактов, введение в научный оборот новых архивных документов позволили М.И. Богдановичу значительно углубить и расширить фактическую сторону исследуемой проблемы, более всесторонне и объективно проанализировать ход боевых действий обеих противоборствующих сторон.

В последней четверти XIX в. это направление постепенно стало ведущим. Наряду с дальнейшим критическим осмыслением военных событий и фактов, предпринимались первые попытки пересмотра социально-политических аспектов войны. В связи с этим начинала утверждаться идея о наличии собственных геополитических интересов в Европе как у Франции, так и у России. В ее контексте был сформулирован, но не нашел обоснования и распространения тезис об обоюдной ответственности обоих императоров за развязывание вооруженного конфликта.

На рубеже XIX–XX вв. продолжалось поступательное развитие тенденции к специализации проводимых исследований и расшире-

нию исследовательской проблематики. В сфере научных интересов историков оказались вопросы разработки стратегического плана ведения войны русским командованием, причин московского пожара, публицистической деятельности московского военного губернатора графа Ф.В. Ростопчина, роли священнослужителей в мобилизации народа на борьбу с захватчиками, межнациональных отношений, сохранения памяти о героических событиях того времени в архитектуре и изобразительном искусстве и другие.

Новые обобщения и выводы, сделанные в ходе изучения темы, во второй половине XIX в. вошли в определенное противоречие с господствующей концепцией и вызвали необходимость подготовки новой официальной истории войны. Работа по ее подготовке началась в военном ведомстве в первом десятилетии XX в. Разработанный в Николаевской академии Генерального штаба исследовательский проект нацеливал историков на создание сочинения, отражавшего последние достижения исторической науки по данной проблеме. Однако недостатки в организационных вопросах не позволили реализовать этот замысел.

§ 3. Историография темы в период подготовки и празднования 100-летней годовщины победы над Наполеоном и в годы Первой мировой войны

Столетие Отечественной войны 1812 года стало заметным событием в жизни страны. Резко возросший в канун юбилея интерес к истории наполеоновского нашествия на Россию способствовал рождению многочисленных общественных инициатив, направленных на пропаганду и запечатление в народной памяти героических традиций, связанных с этим знаменательным событием в военной летописи нашей страны. Масштабы и содержание подготовительных и праздничных мероприятий нашли достаточно полное отражение в последующей литературе¹.

Грядущие юбилейные торжества вызвали резкий количественный рост печатной продукции, посвященной походу Наполеона в Россию.

¹ См.: Голикова Н.И. О праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года (по материалам Вологодской губернии) // Отечественная война 1812 года: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы (IX). С. 81–85; Бородинские торжества // Исторический вестник. 1912. Октябрь. С. 323–355; Малышкин С.А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года; Русская военная мысль: Конец XIX – начало XX в. С. 65–75; и др.

В юбилейный период¹, по некоторым данным, вышло в свет более 600 новых книг и брошюр². Только на праздничной выставке, устроенной Главным управлением по делам печати, экспонировалось 331 печатное издание³. В этом массиве литературы обозначились различные течения, отличавшиеся по своей идейной и социально-политической направленности. Среди ученых и публицистов наблюдалось разнообразие мнений по основным концептуальным положениям исследуемой проблемы. Наряду с официальными оценками, получившими научное оформление и обоснование в первой половине XIX в., в литературе отмечались новые точки зрения на социально-политическую природу и характер Отечественной войны 1812 года. Многообразие представленных мнений свидетельствовало о том, что тема оказалась на перепутье своего дальнейшего развития.

Царское правительство традиционно стремилось использовать юбилейные торжества в интересах воспитания народа в верноподданническом духе. Отсюда в историографии темы активно развивалось *официальное направление*, опиравшееся на легендарно-патриотические начала истории борьбы русского народа с наполеоновским нашествием.

Эта тенденция проявилась в массовом выпуске литературы, написанной с самодержавно-охранительных позиций. Накануне праздничных торжеств Совет Императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО) подвел итоги конкурса на лучшую популярную брошюру по истории 1812 года⁴. Победа была присуждена действительному члену общества П.М. Андрианову за работу «1812 год»⁵. Указанное издание имело своей целью популяризировать

¹ Начало официальной подготовки к юбилею можно определить с 7 мая 1910 г. в связи с учреждением Междудементальной комиссии для обсуждения вопросов, связанных с юбилейными торжествами Отечественной войны. О предыстории создания и основных мероприятиях этой комиссии см.: Малышкин С.А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. С. 152–159.

² См.: Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. С. 8.

³ Подсчитано по: Каталог изданий, посвященных юбилею 1812 года и находящихся на выставке произведений печати, устроенной Главным управлением по делам печати. М., 1912.

⁴ Этот конкурс проводился по решению Междудементальной комиссии параллельно с конкурсом на лучшую научную работу, организованном в военном ведомстве. См.: Малышкин С.А. 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. С. 157.

⁵ См.: Андрианов П.М. 1812 год. Великая отечественная война (По поводу 100-летнего юбилея). СПб., 1912.

вать историю войны в массах народа. Книгу предполагали активно распространять среди учащейся молодежи и в Вооруженных силах. По этой причине Совет ИРВИО счел возможным вносить собственные правки в авторское изложение¹. Отсюда и ее невиданный по тому времени тираж в 1,5 млн экземпляров². Хотя автор брошюры и опирался на последние выводы по военным вопросам, но в целом пропагандистская направленность популярного издания не вывела повествование за рамки традиционных подходов к освещению темы.

Традиционные воззрения на изучаемую проблему находили распространение и в других трудах. Религиозно-мифологический подход использовал в своих статьях В. Беляев³. В контексте самодержавно-охранительной концепции изложил историю Отечественной войны Б.Б. Глинский⁴. Верноподданнические мотивы характерны для работ о московском дворянстве и роли церкви в борьбе с Наполеоном⁵. Примеры подобной литературы, базировавшейся на старых методологических подходах, можно приводить в большом количестве.

Великодержавными настроениями были проникнуты выступления, произносимые на торжественных заседаниях исторических обществ, посвященных столетней годовщине Отечественной войны. Например, в ходе праздничного собрания Киевского отдела ИРВИО В.И. Гаврилов прославлял замечательные «твердость духа и мужество, проявленные нашим верховным вождем»⁶.

¹ Об этом заявлено на титульном листе издания. Поэтому Санкт-петербургское издание имеет существенные отличия от одесского аналога этой книги. Ср.: Андрианов П.М. 1812 год. Великая отечественная война (По поводу 100-летнего юбилея). СПб., 1912; Его же. Великая отечественная война. Борьба России с Наполеоном в 1812 году. Одесса, 1912.

² См.: Русская военная мысль: Конец XIX – начало XX в. С. 65.

³ См.: Беляев В. Сто лет назад // Военно-исторический сборник. 1912. № 1; Его же. Начало войны 1812 года // Там же. № 2; Его же. Война 1812 года // Там же. № 3; Его же. Конец войны 1812 года // Там же. 1912. № 4.

⁴ См.: Глинский Б.Б. Торжество России в борьбе с Наполеоном. К столетнему юбилею Отечественной войны // Исторический вестник. 1912. Август. С. I–XLVIII.

⁵ См.: Борин Я. Борьба великанов. Отечественная война 1812 года: Для народных и школьных чтений. М., 1912; Московское дворянство в 1812 году. СПб., 1912; Бородин Д. Двенадцатый год. Пожар Москвы. СПб., 1912; Никольский Александр (протоиерей). Лица «духовного чина» московской епархии в их служении церкви и отечеству в 1812 году. СПб., 1912; и др.

⁶ Гаврилов В.И. «Не нам, не нам, а Имени Твоему» // Военно-исторический вестник. 1912. № 4. С. 31.

Старым трактовкам нередко придавали подновленный вид. Так, на этом же заседании В.З. Завитневич развил идею о столкновении в 1812 г. «германо-романского, католическо-протестантского начала Европы Западной с славяно-русским, восточно-православным началом Европы Восточной»¹. Однако и в такой интерпретации «смирненно-верующая», миролюбивая Россия защищалась от узурпатора, руководствовавшегося «принципом насилия и личного произвола»².

Основные положения правительственной концепции первой половины XIX столетия находили поддержку среди профессоров Московского университета. Об этом свидетельствует доклад заслуженного ординарного профессора В.И. Герье, сделанный на совместном расширенном заседании Совета университета и членов «Императорского общества истории и древностей российских» 21 октября 1912 г. Тема доклада и его содержание соответствовали программе, составленной по предложениям преподавателей русской истории историко-филологического факультета и утвержденной в мае 1912 г. на Совете университета³.

Для большей доказательности собственных положений В.И. Герье ввел в выступление элементы научной дискуссии. Он решительно выступил против «модной теории об экономических основах всех исторических событий... и материалистической (марксистской) школы»⁴. Увлечение материализмом, замечал В.И. Герье, привело к упразднению фигуры самого Наполеона, который, «был движим безмерным честолюбием, безумной прихотью и верою в неизменность своего счастья»⁵.

Историк высказался против суждения о том, что «героическая легенда 12-го года» мешала «строغو научному исследованию причин, вызвавших Отечественную войну»⁶. В противовес такой точке зрения он в очередной раз провозгласил идею единения всех сословий

¹ Завитневич В.З. Идеология Отечественной войны // Военно-исторический вестник. 1912. № 4. С. 6.

² См.: Там же. С. 13.

³ См.: Речи, произнесенные в торжественном заседании Совета Императорского Московского университета и Императорского Общества истории и древностей российских в память 1812 года. С. 4.

⁴ Герье В.И. Император Александр I и Наполеон // Речи, произнесенные в торжественном заседании Совета Императорского Московского университета и Императорского Общества истории и древностей российских в память 1812 года. С. 8.

⁵ См.: Там же. С. 9.

⁶ См.: Там же.

«с царем в одной воле», при котором «всякая тень разногласия и неудовольствия... исчезла»¹.

Приведенный анализ литературы и торжественных речей официального направления свидетельствует о том, что традиционные воззрения на историю Отечественной войны 1812 года сохраняли свою устойчивость и находили поддержку в консервативных научных кругах.

Пристальное внимание общественности за подготовкой к столетию Отечественной войны привлекло к этому событию не только правящие, но и оппозиционные политические круги. Отсюда в историографии темы развивалась новая тенденция, сопряженная с кардинальным пересмотром господствовавших в XIX столетии взглядов на характер войны. Наиболее ярко она пролеживалась в работах представителей революционных партий и либеральных слоев. Особое место среди них заняли взгляды сторонников *марксистского направления*, опиравшихся в своих исторических воззрениях на теорию классово́й борьбы. Свою точку зрения на эпоху наполеоновских войн высказывал В.И. Ленин. Наиболее полно марксистский взгляд на проблему выразил близкий к большевистским кругам М.Н. Покровский. После прихода к власти партии большевиков осенью 1917 г. его концепция стала доминировать в советской исторической науке. Она будет рассмотрена при характеристике советской историографии 20-х – начала 30-х годов.

Стремление «совлечь одежду со старых идиологов» наблюдалось и в *либеральных научных кругах*. В них популяризировались идеи, согласно которым объективная оценка истории Отечественной войны 1812 года возможна лишь с материалистических позиций в тесном рассмотрении и с учетом особенностей развития западноевропейской цивилизации. На этом основании война трактовалась не просто как вооруженное столкновение двух крупнейших государств, но, прежде всего, как противоборство различных социально-политических систем: передовой революционной Франции с реакционной монархической Европой. В данном контексте также переосмысливались место, роль и политические цели различных социальных групп в войне.

С таких методологических позиций освещал историю нашествия Наполеона на Россию заведующий Архивом Министерства народного просвещения *Константин Адамович Военский*. Его воззрения на социальную природу войны во многом перекликались с точкой зре-

¹ См.: Герье В.И. Император Александр I и Наполеон // Речи, произнесенные в торжественном заседании Совета Императорского Московского университета и Императорского Общества истории и древностей российских в память 1812 года. С. 5.

ния М.Н. Покровского. В качестве серьезного исследователя темы К.А. Военский проявил себя еще в начале XX в. К столетней годовщине он был уже известен как автор нескольких крупных библиографических работ и документальных сборников¹. Свои воззрения на происхождение вооруженного столкновения России и Франции в 1812 г. исследователь самостоятельно и в соавторстве изложил в специальных сочинениях на эту тему².

Военский выступил как приверженец теории экономического материализма, полагая, что экономические отношения являются главными в совокупности мотивов, воздействующих на «целые народы и их правительства»³.

Историк оказался в числе тех ученых, которые отрицали негативное влияние континентальной блокады на натуральное сельское хозяйство и развитие промышленности России⁴. В рассуждениях автора разрыв торговых отношений с Англией не удовлетворял лишь узкую прослойку столичной аристократии и крупных землевладельцев. Под их давлением император вынужден был пойти на нарушение условий Тильзитского мира, что привело в итоге к войне⁵.

Другую важную причину войны с Наполеоном К.А. Военский совместно с Ю. Карцовым выводил из социально-политических условий жизни и менталитета русского общества. За их рассуждениями недвусмысленно проглядывал тезис о борьбе самодержавия с идеями французской революции⁶. Под таким углом зрения ответственность за войну в равной степени с Наполеоном историки возлагали на русского царя: «Дружа с Наполеоном, он (Александр I. – *И.Ш.*) за пазухою прчет камень»⁷.

Материалистическое понимание Военским причинной обусловленности военного конфликта России с Францией получило различную оценку у современников и у последующих историографов. В.П. Алексеев словами самого К.А. Военского отмечал, что новый

¹ См.: Военский К.А. Отечественная война в Новоборисовском собрании И.Х. Колодеева; Его же. Отечественная война в русской журналистике; Его же. Акты, документы и материалы для истории 1812 года и др.

² См.: Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812; Военский К. Континентальная система // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 3. С. 221–232.

³ См.: Военский К.А. Континентальная система. С. 221.

⁴ См.: Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. С. 58.

⁵ См.: Там же. С. 57; Военский К. Указ. соч. С. 231.

⁶ См.: Карцов Ю., Военский К. Указ. соч. С. 17, 19; Военский К.А. Указ. соч. С. 231.

⁷ Карцов Ю., Военский К. Указ. соч. С. 60.

подход «совершенно изменяет смысл истории 1812 года и дает возможность к наиболее беспристрастному суждению о фактах, а также о лицах, участвовавших в великой эпопее»¹. Л.Г. Бескровный, в свою очередь, видел в такой методологии развитие «буржуазной» трактовки войны². Н.А. Троицкий считал, что «дух реакционности в характере войны 1812 года со стороны России Военский даже преувеличивал»³.

Со своей стороны заметим, что работы К.А. Военского усилили радикальное направление в историографии, согласно которому история похода Наполеона в Россию рассматривалась с учетом особенностей сложившейся социально-классовой структуры общества. На этой методологической основе К.А. Военский обозначил отличие целей и задач различных социальных групп в войне. Историк указал на противоречия между узоклассовыми интересами высшего света и нуждами основной массы населения Российской империи. По сути, исследователь подвел читателя к выводу об ответственности аристократических кругов столичных городов, а следовательно, и царизма за развязывание войны. Однако в то время эта мысль вслух еще не прозвучала.

Выводы К.А. Военского, в свою очередь, интерпретировал *В.И. Пичета*, который также исходил из доминирования экономического фактора в причинах войны. Историк поддержал точку зрения о положительном влиянии континентальной блокады на развитие отечественного суконного, бумажного и металлургического производства, продукция которых составляла основу английского импорта⁴. В объяснении социальной природы войны В.И. Пичета, вслед за К.А. Военским, подчеркнул, что царское правительство свою внешнюю политику строило исходя из экономических интересов крупного дворянства и купечества⁵.

Особое внимание историк уделил влиянию последствий войны на экономическое развитие России. Впервые в отечественной историографии он поднял вопрос о размере экономического ущерба от французского вторжения⁶.

¹ Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе. С. 316.

² См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 46.

³ Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 24.

⁴ См.: Пичета В.И. Война 1812 года и народное хозяйство // Война и мир: памяти Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 230.

⁵ См.: Там же. С. 230, 231.

⁶ См.: Там же. С. 227–246.

Материалистическое понимание войны 1812 года проявил *Е.В. Тарле*, изучавший в 1910–1912 гг. влияние континентальной блокады на экономику европейских стран. Итоги этой работы воплотились в капитальной монографии «Континентальная блокада», вышедшей из печати в 1913 г.¹ Одна из ее глав посвящалась развитию российско-французских экономических отношений в 1807–1812 гг.² Некоторые выводы своего исследования *Е.В. Тарле* сообщил Международному конгрессу историков в Лондоне в 1913 г. в докладе «Экономические последствия континентальной блокады»³. Здесь труд получил международное признание, а историк европейскую известность.

Как отмечал исследователь, «история континентальной блокады в России, ее последствия в русской экономической жизни» не являлись основным предметом его исследования⁴. Тем не менее в содержании работы нашли отражение выводы *К.А. Военского* и *В.И. Пичеты* о том, что от свертывания внешней торговли в первую очередь страдало российское дворянство⁵. *Е.В. Тарле* в целом разделял идею, согласно которой промышленность России и некоторых других государств Западной Европы «могла иметь выгоду от сокращения английского сбыта»⁶. Вместе с тем он показал, что «в России важные экономические интересы были абсолютно непримиримы с самим принципом континентальной блокады»⁷. Именно этим объяснялись нарушения условий Тильзитского мира со стороны *Александра I*, которые и подорвали франко-российский союз⁸.

Тенденция к кардинальному пересмотру социально-политических вопросов 1812 г. проявлялась и в других работах. Среди них видное место заняла статья *О. Корниловича*⁹, который напрямую отверг клю-

¹ См.: Тарле *Е.В.* Континентальная блокада. 1. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона. М., 1913; Тарле *Е.В.* Соч.: в 12 т. М., 1958. Т. 3. С. 9–654.

² В качестве самостоятельного издания эта часть монографии была опубликована в юбилейном 1912 г. См.: Тарле *Е.В.* Экономические отношения Франции и России при Наполеоне I // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Ч. 42. № 11. С. 54–93.

³ См.: Манфред *А.З.* От редактора // Тарле *Е.В.* Соч.: в 12 т. М., 1958. Т. 3. С. 6.

⁴ См.: Тарле *Е.В.* Соч. Т. 3. С. 367.

⁵ См.: Там же. С. 350, 501.

⁶ См.: Там же. С. 352.

⁷ См.: Там же. С. 367.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Корнилович *О.* Общественные настроения в 1812 году // Новая жизнь. 1912. № 9. Стлб. 83–96.

чевой тезис правительственной концепции войны о массовом патриотизме и единении народа с престолом в годы войны. На основании первоисточников, опубликованных П.И. Щукиными и Н.Ф. Дубровиным, историк утверждал, что «война 1812 года... сопровождалась многими внутренними кризисами и потрясениями, справиться с которыми стране было почти столь же необходимо, как и изгнать французов»¹.

Сопоставив различные факты, О. Корнилович пришел к выводу, что в годы войны в народе не было того монолитного единства, о котором писали историки первой половины XIX в. Подлинными патриотами оказалась только незначительная «часть интеллигенции и помещиков средней руки... Но в этой среде сказывалось раздражение против правительства»². Престол же мог опираться только на аристократические круги, крупное дворянство и «часть среднего сословия», которые разделяли правительственную политику³.

В утверждении новых взглядов на историю 1812 г. большое значение имели книги *великого князя Николая Михайловича*, хотя он и не проявил себя как последовательный радикал в пересмотре основных концептуальных положений. В первую очередь великий князь заявил о себе как публикатор коллекций документов из семейного архива Романовых⁴. Однако круг научных интересов августейшего историка не ограничивался только подготовкой документальных сборников. Каждое издание он предварял анализом содержания публикуемых первоисточников. Эти вводные статьи являлись вполне самостоятельными научными исследованиями. Подчеркнем, что труды великого князя получили высокую оценку в дореволюционной историографии. Известный своими либеральными взглядами С. Мельгунов считал, что практически каждая из работ Николая Михайловича «делает огромный вклад в русскую историческую науку... и всегда бывает почти научным открытием»⁵. Такого же высокого мнения придерживались и такие крупные специалисты по истории

¹ Корнилович О. *Общественные настроения в 1812 году* // Новая жизнь. 1912. № 9. Стлб. 83.

² См.: Там же. Стлб. 92.

³ См.: Там же. Стлб. 93.

⁴ См.: Николай Михайлович, вел. кн. *Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812; Его же. Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной; Его же. Император Александр I: Опыт исторического исследования.*

⁵ См.: Мельгунов С. *Новая работа об Александре I* // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 233.

1812 г., как К.А. Военский, А.К. Дживелегов, Е.В. Тарле¹. Оценки до-революционных историографов о творчестве вел. кн. Николая Михайловича представляются вполне обоснованными, тогда как большинством историков второй половины XX в. эти документы просто игнорировались. По всей видимости, не только принадлежность автора к царской семье, но и содержание документальных источников, противоречивших официально-патриотической концепции советского периода, делали их неактуальными. Ссылки на эти научные труды и содержащиеся в них документальные материалы крайне редки в советской историографии².

Между тем в своих работах Николай Михайлович развил ряд важнейших положений новой концепции войны 1812 года. Прежде всего, исследователь продолжил пересмотр причин вооруженного столкновения между Россией и Францией. Проанализировав дипломатическую переписку Александра I, он пришел к выводу о стремлении руководства этих стран «поделить между собой не только Европу, но и остальные части света»³. Основной источник развития конфликта автору виделся в сфере межличностных отношений Александра I и Наполеона, которые «отдавали предпочтение личным чувствам негодования и нередко забывали интересы своих народов»⁴. Инициатором закулисной игры историк считал российского императора. Логика изложения материала подводит читателя к мысли о главной ответственности Александра I за развязывание войны. Однако в работе нет однозначного ответа на этот вопрос. Царь мечтал о войне и «воспользовался гениально всеми обстоятельствами... став всенародно жертвой коварства и честолюбия своего союзника»⁵. Но агрессором вел. кн. Николай Михайлович все же назвал Наполеона, «который объявлял войну, вторгнувшись со своими полчищами в русские пределы»⁶.

¹ См.: Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. С. X–XIII; Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. С. 25; Тарле Е.В. Соч.: в 12 т. Т. 3. С. 340.

² Определенным исключением из правил является монография А.З. Манфреда о Наполеоне, в котором автор аргументировал свои суждения анализом переписки Александра I с сестрой Екатериной Павловной. См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 546, 547, 680–682; и др.

³ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. Т. 1. С. II.

⁴ Там же. С. CXIII.

⁵ См.: Там же. С. CLIX, CLX.

⁶ См.: Там же. С. CLIX.

Развивая александровскую тему, ученый отошел от панегирической традиции изображения российского императора. Наряду с добродетелями у монарха признавались и существенные пороки. Указывалось на двуличность царской психологии, позволявшей действовать на два фронта. В честолюбивых помыслах историк усматривал главный мотив военно-политической деятельности Александра I¹. Подобная точка зрения соответствовала новейшим воззрениям на личность царя.

Однако во взглядах на роль монарха в Отечественной войне вел. кн. Николай Михайлович придерживался традиционных взглядов, считая его «главным руководителем и организатором состоявшегося погрома» наполеоновских войск². Исследователь полагал, что в годину суровых испытаний Александр I «сознал народную мощь... и сплотился с ней» и именно «1812 год сблизил царя с народом»³. Такие суждения получили критическую оценку со стороны радикально настроенных оппонентов. С.П. Мельгунов, например, считал несостоятельным тезис о руководящей роли российского императора в войне и «это красивое построение о единении царя с народом в 1812 году»⁴.

Подобная половинчатость мнений, представлявшая собой сочетание новых идей со старыми концептуальными положениями, наблюдалась и в других сочинениях этого периода⁵.

Одна из важнейших особенностей юбилейной историографии Отечественной войны 1812 года – коллективный характер подготовки фундаментальных изданий. Этот новый для того времени принцип воплотился в сочинении «1812–1912. Отечественная война и

¹ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. 2-е изд. С. 343–345.

² См.: Там же. С. 131.

³ См.: Там же. С. 131, 344.

⁴ См.: Мельгунов С.П. Новая работа об Александре I. С. 239.

⁵ См.: Афанасьев Г.Е. Наполеон и Александр. Причины войны 1812 года: Публичная лекция. Киев, 1912; Елец Ю.Л. Кульнев: К столетию Отечественной войны. СПб., 1912; Год ужаса и славы. Отечественная война 1812 года. Разгром французской армии и бегство Наполеона из России. М., 1912; Корнилов А. Эпоха Отечественной войны и ее значение в новейшей истории России // Русская мысль. 1912. Кн. XI; Москва в 1812 году: к столетию Отечественной войны 1812 года СПб., 1912; Отечественная война и ее причины и следствия. М., 1912; Палицын Н.А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. Июнь; Ниве П.А. Отечественная война: в 5 т. СПб., 1911–1912; Романовский В.Е. Наполеон и Александр до и после войны 1812 года М., 1912; и др.

*русское общество»*¹. Семь объемных томов, снабженных многочисленными иллюстрациями, представляли собой многотомный сборник статей, выстроенных по проблемно-хронологическому принципу. Издание готовилось профессорами и преподавателями столичных университетов, Николаевской военной академии, членами Академии наук. Авторами сборника являлись также популярные публицисты и издатели исторических журналов, зарекомендовавшие себя авторитетными исследователями наполеоновской эпохи². По количеству задействованных в работе ученых, масштабности описания и многоплановости поднятых проблем этот научный труд являлся беспрецедентным³.

Основные принципы коллективного труда были изложены во вводной части работы. Как заявляли сами издатели, научные задачи ставились перед авторами сборника в самых общих чертах и редакция «не считала себя, конечно, вправе затушевывать индивидуальность воззрений авторов»⁴. Такой метод организации исследовательской работы не сковывал творческой инициативы ученых, давал возможность свободно излагать им свое видение поставленной проблемы.

Общая концепция работы опиралась на современную методологию, согласно которой поход Наполеона в Россию ставился в «рамки европейской истории» и рассматривался «в тесной связи со всей эпохой»⁵. Под таким углом зрения приоритетное внимание уделялось изучению социально-политических вопросов войны. Соответствующим образом были определены и хронологические границы исследования – от начала Великой французской революции 1783 г. до восстания декабристов в 1825 г.

Как и в предшествующие десятилетия, начиная с А.И. Михайловского-Данилевского, смысл предстоящей работы виделся в создании объективной и подробной истории войны. По мысли редакции, эта

¹ См.: 1812–1912. Отечественная война и русское общество / под ред. А.К. Живелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты: в 7 т. М., 1911–1912.

² В состав авторского коллектива, заявленного в первом томе издания, вошло более 60 человек. См.: 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 1. С. II.

³ Отметим, что подобный замысел создать коллективный труд, отражающий современные научные знания об истории Отечественной войны 1812 года, был реализован и в наши дни авторским коллективом под руководством В.М. Безотосного в виде отдельного справочно-энциклопедического издания (См.: Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004).

⁴ См.: 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 1. С. VI.

⁵ См.: Там же. С. IV.

цель могла быть достигнута только с использованием всей совокупности имевшихся первоисточников. Одновременно правдивость истории понималась без «квазипатриотического ликования и издевательства над французами и... шовинистических излияний»¹.

Сложность в решении поставленной цели обнаруживалась в недоступности многих архивных материалов. «Можно сказать с уверенностью, – отмечалось в редакционной статье, – что когда начнется архивное изучение 1812 года, то господствовавшая до сих пор в исторической литературе точка зрения на многие вопросы должна будет существенно измениться»². В большинстве случаев исследователи делали свои построения на критической переработке старого, уже публиковавшегося материала. Тем не менее, в ряде статей для аргументации авторской позиции использовались не известные ранее архивные документы.

Большинство положений, по-новому сформулированных историками в первом десятилетии XX в., в указанном издании получили более завершённый вид. Особое внимание уделялось обоснованию причин войны. Борьба России с Наполеоном трактовалась, с одной стороны, как составная часть общеевропейской феодальной контрреволюции, с другой стороны, как противоборство двух крупнейших держав за свои интересы в Европе³. Эта ранее уже высказывавшаяся точка зрения получила отражение в статьях А.К. Живелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты и др.⁴

В юбилейном издании было продолжено изучение экономических аспектов войны. К.А. Военский и В.И. Пичета развили тезис о благотворном влиянии континентальной блокады на развитие промышленности России, аргументируя это положение тем, что экономические потребности мобилизовали внутренние ресурсы для создания собственных хлопчатобумажных заводов⁵.

С таких же позиций К.В. Сивков исследовал финансы предвоенной России⁶. Расстройство денежно-кредитной системы государства

¹ См.: 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 1. С. IV–V.

² См.: Там же. С. V.

³ См.: Там же. С. VI.

⁴ См.: Живелегов А.К. Наполеон и его сподвижники // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 116–127; Пичета В.И. Международная политика России после Тильзита // Там же. Т. 2. С. 132; Мельгунов С.П. Император Александр I // Там же. Т. 2. С. 140; и др.

⁵ См.: Военский К. Континентальная система // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 221–232; Пичета В.И. Хозяйство в России в начале XIX в. // Там же. Т. 2. С. 258.

⁶ См.: Сивков К.В. Финансы России перед войной 1812 года // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 2. С. 259–270.

исследователь объяснял не столько континентальной блокадой, сколько участием России в обременительных для казны антифранцузских коалициях, войнах с Турцией и Швецией¹.

В сборнике критически проанализировано состояние российского общества. Дальнейшему сомнению подвергся тезис о едином патриотическом порыве всех сословий и состояний Российской империи в борьбе с наполеоновской армией. Так, Д.А. Жаринов утверждал, что в начале войны наряду с патриотическими настроениями в обществе отмечалось глухое недовольство Александром I. На основании мемуарных записок и частной переписки он установил, что некоторые из представителей высшего света обвиняли императора в нежелании «предупредить или избежать третьей войны с противником, который уже дважды побеждал его»².

Дифференцированно подошел к освещению патриотизма А.К. Кабанов, считавший, что «были люди, которые жертвовали всем, были, наоборот, такие, которые пользовались моментом для удовлетворения своих личных выгод»³. На опубликованных источниках и неизвестных материалах нижегородского архива историк показал проявление истинного и ложного патриотизма в дворянской среде и в купечестве.

Подобные авторские оценки в сочетании с примерами негативных явлений советскими историографами толковались на свой лад. Так, на основании указанной статьи А.К. Кабанова утверждалось, что «буржуазные историки поставили под сомнение патриотизм дворян», а «А.К. Кабанов... показал явно антипатриотические настроения дворянства...»⁴ Подобные суждения несут в себе известную долю субъективизма, поскольку А.К. Кабанов не делал обобщающих выводов в отношении всего дворянского сословия. Негативные явления автор рассматривал «наряду с высокими образцами патриотизма» как в дворянской, так и в купеческой среде. О таких взглядах дореволюционного историка в советской историографии предпочитали умалчивать, потому что они не соответствовали распространенной схеме анализа социально-политического характера войны.

По-новому взглянул на народный характер борьбы с наполеоновской агрессией В.П. Алексеев. С одной стороны, он традиционно под-

¹ См.: Там же. С. 270.

² См.: Жаринов Д.А. Первые впечатления войны. Манифесты // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 172.

³ Кабанов А.К. Ополчения 1812 года // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 5. С. 46.

⁴ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 48.

черкивал, что на правительственный призыв к всенародной борьбе «откликнулись все классы населения, и весь народ в своем целом принял довольно широкое участие в войне 1812 года»¹. Однако исследователь иначе, чем в предшествующем столетии, рассматривал роль крестьянства в войне. По мнению В.П. Алексеева, «вся тяжесть защиты родной земли в полосе военных действий вынесена крестьянскими плечами»². Именно с борьбой широких масс крестьянства ученый связывал изгнание неприятеля с территории России и само понятие народной войны³. В подобных суждениях была заложена основа для распространенного в последующей историографии тезиса о главенствующей роли крепостного крестьянства в отражении вражеского нашествия.

Вместе с тем своеобразие авторского подхода проявилось в отрицании у крестьян высоких патриотических побуждений. Их война с наполеоновской армией сводилась В.П. Алексеевым к самозащите, к необходимости оберегать свое имущество и кров от французских мародеров. Этот вывод обосновывался рассуждениями о рабском положении крестьян в России, когда крепостной «очень часто стоял ниже раба, был вещью»⁴. При таких условиях существования, как полагал историк, в крестьянской массе отсутствовало гражданское понимание Отечества и «взяться за оружие заставило крестьян чувство самосохранения»⁵. Такое «огульное», по замечанию Л.Г. Бескровного, отрицание патриотизма у русских крестьян вполне оправданно критиковалось последующими исследователями темы⁶.

Алексеев подробно рассмотрел формы и методы борьбы крестьянских партизанских отрядов. Впервые в отечественной историографии он заострил внимание на жестоком, бесчеловечном обращении крестьян с пленными наполеоновскими солдатами, которых «убивали нередко изысканным способом... с невероятным хладнокровием и сознанием... богоугодности истребления "басурманов"»⁷. Исследо-

¹ См.: Алексеев В.П. Народная война // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 228.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 229.

⁵ См.: Там же. С. 230.

⁶ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 50; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 28; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков... С. 45; и др.

⁷ См.: Алексеев В.П. Народная война. С. 235.

ватель считал, что «крестьяне не остались на высоте своего призвания и перешли предел необходимого. Они попрали требования гуманности, соблюдаемые обыкновенно даже и во время войны»¹. Следует заметить, что такие признания крайне редки в отечественной литературе. Подобная правда о войне плохо сопоставляется с суждениями о гуманном отношении русского народа к пленному противнику, этим и можно объяснить стремление историков к ее умолчанию.

Принципиально новым в историографии 1812 г. был вопрос об антипомещичьих выступлениях крепостных крестьян в годы войны. Впервые он был поднят именно в сборнике «1812–1912. Отечественная война и русское общество» В.И. Семевским. Опираясь на документы архивов центральных правительственных учреждений, исследователь показал, что война с Францией способствовала усилению классовой борьбы.

Статья Семевского аргументировано доказывала несостоятельность прежних воззрений о наступлении классового мира, о забвении классовых антагонизмов между помещиками и крестьянами перед лицом внешней опасности. Однако обращает на себя внимание замечание автора статьи о том, что крестьянских выступлений «было гораздо менее, чем ожидали перед нашествием Наполеона»². Следовательно, сам исследователь не преувеличивал масштаб народных антикрепостнических волнений, более склоняясь к мысли, что «простой народ... никогда (будто бы) “не показывал такого повиновения”». Значительное спокойствие его повело даже к «идеализации крепостного права»³.

Блок военных вопросов в семитомнике был представлен главным образом статьями В.П. Алексеева, А.Н. Апухтина, В.А. Бутенко, С.А. Князькова, А.А. Кожевникова, Н.П. Михневича, В.П. Федорова и др.⁴ В них также нашли отражение современные для того времени

¹ Там же. С. 234. Такую авторскую позицию редакция издания пыталась смягчить собственными замечаниями о жестоком отношении французов к русским пленным в период отступления наполеоновской армии из России. См.: Там же. С. 235–236.

² См.: Семевский В.И. Волнения крестьян в 1812 году и связанные с Отечественной войной // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 5. С. 102.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Алексеев В.П. Переправа через Березину // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 253–255; Апухтин А.Н. Березинская операция // Там же. Т. 4. С. 238–252; Бутенко В.А. Военные силы Наполеона // Там же. Т. 3. С. 40–55; Князьков С.А. М.И. Голеницев-Кутузов //

воззрения на ход военных действий в 1812 г., которые будут рассмотрены при анализе трудов военных историков.

В издании рассматривались и другие, относительно мало исследованные, аспекты истории Отечественной войны, связанные с пребыванием французов на территории Российской империи и в Москве¹, московским пожаром² и т. п. Признавая разграбление французскими мародерами российской столицы, отечественные историки тем не менее пришли к пониманию того, что сожжение Москвы было невыгодно для Наполеона в военном, политическом и экономическом отношениях. На этом основании утверждалось, что «французы не повинны в пожаре»³, а основной его причиной стал не столько патристический порыв столичных жителей, следовавших старой русской традиции: «Не доставайся злодею!», сколько замысел Ф.В. Ростопчина. Так, принимая в расчет многочисленные свидетельства французских мемуаристов, С.П. Мельгунов сделал однозначный вывод о том, что «московская полиция во главе с Ростопчиным замешана в пожаре...»⁴

Предметом специального исследования в издании «Отечественная война и русское общество» стала зарубежная историография⁵. Дореволюционные отечественные историографы показали противоречивый характер иностранной литературы, в которой объективные суждения сопровождались и субъективистскими оценками. Выражая

Там же. Т. 4. С. 1–7; Его же. Оставление французами Москвы // Там же. Т. 4. С. 190–196; Его же. Партизаны и партизанская война в 1812 году // Там же. Т. 4. С. 208–226; Кожевников А.А. Армия в 1805–1814 гг. // Там же. Т. 3. С. 64–84; Его же. Русская армия в период от сдачи Москвы до Тарутина // Там же. Т. 4. С. 92–109; Михневич Н.П. Бородино // Там же. Т. 4. С. 17–29; Его же. Расположение русских военных сил // Там же. Т. 3. С. 138–142; Его же. Фили // Там же. Т. IV. С. 30–33; Федоров В.П. От Царева-Займища до Бородина // Там же. Т. 4. С. 8–16; и др.

¹ См.: Готье Ю.В. Французы в Москве // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 110–120; Уланов Я. Организации управления в занятых французами русских областях // Там же. С. 121–140.

² См.: Жаринов Д.А. Впечатления от пожара и мнения современников // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 152–161; Катаев И.М. Пожар Москвы // Там же. С. 141–152; Мельгунов С.П. Кто сжег Москву? // Там же. С. 162–171.

³ См.: Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 163.

⁴ См.: Там же. С. 168.

⁵ См.: Васютинский А.М. Отечественная война во французской исторической литературе // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 7. С. 282–291; Военский К.А. 1812 год в английской литературе (Наполеон, Англия и Россия) // Там же. Т. 7. С. 294–299.

общую тенденцию в развитии английской историографии, К.А. Военский отметил, что «по мере того, как страсти успокаиваются, историческое исследование вершит беспристрастное свое дело»¹. В свою очередь, по мнению А.М. Васютинского, «серьезная, критическая... история войны 1812 года – во Франции, очевидно, еще дело будущего...»²

Вместе с тем анализ содержания произведений французских, английских и немецких историков свидетельствует о том, что многие из распространенных в русской историографии начала XX в. тезисов по военным и социально-политическим аспектам войны перекликались или заимствовались из иностранной литературы³.

¹ См.: Военский К.А. 1812 год в английской литературе. С. 299.

² См.: Васютинский А.М. Отечественная война во французской исторической литературе. С. 291.

³ В начале XX в. новый творческий подъем переживала французская историография. В 1900 г. крупной документальной публикацией заявил о себе молодой французский офицер Л.-Г. Фабри. На основе фондов Военного архива в Париже, Национального архива Франции и некоторых частных коллекций Фабри сумел собрать уникальную делопроизводственную штабную документацию соединений и частей Великой армии, представляющую несомненный научный интерес для изучения действий наполеоновских войск в России в период до Бородинского сражения. Сборник документов предваряло авторское введение, а значительная часть документов сопровождалась комментариями, при подготовке которых историк учитывал результаты исследований ведущих российских, немецких и английских исследователей темы. Опубликованные документы давали возможность подробно проследить хронологию боевых действий каждого армейского корпуса.

Изучение французскими учеными не известных ранее первоисточников способствовало подготовке ими ряда работ по стратегии и тактике Наполеона. Среди них особо выделялось сочинение генерала А. Бонналя, о действиях наполеоновской армии под Вильно. Автор книги сделал интересные выводы об изменениях, вносимых Наполеоном в стратегический план войны, провел параллели с современным для начала XX в. западноевропейским военным искусством.

Другой французский историк А. Сорель в многотомном труде «Европа и французская революция» кратко остановился на истории похода Наполеона в Россию, рассмотрев преимущественно социально-политический аспект проблемы. В работе развивались идеи Тьера о необходимости войны революционной Франции с феодальной Россией для защиты своих прогрессивных завоеваний. Как и в предшествующей французской историографии в работе Сореля популяризировался тезис о главенствующей роли природно-климатических факторов в поражении французской армии. Однако французский историк не отрицал того, что одной из ошибок Наполеона стало игнорирование психологических особенностей сознания русского

Делая общее заключение о многотомном издании «1812–1912. Отечественная война и русское общество», можно согласиться с его современной оценкой как высшего достижения «вообще всей русской дореволюционной историографии» по данной проблеме¹. Вне всякого сомнения, издание знаменовало собой веку в развитии рассматриваемой темы. Оно аккумулировало в себе новейшие взгляды на историю одного из самых значительных событий XIX столетия. Многие, ранее считавшиеся бесспорными, положения были пересмотрены, а нетрадиционные суждения получили научное обоснование. Большим достижением авторов данного издания можно считать стремление к всестороннему рассмотрению узловых вопросов, отказу от категоричности в суждениях и выводах. В семитомнике история Отечественной войны 1812 года представлена сложным, многогранным, не только военным, но и общественно-политическим явлением. Сквозь призму подобных воззрений вырисовывалась новая, более объективная и научная концепция войны.

крестьянства. По мнению Сореля, именно эта наиболее социально униженная и политически забитая часть населения Российской империи оказалась ее спасительницей, поставив «между нею и завоевателем костер из своих хижин...»

Научные позиции Сореля во многом разделял А. Вандаль, хотя историк более критично подошел к объяснению причин войны, признав обоюдную ответственность Наполеона и Александра I за вооруженное столкновение двух держав. Почитая Наполеона как великого политического деятеля и полководца, Вандаль вместе с тем выразил отрицательное отношение к его планам подчинения всей Европы интересам Франции, а также к неразборчивости французского императора в выборе средств достижения поставленных целей.

В английской литературе объективно-критические оценки событий 1812 года характерны для работы Г.Д. Гутчинсона «История 1812 года», в которой историк выступил решительным противником теории стихийных факторов поражения Великой армии. Как и во французской историографии, исследователь много внимания уделял анализу стратегии Наполеона, указав в ней ряд крупных ошибок.

См.: Fabry L.-G. *Campagne de Russie (1812)*. P., 1900–1903. V. 1–5; Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1908. Т. 7. С. 491; Бонналь А. Виленская операция. Современное военное искусство в стратегии Наполеона с января 1812 года по июнь 1812 года. СПб., 1909; Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1913. Т. 2–3; Hutchinson H.D. *The story of 1812*. L., 1895. Русское издание книги см.: Гутчинсон Г.Д. Английский историк русской Отечественной войны 1812 года. СПб., 1905; Гутчинсон Г.Д. История 1812 года / пер. с англ. С. Хамотина. СПб., 1905.

¹ Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 26.

В целом труд получил положительные отклики у критики, хотя в нем отмечались и некоторые недостатки. Так, по мнению Н.А. Рожкова, структурный план исследования не отвечал «современным историко-методологическим требованиям», а значительная часть статей не вышла на современный уровень научных обобщений¹. Отчасти с такими замечаниями можно согласиться. Действительно, работа не представляла собой цельной монографии. Авторские статьи, наполняющие ее содержание, самостоятельны и логически завершены. Отсюда дискретный, как бы сложенный из отдельных кусочков, характер общего труда с неизбежными при таком подходе повторами и разночтениями.

Тем не менее работа имела большое значение для последующего формирования официальной концепции Отечественной войны, занявшей господствующее положение в советской исторической науке в 20-х – первой половине 30-х годов. И сегодня это издание используется в качестве надежного источника при подготовке современных научных трудов.

В преддверии столетней годовщины дальнейшее развитие получила *военная историография 1812 г.* Новые документальные источники дали возможность военным историкам более обстоятельно проанализировать ход военных действий.

В череде юбилейных военно-исторических работ особо можно выделить сочинения профессионального военного архивиста, полковника *Николая Петровича Поликарпова*. Как уже отмечалось, по роду службы ученый имел возможность изучать малоизвестные документы Лефортовского архива, на основе которых в октябре 1910 г. сделал научное сообщение в Московском отделе Русского военно-исторического общества².

Центральным моментом выступления стали новые оценки Бородинского сражения. Сливив автограф донесения М.И. Кутузова к Александру I о результатах сражения с его копией, опубликованной в печати в 1812 г., Н.П. Поликарпов пришел к выводу о фальсификации этого документа. На этом основании ученый считал, что историки «создали легенду о нашей победе в Бородинском сражении»³. Отталкиваясь от таких суждений, историк категорично зая-

¹ См.: Рожков Н.А. [Рецензия] // Современный мир. 1912. № 10. С. 50. Рец. на кн. 1812–1912. Отечественная война и русское общество: в 7 т. М., 1911–1912.

² Ход заседания военно-исторического общества воспроизводится по материалам периодической печати, хранящимся в фонде С.П. Мельгунова в: АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 404. Л. 6–8.

³ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 404. Л. 8. Следует заметить, что поднятый Н.П. Поликарповым вопрос о подтасовке реляции М.И. Кутузова при публи-

вил, что «предстоящий юбилей не может быть назван празднованием победы русских...», по справедливости он «должен быть празднованием тризны», поскольку «русское войско не победило, а было побеждено»¹.

Подобный авторский вывод произвел на собрании военных историков эффект разорвавшейся бомбы. Присутствовавший на заседании военно-исторического общества командующий войсками Московского военного округа П.А. Плевел обвинил Н.П. Поликарпова в стремлении принизить историческое значение подвига русской армии в то время, когда вся Россия «с таким одушевлением намеревается праздновать Победу»². По мнению командующего, исследователь из желания прослыть оригинальным не хотел считаться с авторитетными научными трудами ведущих военных историков, прежде всего М.И. Богдановича. Высокопоставленный оппонент указал на скоропалительность выводов заведующего военным архивом, необходимость тщательной проверки научного достоинства найденных документов в вышестоящей военной инстанции³.

Мнение руководства было поддержано другими участниками научного заседания. Например, В.А. Афанасьев (инициатор создания музея 1812 года) высказал удивление, «как эту мысль мог выразить человек, носящий военный мундир»⁴.

Резкая реакция зала на выводы Н.П. Поликарпова и тон выступлений его оппонентов свидетельствовали об определенных консервативных воззрениях на историю 1812 г. в высших эшелонах военного руководства и среди части военной профессуры.

Несмотря на жесткую критику, Н.П. Поликарпов, проявив определенное гражданское мужество, продолжил развитие своих взглядов в научных трудах⁵. Новые первоисточники позволили ему рас-

кации ее в печати, по большому счету, не являлся откровением, как это пытался представить автор доклада и было воспринято аудиторией. Еще в середине 70-х годов А.Н. Попов в сочинении «Москва в 1812 году» обращал внимание на подобное несоответствие между оригиналом реляции М.И. Кутузова и ее опубликованной копией. Тогда же Попов подчеркнул, что Кутузов не скрывал от императора своего решения отступить к Можайску в связи с большими потерями в войсках. См.: Попов А.Н. Москва в 1812 году. Кн. 3. С. 176.

¹ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 404. Л. 6.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 года: Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны

ширить фактическую сторону военных действий на Московском направлении в преддверии Бородинского сражения. На основе не известных ранее рапортов генералов Г.В. Розена, М.И. Платова, П.П. Коновницына и М.Б. Барклая де Толли историку удалось реконструировать ход боевых действий русского арьергарда с 9 по 23 августа. При этом Поликарпов отмечал, что «наши боевые столкновения на большой Смоленской дороге с 9 по 23 августа... явились прологом великой важной драмы, начавшейся 24 августа 1812 года сражением при дер. Шевардине»¹. Основываясь на этом тезисе, исследователь сделал вывод, согласно которому «Бородинское сражение обязательно должно было произойти, как результат предшествовавшего этому сражению боевой обстановки»². Приведенные исследователем факты и его суждения в дальнейшем получили хождение в научной литературе³.

Свои исследования Бородинского сражения проводил профессор Николаевской военной академии генерал-лейтенант *Борис Михайлович Колюбакин*. По поручению Совета ИРВИО в канун столетия Отечественной войны он возглавил авторский коллектив, готовивший документальный сборник о Бородинском сражении. Знакомство с подлинниками документов, в том числе с теми, о которых сообщал Н.П. Поликарпов, побудили Колюбакина к детализированному изучению этого центрального события 1812 г.

Свое понимание проблемы историк первоначально апробировал в ходе публичных лекций, прочитанных в академии в конце февраля и в начале марта 1912 г. В последующем материалы этих лекций были опубликованы отдельными статьями и самостоятельным изданием⁴. Как сообщалось в объявлении о лекциях, их содержание строи-

1812 года. Вып. 1–3. М., 1911; Его же. Очерки Отечественной войны // Новая жизнь. 1911. Кн. 8. С. 139–144. Его же. Отечественная война 1812 года...; Его же. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года. Ч. 1 // Труды Московского отдела Императорского русского военно-исторического общества. М., 1913. Т. IV; и др.

¹ Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 года. Вып. 1. С. 10.

² Там же. Вып. 2. С. 3.

³ См.: Афанасьев В. Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 года. М., 1912. С. 15; Михневич Н.П. Бородино // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 29; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 134–135.

⁴ См.: Колюбакин Б.М. Последние дни командования Барклаем 1-й и 2-й западными армиями // Русская старина. 1912. Май. С. 467–476; Его же. 1812 год. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, при-

лось «на основании изучения первоисточников, частью еще до сих пор не известных»¹. Тема выступлений вызвала интерес у армейской общественности. Лекции посетило командование Петербургского военного округа во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Среди слушателей были командиры гвардейских полков, весь постоянный состав академии, офицеры частей Петербургского гарнизона².

В своих работах историк достаточно подробно восстановил последовательность событий накануне и в ходе Бородинского сражения. Как и его предшественники, Б.М. Колюбакин остановился на характеристиках предводителей русской армии. Например, он традиционно принизил полководческие заслуги М.Б. Барклая де Толли, косвенно обвинив его в сдаче Москвы Наполеону³.

Напротив, полководческому искусству М.И. Кутузова дана самая яркая характеристика. Одним из первых в отечественной историографии ученый объявил, что Кутузов выступил не продолжателем барклаевской стратегии, а имел собственный план войны, в котором генеральному сражению была отведена главенствующая роль⁴.

При подготовке и в ходе Бородинского сражения, судя по содержанию работ Колюбакина, главнокомандующий действовал почти безукоризненно. Даже явный просчет Кутузова в боевом построении войск историк представил как очевидное достоинство. По его мнению, расположение основных сил на правом фланге (в стороне от направления главного удара противника) Кутузов осуществлял преднамеренно, с учетом действий Наполеона⁵.

Тем не менее историк признавал, что многие расчеты фельдмаршала не оправдались, поскольку ему пришлось столкнуться «с гени-

езд его в армию и первые дни его деятельности // Русская старина. 1912. Июль. С. 1–32; Его же. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа // Русская старина. 1912. Август. С. 258–281; Его же. 1812 год. Бородинское сражение и подготовка поля боя сражения в инженерном отношении: Критико-историческое исследование. СПб., 1912; Его же. Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 3. С. 198–227; и др.

¹ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1448. Л. 2.

² Там же. Л. 22.

³ См.: Колюбакин Б.М. 1812 год. Последние дни командования Барклаем 1-й и 2-й западными армиями. С. 474–475.

⁴ См.: Колюбакин Б.М. 1812 год. Избрание Кутузова главнокомандующим над всеми армиями, приезд его в армию и первые дни его деятельности. С. 16.

⁵ См.: Колюбакин Б.М. 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. С. 265.

ем, поборовшим его высокомастерской комбинацией»¹. Отсюда и соответствующая оценка итогов сражения: «После ряда невероятных общих свалок – игра в ничью»².

Детализированное изучение Б.М. Колюбакиным Бородинского сражения снискало ему известность ведущего специалиста в этом вопросе. Поэтому автор Бородинской панорамы Ф.А. Рубо пригласил историка в качестве научного консультанта при написании своего грандиозного художественного полотна³.

Признавая несомненные заслуги историка в приращении знаний о войне 1812 года, можно отметить определенный субъективизм его воззрений при оценке полководческих дарований и итогов деятельности М.Б. Барклая де Толли и М.И. Кутузова, которые тем не менее получили широкое распространение в историографии с конца 40-х годов XX столетия.

Среди юбилейных работ военной историографии определенной новизной взглядов выделялось небольшое по объему *сочинение Александра Владимировича Геруа*⁴. Можно отметить специфичность авторских представлений о причинах войны, которые историк выводил не только из экономических противоречий, но в большей степени из различий в духовной жизни, в культуре и в религиозных верованиях западноевропейских и русского народов. Вторжение наполеоновских войск в Россию А.В. Геруа представлял в виде своеобразного «крестового похода» романской католической культуры на славянский православный мир⁵.

Однако за оригинальной авторской теорией нетрудно усмотреть старую схему. Наполеон выступил в роли агрессора. Действиями Александра I руководило провидение, сверхъестественная «высокая сила». Русское общество объединилось вокруг царя, чтобы защитить свою веру и потому добилось полной победы. Такой методологический подход при желании легко можно определить как модель «дворянской» историографии. Именно поэтому советские историки критиковали А.В. Геруа за ограниченность его классовых воззрений⁶.

¹ См. Там же. С. 259.

² Там же. С. 260.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1441. Л. 2–2 об.; Письма Ф.А. Рубо военному историку Б.М. Колюбакину... // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. 1. М., 1997. С. 5–28.

⁴ См.: Геруа А.В. Бородино.

⁵ См.: Геруа А.В. Бородино. С. 4–7.

⁶ См.: Павленко Н. Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 23; Коробков Н. Военное искусство

Однако, признавая надуманность основной авторской идеи о «крестовом походе» в Россию, нельзя не согласиться, что религиозное сознание русского народа, в первую очередь крестьянства, выступило основным мобилизующим фактором в его борьбе с объединенными силами Западной Европы.

А. В. Геруа внес существенные коррективы в описание Бородинского сражения. Он подверг решительной критике источниковую базу этого вопроса. Исследователь считал, что карты, реляции и первые описания битвы, составленные К. Ф. Толем, не соответствовали реальному положению дел. Как полагал историк, на основании этих фальсифицированных документов в историографии создавалось превратное представление о ходе боевых действий¹.

А. В. Геруа предпринял попытку воссоздать собственную, в его понимании реальную, картину сражения. При этом он весьма убедительно доказал, что боевое построение русской армии значительно отличалось от описанного в основных военно-исторических трудах². По мнению исследователя, Бородинское сражение происходило не один день 26 августа, как это указывалось в большинстве исследований, а три дня. Оно началось 24 августа боем за Шевардинский редут, который являлся левым флангом русской армии³. 25 августа сражение продолжалось, но с меньшей интенсивностью⁴. На следующий день, 26 августа, произошло решающее столкновение главных сил⁵.

Подробно проанализировав каждый день боевых действий, А. В. Геруа считал, что «в тактическом отношении Бородинское сражение знаменуется множеством промахов, совершенных обеими сторонами, но с русской стороны – и множеством положительного»⁶. В конечном счете, историк пришел к выводу о том, что в страте-

ство Кутузова // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 6; Фельдмаршал М. И. Кутузов в военно-исторической литературе // Военная мысль. 1948. № 4. С. 73; и др.

¹ См.: Геруа А. В. Бородино. С. 15. К такому же выводу пришли и современные исследователи «Двенадцатого года» А. А. Васильев и Л. Л. Ивченко. См.: Васильев А. А., Ивченко Л. Л. Девять на двенадцать... С. 62–67; Ивченко Л. Л. К. Ф. Толь и историография Бородинского сражения // Тезисы науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Россия и Европа». Бородино, 1992. С. 16–20.

² См.: Геруа А. В. Бородино. С. 21–22.

³ См.: Там же. С. 24–26.

⁴ См.: Там же. С. 28–39.

⁵ См.: Там же. С. 39–62.

⁶ Там же. С. 62–63.

гическом плане победа осталась за русскими. Такой вывод аргументировался неспособностью французов разгромить русскую армию, что составляло для них главную цель сражения. Напротив, М.И. Кутузов «преследовал цель морально-политическую... и он ее достиг... Бородино было решительной моральной победой русских. Наполеон здесь не был убит, но – смертельно ранен»¹.

Концепция генерального сражения войны 1812 года, представленная в работе А.В. Геруа, получила признание в научных кругах и нашла отражение в дореволюционной литературе². Содержание книги легло в основу обобщающей научной статьи о Бородинской битве в «Военной энциклопедии»³. Научная ценность работы признавалась и некоторыми советскими исследователями⁴. С такими оценками нельзя не согласиться, потому что многие выводы А.В. Геруа звучат вполне убедительно и имеют серьезную документальную аргументацию.

Объективный критический взгляд на действия российского командования в Бородинском сражении характерен также и для юбилейных статей А.Н. Витмера и А.П. Скугаревского⁵. Оба историка признавали ошибки у М.И. Кутузова в боевом построении русской армии, указывали на недостатки в управлении войсками, которые, по мнению ученых, исправлялись мужеством и стойкостью русских офицеров и солдат⁶.

Обобщающие изложения истории Отечественной войны в военно-исторической литературе были сделаны начальником Главного штаба русской армии Н.П. Михневичем⁷ и профессором Николаевской военной академии А.К. Байовым⁸.

¹ Там же. С. 64.

² См.: Чуприков М. 1812 . Дневник Отечественной войны. СПб., 1913. С. 412.

³ См.: Бородино // Военная энциклопедия. Т. 1–18. СПб., 1912. Т. V. С. 19–31.

⁴ См.: Коробков Н. Военное искусство Кутузова. С. 6.

⁵ См.: Витмер А.Н. Бородинский бой // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 99–174; Его же. Бородино в очерках наших современников // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 114–116; Скугаревский А.П. Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб., [1912].

⁶ См.: Витмер А.Н. Бородинский бой. С. 115, 147, 150; Скугаревский А.П. Указ. соч. С. 7–8, 13–14, 24–25, 28–29; и др.

⁷ См.: Михневич Н.П. Отечественная война 1812 года // История русской армии и флота: Вып. III. СПб., 1911. С. 84–167; Вып. IV. С. 5–68;

⁸ См.: Байов А. Курс истории русского военного искусства. Вып. 7. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913. С. 385–481.

Работы *Николая Петровича Михневича*¹ не привнесли ничего нового в историографию темы, поскольку их автор не занимался серьезными архивными исследованиями. По этой причине его труды имели компилятивный характер и готовились на основе исследований А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича, Г.А. Леера, В.И. Харкевича.

Причины войны и отношение к ней российского общества Н.П. Михневич трактовал в контексте историографической традиции первой половины XIX в.² С учетом последних выводов историков-специалистов он подробно рассмотрел вопросы подготовки к войне и ход боевых действий. Например, подобно В.И. Харкевичу, в стратегическом замысле К.Л. Фуля Михневич увидел рациональные идеи, которые были реализованы при других обстоятельствах³.

Утвердившееся в общественном сознании мнение о русской победе под Бородино Н.П. Михневич объяснял действием «ловких рук», превративших раеляцию М.И. Кутузова в «донесение о победе»⁴. Такой вывод историка свидетельствовал о его знакомстве с результатами архивных поисков Н.П. Поликарпова.

При характеристике заключительного этапа войны Н.П. Михневич использовал результаты исследования В.И. Харкевичем заключительного этапа войны. Соответственно совпадал и конечный вывод исследователя о стратегии М.И. Кутузова в период отступления наполеоновской армии. Как и его предшественник, Николай Петрович считал, что фельдмаршал, понимая обреченность французов, отказался от активных боевых действий и тем самым стремился с наименьшими затратами сил и средств достичь успеха.

В советской историографии большинство исследователей, не проводя подробного историографического анализа работ Н.П. Михневича, причисляли их к так называемому «буржуазному» направлению. Между тем изучение трудов историка свидетельствует о том, что в социально-политических вопросах Н.П. Михневич придерживался основных положений официально-патриотической концепции первой половины XIX столетия.

¹ См.: Кроме указанной статьи для «Истории русской армии и флота» Н.П. Михневич подготовил несколько других сочинений об Отечественной войне 1812 года. См.: Михневич Н.П. Бородино // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. Т. 4. С. 17–29; Его же. Бородинский бой 1812 года М., 1912; Его же. На память об императоре Александре I и Отечественной войне. Юнкерам, кадетам, потешным и всем учащимся. М., 1912; и др.

² Михневич Н.П. Отечественная война 1812 года. С. 85, 138.

³ Там же. С. 94.

⁴ См.: Там же. С. 29.

Профессор Николаевской военной академии и ученый секретарь ее конференции *Адам Константинович Байов* явился одним из немногих военных историков, который при объяснении причин войны учел новые подходы к изложению этого вопроса. В качестве основного источника вооруженного конфликта он выделил экономический фактор: разрушающее воздействие континентальной блокады на финансовую систему страны. Но историк не ограничился простой констатацией этого факта. Отталкиваясь от последних работ К.А. Военского и В.И. Пичеты, А.К. Байов основную причину нарушения условий Тильзитского мирного договора выводил из политики «высших классов», недовольных участием России в экономической блокаде Англии¹. Однако автор не пошел по пути развития указанного положения. В своих дальнейших суждениях он двинулся по «накатанной колее», повторив уже готовую формулу об агрессоре Наполеоне, решившем «вторгнуться в Россию... и отбросить ее к пределам Азии»². Обращают на себя внимание и другие суждения автора о чувствах «преданности к Монарху и любви к родине», переполнявших народ, о полководческой проницательности Александра I, по плану которого наполеоновская армия была окружена на Березине³, и т. п.

Свое описание Отечественной войны 1812 года А.К. Байов готовил для специализированного академического курса по русскому военному искусству. По этой причине основное внимание в его сочинении уделялось анализу собственно военных действий. В решении этой задачи он использовал фактический материал и выводы из работ В.И. Харкевича, Б.М. Колюбакина, Н.П. Поликарпова, Г.А. Леера.

Однако по некоторым ключевым аспектам темы А.К. Байов имел и собственные суждения. Более чем кто-либо из его предшественников и современников, историк пытался подчеркнуть превосходство и жизненность национальных военных традиций в годы войны. По мнению историка, чрезмерная доверчивость к иностранным военным теоретикам, «которые не сумели учесть при составлении плана войны всех данных национальной обстановки»⁴, повлекла за собой неудачи первого месяца войны. С другой стороны, успех в войне был обеспечен тем, что русское командование «сумело выйти из-под опеки немецкой мысли и в дальнейшем основывать свой план действий

¹ См.: Байов А. Курс истории русского военного искусства. С. 466–467.

² Там же. С. 388.

³ Там же. С. 389, 462.

⁴ См.: Там же. С. 409.

на русской идее, согласованной с современной национальной обстановкой и подтвержденной исторически»¹.

А.К. Байов провел обстоятельный разбор русского военного искусства в 1812 году, выделив в нем несомненные достоинства и существенные недостатки. Резюмируя свой анализ, исследователь отметил, что, «несмотря на многие несовершенства... наша армия в эту войну больше, чем в какую либо другую, достигла громадных результатов, явившись бесспорной победительницей величайшего полководца, Наполеона»².

В последующей историографии творчество А.К. Байова получило неоднозначную оценку. В середине XX в. его считали историком, который «оставался на чисто дворянских позициях»³. В исследованиях 90-х годов сводный курс А.К. Байова предпочитали рассматривать либо как труд «буржуазного» историка⁴, либо как тяготеющий отчасти к верноподданническим дворянским стереотипам⁵. Такое разночтение вытекало из недостатков до недавно принятого деления историографии Отечественной войны 1812 года по социально-классовому признаку. Из приведенных суждений наиболее объективным представляется то, которое указывает на двойственность позиции ученого. Действительно, с одной стороны, историк в своем сочинении попытался учесть новые суждения о причинах войны. С другой стороны, его точка зрения оказалась непоследовательной, потому что автор полностью не отказался от официально-патриотических воззрений первой половины XIX в.

Обобщающее изложение истории 1812 года было представлено в *военно-энциклопедическом издании Сытина*. Социально-политические характеристики Отечественной войны в «Военной энциклопедии» давались в духе важнейших положений официально-патриотической концепции, но с определенной корректировкой под новые суждения, получившие распространение в первом десятилетии XX в.⁶

Главное внимание авторы энциклопедии уделяли военным аспектам проблемы: подготовке вооруженных сил к войне, оценке страте-

¹ Байов А. Курс истории русского военного искусства. С. 410–411.

² Там же. С. 471.

³ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 53.

⁴ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 11.

⁵ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 26.

⁶ См.: Отечественная война // Военная энциклопедия: СПб., 1912. Т. XVII. С. 213.

гических планов сторон, разбору хода военных действий и т. д. При этом ими использовались выводы из наиболее популярных сочинений военных историков.

После празднования столетнего юбилея Отечественной войны наблюдалось резкое снижение интереса к этой проблеме. Первая мировая война 1914–1918 гг. приковала к себе основное внимание общественности и научных кругов. Новое широкомасштабное военное столкновение выступило на первый план, однако полностью не заслонило собой героической эпохи «Двенадцатого года». Исторический опыт начала XIX в. использовали для поднятия патриотического духа в народе. С первого же дня войны правительство стремилось подчеркнуть преемственность традиций всенародной борьбы с иноземными захватчиками. Объявляя о вступлении в войну высшим правительственным и военным чинам, Николай II почти дословно повторил подобное воззвание Александра I в 1812 г. Под сводами Зимнего Дворца вновь прозвучала императорская клятва не заключать мира, «пока последний неприятельский воин не уйдет с земли Нашей»¹. В официальных кругах новая война сразу была объявлена Отечественной, хотя такое определение и не прижилось в народе.

В свою очередь, на фронте военное командование предпринимало попытки внедрять в практику боевых действий эффективные для 1812 г. формы вооруженной борьбы. Используя опыт партизанского движения периода Отечественной войны, в 1915 г. в кавалерийских частях стали создавать специальные отряды для диверсионных действий в тылу противника. При этом указывалось, что «бессмертные примеры деятельности Давыдова, Фигнера, донских казаков – партизан 1812 года будут образцом для подвигов их правнуков»².

В историографии темы в рассматриваемый период новых, ярких сочинений почти не появлялось. Массив литературы незначительно увеличивался главным образом за счет переработки уже опубликованных работ³. При подготовке к новому изданию научных трудов историки учитывали своеобразие политического момента. А.К. Дживелегов, например, перед публикацией сборника своих статей, «разбросанных в различных периодических и неперидических издани-

¹ Цит по.: Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II: в 2 т. [Белград, 1939]. Репринтное издание. М., 1992. Т. 2. С. 147.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

³ См.: Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. СПб., 1914; Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон; Ниве П.А. Великая Отечественная война. 1812 год. М., 1916; Пичета В.И. Причины Отечественной войны: Исторический очерк. 2-е изд. М., 1916.

ях», заметил, что «в разгар европейской войны... историк не может удержаться от некоторых сопоставлений»¹. Интересно заметить, что в данном случае сравнения получались не в пользу начала XIX столетия. Войну с французами Дживелегов признавал «отечественной», т. к. приходилось защищать отечество от Наполеона. Но, по его мнению, в 1812 г. война не была народной, потому что «задевала только интересы небольшой кучки привилегированных» слоев русского общества. Наоборот, в 1914 г. «не осталось ни одной общественной группы ... которая не вложила бы душу в дело одоления “тевтонского рыцаря”»². Такое сравнение строилось на острокритическом анализе официально-патриотической концепции Отечественной войны 1812 года, проведенном автором сборника в период подготовки к ее столетней годовщине. Эта методика с учетом содержания издания «1812–1912. Отечественная война и русское общество» автором была сохранена и даже усилена.

В целом содержание публикаций периода Первой мировой войны позволяет говорить о наступившем переломе в историографии 1812 г., при котором критическое направление стало доминирующим.

Таким образом, историография Отечественной войны 1812 года в период подготовки и празднования 100-летнего юбилея победы России над Наполеоном вступила в новую фазу развития. Этот процесс находился под сильным влиянием социально-политических условий, сложившихся в стране в изучаемый период. Как показало исследование, правительственные круги проявляли настойчивое желание удержать под своим контролем многочисленные общественные инициативы, связанные с предстоящими торжествами, и подвести под юбилейные мероприятия необходимое им идеологическое обоснование.

Поэтому в историографии темы продолжала утверждаться официально-патриотическая концепция войны. Главная задача сторонников этого направления состояла в распространении самодержавно-охранительных взглядов на историю похода Наполеона в Россию среди населения. Эта целевая установка способствовала подготовке научно-публицистических и популярных сочинений, издававшихся массовым тиражом.

Основное содержание работ указанного направления опиралось на исследования официальных историков темы предшествующего XIX в. В соответствии с заданными установками в литературе вновь

¹ См.: Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. С. VI–VII, IV.

² См.: Там же. С. IV.

повторялись положения об агрессивности внешней политики Наполеона и его единоличной ответственности за развязывание войны. Некоторые историки попытались развить этот тезис за счет выдвижения на первый план духовного аспекта. При таком методологическом подходе православная Россия была представлена как жертва очередного крестового похода, отразившая широкую экспансию романской культуры и католицизма на цитадель славянского мира и православия.

Актуальной для упрочения самодержавного строя оставалась идея о единстве всех классов и сословий, поднявшихся на борьбу с врагом для защиты престола, и руководящей роли дворянства в этом процессе. Как и прежде, в литературе консервативного направления утверждалась мысль об особенностях духовной жизни русского народа, верного традициям своих предков, как важнейшем факторе победоносного завершения войны.

В канун столетней годовщины Отечественной войны 1812 года интерес к изучению темы стали проявлять историки, сочувствовавшие революционным и либеральным идеям общественно-политического развития России. Они распространяли в исторической науке материалистическую точку зрения, согласно которой основной причиной вооруженного конфликта стали экономические противоречия между двумя странами. По новым представлениям участие России в континентальной блокаде привело к свертыванию внешней торговли, что, в свою очередь, ударило по крупному торговому капиталу, помещичьим хозяйствам, работавшим на экспорт, и кредитно-финансовой системе страны. Вместе с тем большинством ученых этого направления признавалось благоприятное воздействие континентальной блокады на русскую промышленность, заставившей предпринимателей и правительство изыскивать внутренние резервы для ее развития.

Историки революционных и либеральных взглядов развили положение о том, что Российская империя во внешней политике преследовала геополитические интересы, направленные на обеспечение собственного господствующего положения в Европе. С этой точки зрения участие России в коалиционных войнах 1805–1807 гг. стало объясняться ее стремлением к противодействию дальнейшему распространению революционных идей на европейском континенте.

Согласно новой концепции условия Тильзитского мирного договора не удовлетворяли только высшие аристократические круги, крупное поместное дворянство и купечество, которые подталкивали правительство к новой войне. В таких условиях Александр I вынужден был проводить двойственную, лицемерную политику по отноше-

нии к Франции. В конечном счете, это спровоцировало агрессию Наполеона против России. В такой интерпретации причин вооруженного столкновения двух держав война по-прежнему признавалась отечественной, потому что велась в защиту Отечества. Вместе с тем новое поколение исследователей темы перестало считать войну народной, ибо полагало, что в ней защищались интересы только верхушки господствующего класса.

Соответствующим образом стал подвергаться сомнению ведущий тезис официально-правительственной концепции войны о единых целях всех классов и сословий в борьбе с иноземными захватчиками. Утверждалось, что война активизировала классовую борьбу крепостного крестьянства против своих угнетателей.

Весомый вклад в изучение хода боевых действий противоборствующих сторон в юбилейный период внесли военные историки, развивавшие научно-критический подход в военно-исторических исследованиях.

Подводя общий итог развитию дореволюционной историографии, следует заметить, что в течение ста лет, прошедших с окончания войны, был создан огромный массив литературы. Он включал в себя капитальные научные труды, сочинения научно-популярного характера, комплекс учебной литературы. Усилиями Д.И. Ахшарумова, К.Ф. Толя, Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского в первой половине XIX в. была сформирована и заняла господствовавшее положение концепция войны, которая отражала официальную, правительственную точку зрения на эту проблему.

С конца 50-х годов XIX в. по мере совершенствования методологии научного поиска, дальнейшего расширения источниковой базы исследований взгляды на историю 1812 г. претерпевали изменения. Новые подходы первоначально обнаружили при анализе боевых действий, впоследствии пересмотру подверглись и социально-политические аспекты господствовавшей концепции войны.

В начале XX в. уровень научной разработанности проблемы был признан неудовлетворительным и в официальных кругах. В итоге на повестке дня встал вопрос о проведении очередного фундаментального исследования темы. В связи с этим в Военном министерстве был разработан проект по подготовке нового крупного сочинения по истории 1812 г. Однако поставленная задача в силу ошибочности выбранных подходов к ее решению осталась нереализованной.

Мощным импульсом для дальнейшего развития историографии 1812 г. стала подготовка и празднование столетнего юбилея Отечественной войны. Юбилейная литература выявила многообразие точек зрения по основным концептуальным положениям проблемы. Часть академической профессуры придерживалась тради-

ционных для начала XIX в. взглядов на социально-политическую природу войны 1812 года и проводила в этом направлении активную работу по популяризации основных положений официально-патриотической концепции.

Анализ юбилейных военно-исторических сочинений о 1812 годе позволяет утверждать, что к консервативному течению примыкало и большинство военных историков. Вместе с тем на основе новых документальных источников многие аспекты военных действий ими были уточнены, критически проанализированы и получили более объективные оценки. Опыт этих исследований необходимо учитывать при разработке современных научных трудов.

По-новому разъясняли причины войны, роль сословий и классов в борьбе с Наполеоном, военно-политические итоги и значение победы России над Францией некоторые представители марксистского направления в исторической науке, а также значительная часть ученых, придерживавшихся либеральных взглядов. Четко обозначившаяся поляризация идей свидетельствовала о формировании принципиально иной концепции войны, которая постепенно стала занимать господствующее положение в исторической науке.

Основными чертами этой концепции стали: во-первых, выделение в качестве главной причины вооруженного конфликта экономических противоречий между двумя державами, которые объяснялись резким сокращением российской внешней торговли из-за участия России в континентальной блокаде и начавшимися в связи с этим деструктивными процессами в ее финансово-кредитной системе; во-вторых, указания на пересекающиеся геополитические интересы России и Франции в Западной Европе и на острое недовольство крупного дворянства правительственной политикой, направленной на союз с Наполеоном; в-третьих, возложение равной ответственности за развязывание войны на политических лидеров обеих стран; в-четвертых, признание у русского командования плана стратегического отступления вглубь страны перед превосходящими силами противника; в-пятых, критический анализ боевых действий обеих враждующих сторон; в-шестых, более принципиальная оценка военно-политической деятельности Александра I, вместе с тем не отрицающая его заслуг в организации обороны страны; в-седьмых, критическое отношение к идее абсолютного классового мира во время войны; в-восьмых, возложение ответственности за пожар Москвы на российскую сторону и на гр. Ф.В. Ростопчина в частности; в-девятых, учет пространственно-климатических условий в поражении Наполеона при решающей роли всенародной борьбы в разгроме французской армии и некоторые другие.

ГЛАВА III. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящей главе рассмотрена литература, созданная в *советский период* историографии, и проведен последовательный анализ основных этапов развития научной проблемы.

В связи с этим немаловажное значение придавалось изучению взглядов советских историков на Отечественную войну 1812 года в 20-х – первой половине 30-х годов XX в., когда в историографии шел процесс утверждения марксистско-ленинской методологии научного познания и доминировала общеисторическая концепция М.Н. Покровского. Это обстоятельство определило особое отношение автора настоящей монографии к взглядам К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина на эпоху наполеоновских войн. Подобным образом проанализированы взгляды М.Н. Покровского на войну 1812 года и степень их влияния на воззрения других исследователей темы.

При характеристике историографии второй половины 30-х – первой половины 50-х годов XX в. представлялось необходимым уяснить, каким образом формировалась и утверждалась новая концепция войны и как в ней отражались основные положения социологической теории марксизма. Одновременно ставилась задача проследить влияние воззрений И.В. Сталина на историю Отечественной войны 1812 года и их распространение в литературе этого исторического периода.

При изучении историографии второй половины 50-х – первой половины 80-х годов XX в., первостепенное значение придавалось анализу изменений в господствовавших воззрениях и уяснению механизма их зависимости от динамики социальных процессов, происходивших в СССР.

Исследование темы во второй половине 80-х годов направлялось на выявление в ней новых процессов в условиях противоречивого развития Советского государства и исторической науки. Особое место отводилось разбору научных позиций сторонников радикального пересмотра официально-патриотической концепции Отечественной войны 1812 года, формам и методам их борьбы за утверждение в историографии собственных научных идей.

Одновременно было продолжено изучение основных тенденций, направлений и особенностей развития темы в советской историографии. Содержание научных трудов оценивалось по концептуальным положениям, обозначенным в предшествующей главе.

§ 1. Война 1812 года в советской историографии 20-х – первой половины 30-х годов

Великие социальные потрясения 1917 г., связанные с Октябрьской революцией, оказали кардинальное влияние на развитие исследуемой проблемы. С приходом к власти партии большевиков и упрочением Советского государства история Российской империи стала осмысливаться по-новому, с позиций марксистско-ленинской теории научного познания исторической действительности. Новый методологический подход привел к усилению в историографии темы двух ярко выраженных тенденций. С одной стороны, до крайности усилилось нигилистическое отношение к официально-патриотической концепции, сформированной в первой половине XIX в., с другой стороны, ранее неофициальные воззрения представителей научно-критического направления начала XX в. на новом этапе развития темы окончательно заняли господствующее положение в исторической науке.

Обе тенденции находили отражение в научных трудах 20-х – первой половины 30-х годов. Их историографический анализ позволил выделить в развитии историографии Отечественной войны 1812 года *некоторые особенности*.

Во-первых, в методологии исследования войны 1812 года утверждались марксистско-ленинские подходы. В связи с этим взгляды *К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина* по истории наполеоновских войн постепенно приобрели значение важнейших методологических ориентиров, которые определяли основные направления научного поиска.

Анализ работ классиков марксизма-ленинизма по исследуемой проблеме предпринимали Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский, Л.Г. Бескровный, В.И. Пичета, К. Селезнев, Н.А. Троицкий и др.¹ По этой

¹ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. К. Маркс и Ф. Энгельс – историки войны 1812 г.; Их же. 1812 год на перекрестках мнений... С. 19–39; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 41–45, 58–60; Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года. С. 276; Селезнев К. О войне 1812 года // Борьба классов. 1936. № 6. С. 16; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 4–18; Его же. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991. С. 10–12.

причине представляется нецелесообразным в очередной раз воспроизводить уже известные цитаты. Гораздо важнее отметить, что взгляды основоположников диалектического материализма на изучаемую проблему советские историки оценивали неоднозначно.

Л.Г. Бескровный одним из первых наиболее полно и последовательно рассмотрел суждения классиков марксизма-ленинизма на историю нашествия Наполеона в Россию. Он считал, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса имеется ряд «ценнейших для нас указаний относительно характера войны 1812 года»¹. В его интерпретации теории марксизма не считали Наполеона прогрессивным деятелем, войну 1812 года охарактеризовали как национальную, в причинах войны главенствующим видели экономический фактор. По мнению историографа, классики одобряли оборонительный образ действий русских, высоко оценивали полководческие способности М.Б. Барклай де Толли. Вместе с тем Л.Г. Бескровный высказал несогласие с критическими взглядами Ф. Энгельса на полководческие способности М.И. Кутузова в Бородинском сражении. Он полагал, что такие оценки стали результатом использования в качестве основного источника фальсифицированных «Мемуаров генерала Толя», изданных Т. Бернгарди².

Можно предположить, что критический подход к суждениям наиболее авторитетного в вопросах военной истории основоположника марксизма, вообще не свойственный советским историкам, являлся следствием критики позиции Ф. Энгельса со стороны И.В. Сталина. В свою очередь, суждения Л.Г. Бескровного отвечали официальной линии на утверждение в историографии темы выдающихся заслуг М.И. Кутузова в спасении Отечества от иноземных захватчиков.

В более поздний период Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский считали, что предшествующие им исследования советских историков не давали «четкого и суммарного представления» о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на 1812 г.³ Они провели свое более основательное изучение сочинений основоположников марксизма. При этом была выявлена вся совокупность работ, содержащих оценки наполеоновской эпохи, и те источники, которые использовались для написания этих

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 41.

² См.: Там же. С. 41–42.

³ Историографы ссылались на труды Л.Г. Бескровного, П.А. Жилина, К.Л. Селезнева, И.И. Ростунова, А.И. Бабкина и других исследователей, изучавших военно-теоретическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса. См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... М., 1990. С. 19.

трудов¹. Историографы обстоятельно изложили взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на характер российско-французских отношений в первом десятилетии XIX в., на войну 1812 года. Однако общие выводы Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского фактически дублировали точку зрения Л.Г. Бескровного.

Новое отношение к научной позиции К. Маркса и Ф. Энгельса проявил Н.А. Троицкий, который обратил внимание на то, что Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский лишь уточнили «бытующие у нас представления о К. Марксе и Ф. Энгельсе как историках 1812 года»². По его мнению, «наши историки не только перетолковывают это ценнейшее наследие, но и плохо знают его»³.

Принципиальное несогласие у Н.А. Троицкого вызвал общепринятый в советской литературе тезис, согласно которому «К. Маркс и Ф. Энгельс не считали Наполеона прогрессивным деятелем»⁴. Исследователь на конкретных примерах показал, что основоположники марксизма рассматривали Наполеона не только как «завоевателя по отношению к соседним народам», но одновременно как политика, который «разрушал феодальные устои Европы...»⁵ При этом, как подчеркивал ученый, К. Маркс и Ф. Энгельс особо выделили царскую Россию в качестве стенового хребта «объединенного европейского деспотизма» и проводника агрессивной внешней политики⁶.

Соответствующим образом в работах В.И. Ленина советскими исследователями Отечественной войны 1812 года наибольшее значение придавалась характеристике наполеоновских войн как империалистических, захватнических, породивших, «в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона»⁷. На базе этого тезиса с середины 30-х годов строилась общая концепция советской историографии, односторонне представлявшая Наполеона агрессором, а Россию защитницей европейских народов, страдавших от ига наполеоновского деспотизма.

Н.А. Троицкий также считал подобное толкование ленинских воззрений упрощенным⁸. Историк не отрицал ленинских оценок

¹ См.: Там же. С. 19–21.

² См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 5–6.

³ Там же. С. 5.

⁴ См.: Там же. С. 5.

⁵ См.: Там же. С. 7.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5–6.

⁸ См.: Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 17.

национально-освободительного характера войны 1812 года с российской стороны. Но вместе с тем ученый полагал, что суждения вождя пролетарской революции по этому вопросу были более многогранны. Проанализировав ленинские труды, он убедительно доказал, что «внешнюю политику царизма в эпоху наполеоновских войн Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, разоблачал», а царскую Россию конца XVIII – XIX в. считал оплотом всей европейской реакции, одной из «самых варварских в Европе деспотий»¹. Н.А. Троицкий справедливо указывал на те замечания В.И. Ленина, в которых «грабитель Наполеон» ставился в один ряд с «грабителем Александром и грабителями английской монархии»².

Аналитическое изучение марксистско-ленинского наследия автором настоящей монографии дает основание утверждать, что среди различных точек зрения позиция Н.А. Троицкого выглядит более убедительной. К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин как представители прогрессивного идейно-политического течения видели и критиковали все пороки крепостной системы существовавшей в России в начале XIX столетия. Профессиональный революционер Ленин одной из главных задач своей политической деятельности считал дискредитацию российского самодержавия, в том числе и в историческом аспекте. Эти методологические позиции и определили марксистско-ленинский взгляд на характер внешнеполитических отношений между Россией и Францией и личности глав этих государств.

Обращает на себя внимание, что лидер большевистской партии характеризовал войны наполеоновской эпохи в самом общем виде. У него отсутствуют конкретные указания, какие из них считать прогрессивными и национально-освободительными. В.И. Ленин никогда не называл войну 1812 года Отечественной. И это не случайно. В подобном умолчании проявлялось следование марксистскому учению, отрицавшему отечество у трудящихся масс в антагонистическом обществе. Поэтому с точки зрения теории революционного пролетариата война с Наполеоном велась за интересы господствующего дворянского класса и не могла считаться Отечественной.

Следует заметить, что в советской историографии одностороннее отношение к взглядам основоположников марксизма-ленинизма складывалось под влиянием конкретной политической конъюнктуры. Воззрения М.Н. Покровского, подвергнутые жесткой критике в советской исторической литературе во второй половине 30-х годов, вовсе не расходились с ленинской точкой зрения на войну 1812 года.

¹ См.: Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 11.

² См.: Там же.

При определенных социально-политических условиях они вполне удовлетворяли партийное руководство. Большую роль в избирательном отношении советских историков к марксистско-ленинским выводам сыграли сталинские общеметодологические выводы о характере внешней политики России в XIX в. и его «поправки» некоторых положений Ф. Энгельса. Цитаты классиков марксизма-ленинизма зачастую считались самой надежной аргументацией, использовались для обоснования заведомо субъективистских суждений, которые в этом случае приобретали характер бесспорных аксиом.

Подобный методологический подход в начале 90-х годов XX столетия стал вызывать серьезные возражения среди молодых ученых, стремившихся освободиться от конъюнктурной зависимости и субъективизма при изучении истории похода Наполеона в Россию. Одним из ярких представителей этого направления стал В.М. Безотосный¹. Не отрицая научную ценность трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, он вполне обоснованно отметил, что эта тема для классиков была отнюдь не главной, изучалась ими неглубоко, а многие их замечания делались «по ходу» в письмах или статьях, посвященных совсем другим проблемам. Именно поэтому их «бесценные указания» часто с трудом вписывались в контекст уже известных в XX в. фактов. Все это заставляло советских историков прибегать к спасительной фразеологии об «отдельных неточностях» и «односторонних оценках» основоположников из-за ограниченности доступных источников. По этой причине В.М. Безотосный справедливо осудил распространенную до недавнего времени практику подгонки итоговых выводов научных исследований под суждения теоретиков марксизма-ленинизма. Он резонно заметил, что основными аргументами в научных спорах должны быть не авторитетность мнений, а факты или сделанные на их основе обобщения. Одновременно не вызывает возражений выдвинутый В.М. Безотосным тезис о необходимости изучать взгляды классиков марксизма-ленинизма без их фетишизации, в контексте общей историографии.

Во-вторых, лидирующее положение в формирующейся советской историографии темы заняли воззрения М.Н. Покровского.

Как видный историк темы *Михаил Николаевич Покровский* сложился еще в дореволюционный период. Хотя он и не создал обобщающей работы по истории Отечественной войны 1812 года, однако принципиальное значение имели его статьи об Александре I и царской дипломатии, написанные еще в 1907–1910 гг. для многотомной

¹ См.: Безотосный В.М. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 202–203.

«Истории России в XIX в.»¹ Они представляли собой попытку критического переосмысления официальной историографии первой половины XIX в. В подобном ключе Покровский рецензировал новейшие исследования, выходявшие из-под пера «историков, не состоящих под отлучением»².

Общая историческая концепция М.Н. Покровского разделялась в верхах большевистской партии. Известно, что его «Русская история в самом сжатом очерке» писалась с личного одобрения В.И. Ленина и сама книга ему «чрезвычайно понравилась»³. Накануне юбилейных торжеств 1912 г. ленинская «Правда» поместила на своих страницах большую статью о 1812 г.⁴ Анализ данной публикации позволяет поддержать существующее мнение о том, что указанная работа построена на концепции М.Н. Покровского и, возможно, написана им самим⁵. Можно констатировать и тот факт, что сам по себе факт публикации статьи в «Правде» является веским аргументом о ленинской поддержке воззрений историка на историю войны 1812 года.

После Октябрьской революции 1917 г. М.Н. Покровский, как последовательный историк-марксист, возглавил руководство советской исторической наукой. Естественно, что наибольшее распространение в литературе получили его идеи. Статьи М.Н. Покровского о войне 1812 года, написанные перед столетним юбилеем, были переизданы в первые годы Советской власти без каких-либо правок и дополнений⁶. Следуя за марксистской теорией, ученый провозглашал доминанту экономических причин наполеоновского похода в Россию. «Отказ России от блокады, прямой или хотя бы косвенный, – писал он, – должен был заставить Наполеона воевать, хотел он этого или нет...»⁷ Для Покровского спор о том, кто был виновником войны 1812 года являлся совершенно праздным. На Александра I и российское дво-

¹ См.: История России в XIX веке: Ч. 1–4. СПб., 1907–1911. Ч. 1. Т. 1–2.

² См.: Покровский М.Н. О значении эпохи Отечественной войны // Голос минувшего. 1913. № 1. С. 257–264.

³ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 33.

⁴ См.: Н.Н. Война 1812 года // Правда. 1912. № 98–100.

⁵ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 56; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 33.

⁶ См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: в 4 т. 4-е изд. М., 1922. Т. 3. С. 229–246; Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 3–83.

⁷ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 33.

рянство он возлагал большую часть ответственности за вооруженный конфликт. Ведущий советский историк отнюдь не считал Россию жертвой наполеоновской агрессии. Проанализировав секретную переписку Александра I с А. Чарторыйским, он пришел к выводу, что «война была решена в уме Александра раньше, чем он узнал о захвате Ольденбургского герцогства французами»¹. Поэтому «весной 1811 г. Россия была готова начать войну при самых благоприятных для нее условиях»². Как полагал исследователь, переход западной границы пришлось отложить из-за «предательской» позиции Понятовского, который «лишь только познакомился с планами России, поспешил их выдать Наполеону»³. В свою очередь, французский император понял, «что с войной надо спешить, не теряя ни минуты»⁴.

В войне России с Францией М.Н. Покровский видел столкновение классовых интересов. Он подчеркивал, что континентальная блокада была организована Наполеоном ради французской буржуазии⁵. С другой стороны, «русское дворянство имело... таких же верных защитников своих интересов во внешней политике, как и во внутренней. С русско-французским союзом случилось то же, что и с мечтами об ограничении крепостного права»⁶.

В противоположность историкам XIX столетия М.Н. Покровский отрицал народный характер войны и поэтому отказался от употребления термина «Отечественная». В какой-то мере в такой позиции нашла продолжение точка зрения некоторых дореволюционных историков, полагавших, что народная война в 1812 г. являлась не более чем обманом зрения, который «...в свое время был порожден помещичьими страхами, контрабандой попал потом в число исторических традиций и поддерживался... дворянской научной идеологией»⁷.

В 20 – первой половине 30-х годов такая точка зрения заняла господствующее положение. Она находила отражение в суждениях Покровского о том, что обыватели «патриотические чувства обнару-

¹ Там же. С. 36.

² Там же.

³ См.: Там же. С. 38.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ См.: Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон: Исторические очерки. М., 1915. С. 230–233, 236.

живали в весьма слабой степени», а проявлению «патриотизма» в сожжении Москвы пришла на помощь полиция¹.

Следуя за Энгельсом, историк критически оценивал полководческие способности М.И. Кутузова, итоги Бородинского сражения, причины победы русской армии².

Вспомним, что свои суждения о 1812 г. М.Н. Покровский делал в дореволюционный период. Уже тогда методологически они были сориентированы на разоблачение политики российского самодержавия. Такой подход тем более оставался актуальным и в первые десятилетия после установления советской власти. Но чрезмерная увлеченность историка критикой царизма способствовала субъективизму при обосновании выдвигаемых им положений, за что исследователь в дальнейшем не без основания подвергался критике. Тем не менее с позиций современной методологии можно признать тенденциозными суждения о М.Н. Покровском как противнике объективной исторической науки³. У него, безусловно, имелись рациональные мысли, соответствовавшие реальному положению дел.

Историографы давали различную оценку степени влияния взглядов М.Н. Покровского на развитие темы Отечественной войны 1812 года. Так, Л.Г. Бескровный отмечал, что позиция Покровского не вызвала аргументированных возражений и была принята другими историками. Это суждение ученый обосновывал тем, что, во-первых, труды Покровского отражали общую тенденцию советской историографии – борьбу с историческими концепциями дореволюционного периода, во-вторых, тема Отечественной войны 1812 года для большинства историков считалась исчерпанной работами Покровского⁴. Убеждения Бескровного разделяли большинство историков⁵.

В более позднее время Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский считали, что идеи М.Н. Покровского не оказали существенного влияния

¹ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 56.

² См.: Там же. С. 54–61.

³ См.: Пичета В. [Рецензия] // Исторические записки. 1941. № 6. С. 118. Рец. на кн.: Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 2. М.; Л., 1940.

⁴ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 59.

⁵ См.: Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 года. С. 279; Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма: Историографический очерк. Казань, 1922. С. 140, 142. Ее же. К итогам дискуссии о периодизации советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 57–78; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 6; Его же. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 33.

на разработку этой проблемы. Они утверждали, что концепция М.Н. Покровского нашла свое отражение лишь в отдельных научно-популярных и учебно-методических трудах. В качестве альтернативы Покровскому Абаляхин и Дунаевский выдвинули сочинения военных историков А.И. Верховского, А.А. Свечина, М.С. Свечникова¹.

Изучение литературы этого периода позволяет считать данную точку зрения Л.Г. Бескровного наиболее объективной в той части, которая касается влияния концепции М.Н. Покровского на других советских историков. Например, в отрицании отечественного характера войны и подлинного патриотизма народа за ним шли и другие ученые².

Одновременно есть полное основание утверждать о том, что взгляды М.Н. Покровского зародились еще до установления в России советской власти и разделялись К.А. Военским, В.И. Пичетой, А.К. Дживелеговым и др. По большинству основных положений их позиции совпадали. Из этого следует, что ученый не выступал против всей дореволюционной историографии. Предметом его критики являлась в первую очередь официально-правительственная концепция, разработанная в первой половине XIX в.

В-третьих, в советской историографии 20-х – начала 30-х годов специальные комплексные исследования Отечественной войны 1812 года не проводились. Таковую особенность, кроме указанного влияния идей М.Н. Покровского, можно объяснить общей направленностью тематики исторических исследований. Приоритеты отдавались изучению истории большевистской партии, Первой мировой и Гражданской войн. В дореволюционной России представлялось важным изучать эволюцию классовой борьбы. По этой причине тема нашествия Наполеона на Россию до середины 30-х годов находилась как бы в стороне от магистральных направлений развития советской исторической науки.

Однако было бы неправильным считать, что события 1812 г. полностью исключались из сферы научных интересов советских историков. Определенный вклад в разработку экономических аспектов ис-

¹ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 45.

² Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении: основы социальной динамики: в 11 т. М., 1924. Т. 10. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX в. С. 66; Свечин А.А. Эволюция военного искусства в древнейших времен до наших дней: в 2 т. М.; Л., 1927–1928. Т. 1. С. 375; Брюллова-Шаскальская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931. С. 54; Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921. С. 150–151; и др.

следуемой проблемы внесли труды *М.Ф. Злотникова*, *В.И. Пичеты*, *А.В. Предтеченского*¹. Уже в этот период в них проявилась дискуссионность по вопросу о влиянии континентальной блокады на развитие экономики России.

В.И. Пичета в новой монографии «История народного хозяйства в России XIX–XX вв.» отстаивал свои дореволюционные взгляды и развивал точку зрения *М.Н. Покровского* о двойственном значении континентальной блокады в экономической жизни Российской империи². Ученый по-прежнему высказывал убежденность в ее губительности для финансово-кредитной системы и одновременно считал мощным стимулом для повышения уровня промышленного производства страны³. Однако общий вывод историк делал с учетом признания экономического фактора как наиболее важной причины войны. «Континентальная система, – отмечал он, – влечет за собой, несомненно, гибель русского народного хозяйства и заставляет... признать, что нарушение континентальной системы является государственной необходимостью»⁴.

Со своей стороны и *М.Ф. Злотников*, изучив динамику роста сахарного производства, указал на положительное влияние создавшейся экономической ситуации на внутреннем российском рынке для этой и для «многих других отраслей» русской промышленности⁵.

К альтернативной точке зрения пришел *А.В. Предтеченский*, почитавший роль блокады в развитии русской промышленности «совершенно ничтожной»⁶. Такая позиция автора значительно отличалась от общепринятых взглядов на данный аспект.

¹ См.: *Злотников М.Ф. Сахарная промышленность России в период континентальной блокады // Записки Днепропетровского института народного просвещения (на укр. языке). Днепропетровск, 1927. Т. 1; Пичета В.И. История народного хозяйства в России XIX–XX вв.: Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства. М., 1922; Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности России // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. обществ. наук. Л., 1931. № 8. С. 893–920.*

² См.: *Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 24, 29–33.*

³ См.: *Пичета В.И. Указ. соч. С. 42–90.*

⁴ Там же. С. 42.

⁵ См.: *Злотников М.Ф. Сахарная промышленность России в период континентальной блокады. С. 368.*

⁶ См.: *Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады... С. 920.*

Изучение личности императора Александра I, его социально-политической и военной деятельности продолжил *А.Е. Пресняков*¹. Как и в предшествующие годы, начиная с вел. кн. Николая Михайловича, российский император изображался как сложная и противоречивая натура. В понимании *А.Е. Преснякова*, внук Екатерины Великой был последователен в достижении своей цели, обладал навыками «самообладания и умения принимать все обличья», что делало его человеком умеющим добиваться желаемого результата и не лишенным лицемерия². Пресняков продолжил линию дореволюционной историографии, отмечавшей личные мотивы в борьбе Александра I с Наполеоном. Автор не отрицал активного участия императора в подготовке вооруженных сил к предстоящей войне, в руководстве военными действиями. Однако при этом указывалось на отсутствие у царя полководческих способностей, его собственное понимание своей «бесполезности» для армии³. Отсюда историк подчеркивал отчужденность российского императора от войск, которая основывалась на самознании оскорбленного «военного и державного самолюбия»⁴.

Особое внимание в историографии 20-х – начала 30-х годов уделялось положению крестьянства в 1812 г.⁵ Так, *Н.В. Брюллова-Шаскальская* в небольшой брошюре рассмотрела развитие классовой борьбы в годы войны. Она продолжила начатое в дореволюционной историографии развенчание идеи классового мира в период отражения наполеоновского нашествия. В контексте концепции М.Н. Покровского она отмечала прогрессивный характер наполеоновских войн, считая их «в глазах друзей и врагов продолжением революции»⁶. Отсюда следовало признание революционизирующего влияния французских событий конца XVIII – начала XIX в. на российское крестьянство. Однако в качестве главной причины недовольства крестьян и их готовности к восстанию указывалось на нищету и бесправие «крепостной массы»⁷.

¹ См.: Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924; Чулков Г. Императоры: психологические портреты. М.; Л., 1928.

² См.: Пресняков А.Е. Александр I. С. 115–118.

³ См.: Там же. С. 131.

⁴ См.: Там же. С. 134.

⁵ См.: Брюллова-Шаскальская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931; Гуковские З. и Г. Крестьяне в 1812 году. М., 1932; Матковская З. Народное продовольствие в 1812 году // Архив труда в России. Пг., 1923. Кн. 6–7. С. 102–109.

⁶ См.: Брюллова-Шаскальская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. С. 47.

⁷ См.: Там же. С. 4–30.

Как и М.Н. Покровский, Н.В. Брюллова-Шаскальская отрицала народный характер войны, подчеркнув, что «крестьянство встретило войну без всякого воодушевления», для них она «была величайшим несчастьем, что многие готовы были бежать к французам и искать у них вольности»¹.

Влияние дореволюционной историографии и концепции Покровского отмечаются в авторских суждениях о мотивах крестьянской партизанской войны. По мнению Брюлловой-Шаскальской, «крестьяне начали... отбиваться вилами и топорами» после того, как «французы сами принялись за грабежи». Не ограничившись таким суждением, автор пошла дальше, заявив, что «партизанщина как самозащита вообще не означает, что крестьяне были воодушевлены какой-то национальной идеей»². Однако подобные обобщения с учетом общей религиозной настроенности крестьянских масс в 1812 г. вызывают у автора настоящей монографии сомнения в их объективности.

В небольшом сочинении «Народное продовольствие в 1812 году» З. Матковская на основании архивных документов Министерства иностранных дел рассмотрела экономическое положение крестьянства в 1812 г.³ Историк пришла к выводу, что неурожайные 1810–1811 гг. поставили страну на грань продовольственного кризиса. В западных областях Российской империи, особенно в Гродненской и Смоленской губерниях, накануне войны наблюдался голод. В Вяземской волости «крестьяне – помещичьи и казенные, доведенные до крайней нужды, пошли по миру»⁴. Положение усугубилось с открытием военных действий. Автор обратила внимание, что недовольство крестьян вызывали «частый проход полков, воинских и рекрутских партий», необходимость кормить военнопленных⁵.

Статья имела и актуальное для начала 20-х годов звучание в связи с разразившимся в Поволжье голодом. Так, Матковская обобщила опыт создания запасных правительственных магазинов в 1812 г., предназначенных для оказания помощи голодающим в неурожайные годы⁶. Историк не делала конкретных выводов о пользе правительственных мер, однако авторская позиция выглядит недвусмысленно: война в первую очередь привела к обнищанию крестьянской

¹ См.: Брюллова-Шаскальская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. С. 54, 56.

² Там же. С. 58.

³ См.: Матковская З. Народное продовольствие в 1812 году. С. 102–109.

⁴ См.: Там же. С. 103.

⁵ См.: Там же. С. 102–103.

⁶ См.: Там же. С. 104–108.

массы, и без того находившейся в тяжелом экономическом положении. Царское правительство не сумело решить продовольственный вопрос в кризисной ситуации, загоняя «крестьян в тупик своей «помощью»¹.

Общие обзоры Отечественной войны 1812 года были представлены соответствующими разделами и главами преимущественно в учебной литературе, которая в ряде случаев представляла собой переработанные для печати авторские лекции, прочитанные в различных учебных заведениях². Поход Наполеона в Россию рассматривался в учебниках и учебных пособиях упрощенно и очень сжато, в контексте более широкой проблемы исторического развития России. Как правило, тема освещалась в свете общей концепции М.Н. Покровского, с учетом выводов дореволюционной литературы критического направления. Такой подход, например, отчетливо просматривается в учебнике истории *Е.К. Замысловской*. Причины войны она объясняла тем, что «потихоньку Россия продолжала торговать с Англией», а когда Наполеон «узнал, что Россия нарушает договор... началась война». По мнению историка, в 1812 г. защищались интересы российского торгового капитала, страдавшего от нарушения экономических связей с Англией³. Бородинское сражение расценивалось как чудовищная бойня, от которой русские «так обессилели, что должны были прекратить сражение»⁴. Соответствующие характеристики давались участию классов и сословий в войне. «Русским крестьянам была тяжела непомерно эта война», «дворяне сводили счеты с крестьянами, отправляя на войну неугодных барину», купечество «отыгрывалось на населении, возмещая свои жертвования непомерным вздутием цен»⁵ и т. п.

Следует заметить, что некоторые положения М.Н. Покровского, высказанные им в дореволюционный период, в 20-х – начале 30-х годов уточнялись и развивались. В частности, с классовых позиций победившего пролетариата усиливалась линия на дискредитацию российского дворянства. У *Н.А. Рожкова* это проявилось в подчеркивании показного характера дворянского патриотизма. «Старый казен-

¹ См.: Там же. С. 108.

² См.: Замысловская Е. Учебник истории. М.; Пг., 1923. С. 83–85; Пионтовский С.А. Очерки истории СССР XIX и XX вв. М.; Л., 1935. Гл. 1. С. 3–20; Рожков Н.А. История России за последнее столетие. Пг., 1918. Гл. 1. С. 3–16; Его же. Русская история в сравнительно-историческом освещении: основы социальной динамики. Т. 10. С. 5–167; и др.

³ См.: Замысловская Е.К. Учебник истории. С. 84.

⁴ См.: Там же. С. 84.

⁵ См.: Там же. С. 84, 85.

ный патриотический графарет... – отмечал историк, – требовал изображения горячего и единодушного подъема патриотических чувств во всех слоях русского общества в начале войны 1812 года. На самом деле ничего подобного не было. И не было, прежде всего, в среде дворянского крепостнического большинства»¹. По мнению историка, отношение столичного и провинциального дворянства к войне определял «страх, доходивший до отчаяния»². Дворяне боялись не столько неприятеля, сколько крестьянского восстания³.

Эта же позиция прослеживалась и в упомянутой работе Н.В. Брюлловой-Шаскальской. Она высказывала мысль, согласно которой «вся слава от сбора ополченского полка падала на дворян», тогда как «из крестьян составилось все ополчение, и дворяне, в лучшем случае, участвовали в нем как офицеры»⁴.

Военный аспект 1812 г. более подробно рассматривался в работах А.А. Свечина, А.И. Верховского, В.Г. Сухова по истории военного искусства⁵. В них также отмечается сильное влияние дореволюционной юбилейной историографии и воззрений М.Н. Покровского.

А.А. Свечин и А.И. Верховский не ограничились только одним анализом военного искусства. Так, профессор Академии РККА А.А. Свечин предполагал более значительные итоги войны для Наполеона в случае его обращения с «революционными призывами» в массы русского крепостного крестьянства⁶. В духе марксистской теории видный советский военный теоретик, вслед за М.Н. Покровским, отрицал подлинно народный характер войны. «Война 1812 года так резко выделяется в русском сознании и получила наименование Отечественной именно вследствие страха господствующих классов перед позицией, которую могло занять крестьянство по отношению к Наполеону», – отмечал исследователь⁷.

¹ Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ См.: Там же. С. 67.

⁴ См.: Брюллова-Шаскальская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. С. 54.

⁵ См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. М., 1921. С. 142–173; Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней: в 2 т. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 372–382; Сухов В.Г. Краткий очерк истории военного искусства. М.; Л., 1929. С. 127–134; и др.

⁶ См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 874.

⁷ Там же.

Открытые вооруженные выступления народных масс против наполеоновской армии А.А. Свечин объяснял «реквизициями, мародерством, недисциплинированностью, насилиями...» французских войск. По его мнению, именно враждебное отношение русского крестьянства к интервентам заставило Наполеона отказаться от демократических политических лозунгов в войне¹.

На этих же позициях находился другой военный историк, *А.И. Верховский*, считавший, что пробуждению народной войны способствовали ошибки в политике и стратегии Наполеона. Главная из них – нежелание дать крестьянам свободу и тем самым привлечь их на свою сторону. Историк также подчеркивал, что крестьян озлобляли реквизиции, обратившиеся в грабеж, и неуважительное отношение к религии, проявлявшееся в осквернении религиозных святынь².

В 20-е годы среди военных историков популяризировался тезис А.К. Байова о противоборстве в русской армии начала XIX в. прогрессивного национального и реакционного прусского течений в развитии военного дела. Это положение закреплялось и получило дальнейшее развитие. В отличие от А.К. Байова А.И. Верховский определил не два, а три направления в боевой подготовке войск. Первое направление – суворовское. Его проводили в жизнь М.И. Кутузов, офицеры и генералы русского происхождения. Второе, прусское, поддерживали Аракчеев и часть генералов иностранного происхождения. Наконец к третьему, французскому направлению, А.И. Верховский относил Баркляя де Толли, Ермолова, Волконского³. Ученый оценивал подготовку русской армии накануне 1812 г. как последнюю страницу суворовской эпохи. По его мнению, после Аустерлица немецкое течение и влияние «несколько потускнело», хотя и не было уничтожено окончательно⁴. Подобный подход в оценках русской армии накануне войны отмечается и в сочинении В.Г. Сухова⁵.

В духе воззрений Покровского и военной историографии периода столетней годовщины Отечественной войны 1812 года оценивалось полководческое мастерство Наполеона и Кутузова. А.А. Свечин ви-

¹ См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 874.

² См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. С. 150–151.

³ См.: Там же. С. 143.

⁴ См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. С. 144.

⁵ См.: Сухов В.Г. Краткий очерк истории военного искусства. С. 129.

дел в Наполеоне не только умелого стратега, но и тонкого политика, имевшего в своем распоряжении «целый арсенал политических ухищрений», умевшего играть на разногласиях союзников для достижения своих внешнеполитических целей¹. Мнение о расцвете полководческого гения Наполеона в кампании 1812 г. высказывал и А.И. Верховский².

Кутузов, по взглядам военных историков 20-х – начала 30-х годов, являлся представителем школы Суворова, имел богатый боевой опыт, «интуитивно понимал ту великую духовную силу, которая жила в армии»³. Однако исследователи не склонны были фетишизировать главнокомандующего русской армией. В историографии изучаемого периода указывалось на серьезные ошибки полководца в Бородинском сражении. Они касались боевого построения русской армии, при котором группировка войск не соответствовала характеру действий противника, а бой при с. Шевардине оказался неожиданным для русского полководца. Существенными просчетами считались скученность войск, отсутствие в замысле сражения свободного и своевременного маневра силами и средствами на наиболее угрожающие направления. Высказывалось мнение, что недостаточно организованное взаимодействие привело к забвению русским командованием 300 орудий главного артиллерийского резерва, который не принял участия в боевых действиях. Эти недостатки пришлось исправлять в ходе сражения. В итоге русская армия понесла в обороне более высокие потери, чем наступающий противник⁴.

В свою очередь, нерешительность М.И. Кутузова под Вязьмой, Красным и Березиной объяснялась «обаянием» Наполеона, «которое было столь значительно, что русские перед ним расступались...»⁵ В изучаемый исторический период такой вывод соответствовал точке зрения М.Н. Покровского, обвинявшего М.И. Кутузова в самоустранении от командования войсками, нерешительности, приведшей

¹ См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 342.

² См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. С. 155.

³ См.: Там же. С. 157.

⁴ См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. С. 158, 159–160, 170; Сухов В.Г. Краткий очерк истории военного искусства. С. 131.

⁵ См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 380.

к продолжению войны в заграничных походах 1813–1814 гг.¹ Подобные суждения развивали и более раннюю точку зрения В.И. Харкевича, согласно которой главнокомандующий – добровольный свидетель свершающихся событий на завершающем этапе войны².

Определенное расхождение военной историографии с концепцией М.Н. Покровского отмечалось при анализе причин поражения наполеоновской армии в России. По А.А. Свечину, провал планов Наполеона был обусловлен скорее политическими, чем военными просчетами, хотя историк и не отрицал несостоятельности наполеоновской стратегии при «гигантском масштабе русской обороны». Как подчеркивал военный историк, Великую армию уничтожила не русская зима, а неспособность французского командования организовать снабжение войск³. Со своей стороны А.И. Верховский также присоединился к критикам теории естественных факторов, считая неубедительными доводы о решающей роли климатических условий в поражении наполеоновской армии в России⁴.

В данном отношении оспаривалась точка зрения Покровского, склонного переоценивать пространственно-временной и климатический факторы: «Время было первым и главным союзником русских гораздо раньше, чем начал действовать второй их союзник, климат»⁵.

В-четвертых, на развитие историографии 20-х годов влияло постепенно усиливавшееся идеологическое и административное давление на кадры советских историков. Утверждение новых общественных отношений осуществлялось в условиях официального оформления идеологии победившей партии. Этот процесс сопровождался борьбой взглядов и научных теорий, в том числе и в области отечественной истории.

Среди некоторых советских историографов бытовало мнение о том, что при жизни В.И. Ленина (в первой половине 20-х годов) не проводилась сколько-нибудь значительная работа по оформлению, а

¹ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 54, 60–61.

² См.: Харкевич В. 1812 год. Березина. С. 205.

³ См.: Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 342.

⁴ См.: Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. С. 152.

⁵ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 44.

тем более по дальнейшей разработке марксистско-ленинской концепции истории России¹.

Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский конкретизировали данную идею применительно к истории Отечественной войны. Одну из причин слабости усвоения марксистско-ленинских оценок 1812 г. они объясняли засильем кадров буржуазных ученых, перешедших на сторону Советской власти, методологическими ошибками М.Н. Покровского и отсутствием до начала 30-х годов собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса². Если взять в расчет последнее положение, то только с начала 30-х годов для исследователей был открыт доступ к работам основоположников марксизма. Следуя логике Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, именно с этого времени советские историки стали правильно ориентироваться в марксистско-ленинских оценках 1812 г.

Однако подобная постановка вопроса еще раньше имела принципиальных противников. М.В. Нечкина считала несостоятельными взгляды о том, что «лишь во второй половине 1930-х гг., через много лет после смерти В.И. Ленина, советские историки наконец-то впервые разобрались в ленинском наследстве и стали на ленинские позиции»³. В обоснование своей точки зрения она, например, указывала, что консолидация историков-марксистов оформилась уже в начале 20-х годов, после создания ведущих партийных гуманитарных научно-исследовательских центров⁴. По ее мнению, борьба же с буржуазной историографией объективно началась еще до Октябрьской революции 1917 г.⁵

В научной дискуссии историков позиция М.В. Нечкиной представляется более аргументированной и поэтому выглядит убедительней. Однако важно подчеркнуть, что единство взглядов достиглось не только усиленным изучением марксистско-ленинского идейно-теоретического наследия. Немаловажное значение в стремлении партийно-государственных структур утвердить в исторической науке единую марксистскую методологию отводилось соответ-

¹ См.: Найденов М.Е. Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. № 1. С. 86–87.

² См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 4.

³ Нечкина М. К итогам дискуссии о периодизации советской исторической науки // История СССР. 1962. № 2. С. 65.

⁴ Имеются в виду Социалистическая академия (образована в 1918 г.), институты Маркса и Энгельса (образован в 1920 г.), Истории партии (образован в 1920 г.), Красной профессуры (образован в 1921 г.).

⁵ См.: Нечкина М. К итогам дискуссии о периодизации советской исторической науки. С. 66.

ствующей кадровой политике. Уже в 20-е годы на повестку дня был поставлен вопрос об идейной чистоте советских исторических кадров. По мнению М.Н. Покровского, ученые старой школы «остались тем, чем были при царях, – всего только беспристрастными искателями истины, а не строителями социалистической культуры и социалистического общества»¹. Поэтому актуальной задачей в кадровой политике считалось «отделаться от тех своих элементов, которые уже никакому использованию в современных условиях не подлежат»².

В духе таких руководящих указаний предпринимались попытки «предотвратить разрастание этого нароста на теле советской историографии»³. В 1929–1931 гг. борьба «с наростом» по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) приняла жесткие репрессивные формы. Полномочным Представительством Объединенного государственного политического управления в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО) был сфабрикован политический процесс, который получил название «Академическое дело». Аресту подверглись более 100 ученых-гуманитариев, среди которых были 4 академика и 5 членов-корреспондентов Академии наук СССР. Значительное число арестованных занималось историческими исследованиями (С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин и др.). В их числе оказались уже известные своими работами о 1812 г. В.И. Пичета и Е.В. Тарле⁴.

Трудно ошибиться в том, что основной целью репрессий было стремление партийных функционеров взять под контроль все гуманитарные разработки, в том числе и в области истории, в относительно автономной научной организации, какой до конца 20-х годов оставалась Академия наук. Одновременно судебный процесс проводился для назидания и устрашения наиболее строптивых «беспристрастных искателей истины», чтобы ускорить процесс их превращения в

¹ Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академия наук за 1926 год // Звенья: Исторический альманах. М., 1992. Вып. 2. С. 586.

² См.: Покровский М.Н. Институт истории и задачи историков-марксистов: Речь на заседании, посвященном открытию Института истории при Комакадемии 18 ноября 1929 года // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 354.

³ См.: Покровский М.Н. О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. С. 389.

⁴ Более подробно об этом процессе см.: Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. V–XLIX.

«строителей социалистической культуры». Заметим, что в итоге требуемый результат был достигнут.

Новая партийная политика отразилась на работе учебных заведений и научно-исследовательских центров. По предложению М.Н. Покровского в 20-е годы было принято решение отказаться от системного изучения истории в школах, где преподавание истории было заменено обществоведением. Одновременно ликвидировали исторические факультеты в вузах. К концу 20-х годов подошла очередь Российской академии наук (с 1925 г. Академия наук СССР), до середины 30-х годов располагавшейся в Ленинграде. В замыслах М.Н. Покровского, историко-филологическое отделение академии следовало либо «радикально реорганизовать в смысле личного состава», либо «вовсе его закрыть». Последнее предложение «с точки зрения экономии сил и средств» для ответственного советского чиновника было предпочтительнее¹.

Стремление освободиться от «наследия рабского прошлого» было перенесено на историческую память об Отечественной войне 1812 года. Сразу после революции началось разграбление святынь Бородинского поля. С монументов русским артиллеристам выламывались на металлолом орудия, с памятников срывались двуглавые орлы, расхищались цепи, сбивались мемориальные доски. Три дня горело подожженное здание Спасо-Бородинского монастыря, который в 1929 г. превратили в трудовую коммуну им. Ворошилова. Вскоре уничтожили некрополь с могилами генералов Ф.Ф. Левина и П.М. Волконского. Апогеем бесчинств стал подрыв в 1932 г. Главного монумента и склепа с останками П.И. Багратиона². Только в конце 30-х годов, когда в правительственных кругах стали проявлять повышенный интерес к военной истории России, отношение к памятникам Бородинского поля изменилось.

В-пятых, дефицит глубоко проработанных научных произведений о походе Наполеона в Россию отчасти объяснялся общим состоянием источниковой базы исследований. Этот вопрос уже рассматривался в предыдущей главе монографии. Напомним, что дореволюционные историки накануне столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года осуществили масштабную публикацию архивных материалов. Одновременно они указывали на необходимость активного продолжения такой работы. Однако в первые десятилетия

¹ См.: Покровский М.Н. Котчету о деятельности Академии наук за 1926 год. С. 529.

² См.: Иванов Н. Дымовая завеса над полем // Родина. 1992. № 6–7. С. 184.

Советской власти этот вопрос потерял свою актуальность. Поэтому в 20-х – начале 30-х годов в литературе широко использовались аргументация и выводы дореволюционной историографии.

Таким образом, 20-х – первую половину 30-х годов XX в. можно считать *очередным этапом* в развитии историографии Отечественной войны 1812 года. В методологии исследования стал осуществляться поворот к марксистско-ленинской теории научного познания, которая постепенно заняла господствующее положение в исторической науке. С течением времени взгляды классиков марксизма-ленинизма получили приоритетное значение и стали играть для историков роль методологических ориентиров. Однако, как показал опыт развития историографии темы, многие выводы К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина понимались односторонне и подстраивались под изменяющуюся политическую конъюнктуру. В современных условиях такое отношение к идеям основоположников диалектического материализма признано как порождающее схематизм в изучении истории Отечественной войны 1812 года. В связи с этим представляется необходимым рассматривать их научное наследие на общих основаниях с трудами специалистов-историков, занимающихся научной разработкой проблемы.

В 20-е годы XX в. официально-патриотическая концепция Отечественной войны 1812 года, утвердившаяся в исторической науке в первой половине XIX столетия, окончательно была признана несостоятельной. В историографии стали доминировать взгляды М.Н. Покровского, которые перекликались с выводами дореволюционных ученых либерального направления, поддерживались и развивались абсолютным большинством советских историков. Основные положения утверждавшейся в исторической науке концепции основывались на материалистическом понимании развития исторического процесса и оценивались с социально-классовых позиций.

В литературе окончательно утвердился тезис о преобладании экономического фактора в совокупности причин, приведших Россию к войне с Францией. Историками признавалась отсталость политического режима Российской империи, которая стала рассматриваться как оплот контрреволюции в Европе. При таком объяснении конфликтной ситуации главная ответственность за войну 1812 года возлагалась на крупное российское дворянство, не желавшее нести убытки от континентальной блокады и стремившееся реставрировать монархию во Франции, а также лично на императора Александра I, который считался выразителем этих настроений.

В соответствии с марксистским пониманием категории «отечество» из социально-политической характеристики войны 1812 года стало исключаться слово «Отечественная». В исторической науке

распространилось мнение, согласно которому во всех слоях общества отсутствовал подлинный патриотизм. Основной мотив антифранцузских выступлений крепостных крестьян представлялся не в проявлении чувств патриотизма, а в их желании оградить себя и свое имущество от грабительских военных реквизиций захватчиков и набегов мародеров.

Анализ военных действий русской армии в большинстве случаев проводился исключительно с критической точки зрения. В полководческой деятельности М.И. Кутузова, несмотря на признание его богатого боевого опыта, усматривались многочисленные просчеты, которые привели русскую армию к большим потерям в Бородинском сражении, а на заключительном этапе войны позволили Наполеону избежать окончательного разгрома.

В изучаемый исторический период отмечались новые суждения о причинах поражения Великой армии в России. Среди историков получила популярность гипотеза о том, что Наполеон проиграл войну, потому что не захотел привлечь на свою сторону угнетенные массы крестьян, отменив, как это он делал в других странах, крепостное право.

Одновременно указывалось на многочисленные политические и стратегические ошибки французского полководца, которым отводилась главенствующая роль в неудачном исходе войны. При этом значительная часть историков разделяла теорию решающего влияния естественных факторов в поражении Наполеона, хотя по этому аспекту имелись и другие мнения.

В 20-х – первой половине 30-х годов комплексные исследования темы не проводились. Она отражалась преимущественно в учебной и популярной литературе. В немногочисленных специальных сочинениях, посвященных изучаемой проблеме, исследовались главным образом вопросы положения крестьян в системе господствовавших в годы войны экономических и социально-политических отношений.

Утверждение нового видения истории сопровождалось борьбой научных взглядов в сочетании с мерами административно-репрессивного характера, проводимыми против относительно обособленной части представителей дореволюционной академической науки. В итоге, это привело к единству социально-политических оценок истории войны 1812 года.

В целом историография исследуемой проблемы в 20–30-е годы переживала сложный этап. Тема считалась неактуальной и находилась в состоянии стагнации. Новый ее подъем начался под влиянием изменений, происходивших в обществе и исторической науке во второй половине 30-х годов.

§ 2. Новый взгляд на проблему во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов. Формирование и утверждение сталинской концепции войны

Перспективы развития историографии Отечественной войны 1812 года во второй половине 30-х годов определялись как чисто практическими потребностями организации воспитательной работы среди населения страны, так и эволюцией политической системы советского общества, связанной с усилением культа личности И.В. Сталина. Преломляясь в сфере исторической науки, эти факторы оказывали влияние на формирование новой концепции наполеоновского нашествия на Россию, которая утверждалась через критику научных взглядов М.Н. Покровского.

Резко возросшую актуальность исследуемой проблемы среди советских историков во второй половине 30-х годов можно связать с общим осложнением международной обстановки, которая вызывала к жизни и популяризировала мысль о том, что «всякая попытка поработить советский народ будет иметь для зачинщиков войны более серьезные последствия, чем это было в результате войны 1812 года»¹.

Важную роль в переосмыслении истории Отечественной войны 1812 года сыграло известное Постановление СНК и ЦК ВКП(б) СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в рамках которого были предприняты меры по улучшению исторического образования молодого поколения советской страны. Одновременно высшие эшелоны власти остро поставили перед образовательными структурами вопрос о подготовке и воспитании «сознательных и активных строителей нового коммунистического общества и борцов за мировую пролетарскую революцию»². Последующие историографы справедливо утверждали, что указанное партийно-правительственное постановление способствовало активизации исследовательской работы в области истории³.

В данный период тема Отечественной войны 1812 года заняла достойное место в исторической литературе. Вторую половину 30-х го-

¹ Клаузевиц К. 1812 год. 2-е изд. М., 1937. С. 5.

² См.: За преодоление ошибок школы М.Н. Покровского // Борьба классов. 1936. № 3. С. 13.

³ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 63; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 60; Кафенгауз Б.Б. Военно-историческая литература в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М., 1942. С. 105; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 6; и др.

дов можно считать переломной в развитии изучаемой проблемы. Впервые после длительного перерыва появились солидные монографии и научные статьи, массовыми тиражами издавались популярные брошюры.

В печатаной продукции затрагивался широкий спектр вопросов. Большое значение для разработки новых методологических принципов исследования имела статья *К.Л. Селезнева*¹. Публикация усиливала внимание историков к изучению ленинских взглядов на характер войны 1812 года. Анализ содержания публикации свидетельствует о том, что ее автор подходил к изучению ленинского наследия избирательно. К.Л. Селезнев обращал внимание научной общественности на то, что «мысль о завоевательном характере войн (курсив мой. – *И. Ш.*) Наполеона Лениным высказывается неоднократно»². Обосновывая эту мысль, историк выделил только ту часть ленинских положений, в которых наполеоновские войны трактовались как «империалистические» и «показали необыкновенно сложную сеть сплетающихся империалистских отношений с национально-освободительными движениями»³. Данный тезис, заимствованный из работы В.И. Ленина «О брошюре Юниуса»⁴, соответствовал идее И.В. Сталина о том, что в XIX в. агрессором в Европе являлась не столько Россия, сколько другие европейские государства⁵. Статья нацеливала исследователей на доказательство именно этих идей. В течение короткого времени ленинские изречения были фетиширо-

¹ См.: Селезнев К. О войне 1812 года // Борьба классов. 1936. № 6. С. 16–24.

² Там же. С. 17.

³ См.: Там же. С. 16.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5–6.

⁵ Можно предположить, что большое значение для формирования новых официальных воззрений на историю борьбы русского народа с наполеоновским нашествием сыграло письмо И.В. Сталина, написанное в 1934 г. членам ЦК ВКП(б) по поводу статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». В обращении к руководящему звену партии критически оценивались взгляды одного из основоположников марксизма о характере внешнеполитического курса российского самодержавия в XIX в.

Хотя документ был доведен до широких научных кругов лишь перед самым началом Великой Отечественной войны его влияние на историческую науку, в том числе и на исследуемую проблему, сказалось гораздо раньше. В указанном письме Сталин выразил свои сомнения в объективности суждений Энгельса о характере внешней политики русского царизма. Внимание членов ЦК ВКП(б) обращалось на то, что «завоевательная политика... вовсе не составляла монополию русских царей», как считал Энгельс, а была при-

ваны, приобрели статус аксиомы и в течение последующих десятилетий составляли надежную методологическую опору любого претендующего на научность исторического произведения¹.

Одновременно, как справедливо отмечается в современной историографии², игнорировались и замалчивались те замечания В.И. Ленина, в которых он не отличал «грабителя Наполеона» от «грабителя Александра I» и «грабителей английской монархии». При этом из «трех главных противников Наполеона», трех «коронованных разбойников» – русской, прусской и австрийской монархии – считал, что «русский разбойник... был тогда сильнее»³.

Не вызывает сомнений тот факт, что в статье, в контексте сталинской идеи, подкрепленной ленинскими цитатами, была заложена методологическая основа для нового объяснения причин Отечественной войны 1812 года. В итоге во второй половине 30-х годов в советской историографии был возрожден основополагающий тезис официальной историографии первой половины XIX в., по которому Наполеон считался единоличным агрессором и на него возлагалась вся ответственность за развязывание войны.

суца «не в меньшей, если не в большей степени королям и дипломатам всех стран Европы».

В современной историографии исследователи упоминали о сталинском письме. Однако они не проводили взаимосвязи между высказанной в адрес Энгельса критикой и последующими изменениями в концептуальных положениях темы, раскрывавшими характер войны между Россией и Францией. См.: Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // *Большевик*. 1941. № 9. С. 1–5; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 64–65; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // *Новая и новейшая история*. 1990. № 4. С. 49.

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 59; Его же. *Борьба России с Францией в конце XVIII – начале XIX в. Отечественная война 1812 года* // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М., 1968. С. 218; *Внешняя политика России в начале XIX в. Отечественная война 1812 года* // Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 года и Освободительной войны 1813 года в Германии: Сб. ст. М., 1988. С. 3; Казаков Н.И. *Внешняя политика России перед войной 1812 года* // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны. С. 9; Левицкий Н.А. *Полководческое искусство Наполеона*. М., 1938. С. 175–176; Гарнич Н.Ф. 1812 год. С. 3; Жилин П.А. *Отечественная война 1812 года*. С. 23; Орлик О.В. *Гроза двенадцатого года*. С. 14; и др.

² См.: Троицкий Н.А. *Отечественная война 1812 года: история темы*. С. 11.

³ См.: Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* Т. 36. С. 110; Т. 31. С. 435; Т. 32. С. 6, 89–90.

Как следует из анализа содержания статьи, советская историография нацеливалась на возврат к идее патриотизма при объяснении мотивов народной борьбы с наполеоновской армией. Однако к пониманию этой категории К.Л. Селезнев подошел с классовых позиций, четко противопоставив дворянский патриотизм патриотизму крестьян. При этом отмечалось, что «попытки... наиболее умных представителей дворянства поднять народ против “француза”, наталкивались на нерешительность и близорукость правящего класса»¹.

Статья имела большое значение для последующего развития советской историографии Отечественной войны 1812 года. Опубликованная в центральном партийном журнале и, следовательно, выражая точку зрения ЦК ВКП(б), публикация определила основные направления, по которым осуществлялся пересмотр взглядов М.Н. Покровского. Многие из положений статьи Селезнева получили распространение в последующих исторических работах на эту тему.

Различные версии московского пожара проанализировал *Е.А. Звягинцев*. В его сочинении особо обращает на себя внимание тезис об ответственности французских мародеров за сожжение первопрестольной. Подобные авторские суждения свидетельствовали об изменении взглядов к освещению указанного вопроса по сравнению с выводами историков начала XX в. и о возврате к положениям официально-патриотической концепции первой половины XIX столетия. В усиление этой версии отмечалось отсутствие замыслов «преднамеренного самопожертвования жителей в поджоге Москвы»².

М.С. Свечников и *Н. Павленко* с учетом критического анализа дореволюционной историографии рассмотрели вопросы военного искусства в Бородинском сражении. В своих работах авторы продолжили линию дореволюционной историографии начала XX в. на анализ ошибок в замысле М.И. Кутузова³. В свою очередь *А.В. Предтеченский* выделил социальный аспект знаменитой битвы, изучив ее влияние на общественное сознание современников⁴. Ученый в отличие от М.Н. Покровского, отрицавшего патриотизм угнетенных классов самодержавной России, пришел к выводу о раз-

¹ Селезнев К. О войне 1812 года. С. 22.

² См.: Звягинцев Е. Отчего выгорела Москва в 1812 году // Борьба классов. 1936. № 6. С. 32, 36.

³ См.: Павленко Н. Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1941. № 5. С. 23–44; Свечников М.С. Война 1812 года. Бородино. М., 1937.

⁴ См.: Предтеченский А. Бородинский бой и русская общественность // Ученые записки ЛГУ. 1938. № 19. Вып. 1: Сер. ист. наук. С. 101–110.

витии чувства национального самосознания у крепостного крестьянства, которое вызвало настороженность в дворянской среде¹. Эту идею разделяли П.Г. Андреев и Л.Н. Бычков. В их сочинениях получил развитие тезис о ведущей роли крестьянства во всенародной борьбе с наполеоновской агрессией².

М.Ф. Злотников продолжил свои исследования о влиянии континентальной блокады на экономику России. Его новая монография получила высокую оценку у Е.В. Тарле, который отметил, что «исследование является... очень ценным, свежим по материалу и подходу автора трудом»³.

Вторая половина 30-х годов отмечена повышенным интересом к полководцам наполеоновской эпохи. В 1936 г. вышла первая советская работа о Наполеоне Бонапарте *Евгения Викторовича Тарле*⁴. Книга получила всемирную известность. В 1937 г. она была издана на французском языке в Париже, на английском языке в Нью-Йорке и Лондоне, на польском языке «Наполеон» был опубликован трижды за год!⁵ Такой успех выдвинул ученого в число ведущих исследователей истории 1812 г.

В 1938 г. увидела свет еще одна работа, посвященная Наполеону. Ее автор профессор Академии Генерального штаба РККА комбриг *Н.А. Левицкий* основной акцент сделал на разборе военного искусства великого полководца⁶. Военный историк преследовал цель показать поучительность его стратегии и тактики для офицерского состава РККА «с учетом всех современных факторов войны»⁷. Поэтому данное сочинение имело характер учебного пособия и по своему содержанию сильно отличалась от «Наполеона» Е.В. Тарле.

¹ См.: Там же. С. 106.

² См.: Андреев П. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск, 1940; Бычков Л. Война 1812 года и крестьянство России // Исторический журнал 1937. № 8. С. 57–72; Его же. Крестьянское партизанское движение против нашествия Наполеона в Россию в 1812 году // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 61–76.

³ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 240. Л. 1. Рукопись своего труда М.Ф. Злотников сдал в издательство в 1940 г., но работа вышла лишь в 1966 г. Автор не дождал до этого события, скончавшись в блокадном Ленинграде в 1942 г. См.: Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966.

⁴ См.: Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936.

⁵ См.: Библиография печатных трудов академика Е.В. Тарле / сост. В.К. Иков и Н.В. Ширяева // Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. М., 1962. Т. 12. С. 500.

⁶ См.: Левицкий Н.А. Полководческое искусство Наполеона. М., 1938.

⁷ См.: Там же. С. 276.

В конце 30-х годов публикуются первые работы о полководческой деятельности П.И. Багратиона¹. Но на этом этапе они имели научно-популярный характер. Предвоенные годы были ознаменованы развитием кутузовской тематики. Одним из первых ее начал разрабатывать С.Б. Борисов². Это начинание продолжил Михаил Григорьевич Брагин. По его собственному признанию, «тогда еще юный офицер», увлекся 1812 г. в середине 30-х годов³. После публикации в 1940 г. своей статьи о М.И. Кутузове⁴ историк стал готовить к самостоятельному изданию в виде научно-популярного очерка ее расширенный вариант. Новая работа «Полководец Кутузов», с предисловием Н.А. Левицкого была подписана к печати за неделю до начала Великой Отечественной войны⁵. Труд был положительно оценен критикой. Рецензировавший книгу В.И. Пичета, назвал ее первой «научно-объективной монографией» о М.И. Кутузове, «написанной на основе большой предварительной работы по изучению первоисточников»⁶. В дальнейшем книга дорабатывалась и выдержала еще несколько изданий⁷.

Во второй половине 30-х годов в литературе, посвященной истории Отечественной войны 1812 года, особое место заняла работа «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год» Е.В. Тарле⁸. Свой новый научный труд сам автор тематически связывал с предшествующей монографией о Наполеоне. По его признанию, в «Наполеоне» ставилась задача установить ту грань, за которой войны в защиту Французской революции превратились в захватнические войны Наполеона, окончившиеся порабощением европейского континента и последующим неизбежным нападением на Россию. Во второй работе, посвященной 1812 г., Тарле пытался объяснить, почему конти-

¹ См.: Борисов С. Багратион. М., 1938; Брагин М. Боевой путь генерала Багратиона // Военно-исторический журнал. 1940. № 9. С. 49–99.

² См.: Борисов С.Б. Кутузов: Очерк жизни и деятельности великого русского полководца. М., 1938.

³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 487. Л. 81.

⁴ См.: Брагин М.Г. Полководец Кутузов // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 84–101.

⁵ См.: Брагин М. Полководец Кутузов. М., 1941.

⁶ См.: Пичета В. Великий полководец // Знамя. 1942. № 1–2. С. 355–356.

⁷ В 1944 г. книга была повторно опубликована без каких-либо изменений и дополнений. В послевоенный период М.Г. Брагин существенно доработал свое исследование. Последнее 4-е издание этого сочинения под названием «Кутузов» вышло в 1975 г. См.: Брагин М.Г. Кутузов. 4-е изд., испр. М., 1975.

⁸ См.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.

ментальная блокада помимо других важных причин должна была привести Францию к вооруженному конфликту с Россией¹.

Тарле оказался одним из первых советских историков, который четко определил свои позиции в контексте новых требований к освещению войны 1812 года. Он утверждал, что война 1812 года являлась «...откровенно империалистической войной, продиктованной интересами захватнической политики Наполеона и крупной французской буржуазии», а «для России борьба против этого нападения была единственным средством сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность»². Этот тезис Тарле подкреплял ссылкой на ленинскую «отчетливую схему» о перерастании оборонительных войн Французской революции в захватнические войны Наполеона и порождения ими национально-освободительного движения в Европе³.

Из оборонительного характера войны Е.В. Тарле выводил мотивы общенародной борьбы с агрессором⁴. При этом он не отрицал сильного влияния монархической идеологии на народные массы в 1812 г., но вместе с тем указывал на то, что основная масса крепостных людей стремилась на войну с тайной надеждой получить от царя социальную свободу от своих господ⁵.

Проявление народных чувств, «которым изумлялись и которыми восхищались современники», историк во многом связывал с московским пожаром⁶.

В духе статьи К.Л. Селезнева Е.В. Тарле дифференцированно подошел к объяснению сущности народного патриотизма, подчеркнув, что «в большинстве случаев нельзя принимать за чистую монету всех этих помещичьих заявлений о жертвованиях, приносимых на алтарь отечества»⁷.

Развивая новые подходы к изучению истории Отечественной войны 1812 года, ученый придерживался некоторых положений, которые сформировались в канун ее столетней годовщины и доминировали в историографии темы в 20–30-х годов. В частности, вслед за

¹ См.: Тарле Е.В. Изучение внешнеполитических отношений России и деятельности русской дипломатии в XVIII–XX вв. // Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской революции: в 2 ч. М.; Л., 1947. Ч. 2. С. 672.

² Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812. С. 6, 7.

³ См.: Там же. С. 6.

⁴ См.: Там же. С. 8.

⁵ См.: Там же. С. 181.

⁶ См.: Там же. С. 177.

⁷ Там же. С. 189.

Покровским Е.В. Тарле скептически относился к итогам выполнения плана полного окружения остатков Великой армии на Березине. Ученый подверг критике полководческую деятельность М.И. Кутузова, считая, что он испытывал боязнь перед «победителем Аустерлица» и не сумел организовать стратегическое взаимодействие своих сил¹. Соответствующим образом в книге подчеркивалось, что стратегический талант Наполеона «развернулся во всю ширь и спас его от, казалось бы, неминуемой капитуляции»².

Критика с интересом приняла новую книгу³. И в настоящее время современные исследователи темы и биографы Е.В. Тарле положительно оценивают это одно из наиболее ярких произведений советской историографии⁴.

Можно отметить, что «Нашествие...» Е.В. Тарле оказало очень большое влияние на развитие всей историографии Отечественной войны 1812 года. Его идеи были восприняты другими историками и перешли в монографии, школьные и вузовские учебники. Этот факт был признан и на официальном уровне в высших партийных инстанциях, где отмечалось, что на книгу Е.В. Тарле «ссылаются как на авторитетный источник многие советские историки, она используется студентами вузов и имеет широкое хождение среди массового читателя»⁵.

¹ См.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 265–271, 272–273.

² См.: Там же. С. 265.

³ См.: Предтеченский А. [Рецензия] // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 178–181. Рец. на кн.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; Сыроечковский Б. [Рецензия] // Книга и пролетарская революция. 1938. № 12. С. 77–80. Рец. на кн.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; Данин Д. [Рецензия] // Знамя. 1939. № 1. С. 296–302. Рец. на кн.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; Зотин Б. [Рецензия] // Книжные новости. 1938. № 12. С. 7–8. Рец. на кн.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; Леонтьев А. [Рецензия] // Советское студенчество. 1938. № 9. С. 77. Рец. на кн.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938; Молок А. [Рецензия] // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 118–123. Рец. на кн.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.

⁴ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 57–60; Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Навеки в памяти народной // Тарле Е.В. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С. 466–492; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 66; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 37–54; Троицкий Н.А. Евгений Викторович Тарле. 1874–1955 // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 5. М., 1998. С. 98.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 17. Д. 133. Л. 16–17.

Середина 30-х годов была отмечена сталинской победой во внутрипартийной борьбе за руководство партийным и государственным аппаратом. Авторитарный стиль окончательно утвердился в работе партийных и государственных органов. Подобный метод работы распространился в исторической науке, где постепенно начало формироваться стереотипное мышление.

С большой долей объективности можно говорить о том, что формирование новой концепции Отечественной войны 1812 года во второй половине 30-х годов осуществлялось с учетом мнений и замечаний И.В. Сталина. Культ его личности оказал большое влияние на советскую историческую науку, что проявилось в ориентации большинства исторических исследований на сталинские идеи. Любые высказывания «вождя народов» на историческую тематику воспринимались как важные методологические положения, обязательные к разъяснению. При этом работу ведущих кадров советских историков ориентировали на партийные директивы¹.

Позицию Сталина по истории наполеоновских войн во второй половине 30-х годов автору настоящей монографии удалось проследить по сталинским отметкам, оставленным при редактировании школьных учебников, готовившихся к изданию в 1935 и 1937 гг. Их оригинал-макеты в настоящее время находятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)². Как следует из сделанных правок, у Сталина не вызывали особых возражений характеристики Наполеона как выдающегося полководца, ставленника крупной французской буржуазии и гаранта революционных буржуазных завоеваний от реставрации монархии Бурбонов. Одобрительного подчеркивания удостоилось выражение о том, что к 1810 г. вся Европа должна была покориться французскому императору, а границы двинулись на восток. Оставлены без исправлений объяснения экономических причин войны, планов противоборствующих сторон, факторов, приведших французов к поражению, итогов войны и т. п.³ Стрелками Сталин указал на противоречивые, по его мнению, места, где в одном случае указывалось, что с подходом французских войск крестьяне поднимались против своих помещиков, а в другом, что крестьянские отряды встре-

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 7. Л. 3–3 об.; Д. 30. Л. 1.

² См.: Минц И.И., Мохровец Е.А., Нечкина М.В. и др. Элементарный курс истории СССР: для начальной школы: в 2 ч. М., 1935. Ч. 2. С. 41–46 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 218; Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории / под руков. проф. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 76–80 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 219.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 218. С. 42–43.

чали французов вооружившись вилами, топорами и дубинами¹. Непонятным для вождя осталась авторское резюме о том, что французские генералы и офицеры держали сторону русских помещиков и заставляли крестьян покоряться власти господ². А на вывод: «Русские помещики отстояли свою империю», – Сталин откликнулся фразой: «Так вульгарно и непонятно!»³

Сталинские правки свидетельствуют о том, что у главы Советского государства имелись свои, отличные от М.Н. Покровского, взгляды на историю Отечественной войны 1812 года. Идеи вождя посредством ленинских цитат передавала упомянутая публикация К. Селезнева «О войне 1812 года»⁴.

Новый методологический подход послужил основанием для пересмотра концепции М.Н. Покровского, критика идей которого велась организованно и целенаправленно. В свете упомянутого постановления от 14 мая 1934 г. и последовавшего за ним партийно-правительственного сообщения от 26 января 1936 г.⁵ господствовавшие воззрения объявлялись антинаучными, антиленинскими и ликвидаторскими, а историки нацеливались на преодоление ошибочных взглядов «так называемой исторической школы Покровского»⁶. В рамках развернувшейся кампании взгляды Покровского на историю нашествия Наполеона на Россию также были признаны несостоятельными. Общепринятой в то время можно считать точку зрения Б.Б. Кафенгауза, подчеркнувшего, что «при описании войны 1812 года Покровский совершенно извратил действительный ход событий»⁷. В контексте подобных суждений ее история была кардинальным образом пересмотрена.

Основными оппонентами ученому выступили Е.В. Тарле, В.И. Пичета и А.Л. Попов. *Тарле* одним из первых из советских историков откликнулся на призыв партии к разоблачению «антиленинских» взглядов в изучении войны 1812 года, обвинив Покровского в повторении «шаблонной французско-шовинистической теории» о наполеоновской «невинности»⁸.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 218. С. 44–45.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 45.

⁴ См.: Селезнев К. О войне 1812 года. С. 16–24.

⁵ См.: На фронте исторической науки: В совнарком Союзу ССР и ЦК ВКП(б) // Борьба классов. 1936. № 2. С. 4–5.

⁶ См.: Там же. С. 4–5.

⁷ См.: Кафенгауз Б.Б. Военно-историческая литература в СССР за 25 лет. С. 106.

⁸ См.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. С. 5.

В свою очередь, *В.И. Пичета* отмечал, что *М.Н. Покровский* не сумел преодолеть недостатков предшествующей ему русской дореволюционной историографии и слишком доверчиво отнесся к французским мемуарам о походе Наполеона в Россию. Развивая свои мысли в этом ключе, оппонент критически проанализировал с точки зрения новых концептуальных взглядов основополагающие элементы общей позиции *Покровского*¹.

Подобным образом *А.Л. Попов*, анализируя внешнеполитический аспект концепции *М.Н. Покровского*, подчеркнул его неумение вскрыть тот узел международных противоречий, который привел к войне 1812 года². Статьи *Пичеты* и *Попова*, как и книга *Тарле*, оказали сильное влияние на дальнейшее развитие историографии темы, поскольку наиболее полно отвечали общим идеологическим установкам партии.

В условиях массовых репрессий, развернувшихся против научной интеллигенции в конце 30-х годов, какая-либо альтернатива сталинской точке зрения была невозможна. В зависимости от ситуации Сталин в одночасье мог покарать или защитить. Применительно к развитию историографии 1812 г. это наглядно проявилось в событиях, развернувшихся вокруг книги *Е.В. Тарле* «Наполеон». Получившая огромную популярность книга, внезапно была подвергнута одновременной ожесточенной критике в центральных газетах «Правда» и «Известия». Авторы статей навесили историку ярлык «изголодавшегося контрреволюционного публициста», а книгу признали «ярким образцом враждебной вылазки»³.

¹ См.: *Пичета В.И.* *М.Н. Покровский о войне 1812 года.* С. 276–302.

² См.: *Попов А.Л.* Внешняя политика самодержавия в XIX в. в «кривом зеркале» *М.Н. Покровского* // Против антимарксистской концепции *М.Н. Покровского*: Сб. ст. М.; Л., 1940. Ч. 2. С. 233.

³ См.: *Константинов А.* История и современность: По поводу книги *Е.В. Тарле* «Наполеон» // Правда. 1937. 10 июня; *Кутузов Д.М.* Против фальсификации истории // Известия. 1937. 10 июня. Этот исторический сюжет уже подробно освещен в исследованиях последнего десятилетия. См.: *Чернецовский Ю.* Как Сталин спас Наполеона: страницы биографии академика *Тарле* // Советская культура. 1989. 5 декабря; *Чапкевич Е.И.* Страницы биографии академика *Е.В. Тарле.* С. 47–48; *Троицкий Н.А.* Отечественная война 1812 года: история темы. С. 43–46; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович *Тарле* и петербургская школа историков. С. 58–65; *Кен О.Н.* «Работа по истории» и стратегия авторитаризма. 1935–1937 гг. // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. СПб., 1997. С. 108–117; *Его же.* Между *Цезарем* и *Чингисханом.* «Наполеон» *Тарле* как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х года // Клио. СПб., 1998. № 3, 6. С. 67–83; и др.

Характеризуя сложившуюся ситуацию с критикой «Наполеона» современные биографы Е.В. Тарле справедливо отмечали, что публикация подобных статей «являлась прелюдией к немедленному аресту»¹. Действительно, не трудно было бы определить дальнейшую судьбу Е.В. Тарле, если бы в дело не вмешался И.В. Сталин. Этот факт аргументируется сталинским письмом к академику от 30 июня 1937 г.² В настоящее время причины нападков на Е.В. Тарле объясняются по-разному. Одна из распространенных гипотез состоит в том, что Сталин сам инспирировал данный инцидент с целью «приручить» популярного ученого и сделать из него покладистого официального историка³. Другие считают подобную версию мотивированной исключительно верой во всеислие вождя и документально не подтвержденной⁴. С подобными возражениями трудно не согласиться. В настоящее время можно лишь гипотетически обвинять Сталина как инициатора травли Тарле. Архивные изыскания, предпринятые автором настоящей монографии с целью документального подтверждения подобных предположений, пока не увенчались успехом. В фондах партийного архива (РГАСПИ), относящихся к 1937 г., каких-либо следов, позволяющих прояснить ситуацию, обнаружить не удалось.

Заступничество И.В. Сталина за Е.В. Тарле можно объяснить тем, что в целом взгляды историка соответствовали собственным убеждениям главы советского государства. Эту мысль, которая уже высказывалась в современной литературе⁵, можно аргументировать сравнительным анализом содержания «Наполеона» с упомянутыми редакторскими правками Сталина в учебниках по истории для началь-

¹ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 59.

² Текст этого письма неоднократно печатался в перечисленных выше исследованиях. Документ вводился в научный оборот по экземпляру машинописной копии, подписанной И.В. Сталиным, хранящейся ныне в архиве Российской академии наук (РАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 85). В настоящее время удалось установить местонахождение первоисточника – черновика карандашного автографа сталинского письма. Вместе со вторым экземпляром его машинописной копии он подшит в деле «Переписка Сталина И.В. с Тарле Е.В.» в: РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 1, 2.

³ См.: Чернецовский Ю. Как Сталин спас Наполеона: страницы биографии академика Тарле; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 47.

⁴ См.: Кен О.Н. «Работа по истории» и стратегия авторитаризма. 1935–1937. С. 116.

⁵ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 45.

ных школ. Более того, биографами Тарле выяснено, что глава партии лично следил за подготовкой книги, был одним из первых ее читателей и в целом остался доволен новым сочинением о Наполеоне¹.

Во всех случаях в подоплеке затеянной психологической комбинации с «приручением» Е.В. Тарле расчет, если он имелся, оказался верным. До настоящего времени оставалось неизвестным, что 6 июля 1937 г. из Ленинграда историк отправил Сталину ответное благодарственное письмо².

Фабула послания объясняет, почему Тарле, несмотря на поддержку, открыто не вступил в полемику со своими рецензентами. Покровительство Сталина, столь явно выраженное в письме от 30 июня 1937 г., делало для Тарле такую дискуссию неактуальной. Ведь протекция вождя давала определенные гарантии личной неприкосновенности и открывала перспективу дальнейшей научной деятельности. В духе своего времени Тарле пытался закрепить проявленное к нему свыше благосклонное расположение. Отсюда его заверения «с еще большей энергией работать» над выполнением сталинских указаний «касательно преподавательской и исследовательской работы в области истории». Содержащиеся в письме экспрессивно-нелице-приятные характеристики положения дел на «историческом фронте» и «личного состава наших историков», можно объяснить стремлением автора письма усилить внимание адресата к верноподданническим заявлениям. Содержание краткой резолюции Сталина свидетельствует о том, что вождь остался вполне удовлетворен увещеваниями Тарле.

В последующие издания «Наполеона» Е.В. Тарле в угоду И.В. Сталину и в духе замечаний, высказанных в рецензиях А. Константинова и Д.М. Кутузова, вносил необходимые коррективы³.

Таким образом, во второй половине 30-х – начале 40-х годов в изучении истории Отечественной войны произошли существенные сдвиги. Господствовавшие в 20-х – начале 30-х годов воззрения

¹ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 58; Чапкевич Е.И. Указ. соч. С. 47; Кен О.Н. Между Цезарем и Чингисханом. «Наполеон» Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х гг. С. 67–68; и др.

² РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 3–3 об. Полностью опубликовано в журнале «Исторический архив». См.: Шеин И.А. Академик Е.В. Тарле и власть. Письма историка И.В. Сталину и Г.М. Маленкову. 1937–1950 гг. // Исторический Архив. 2001. № 3. С. 103.

³ Сравнительный анализ первого и последующих изданий «Наполеона» см.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 61–64.

М.Н. Покровского по этой проблеме были существенным образом пересмотрены на основе сталинско-ленинских методологических установок. Дальнейшее развитие они получили в период борьбы советского народа с немецко-фашистскими захватчиками и в послевоенный период.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. вызвала закономерное усиление внимания современников к военной истории нашей страны. На этот раз традиции борьбы русского народа с Наполеоном были призваны будить в советских людях уверенность в победе. Необходимые для этого исторические аналогии проводились в первых официальных заявлениях Советского правительства и в редакционных статьях газет и журналов по поводу гитлеровского нападения¹.

Военная пора поставила перед исторической наукой сугубо практические задачи по пропаганде военного прошлого народов Советского Союза и боевых традиций русской армии². Насущные задачи морально-психологической подготовки воинов Красной армии и военно-патриотического воспитания населения страны выявили потребность в большом количестве агитационно-пропагандистской литературы. В свою очередь это способствовало развитию научно-популярного направления в историографии темы. Так, например, написанную Е.В. Тарле в июле 1941 г. популярную брошюру «Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона» издали в очень короткий срок в Ленинграде тиражом в 100 тыс. экземпляров. В 1941–1942 гг. она переиздавалась, в том числе и на различных языках народов СССР, по 5 раз ежегодно³.

И в дальнейшем, в годы войны, тема нашествия Наполеона на Россию находила отражение преимущественно в публицистических статьях и популярных изданиях. Практические потребности определяли тематику публикаций: исторический опыт организации всенародного отпора врагу и ведения партизанской войны⁴, история

¹ См.: Выступление по радио заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова // Исторические записки 1941. № 7–8. С. 9; Победа будет за нами // Военно-исторический журнал. 1941. № 6–7. С. 10; Великая Отечественная война // Исторические записки. 1941. № 7–8. С. 11–12; и др.

² См.: Панкратова А.М. Советская историческая наука за 25 лет и задачи историков в условиях Великой Отечественной войны // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 36.

³ См.: Рутенбург В.И. Тарле ученый и общественный деятель // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 14, 15.

⁴ См.: Бондаренко В.К. Вятское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Киров, 1943; Гербильский Г.Ю. Украинские казачьи полки и

дипломатических отношений¹, роль полководцев в достижении победы², различные аспекты военного строительства³, развитие вопросов военного искусства⁴ и т. п.

По агитационно-пропагандистским соображениям было организовано переиздание наиболее популярных исторических сочинений, вышедших в предвоенные годы. Так, вторым изданием вышла в свет книга *Е.В. Тарле* «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год»⁵. Как и в первый раз, она оказалась актуальной и весьма своевременной. Историк получал множество писем с фронта со словами благодарности в свой адрес. В некоторых из них сообщалось, что книга «запоем читалась большими группами солдат и офицеров»⁶. Сочинение *Е.В. Тарле* вселяло уверенность в победе Красной армии не только у советского народа, но и мировом общественном мнении. В 1942 г.,

украинское ополчение в Отечественной войне 1812 года М., 1943; Бычков Л.Н. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1941; Софинов П. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов; 1942; Червяков Д. Партизанские отряды в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1941. № 6–7. С. 50–61; и др.

¹ См.: Гуткина И.Г. Дипломатические отношения между Англией и Россией в 1810–1812 гг. // Ученые записки ЛГУ. Саратов, 1943. № 87: Сер. гуманитар. наук. С. 48–66; Звавич И. Испания в дипломатических отношениях к России в 1812 году // Исторический журнал. 1943. № 3–4. С. 45–49; Его же. Вероломство Пруссии в отношении России в 1812 году // Исторический журнал. 1944. С. 81–87; Его же. Меттерних и Отечественная война 1812 года // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 100–125; и др.

² См.: Тарле Е.В. Михаил Кутузов. М., 1941; Коробков Н. Кутузов – стратег // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 38–52; Нечкина М.В. Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. М., 1943; Брагин М. Полководец Кутузов. М., 1944; и др.

³ См.: Богданов Г., Воронин Е. Роль М.И. Кутузова в организации тыла русской армии в 1812 году // Тыл и снабжение Красной Армии. 1945. № 9. С. 11–17; Прочко И.С. Русская артиллерия в Отечественной войне 1812 года // Артиллерийский журнал. 1945. № 9. С. 11–20; Рындзюнский П.Г. Кутузов в Тарутинском лагере // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 39–46; и др.

⁴ См.: Берков Е.А. Бородино: К 130-летию // Военная мысль. 1942. № 9. С. 72–83; Его же. Битва за Бородино. М., 1943; Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения // Исторический журнал. 1943. № 8. С. 62–72; Ярославцев А. Стратегия Кутузова в войне 1812 года // Военная мысль. 1945. № 9. С. 26–42; и др.

⁵ См.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. 2-е изд., испр. и доп. М., 1943.

⁶ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 78. Л. 8.

после публикации английского перевода «Нашествия...» лондонским и нью-йоркским издательствами¹, книга была воспринята за рубежом как научно-исторический прогноз о бесперспективности гитлеровской авантюры в СССР².

За редким исключением, вряд ли можно говорить о создании в этот период серьезных научных трудов о войне 1812 года. Фундаментальные проекты исторических исследований, как, например, 12-томная «История СССР», задуманная в 1937–1938 гг. в качестве «труда, подводящего итоги работы... марксистско-ленинской науки»³, были на время отложены. Сложившаяся ситуация потребовала переключения кадров советских историков на деятельность, непосредственно связанную с задачами обороны страны.

Тем не менее в годы Великой Отечественной войны готовились и масштабные комплексные научные работы. В 1943–1945 гг. была опубликована серия статей *И.С. Звавича*, в которых анализировалась деятельность российской дипломатии накануне наполеоновского вторжения в Россию. Публикации представляли собой фрагменты из докторской диссертации «Дипломатическая история Отечественной войны 1812 года». Однако преждевременная кончина историка оставила это научное исследование незавершенным⁴.

В 1945 г. в Киевском госуниверситете были защищены диссертации *В.Н. Котова* и *П.К. Смияна*, представлявшие собой первые попытки советских историков дать свою интерпретацию событий Отечественной войны 1812 года на Украине⁵. Диссертации стали своеобразным откликом на тезисы ЦК КП(б)У, посвященные 130-летию Отечественной войны 1812 года⁶ и имели актуальное значение для пропагандистской работы в связи с развившимся на Украине националистическим движением.

¹ См.: Napoleon in Russia. London, 1942; Napoleon's invasion of Russia. 1812 / trans. by G. M. New York; Toronto, 1942.

² См.: Тарле Е.В. Изучение внешнеполитических отношений России... Ч. 2. С. 672; Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война. 1939–1943. М., 1965. С. 188.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 92.

⁴ Подробнее см.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 68.

⁵ См.: Котов В.Н. Украина в завоевательных планах Наполеона 1: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1945 (на укр. языке); Смиян П.К. Украина в Отечественной войне 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1945 (на укр. языке).

⁶ См.: Отечественная война 1812 года. Киев, 1941 (на укр. яз.).

Всего за время войны советскими историками по исследуемой проблеме в прямой постановке было написано не менее 75 работ¹.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг., несмотря на отсутствие крупных научных трудов по истории нашествия Наполеона на Россию, между тем оказала серьезное влияние на ее развитие. Широкомасштабная агрессия немецкого фашизма против СССР, отступление Красной армии под стены Москвы и ее последующее победоносное наступление до Берлина дали материал для размышлений об исторических параллелях и побуждали исследователей по-новому подойти к оценке событий начала XIX в.

«Краткое обозрение хода той и другой Отечественной войны показывает, как много аналогий можно провести между ними», – писал один из старейших советских историков С.К. Богоявленский в своей неопубликованной работе «Две Отечественные войны»². Подобные мысли высказывал и ведущий исследователь этой темы – Е.В. Тарле³.

Следует заметить, что еще в 1943 г., при подготовке ко второму изданию книги «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год», Е.В. Тарле вносил в текст коррективы, соответствующие духу сложившейся военно-политической обстановки. Например, из содержания работы исключались некоторые негативные характеристики отступления русской армии летом 1812 г. В свою очередь в повествование добавлялись замечания, демонстрирующие единство народов России в борьбе против неприятеля⁴.

События 1941–1945 гг. изменяли воззрения на военную историю не только ученых. Итоги Великой Отечественной войны определили новые подходы к причинам поражения Наполеона в 1812 г. у И.В. Сталина. Возможно, что это происходило под влиянием осознания собственных заслуг в освобождении Отечества от немецко-фашистских захватчиков, которое сформировалось у него к концу войны. Скорее всего, именно в этот период история Отечественной войны 1812 года стала особенно занимать его.

¹ Подсчитано по указателю советской литературы за 1918–1990 гг. См.: История Отечественной войны 1812 года: Указатель советской литературы (1918–1990 гг.).

² Цит. по: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 66.

³ См.: Тарле Е.В. Письмо в редакцию журнала «Большевик» // Большевик. 1951. № 19. С. 71.

⁴ Ср.: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. С. 69–70; 2-е изд. испр. и доп. М., 1943. С. 234. Наброски авторских дополнений к этому изданию хранятся в: АРАН. Ф. 627. Оп. 6. Д. 16.

Новые подходы стали проявляться в повышенном интересе Верховного главнокомандующего к традициям русского полководческого искусства. В речи на параде Красной армии 7 ноября 1941 г. он призывал продолжить славные традиции побед А. Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова¹. Подчеркивая преемственность этих традиций, в 1942–1943 гг. в их честь были учреждены одноименные ордена, которыми награждались военачальники за проявленные отличия в руководстве войсками.

Скорее всего, именно в этот период история Отечественной войны 1812 года стала особенно занимать И.В. Сталина. Лидер советского государства интересовался книгой *М.Г. Брагина* «Полководец Кутузов» со вступительной статьей *Н.А. Левицкого*². Судя по пометкам, оставленным на экземпляре из его личной библиотеки³, содержание книги оказалось созвучно собственным взглядам главы государства на войну 1812 года.

Знакомясь с данной работой, Сталин выделил замечания Н.А. Левицкого о том, что основу полководческого искусства Кутузова составляли действия на коммуникации противника, а основной формой ведения боевых действий стало преследование⁴. В работе самого М. Брагина Сталин отметил положения об агрессивности внешней политики Франции, об отрицательном влиянии континентальной блокады на экономику России, о внезапности нападения Наполеона, о стратегических расчетах Кутузова⁵.

Глава партии был хорошо знаком со статьей Г.П. Мещерякова⁶, которая впоследствии стала предметом обсуждения среди военных историков. Его собственноручные пометки в журнале из личной библиотеки показывают, что вождь одобрительно относился к идее автора статьи о новых явлениях в стратегии начала XIX в., когда «война перестала быть одноактным явлением...» и «в изменившихся условиях, успех в войне уже не мог определяться исходом первого удара»⁷ (подчеркнуто И.В. Сталиным). Можно предположить, что этот тезис преломлялся «вождем нации» на полководческую деятельность

¹ См.: Правда. 1941. 8 ноября.

² См.: Брагин М. Полководец Кутузов. М., 1941.

³ Экземпляр книги издания 1941 г. в настоящее время хранится в: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 25.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 25. С. 3.

⁵ Там же. С. 109, 112, 122, 252–253.

⁶ См.: Мещеряков Г. Клаузевиц и немецкая военная идеология // Военная мысль. 1945. № 6–7. С. 93–110.

⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 46. С. 99.

М.И. Кутузова при определении особенностей стратегии фельдмаршала. Во всяком случае мысль о превосходстве кутузовской стратегии затяжных военных действий над наполеоновской стратегией поражения противника в одном генеральном сражении, в дальнейшем была развита П.А. Жилиным. Она стала краеугольным камнем его работы «Контрнаступление Кутузова в 1812 году»¹, которая получила «высочайшее» одобрение в виде Сталинской премии.

Следовательно, к концу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. довоенные взгляды Сталина на «двенадцатый год» претерпели определенные изменения. В сталинской концепции М.И. Кутузову отводилось главенствующее положение. Его образ в свете очевидных исторических аналогий более всего подходил генералиссимусу для возвеличивания собственной роли освободителя Отечества от иноземных захватчиков. Тоталитарная система управления государством и культ личности способствовали внедрению этой идеи в общественное сознание в гипертрофированных формах.

Анализ партийно-государственных документов военных и первых послевоенных лет, отражающих военно-историческую проблематику, позволяет проследить изменения, которые происходили в них при обращении к личности М.И. Кутузова. В начале войны имя фельдмаршала не выделялось из исторического ряда знаменитых русских полководцев. В последующем образ М.И. Кутузова стал обособляться, что сделало его полководческую деятельность предметом многочисленных специальных исследований советских историков.

В сентябре 1945 г. страна с помпой отметила 200-летие со дня рождения М.И. Кутузова. Этот факт нашел определенное отражение в современных сочинениях, посвященных развитию историографии Отечественной войны 1812 г. Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский отмечали, что подготовительная работа к юбилейным торжествам проводилась на основании постановления «О 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова», принятого Советом Народных Комиссаров Союза ССР 8 сентября 1945 г.² Изучение документальных материалов из фондов РГАСПИ позволяет сделать уточнение, что решение по данному вопросу принималось на Оргбюро ЦК ВКП(б) и было опубликовано от имени СНК Союза ССР³.

В соответствии с постановлением был намечен широкий круг агитационно-пропагандистских мероприятий от проведения лекций

¹ Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. С. 185–186.

² См.: Там же. С. 78.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 231. Л. 7–8.

и бесед до массового просмотра кинофильма «Кутузов»¹. Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило подготовленную Управлением пропаганды и агитации брошюру «Михаил Илларионович Кутузов» и дало указание опубликовать ее в дни предстоящих празднеств 16 сентября в центральных газетах и в очередных номерах журналов «Большевик» и «Военная мысль»². В последующем вышло ее отдельное издание общим тиражом 500 тыс. экземпляров³. Появление постановления и популярной брошюры имело большое значение для развития историографии войны 1812 года. В последующих публикациях отмечалось, что «эти тезисы оказали большую помощь военным историкам в дальнейшей разработке ими коренных вопросов Отечественной войны 1812 г.»⁴ и стали «решительным поворотом во всей литературе, посвященной Кутузову»⁵. Действительно, опубликованные под эгидой Центрального Комитета партии, тезисы определяли конечные выводы, на которые должны были ориентироваться исследователи этой проблемы. Альтернативы в данном случае не допускалось.

Возможно, во время юбилея, планировалось посещение Бородинского поля сражения И.В. Сталиным. На такую мысль наталкивают проведенные в короткие сроки широкомасштабные работы по реконструкции расположенного там музея и облагораживанию территории поля битвы, проведенные в соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 15 августа 1945 г. «О Бородинском военно-историческом музее». В течение двух недель было капитально отремонтировано здание музея, переоборудован и его интерьер. За счет других музеев страны в пятидневный срок были значительно расширены музейные экспозиции. Организовано регулярное автобусное сообщение с Можайском. Начальнику Главного управления связи Красной армии «(г. Пересыпкину)», предписывалось к 5 сентября установить телефонную связь Бородинского музея с Москвой – факт, сам по себе свидетельствующий о том, что в Бородино ожидался визит высоких гостей. Контроль за выполнением предписаний ЦК ВКП(б) возлагался на высокопоставленных чиновников: председателей Совнаркома РСФСР А.Н. Косыгина и исполкома Мособлсовета Тарасова, наркомов промышленности стройматериалов, леса, финансов СССР, начальников тыла и инженерных войск

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 231. Л. 7.

² Там же.

³ См.: Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1946.

⁴ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 63.

⁵ См.: Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. С. 29.

Красной армии и других. Сам музей перевели в 1-ю категорию обеспечения. На финансирование работ выделили немалые средства – 500 тыс. руб. В последующем в течение 1945–1946 гг. планировалось реставрировать расположенные на поле битвы мемориалы Отечественной войны 1812 года¹.

В ходе проходивших в октябре 1945 г. юбилейных научных сессий Института истории АН СССР, кафедры истории СССР МГУ и совместного заседания представителей военных академий в Центральном доме Красной армии была всесторонне оценена историческая роль знаменитого русского полководца². Основной лейтмотив научных докладов неизменно сводился к показу его военного таланта, признанию мудрости стратегии, которая спасла Россию в грозном 1812 г.

Всенародное празднование юбилея М.И. Кутузова, совпавшее с победой СССР над гитлеровским фашизмом, было организовано не случайно, а преследовало решение ряда практических задач. В первых, кутузовская тема являлась прекрасным средством усиления патриотического воспитания масс советских людей. Определенный застой в этой работе, проявлявшийся в пренебрежительном отношении части историков «к прогрессивным явлениям русской истории и выдающимся деятелям России»³, признавался в ЦК ВКП(б). Подобная тенденция, по мнению сотрудников аппарата ЦК, никак не содействовала «воспитанию чувства национальной гордости у советского народа, любви к историческому прошлому нашей родины»⁴. Юбилейные мероприятия должны были в какой-то мере способствовать преодолению имевших место недостатков на этом участке идеологического фронта.

Во-вторых, в научном аспекте в русле начинавшейся кампании борьбы с космополитизмом на юбилейные сессии ведущих научных учреждений возлагалась задача проиллюстрировать тезис о традиционном превосходстве национального военного искусства над воен-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 226. Л. 51–52.

² См.: 200-летие со дня рождения М.И. Голенищева-Кутузова: Сессия Института истории АН СССР // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 10–11. С. 70–73; Коротков И. Научная сессия, посвященная фельдмаршалу Кутузову // Военная мысль. 1945. № 10–11. С. 144–146; М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. М., 1947; Научные сессии, посвященные М.И. Кутузову // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 148–151.

³ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) / публ. И.В. Ильиной // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 197.

⁴ Там же.

ным искусством западноевропейских стран. Постановка этого вопроса актуализировалась победоносным завершением Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Открывая юбилейную сессию 4 октября военных академий генерал-лейтенант Мордвинов во вступительном слове отметил, что «полководческое искусство Кутузова оказалось выше полководческого искусства Наполеона»¹. Эта мысль была развита в докладе А.И. Готовцева, который в свою очередь подчеркнул в стратегии русского полководца отсутствие шаблонов, гибкость, умение своевременно перейти от одних форм ведения боя к другим².

В-третьих, на праздничные торжества возлагалась едва ли не главная задача: в исторической ретроспективе высветить заслуги И.В. Сталина в спасении Отечества и тем самым в очередной раз продемонстрировать мудрость и непогрешимость его политики. Эта подспудная мысль проводилась за счет утверждений о преемственности и развитии И.В. Сталиным лучших образцов русского военного искусства. Так, в заключительных строках брошюры ЦК ВКП(б) «Михаил Илларионович Кутузов» подчеркивалась сложность и трудность задач, стоявших перед Советской Родиной в связи нападением фашистской Германии. Эти задачи, по мнению авторов брошюры, были успешно решены под руководством «гениального полководца Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина» на основе «лучших традиций русского военного искусства, одним из основоположников которого был Кутузов»³. В таком же тоне завершалось и большинство докладов, сделанных в ходе научных юбилейных сессий.

Наметившееся однобокое направление в изучении истории Отечественной войны 1812 года, акцентировавшее внимание исследователей только на полководческом мастерстве М.И. Кутузова, нашло отражение в предъюбилейных и постъюбилейных публикациях в периодической печати⁴. Значительная часть из них имела научно-

¹ Цит. по: Научные сессии, посвященные М.И. Кутузову. С. 149.

² Готовцев А.И. Полководческое искусство М.И. Кутузова // М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии. С. 53, 54.

³ Михаил Илларионович Кутузов: К 200-летней годовщине со дня рождения. С. 34.

⁴ Бескровный Л.Г. Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1945. № 9. С. 20–30; Богданов Г., Воронин Е. Роль Кутузова в организации тыла русской армии // Тыл и снабжение Красной Армии. 1945. № 9. С. 11–17; Окунь С. Полководческое искусство Кутузова // Пропаганда и агитация: Журнал Ленинград. обл. и гор.

популярный характер и была предназначена для проведения докладов и бесед в воинских и трудовых коллективах.

Дальнейшее влияние на развитие этой линии оказал ответ И.В. Сталина на письмо начальника кафедры военной истории Военно-педагогического института полковника Е.А. Разина. Причины появления сталинского ответа¹ уже рассматривались в современных исследованиях². Однако большинство исследователей указывали только на внешнюю сторону появления данной публикации – стремление разрешить дискуссию вокруг работ Клаузевица, подвергнутых критике в указанной нами статье Г.П. Мещерякова. Между тем есть все основания полагать, что письмо Е.А. Разина послужило предлогом И.В. Сталину изложить не только свое отношение к работам Клаузевица, но и в контексте этой проблемы свое видение роли и места Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Тем самым был продолжен начатый в 1945 г., курс на утверждение в свете исторических параллелей выдающихся заслуг нового генералиссимуса в военной истории России.

В своем ответном письме³ И.В. Сталин высказал замечания лишь по одному вопросу войны 1812 года – о полководческом искусстве М.И. Кутузова. Анализ сталинских ремарок позволяет отметить три важных положения. Во-первых, Кутузов особо выделялся из плеяды русских полководцев этого исторического периода. В противовес мнению Энгельса, фельдмаршал как военачальник был охарактеризован «двумя головами выше Барклая де Толли»⁴. Во-вторых, полководческое искусство Кутузова признавалось основным фактором в достижении победы над вторгнувшимся в пределы страны неприятелем; полководец, как указывал Сталин, «загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»⁵.

комитетов ВКП(б). 1945. № 18. С. 11–20; Рындзюнский П. Кутузов в Тарутинском лагере // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 39–46; и др.

¹ См.: Большевик. 1947. № 3. С. 6–8.

² Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Указ. соч. С. 103; Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Указ. соч. С. 482; Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле. М., 1994. С. 162; Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 47–48.

³ В настоящее время исследователи получили доступ к оригиналам переписки Разина со Сталиным, которая вместе с комплексом других документов была передана в 1999 г. из Архива Президента РФ в РГАСПИ (Ф. 558. Оп. 11. Д. 794). Проведенное нами сравнение первоисточников с журнальной публикацией показало, что они воспроизведены в журнале без изъятий и купюр.

⁴ См.: Большевик. 1947. № 3. С. 7–8.

⁵ Там же. С. 8.

И, наконец, в-третьих, контрнаступление было определено как основная форма военных действий, приведшая русскую армию к успеху.

По сути, в сталинском ответе Е.А. Разину советские историки получили методологические ориентиры, отвечающие амбициозным замыслам вождя нации. В данном случае историческая роль Кутузова приобретала четкие очертания и позволяла провести необходимые аналогии с современностью. В духе сталинских суждений и стала развиваться советская историографии войны 1812 года. На доказательство тезисов вождя было направлено большинство исследований конца 40-х – первой половины 50-х годов.

Одним из первых, кто уловил сделанный социальный заказ, стал слушатель военной академии им. М.В. Фрунзе П.А. Жилин. По свидетельству обучавшегося с ним писателя В. Карпова, подготовленная Петром Андреевичем дипломная работа на тему кутузовского контрнаступления была замечена, развернута в диссертацию и в 1950 г. опубликована в виде монографии¹. Сочинение получило широкую огласку и было в целом положительно воспринято критикой². Мировоззренческие позиции автора, отражавшие взгляды И.В. Сталина, естественно, не могли вызывать каких-либо возражений. Наоборот, такой авторский подход одобряли все рецензенты. Критическому анализу были подвергнуты лишь некоторые частные вопросы, не затрагивающие основной идеи книги, – о гениальности стратегического таланта Кутузова.

Почти одновременно с П.А. Жилиным свои исследования истории нашествия Наполеона на Россию проводил *Любомир Григорьевич Бескровный*. В 1951 г. вышла его первая монография «Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова»³. В отличие от исследования Жилина работа Бескровного по хронологии охватывала всю войну 1812 года, а не только ее заключительную часть. Выполненная преимущественно на архивных материалах, она в значительной мере

¹ См.: Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира: литературная мозаика // Знамя. 1989. 12 декабря. С. 152–153.

² См.: Бескровный Л.Г. Ценный вклад в военно-историческую науку: О книге лауреата Сталинской премии П.А. Жилина «Контрнаступление Кутузова в 1812 году». М., 1950 // Пропагандист и агитатор Сов. Армии. 1952. № 11. С. 58–63; Гарнич Н. Ценный труд о Кутузове // Новый мир. 1951. № 8. С. 272–274; Зубков К. История Отечественной войны 1812 года: П.А. Жилин «Контрнаступление Кутузова в 1812 году». М., 1950 // Военный вестник. 1951. № 9. С. 58–63; Линков Я.И., Альтшуллер Р.Е., Муратов Х.И. П.А. Жилин «Контрнаступление Кутузова в 1812 году». М., 1950 // Советская книга. 1951. № 8. С. 59–64.

³ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951.

дополняла фактическую сторону исследуемой проблемы, но по конечным выводам представляла собой аналог монографии Жилина. Таким образом, все сталинские концептуальные установки о ведущей роли Кутузова в войне получили необходимую аргументацию. Это в целом добросовестное исследование талантливого военного историка получило высокую оценку академика Тарле, который считал, что автор «вполне научно подошел к освещаемому им вопросу»¹.

Отвечающие складывавшейся конъюнктуре, одобренные критикой книги П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного сразу поставили их авторов в полбжение лидеров среди исследователей Отечественной войны 1812 года. Некоторые из современных историографов объясняли такой успех тем, что данные работы скрывали ошибки И.В. Сталина, допущенные им в 1941 г. Так, по мнению Е.И. Чапкевича, П.А. Жилин стал основным распространителем версии о том, что Сталин, как и М.И. Кутузов, специально допустил немцев под Москву, чтобы затем их разгромить, как это некогда сделал великий русский полководец. Эта концепция вполне удовлетворяла «вождя народов», который одобрил монографию начинающего ученого. Как утверждал Чапкевич, в конце 40-х – начале 50-х годов такие воззрения получили отражение в работах Л.Г. Бескровного и ряда других советских историков². Однако подобные научные построения исследователь делал, доверившись документально не аргументированным и потому малоубедительным, заявлениям В.В. Карпова³.

Углубленное изучение трудов П.А. Жилина, Л.Г. Бескровного, а также других монографий и научной публицистики тех лет позволяют высказать сомнение в правильности точки зрения В.В. Карпова и его сторонников. Прямых исторических аналогий, о преднамеренном заманивании И.В. Сталиным немецко-фашистских войск под Москву, в работах советских историков обнаружить не удалось. Впрочем, и сам Е.И. Чапкевич какое-то время не до конца был уверен в основательности умозаключений Карпова, предпочитая им более простую версию о влиянии на советскую историографию сталинского ответа полковнику Е.А. Разину⁴.

¹ Тарле Е.В. Послесловие // Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. С. 174–179.

² См.: Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 52; Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Навеки в памяти народной // Тарле Е.В. Отечественная война 1812 года. Избранные произведения. М., 1994. С. 48; Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... С. 193.

³ См.: Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира: литературная мозаика. С. 152.

⁴ См.: Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 52.

Тем не менее ради объективности заметим, что общий тон основной массы послевоенных публикаций вполне мог ассоциироваться с высказанной В.В. Карповым идеей. Этим, собственно говоря, и можно объяснить публичные заявления известного советского литератора.

Активным пропагандистом сталинских воззрений в начале 50-х годов зарекомендовал себя старший преподаватель Высшей военной академии им. К.В. Ворошилова генерал-майор *Николай Федорович Гарнич*. Автор нескольких научно-популярных статей и брошюр об Отечественной войне 1812 года¹, он в 1952 г., опираясь на свои предшествующие труды, выпустил книгу «1812 год», в которой добросовестно развил заданные И.В. Сталиным установки на роль М.И. Кутузова в освобождении страны от наполеоновского нашествия². Желая услышать признание своих научных заслуг, военный историк усиленно добивался «объективной» критики этого научного труда. 29 сентября 1952 г. на заседании ученого совета Института истории АН СССР, посвященном 140-летию Бородинского сражения, он выступил с докладом «Бородинская битва и ее историческое значение»³, в котором изложил основные положения своей новой работы. В заключительном слове докладчик выразил сожаление, что аудитория не проявила должного внимания к его научным изысканиям, что в адрес доклада не прозвучало «снайперской стрельбы»⁴. Неудовлетворенное авторское самолюбие заставило Н.Ф. Гарнича обратиться за рецензией непосредственно к «товарищу Сталину»⁵. Письмо, однако, до И.В. Сталина не дошло, но по поручению А.Н. Поскребышева работа была передана на рецензирование к

¹ См.: Гарнич Н.Ф. Бородинское сражение. М., 1949; Он же. Михаил Илларионович Кутузов // Знамя. 1948. № 5; Он же. Отечественная война 1812 года: Стенограмма публичной лекции. М., 1949; Он же. Русское военное искусство в начале XIX в. Великий русский полководец М.И. Кутузов // История военного искусства: Сб. материалов: Вып. 1–5. М., 1951. Вып. 2. С. 62–191; Он же. Ценный труд о Кутузове // Новый мир. 1951. № 8. С. 272–274.

² См.: Гарнич Н.Ф. 1812 год. М., 1952.

³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 283. Л. 75. Содержание доклада см.: АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 293.

⁴ Там же. Д. 295. Л. 108.

⁵ Подлинник письма храниться в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 517. Л. 138–141. Опубликовано вместе с рецензиями Л.Г. Бескровного и П.А. Жидрашова С. Кудряшовым без точных ссылок на архивный фонд в 1992 г. См.: Кудряшов С. Кутузов был выше двумя головами... // Родина. 1992. № 6–7. С. 169–170.

Л.Г. Бескровному и П.А. Жилину. Сочинение рецензентам не понравилось. По мнению Л.Г. Бескровного, хотя Н.Ф. Гарнич и опирался на выводы «специальных исследований, посвященных организации и проведению контрнаступления гениальным русским полководцем М.И. Кутузовым»¹, однако в своей работе он не сумел подняться до уровня научных обобщений. По этой причине, как отмечалось в рецензии, «книга т. Гарнич не является исследованием и носит, так сказать, научно-популярный характер»². Тем не менее Л.Г. Бескровный признавал полезность проделанной работы и предлагал после доработки «дать новое издание»³.

Жилин был более категоричен. Он прямо заявил, что «автор, взявшись за написание важной исторической темы, подошел к ее решению несерьезно, безответственно, без достаточного знания вопроса, результатом чего и явилась в целом неудачная книга об Отечественной войне 1812 года»⁴.

На основе их критических рецензий в аппарате ЦК было признано, что работы Н.Ф. Гарнича «являются популярным изложением истории Отечественной войны 1812 года, в них отсутствует самостоятельная научно-исследовательская разработка вопроса»⁵. Тем не менее низкий научный уровень исследования не стал препятствием к очередному переизданию книги. После определенной доработки она повторно вышла в 1956 г. тиражом в 75 тыс. экземпляров!!!⁶

Объяснение феномена такой популярности отвергнутого рецензентами труда дано современными историографами «двенадцатого года». Так, по выражению Н.А. Троицкого, выполненная «в ухарском стиле» книга Н.Ф. Гарнича стала крайним выражением квазипатриотической тенденции, заложенной Л.Г. Бескровным и П.А. Жилиным. Это, по мнению историографа, стало решающим мотивом для выдвижения «хлестаковского опуса» на соискание Ленинской премии⁷.

Новые выводы о роли Кутузова в войне 1812 года, сделанные на основании высказываний Сталина, находились в определенном противоречии с концепцией Е.В. Тарле. Здесь уже отмечалось, что его

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 517. Л. 142.

² Там же. Л. 145.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 153.

⁵ Там же. Л. 154.

⁶ См.: Гарнич Н.Ф. 1812 год. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1956.

⁷ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 51–52.

предвоенные взгляды занимали доминирующее положение в советской исторической науке. На них было построено большинство вузовских учебников тех лет, некоторые монографии и т. п. Не будет большой ошибкой утверждать, что после громкого успеха «Наполеона» и «Нашествия Наполеона на Россию» историк фактически отошел от углубленной исследовательской работы в области истории Отечественной войны 1812 года. Его публикации по этой теме в 1941–1950 гг. носили скорее пропагандистский, чем научный характер¹.

В 1948 г. Е.В. Тарле получил ответственное правительственное задание написать историческую трилогию «Русский народ в борьбе против агрессоров в XVIII–XIX вв.» о нашествиях на Россию Карла XII, Наполеона и Гитлера. Предложение исходило непосредственно от И.В. Сталина. Личная заинтересованность вождя в создании пером талантливого историка своеобразной летописи наиболее героических страниц нашей Родины вполне объяснима предшествующим изложением его честолюбивых замыслов. В рамках общей исторической канвы в каждой из монографий должна была прославляться роль освободителей русского народа: Петра I, М.И. Кутузова и, соответственно, И.В. Сталина.

Получив «очень трудное и вместе с тем... лестное и почетное, – по словам самого Е.В. Тарле, – предложение»², историк правильно понял, что от него требовалось. В письме к А.С. Ерусалимскому он заявлял о своем намерении ярче выяснить «личность народного героя (и до, и во время, и после 1812 г.)» и не заставить «того, кто нашел меня достойным такого поручения, особенно в своем выборе раскаиваться»³. Выполняя ответственное поручение, Тарле энергично взялся за дело. В отчете о проделанной работе за 1949 г. он уже докладывал о готовности первой части заказанной трилогии «Шведское нашествие на Россию в 1705–1709 гг.» общим объемом 38 п. л. к изданию⁴. 12 июня

¹ См.: Тарле Е.В. Две отечественные войны. М.; Л., 1941; Он же. Михаил Кутузов. М., 1941; Тарле Е.В. Начало конца // Большевик. № 11–12. 1941. С. 32–37; Он же. Гитлеровщина и наполеоновская эпоха. М.; Л., 1942; Он же. Гибель наполеоновской армии в России // Красноармеец. 1942. № 22. С. 12–13; Он же. Отечественная война 1812 года и Михаил Илларионович Кутузов // Героическое прошлое русского народа: Сокращенные и переработанные стенограммы лекций, прочитанных на сборе фронтовых агитаторов. М., 1943. С. 104–113; и др.

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 295. Л. 9.

³ Цит. по: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 97.

⁴ АРАН. Ф. 627. Оп. 3. Д. 6. Л. 1. Указанная работа после существенной переработки под заглавием «Северная война и шведское нашествие на Россию» была опубликована издательством «Соцэкгиз» в 1958 г.

1950 г. ученый, вместе с сопроводительным письмом, представил рукопись труда на суд заказчика¹. Ранее этот факт в литературе не упоминался, поскольку не имел документального подтверждения. Как это видно из содержания письма И.В. Сталину, историк делился своими замыслами по выполнению сделанного ему правительственного заказа. При этом он попутно замечал, что приступил к написанию второй части трилогии о наполеоновском нашествии на Россию и, главное, готов остаток жизни посвятить созданию третьей и последней части «(о немецко-фашистской агрессии и ее позорном провале в 1941–1945 гг.)»². Можно согласиться с мнением Б.С. Кагановича, что в данном труде, построенном по канонам того времени, Е.В. Тарле выполнил «все возможные установки»³.

Как явствует из того же отчета историка за 1949 г., в партийных верхах сочли, в нарушение хронологической последовательности, более актуальным перейти к разработке последней части указанной трилогии, чем Е.В. Тарле и планировал заняться в 1950 г., приступив к сбору материала. По этой причине он информировал руководство Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, что откладывает работу о 1812 годе⁴.

Занятый в 1941–1950 гг. изучением Крымской войны 1853–1856 гг., внешней политики Екатерины II, истории русского военного флота, эпохи Северной войны 1700–1721 гг., известный ученый начиная с 1944 г. фактически перестал публиковаться по вопросам истории Отечественной войны 1812 года⁵. Получалось так, что в послевоенный период академик, чувствуя свою защищенность в связи с выполнением высокого правительственного заказа, не спешил заявлять о корректировке своих воззрений в свете сталинских высказываний. В некоторых современных биографических исследованиях о творчестве Е.В. Тарле эта медлительность объяснялась принципиальным нежеланием историка прославлять исторические заслуги И.В. Сталина. Так, по мнению В.А. Дунаевского и Е.И. Чапкевича, ученый, «не разделяя всеобщей... эйфории по поводу роли

¹ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 807. Л. 5; Д. 808, 809, 810.

² Там же. Д. 807. Л. 5.

³ См.: Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 97, 98.

⁴ АРАН. Ф. 627. Оп. 3. Д. 6. Л. 1.

⁵ Судя по наиболее полной библиографии трудов Е.В. Тарле, составленной В.К. Иконовым и Н.В. Ширяевой, за 1944–1950 гг. им опубликована всего одна статья в журнале «Огонек» (1947) и предисловие к книге Ф.Д. Гарина «Изгнание Наполеона», вышедшей в 1948 г. См.: Тарле Е.В. Сочинения. С. 505–510.

И.В. Сталина в Великой Отечественной войне... под различными предложениями уклонялся от этого требования»¹.

Представляется маловероятным, что Е.В. Тарле стремился в таком важном вопросе хоть в чем-нибудь противоречить И.В. Сталину. Примером тому может служить до настоящего времени не известное научной общественности письмо историка к Г.М. Маленкову². Поводом для письма послужила критическая статья Н. Яковлева в журнале «Большевик» о работе Е.В. Тарле «Крымская война»³. Содержание документа пронизано стремлением доказать, что историк всю свою деятельность подчинял личным указаниям вождя и в научном творчестве исходил из сталинских методологических установок⁴. В письме Е.В. Тарле пытался выяснить отношение к своей работе в партийных верхах и конкретно ставил вопрос: «доверяют ли мне или нет?»⁵. Чтобы разрешить всякие сомнения на этот счет, он всячески подчеркивал свою полезность для идеологической работы партии⁶. Завершается письмо восторженным дифирамбом в адрес Г.М. Маленкова: «Советские историки глубоко чтут Вас, и Вас мы все (я говорю не только от своего имени) знаем, уважаем и любим»⁷.

Содержание приведенного письма свидетельствует о том, что Евгений Викторович чутко следил за отношением к своему творчеству в партийных верхах, всячески стремился подчеркнуть полную лояльность к существующему режиму и готовность к сотрудничеству с ним. В связи с этим представляются необоснованными суждения о том, что историк пересматривал свои взгляды исключительно под давлением сверху, «вынужденно, в разладе с самим собой»⁸.

¹ Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Навеки в памяти народной. С. 483. Эта мысль повторялась Е.И. Чапкевичем и в его последней монографии. Однако подобные утверждения находятся в определенном противоречии с другим авторским суждением о том, что «Е.В. Тарле прекрасно понимал, что любой, даже малейший протест против разгула сталинщины приведет его на плаху...» См.: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле. М., 1994. С. 163, 121.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 108–111 об. Полностью опубликовано в журнале «Исторический архив». См.: Шейн И.А. Академик Е.В. Тарле и власть. С. 103–105.

³ См.: Яковлев Н.Н. О книге Е.В. Тарле «Крымская война» // Большевик. 1945. № 13. С. 63–72.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 108.

⁵ Там же. Л. 109 об.

⁶ Там же. Л. 110–110 об.

⁷ Там же. Л. 110 об.

⁸ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 49.

Тем не менее молчание Е.В. Тарле было воспринято в верхах ЦК ВКП(б) как игнорирование им новых веяний в исторической науке, что стало одной из главных причин его критики.

В современной историографии обстоятельства этой критики уже рассматривались в работах Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, Б.С. Кагановича, Н.А. Троицкого, Е.И. Чапкевича¹. Однако некоторые суждения высказывались ими чисто гипотетически, без должной аргументации. Даже наиболее документально обоснованная версия Е.И. Чапкевича страдает существенными погрешностями в изложении последовательности происходивших событий. Например, ошибочно утверждение исследователя о том, что обсуждение взглядов Е.В. Тарле в Институте истории АН СССР было приурочено к 140-й годовщине Бородинского сражения². Не соответствует действительности мнение, что академик обратился за содействием к Сталину после этого обсуждения³. Упущено из виду, что вопрос о критике Е.В. Тарле выносился на Секретариат ЦК. Без достаточно веских аргументов был сделан вывод о том, что истинным вдохновителем травли Е.В. Тарле стал И.В. Сталин⁴. Более обстоятельное изучение архивных фондов РГАСПИ и Архива РАН позволило конкретизировать многие спорные и еще не достаточно изученные вопросы.

Как показал анализ архивных материалов, в качестве главного оппонента академику был избран директор Бородинского исторического музея С.И. Кожухов. Его непосредственная причастность к публикации критической статьи в адрес Е.В. Тарле определила в современной историографии определенную недоброжелательность к личности этого человека. Такие оценки представляются не совсем оправданными. Справедливости ради следует заметить, что Сергей Иванович был подлинным энтузиастом своего дела. Во многом благодаря его усилиям сразу после Великой Отечественной войны были начаты восстановительные работы на Бородинском поле. Так, в январе 1945 г. он обратился к секретарю ЦК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакову

¹ См.: Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Навеки в памяти народной. С. 484–485; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 98; Троицкий Н.А. Евгений Викторович Тарле. 1874–1955. С. 100–101; Его же. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 47; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 52–53; Его же. Пока из рук не выпало перо... С. 162–163.

² См.: Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Указ. соч. С. 486.

³ См.: Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 53.

⁴ См.: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... С. 163.

с письмом¹, в котором обрисовал бедственное положение Бородинского музея и его сотрудников. В письме были высказаны конкретные предложения по улучшению работы и восстановлению разрушенных мемориалов. Одновременно С.И. Кожухов выступил с инициативой придать музею более высокий статус и превратить Бородинское поле, «где остались следы двух Отечественных войн, в Бородинский государственный заповедник»². В ходе готовившегося празднования 200-летнего юбилея М.И. Кутузова высказанные директором музея предложения оказались весьма актуальными. В результате было проведено упомянутое заседание Оргбюро ЦК ВКП(б) от 15 августа 1945 г. и музей принял новый облик.

С.И. Кожухов не ограничивал музейную работу только сборанием и сохранением музейных экспонатов. По его замыслу Бородинский музей должен стать и одним из центров исследовательской работы о кульминационном событии 1812 г. (что с 1992 г. реализуется ежегодным проведением всероссийских конференций, посвященных событиям не только Бородинского сражения, но и Отечественной войны 1812 года в целом). В связи с этим он еще в конце 30-х годов взялся за написание истории Отечественной войны под названием «Двенадцатый год», которую «мечтал издать как научные труды Бородинского музея»³.

В своей работе С.И. Кожухов пытался доказать несостоятельность дореволюционной историографии 1812 г., которая, по его словам, сознательно фальсифицировалась «династией Романовых... от первой до последней страницы»⁴. Историк высказал неудовлетворенность и работами советского периода, считая что «советские историки во главе с академиком Е.В. Тарле незаметно для себя сделали носителями многих... легенд»⁵. Основной недостаток в исследованиях известного ученого и его последователей Кожухов усматривал в забвении кутузовской документации и преувеличении французских первоисточников, не желании делать анализ «уже открытых фактов, но с новой, правильной на них точки зрения»⁶.

Как заявлял сам С.И. Кожухов, его сочинение было призвано показать, что господствовавшая до последнего времени «концепция действий Кутузова в 1812 году объективно унижает этого величай-

¹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1022. Л. 1–7.

² Там же. Л. 7.

³ Там же. Л. 6. Рукопись этого сочинения хранится вместе с письмом С.И. Кожухова А.С. Щербакову в этом же деле. Л. 13–376.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 31, 32–33.

шего... полководца, превращает его по существу в бездарного стратега и невежественного политика»¹. В 1940–1943 гг. Кожухов неоднократно отправлял свою работу на рецензирование в Управление Пропаганды и Агитации ЦК ВКП(б)². Работники управления положительно оценили содержание научного труда. В одной из аналитических записок, подготовленных в 1944 г. на имя Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова, директор Бородинского исторического музея назван «молодым способным историком», научная работа которого якобы незаслуженно игнорировалась Институтом истории АН СССР³.

Такой благожелательный отзыв из высшей партийной инстанции объясняется полным соответствием содержания неизданного труда С.И. Кожухова складывавшейся научной конъюнктуре. Его сравнительный анализ с упомянутой брошюрой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) показывает схожесть идей по многим концептуальным аспектам истории войны 1812 года. Это косвенно свидетельствует о том, что работа С.И. Кожухова, несмотря на недостатки авторского повествования, внимательно изучалась в аппарате ЦК и, вероятно, использовалась при подготовке тезисов ЦК ВКП(б), опубликованных в связи с 200-летием М.И. Кутузова. По этому поводу сам автор выражал беспокойство тем, что его идеи используются без ссылок на источник, а ему «остается только наблюдать за расхищением сделанных (Кожуховым. – *И. Ш.*) открытий»⁴.

Несмотря на поддержку ЦК, С.И. Кожухову работу опубликовать не удалось. Институт истории отказывал в положительной рецензии, а Госполитиздат – в заключении договора на публикацию работы. Е.И. Чапкевич объяснял такой скептицизм низким научным уровнем указанного труда и отсутствием у автора профессиональных данных⁵. Детальное знакомство с рукописью «Двенадцатого года», в общем, позволяет согласиться с таким мнением.

Весной 1951 г. С.И. Кожухов вновь напомнил о себе очередным письмом в аппарат ЦК. К сожалению, закрытость ряда архивных фондов, не позволила ознакомиться с этим документом. Но о его содержании можно судить по докладной записке Отдела науки и вузов

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ См.: Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 201.

⁴ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1022. Л. 7.

⁵ Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 53.

ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова и М.А. Суслова¹. В записке почти дословно воспроизведены основные положения кожуховской критики Е.В. Тарле.

Основным объектом критического анализа стала работа Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». Чиновники партийной инстанции соглашались с мнением С.И. Кожухова, что в книге принижена роль М.И. Кутузова и, наоборот, чрезмерно идеализирована личность Наполеона². «Е. Тарле написал книгу в основном по рассказам иностранцев, — отмечалось в записке, — открыто пренебрегает русскими источниками... подлинные документы М.И. Кутузова... берет под сомнение... не останавливается перед искажением документов»³. На основе этого делался вывод о преклонении Тарле перед иностранными историками⁴. Авторы докладной записки обвинили Тарле в игнорировании взглядов Сталина, давшего «исчерпывающую оценку» полководческого искусства Кутузова и его роли в войне 1812 года в ответе на письмо тов. Е.А. Разина⁵. Одновременно признавалось распространение допущенных «ошибок и извращений» почти во всей учебной литературе по истории СССР, а также в работах М.Г. Брагина, М.В. Нечкиной и С.Б. Окуня⁶.

На основании изложенного заведующий отделом науки и вузов ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов и заведующий сектором А.М. Митин считали «целесообразным опубликовать в журнале «Большевик» критическую статью о книге Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» и просили по этому вопросу соответствующих указаний⁷.

Изучив содержание записки, М.А. Суслов одобрительно отнесся к сделанным критическим выводам, выделив их синим карандашом, а согласно резолюции Г.М. Маленкова документ был передан на ознакомление П.К. Пономаренко и Н.С. Хрущеву. Окончательное решение предполагалось принять на Секретариате ЦК⁸.

20 июля 1951 г. главный редактор журнала «Большевик» С. Абалин представил на утверждение Г.М. Маленкову подготовленную совместно с отделом науки и вузов ЦК ВКП(б) статью

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 5. Л. 6–17.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8, 15.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Там же. Л. 16.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 5, 6.

С.И. Кожухова «К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.»¹

23 июля вопрос о публикации статьи обсуждался на Секретариате ЦК. Существо дела докладывал М.А. Суслов. Заседание Секретариата не стенографировалось, но, судя по всему, принципиальных возражений у участников заседания этот вопрос не вызвал. Тем не менее, как можно вывести из последующих архивных документов, отдельные положения статьи нуждались в доработке. Поэтому в постановлении Секретариата было записано: «Поручить т. Суслову М.А. рассмотреть этот вопрос и доложить свои предложения»².

2 августа М.А. Суслов запиской сообщал Г.М. Маленкову о дополнительном обсуждении статьи С.И. Кожухова на редколлегии журнала «Большевик» и своем согласии на публикацию отредактированного текста статьи в очередном номере журнала³. Записка, хранящаяся в архивном деле, не содержит резолюции Маленкова. Можно предположить, что он также выразил свое одобрение, поскольку указанная статья была опубликована в августовском номере журнала⁴.

Обстоятельства опубликования критической статьи Кожухова позволяют сделать несколько обобщений. Во-первых, содержание докладной записки Отдела науки и вузов ЦК ВКП(б) подтверждает тот факт, что основной причиной критики Тарле стало затянувшееся молчание историка по поводу последних указания «вождя» в контексте начавшегося пересмотра концепции истории войны 1812 года.

Во-вторых, вопрос о критике был инициирован не Сталиным, а снизу, из недр партийной машины. Знакомство автора настоящей монографии с делопроизводством аппарата ЦК позволяет утверждать, что любые замечания или указания Сталина принимались к исполнению без какого-либо дополнительного обсуждения. В данном случае вопрос был вынесен на Секретариат ЦК.

В-третьих, принципиально вопрос о критике был принят коллегиально на Секретариате ЦК, а не персонально Г.М. Маленковым, как это утверждал Е.И. Чапкевич⁵. М.А. Суслов и Г.М. Маленков только довели начатое дело до логического конца.

¹ Там же. Оп. 119. Д. 441. Л. 167–175 об.

² Там же. Оп. 116. Д. 600. Л. 4; Д. 441. Л. 176.

³ Там же. Оп. 133. Д. 5. Л. 57; Оп. 119. Д. 441. Л. 176.

⁴ См.: Кожухов С. К вопросу об оценке роли М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Большевик. 1951. № 15. С. 21–35.

⁵ См.: Чапкевича Е.И. Пока из рук не выпало перо... С. 163.

Появление разгромной статьи в одном из ведущих журналов страны стало для Е.В. Тарле, полной неожиданностью. Он тут же предпринял попытку оправдать себя. 2 сентября академик из Ленинграда направил М.А. Суслову с письмом, в котором сообщал о своем пересмотре взглядов на войну 1812 года. «На роль... Кутузова, на всю предысторию Бородина, на все контрнаступление я смотрю в корне по-другому (как и на ряд других вопросов), чем смотрел (подчеркнуто М.А. Сусловым. – *И. Ш.*), когда в моем распоряжении не было всего того, что есть теперь», – отмечал историк в этом письме¹.

Тарле утверждал, что реализовать новые идеи он собирался во 2-й части заказанной Сталиным трилогии «Нашествие на Россию и разгром Наполеона в 1812 году». Новая книга, по мысли историка, должна была не повторять старые издания, а стать самостоятельным исследованием. Подчеркнув, что в критике Кожухова немало «неверных указаний», Тарле признал в критике «совершенно правильные соображения», к которым он также самостоятельно пришел еще до статьи в «Большевике»².

«Основные установки моей подготавливаемой работы, по существу, не отходят от установок Кожухова (подчеркнуто М.А. Сусловым. – *И. Ш.*)», – заверял ученый партийное руководство³. По этой причине Е.В. Тарле полагал нецелесообразным вступать в полемику с С.И. Кожуховым в печати, а дать «уже написанную главу... специально посвященную Кутузову, как полководцу и дипломату»⁴. В заключение ученый просил содействия в ее скорейшем опубликовании.

Сулов перепоручил изучение просьбы Отделу науки и вузов ЦК ВКП(б). 15 сентября начальник отдела Ю.А. Жданов в докладной записке М.А. Суслову счел возможным «удовлетворить просьбу академика Е. Тарле и рекомендовать ему представить подготовленную им работу в редакцию журнала “Вопросы истории”»⁵.

Не дождавшись ответа на свое письмо от 2 сентября 1951 г., Е.В. Тарле написал критический отзыв «В редакцию журнала “Большевик”» на статью С.И. Кожухова и 15 сентября отправил его вместе с личным посланием на имя И.В. Сталина⁶. Содержание от-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 5. Л. 42.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Подлинник письма с резолюцией И.В. Сталина хранится в: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 5. Л. 44. Копия письма имеется в: АРАН. Ф. 627. Оп. 4.

ветной статьи¹ конкретизировало основные идеи, высказанные историком в письме М.А. Суслову. В личном письме к Сталину Тарле просил оказать содействие в публикации ответа С.И. Кожухову в журнале «Большевик».

Ознакомившись с просьбой историка, Сталин 22 сентября 1951 г. наложил свою резолюцию: «т. Поскребышев: м. б. (можно будет. – И. Ш.) напечатать. т. Абалин (зачеркнуто Сталиным. – И. Ш.) Жданов, Хрустов – рассмотреть в редколлегии. Срок 2–3 дня»².

В соответствии со сталинской резолюцией ответная критическая статья Е.В. Тарле была обсуждена на редколлегии журнала «Большевик». 9 октября Ф. Хрустов докладывал М.А. Суслову о готовности опубликовать статью Тарле вместе с редакционными замечаниями «От редакции» в 19 номере журнала³.

Пока шло согласование в партийном аппарате о возможности предоставить периодическую печать для ответного слова Е.В. Тарле, публикация С.И. Кожухова в «Большевике» стала предметом обсуждения на ученом совете исторического факультета ЛГУ. Заседание состоялось 9 октября 1951 г. В повестку дня был поставлен один вопрос: «Об ошибках некоторых советских историков в освещении войны 1812 года и полководческого искусства М.И. Кутузова»⁴. С докладом по повестке выступил профессор С.Б. Окунь. Подвергнув критике в духе кожуховской статьи концепцию Е.В. Тарле, он признал и собственные ошибки в освещении обсуждаемой темы⁵. Одновременно докладчик констатировал отсутствие в советской историографии подлинно научной истории Отечественной войны 1812 г. и указывал на необходимость подготовки новых трудов в соответствии со сталинскими методологическими указаниями по данной проблеме⁶. В этом же ключе были вы-

Д. 145. Полный текст послания Е.В. Тарле Сталину опубликован Б.С. Кагановичем. См.: Каганович Б.С. Указ. соч. С. 99.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 5. Л. 45–54.

² Там же. Л. 55. Абалин С. – главный редактор журнала «Большевик»; Хрустов Ф. – член редколлегии и ответственный секретарь редакции этого же журнала; Жданов Ю. – заведующий Отделом науки и вузов ЦК ВКП(б).

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 5. Л. 57.

⁴ Бурцев В.Г. Заседание ученого Совета Исторического факультета: Об ошибках некоторых советских историков в освещении войны 1812 г. // Вестник ЛГУ. 1951. № 12. С. 147–151.

⁵ Там же. С. 148–149.

⁶ Там же. С. 149.

держаны и выступления Н.Г. Сладкевича, А.В. Предтеченского, Р.С. Мнухиной, В.Г. Брюнина и других ораторов¹.

В середине октября 1951 г. вышел в свет 19 номер «Большевика» с ответом Е.В. Тарле на статью С.И. Кожухова и редакционным примечанием «От редакции»². Жесткая позиция редакции журнала, подчеркнувшая поддержку позиции С.И. Кожухова, подтолкнула дальнейшее развитие критики в адрес известного историка.

29 октября 1951 г. состоялось расширенное заседание ученого совета Института истории АН СССР с повесткой дня: «Обсуждения статей в журнале “Большевик” об Отечественной войне 1812 года». Е.В. Тарле в это время проживал в Ленинграде, тяжело переживал критический разбор своей научной деятельности, серьезно заболел и не смог принять участие в работе совета. Свое отношение к сложившейся ситуации он высказал в специальном заявлении на имя директора института Б.Д. Грекова, которое отправил в Москву с тем, чтобы огласить его перед ученым собранием. Заявление вкратце повторяло письмо в редакцию журнала «Большевик», но акцентировало внимание на необоснованности выдвинутых против историка обвинений. В конце своего послания Тарле заверил предполагаемых слушателей, что сталинские установки о войне 1812 года он развил в новой книге. Уже готовая вчерне статья «М.И. Кутузов как полководец и дипломат» должна была послужить этому наглядной иллюстрацией³.

Ученый совет Института истории АН СССР проходил при большом стечении народа. На заседании присутствовали не только ведущие разработчики темы Л.Г. Бескровный, П.А. Жилин, М.В. Нечкина, П.Г. Рындзюнский, Н.Ф. Гарнич, А. Молок, но фактически все сотрудники института. Судя по репликам председателя собрания Б.Д. Грекова, зал был переполнен⁴. Несколько с опозданием прибыл С.И. Кожухов. Директор института попросил его «преодолеть трудности и проникнуть в зал»⁵.

Ход ученого форума проходил по отработанному сценарию. Докладчик Л.Г. Бескровный подчеркнул главную задачу исторической науки – на основе указаний товарища Сталина «дать правильный, глубокий, научный анализ деятельности М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.»⁶ После краткой характеристики «по-

¹ Бурцев В.Г. Заседание ученого Совета Исторического факультета: Об ошибках некоторых советских историков в освещении войны 1812 г. // Вестник ЛГУ. 1951. № 12. С. 149–151.

² См.: Большевик. 1951. № 19. С. 71–80.

³ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 78.

⁴ Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 274. Л. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 3.

роков» русской дореволюционной и зарубежной историографии он сосредоточился на ошибочности концептуальных положений Е.В. Тарле, одновременно выдвигая собственное, соответствующее сталинским взглядам, видение проблемы¹. В заключение доклада последовал призыв к находящимся в зале ученым «дать стране работы, стоящие на высоком идейно-теоретическом уровне... в научной деятельности... руководствоваться решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам... подвергать суровой критике тех, кто... хочет показать героическое прошлое нашей Родины в кривом зеркале»².

После доклада состоялась дискуссия. Все выступившие, без исключения, признали правильность критики взглядов Е.В. Тарле. В прозвучавших речах в той или иной степени развивались заданные партийным журналом методологические установки. С.И. Кожухов, который фактически выступил с содокладом, углубил основные положения своей статьи. В целом, придерживаясь направления, обозначенного докладом Л.Г. Бескровного, он выразил несогласие с докладчиком по некоторым частным вопросам³.

Самокритично выступила М.В. Нечкина, взгляды которой на причины пожара Москвы также были подвергнуты партийной критике. Она признала ошибочность своих прежних утверждений, заявив, что «...с самым глубоким чистосердечием согласна отказаться от ложных выводов и заменить их правильными»⁴. Вместе с тем Мелиса Васильевна указала, что ранее С.И. Кожухов, отстаивал прямо противоположную точку зрения на сожжение столицы, чем та, которая обозначена в его последней публикации. В доказательство она привела выдержку из статьи «Русский полководец Кутузов», опубликованной Кожуховым в «Московском комсомольце» в 1940 г. В статье утверждалось, что «слава пожара Москвы» принадлежит Кутузову. «Было бы уместно, – резонно заметила М.В. Нечкина, – все-таки молодому автору сказать в конце своей работы теперь, что и он ошибался в своей прежней работе в комсомольском органе, обращаясь с комсомольскими массами»⁵.

Мелиса Васильевна присоединилась к критическим замечаниям, высказанным в адрес Е.В. Тарле, подчеркнув, что его концепции «полны ложных установок, связанных с непреодоленным влиянием» западноевропейской и русской дворянско-буржуазной историогра-

¹ Там же. Л. 3–11 об.

² Там же. Л. 10 об.–11.

³ Там же. Л. 26–27.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 52.

фии. Вместе с тем она заметила, что неправомерно делать заявления о сознательном искажении истории в трудах именитого ученого, поскольку это вопрос о его личной честности, которая не подлежит сомнению¹.

Анализ выступления М.В. Нечкиной ставит под сомнение категоричное утверждение Е.И. Чапкевича, согласно которому она мужественно парировала выпады С.И. Кожухова против Е.В. Тарле, стремясь доказать несостоятельность взглядов главного критика². Мелиса Васильевна, действительно, не только «оборонялась», но порой «переходила в наступление». Однако основная ее задача была не разоблачение несостоятельности новых воззрений на историю войны 1812 года, в тех условиях это было полным безрассудством, а смягчение наносимых ей и академику Е.В. Тарле ударов.

К слову будет сказано, что С.И. Кожухов на этом заседании ученого совета большей частью не столько критиковал известного историка, сколько стремился обосновать собственные положения, выдвинутые им в известной публикации на страницах партийной печати. Превратить заседание ученого совета в «охоту на ведьм» более всего стремились Н.Ф. Гарнич и П.А. Жилин. Так, например, Гарнич, не стесняясь в выражениях, требовал «решить вопрос, что концепция Е.В. Тарле... гнилая, антипатриотичная концепция», обвинял Тарле в слабом усвоении принципа большевистской критики и самокритики, пренебрежении документальными первоисточниками русского происхождения и т. п.³ В конце своей речи Гарнич призывал, «чтобы товарищи выступали здесь более откровенно»⁴.

Подобными настроениями было проникнуто и выступление П.А. Жилина. Он указал на то, что взгляды Е.В. Тарле критиковались и раньше, но «военные авторы оказались недостаточно авторитетными для академика Тарле, и он оставался на своих позициях до самого последнего времени»⁵. Именно поэтому, по мнению оппонента, «потребовалось выступление такого партийного органа, как журнал “Большевик”, чтобы обратить внимание широкой общественности на крупные идеологические, фактические и военные ошибки и помочь автору их исправить»⁶.

¹ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 78. Л. 52.

² См.: Дунаевский В.А., Чапкевич И.Е. Навеки в памяти народной. С. 486; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле. С. 37.

³ РГАСПИ. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 274. Л. 54 об.–55.

⁴ Там же. Л. 55.

⁵ Там же. Л. 64 об.

⁶ Там же.

Все выступающие на заседании ученого совета безоговорочно поддержали критику воззрений Е.В. Тарле. Кроме упомянутого выступления М.В. Нечкиной, мало кто из соратников Евгения Викторовича публично осмелился поддержать его. Все хорошо знали о возможных последствиях такого опрометчивого шага.

Соответственно, ни у кого не возникло сомнения в правильности новых подходов к изучению истории Отечественной войны 1812 г. Такая позиция нашла свое отражение в принятом постановлении. В нем концепция Е.В. Тарле (вспомним кампанию против М.Н. Покровского) была признана антиисторичной, появившейся в результате «некритического восприятия иностранных источников... неучета многих исторических документов»¹. Подчеркивалось, что ошибочные установки проникли в работы других историков и в Институт истории АН СССР. Поэтому критика на страницах партийной печати была признана правильной и своевременной. В свете новых указаний, советские историки ориентировались в исследованиях войны 1812 года на соответствующие указания В.И. Ленина и И.В. Сталина².

Столь быстрое и единодушное признание ученым форумом ошибочности взглядов одного из наиболее авторитетных историков страны вполне объяснимо. Коллектив Института истории АН СССР отлично понимал, в каком щекотливом положении оказался Евгений Викторович. За спиной С.И. Кожухова стояла мощная государственная машина, способная без особого труда уничтожить всякого инакомыслящего. Социально-политическая обстановка, сложившаяся в тот период в стране, не допускала критики партийных установок в научной дискуссии. За открытое выступление против линии партии могли последовать самые жесткие административные меры. Печальный опыт предшествующих лет свидетельствовал, что за научной дискуссией могли последовать самые жесткие репрессивные меры, вплоть до увольнения с работы и, возможно, предания суду за антисоветскую деятельность³.

¹ Там же. Л. 82.

² Там же. Л. 82, 83.

³ Для большинства сотрудников института памятными оставались, проходившие в марте–апреле 1949 г. заседания ученых советов Института истории АН СССР в Москве и Ленинграде, разоблачавшие «группы космополитов», «подвизавшихся... в области истории СССР и других областях истории» (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 211. Л. 3 об.).

Обстановка, сложившаяся в исторической науке в начале 50-х годов, была такова, что никто не мог быть спокоен за свою судьбу, в особенности если открыто не выражал поддержку партийной линии. Об этом убедительно сви-

По-другому была встречена критика среди некоторых почитателей исторических трудов Е.В. Тарле. В личных бумагах академика сохранилось копия письма в газету «Правда» в защиту ученого, подписанного «Д. Просковин». Стиль и логика письма, построенного на эмоциях, убеждают в том, что писал его непрофессионал. По утверждениям самого автора письма, он никогда не видел ни академика Е.В. Тарле, ни С.И. Кожухова и мог судить о них только по их полемическим статьям¹. Однако это не помешало безвестному любителю истории Отечественной войны 1812 года решительно возразить против жесткой критики знаменитого историка. Все содержание письма проникнуто стремлением, зачастую небезосновательно, доказать предвзятость нападок Кожухова в адрес Тарле. Как отмечалось в письме, для написания такой «критической» статьи, «какую написал С. Кожухов, решительно ничего не требуется знать, кроме как иметь недобросовестность, если не больше»².

Далее на восьми страницах автор разбирал спорные вопросы, по которым шла полемика, утверждая о надуманности многих доводов С.И. Кожухова. Концовка письма была весьма эксцентричной. «Кожухову, с его ограниченным умом, – писал Д. Просковин в редакцию партийной газеты, – потребовалось более 7 лет, чтобы написать пустяковую и похабную статью на книгу Е.В. Тарле. Что касается редакции журнала “Большевик”, которая стала с пеной у рта на защиту новоявленного “критика” “Кожухова”, то... она это сделала... потому, что знает хорошо, что она останется безнаказанной. Т. е. она может писать почти что угодно, а другие нет»³.

детельствует хранящаяся в РГАСПИ докладная записка Отдела экономических и исторических наук ЦК КПСС. Она была составлена в феврале 1953 г. на имя секретаря ЦК КПСС Н.М. Пегова по результатам проверки комиссией ЦК КПСС Института истории АН СССР. Комиссия сделала вывод о том, что «кадры института в значительной мере засорены людьми политически сомнительными и неспособными вести творческую работу».

По требованию Центрального Комитета партии управление кадров АН СССР представило списки неблагонадежных ученых, среди которых значился и известный исследователь истории войны 1812 года А.В. Предтеченский. Историк инкриминировались занятия артистической деятельностью на территории, занятой Колчаком, а также наличие ошибок «буржуазно-объективистского» характера в научных трудах. Новое «Академическое дело» подобное тому, которое было сфабриковано в конце 20-х – начале 30-х годов, не получило развития лишь благодаря внезапной смерти И.В. Сталина. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 303. Л. 141–158.

¹ АРАН. Ф. 627. Оп. 1. Д. 284. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 5.

Письмо Д. Просковина выражало мнение частного лица. Однако оно являлось ярким свидетельством несуразности многих обвинений, выдвигаемых в адрес Е.В. Тарле, очевидных даже для неспециалиста.

Нависшую над ним угрозу хорошо понимал и сам историк, ранее уже подвергавшийся репрессиям и отбывавший ссылку в Алма-Ате в связи с «Академическим делом» 1929–1931 гг. Тяжелая моральная атмосфера, сложившаяся вокруг ученого, отразилась на его общем состоянии и творческой деятельности. По свидетельству современников, он потерял былую уверенность и ироничность, его одолевали тревоги и обиды на «оскорбительные статьи догматиков, псевдомарксистов», «полемика по вопросам Отечественной войны 1812 года очень сильно сказалась на его “научном тоне”»¹.

Учитывая серьезность своего положения, Е.В. Тарле всеми средствами стремился подчеркнуть свое признание новых, официальных взглядов на войну 1812 года. Как и было намечено, он быстро подготовил большую статью о дипломатической и военной деятельности М.И. Кутузова. В статье в соответствии со сталинскими установками по-новому оценивалась роль русского полководца в разгроме наполеоновских войск. Такое содержание не вызывало принципиальных возражений у редколлегии журнала. Однако редакция считала необходимым, чтобы автор в очередной раз признал правильной критику, прозвучавшую в его адрес со страниц журнала «Большевик». В свою очередь, Тарле, считая, что этот вопрос уже исчерпан в своем письме в редакцию партийного журнала, отказался вступать в очередную полемику с Кожуховым. Сложилась конфликтная ситуация. Публикация статьи откладывалась на неопределенное время.

Чтобы выйти из тупика, Е.В. Тарле в начале января 1952 г. обратился к М.А. Суслову за содействием в скорейшей публикации своей статьи². По распоряжению Суслова Отдел науки и вузов ЦК ВКП(б) запросил редакцию о причинах задержки. В ответе главного редактора П. Третьякова от 15 января 1952 г. была изложена сущность конфликта и позиция редколлегии. По мнению редакции, «публикация статьи, по существу игнорирующая критику, вызовет законное недоумение советской общественности и может создать впечатление о на-

¹ См.: Борщаговский А. Записки баловня судьбы // Театр. 1989. № 3. С. 167; Носов Н.Е. Из воспоминаний об акад. Е.В. Тарле // Проблемы истории международных отношений: Сб. ст. памяти акад. Е.В. Тарле. Л., 1972. С. 54.

² РГАСПИ. Ф. 47. Оп. 133. Д. 220. Л. 1–1 об.

личий разногласий между редакциями журналов “Вопросы истории” и “Большевик” в вопросе об оценке Кутузова»¹.

Такую аргументацию сотрудники аппарата ЦК сочли основательной и высказались за совместное обсуждение с Тарле сделанных в его адрес замечаний. Историк не возражал². В конечном счете, редакция настояла на своем требовании. Тарле соответствующим образом доработал статью, которая была опубликована в мартовском номере журнала «Вопросы истории» 1952 г.³ Партийную линию Тарле проводил и в других своих работах⁴.

Обмен мнений по основным аспектам истории Отечественной войны 1812 года был продолжен в период празднования в сентябре–октябре 1952 г. 140-летней годовщины Бородинского сражения. Знаменательной дате была посвящена работа юбилейной сессии Института истории АН СССР. До недавнего времени в отечественной историографии не было четкого представления о работе этого научного форума.

Некоторые сведения о нем были сообщены А.Г. Черновым, опубликовавшим в 1962 г. с собственными комментариями ранее не известные выступления Е.В. Тарле⁵. Однако в своей статье он допустил несколько грубых ошибок. Во-первых, часть опубликованных под фамилией Тарле материалов на деле принадлежала заместителю министра внутренних дел генералу армии И.И. Масленникову. Во-вторых, в публикации были ошибочно указаны сроки проведения ученого совета – 6 и 7 октября. Реально заседания проходили 29 сентября и 6 октября. В-третьих, А.Г. Чернов утверждал, что Е.В. Тарле полемизировал с И.И. Масленниковым 6 октября в ходе одного и того же заседания ученого совета. В действительности Масленников присутствовал только 29 сентября, а Тарле только 6 октября. Евгений Викторович знакомился с тезисами выступления И.И. Масленникова и на основании их делал собственные суждения о речи генерала.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ См.: Тарле Е.В. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 34–82.

⁴ См.: Тарле Е.В. Бородинское сражение // Военные знания. 1952. № 9. С. 20–21; Его же. Послесловие // Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. С. 174–179; Его же. М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1952. Т. 2 // Военный вестник. 1952. № 11. С. 57–63.

⁵ См.: Неопубликованные выступления Е.В. Тарле о Бородинском сражении / материал подгот. А.Г. Черновым // Вестник АН СССР. 1962. № 8. С. 102–108.

Ошибки, вольно или невольно допущенные при опубликовании выступления Тарле от 6 октября 1952 г., перешли в научные исследования¹.

Как отмечал в своем докладе Л.Г. Бескровный, проведением ученого совета предполагалось не только отметить 140-летие Бородинского сражения. На научный форум возлагалось решение чисто практической задачи – выработать единую линию в подготовке сборника статей о М.И. Кутузове². Реализовать эту задачу предполагалось обсуждением докладов Л.Г. Бескровного и Н.Ф. Гарнича, которые должны были составить основу будущей публикации³.

В ходе работы ученого совета были в очередной раз подняты и рассмотрены дискуссионные вопросы. Их сформулировал в своем выступлении И.И. Масленников⁴. По мнению генерала, «наибольшее напряжение» среди историков возникало при обсуждении планов ведения войны М.И. Кутузовым, места и роли Бородинского сражения в стратегии русского полководца, причин пожара Москвы, времени и места начала контрнаступления русских войск, масштаба и значении крестьянской борьбы с французами и т. п.⁵ Эту точку зрения поддержал Е.В. Тарле⁶.

В прениях по докладам выступило 12 человек. Среди них были наиболее авторитетные для того времени историки войны 1812 года П.Г. Рындзюнский, Е.В. Тарле, П.А. Жилин, М.В. Нечкина, А. Фортунатов. Выступавшие затрагивали, главным образом, намеченные докладчиками и И.И. Масленниковым вопросы. Л.Г. Бескровный в заключительном слове попытался привести к общему знаменателю возникшие по ходу дискуссии разногласия⁷.

Решения по повестке дня не принималось. Завершая ученый совет, председательствовавший на нем А.Л. Сидоров выразил уверенность в том, что на основании материалов научной сессии содержание нового труда о М.И. Кутузове будет улучшено. Одновременно он

¹ Более подробно об этих ошибках и о ходе работы форума см.: Шеин И.А. Научное наследие Е.В. Тарле: история одной публикации // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 36–46.

² Указанный сборник статей был опубликован после смерти И.В. Сталина в 1955 г. под редакцией Л.Г. Бескровного. См.: Полководец Кутузов: Сб. ст. М., 1955.

³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 295. Л. 128.

⁴ Там же. Ф. 627. Оп. 1. Д. 80. Л. 2

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 295. Л. 10–11.

⁷ Там же. Л. 128–130.

указал на необходимость ознакомить общественность с итогами проделанной работы¹.

Таким образом, на представительном ученом собрании была принята заключительная попытка окончательно преодолеть, имевшие место разногласия по некоторым дискуссионным вопросам на войну 1812 года и завершить формирование единой концепции истории войны. По мнению С.И. Кожухова, «для создания подлинно марксистской концепции» у советских историков имелись все необходимые условия². К числу таких условий директор Бородинского музея относил «гениальные сталинские положения по истории Отечественной войны 1812 г.», «хорошие кадры историков», открытость для исследователей государственных архивов, «наконец ... возможность проводить специальные творческие дискуссии, свободно обмениваться мнениями, свободно критиковать»³.

Окончательно выработав основные концептуальные положения, советские историки начали внедрять их в научные и научно-популярные работы. Кроме уже перечисленных трудов П.А. Жилина, Л.Г. Бескровного, Н.Ф. Гарнича, последних статей Е.В. Тарле заданная И.В. Сталиным перспектива нашла отражение в трудах других авторов⁴.

Среди большого количества тенденциозной литературы этого периода между тем отмечались и добросовестные с точки зрения глубины проработки источников и объективности (в меру возможного) общих выводов работы. Среди них разделы о внешней политике Александра I и Отечественной войне 1812 года лекционного курса профессора С.Б. Окуня⁵ (за которые он вместе с Е.В. Тарле критико-

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 295. Л. 154.

² Там же. Л. 41.

³ Там же.

⁴ См.: Военное искусство капиталистического общества (1789–1917 гг.). М., 1953. С. 53–109; Жилин П., Ярославцев А. Бородинское сражение. М., 1952; Златоустовский Б.В. Отечественная война 1812 года. Памятка читателю. М., 1952; История военно-морского искусства: в 3 т. М., 1954. Т. 2. С. 66–81; Мещеряков Г.П. Русское военное искусство в начале XIX в. Отечественная война 1812 года. Разгром Наполеона I. Великий русский полководец М.И. Кутузов: Материалы к семинару. М., 1950; Царев Н. Бородинское сражение: К 140-летию сражения // Военный вестник. 1952. № 16. С. 50–57; Шперк В. Инженерное обеспечение Бородинского сражения: К 140-летию со дня Бородин. сражения // Военно-исторический журнал. 1952. № 8. С. 31–38; Чернушков П.П. Тактика русской армии в Отечественной войне 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954; и др.

⁵ См.: Окунь С.Б. История СССР. 1796–1825: Курс лекций. Л., 1947. С. 130–295.

вался в партийной печати). К числу таких работ относится и выполненное преимущественно на русских и французских мемуарных источниках сочинение Ф.А. Гарина¹. обстоятельно были изучены подготовка России к войне, а также ход военных действий под Смоленском в диссертационных исследованиях В.В. Пугачева и В.И. Вяликова². историографическому анализу литературы, отражавшей общественное мнение о Наполеоне и Отечественной войне в начале XIX в., были посвящены упомянутые ранее работы А.В. Предтеченского и М.В. Василевской³. Собственные подсчеты численности и потерь русской армии с июля по декабрь 1812 г. провели Л.С. Каминский и С.А. Новосельский⁴. Состояние тульских оружейных заводов охарактеризовал В.Н. Ашурков⁵.

Но, как и официальные труды, эти работы базировались на общей концепции, прочно утвердившейся в научных исследованиях послевоенного десятилетия. Поэтому в случае расхождения их выводов с заданными установками они в необходимых случаях подвергались корректировке. С.Б. Окунь, например, после критики его труда в журнале «Большевик» и на заседании ученого совета Ленинградского государственного университета в 1952 г. вынужден был с учетом высказанных в его адрес замечаний существенно переработать свой учебник⁶.

В целом, анализ историографии Отечественной войны 1812 года второй половины 30-х – первой половины 50-х годов, свидетельствует о том, что к началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. господствовавшие в исторической науке 20-х – первой половины 30-х годов взгляды на историю похода Наполеона в Россию претерпели существенные изменения. Основные положения концепции

¹ См.: Гарин Ф.Д. Изгнание Наполеона. М., 1948.

² См.: Пугачев В.В. Подготовка России к Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1947; Вяликов В.И. Первая смоленская операция русских войск в 1812 году (22 июля – 5 августа). Дис. ... канд. ист. наук. Б. м., 1947.

³ См.: Предтеченский А.В. Отражение войн 1812–1814 гг. в сознании современников. С. 222–244; Василевская М. Отечественная война 1812 года на страницах русских журналов первой четверти XIX в. (1802–1825 гг.). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1950.

⁴ См.: Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах. М., 1947. С. 18.

⁵ См.: Ашурков В.Н. Тульские оружейники в 1812 году // Ученые записки Тульского пед. ин-та. Тула, 1948. Вып. 1. С. 28–36.

⁶ Ср.: Окунь С.Б. История СССР, 1796–1825. С. 130–295; Его же. Очерки истории СССР: конец XVIII – первая четверть XIX в. Л., 1956. С. 191–263.

М.Н. Покровского, ранее доминировавшие в исторических исследованиях, были признаны «антиленинскими» и научно необоснованными.

В предвоенные годы был осуществлен определенный возврат к историографическим традициям первой половины XIX в., утверждавшим в исторической науке мысль об оборонительном, отечественном характере войны 1812 года. Распространение в литературе указанного положения в значительной мере было обусловлено осложнением со второй половины 30-х годов международной обстановки, надвигавшейся угрозой Второй мировой войны и возросшими в связи с этим практическими потребностями, усиления патриотического воспитания советских людей.

Повышение правительственного и общественного интереса к военной истории дореволюционной России активизировало научную деятельность советских историков в области изучения Отечественной войны 1812 года. В этом отношении вторая половина 30-х годов может считаться переломной. Наибольший интерес для исследователей представляли вопросы развития военного искусства, политическая и военная деятельность Наполеона, биографии русских военачальников, социально-политические отношения в годы войны. В обобщенном виде новая концепция войны была изложена в монографии Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год». Основные положения этой книги разделялись научной общественностью и распространялись в обществе через популярную и учебную литературу.

Со второй половины 30-х годов в научное изучение проблемы закладывались новые методологические подходы к объяснению сущности и характера внешней политики России в XIX в. Новая методология опиралась на марксистско-ленинские положения об империалистическом характере наполеоновских войн. С учетом сталинской критики Энгельса в историографии темы был возрожден и занял ведущее положение тезис о стремлении Наполеона к мировому господству и его единоличной ответственности за развязывание войны. Соответственно Российская империя представлялась защитницей интересов суверенных европейских народов от агрессивных устремлений французского императора.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в историографии темы преимущественное развитие получило научно-популярное освещение событий 1812 г. Насущные потребности военной поры определили приоритетную тематику новых работ, связанную с рассмотрением опыта организации партизанской борьбы, истории дипломатических отношений, роли полководцев в достижении победы, различных аспектов развития вопросов военного искусства.

Итоги победы СССР над нацистской Германией оказали сильное влияние на дальнейшее изменение основных концептуальных положений. Под влиянием культа личности И.В. Сталина в исторической науке стали утверждаться субъективистские подходы, чрезмерно возвеличивавшие роль и значение М.И. Кутузова в разгроме Наполеона. После критики научных взглядов Е.В. Тарле совокупными усилиями официальных историков, среди которых ведущее положение заняли труды Л.Г. Бескровного, Н.Ф. Гарнича, П.А. Жилина, в историографии окончательно установилась официально-патриотическая концепция, возрождавшая значительную часть научных положений первой половины XIX в.

Однако, несмотря на заданные идеологические установки, ориентировавшие ученых на изучение полководческой деятельности М.И. Кутузова, в историографии темы не ослабевало стремление ученых к углубленному изучению других аспектов Отечественной войны 1812 года.

§ 3. Эволюция темы в исторических исследованиях второй половины 50-х – первой половины 80-х годов

Смерть И.В. Сталина в 1953 г. привела к изменению социально-политической обстановки в стране. После знаменитого доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», прочитанного на XX съезде КПСС, на местах приступили к реализации принятых партийным форумом решений. Борьба с проявлением культа личности развернулась во всех сферах общественной жизни. Этот процесс не избежал передержек, и иногда, по воспоминаниям современников, он принимал форму «трагикомичных» или «фарсовых» сцен¹.

Новейшие исследования развития исторической науки во второй половине 50-х – начала 60-х годов XX в. показывают, что в методах руководства исторической наукой кардинальных перемен не произошло. Его важнейшие принципы, направленные на выполнение партийных директив, остались без изменения². Выработка перспективы исторических исследований, общих подходов к объяснению исторических событий, оставалась прерогативой центральных партийных органов. Эта особенность являлась характерной закономерностью развития всей советской историографии вплоть до конца 80-х годов. Отсюда наиболее типичным явлением, наблюдаемым среди основ-

¹ См.: Буганов В.И. Размышления о современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 79–80.

² См.: Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого сталинского десятилетия. М., 1997. С. 102.

ной массы историков, было подчинение (добровольное или вынужденное) складывавшейся политической конъюнктуре.

В историографии изучаемой проблемы данное положение отразилось в тенденции к сохранению сложившейся официально-патриотической концепции войны. Господствовавшие воззрения, сложившиеся с учетом постулатов И.В. Сталина, серьезному методологическому пересмотру не подвергались. Наглядным доказательством этого вывода является сборник статей «М.И. Кутузов», вышедший из печати в 1955 г. Его обсуждение проходило на упомянутой юбилейной сессии Института истории АН СССР, посвященной 140-летию Бородинского сражения в сентябре–октябре 1952 г. Сравнительный анализ стенограммы совета и содержания сборника, показывают, что основные положения разрабатываемых вопросов оставлены в том виде, как они докладывались авторами основных статей¹ научному форуму еще при жизни И.В. Сталина.

Наиболее общие положения послевоенной концепции войны через учебную литературу постепенно стали проникать в общественное сознание. Разночтения, например, о причинах пожара в Москве, возникшие после критики взглядов Е.В. Тарле, вызывали путаницу и законное недоумение в учебных заведениях. На это явление обращали внимание даже учителя сельских школ, требуя разъяснений от журнала «Коммунист» (бывший «Большевик»), который несколькими годами раньше организовывал критику взглядов Тарле². «В учебниках и учебных пособиях по истории много неясных вопросов по истории СССР, – писал, в частности, в редакцию журнала «Коммунист» в начале 1955 г. учитель кировоградской средней школы И.Г. Казанцев. – Ни в учебниках, ни в учебных пособиях – кто поджигал Москву при вступлении французов в 1812 году – нет ясности»³. В подтверждение своих слов он ссылаясь на конкретные издания учебной литературы и просил редакцию дать разъяснения по данному аспекту истории войны 1842 года.

Отдел консультации партийного журнала направил ответ своему читателю. По истечении двух лет после смерти И.В. Сталина редакция партийного журнала трактовала поднятый вопрос в духе сталинских установок, повторяя затертые цитаты о М.И. Кутузове. «После опубликования статьи С. Кожухова, – подчеркивалось в редакционном письме, – советские историки стали на путь решительного ис-

¹ См.: Гарнич Ф.Н. Бородинское сражение // Полководец Кутузов. М., 1955. С. 177–256; Бескровный Л.Г. Контрнаступление русской армии под командованием М.И. Кутузова // Там же. С. 257–337.

² РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 73. Л. 5.

³ Там же.

правления ошибок, имевших место в освещении причин и значения московского пожара 1812 года» и в доказательство своих слов ссыла-лась на известные книги Н.Ф. Гарнича и Л.Г. Бескровного «с «Послесловием» академика Е.В. Тарле»¹.

Декларативно в ходе начавшейся кампании за преодоление последствий культа личности под «решительным исправлением от ошибок» понималась борьба с «цитатно-иллюстративным» методом, при котором историкам отводилась роль простых комментаторов официальных точек зрения². Фактически серьезного пересмотра сложившихся субъективистских взглядов не проводилось. Указания руководящих органов относили только на счет сталинских цитат, которые убирали из уже готовых научных трудов. Показателен в этом отношении пример с посмертным изданием очерка «Бородино» Е.В. Тарле. В 1961 г., рецензируя готовившуюся к печати книгу, Л.Г. Бескровный замечал: «Как и все другие работы Е.В. Тарле, очерк «Бородино» написан превосходно... однако... нужно опустить все ссылки на Сталина, они были включены Евгением Викторовичем после известной критики его взглядов на страницах печати в 1951 году. Вряд ли следует сохранять их сейчас»³.

С позиций современной методологии названная работа видится не столь блистательной, как ее представлял один из ведущих специалистов того времени по истории Отечественной войны 1812 года. Современные историографы высказывают другое мнение, согласно которому «Е.В. Тарле... подгонял факты и аргументы под заданную схему»⁴ Но, как следовало из предложений Л.Г. Бескровного, высказанных в начале 60-х годов, на тот период «заданная схема» считалась превосходной.

В условиях демократических преобразований страна подошла к 150-летию Отечественной войны. В связи с подготовкой к очередному юбилею в историографии темы традиционно наблюдался новый всплеск научной активности. Знаменательной дате были посвящены научные конференции ведущих научно-исследовательских учреждений и военно-учебных заведений⁵.

¹ Там же. Л. 4.

² АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1956). Д. 520. Л. 53–54, 66, 69.

³ Там же. Ф. 627. Оп. 6. Д. 54. Л. 9.

⁴ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 49–50.

⁵ См.: Правда. 1962. 17, 19 октября; Материалы науч. сессии, посвящ. 150-летию Отечественной войны 1812 года // Военно-инженерная академия им. В.В. Куйбышева. Труды... Вып. 198. М., 1962.

Основные торжественные мероприятия проводились 18 октября 1962 г. Праздничный день открылся митингом на Бородинском поле и был продолжен открытием Музея-панорамы «Бородинская битва» в Москве¹. Юбилейной годовщине посвящалось торжественное собрание в Кремлевском дворце съездов, проведенное на уровне партийного съезда. Президиум собрания возглавило Бюро ЦК КПСС во главе с Н.С. Хрущевым. Основной доклад по теме: «Великий подвиг народа» сделал член-корреспондент АН СССР В.М. Хвостов².

Соответствующие торжественные собрания были проведены в столицах союзных республик, крупных административных центрах. В Ленинграде прошло возложение венков на могилу М.И. Кутузова. Торжества завершились вечером 18 октября праздничным салютом в республиканских столичных городах, в Ленинграде, Смоленске, Вязьме, Малоярославце, Наро-Фоминске, Калуге, Борисове³.

150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года по масштабам подготовки и проведения уступал подобным торжествам 1912 г. Однако за весь советский период развития исследуемой проблемы этой круглой дате было уделено наибольшее внимание со стороны высшего партийного и государственного руководства. Столь усиленный интерес к разгрому Наполеона в России можно объяснить традиционным желанием властей использовать нравственный потенциал этого исторического события для демонстрации незыблемости существующего политического строя, укоренения в народе идей патриотизма. Одновременно анализ периодической печати тех лет свидетельствует о том, что исследуемая проблема актуализировалась осложнением международной обстановки. Юбилей пришелся на пик «холодной» войны, которая в связи с Карибским кризисом 1962 г. едва не переросла в третью мировую войну. Отсюда становятся понятными воинственно-жесткие заключения большинства официальных речей. Партийные лидеры и ветераны последней войны предостерегали «империалистических агрессоров» «не принимать наше миролюбие за слабость». Многие из ораторов, выступившие на официальных торжественных мероприятиях, подчеркивали неизменную «способность советского народа разгромить любого врага»⁴. Сам Н.С. Хрущев недвусмысленно посоветовал тем, «кто вынашивает агрессивные планы», «считаться с поучительными уроками прошлого». Глава советского государства в историческом аспекте напомнил

¹ См.: Правда. 1962. 19 октября.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

о печальной участи агрессоров, совершавших нападение на Россию и СССР¹. Для большей убедительности этого тезиса 16 октября 1962 г. МИД СССР организовал для глав дипломатических представительств официальную экскурсию в Бородино, которая преследовала скорее пропагандистские, чем познавательные цели².

Подготовка к празднованию знаменательного юбилея способствовала резкому росту печатной продукции по истории Отечественной войны 1812 года. По подсчетам автора настоящей монографии, только в 1962 г. вышло не менее 85 монографий, сборников статей, журнальных публикаций и научно-популярных изданий на эту тему³. Содержание данного комплекса литературы уже являлось предметом специального изучения⁴. Однако в указанных историографических трудах сравнительный анализ развития важнейших концептуальных положений не проводился. Поэтому представляется важным проследить, как в новых социально-политических условиях трансформировалась официальная концепция, и какие тенденции наблюдались в ее развитии. Этот вопрос, к разработке которого в начале 90-х годов XX в. приступил Н.А. Троицкий⁵, тем не менее, всестороннему историографическому анализу не подвергался.

В первые годы после смерти И.В. Сталина, во время преодоления последствий его культа личности, ведущее положение в историографии темы занимали Л.Г. Бескровный и П.А. Жилин. Зарекомендовав себя в конце 40-х – начале 50-х годов главными специалистами и официальными историками в изучении проблемы, они в новых условиях ориентировались на изменившиеся партийные требования.

Л.Г. Бескровный считался одним из наиболее авторитетных исследователей проблемы. В рассматриваемый исторический период он имел в числе опубликованных работ, посвященных войне 1812 года, 2 крупные монографии и 16 научных статей⁶.

¹ См.: Там же.

² См.: Там же.

³ Подсчитано по: История Отечественной войны 1812 года: Указатель советской литературы (1918–1990 гг.).

⁴ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года и освободительная миссия русской армии... С. 105–147; Они же. Новое в изучении истории войны 1812 года; Они же. 1812 год на перекрестках мнений...; и др.

⁵ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 53–60.

⁶ Подсчитано по: Библиография трудов Л.Г. Бескровного // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. С. 433–439.

К 150-летию юбилею ученый готовил обобщающий капитальный научный труд о наполеоновском нашествии в Россию. Как отмечал Л.Г. Бескровный, изучение эпохи Отечественной войны 1812 года в тот период уже не представляло особых трудностей¹. Тем не менее автор считал необходимым подвести итоги изучения темы за полтора года, «показать причины, характер, течение и исход Отечественной войны 1812 года в свете марксистско-ленинского учения о войне и армии»².

Новое сочинение, одно из самых крупных по объему в советской историографии о походе Наполеона в Россию, вышло в свет в августе 1962 г.³ Изданная при содействии Академии наук СССР книга получила статус официальной истории 1812 г. и считалась «итогом изучения этой темы в советской исторической литературе на данном этапе»⁴. Рецензенты приветствовали марксистско-ленинский подход к изучению проблемы, критическое отношение автора монографии к дореволюционной и зарубежной историографии. В заслугу Л.Г. Бескровному ставился подробный анализ экономических аспектов войны. Отмечалось более широкое, по сравнению с предшествующими трудами советских историков, освещение военных событий. Сочинение оценивалось как «значительный вклад в советскую литературу по Отечественной войне 1812 года»⁵.

Вполне обоснованным можно считать существующее мнение о немалых достоинствах данного труда. Особое внимание в исследовании Л.Г. Бескровный уделил развитию историографии темы. Как уже отмечалось, автор посветил этому вопросу целую главу, которая представляла собой первую в советской историографии попытку систематизированного анализа отечественной и зарубежной литературы о войне 1812 года. По сравнению со своей предыдущей монографией, вышедшей в 1951 г.⁶, ученый значительно расширил источниковую базу исследования. Многие частные вопросы, как, например, разработка русского стратегического плана войны, им были детали-

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 3.

² См.: Там же. С. 6.

³ Там же.

⁴ См.: Любомир Григорьевич Бескровный // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. С. 12.

⁵ См.: Вяликов В.И. [Рецензия] // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 138–139. Рец. на кн.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; Ростунов И.И. [Рецензия] // История СССР. 1963. № 1. С. 193–196. Рец. на кн.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; и др.

⁶ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова.

зированы на основе архивных источников. В соответствии с целями научной работы Л.Г. Бескровный всесторонне обрисовал причины и подготовку сторон к войне. С привлечением новых данных исследователь расширил представления о состоянии военно-экономического потенциала России и о материально-техническом снабжении русской армии. Эти аспекты в предшествующей историографии почти не изучались. Подробно, преимущественно с опорой на документальные источники, в книге освещен ход боевых действий на главном и вспомогательных стратегических направлениях. Сделанные в заключительной части авторские обобщения интересны для понимания общих тенденций в развитии историографии того периода. Одобренные рецензентами основные положения книги прочно вошли в советскую литературу и безраздельно господствовали в ней вплоть до начала 90-х годов.

Работа при всей ее значимости все же имела ряд недостатков. На них указывали оппоненты Л.Г. Бескровного. Но в тот период критике и дополнениям подверглись лишь частные положения, не влияющие на общую концепцию войны. Например, по мнению оппонентов, требовалось дать более широкий обзор работ классиков марксизма-ленинизма о 1812 г. Некоторые пробелы отмечались в характеристике советской историографии. Спорной считалась авторская периодизация войны. В духе времени И.И. Ростунов указал на узкое понимание автором влияния культа личности Сталина на советскую историографию. В свою очередь рецензенту это влияние виделось не только в одностороннем изучении полководческой деятельности Кутузова, но и неверной оценке роли М.И. Барклая де Толли в войне, недостаточном учете в исследованиях некоторых выводов К. Маркса и Ф. Энгельса¹.

Однако недостатки книги Л.Г. Бескровного представляются более существенными, чем полагали критики в начале 60-х годов. Желание приукрасить славу русского оружия породило у Бескровного многочисленные «оплошные выводы». Они проявлялись в преувеличении боеспособности русской армии, предвзятых по отношению к французам оценках итогов Бородинского сражения, Березинской операции, полководческого мастерства М.И. Кутузова и т. п.

Историографический анализ трудов Л.Г. Бескровного² свидетельствует о продолжении линии на утверждение в исторической науке

¹ См.: Ростунов И.И. Рец. на кн.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962.

² Кроме упомянутой монографии научные взгляды Л.Г. Бескровного были изложены в ряде научных статей. См.: Бескровный Л.Г. Бородинское сражение: К 150-летней годовщине: Доклад, прочитанный на заседании ученого

взглядов, которые были осуждены в дореволюционной историографии еще в канун столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года и вновь возродились усилиями советских историков во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов XX в.

В начале 60-х годов Л.Г. Бескровный развивал концепцию войны, разработанную им в более ранних работах. В методологии научного исследования ученый придерживался схемы, сложившейся под влиянием субъективистских взглядов И.В. Сталина. В таком контексте историк, например, оценивал Наполеона только диктатором и реакционером, переродившимся из представителя французской революции¹. Агрессивные намерения Наполеона исследователь аргументировал его цитатой: «Мой принцип таков: Франция – прежде всего!»²

В рамках традиции, берущей свое начало в начале XIX в., Л.Г. Бескровный оценивал Россию как защитницу Европы, судьба которой решалась на полях России. Как отмечал историк, Наполеону не удалось «осуществить свой план порабощения России» из-за просчетов французской дипломатии, из-за стремления полководца одержать победу в одной скоротечной кампании, а также из-за пламенного патриотизма народов России.

По мнению Л.Г. Бескровного, освободительный характер войны способствовал подъему на борьбу с захватчиком народов России, «которые встали на защиту своей родины». Обращает на себя внимание, что в книге Б.Г. Бескровного самоотверженность и самопожертвование проявляли только «рабочие на заводах» и крепостные крестьяне, которые «отрывали от себя последнее, чтобы обеспечить армию...»³ О многочисленных примерах высокого патриотизма в дворянской среде историк предпочел умолчать.

Одновременно исследователь пытался подчеркнуть многонациональный характер Отечественной войны 1812 года. Как отмечалось в книге, «в борьбе против наполеоновской армии объединились рус-

совета Института истории АН СССР 13 сент. 1962 года // История СССР. 1962. № 6. С. 3–18; Его же. Народная, отечественная... К 150-летию Отечественной войны 1812 года // Партийная жизнь. 1962. № 16. С. 59–64; Его же. Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 года Его же. Отечественная война 1812 года: некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований.

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 115.

² Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года: некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований. С. 97.

³ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 603–605.

ские, украинцы и белорусы. В помощи армии участвовали все народы России»¹.

Игнорируя факты, историк заявлял о том, что народ поднимался на врага «вопреки желанию правительства...», которое «запрещало давать крестьянам оружие...»² При таком понимании вопроса подчеркивалось, что стихийное народное движение против агрессора возглавил М.И. Кутузов, который вооружал крестьян.

Подобная точка зрения явно занижает роль царского правительства в организации народной войны и чрезмерно возвеличивает М.И. Кутузова как непогрешимого надклассового национального героя³.

В контексте данной концепции указывалось, что в результате разгрома наполеоновской армии в России «были созданы условия для освобождения других народов, находившихся под пятой Наполеона»⁴.

В подобной авторской трактовке темы отчетливо проявляется сопоставление истории двух Отечественных войн: 1812 и 1941–1945 гг. Не вызывает сомнения тот факт, что историк пытался провести аналогию между наполеоновской Францией и гитлеровской Германией. Для такого сравнения автор выделил все необходимые элементы. Например, внимание читателя акцентировалось на фразе о главенствующих интересах Франции, которая ассоциировалась с известным лозунгом немецких фашистов: «Германия – превыше всего!» Здесь и упоминание о скоротечном французском плане войны, сравнимом с немецким «блицкригом». Тезис о *народах* России, подняв-

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 605.

² См.: Там же. С. 604.

³ Документальные источники, уже приводимые в настоящей монографии, свидетельствуют о том, что Александр I через посредничество церкви не только не возражал против народной войны, но и являлся ее главным инициатором.

Подобным же образом московский военный губернатор и главнокомандующий гр. Ф.В. Ростопчин обращался к крестьянам с официальным призывом истребить «гадину заморскую» и предать «тела их волкам, вороньям». При этом требовалось уничтожать французских солдат «куда ни придут», валить «их живых и мертвых в могилу глубокую» (см.: Сочинения графа Ростопчина. СПб., 1853. С. 178–182). Факты свидетельствуют, что эти указания выполнялись во многих московских селах в буквальном смысле слова.

⁴ См.: Бескровный Л.Г. Бородинское сражение: К 150-летней годовщине. С. 3; Его же. Отечественная война 1812 года. С. 148–149; Его же. Отечественная война 1812 года: некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований. С. 98.

шихся на освободительную борьбу с Наполеоном, также имел современное для того времени звучание. Он вполне соответствовал идее многонационального характера борьбы СССР с немецким фашизмом. Влияние событий 1941–1945 гг. чувствовалось в утверждениях об освободительном значении похода русской армии в 1812 г. в Западную Европу и т. п.

Подобная актуализация темы была вызвана, как отмечено ранее, сложной международной обстановкой. Распространявшаяся в советском обществе идея о «постоянной империалистической угрозе» популяризировалась в том числе и через историческую ретроспективу справедливой борьбы русского народа за национальную независимость. Поход Наполеона в Россию логически вписывался в исторический ряд – от «крестового» похода на Русь тевтонских псоврыцарей в начале XIII в. до вторжения немецко-фашистских полчищ в 1941 г. – как очередная агрессия Запада на Восток. В таком контексте трактовались причины вооруженного столкновения России и Франции, цели французского императора в войне. Труды Л.Г. Бескровного в этом отношении имели строго определенную идейную направленность. Они способствовали решению конкретной идеологической задачи: в историческом аспекте разоблачать, вынашиваемые «идеологами современного империализма», «планы завоевания мирового господства... нового похода против нашей Родины»¹. Отсюда следовали ссылки историка на попытки западных историографов «поднять на щит» Наполеона, «а заодно и второго претендента на мировое господство – Гитлера»². Сближая между собой эти две исторические личности, Бескровный таким образом актуализировал необходимое ему политическое звучание Отечественной войны 1812 года.

В сентябре 1962 г. Л.Г. Бескровный изложил свои взгляды на войну 1812 года перед ученым советом Института истории АН СССР³. Обсуждение темы накануне торжественного заседания в Кремлевском Дворце съездов преследовало цель выработать единую линию в освещении темы. Доклад Бескровного ограничивался только Бородинским сражением. Общая повестка дня ученого совета ставилась шире: «Некоторые вопросы Отечественной войны 1812 года»⁴,

¹ См.: Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 4.

² См.: Там же. С. 4.

³ Содержание доклада было опубликовано в журнале «История СССР». См.: Бескровный Л.Г. Бородинское сражение: К 150-летней годовщине. С. 3–18.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 475. Л. 1.

поэтому участники собрания в рамках обозначенной повестки дня затрагивали самый широкий спектр вопросов.

В докладе Л.Г. Бескровный кратко, в контексте своей последней монографии, коснулся социально-политической природы войны. Основное внимание он уделил характеристике полководческого искусства М.И. Кутузова в Бородинском сражении¹. Аналитический разбор стенограммы юбилейного заседания свидетельствует о поддержке членами ученого совета позиции Л.Г. Бескровного, хотя во время обсуждения доклада не обошлось без дискуссии. По вопросам причин войны и ее характера присутствовало полное единство взглядов. В частности, ни у кого не вызывал возражений тезис о единоличной ответственности Наполеона за развязывание войны. Так, С.М. Дубровский, вслед за Л.Г. Бескровным, по-ленински оценивал «войну Наполеона» как «открытую империалистическую войну». Особенно важным он считал развивать в литературе мысль о том, что «наша страна намертво стояла против агрессора Наполеона», превратившегося в диктатора после термидорианского переворота². В выступлениях неоднократно обращалось внимание на необходимость увязывать события 1812 г. с «разоблачением империалистической пропаганды». Такой подход считался наиболее актуальным. Однако некоторые из членов ученого совета полагали ошибочным рассматривать войну 1812 года по аналогии с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Эти возражения аргументировались тем, что в данном случае допускалась преемственность целей внешней политики Российской империи и Советского Союза. Сторонники указанной точки зрения видели в таком подходе нарушение важнейших методологических принципов советской исторической науки³.

В соответствии с марксистско-ленинской методологией с классовых позиций рассматривался народный характер войны. В частности, директор Института истории АН СССР В.М. Хвостов, подчеркнул, что войну выиграл не царизм, а народ в лице крепостного крестьянства. «Так мы за Лениным, – подчеркнул В.М. Хвостов, – должны оценивать ее (войну. – *И. Ш.*). Так и сейчас оценивает ее партийная печать»⁴.

¹ Там же. Д. 487. Л. 2–57.

² Там же. Л. 74.

³ Там же Л. 74, 96, 101.

⁴ Там же. Л. 111. Концовка приведенной цитаты интересна как очередное свидетельство методологического значения статей, публиковавшихся в партийной прессе.

Такое же единодушие высказали участники ученого совета о месте и роли М.И. Кутузова в войне¹. Формально точка зрения И.В. Сталина, изложенная в письме полковнику Е.А. Разину, в ходе прений подверглась критике². Выступавшие призывали, «изображая образ Кутузова, сойти с позиции коленопреклонения»³.

Фактически же светлейший князь остался на том высоком пьедестале, куда возвели его историки после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Например, как отмечал докладчик, только советские историки сумели увидеть в М.И. Кутузове «великого полководца, гений полководца»⁴. Подобным образом в выступлениях подчеркивалось, «что на протяжении ста с лишним лет Кутузова хотели оставить в тени» и «настоящее лицо Кутузова» было показано только в советской историографии⁵. Одновременно высказывалась мысль о большой пользе кутузовских (?) традиций «в период 1941 года, когда Красная Армия вынуждена была отступить»⁶. Правда, в данном случае не учитывалось, что общую стратегию отступления 1812 г. разрабатывал и большей частью выполнял не М.И. Кутузов, а его предшественник М.Б. Барклай де Толли.

Вообще в выступлениях просматривалось продолжение сталинской линии на принижение личности М.Б. Барклая де Толли. Так, М.Г. Брагин считал войну уже проигранной, когда «Кутузов... принимал командование войсками», поэтому «все условия для победы были против него»⁷. В свою очередь, В.М. Хвостов, вопреки исторической правде, заявил, что «Барклай под Бородино сдрейфил»⁸.

Таким образом, итоги работы научного форума свидетельствуют о том, что важнейшие концептуальные положения, сформулированные и развитые во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов, продолжали оставаться актуальными и глубокого переосмысления не получили. Они составили *официальное направление* в развитии темы. В очередной раз одобренная научной общественностью официальная трактовка войны получила широкое распространение в литературе.

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 487. Л. 84.

² Там же

³ Там же. Л. 69.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ Там же. Л. 94.

⁶ Там же. Л. 110.

⁷ Там же. Л. 85.

⁸ Там же. Л. 110.

Например, публикациями в периодической печати откликнулся на юбилейную годовщину Отечественной войны 1812 года П.А. Жилин¹. Свое концептуальное понимание проблемы он изложил в обобщающей статье, написанной совместной с М.В. Нечкиной для журнала «Коммунист»². Несколько позже, в 1964 г., как ведущий исследователь проблемы, ученый выступил в Академии общественных наук, готовившей номенклатурные кадры для партийных органов, с лекцией «Историография Отечественной войны 1812 года»³. Эти и другие сочинения подтвердили статус П.А. Жилина как официального историка темы. Проведенный автором настоящей монографии сравнительный анализ его трудов с работами Л.Г. Бескровного указывает на полное совпадение взглядов обоих исследователей по основополагающим концептуальным положениям.

В изучаемый исторический период методологическое значение для дальнейшего развития исследуемой проблемы имел доклад В.М. Хвостова, сделанный на тожественном собрании в Кремлевском дворце съездов 18 октября 1962 г.⁴ Его содержание строилось по уже отработанной в трудах Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина схеме. Аналогия целей и задач внешней политики наполеоновской Франции и гитлеровской Германии по отношению к России и СССР проводилась здесь еще более рельефно. Доклад завершился в духе высказываний Н.С. Хрущева: воинственным напоминанием печальной исторической перспективы тем, кто «пытается зажечь пожар войны»⁵.

Ключевые аспекты официальной концепции войны развивались и в других работах⁶.

Однако нельзя не признать, что «оттепель» оказала свое влияние на характер изучения истории Отечественной войны 1812 года.

¹ См.: Жилин П. Военное искусство русской армии в Отечественной войне 1812 года // Военная мысль. 1962. № 6. С. 56–65; Его же. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года; Его же. Полководческая деятельность М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 7. С. 29–41.

² См.: Нечкина М.В., Жилин П.А. Бессмертная эпопея: К 150-летию Отечественной войны 1812 года // Коммунист. 1962. № 12. С. 37–46.

³ Стенограмму лекции см.: РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 713. Л. 44–90.

⁴ См.: Хвостов В.М. Великий подвиг народа // Правда. 1962. 19 октября.

⁵ См.: Правда. 1962. 19 октября.

⁶ См.: Малиновский Р. Значение победы России в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал 1962. № 9. С. 11; Ростунов И.И. Народные массы России в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 3–18; и др.

Официальная критика культа личности И.В. Сталина и его влияния на советскую историческую науку¹ отозвалась новыми явлениями в историографии. В литературе стал наблюдаться постепенный отход от однобокой ориентации на освещение завершающего этапа войны и полководческого искусства М.И. Кутузова. Усиление тенденции к расширению тематики научных исследований и сферы приложения научных интересов составило важную особенность изучения истории 1812 года в начале 60-х годов XX в.

Малоисследованные вопросы пропагандистской деятельности русского командования осветили Ю.М. Лотман и А.Г. Тартаковский². А.П. Пронштейн и Б.В. Чеботарев продолжили начатое в 1947 г. Л.М. Францевой изучение места и роли донских казаков в войне³.

Гораздо больше внимания в этот период исследователи темы стали уделять разработке ее внешнеполитических аспектов. Принципиально новое направление в этой области обозначили Н.Н. Болховитинов, И.Г. Гуткина, Ф.А. Молок, проанализировавшие отклики зарубежной прессы на события 1812 г. в России⁴. обстоятельностью проработки литературы и первоисточников отличались историографические и исторические исследования В.Г. Сироткина⁵. Определенный вклад в разработку внешнеполитических вопросов внесли С.Г. Власкин, И.В. Евстигнеев, А.Л. Нарочницкий, И.И. Кяйвя-

¹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1956). Д. 14. Л. 1; Д. 37. Л. 2; Д. 43. Л. 9; Д. 487. Л. 42; Д. 520. Л. 53; Ф. 1577. Оп. 2. Д. 494. Л. 5; и др.

² См.: Лотман Ю.М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. С. 215–232; Его же. Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // Ученые записки Тарт. ун-та. 1963. Вып. 139. [Т.] 6. С. 8–19; Тартаковский А.Г. Из истории русской военной публицистики 1812 года // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. С. 233–254.

³ См.: Пронштейн А.П., Чеботарев Б.В. Донские казаки в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 34–39.

⁴ См.: Болховитинов Н.Н. Отклики в США на Отечественную войну 1812 года // Новая и новейшая история. 1962. № 6. С. 93–97; Гуткина И.Г. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года // Новая и новейшая история. 1962. № 5. С. 84–91; Молок Ф.А. Отклики в Чехии на Отечественную войну 1812 года и освободительный поход русской армии в Европу // Новая и новейшая история. 1963. № 4. С. 103–108.

⁵ См.: Сироткин В.Г. Война 1812 года в общих работах современных историков Франции // История СССР. 1962. № 6. С. 181–192; Его же. Тильзитский мир // Французский ежегодник. 1963. М., 1964. С. 62–89; Его же. Французский историк о внешнеторговой политике Англии в эпоху континентальной блокады // Вопросы истории. 1963. № 2. С. 195–196.

рйайнен и другие ученые, использовавшие в своих трудах широкую источниковую базу¹.

Однако, несмотря на предпринимаемые попытки по-новому интерпретировать события 1812 г., основные выводы у большинства исследователей не расходились с официальными воззрениями, т. е. соответствовали заданным установкам.

Так, оригинальностью суждений отмечалась статья *Н.И. Казакова*, в которой историк рассмотрел характер, цели и задачи внешней политики России накануне войны². В какой-то мере его взгляды шли в разрез с идеями, изложенными в трудах Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина. Проанализировав русско-французские отношения накануне войны, историк пришел к выводу, что Александр I сумел воспользоваться результатами Тильзитского соглашения «для реализации самых широких завоевательных планов». По мнению Н.И. Казакова, российский государь «не изменял своему внутреннему непримиримо враждебному отношению к Наполеону», этому «исчадию» французской революции», «искусно играл свою роль», «сумел ввести в заблуждение» не только Наполеона, но и собственное окружение³. В итоге острейшей дипломатической борьбы 1807–1812 гг. «он вышел победителем»⁴.

Такой возврат к понятиям, получившим широкое распространение в историографии в начале XX столетия, означал определенный прогресс в развитии темы. Однако подобные выводы могли быть расценены руководящими органами как возрождение «антимарксистской» концепции Покровского, поэтому рациональное зерно автор-

¹ См.: Власкин А.Г. Поддержка Россией национально-освободительного движения в Германии против наполеоновского владычества. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1962; Его же. Отечественная война 1812 года и движение немецких патриотов // Новая и новейшая история. 1962. № 5. С. 72–83; Евстигнеев И.В. К вопросу о целях внешней политики России в 1804–1805 гг. // Вопросы истории. 1962. № 5. С. 203–210; Зак Л.А. Англия и германская проблема. М., 1963. С. 91–102; Кяйвярайнен И.И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX в. и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965; Муньков Н.П. М.И. Кутузов – дипломат. М., 1962; Нарочницкий А.Л. Политика России на Балканах в 1801–1812 гг. в свете новой документальной публикации. М., 1966; Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798–1807 гг. М., 1962; и др.

² См.: Казаков Н.И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. С. 9–30.

³ См.: Там же. С. 12.

⁴ См.: Там же. С. 15.

ских суждений разбавлялось акцентом на чрезмерную агрессивность наполеоновской внешней политики. С этой целью, например, Н.И. Казаков ссылался на декларативную Бартенштейнскую конвенцию о союзе с Пруссией, подписанную 14(26) апреля 1807 г. Из итогового документа цитировались выдержки, подчеркивавшие благородство и справедливость внешнеполитических задач русско-прусского союза¹. В итоге Казаков пришел к довольно сомнительному выводу о том, что с 1810 г. Наполеон отказался сокрушить Англию путем экономической блокады и полностью переориентировался на завоевание России².

Соответствующим образом профессор Петрозаводского университета *И.И. Кяйвярйнен* достаточно подробно разобрал вопрос о присоединении Финляндии к России. Автор аргументированно полемизировал с западноевропейскими историками, отстаивавшими идею традиционной враждебности русско-финских отношений. Однако в рамках общих методологических установок, исследователь считал оправданной аннексию Финляндии к России. Он подчеркивал прогрессивность этой агрессивной акции. При этом умалчивалось о Тильзитском соглашении, по которому Россия получила свободу действий в данном регионе³.

Непоследовательностью отличалась позиция *И.В. Евстигнеева*, с одной стороны, пытавшегося доказать миролюбивые намерения России во время подготовки и создания третьей антинаполеоновской коалиции (1804–1805 гг.). С другой стороны, он отмечал, что в изучении внешней политики русского царизма не следовало приуменьшать ее агрессивность. Одновременно И.В. Евстигнеев (в духе сталинского письма 1934 г. к членам ЦК ВКП(б) с критикой взглядов Ф. Энгельса) в международном балансе сил также учитывал агрессивные устремления других западноевропейских государств. Он указывал, «что такие буржуазные государства, как Франция и Англия, проводили в то время агрессивную политику в еще более широких масштабах»⁴.

В начале 60-х годов XX в. *В.В. Пугачев* продолжил начатое в кандидатской диссертации *изучение русского стратегического плана войны*⁵. На основе разнообразных источников историк воскресил непо-

¹ См.: Казаков Н.И. Внешняя политика России перед войной 1812 года // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. С. 12–13.

² См.: Там же. С. 19.

³ См.: Там же. С. 7, 44.

⁴ См.: Евстигнеев И.В. К вопросу о целях внешней политики России в 1804–1805 годах. С. 210.

⁵ См.: Пугачев В.В. К вопросу о первоначальном плане войны 1812 года // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. С. 31–46; Его же. Толстой

пулярную в советской историографии версию М.И. Богдановича¹ об активном участии в стратегическом планировании М.Б. Баркляя де Толли. Исследователь подтвердил вывод дореволюционного историка о том, что реальный ход военных действий не соответствовал принятому плану. Отступление оказалось более глубоким и более быстрым, чем предполагало русское командование. Серьезным недостатком русского стратегического плана исследователь считал отсутствие в нем мероприятий по развертыванию народной партизанской войны².

П.Я. Алешкин и В.К. Головников, В.И. Бабкин, П.М. Володин, Б.Ф. Ливчак подробно исследовали *вопрос о народном ополчении в 1812 г.*, дополнив его новыми фактическими данными о численном составе, боевой подготовке и материальном снабжении³. Но и в освещении этого вопроса отмечалась явная схематичность. Например, П.Я. Алешкин и В.К. Головников отношение к народному ополчению со стороны ремесленников и крестьян демонстрировали только на положительных примерах, свидетельствующих об их высоких патриотических чувствах. С учетом социально-классового подхода, распространенного в советской исторической науке, авторы статьи о дворянском патриотизме упоминали вскользь, самыми общими фразами. Русское дворянство характеризовалось главным образом с отрицательной стороны. Имевшие место среди дворян негативные явления, сводились к закономерности⁴. Подобным образом утверждал

об отступлении русской армии в 1812 году и историческая действительность // Л.Н. Толстой: Статьи и материалы. Вып. V. Горький, 1963. С. 196–225; Его же. Подготовка России к войне с Наполеоном в 1810–1811 гг. // Ученые записки Горьк. гос. ун-та. 1964. Вып. 72: Сер. ист.-филол. Т. 1. С. 93–123; Его же. О форме выработки русского стратегического плана Отечественной войны 1812 года // Ученые записки Горьк. гос. ун-та. 1966. Вып. 78: Сер. ист.-филол. Т. 2. С. 625–646.

¹ См.: Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 1. С. 93–109.

² См.: Пугачев В.В. Толстой об отступлении русской армии в 1812 году и историческая действительность. С. 225.

³ См.: Алешкин П., Головников В. Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 22–38; Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года; Его же. Нижегородское ополчение в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. Б. м. и г.; Его же. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... д-ра ист. наук. Б. м., 1965; Ливчак Б.Ф. История ополчения в Вооруженных Силах России XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. Свердловск, 1965; и др.

⁴ См.: Алешкин П., Головников В. Указ. соч. С. 24–26.

ся тезис о народном, в классовом его понимании, характере Отечественной войны, отрицавший ведущую роль дворянского сословия в борьбе с агрессором.

Изучение социально-классовых отношений во время войны, продолжили *В.И. Бабкин, Л.Н. Бычков, И.И. Игнатович*¹. Анализ работ перечисленных авторов показал совпадение взглядов указанных историков на характер крестьянских выступлений в 1812 г. Поэтому общепринятым можно считать тезис, согласно которому крестьяне, выступая против иноземных захватчиков, одновременно вели борьбу и за свое социальное освобождение от крепостнического гнета. В изучаемый исторический период в литературе преобладала предвоенная точка зрения, разработанная Л.Н. Бычковым², о том, что нашествие Наполеона на Россию не привело к резкому обострению классовых антагонизмов. Причины подавляющего большинства волнений и восстаний против помещиков в период наполеоновского нашествия историки усматривали не в самом факте начавшейся войны, а в тяжелых условиях жизни крепостных крестьян.

Несмотря на общую тенденцию к сохранению основных концептуальных положений, разработанных во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов XX в., борьба с преодолением последствий культа личности И.В. Сталина в исторической науке вызвала к жизни стремление отдельных историков к более объективным и взвешенным оценкам Отечественной войны 1812 года.

Это новое явление в историографии темы появилось в конце 50-х годов. Например, *А.В. Фадеев* указал на наличие односторонних оценок и субъективистских взглядов при изучении внешней политики царизма в начале XIX в.³ В понимании А.В. Фадеева, война со стороны России носила не только прогрессивный, но и реакционный

¹ См.: Бабкин В.И. К вопросу о специфике классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 года // Материалы XVIII науч. конф. Волгоград. гос. пед. ин-та. 1963. С. 68–70; Бычков Л.Н. О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 43–58; Игнатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 76–100.

² См.: Бычков Л.Н. Война 1812 года и крестьянство России // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 57–72; Его же. Крестьянское партизанское движение против нашествия Наполеона в 1812 году // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 61–76; Его же. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1941; Его же. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1954.

³ См.: Фадеев А.В. Дореформенная Россия (1800–1861 гг.): Лекции из курса истории СССР, прочит. на истфаке МГУ. М., 1960. С. 42.

характер, направленный на реставрацию монархий, низвергнутых Наполеоном¹. «Царизм преследовал в этой войне свои собственные и отнюдь не только оборонительные цели», – замечал по этому поводу ученый².

Историк с позиций диалектики подошел к оценке роли основных классов и сословий в войне. Он отмечал не только классовое разграничение, но определенное совпадение интересов крепостного крестьянства, дворян и других слоев общества при отражении наполеоновского нашествия³.

В юбилейной литературе отмечались попытки осуществить критический подход к изучению *Бородинского сражения*. Против предвзятости и субъективизма в освещении центрального события Отечественной войны 1812 года выступил А.Н. Кочетков. В статье «О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения»⁴ он отметил беспринципность тех историков, которые выдавали просчеты русского командования за проявление полководческого мастерства. По мнению автора статьи, подобные «новые толкования» лишь запутывали «ясный вопрос»⁵.

Под таким углом зрения, А.Н. Кочетков критически проанализировал замысел М.И. Кутузова на сражение. Историк считал лишены здравого смысла утверждения о преднамеренном заманивании Наполеона на слабый левый фланг русской армии. Подчеркивая несуразность подобных взглядов, А.Н. Кочетков указывал, что это «означало бы преднамеренно идти на поражение»⁶. В публикации справедливо отмечалось трудное положение русской армии, в котором она оказалась из-за ошибок в ее боевом построении⁷. А.Н. Кочетков выступил против очевидных нелепостей, распространяемых в советской литературе об итогах Бородинской битвы. Он подверг критике точку зрения Н.Ф. Гарнича, согласно которой русская армия на последнем этапе сражения перешла в общее контрна-

¹ См.: Фадеев А.В. О некоторых чертах внешней политики России в период разложения крепостнической системы // Вопросы истории. 1958. № 1. С. 45–61.

² Фадеев А.В. Дореформенная Россия (1800–1861 гг.). С. 60.

³ См.: Фадеев А.В. О некоторых чертах внешней политики России в период разложения крепостнической системы. С. 45–61.

⁴ См.: Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 36–44.

⁵ См.: Там же. С. 39.

⁶ См.: Там же. С. 40.

⁷ См.: Там же. С. 41.

ступление, вынудив французов к обороне и затем к отступлению¹. Правда, в своем аналитическом разборе историк не сделал вывода о победителе в сражении, сославшись на необходимость дальнейшего изучения этого вопроса.

Свои сомнения в правильности распространенной версии о полной победе русских войск в Бородинском сражении, независимо от А.Н. Кочеткова, высказал *Н.И. Казаков*. На упомянутом заседании ученого совета Института истории АН СССР 13 сентября 1962 г. он вступил в полемику с Л.Г. Бескровным по данному вопросу, высказав мысль, что у Бородино ни одна из сторон не сумела решить поставленных перед ними стратегических задач². Отсюда делался вывод, что «можно говорить о влиянии Бородинского сражения на весь ход войны, а вот говорить о победе – очень сомнительно»³. Подобные принципиальные оценки Бородинского сражения указывали на понимание среди части историков несостоятельности господствовавших в изучаемый исторический период научных взглядов.

Всесторонний анализ различных историографических источников свидетельствует о том, что, обмен мнениями в открытой печати допускался лишь по вопросам, не затрагивавшим основополагающих положений господствовавшей концепции Отечественной войны 1812 года. Отдельные попытки кардинальным образом изменить сложившиеся в годы правления И.В. Сталина методологические подходы к освещению темы оказывались безуспешными. По свидетельству *Н.А. Троицкого*, «интересы науки приносились в жертву политической конъюнктуре или даже личным амбициям ученых сановников»⁴. Этот вывод опирался на собственный жизненный опыт историка. В 1963 г. он подготовил для журнала «Вопросы истории» большую статью под названием «Не отступать от классовых позиций! (Против лакировки так называемой Отечественной войны 1812 года)», в которой с учетом положений марксистско-ленинской теории поднял вопрос о возможности существования отечественных войн в дооктябрьский период истории России. Автор статьи пришел к выводу о том, что «понятие “Отечественная война” к войне 1812 года неприменимо». Одновременно он настаивал на пересмотре распространенной схемы причин вооруженного столкновения России и Франции, выставившей Наполеона агрессором и единственным ви-

¹ См.: Кочетков А. О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 43.

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 487. Л. 64–65.

³ Там же. Л. 71.

⁴ Троицкий Н.А. Глагол времен // Историки России о времени и о себе. Вып. 2. М., 1998. С. 21.

новником конфликта. Здесь же молодой ученый выступил против «вульгарной идеализации» Кутузова, тезиса о «полной победе» русских при Бородине, подтасовке «в нашу пользу» соотношения сил и потерь противоборствующих сторон и по некоторым другим важнейшим аспектам исследуемой проблемы.

По образному выражению Троицкого, редакция журнала «отшатнулась» от его критических выводов. Тогда исследователь переслал свое сочинение в Отделение истории АН СССР и в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС. В Комиссии заинтересовались (или сделали вид, что заинтересовались) статьей и предложили историкам обсудить ее. Однако, несмотря на неоднократные заверения со стороны руководства Отделения истории АН СССР, «ввиду крайней занятости», проблему не вынесли на широкое обсуждение. Вместо научной дискуссии автору статьи отослали «развернутый отзыв», подписанный И.В. Бестужевым и Л.В. Черепниним.

В отзыве признавалось, что «в советской исторической науке имело место известное упрощение в освещении характера внешней политики царизма и допускалась идеализация роли отдельных государственных деятелей и полководцев царской России». Вместе с тем Н.А. Троицкому указывалось на «известную односторонность и упрощение» в трактовке поставленных им проблем. Далее с опорой на положения классиков марксизма-ленинизма все авторские суждения были признаны «противоречивыми» и «бездоказательными»¹.

Сравнительный анализ публикации А.Н. Кочеткова и официального отзыва на статью Н.А. Троицкого указывает на совпадение точек зрения указанных ученых по ряду аспектов истории Отечественной войны 1812 года. Однако в отличие от Троицкого Кочетков критически оценивал только военное искусство. Он не касался социально-политической стороны проблемы и поэтому получил возможность излагать свои взгляды в научной печати².

В свою очередь Н.А. Троицкий высказал сомнения в объективности наиболее важных, системообразующих положений официально-патриотической концепции войны. По данной причине в официальных научных кругах они были признаны несостоятельными.

¹ Там же. С. 22. К настоящему времени автор монографии имеет на руках любезно переданные Н.А. Троицким копии документов, подтверждающие подлинность описанных в его автобиографических воспоминаниях событий.

² В этом же году им была опубликована еще одна статья, в которой автор критически проанализировал управление русской армии в 1812 г. См.: Кочетков А.Н. Управление войсками в русской армии в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 10. С. 56–65.

Н.А. Троицкий, несмотря на сделанное ему приглашение «присоединить свои усилия» «для разработки проблем Отечественной войны 1812 года», хорошо прочувствовал негативное отношение к своей позиции. «Я понял тогда, – отмечал он в своих воспоминаниях, – что тема “Двенадцатого года” для меня закрыта и на два десятилетия, до перестроечных времен, отошел от работы над ней»¹.

В приведенном примере обращает на себя внимание новое отношение партийного и научного руководства к альтернативным официальной точке зрения убеждениям. По сравнению с предыдущим этапом развития историографии оно отличалось гораздо большей терпимостью. Можно напомнить о тех кризисных ситуациях, которые создавались вокруг академика Е.В. Тарле. После разгромных статей в центральной партийной печати от полной научной дискредитации его спасало только личное знакомство и заступничество И.В. Сталина. Многие другие даровитые ученые, не имевшие такой мощной поддержки, зачастую оказывались причисленными к категории «врагов народа», «космополитов», «антиленинцев» и т. п. со всеми вытекающими отсюда последствиями². В начале 60-х годов демократизация общественной жизни в стране стала приносить свои плоды. В исторических исследованиях допускалась дискуссия, что сделало возможным в известных пределах выражать собственное критическое отношение к уже устоявшимся взглядам.

Во второй половине 60-х годов в советской исторической науке вновь усилились командно-административные методы управления. Историки изучаемого исторического периода впоследствии отмечали решительное пресечение всякой самостоятельности «в условиях жесткого идеологического контроля со стороны соответствующих властных структур». Нередко редакциям исторических журналов в полном составе приходилось «выскребать» из готового тиража «выловленный цензурой политический ляпсус», а «провинившийся» главный редактор отправлялся в здание ЦК КПСС на Старой площади за очередным нагоняем³.

¹ Троицкий Н.А. Глагол времен. С. 22.

² Показательной в данном отношении может служить судьба исследователя истории Древней Греции С.Я. Лурье. Подобно Е.В. Тарле, его научные взгляды, были признаны «антипатриотическими» и «космополитическими». За «чрезвычайное преклонение перед иностранной буржуазной наукой» и нежелание признать партийную критику Лурье был исключен и состава членов ученого совета и освобожден от работы в институте (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 211. Л. 6 об.; Д. 212. Л. 110).

³ См.: Памяти Ивана Дмитриевича Ковальченко // Отечественная история. 1996. № 2. С. 219.

В изучаемой проблеме указанный процесс проявился в усилении общей тенденции к приукрашиванию событий, которая, как полагают современные историографы, «обрела гипертрофированные формы»¹. Анализ литературы второй половины 60-х – первой половины 80-х годов, проведенный автором настоящей монографии, позволяет согласиться с такой точкой зрения.

Действительно, в развитии официальной концепции всемерно усилилась линия на доказательство идей, искажавших подлинный генезис, социальный характер и ход Отечественной войны 1812 года. Основу этого генерального направления составили труды П.А. Жилина. В 1968 г. вышла его очередная монография «Гибель наполеоновской армии в России», которая в последующем претерпела еще два переиздания². Высокий авторитет автора книги как специалиста-историка фактически поставил ее вне критики. Рецензенты единогласно отмечали высокие достоинства нового сочинения, усматривая в нем лишь малозначащие недостатки³.

В отличие от своих более ранних работ П.А. Жилин в «Гибели наполеоновской армии...» гораздо обстоятельнее рассмотрел причины вооруженного столкновения двух держав, подготовку противоборствующих сторон к войне и ход военных действий при отступлении русских армий от государственной границы вглубь своей территории. В монографии вводились специальные главы о заграничных походах 1813–1814 гг. и развитии русского военного искусства. В новом дополненном издании, как и прежде, наиболее удачно раскрывался вопрос о восстановлении боеспособности русской армии в Тарутинском лагере. Объективно, с учетом характера боевых действий, строилась авторская периодизация войны. В связи с этим Жилин весьма убедительно опровергал точку зрения о наступлении

¹ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 60–61.

² См.: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; 3-е изд., доп. и испр., вышло под названием «Отечественная война 1812 года» (М., 1988).

³ См.: Епифанов П.П., Федосов И.А. [Рецензия] // Вопросы истории. 1971. № 4. С. 168–170. Рец. на кн.: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968; Козлов Л. [Рецензия] // Военно-исторический журнал. 1975. № 7. С. 115–119. Рец. на кн.: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России: 2-е изд. М., 1974; Манфред А.З. [Рецензия] // Новая и новейшая история} 1976. № 1. С. 195–197. Рец. на кн.: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России: 2-е изд. М., 1974; Строков А.А. [Рецензия] // История СССР. 1975. № 3. С. 204–207. Рец. на кн.: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России: 2-е изд. М., 1974.

коренного перелома в войне сразу после Бородина¹. Представляют интерес попытки автора документально доказать наличие у Кутузова планов проведения заграничного похода 1813 г.²

Тем не менее сравнительный текстовый анализ всех изданий показал, что историк главным образом дополнял и развивал идеи, которые он сформулировал в первой половине 50-х годов. Общая точка зрения П.А. Жилина на войну 1812 года в течение последовавших за смертью И.В. Сталина десятилетий не претерпела существенных изменений. Сформированные в послевоенные годы субъективистские положения традиционно кочевали у историка из одной работы в другую. В новых трудах главным образом менялись цитаты, но не мысли. Поэтому авторские взгляды на причины войны, политические цели сторон, ее характер и итоги остались неизменными. Сталинские изречения заменялись ссылками на текущие партийные документы. В 1962 г. в духе времени на словах ученый самокритично признавал отрицательное влияние идей «вождя народов» на свою научную деятельность. Но это влияние, вслед за Л.Г. Бескровным, П.А. Жилину представлялось только в одностороннем изучении полководческой деятельности Кутузова³. Уже через год, выступая перед курсантами Академии общественных наук при ЦК КПСС, П.А. Жилин исключил сюжет с культом личности Сталина из характеристики советской литературы⁴. Даже в последнем, вышедшем в свет в условиях начавшейся перестройки советского общества, издании об этом негативном явлении в советской историографии не сказано ни слова.

Официальная концепция войны находила отражение и в других научных трудах второй половины 60-х – первой половины 80-х годов. В объяснении причин войны ведущим оставался тезис о единоличной ответственности Наполеона за развязывание войны с Россией⁵. В оценках внешней политики Франции внимание традиционно акцентировалось на ее захватническом характере. В противоположность этому самодержавная Россия представлялась в виде миротворца, пытающегося остановить агрессора. В некоторых научных трудах

¹ См.: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. 2-е изд. С. 168–171.

² Там же. С. 320–323.

³ См.: Жилин П.А. Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года. С. 61–62.

⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 713. Л. 61.

⁵ См.: Ростунов И. Бородинское сражение 1812 года // Военно-исторический журнал. 1982. № 8. С. 69.

признавалось, что наполеоновская Франция наносила удары по феодальным пережиткам и господству дворянства в Западной Европе. Вместе с тем одновременно утверждалось, что в ходе наполеоновских войн положительные последствия антифеодальных мероприятий постепенно ослабевали и отодвигались на задний план по сравнению с угнетением, которое Наполеон нес народам Европы¹. На этом основании характер международного конфликта изображался в виде борьбы «оборонительных союзов европейских государств», противостоящих «экспансии Франции»².

По-прежнему в литературе наиболее распространенными оставались идеи о прогрессивном значении присоединения Финляндии к Российской империи³. Тенденциозно, в пользу России, оценивались русско-французские экономические отношения, позиция российского самодержавия в отношении Турции, по германскому, шведскому и польскому вопросам⁴. Заграничные походы русской армии в 1813–1815 гг., по устоявшемуся правилу, трактовались как национально-освободительные⁵.

В характеристиках социально-классовых отношений в годы войны в противовес мнению Л.Н. Бычкова стало утверждаться мнение о резком усилении во время войны антипомещичьих выступлений

¹ См.: Нарочницкий А.Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой (сопротивление и приспособление) // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 67.

² См.: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография / под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1981. С. 196, 197.

³ См.: Нарочницкий А.Л. Указ. соч. С. 77; Итоги и задачи изучения внешней политики России. С. 198; Окунь С.Б. История СССР: Лекции. Л., 1974. Ч. 1. С. 184, 188; История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. М., 1967. Т. 4. С. 110; История СССР. XIX – начало XX в. / под ред. И.А. Федосова. М., 1987. С. 43–44; и др.

⁴ См.: Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII – начало XX в.). М., 1978. С. 58–59, 72; Гулиа Д.Г. К истории восточного вопроса. Сухуми, 1978. С. 28–30; Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 60; Нарочницкий А.Л. Об историческом значении континентальной блокады // Новая и новейшая история. 1965. № 6. С. 58–59; Рогинский В.В. Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978; Федосова Е.И. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980. С. 190–191; и др.

⁵ См.: Ионов А.В. Борьба русской дипломатии за создание шестой антинаполеоновской коалиции // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. 2. С. 113–127; Его же. Внешняя политика России в годы крушения наполеоновской империи (1812–1814). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 24.

крепостных крестьян. Наиболее активно ее отстаивал *Б.С. Абалихин*¹. Он пришел к выводу, что в 1812 г. страна находилась на грани социального взрыва, для которого имелись все необходимые предпосылки. Повсеместного восстания не произошло только потому, что крестьяне отвлекались на борьбу с иноземными захватчиками и верили правительственным намекам на отмену крепостного права. Эта линия, направленная на полное развенчание дореволюционного тезиса о классовом мире в годы войны, поддерживалась и другими историками².

В духе сталинских идей советские историки продолжали идеализировать *М.И. Кутузова*. *М.Г. Брагин* в четвертом, исправленном издании своей книги³ характеризовал русского полководца без каких-либо сомнений, ошибок и предрассудков⁴. Такая традиционная версия в очередной раз распространилась по стране огромным тиражом в 100 000 экземпляров. Подобным образом *П.А. Жилин* настойчиво изображал русского полководца непогрешимым, надклассовым национальным героем⁵.

За редким исключением, многие исследователи избегали острой полемики с официальной историографией, официальные положения которой находили отражения и в других многочисленных сочинениях⁶.

¹ См.: *Абалихин Б.С.* Некоторые особенности классовой борьбы в России в период Отечественной войны 1812 года // *Материалы XX научн. конф. Волгоградского пед. ин-та. Волгоград, 1965. С. 3–6*; Его же. Особенности классовой борьбы в России в 1812 году // *Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967. С. 106–146.*

² См.: *Бабкин В.И.* Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 году // *Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. С. 343–350*; Его же. Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 года // *История СССР. 1972. № 2. С. 111–121*; *Сошин Н.И.* Советская историческая литература о роли классов и сословий в разгроме наполеоновских войск в России в 1812 году // *Вопросы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Калинин, 1977. С. 128–140.*

³ См.: *Брагин М.Г. Кутузов. 4-е изд., испр. М., 1975.*

⁴ См.: Там же. С. 140–141, 163, 173, 181–182 и др.

⁵ См.: *Жилин П.А. М.И. Кутузов. М., 1979; 2-е изд. М., 1983*; Его же. *Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. 3-е изд., доп. М., 1987.*

⁶ См.: *Бескровный Л.Г.* Бородинское сражение. М., 1971; *Иоффе А.* В память об Отечественной войне 1812 года // *Военно-исторический журнал. 1982. № 9. С. 81–82*; *Кавтарадзе А.Г.* Генерал Ермолов. Тула, 1977; *Мокряков П.Т.* Отечественная война 1812 года: Лекция. М., 1970; *Отечественная*

Однако поступательное движение в развитии темы, хотя и в замедленном темпе, но все же не прекращалось. В контексте общей концепции продолжалось изучение малоисследованных вопросов Отечественной войны 1812 года. Одновременно в литературе отмечалось скрытое стремление некоторой части исследователей к более решительному отходу от заданных установок.

Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский продолжили начатый Л.Г. Бескровным историографический анализ советской литературы. Авторы с позиций официальной концепции войны отметили достигнутые в этой области успехи, указали на дискуссионный характер ряда выдвигаемых положений, наметили перспективы дальнейшего изучения темы¹. По некоторым аспектам, таким, например, как разработка стратегического русского плана войны, они старались давать всесторонние и объективные оценки². Однако в большинстве случаев историки предпочли не выходить за рамки общепринятых понятий. В частности, в этот раз они обошли вопрос об отрицательном влиянии культа личности Сталина на развитие историографии темы. Следуя утвердившемуся мнению, исследователи проводили аналогию 1812 г. с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., считали актуальной задачей идеологическую борьбу с западной историографией³. В этих и других вопросах историографы следовали за официальными историками войны.

война 1812 года // Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1978. Т. 6. С. 153–159 (всего, по подсчетам автора данной монографии, энциклопедия содержит 28 статей, посвященных Отечественной войне 1812 года); Федорова О.В., Ушаков В.К. Поле русской славы. М., 1979; и др.

¹ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года и освободительная миссия русской армии. С. 105–147; Их же. Новое в изучении истории войны 1812 года.

² См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года и освободительная миссия русской армии. С. 113.

³ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении истории войны 1812 года. С. 4, 8, 11, 12, 19, 29.

В условиях противостояния государств с различными политическими системами взгляды на историю похода Наполеона в Россию у западноевропейских историков продолжали существенно отличаться от научных позиций советских историков.

В 60–80-х годах XX в. во французской историографии продолжали господствовать воззрения, согласно которым вторжение Наполеона в пределы Российской империи представляло собой акт вынужденной самообороны с целью защиты революционных завоеваний Великой Французской буржуазной революции и должно было способствовать прогрессивному развитию

Свои исследования военно-публицистической деятельности типографии штаба русского командования продолжил А.Г. Тарта-

феодальной России. Широко популяризировался тезис о главенствующей роли природных факторов в поражении Великой армии.

Тем не менее некоторые из исследователей, как, например, К. де Грюнвальд, Ж. Тири, М. Транье и Ж. Карминьяни, не отрицая гениальности Наполеона и не снимая ответственности с Александра I за разрыв франко-российских отношений, считали, что Наполеон проявил себя как захватчик в 1812 г. Поэтому они критически относились к его планам покорения России и высказывали сомнения в том, что русская зима стала главной причиной краха наполеоновского замысла. В данном случае французские историки не отрицали героического сопротивления русских войск и народа агрессорам.

В качестве особенностей развития французской историографии 60–80-х годов некоторые из современных ее российских исследователей отмечают привлечение к написанию научных трудов российских первоисточников, что являлось новым явлением в развитии темы.

В изучаемый исторический период повысился интерес к истории войны 1812 года в английской историографии. Наибольший интерес с точки зрения понимания основных направлений ее развития представляют монографии А. Пальмера, Р. Делдерфилда, К. Даффа, Д. Чэндлера, в которых с достаточной степенью объективности и доказательности критически исследовался преимущественно военный аспект проблемы. Некоторые из английских историков, как, например, В. Джексон, делали в своих сочинениях вполне конкретные научно-исторические прогнозы: «Не ходи на Москву!»

Особое внимание английские ученые уделяли ведущим военачальникам русской армии М.Б. Барклаю де Толли и М.И. Кутузову, действия которых во многом оценивались с положительной стороны. Отдельными историками (Р. Паркинсон) даже высказывались мысли о превосходстве стратегии светлейшего князя над полководческим искусством Наполеона. Такие выводы во многом сближались с официальной точкой зрения, распространенной в советской литературе.

В американской историографии теме войны 1812 года уделялось крайне незначительное внимание.

В немецкой исторической науке Отечественная война 1812 года оценивалась по-разному, в зависти от государственной принадлежности ее историков. В литературе ГДР приоритет получила тема, раскрывающая союзнические отношения Пруссии и других немецких государств с Россией. В исследованиях преимущественно освещалась совместная национально-освободительная борьба немецкого и русского народов против Наполеона. При этом историки ГДР, в отличие от советских ученых, предпочитали говорить открыто о реакционных целях, которые ставились Россией и ее союзниками в 1813–1815 гг. для реставрации в Европе монархических режимов и установления феодальных порядков.

Западногерманская историография продолжала линию, которая наметилась в 50-е годы XX в., на проведение исторических параллелей и поучи-

ковский¹. Глубокой проработкой архивных источников отличались его статьи о становлении историографии темы². Исследователь внес существенный вклад в изучении источниковой базы войны 1812 года. Ранее уже отмечались его заслуги в области отыскания и систематизации мемуарной литературы. Венцом проделанной работы во второй половине 70-х годов стали капитальная монография и блестяще защищенная докторская диссертация³. Научный труд получил очень высокую оценку у критики⁴. Например, С.С. Дмитриев опреде-

тельности итогов войны 1812 года для последующих поколений немецкого народа.

См.: Grunwald C. La campagne de Russie. Paris, 1963; Napoleon et l' Empire (1769–1815–1821). P., 1968. Т. 1–2; Castelot A. Histoire de Napoleon Bonaparte. Т. 8. (1811–1813). P., 1969; Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969; Tranie J., Carmigniani J.-C. La campagne de Russie. Napoleon – 1812. P., 1981.

Jackson W. Seven Roads to Moscow. London, 1957; Chandler D.C. The Campaigns of Napoleon. L., 1967; Palmer A. Napoleon in Russia. N.Y., 1967; Delderfield R The retreat from Moscow. London, 1967; Duffy Ch. Borodino, and the War of 1812. L., 1972; Parkinson R. Fox of the North. Life of Kutuzov, General of War and Peace. London, 1976. P. 235. Josselson M., Josselson D. The Commander: a Life of Barclay de Tolly. Oxford, 1980.

Bock. H. Rebell im Preussenrock. Taurogen. 1812. Berlin, 1964; Straube F. Fruhjarsfeldzug 1813. Die Rolle der russischen Truppen bei der Befreiung Deutschland vom Napoleonischen Joch. Berlin, 1963; Штраубе Ф. О роли русской армии в освободительной войне немецкого народа в первой половине 1813 года // Военно-исторический журнал. 1963. № 10.

См. также обзоры зарубежной историографии: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 103–104; 106–108; 110–112; Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. С. 27–28.

¹ См.: Тартаковский А.Г. Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965; Его же. Военная публицистика 1812 года; Его же. Заметки о военной пропаганде 1812 года.

² См.: Тартаковский А.Г. Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года; Его же. У истоков русской историографии 1812 года. С. 67–95.

³ См.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Его же. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источниковедческого изучения. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1980.

⁴ См.: Вацуров В. [Рецензия] // Вопросы литературы. 1981. № 12. С. 260–266. Рец. на кн.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Гордин Я. [Рецензия] // Звезда. 1981. № 11. С. 218–219. Рец. на кн.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Дмитриев С.С. [Рецензия] // История СССР. 1981. № 6. С. 125–131. Рец. на кн.:

лил ее большое значение не только для исторической науки, но для литературоведения и для истории культуры¹.

В.Г. Сироткин тщательно, в том числе и по французским источникам, изучил деятельность российской дипломатии в предвоенные годы и сделал вывод о ее полной осведомленности относительно направленных против России военно-дипломатических усилий Наполеона². Историк проследил деятельность российских дипломатов, позволивших сорвать замыслы французского императора. В исследовании хотя и признавалось «столкновение агрессивных устремлений Франции и России»³, но фактически был обойден вопрос о наличии амбициозных, великодержавных целей в дипломатической игре Александра I.

В начале 80-х годов В.Г. Сироткин акцентировал внимание научной общественности на том, что война России с Наполеоном была продолжением традиционной политики российского самодержавия с Французской буржуазной революцией. Эта мысль ранее не находила большого распространения в советской литературе, поэтому историк более подробно остановился на идеологическом противодействии российского самодержавия распространению революционных идей⁴.

В.А. Георгиев выступил против утверждений И.И. Кяйвярайнена о прогрессивном значении вхождения Финляндии в состав России. В подтверждение своих взглядов критик сослался на ленинские оценки⁵. Однако указанный автором публикации ленинский взгляд, согласно которому Россия аннексировала Финляндию от Швеции, не подходил под общую схему официальной историографии. Очевидно, вследствие указанной причины, подчеркнув несоответствие взглядов И.И. Кяйвярайнена положениям В.И. Ленина, рецен-

Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источникововедческого изучения. М., 1980; Давыдов Ю. [Рецензия] // Новый мир. 1982. № 3. С. 265–266. Рец. на кн.: Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX в.: опыт источникововедческого изучения. М., 1980; и др.

¹ См.: Дмитриев С.С. Указ. соч. С. 131.

² См.: Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий: Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966.

³ См.: Там же. С. 197.

⁴ См.: Сироткин В.Г. Великая Французская буржуазная революция, Наполеон и самодержавная Россия // История СССР. 1981. № 5. С. 46.

⁵ См.: Георгиев В.А., Панченкова М.Т. Проблемы внешней политики России XIX в. в трудах советских историков // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 140.

зент тем не менее не стал развивать мысль об агрессивности внешней политики российского самодержавия. К чести В.А. Герасимова, заострившего внимание научного мира на данном вопросе, можно отметить, что абсолютное большинство исследователей российской внешней политики XIX в. вообще предпочитало не акцентировать внимания на «нетипичных» ленинских замечаниях.

Во второй половине 60-х годов *В.Н. Сперанский* значительно расширил представления о военно-экономической подготовке России к войне. Он проанализировал состояние военно-промышленного потенциала империи и материально-техническое снабжение русской армии, указал на имевшие место недостатки в этих вопросах¹. *Б.С. Абалихин* подробно изучил этот же аспект на юго-западе страны². Более того, в специальном комплексном исследовании он детализировал ход войны на юго-западном стратегическом направлении³. Работа проводилась на основе неопубликованных материалов, почерпнутых в фондах 20 центральных, республиканских и областных архивов⁴. В итоге, Абалихин высказал собственные оригинальные суждения о месте Украины в военно-стратегических планах противоборствующих сторон. Историк пришел к выводу о том, что русское командование сумело сорвать планы Наполеона по захвату юго-западных областей Российской империи.

¹ См.: Сперанский В.Н. Из истории военно-экономической подготовки войны 1812 года: Снабжение русской армии стрелковым оружием // Ученые записки Горьк. гос. ун-та. Горький, 1966. Вып. 78: Сер. ист.-филол. Т. 2. С. 557–582; Его же. К вопросу о выработке военно-экономической программы подготовки России к войне 1812 года: План обеспечения армии орудиями и снарядами // Тез. докл. конф. молодых науч. работников Горьк. гос. ун-та. Горький, 1965. С. 133–135; Его же. О снабжении русской военной промышленности свинцом в 1808–1812 гг. // Ученые записки Горьк. гос. у-та. 1965. Вып. 78. Т. 1: Сер. ист.-филол. С. 275–284; Его же. Русская военная промышленность в период Отечественной войны 1812 года // Ученые записки Горьк. гос. у-та. 1965. Вып. 85. Т. 1: Сер. ист.-филол. С. 58–62; Его же. Военно-экономическая подготовка России к войне с Наполеоном в 1812–1814 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Горький, 1968.

² См.: Абалихин Б.С. Военно-экономический потенциал Юго-Западного края России накануне Отечественной войны 1812 года // Поволжский край. Саратов, 1983. Вып. 8. С. 129–147.

³ См.: Абалихин Б.С. Борьба с наполеоновской армией на Юго-Западе России в период Отечественной войны 1812 года. Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1979.

⁴ См.: Дунаевский В.А. Жизнь, прерванная в полете: памяти Б.С. Абалихина // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. С. 6–7.

Л.П. Богданов реалистично обрисовал состояние русской армии накануне и в годы войны 1812 года. Историк критически оценил принципы комплектования, организационно-штатную структуру и порядок управления войсками. В боевой подготовке личного состава он указал на борьбу прогрессивных и реакционных традиций. Вслед за А.К. Байовым и А.И. Верховским Л.П. Богданов подчеркивал, что «все новое передовое в военном деле встречало противодействие приверженцев устаревших уставных положений, отжившей свой век линейной тактики»¹.

В.М. Безотосный преимущественно по французским источникам раскрыл состояние разведки Наполеона в России накануне его вторжения². Автор подтвердил существующее мнение о том, что наполеоновская разведка в России оказалась более слабой, чем русская во Франции. Однако, с точки зрения некоторых современных историографов, для большей доказательности этого суждения требовалось провести сравнительный анализ итогов разведывательной деятельности русской и французской разведывательной агентуры³.

А.Г. Тартаковский поставил под сомнение один из главных тезисов официальной концепции войны – о внезапном нападении Наполеона на Россию⁴. Проанализировав приказ М.Б. Баркляя де Толли от 13 июня 1812 года о начале войны и сопоставив его с другими источниками, автор публикации пришел к убеждению, что русское командование на главном стратегическом направлении располагало необходимыми сведениями о времени и месте вторжения наполеоновских войск⁵.

Отголоском новых явлений в советской исторической науке начала 60-х годов стала статья о причинах московского пожара *В.М. Холодковского*⁶. обстоятельно рассмотрев существующие в ли-

¹ Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году: Организация, управление, вооружение. М., 1979. С. 186.

² См.: Безотосный В.М. Разведка Наполеона в России перед 1812 годом // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 86–94.

³ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 160.

⁴ См.: Левицкий Н. Война 1812 года. М., 1938. С. 13; Гарнич Н.Ф. 1812 год. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1956. С. 58; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года; Строков А.А. История военного искусства. М., 1965. Т. 2. С. 169; и др.

⁵ См.: Тартаковский А.Г. Заметки о военной пропаганде 1812 года. С. 304–313.

⁶ См.: Холодковский В.М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 31–43.

тературе точки зрения, автор статьи опроверг утвердившуюся версию об ответственности Наполеона за уничтожение города. Историк аргументировано показал сомнительность материалов, использованных для ее доказательства, подчеркнув, что «пожар был невыгоден захватчикам и в экономическом отношении», а «сожжение Москвы не соответствовало и политическим интересам Наполеона»¹.

В этот же период наметилась линия на реабилитацию заслуг М.Б. Барклая де Толли. Ее четко обозначил в небольшом, но объективном военно-историческом анализе об известном полководце *А.Н. Кочетков*². Продолжая это начинание, *В.П. Тотфалушин* указал на необходимость создания «именно такого труда, который охватил бы все аспекты деятельности М.Б. Барклая де Толли, – его научной биографии»³. Но в этот период историки еще остро не ставили вопрос о пересмотре одиозного мнения Сталина, считавшего полководческое искусство М.Б. Барклая де Толли «на две головы» ниже Кутузова.

Событием в советской историографии 70-х годов можно назвать выход в свет новой политической биографии Наполеона, написанной *А.З. Манфредом*⁴. Высокие литературные достоинства книги и стремление дать объективную оценку крупнейшему политическому и военному деятелю XIX столетия снискали книге большую популярность. За короткий срок она выдержала три издания⁵.

Необходимость создания своей книги автор объяснял обнаружением новых источников, «по различным причинам недостаточно или совсем не изученных специалистами»⁶. По авторскому определению, одной из задач исследования было «постичь и прочесть без предвзятости, глазами историка-марксиста конца XX в.» уже известные факты⁷.

Обширная источниковая база, на которую опирался исследователь, позволила ему более реалистично показать социальную природу конфликта между Россией и Францией, поэтому в своих суждени-

¹ См.: Там же. С. 33–34.

² См.: Кочетков А.Н. М.Б. Барклай де Толли. М., 1970.

³ См.: Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года: Сов. историография темы // Историографический сборник. Саратов, 1984. Вып. 8 (11). С. 122.

⁴ См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1971.

⁵ См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 2-е изд. М., 1978; То же. 3-е изд. М., 1980.

⁶ Манфред А.З. Указ. соч. 2-е изд. С. 7.

⁷ См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 2-е изд.

ях А.З. Манфред отошел от общепринятых взглядов на причины войны. В его повествовании Наполеон «обдуманно и планомерно прокладывал пути к примирению и сближению с Россией»¹. Более того, по мысли ученого, французский император считал, что между обоими государствами «нет почвы для неустранимых конфликтов»².

Согласно дальнейшим рассуждениям автора книги, такая позиция французской стороны встретила определенное понимание со стороны Александра I, хотя в союзе с Наполеоном он преследовал свои интересы. Историк отошел от распространенного в советской историографии представления о российском императоре как слабом и безвольном политике, попавшем в 1807 г. под влияние Наполеона. По его мнению, с первой встречи двух императоров дипломатическая игра царя была искусной, «в области дипломатии он оказался на высоте задач», «был расчетливей и жестче, чем представлялся современникам, и во многом был на уровне века»³.

Одновременно А.З. Манфред признавал, что в основе российско-французских соглашений лежало разграничение сфер влияния двух европейских держав, которые «сходились... в стремлении расширить свои владения в Европе, а может быть, и за ее пределами»⁴. «Именно на почве завоевательной политики обеих стран между ними стали возникать разногласия»⁵.

В объяснении причин войны исследователь учитывал отношение русской аристократии к Тильзитскому миру. Нарушение торговых связей с Англией затронуло экономические интересы дворянства. Высшее сословие проявляло «традиционно недоброжелательное отношение к политическому режиму наполеоновской Франции»⁶. «Екатерининские вельможи» дворянской оппозиции соотносили союз с Наполеоном с деятельностью М.М. Сперанского, видели в попытках либерализации политического строя российской империи влияние французской революции⁷.

Историк не дал подробного анализа похода Наполеона в Россию, отослав читателя к монографиям Е.В. Тарле, П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного, которые, по его мнению, обоснованно опровергли «ряд версий и неправомερных суждений»⁸. Тем не менее по некото-

¹ См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 2-е изд. С. 524.

² См.: Там же. С. 551.

³ См.: Там же. С. 528.

⁴ См.: Там же. С. 558.

⁵ Там же. С. 559.

⁶ См.: Там же. С. 556.

⁷ См.: Там же. С. 557.

⁸ См.: Там же. С. 665.

рым аспектам темы А.З. Манфред высказал собственные соображения. В первую очередь, это касалось стратегического плана и целей Наполеона в войне с Россией. В понимании А.З. Манфреда, французский император до последнего момента проявлял колебания по поводу необходимости вооруженного столкновения. Именно поэтому «он не только не имел общего стратегического плана войны», но не мог решить, «где будут происходить военные действия, куда и как далеко должна будет зайти французская армия, чтобы одержать победу над Россией»¹.

По-другому, чем официальная историография, исследователь трактовал цели Наполеона в войне. С одной стороны, в сочинении Манфреда Наполеон выступал «как завоеватель, как агрессор, рассчитывающий только на силу штыка»². Но, с другой стороны, автор избегал традиционных для официальной советской концепции суждений о порабощении русского народа, превращения российских территорий во французские колонии. Он утверждал, «что Наполеон в начатой им войне строил все планы, все расчеты только на последующем соглашении с царем»³. С таких позиций автор книги охарактеризовал социальную политику французского императора в отношении русского крепостного крестьянства. По его мнению, социальная стратегия на союз с угнетенными классами, часто используемая Наполеоном в начале его политической карьеры, была полностью исключена в кампании 1812 г.⁴

А.З. Манфред сдержанней, чем большинство советских историков, оценивал итоги Бородинского сражения, подчеркивая, что «каждая из сторон считала себя победительницей». Историк признавал за русской армией только нравственную, но не «материальную» победу. В этом отношении он соглашался с точкой зрения П.А. Жилина, согласно которой коренной перелом в войне наступил после качественного изменения характера боевых действий⁵.

Анализ сочинения Манфреда показывает, что его взгляды, особенно по вопросам международных отношений России и Франции, существенно отличались от общепринятых воззрений. Специфичность подхода к освещению данного вопроса была обусловлена новыми международными условиями, которые сложились в период написания книги. На этом факте заострял внимание сам

¹ См.: Там же. С. 663.

² Там же. С. 668.

³ См.: Там же. С. 667.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же. С. 676, 677.

Манфред¹. Труд готовился в условиях потепления отношений между СССР и Западной Европой, когда активно пропагандировался тезис о возможности мирного существования государств с различными политическими системами. Как следствие, одно из главных положений, выдвинутых автором, сводилось к мысли об отсутствии между феодальной Россией и буржуазной Францией непримиримых противоречий и возможности урегулирования конфликтных ситуаций мирным путем.

Решительное изменение традиционных подходов к изучению темы А.З. Манфред тем не менее вынужден был сопровождать заявлениями о том, что речь идет не о ревизии ставших традиционными положений, а «о сохранении необходимого историзма»². Несмотря на подобные пояснения, можно с уверенностью отметить, что «Наполеон Бонапарт» А.З. Манфреда являлся наиболее ярким проявлением прогрессивного течения в советской историографии 70-х годов, представители которого стремились к объективному изображению событий войны 1812 года.

Таким образом, в развитии отечественной историографии во второй половине 50-х – первой половине 80-х годов можно отметить три основные тенденции. В изучаемый исторический период продолжала развиваться официальная концепция войны, ключевые положения которой после их корректировки в новых социально-политических условиях продолжали трактоваться в рамках общепринятых методологических подходов. Получившие соответствующее оформление в трудах П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного и других историков официального направления, они доминировали в общественном сознании и исторической науке.

Ведущее положение в официальных воззрениях продолжал занимать тезис о стремлении Наполеона к мировому господству, захвату новых территорий, угнетению европейских народов. Не менее важное место в официальной концепции войны отводилось утверждению идеи о миролюбивом характере внешней политики России, которая представлялась защитницей западноевропейских государств от посягательств агрессора на их суверенитет. При такой характеристике международной обстановки, сложившейся накануне войны 1812 года, французский император однозначно оценивался как захватчик, вынашивавший цели порабощения народов России и превращения ее в колонию Франции. В официальной историографии на него возлагалась вся ответственность за вооруженный конфликт между двумя державами.

¹ См.: Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 2-е изд. С. 8.

² См.: Там же. С. 527.

В советской исторической науке война 1812 года со стороны Франции трактовалась как несправедливая и захватническая, а со стороны России как справедливая, освободительная и отечественная, в защиту государственного и национального суверенитета.

Роль сословий и классов в войне продолжала оцениваться с классовых позиций. Под таким углом зрения подлинный патриотизм в борьбе с Наполеоном признавался только за крепостным крестьянством, городскими низами и незначительной частью дворян, выступавших за ограничение самодержавия и отмену крепостного права. Одновременно отрицалось руководство народной войной со стороны дворянства.

В советской литературе идея крестьянского патриотизма как главной движущей силы народной войны заняла доминирующее положение и стала едва ли не единственным объяснением причин ее отечественного характера. Такой методологический подход наложил отпечаток на содержание работ второй половины 50-х – первой половины 80-х годов. Абсолютное большинство историков акцентировали внимание на фактах проявления классовой вражды, замалчивалась роль правительства и религии в консолидации усилий народа на отпор иностранных захватчиков.

Само идейно-политическое содержание крестьянского патриотизма претерпело существенные изменения. В раскрытии мотивов народной борьбы с завоевателями затухал религиозный и официально-правительственный аспекты. Официальная, правительственная идеология войны оценивалась критически. Патриотизм населения стал трактоваться исключительно как борьба за национальную независимость Отечества, под которым понималась территория обитания народа и базирующаяся на бытовых обычаях духовная среда.

Патриотизм армии и народа, превративший войну 1812 года в отечественную, безоговорочно признавался главной и единственной причиной крушения наполеоновских замыслов в России.

На данном этапе развития историографии, особенно в начале 60-х годов XX в., в ее официальном направлении постепенно наметилась и упрочилась линия на сравнение Отечественной войны 1812 года с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Такой сравнительный анализ актуализировался сложной международной обстановкой и вытекающими отсюда пропагандистскими задачами, предполагающими демонстрацию в историческом аспекте бесперспективности любой широкомасштабной агрессии против СССР.

Новые явления в официальной трактовке войны обозначились в 70-е годы XX в., когда в высших эшелонах государственной власти стали признавать возможность мирного существования стран с раз-

личными политическими системами. Наглядно эти изменения отразились в политической биографии Наполеона, подготовленной А.З. Манфредом.

В изучаемый исторический период под влиянием демократических преобразований, проходивших в советском обществе после смерти И.В. Сталина, в историографии проблемы после длительного перерыва стала возрождаться тенденция к критическому осмыслению истории Отечественной войны 1812 года. Определенная часть историков в своих работах стремилась к более объективным и взвешенным оценкам нашествия Наполеона на Россию. Наиболее принципиальные исследователи этой проблемы стали выражать неудовлетворенность сложившимися под влиянием культа личности Сталина положениями официальной концепции войны. Однако это недовольство, за редким исключением, проявлялось без резкого противопоставления своих воззрений официальным взглядам.

Одновременно в историографии темы во второй половине 50-х – первой половине 80-х годов усилилась тенденция к расширению круга исследовательских проблем. В сферу научных интересов попадают историографические и источниковедческие аспекты темы. Анализируются отклики на военные события в России в других странах. Более предметно изучается история дипломатических отношений России с западноевропейскими державами. Проводятся комплексные диссертационные исследования событий Отечественной войны 1812 года в различных регионах страны. Дальнейшее развитие этот процесс получил во второй половине 80-х годов.

§ 4. Развитие историографии в условиях перестройки советской исторической науки во второй половине 80-х годов

Во второй половине 80-х годов в историографии Отечественной войны 1812 года продолжалось развитие тех основных тенденций, которые обозначились в предшествующие годы. Однако этот процесс перешел в новое качество в связи с новыми явлениями в социально-политической жизни страны, которые вызвали усиление критического направления в изучении темы.

В литературе, издававшейся к 175-летию юбилею победы русского народа над Наполеоном, преимущественно продолжали развиваться традиционные подходы к освещению темы. Показательно в этом отношении третье (посмертное) издание обобщающей монографии П.А. Жилина¹. Желяя подчеркнуть новизну и актуальность своей

¹ См.: Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. М., 1988.

работы, автор заявил о переоценке «с высоты нашего времени» изучаемых им фактов и явлений¹. Однако на деле новый труд представлял собой слегка видоизмененный аналог предшествующих изданий. Декларативный характер имело высказывание автора о «новых пластах» документальных материалов из «архивных массивов», якобы поднятых ученым во время доработки предшествующего издания². По подсчетам автора настоящей монографии, в новой работе сделано 869 ссылок на различные источники и литературу. Из них архивные документы приводились только в 49 (17,7%) случаях. Почти все они были введены в научный оборот П.А. Жилиным ранее, в его первой монографии «Контрнаступление Кутузова в 1812 году».

Все прежние положения исторической концепции П.А. Жилина без каких-либо уточнений оказались перенесенными в новую книгу. По-старому, фактически без изменения фразеологических оборотов, трактовались внешняя политика царизма, ход военных действий, итоги и значение Бородинского сражения, место и роль политических деятелей и полководцев в войне и другие аспекты темы. Такой методологический подход дал основание наиболее принципиальным критикам работы утверждать, что «воспроизведенные в 3-м издании конъюнктурные несообразности прежних изданий книги П.А. Жилина выглядят сегодня анахронизмом»³.

Отметим, что конъюнктурность трудов П.А. Жилина признавалась и некоторыми из его соратников и коллег по Институту военной истории МО РФ. Практически сразу же после смерти ученого, высказывалась точка зрения о несоответствии его трудов новым условиям развития исторической науки. Так, при обсуждении вопроса «О работах, включенных в издание избранных произведений П.А. Жилина» на ученом совете Института 24 июня 1987 г., ведущий научный сотрудник И.И. Ростунов (служил и работал в Институте с 1968 г. до самой смерти в 1993 г.) сказал буквально следующее: «Если ставить вопрос об издании, то по существу речь пойдет об опубликовании изданного отдельными трудами (некоторые из них уже издавались) в журналах, сборниках, газетах. Но этот материал в подавляющем объеме потребует значительного обновления из-за изменившихся политических условий, т. е. устарел»⁴.

¹ См.: Там же. С. 4.

² См.: Там же. С. 4.

³ Троицкий Н.А. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 93.

⁴ Протокол № 110 от 24.06.1987 г. // Архив Института военной истории МО РФ. Ф. «Протоколы ученого совета Института военной истории МО РФ (по общим вопросам)». Инв. № 616. Д. 62. Л. 181.

Сходна по содержанию с монографией Жилина работа *О.В. Орлик* «Гроза двенадцатого года...»¹. С точки зрения развития научных взглядов на историю войны России с Наполеоном книга не имела никакого практического значения. Она представляла собой популярный очерк, а не научное исследование, хотя и вышла под эгидой Академии наук СССР. Весьма редки обращения автора к уже известным документальным источникам, а архивные материалы ею не использовались вовсе.

Актуальность своего сочинения сама автор объясняла необходимостью «возвышения патриотических чувств и общенациональной гордости советских граждан»². К решению этой важной задачи *О.В. Орлик* подошла в свете партийных требований, ссылаясь на которые предварила свое сочинение³.

Традиционный субъективизм официальных воззрений на историю Отечественной войны 1812 года проявился в историографическом анализе проблемы. Так, Орлик заслугу дореволюционной историографии видела только в накоплении фактического материала. По ее мнению, «с подлинно научных позиций раскрыть основные причины и результаты этой войны» оказалось под силу только историкам «марксистско-ленинской школы»⁴. Характеристика зарубежной литературы свелась к констатации несостоятельности «клеветнических инсинуаций» и «лживых заявлений, ...все еще появляющихся в зарубежной буржуазной историографии»⁵. Таким образом, новое сочинение о войне 1812 года оказалось заранее сориентированным на пересказ ее официальной версии, утвердившейся в исторической науке во второй половине 30-х – начале 50-х годов.

Соответствующего подхода к освещению исследуемой проблемы придерживались *В.Д. Мелентьев, И.И. Ростунов, В.А. Пушкин и Б.А. Костин*⁶. В контексте официальной концепции оказались выдержаны многие публикации в периодической печати⁷, юбилейный сбор-

¹ См.: Орлик *О.В.* Гроза двенадцатого года... М., 1987.

² Орлик *О.В.* Гроза двенадцатого года... С. 3.

³ См.: Там же. С. 3.

⁴ См.: Там же. С. 8.

⁵ См.: Там же. С. 7–8.

⁶ См.: Мелентьев *В.Д.* Кутузов в Петербурге. Л., 1986; Ростунов *И.И.* Отечественная война 1812 года. М., 1987; Пушкин *В.А.*, Костин *Б.А.* Из единой любви к Отечеству. М., 1988.

⁷ См.: Берков *Е.А.* На поле Бородинском: К 175-летию со дня сражения // Коммунист Вооруженных Сил. 1987. № 17. С. 67–69; Знатнов *А.* Поле славы, поле боли...: К 175-летию Бородинского сражения // Молодой коммунист. 1987. № 9. С. 107–112; Колосов *Н.* Недаром помнит вся Россия...:

ник статей «Бессмертная эпопея»¹, пояснения к альбому «Бородино, 1812»² и некоторые другие исторические труды³.

В ряду сочинений официально-патриотического содержания особо выделяется биографический очерк о П.П. Коновницыне⁴. Его автор В. Корда своеобразно подошел к объяснению генезиса и характера войны 1812 года. В своих суждениях он исключил экономические факторы конфликта, считая их «сказкой», выдуманной писателями⁵. Истинную причину военного столкновения России и Франции Корда усматривал в противостоянии сил «мирового зла» и «света». Причем силы зла олицетворяли масоны и «гигантский банкирский спрут Ротшильдов, уже опутавший и закабаливший Европу... и Америку»⁶. В представлении Корды «зараза» масонства и Ротшильды взрастили «выскочку, безродного и безнравственного проходимца» Наполеона, «без финансовых заправил ничего собою не представляющего»⁷. Французский император был «всего лишь исполнителем чужой воли»⁸ сил, организовавших «международный заговор против России»⁹. В свою очередь, автор видел в России страну, всегда стоящую «на своих коренных нравственных основах» и независимую от «космополитического банковского капитала»¹⁰.

К 175-летию Бородинского сражения // Военный вестник. 1987. № 9. С. 24–25; Минаева Н.В., Оскоцкий В.Д. Сыны Отечества: К 175-летию Бородинского сражения // Коммунист. 1987. № 14. С. 107–116; Папков О.Н. Великий подвиг народный: К 175-летию Бородинского сражения // Молодая гвардия. 1987. № 9. С. 25–26; Шереметьев Б. Наполеоновское нашествие // Морской сборник. 1987. № 9. С. 56–60; и др.

¹ См.: Бессмертная эпопея: К 175-летию Отечественной войны 1812 года и Освободительной войны 1813 года в Германии: Сб. ст. М., 1988.

² См.: Бородино, 1812. М., 1987.

³ См., напр.: Жилин П.А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов; Волк С.С., Михайлова С.Б. В боях и походах двенадцатого года: [Вступ. ст.] // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 3–27; Седова Р.Г. Профессиональная направленность изучения Отечественной войны 1812 года // Профессиональная направленность преподавания истории СССР в педвузе. М., 1988. С. 82–92; и др.

⁴ См.: Корда В. П. П. Коновницын // Герои 1812 года. М., 1987. С. 238–247.

⁵ См.: Там же. С. 250.

⁶ См.: Там же. С. 251.

⁷ См.: Там же. С. 255.

⁸ См.: Там же. С. 252.

⁹ См.: Там же. С. 251.

¹⁰ См.: Там же.

Именно поэтому, по мнению В. Корды, объединившейся Европе необходимо было ввергнуть Россию «в губительную для нее войну», чтобы «уничтожить в народе национальное начало и привить ему космополитическое и безродное...»¹.

Такие рассуждения автор очерка завершал выводом о «промышленной роли России в мировой истории». В развитие этого тезиса в сочинении утверждалась мысль, что Россия, «при любых обстоятельствах» несущая миру свет, остановила «мировое зло... не только на материальном, но и на духовном уровне». Она устояла, «распознав демоническую природу завоевателя»².

Подобные умозаключения, несмотря на ярко выраженное стремление В. Корды к оригинальности, не представляли собой принципиально нового направления в развитии темы. По сути, историк остался на позициях официальной историографии XIX в., занявшись апологией российского самодержавия. При всестороннем анализе данной концепции четко прослеживается стремление к реанимации идей славянофильства, которые получили наибольшее распространение в историографии темы в начале XX столетия³.

При анализе историографии второй половины 80-х годов особо отмечается серьезное влияние, которое оказывали на ее развитие деструктивные процессы, начавшиеся в стране с 1987 г. Ломка командно-административной системы управления экономической, политической и духовной жизнью общества в какой-то мере благотворно сказалась на состоянии исторической науки, способствовала определенному раскрепощению отечественной научно-исторической мысли. Как свидетельствовали современники, «настали новые времена. Открылись возможности свободно высказывать свои мысли»⁴, что, в свою очередь, содействовало отходу от традиционных взглядов на историю Отечественной войны 1812 года. По мере нарастания социально-политического кризиса в стране это явление становилось все заметней, перерастая в устойчивую тенденцию.

В силу известной консервативности общественного сознания переход к новым понятиям не представлял собой одноактного действия, а осуществлялся постепенно, поэтому часть работ имела переходный характер. Так, А.Л. Нарочницкий по-новому оценил антинаполеоновские войны, отмечая в них не только прогрессивное

¹ См.: Корда В. П. П. Коновницын // Герои 1812 года. М., 1987. С. 251.

² См.: Там же. С. 255–256.

³ См.: Завитневич В.З. Идеология Отечественной войны. С. 5–16.

⁴ См.: Волобуев П.В. От природы я оптимист // Историки России о времени и о себе. Вып. 2. М., 1998. С. 14.

национально-освободительное начало, но и консервативные тенденции. В подобной интерпретации событий исследователь стал учитывать, что «вначале разгромом Наполеона воспользовались... реакционные дворянско-монархические правительства»¹. Вместе с тем историк не отказался от традиционных представлений о прогрессивном значении победы России над Францией. Однако в данном случае была высказана авторская точка зрения, согласно которой кампании 1812–1814 гг. подтолкнули развитие освободительного движения против внутренней реакции в ряде стран. В системе доказательств ученого «это ясно показали революции 20-х гг. XIX в. в Западной Европе и восстание декабристов в России»².

Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский провели расширенный обзор трудов основоположников марксизма о войне 1812 года³. Но, как отмечалось ранее, они в большей степени только уточнили господствовавшие в советской историографии представления о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса на поход наполеона в Россию. В 1990 г. Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский на базе своих предшествующих публикаций подготовили и опубликовали монографию, отражавшую развитие исследуемой проблемы в советский период⁴. Новизна авторских суждений в данной работе проявилась в отрицательных оценках влияния И.В. Сталина на развитие историографии Отечественной войны 1812 года. Такая особенность содержания книги отличала ее от предшествующих изданий указанных авторов. Более резко, чем раньше, здесь критиковались труды П.А. Жилина, Л.Г. Бескровного, Н.Ф. Гарнича. Авторы высказали свои возражения против идеализации М.И. Кутузова как надклассового и непогрешимого феномена⁵.

Историографы подтвердили свое критическое отношение к негативным оценкам полководческой деятельности М.Б. Барклая де Толли, распространенным взглядам о внезапности нападения Наполеона на Россию, его стратегическом плане захвата Москвы⁶.

¹ См.: Нарочницкий А.Л. Испания 1808–1823 годов глазами российских дипломатов // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 41.

² См.: Там же.

³ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. К. Маркс и Ф. Энгельс – историки войны 1812 года.

⁴ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений...

⁵ См.: Там же. С. 65, 90, 105–106, 113, 123, 162, 164 и др.

⁶ См.: Там же. С. 161, 160, 156.

Решительней, чем в 1983 г., они отбросили расхожую версию о Наполеоне как главном виновнике московского пожара¹. С учетом новых трудов, авторы более реалистично определили свою позицию в вопросе об итогах Бородинского сражения² и т. п.

Но, как показал анализ содержания работы, в утверждении новых концептуальных положений историографы все же оставались непоследовательными, стремились к поиску компромиссных решений. Такая методология проявилась в противоречивом сочетании критики некоторых официальных положений с повторением сомнительных, конъюнктурных выводов. Например, в монографии осуждалась распространенная в советской литературе практика идеализации М.И. Кутузова. Одновременно, здесь же Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский безоговорочно соглашались со спорным выводом авторов тезисов ЦК ВКП(б), посвященных 200-летию со дня рождения Кутузова, о гениальности полководческого искусства русского главнокомандующего и его превосходстве над военным искусством Наполеона³.

Имелось немало и других слабых мест. Методологически книга по-прежнему односторонне ориентировалась на тенденциозно подобранные цитаты из работ классиков марксизма-ленинизма. В духе 30–50-х годов авторы монографии продолжали оценивать концепцию М.Н. Покровского, находя в ней только «неизменно негативные» оценки⁴. Ни словом не обмолвились они о научной дискуссии, которая разгорелась в конце 80-х годов в периодической печати в связи с публикациями Н.А. Троицкого, утверждавшими новые взгляды на историю 1812 г.

С позиций официальной историографии Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский характеризовали внешнюю политику Наполеона и Александра I. Вопрос о разделе сфер влияния между Россией и Францией в Европе, поднятый в трудах А.З. Манфреда и Н.А. Троицкого, ими не анализировался. Одобрительное отношение ученых прослеживалось к субъективистским суждениям о Бородинском сражении. Они полагали, что С.И. Кожухов, «используя разнообразные источники», «обоснованно критиковал» «ошибочные суждения» Е.В. Тарле по вопросам выбора позиции для битвы, расположения русских войск на Бородинском поле, стратегии и тактики Кутузова,

¹ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 167.

² См.: Там же. С. 165.

³ См.: Там же. С. 79.

⁴ См.: Там же. С. 12, 44–45.

потерь сторон¹. Таким образом, Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский в очередной раз встали на путь замалчивания ошибок, допущенных русским главнокомандующим при подготовке генерального сражения. Перечисление подобных недостатков, свидетельствовавших о приверженности авторов новейшего историографического исследования консервативным традициям, можно было бы продолжить.

Новая книга была в целом положительно оценена критикой. В качестве ее неперменных достоинств указывалось на «спокойность и обстоятельность» изложения, привлечение к историографическому анализу широкого круга литературы. Вместе с тем отмечалась «академическая комплиментарность» содержания и стремление авторов нового труда «сгладить острые углы» в историографии темы².

Более критически оценил монографию Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского Н.А. Троицкий, рецензия которого вызвала резкую негативную реакцию со стороны авторов научного труда. Более предметно сложившаяся в связи с этим конфликтная ситуация будет рассмотрена при анализе трудов Н.А. Троицкого, изданных в первой половине 90-х годов XX в.

Сочетание новых подходов с устоявшимися официально-патриотическими взглядами продемонстрировала юбилейная монография В.Г. Сироткина³. Историк старался избегать ярко выраженных тенденциозных суждений, присущих работам Н.Ф. Гарнича, Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина. Однако все же не сумел полностью преодолеть влияния официальной концепции войны. Например, он ушел от обсуждения вопроса об имперских целях внешней политики Александра I, сглаживал наличие социально-политических противоречий в российском обществе, умалчивал недостатки в системе комплектования, организации, управлении и тыловом обеспечении русской армии. Исследователь продолжил линию на идеализацию полководческой деятельности и личности М.И. Кутузова⁴. Книга имела и другие недостатки, справедливо раскритикованные оппонентами⁵.

Под влиянием новых социально-политических процессов, происходивших в стране, часть историков выступила за радикальный пере-

¹ См.: Там же. С. 109.

² См.: Безотосный В.М. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 202.

³ См.: Сироткин В.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1988.

⁴ См.: Там же. С. 169, 185, 232 и др.

⁵ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 92.

смотр официальных положений. Наиболее рельефно такой подход проявился в научной деятельности профессора Саратовского университета *Н.А. Троицкого*. Принимая во внимание сложность и многофакторность исторических событий и явлений, ученый отказался от односторонних оценок, присущих большинству советских историков. По сути, трудами *Н.А. Троицкого* в исторической науке начал утверждаться новый подход к изучению истории Отечественной войны 1812 года.

Анализ работ наиболее крупного современного исследователя темы позволил выделить несколько направлений, по которым велась борьба против официальной историографии. Немаловажное значение ученый придавал ее критическому анализу. Свою точку зрения ученый аргументировал введением в научный оборот новых первоисточников. Наконец, целостное представление об авторской концепции войны формировалось путем подготовки и публикации обобщающей монографии.

Критику традиционных подходов к освещению темы Троицкий осуществлял посредством опубликования острых, полемических отзывов на новые официозные научные труды.

В конце 80-х годов *Н.А. Троицкий* выступил в периодической печати с жесткими рецензиями по поводу выхода в свет иллюстрированного издания «Бородино, 1812», книги *О.В. Орлик* «Гроза двенадцатого года...» и монографии *П.А. Жилина* «Отечественная война 1812 года»¹. Ученый не отрицал положительных моментов в ряде авторских суждений, композиции или художественном оформлении указанных сочинений. Однако главное внимание он обращал на характерные недостатки методологического и содержательного плана. Критик указывал на наличие в перечисленных работах положений, сформулированных в годы культа личности *И.В. Сталина* и в период жесткого администрирования исторической науки. Отсюда своей главной задачей он считал критику негативных историографических традиций, прочно утвердившихся в советской исторической науке.

Троицкий выступил против тенденциозной подборки фактов и документов, широко используемой при подготовке официозных научных трудов. Оппонент оспаривал выводы, вызванные стремлением приукрасить все русское, «наше», хотя бы и феодальное. В качестве основного предмета критического разбора выделялись многочисленные стереотипные суждения, искажавшие подлинную картину собы-

¹ См.: Два мнения об одном издании // Вопросы истории. 1988. № 4. С. 118–120; Троицкий *Н.А.* Кладезь ошибок: О книге *О.В. Орлик* «Гроза двенадцатого года...». М., 1987 // В мире книг. 1988. № 4. С. 86–87; Его же. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 155–162.

тий. В результате в рецензиях Троицкого «список оплошностей», допущенных авторами, оказывался гораздо длиннее перечня имевшихся достоинств. Так, например, единственной заслугой труда О.В. Орлик критик считал «лишь компилятивное изложение общеизвестных фактов о героизме народа и воинства российского в 1812 году...»¹. В этой же монографии он нашел «кладезь ошибок» методологического, историографического и конкретно-исторического характера². Наиболее слабые места рецензент видел в узкой источниковой базе исследований, односторонних и предвзятых характеристиках отечественной и зарубежной литературы. Одновременно в рецензиях критиковались лакировка внешней политики царизма, упрощенчество в трактовке причин войны и московского пожара, субъективизм в оценках политических и военных деятелей 1812 г. Троицкий выявил изобилие «фактических ляпсусов» в описании хода военных событий. Высказывались им и другие замечания по поводу официально-патриотического мышления авторов рецензируемых работ. В конечном счете ученый пришел к выводу, что новые книги представляли очередное «переложение взглядов на 1812 год, которые сложились в советской историографии за последние десятилетия»³, являлись «памятником уже пройденного этапа»⁴.

Свои замечания Н.А. Троицкий тщательно аргументировал, поэтому его нелицеприятные для авторов перечисленных книг выводы можно считать в достаточной мере обоснованными при определении места и роли названных трудов в развитии изучаемой проблемы.

Однако такая резкая критика не всегда совпадала с мнением других исследователей и, тем более авторов рецензируемых работ. Так, одновременно с рецензией Н.А. Троицкого журнал «Вопросы истории» поместил отзыв А.В. Семеновы⁵. Ее точка зрения на данную работу представляла собой полную противоположность соображениям, высказанным первым оппонентом. Семенова считала, что это «яркое иллюстрированное издание» вобрало «в себя достижения советской исторической науки» о борьбе с наполеоновским нашествием⁶. Таким обобщающим тезисом рецензент сразу определила собственное отношение к новой книге. Поэтому в дальнейшем она сосредоточилась на перечислении достоинств этого труда.

¹ См.: Троицкий Н.А. Кладезь ошибок... С. 87.

² См.: Там же. С. 86–87.

³ Два мнения об одном издании... С. 118.

⁴ См.: Троицкий Н.А. Повторение пройденного... С. 159.

⁵ См.: Два мнения об одном издании... С. 116–118.

⁶ Там же. С. 116.

Главный недостаток новой книги А.В. Семенова усматривала в слабом раскрытии превосходства русского военного искусства в Бородинском сражении. По ее мнению, «о преимуществе Кутузова-военачальника над Наполеоном» говорил выбор позиции на Бородине, выдвижение Шевардинского редута в качестве передового опорного пункта, широкое использование тактики колонн и рассыпного строя, взаимодействие родов войск, создание резервов¹.

При таких хвалебных оценках в статье оказались обойденными все малоисследованные и дискуссионные вопросы научной проблемы, приветствовались традиционные подходы, против которых выступил предшествующий оппонент.

Критический отзыв Н.А. Троицкого на книгу О.В. Орлик «Гроза двенадцатого года...» вызвал громкий резонанс в научных кругах. Выражая принципиальное несогласие с оценками рецензента, совместно с академиком И.Д. Ковальченко и профессором А.А. Преображенским, О.В. Орлик направила в редакцию журнала «В мире книг» соответствующее письмо².

В послании указывалось на «недобросовестность “реплики” Н.А. Троицкого с точки зрения его “работы” над текстом книги», подчеркивались «бестактность и разнузданность» его тона³. Основные возражения, высказанные в письме, сводились к попыткам доказать порочность взглядов научного оппонента по вопросам внешней политики российского правительства накануне 1812 г. и целей похода Наполеона в Россию. Авторам письма представлялось бездоказательным мнение об итогах Малоярославецкого сражения, характере боев под Красным в ноябре 1812 г. и по некоторым другим вопросам.

В итоге О.В. Орлик и поддержавшие ее ученые обвинили Н.А. Троицкого в необоснованных придириках, фальсификации приведенных в книге положений. Более того, полагая, что поднятый вопрос выходит за рамки только оценки конкретной научно-популярной работы, авторы письма попытались перевести проблему из научной плоскости в политическую. По их мнению, «реплика Троицкого» отражала более глубокую тенденцию опубликования критических материалов «без тщательного отбора и проверки фактов». В этом отношении редакции журнала ставилось в вину уклонение от партийной линии, осудившей подобную практику научных публикаций⁴. Свою позицию И.Д. Ковальченко, А.А. Преображенский и О.В. Орлик по-

¹ См.: Два мнения об одном издании... С. 117.

² См.: Почтовая «дуэль» // В мире книг. 1988. № 11. С. 11–12.

³ См.: Почтовая «дуэль». С. 12.

⁴ См.: Там же.

считали необходимым довести до сведения ЦК КПСС и руководства Госкомиздата¹.

Редакция ознакомила Н.А. Троицкого с письмом и одновременно обратилась с просьбой к А.Г. Тартаковскому выступить в качестве независимого арбитра в споре ученых. Троицкий продолжил дискуссию, написав ответное послание своим оппонентам. Переписка вместе с «Взглядом со стороны» Тартаковского были опубликованы в очередном номере журнала².

Рецензент «Грозы Двенадцатого года...» начисто отмел все выдвинутые против него обвинения в необъективности и предвзятости³. Подтверждая свое категоричное мнение о низком научном уровне рецензируемого труда, Троицкий назвал монографию Орлик редким «с точки зрения современных требований примером дилетантизма»⁴. Не спасовав перед запугиванием партийными санкциями, Троицкий напомнил своим оппонентам, что «сейчас не то время, когда удавались амбициозные попытки высокопоставленных лиц из научного мира оградить от критики себя и свои опусы»⁵.

С позицией Н.А. Троицкого солидаризировался А.Г. Тартаковский. В упомянутом «Взгляде со стороны» он признавал, что оценки рецензента в отношении монографии О.В. Орлик действительно «суровы и резки». Однако «ничего “бестактного” и “разнузданного” и вообще задевающего личность автора» А.Г. Тартаковский в них не обнаружил. В содержании своей небольшой статьи он отверг «раздраженные инвективы» авторов письма в защиту книги, «изобилующей ошибками, само количество которых превышает всякую меру»⁶. Вслед за Троицким, Тартаковский подчеркнул, что «Гроза двенадцатого года...» выполнена в «устаревших традициях». Именно поэтому он считал опубликованную Троицким рецензию «принципиально важной и своевременной», поскольку настала пора «называть вещи своими именами»⁷.

Вступая в полемику со своими научными противниками, Н.А. Троицкий, с целью большей доказательности собственных положений, проводил серьезную источниковедческую работу. Например, дополнительный анализ архивных материалов позволил

¹ См.: Там же. С. 13.

² См.: Там же. С. 11–16.

³ См.: Там же. С. 12–13.

⁴ См.: Там же. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ См.: Там же. С. 16.

⁷ См.: Там же.

историку уточнить численность группировки русских войск, сосредоточенных вдоль западной границы империи. Полученные показатели дали основание Н.А. Троицкому опровергнуть утверждение П.А. Жилина о трехкратном превосходстве противника в полосе вторжения¹.

Соответствующим образом, изучив происхождение главного русского первоисточника о потерях французов в Бородинской битве, исследователь высказал сомнение в достоверности указанных в нем данных – 52 482 человека². На этом основании он считал, что «вопрос о подлинных размерах этих потерь остается открытым»³. Всесторонне изучив архивную штабную документацию, Троицкий упрекнул некоторых советских историков в занижении общих потерь русских войск в генеральном сражении⁴.

Ученый провел сопоставительный анализ зарубежных исследований с отечественными документами, опубликованными в дореволюционной и советской историографии, по вопросу о внезапности нападения Наполеона на Россию⁵. В итоге был документально подтвержден факт объявления Францией войны России в 1812 г. Историком уточнились и некоторые другие аспекты проблемы, перечень которых можно было бы продолжить⁶.

Венцом многолетней кропотливой научной работы Н.А. Троицкого, начатой еще в начале 60-х годов XX в., стала обобщающая монография «1812. Великий год России»⁷. По признанию самого автора, ее выход в свет оказался возможен только в условиях перестройки советского общества⁸.

¹ См.: Троицкий Н.А. Повторение пройденного. С. 158.

² См.: Троицкий Н.А. Первоисточник русских данных о потерях Наполеона при Бородине // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 186–187.

³ См.: Там же. С. 187.

⁴ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 175–176.

⁵ См.: Троицкий Н.А. К истории нашествия Наполеона на Россию: объявление войны // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 216–218.

⁶ См.: Троицкий Н.А. О дислокации и численности русских войск в начале Отечественной войны 1812 года // Военно-исторический журнал. 1987. № 8. С. 71–72; Его же. День Бородина: Современ. ист. оценка Бородинской битвы: К 175-й годовщине Отечественной войны 1812 года // Знамя. 1987. Кн. 8. С. 195–206; Его же. О количестве орудий в русских армиях к началу Отечественной войны 1812 года // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 95–96; и др.

⁷ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России.

⁸ См.: Троицкий Н.А. Глагол времен. С. 23.

Необходимость данного труда Троицкий обуславливал традиционной задачей – «обобщить данные источников и результаты исследования всех сторон эпопеи 1812 года на современном уровне исторической науки»¹. Не претендуя на последнее слово по каждому из вопросов темы, ученый поставил себе целью обновление «Грозы Двенадцатого года» как исследовательской проблемы. По его мнению, накопившиеся в литературе концептуальные несообразности, оценочные заблуждения и фактические ошибки делали такую работу актуальной. Автор считал важным провести системный анализ изучаемой проблемы, «самостоятельно решить еще не решенные или спорные вопросы»².

Из массы книг второй половины 80-х годов, посвященных наполеоновскому нашествию в Россию, монография Н.А. Троицкого выделялась рядом особенностей в содержании материала. Они указывали на новый подход автора к решению поставленных перед ним задач. Книга «1812. Великий год России», как и предшествующие ей научные труды советских исследователей, методологически ориентировалось на марксистско-ленинское наследие о войнах наполеоновской эпохи. Высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина оставались «основополагающими» для ученого, при обосновании выдвигаемых им новых концептуальных положений.

Но, как уже отмечалось, Н.А. Троицкий в своем анализе *гораздо более внимательно и всесторонне* подошел к оценке выводов классиков марксизма-ленинизма. Исследователь указал на диалектический характер оценок основоположников теории пролетарской революции по различным аспектам истории войны 1812 года. В первую очередь это касалось выводов о характере внешней политики противоборствующих государств и результатов политической и военной деятельности Наполеона³.

Проиллюстрировав опору на марксистско-ленинскую методологию, Н.А. Троицкий тем самым обеспечил себе свободу выражения собственных оригинальных суждений. Например, с учетом мнения классиков он сформулировал главный, системообразующий тезис своей концепции, объяснявший генезис русско-французского конфликта. По его мнению, «столкновение глобальных претензий Наполеона с агрессивными расчетами царизма и конфликт между Россией и Францией из-за континентальной блокады *породили вой-*

¹ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 13.

² Там же. С. 13.

³ См.: Там же. С. 5, 14–17, 309 и др.

ну 1812 года. Ускорили же развязывание войны русско-французские противоречия в конкретных политических вопросах»¹.

Экспансионизм внешнеполитического курса российского самодержавия, как видно из предыдущего содержания настоящей монографии, в отечественной литературе признавался и ранее. Однако после критики взглядов М.Н. Покровского об этом говорилось в самых общих чертах, полунамеками, без должной аргументации. Н.А. Троицкий, перестав изображать Россию в качестве невинной жертвы наполеоновской агрессии, первым из советских историков убедительно доказал, что такая трактовка не противоречит положениям марксизма-ленинизма. Реально ученый сделал решительный поворот к возрождению идей, получивших широкое распространение в дореволюционной историографии накануне столетнего юбилея Отечественной войны.

Анализ работы Н.А. Троицкого «Великого года России» позволяет судить еще об одной особенности в его методологии, которая состояла в критических подходах к утвердившимся в советской историографии стереотипным суждениям. Эта характерная черта, отчетливо проявившаяся в рецензионной практике ученого, получила широкое распространение при написании им обобщающей монографии. Полемичный характер изложения материала, смелое развитие дискуссии, развенчание ложных авторитетов прослеживаются на протяжении всего авторского повествования.

Троицкий подверг критическому анализу все концептуальные вопросы 1812 г. Собственное отношение к большинству из них историк уже высказывал в своих рецензиях и журнальных статьях. Как указывалось, по-новому оценивались причины, цели и социально-политический характер войны. С учетом накопленных дореволюционными и советскими историками фактов он заново проанализировал ход военных действий, исправив ряд неточностей и неверных суждений при их описании. Это касалось не только Бородинской битвы, но и сражений под Смоленском, Малоярославцем, Вязьмой, Красным, Березиной и др.

Важное значение Н.А. Троицкий придавал объективной оценке роли полководцев и политических деятелей, принявших участие в войне. Например, историк высказал глубокое убеждение в ущербности одностороннего рассмотрения такого исторического феномена, как Наполеон. Свою точку зрения о личности французского императора Троицкий основывал на марксистских оценках и других определениях, изложенных в трудах отечественных и зарубежных мыслителей.

¹ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 30.

лей. В такой интерпретации автор монографии считал Наполеона «гигантом», великим государственным деятелем, «который чрезвычайно расширил обычные представления о человеческих возможностях»¹. Одновременно историк признавал в этом гении деспота и тирана, героя и грабителя: «Такое сочетание придавало ему (Наполеону. – *И. Ш.*) многоликость, не умаляя его масштабности»².

В подобном ключе в книге проводилась линия на объективный подход к оценкам места и роли отечественных полководцев и политических деятелей в войне. Автор монографии продолжил переоценку полководческого мастерства М.Б. Барклая де Толли. Вопреки расхожему мнению о том, что полководцу «стратегическое руководство войной было не под силу», Троицкий отстаивал противоположную точку зрения³. В свою очередь, отмечались ошибки М.И. Кутузова при планировании генерального сражения под Малоярославцем, при преследовании французов, в ходе Березинской операции⁴. В отличие от большинства советских историков Троицкий не отрицал положительного влияния Александра I на исход войны. Решимость императора вести борьбу с Наполеоном при любых условиях историк расценивал как важный фактор победы России⁵.

Необходимая мера объективности соблюдена в монографии при объяснении причин московского пожара. В книге была предпринята попытка подвести итог многолетней дискуссии по данному вопросу. На конкретных первоисточниках автор показал, что спланированные Ф.В. Ростопчиным и М.И. Кутузовым поджоги избранных объектов «при вывозе всего «огнегасительного снаряда» означали обречение деревянной Москвы на грандиозный пожар. Принимая во внимание многочисленные французские свидетельства, историк считал, что Москву жгли из патриотических побуждений и сами жители столицы⁶. Одновременно Троицкий отмечал, что «пожар Москвы с политической и военной точки зрения поставил Наполеона прямо-таки в безвыходное положение»⁷.

В противовес бытовавшему в советской историографии мнению, в монографии Н.А. Троицкого не отрицалось влияние пространственно-климатических условий на разгром наполеоновских войск.

¹ См.: Там же. С. 16.

² Там же. С. 16.

³ См.: Там же. С. 126.

⁴ См.: Там же. С. 143–144, 258, 262, 268, 280–283, 293–295.

⁵ См.: Там же. С. 307.

⁶ См.: Там же. С. 190–192.

⁷ Там же. С. 193.

Однако историк не возводил этот фактор в абсолют, считая главной причиной победы России в войне общенациональный подъем народных масс¹. Одновременно он отмечал сильное, хотя и неоднозначное влияние поражения Наполеона в России на судьбы всей Европы. Развивая мысль с таких позиций, историк, с одной стороны, подчеркивал ослабление гегемонии Наполеона. С другой стороны, им признавались контрреволюционные цели 6-й антинаполеоновской коалиции, направленной на возрождение «рабства собственных феодалов»².

При всей убедительности и доказательности выдвигаемых положений автор все же допустил определенные противоречия и фактические неточности при освещении частых вопросов. Например, страдают неопределенностью его выводы о том, кто владел стратегической инициативой в Бородинском сражении. Согласно авторским суждениям, «Наполеон диктовал ход сражения» и в то же время Кутузов являлся «хозяином битвы»³.

Историк явно недооценил итоги рейда русской кавалерии в сражении при Бородино. По его мнению, «восторги историков по поводу рейда Уварова и Платова лишены оснований»⁴. Однако нужно признать, что этот рейд оказался не просто, как полагал Н.А. Троицкий, полезным для русской армии, а фактически спас русскую армию от полного разгрома. Ведь следствием этого маневра послужил отказ Наполеона от введения в сражение своего гвардейского резерва. Такое решение, как указал сам автор, являлось серьезной ошибкой французского полководца⁵. Впоследствии, в связи с этим эпизодом, Троицкий сделал еще более категоричное заявление: «Русских под Бородином сражалось больше, чем французов, ибо гвардия Наполеона (19 тыс. лучших бойцов) простояла весь день в резерве...»⁶ Следовательно, рейд Ф.П. Уварова и М.И. Платова не допустил в критическую минуту сражения резкого изменения соотношения сил в пользу французов.

В сочинении имелись и фактические неточности, допущенные из-за излишней доверчивости автора к некоторым источникам⁷.

¹ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 307–308.

² См.: Там же. С. 311.

³ См.: Там же. С. 179, 165.

⁴ См.: Там же. С. 167.

⁵ См.: Там же. С. 181.

⁶ Троицкий Н.А. [Рецензия] // Отечественная история. 1992. № 2. С. 189. Рец. на кн.: Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990.

⁷ Подробнее см.: Попов А.И. [Рецензия] // История СССР. 1990. № 2. С. 189. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987.

Последующие критики работы справедливо указывали на субъективизм отдельных логических построений Троицкого и его остаточную зависимость от идеологических схем, господствовавших в советской исторической науке¹. Однако подобные недостатки, неизбежные при освещении такой сложной темы, не могли умалить общего значения этой работы. «1812. Великий год России», несомненно, знаменовал собой новый шаг в сторону возрождения прогрессивной традиции взвешенного и объективного отношения к этой исследовательской проблеме.

Новый взгляд на историю Отечественной войны 1812 года в сочинении Н.А. Троицкого привлек внимание общественности. 50-тысячный тираж книги был реализован в короткий срок. Но в научной среде монография получила противоречивые оценки. Часть рецензентов приветствовала нетрадиционные для советской историографии авторские выводы. При этом подчеркивалось умение ученого безошибочно направлять курс своих рассуждений к наиболее обоснованным и корректным оценкам 1812 г., выраженным в исследованиях отечественных и зарубежных историков. Кроме того, достоинства книги виделись в широком охвате материала, всестороннем освещении войны и в научной добросовестности автора работы². Некоторые из современных исследователей темы считали этот «парадоксальный и полемичный» научный труд «вехой в нашей историографии»³. Такой серьезный аналитик, как А.Г. Тартаковский, назвал монографию «лучшей из работ этого жанра, появившихся в нашей литературе после замечательных книг Е.В. Тарле»⁴.

Высказывались и альтернативные точки зрения, согласно которым в книге Троицкого преобладали «эмоциональные оценки, противоречащие логике изложения событий той героической эпопеи»⁵.

¹ См.: Горбунов А.В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 гг.) // Воинский подвиг защитников Отечества... С. 141–143.

² См.: Попов А.И. [Рецензия] // История СССР. 1990. № 2. С. 189. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987.

³ См.: Вероломство по плану: сомнения в очевидном // Родина. 1992. № 6–7. С. 37.

⁴ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай... С. 116. См. рец.: Галактионов И.В., Соколов Ю.Ф. [Рецензия] // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 91. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987.

⁵ См. рец.: Галактионов И.В., Соколов Ю.Ф. [Рецензия] // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 91. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987.

На этом основании делался явно предвзятый вывод о том, что «Н.А. Троицкому, увлекшемуся “обновлением” выводов и оценок событий войны 1812 года, не удалось пересмотреть традиционные представления о ней»¹.

Противоречивые суждения об обобщающей монографии Н.А. Троицкого как и жесткая полемика, развернувшаяся на страницах журнала «В мире книг», свидетельствовали о складывании в конце 80-х годов XX столетия принципиально новой ситуации в историографии изучаемой проблемы. Дискуссии ученых на страницах печати указывают на начало открытой борьбы за пересмотр официальной концепции Отечественной войны 1812 года.

Такая мысль подтверждается анализом публикаций и исследований других авторов. В них, как и у Н.А. Троицкого, проявилось критическое отношение к господствовавшим воззрениям. Вслед за саратовским ученым линию на обновление устоявшихся взглядов последовательно отстаивал в своих рецензиях *А.И. Попов*². *В.П. Тотфалушин* продолжил опровержение традиционно-уничижительных представлений, сложившихся о М.Б. Барклае де Толли в советской литературе³. Эту же цель преследовал и *В.Н. Балязин*, стремившийся быть «максимально объективным в исследовании жизни, военной и государственной деятельности» известного полководца⁴.

С.А. Малышкин своим комплексным диссертационным исследованием научной деятельности А.И. Михайловского-Данилевского преодолевал сложившиеся предубеждения в отношении дореволюционной историографии⁵. *Е.И. Чапкевич* и *Ю. Чернецовский*, откры-

¹ Галактионов И.В., Соколов Ю.Ф. [Рецензия] // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 91. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987.

² См.: Попов А.И. [Рецензия] // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 203–205. Рец. на кн.: Бородино. 1812. М., 1987; Его же. [Рецензия] // История СССР. 1990. № 2. С. 187–189. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1987; Его же. Попытка реанимации одиозных идей // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 186–187; и др.

³ См.: Тотфалушин В.П. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1986; Его же. Барклай де Толли в дворянской историографии Отечественной войны 1812 года // Историографический сборник. Саратов, 1989. Вып. 14. С. 35–49.

⁴ См.: Балязин В.Н. Фельдмаршал М.Б. Барклай де Толли. М., 1990. С. 300.

⁵ См.: Малышкин С.А. Русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский и его «Описание Отечественной войны в 1812 году».

вая неизвестные страницы биографии академика Е.В. Тарле, указывали на негативное влияние командно-административной системы на освещение 1812 г.¹

Дальнейшее углубление и расширение сферы научных исследований оставалось типичным и для историографии второй половины 80-х годов. В этот период В.М. Безотосный завершил комплексное исследование деятельности французской и русской разведок, значительно расширив научные представления об этом малоисследованном вопросе войны 1812 года². Выступившие на защите диссертации официальные оппоненты В.Г. Сироткин и И.И. Ростунов признали автора «единственным глубоким исследователем и знатоком истории русской разведки начала XIX в.»³.

Не останавливаясь на достигнутом, В.М. Безотосный продолжил свои научные изыскания в области источниковедения. Историк правомерно указал на слабое привлечение в советских исследованиях документов французского происхождения. Такой недостаток он связывал с трудностями в преодолении языкового барьера⁴. Поэтому одну из первоочередных задач по изучению истории Отечественной войны Безотосный видел в активном выявлении и вовлечении в научный оборот многочисленной трофейной документации, сосредоточенной в архивах СССР, а также документального массива, опубликованного во Франции⁵. Следует отметить своевременность и актуальность авторских замечаний, реализация которых началась в 90-е годы прошедшего столетия.

Б.С. Абалихин провел свой анализ стратегического плана Наполеона при оставлении Москвы⁶. Опираясь на документальные источ-

¹ См.: Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В. Тарле; Чернецовский Ю. Как Сталин спас Наполеона: страницы биографии академика Тарле.

² См.: Безотосный В.М. Французская и русская разведки и планы сторон в 1812 году: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

³ См.: Смирнов А.А. «Коллеги по цеху»: Приложение к статье В.М. Безотосного // II этап Отечественной войны 1812 года. С. 18.

⁴ См.: Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года. С. 212.

⁵ См.: Там же. С. 219.

⁶ См.: Абалихин Б.С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 64–79. Свои соображения по этому вопросу Абалихин высказывал и ранее. См.: Абалихин Б.С. Куда шла наполеоновская армия, оставив Москву в октябре 1812 года? // Материалы XXII науч. конф. Волгогр. гос. пед. ин-т. Волгоград, 1965. С. 3–6; Абали-

ники, историк постарался опровергнуть распространенное мнение о том, что Наполеон в начале октября 1812 г. планировал движение своей армии через Калугу на Смоленск. Исследователь высказал убеждение, что стратегический замысел Наполеона сводился к прорыву всей массы имеющихся у него войск на Украину. На этом основании автор статьи сделал вывод, что в сражении за Малоярославец «русская армия решила... крупную стратегическую задачу – сорвала план прорыва французских войск на Украину и заставила врага отступать по разоренной им Старой Смоленской дороге»¹.

Такая точка зрения не представляла собой принципиально нового концептуального положения, потому что ранее уже высказывалась и оспаривалась в дореволюционной историографии². Указанная идея получила у Б.С. Абалихина большую доказательность за счет нового истолкования уже известных первоисточников. Авторские суждения, выстроенные в логическую цепочку, выглядели веско и доказательно. Однако часть известных фактов, свидетельствовавших в пользу «смоленской» версии, историк оставил без внимания или, более того, интерпретировал без учета складывавшейся обстановки³. Например, Б.С. Абалихин утверждал, что Кутузов «заранее учитывал возможность движения наполеоновской армии на юг... соответствующим образом к этому подготовился» и по движению французских войск к Малоярослаvcу сразу «понял скрытую цель Наполеона»⁴. В таком выводе ощущалась натяжка под устоявшиеся историографические традиции. Непоследовательность ученого проявилась в другом, более объективном замечании, согласно которому фельдмаршал даже после сражения за Малоярославец весьма осторожно оценивал намерения Наполеона, «поскольку не располагал в то время полными данными»⁵.

хин Б.С., Дунаевский В.А. Новое в изучении истории войны 1812 года. М.: Знание, 1983. С. 42.

¹ Абалихин Б.С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года. С. 79.

² См.: Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1985. С. 166; Тихонов Я. Поражение французов на Севере... Ч. 2. С. 258; Ниве П.А. Отечественная война. Т. 3. С. 473; Никулищев Б.А. Марш-маневр Наполеона на Малоярославец // Военно-исторический сборник. 1911. № 2. С. 135.

³ Подробнее об этом см.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 251–254.

⁴ Абалихин Б.С. О стратегическом плане Наполеона на осень 1812 года. С. 78, 79.

⁵ См.: Там же. С. 79.

Анализ численности российских вооруженных сил по новым документальным источникам провел С.В. Шведов¹. Возникавшие в этом вопросе разночтения исследователь разъяснял различной методикой подсчета. Со своей стороны он конкретизировал численность группировки русских войск, сосредоточенной в европейской части России (450 тыс. человек)². Новые цифры свидетельствовали о том, что первый стратегический эшелон Наполеона (444 тыс.), перешедший границы России 12 (24) июня 1812 г., в количественном отношении был равен общей численности русской армии. Но на основных стратегических направлениях соотношение сил складывалось не в пользу русского командования. Это и определило его стратегию отступления вглубь страны с целью выигрыша времени для перегруппировки войск, находящихся на стратегических флангах, и сближения с резервами. Однако, как установил Шведов, из 208 тыс. человек резервных корпусов и фланговых группировок в боевых действиях реально приняло участие только 134 тыс. человек³.

Шведов привел новые сведения о количестве русских войск накануне Бородинского сражения. По его данным, «объединенные силы М.И. Кутузова насчитывали 114 тыс. человек регулярного войска, 10 тыс. казаков и 33 тыс. ополченцев – всего 157 тыс. человек»⁴. Автор не прокомментировал итоговый результат своих подсчетов⁵. Но если соотнести эту цифру с численностью французской армии, то получается, что к началу генерального сражения русская армия превосходила французскую на 22 тыс. человек (157 тыс. русских войск против 135 тыс. французских). В свете этих цифр в историографии

¹ См.: Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году: К 175-летию Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1987. № 4. С. 120–139.

² В ее состав С.В. Шведов, включал 1-ю, 2-ю и 3-ю Западные армии (242 тыс. чел.), 1-й и 2-й резервные корпуса, а также гарнизоны крепостей в составе 100 тыс. человек. Им также учитывались контингенты войск, дислоцировавшиеся на юго-западных и северо-западных границах (Дунайская армия и Финляндский корпус общей численностью 108 тыс. человек). См.: Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году. С. 126–127.

³ См.: Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году. С. 127.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ В дальнейшем это неоднократно делал Н.А. Троицкий. Его последние комментарии к соотношению сил противоборствующих сторон накануне Бородинского сражения см.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 168–171.

стала утверждаться мысль о наступившем численном перевесе русских над французами при Бородине¹.

Анализ войсковой статистики позволил исследователю более объективно судить о моральном состоянии русской армии. На основе архивных материалов С.В. Шведов отметил факт распространения мародерства и дезертирства среди нижних чинов и указал на их масштабы. Так, только накануне Бородинской битвы усилиями генерал-майора М.И. Левицкого в строй было возвращено до 13 тыс. самовольно отлучившихся солдат. В Тарутинский лагерь русской армии также были собраны тысячи дезертиров. Среднее количество беглых в частях 3-й и 4-й пехотных дивизий составляло в течение всей кампании в среднем до 300 человек на полк (0,2% ежедневно)². Подобные факты, предаваемые огласке в начале XX столетия³, ведущие советские историки первой половины 50-х и второй половины 80-х годов предпочитали не афишировать.

Сравнительно точно С.В. Шведов подсчитал потери русских войск под Бородино. Суммировав итоговые цифры армейских рапортов, исследователь определил их в 42 тыс. человек⁴. Сопоставив эти данные с потерями противника, автор пришел к выводу о способности французской армии «выдержать и даже выиграть» новое сражение. В свою очередь русскому командованию «для обеспечения победы в войне потребовалось продолжить отступление и даже ценой оставления Москвы выиграть время, необходимое для окончательного формирования резервов и подхода свежих войск из Бессарабии и Финляндии»⁵.

Как уже указывалось, свои подсчеты численного состава западной группировки войск, сосредоточенной у границ империи накануне войны, провел *Н.А. Троицкий*. Отметив большой разницей в цифрах у различных исследователей, автор по-новому проанализировал архивные документы, послужившие основанием проводившихся вычислений. На основании первоисточников ученый уточнил числен-

¹ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 142; Его же. Рец. на кн.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 196; и др.

² См.: Шведов С.В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году. С. 130.

³ См.: Кожевников А.А. Русская армия в период от сдачи Москвы до Та-рутина // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 107–108.

⁴ См.: Шведов С.В. Указ. соч. С. 135.

⁵ См.: Там же. С. 135.

ность всех трех западных армий¹. Одновременно он подсчитал количественный состав резервных корпусов Е.И. Меллер-Закомельского и Ф.Ф. Эртеля². Суммировав эти показатели с учетом войск, прикрывавших рижское направление, историк сделал вывод, что «Россия в начале войны смогла противопоставить 448-тысячной армии Наполеона 317 тыс. человек»³. Тем не менее Троицкий подчеркнул, что при равной численности французских (1 млн 46 тыс. 567 чел.) и российских (975 тыс. чел.) вооруженных сил русские уступали французам в зоне вторжения в 1,5 раза. Такое неравенство вытекало из-за рассредоточения русских корпусов по другим театрам военных действий⁴.

Как следует из содержания работ С.В. Шведова и Н.А. Троицкого, общие данные о численности русских войск на западноевропейском театре военных действий и накануне Бородинского сражения можно считать более реальными, однако, в силу значительных расхождений в цифровых показателях у других авторов, пока не могут считаться окончательными. Узловой момент, который следует признать в качестве важного условия решения всей проблемы, представляется в дальнейшем совершенствовании методики подсчета и приведении исчислений к единым знаменателям.

Во второй половине 80-х годов XX в. продолжалось изучение событий войны в различных регионах Российской империи. Как полагают некоторые ученые, в отечественной историографии не уделялось должного внимания анализу военных действий в Прибалтике⁵. Восполняя образовавшийся пробел, Р.Э. Хелме провел специальное исследование хода войны в Прибалтике⁶. По мнению историка, русское командование в течение всей кампании удерживало инициативу на прибалтийском театре военных действий. Автор уточнил численность группировки, прикрывавшей данный регион. По его подсчетам, в состав русских войск входило 9000 ополченцев из Лифляндии и 800 офицеров – выходцев из Прибалтийских губерний.

¹ См.: Троицкий Н.А. О численности русских армий в начале Отечественной войны 1812 года. С. 172.

² См.: Шведов С.В. Указ. соч. С. 71–72.

³ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 62.

⁴ См.: Там же. С. 63–64.

⁵ Анализ отечественной историографии по данному региону см.: Дунаевский В.А. Отечественная война 1812 года на Северо-Западе России и в Прибалтике.

⁶ См.: Хелме Р.Э. Прибалтийский театр военных действий Отечественной войны 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1987.

Новые аргументированные наблюдения просматривались в диссертационном исследовании *И.С. Максимова*, осветившего *роль крестьянства губерний, входивших в состав III округа ополчения*¹. Однако в обоих случаях исследователи еще не сумели полностью преодолеть традиционные субъективистские подходы, сложившиеся в советской историографии во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов XX в.

Таким образом, в историографии Отечественной войны 1812 года во второй половине 80-х годов прослеживалось несколько устойчивых тенденций. С одной стороны, продолжалось развитие господствующей официально-правительственной концепции. Ее основные положения, разработанные во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов, без особых изменений продолжали утверждаться в работах П.А. Жилина, О.В. Орлик, И.И. Ростунова и других официальных историков темы. Официально-патриотические идеи прочно закрепились в учебной и научно-популярной литературе, нашли отражение в различных юбилейных изданиях, посвященных 175-летию войны.

С другой стороны, в историографии темы начала формироваться принципиально новая ситуация. Изменения в социально-политической жизни советского общества во второй половине 80-х годов способствовали усилению среди ученых критических оценок общепринятых положений истории нашествия Наполеона на Россию. Однако развитие критического направления в исследуемой проблеме во многом сдерживалось стереотипами общественного сознания и устоявшимися историографическими традициями. В связи с этим значительная часть специалистов-историков пошла по пути сочетания традиционных взглядов с новыми суждениями.

Такой методологический подход характерен для работ А.Л. Нарочницкого, Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, В.Г. Сироткина и некоторых других исследователей, которые, не отказываясь от основополагающих положений официальной концепции войны, предприняли попытку ее более объективного и всестороннего анализа. Эта развивающаяся тенденция проявилась в углубленном изучении трудов классиков марксизма-ленинизма, которые по-прежнему оставались методологической основой исследования темы. Одновременно ученые стали более открыто судить об отрицательном влиянии культуры личности И.В. Сталина на развитие историографии темы. Подоб-

¹ См.: Максимов И.С. Крестьянство III округа внутреннего ополчения в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1823–1814 гг.: (По материалам Нижегородской, Пензенской и Симбирской губерний): Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1988.

ным образом критически оценивались труды ведущих официальных историков исследуемой проблемы.

В контексте указанной тенденции во внешней политике царского самодержавия стали признаваться борьба за реализацию собственных геополитических целей в Западной Европе. Решительнее, чем прежде, в литературе стала проводиться линия на реабилитацию полководческих заслуг М.Б. Баркляя де Толли. Принципиальнее оценивались итоги Бородинского сражения. В победе России над Наполеоном историки стали признавать не только ее прогрессивное значение, но реакционную сторону, связанную с восстановлением монархических порядков в западноевропейских странах.

Противоречивое развитие советского общества во второй половине 80-х годов и связанное с этим процессом ослабление административных методов управления советской исторической наукой открыло возможности для утверждения в историографии новых научных идей, направленных на кардинальный пересмотр господствовавшей концепции Отечественной войны 1812 года. Полемика, развернувшаяся на страницах научной периодической печати, указывала на возрождение историографических традиций, господствовавших в исторической науке в начале XX в.

Новая тенденция в историографии темы отразилась в научных трудах Н.А. Троицкого, взгляды которого по тем или иным вопросам разделяли А.И. Попов, В.П. Тотфалушин, С.А. Малышкин, Е.И. Чапкевич, Ю. Чернецовский и некоторые другие исследователи.

Критические оценки важнейших положений официальной концепции войны сторонниками радикального направления в историографии темы делались более резко и бескомпромиссно. Утверждение новых идей осуществлялось через критику официальных научных трудов. Альтернативные официальные положения аргументировались новыми первоисточниками и проводились в соответствующих статьях, монографиях, в комплексных диссертационных исследованиях.

Параллельно с этим в исследуемый исторический период продолжала усиливаться тенденция к расширению проблематики научных исследований. Историография темы, которая рассматривалась в специальных научных трудах, на данном этапе уже представляла собой самостоятельную научную отрасль истории Отечественной войны 1812 года.

Одновременно в сфере интересов историков оказались вопросы, связанные с развитием зарубежной исторической мысли о походе Наполеона в Россию. Проводились комплексные исследования малоизученных аспектов, как, например, состояние разведок противо-

борствующих сторон накануне вторжения. Было продолжено изучение места и роли отдельных регионов России в войне и их значение в стратегических планах воюющих держав. Углубленному анализу с привлечением новых первоисточников подвергались количественные показатели состава враждующих армий и понесенные ими потери. Новые данные и сделанные на их основе выводы составили доказательную базу для утверждения в историографии темы положений, разрушавших субъективистские подходы к ее освещению.

В качестве общего заключения о советском периоде в историографии Отечественной войны 1812 года важно отметить следующее:

Во-первых, за 73-летний советский период историография темы прошла ряд последовательных этапов в своем развитии, которые отличались как содержанием господствовавших концепций, так и общим состоянием научной разработанности проблемы. Советским историкам удалось достичь значительных результатов в изучении темы. Они нашли свое отражение в многочисленных научных статьях, монографиях, диссертациях и закреплялись в общественном сознании через совокупность справочно-энциклопедической, учебной и научно-популярной литературы.

В изучаемый период на качественно новую ступень поднялись историографические и источниковедческие исследования. Значительно глубже, чем в дореволюционный период, советские историки осветили экономическую подготовку к войне, состояние вооруженных сил. Было продолжено углубленное изучение стратегических планов, а также хода военных действий, особенно на завершающем этапе войны. Подробно рассмотрены вопросы организации народных ополчений и партизанской борьбы с врагом. Большая работа была проделана по написанию аналитических биографий наиболее видных полководцев и военачальников Отечественной войны 1812 года. Продолжалась разработка социально-политических аспектов проблемы, общего состояния социально-классовых отношений в период наполеоновского нашествия на Россию.

Во-вторых, в 20–30-х годах XX в. в советской исторической науке была окончательно предана забвению официально-правительственная концепция войны 1812 года, сформированная в первой половине XIX в. и доминировавшая в литературе до начала XX столетия. В методологии научных исследований начали утверждаться марксистско-ленинские подходы к объяснению исторических процессов и явлений. Они оказали существенное влияние на конечные выводы историков. На данном этапе развития историографии преобладали взгляды М.Н. Покровского, которые провозглашали тезис

о невинности Наполеона за развязывание вооруженного конфликта и отрицали патриотические начала в народной войне с захватчиками.

В-третьих, во второй половине 30-х – начале 50-х годов процесс эволюции исследуемой проблемы во многом зависел от общественных потребностей в патриотическом воспитании населения страны, вызванном нарастанием военной напряженности в мире со второй половины 30-х годов XX в.

Накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. советские историки возродили вывод официальной дореволюционной историографии об ответственности Наполеона за вооруженное столкновение двух держав и об оборонительном, отечественном характере войны 1812 года со стороны России. Вновь получила развитие идея народного патриотизма, которая в данном случае рассматривалась дифференцированно с социально-классовых позиций.

Процесс формирования и утверждения новой концепции, начавшийся критикой взглядов М.Н. Покровского и завершившийся к 140-летию Бородинского сражения, осуществлялся с учетом мнений и замечаний И.В. Сталина, которые способствовали в конце 40-х – первой половине 50-х годов завышенным оценкам полководческой деятельности М.И. Кутузова.

Директивный стиль управления исторической наукой накладывал свой отпечаток на господствовавшие в историографии темы воззрения. Со второй половины 40-х годов идейное воздействие на проводимые исследования осуществлялось посредством принятия соответствующих партийных решений, публикацией обобщающих работ и критических статей в соответствии с непосредственными указаниями ЦК ВКП(б) (КПСС). Партийно-государственные установки предопределяли конечные выводы проводимых исследований и способствовали формированию субъективистских взглядов и суждений, искажающих подлинную историю Отечественной войны 1812 года.

В-четвертых, начавшиеся в первой половине 60-х годов XX в. демократические преобразования в Советском государстве способствовали раскрепощению исторической научной мысли. Ослабление административных методов управления исторической наукой вызвало к жизни критическое направление в научных исследованиях проблемы. Однако изменение внутривластного курса во второй половине 60-х годов не дало развиваться этому направлению в исторической науке. Официальная концепция, сформированная на предшествующем этапе историографии, до конца 80-х годов занимала господствующее положение в литературе.

В-пятых, во второй половине 80-х годов XX в. начался новый этап в развитии исследуемой проблемы. Его наиболее отличительной чертой стало начало открытой борьбы против официально-патриотических положений, доминировавших в исторической науке. Этот процесс инициировал саратовский ученый Н.А. Троицкий, взгляды которого поддерживались и некоторыми другими исследователями темы. В целом в изучении Отечественной войны 1812 года наметились кризисные явления, которые стали прогрессивно развиваться в 90-е годы прошедшего столетия.

ГЛАВА IV. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

В завершающей главе монографии проанализировано развитие постсоветской историографии. Здесь предпринята попытка проследить важнейшие направления исследований и качественные изменения в изучении темы за более чем 20-летний исторический отрезок времени, берущий свое начало в 90-х годах прошлого века и завершающийся подготовкой и празднованием 200-летия юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года.

Как и в предшествующих главах и параграфах, развитие рассматриваемой научной проблемы увязывалось с состоянием социально-политической жизни страны и исторической науки. Главное внимание обращалось на содержание научной полемики, которая широко практиковалась в данный историографический период и в которой наиболее ярко отражались ведущие тенденции и особенности развития историографии. Не маловажное значение придавалось анализу содержания не только научной, но также научно-популярной и учебной литературы, что позволило сделать важные обобщения о влиянии результатов научных исследований на формирование общественного сознания современного российского социума.

Современная российская историография оказалась настолько плодотворной с точки зрения количественного увеличения литературы, что дать ее всестороннюю характеристику в рамках одной книжной главы не представляется возможным. Вероятно, по данной причине принципиальный и дотошный читатель может испытать некоторое неудовлетворение, не найдя здесь авторской интерпретации известных ему историографических фактов. Комплексное осмысление актуальной проблематики Отечественной войны 1812 г., поднятой российскими историками и их зарубежными коллегами, в том числе массива литературы, изданного к 200-летию юбилею, – предмет специальных исследований на уровне историографических диссертаций. Поэтому в данной главе основное внимание обращалось на содержание публикаций, имеющих, по мне-

нию автора настоящей монографии, наиболее важное, сущностное значение для развития современной исторической науки. Кроме того, чтобы не прерывать общую нить рассуждений, ключевые аспекты историографии рассматривались вне связи с избранной периодизацией.

§ 1. «Гроза Двенадцатого года»: общая характеристика постсоветской историографии

По степени общественного интереса к исследуемой проблеме, а также утверждения новых концептуальных положений в научной и научно-популярной литературе, современный (постсоветский) историографический период условно можно разделить на два этапа: *I этап: начало 90-х годов XX в. – начало XXI в. (условно 2005–2007 гг.)* и *II этап: подготовка и празднование 200-летнего юбилея (2007–2013 гг.)*.

Первый этап постсоветской историографии – начало 90-х годов XX в. – первое пятилетие XXI в.

Отправной точкой первого этапа постсоветской историографии стали распад СССР и создание независимой Российской Федерации в начале 90-х годов XX в., а его завершение можно условно связать с первыми общественными инициативами в 2005 г., направленными на подготовку к приближающемуся 200-летию Отечественной войны 1812 года. Отличительная особенность данного историографического этапа связана с пересмотром советской историографии «эпохи двенадцатого года» и началом формирования ее новой концепции.

В первой половине 90-х годов развитие отечественной исторической науки протекало в сложных социально-политических условиях, сложившихся в результате распада единого государства и прихода к власти правительства, провозгласившего принципиально иные нравственные ценности. Кризис политической системы вызвал к жизни обострение социальных противоречий и, как следствие, идеологическую поляризацию общества.

Противоречивость общественного развития отразилась на состоянии историографии Отечественной войны 1812 года, которая переживала фазу кризисных явлений. Ликвидация партийно-государственных структур, занимавшихся курированием научно-исследовательских учреждений исторического профиля, способствовала окончательному освобождению научных кадров от жесткого администрирования. Объективно это создавало широкие возможности для подлинно научного изучения прошлого, свободного от желания подчинить исторические исследования политико-

идеологической конъюнктуре. На деле неограниченная свобода печати, подогреваемая коммерческим интересом, вызвала к жизни массовое издание популистской литературы. «Коммерциализация» исторических знаний привела к резкому снижению уровня научности исследовательских работ.

Подобное положение в исторической науке, начало которому было положено в последние годы существования Советского Союза, вызвало беспокойство в академических кругах, которые призвали историков более вдумчиво относиться к изучению прошлого нашей страны¹.

В начале XXI столетия, по мере стабилизации экономической и социально-политической обстановки в стране, более устойчивым становилось и состояние историографии исследуемой проблемы. К этому времени сформировался круг профессиональных историков, заявивших о себе новыми подходами к освещению ключевых аспектов темы и занявших лидирующее положение в изучении эпохи наполеоновских войн. Тогда же окончательно определились основные направления развития историографии и наиболее перспективная проблематика научных исследований, предпринимались попытки разрешения выявленных в первой половине 90-х годов дискуссионных аспектов, активизировалась работа СМИ по формированию нового общественного знания о событиях 1812 г.

Второй этап постсоветской историографии: подготовка и празднование 200-летнего юбилея связан с повышением общественного интереса к теме Отечественной войны 1812 года в связи с подготовкой и празднованием ее 200-летнего юбилея.

Одними из первых с инициативой о широкомасштабном праздновании этой знаменательной даты выступили участники «круглого стола», проведенного 22 октября 2005 г. в г. Малоярославце правительством Калужской области².

Как и сто лет назад, подготовка к юбилею вышла на уровень высшей государственной власти. Ее стратегические направления были определены Указами Президента РФ от 28 декабря 2007 г. № 1755 и от 13 января 2009 г. № 51³. Основные мероприятия по подготовке к

¹ См.: О тенденциях в исторической науке // Новая и новейшая история. 1991. № 5. 1991. С. 64–65.

² См.: Малоярославец начал подготовку к юбилею // 1812: интернет-проект. URL: http://www.museum.ru/1812/2012/news_001.html (дата обращения: 5.10.2012 г.).

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2007 г. № 1755 «О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2007. № 53.

юбилею были определены в утвержденном Правительством Российской Федерации федеральном плане подготовки к юбилею¹. На подготовку и проведение празднования 200-летия победы над Наполеоном в России были выделены значительные средства – 2 млрд 675 млн 686 рублей².

Глава государства лично возглавил специально созданную Государственную комиссию, призванную координировать деятельность государственных органов различного уровня, участвующих в подготовке и проведении праздника. Первое заседание комиссии под председательством вице-преьера правительства А.Д. Жукова состоялось 7 марта 2010 г. в Музее-панораме «Бородинская битва», на котором была отмечена необходимость сделать все возможное для проведения данного юбилея на самом высоком организационном уровне³.

В развитие правительственных решений в ряде субъектов Российской Федерации были созданы организационные комитеты и утверждены планы региональных и муниципальных мероприятий. В рамках подготовки к празднованию знаменательной годовщины были намечены и проведены различные совместные мероприятия с другими странами – европейскими, СНГ, в том числе с Украиной и Беларусью.

В целях консолидации деятельности общественных организаций и частных лиц, координации их взаимодействия с органами государственной власти при подготовке и проведении празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г. 30 июня 2010 г. был создан консультативный орган – Общественный совет по содействию государственной комиссии.

Ст. 6572; Указ Президента Российской Федерации от 13 января 2009 г. № 51 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2007 г. № 1755 “О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года”» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2009. № 3. Ст. 361.

¹ См.: План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 г.: утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2009 г. № 1628-р; в ред. распоряжений Правительства РФ от 17.05.2011 № 859-р, от 11.10.2011 – 1788-р, от 26.04.2012 № 656-р, от 18.05.2012 № 789-р // Основные нормативные акты по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года 7 августа 2012 г. [Служебное издание]. М., 2012.

² См.: Там же. С. 38.

³ См.: И вечной памяти двенадцатого года // Московская правда. 2010. 18 марта.

В соответствии с федеральным планом на территории Государственного исторического музея (ГИМ) был построен специальный Музей Отечественной войны 1812 года «со всеми последними достижениями в музейном деле на уровне лучших музеев мира». Были выполнены и другие запланированные масштабные мероприятия: строительство фондохранилища для Бородинского военно-исторического музея, восстановление разрушенного в 1942 г. Императорского путевого дворца в Бородино, реставрация памятников на Бородинском поле, под Тарутином, в Малоярославце, в Смоленске и других местах.

Российский кинематограф отозвался на юбилейное событие созданием полнометражных игровых художественных фильмов «Василиса Кожина» и «Уланская баллада» режиссеров Антона Сиверса и Олега Фесенко. О масштабах работ и затратности юбилейного кинематографа можно судить, например, по кинофильму «Василиса Кожина», съемки которого начались в 2010 г. Для картины были сшиты тысячи костюмов, которые размещались в гардеробной площадью свыше 300 квадратных метров, а общая длина вешалок составила 400 метров. Ткани для потрепанных костюмов сшивали вручную, а к офицерским мундирам пришили эполеты за 1000 евро. Специально для фильма в Псковской области построили игровую деревню: десять дворов, церковь и 40-метровый мост через реку. Общий бюджет картины составил порядка 7 млн долларов¹.

На телевидении демонстрировались многочисленные документальные телевизионные фильмы и передачи с историческими игровыми вставками такие, например, как многосерийный проект «Неизвестная война 1812 года», показ которого проходил на телеканале «Звезда».

Знаменательная дата нашла отражение на специальных монетах, юбилейной почтовой марке, всевозможных памятных знаках и т. п.

Праздничные мероприятия: музейные выставки, открытие памятников и мемориальных досок, исторические реконструкции известных боев проводились во многих городах России.

2 сентября 2012 г. в «День Бородина» на Бородинском поле прошли главные праздничные торжества, в которых принял участие Президент РФ В.В. Путин, председатели обеих палат российского парламента – В. Матвиенко и С. Нарышкин, другие официальные лица, а также потомки участников Отечественной войны 1812 года.

¹ См.: Про «Василису Кожину», любовь и войну 1812 года сняли фильм // МК интернет издание «mk-turkey.ru». 13 апреля 2012. URL: <http://mk-turkey.ru/culture/2012/04/13/pro-vasilisu-kozhinu-lyubov-i-voynu-1812-goda-snyali-film.html> (дата обращения: 18.09.2013 г.).

Кульминацией этого праздничного дня стала военно-историческая реконструкция Бородинского сражения. Общая численность участников исторической реконструкции из России и 12 стран ближнего и дальнего зарубежья достигла 2878 человек, среди них 340 кавалеристов, 420 артиллеристов, 30 артиллерийских орудий.

По данным МВД, в этот день Бородинское поле посетили более 140 000 человек. Экспозиции музея посмотрело более 4 000 зрителей. Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК) вела прямой репортаж с праздника¹. В целом празднование 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года вызвало значительный резонанс в российском обществе.

Подготовка к знаменательному событию оказала значительное влияние на развитие историографии в связи с активизацией работы государственных органов, общественных организаций и средств массовой информации в рамках правительственной программы подготовки и празднования знаменательной даты. Инерция большой подготовительной работы, проведенной центральными и местными органами государственной власти и научной общественностью в общероссийском масштабе, продолжает действовать и до настоящего времени.

В целом в преддверии 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года значительно увеличился массив уже существующей литературы. Книжный рынок страны стал традиционно наполняться многочисленными изданиями, посвященными этому всемирно-историческому событию.

Общий анализ историографии 90-х годов XX в. – начала XXI в. позволяет говорить о серьезных научных достижениях в изучении истории Отечественной войны 1812 г. Прежде всего, следует отметить появление значительного количества комплексных научных работ на уровне диссертационных исследований². Различные аспекты

¹ См.: 200-летие Бородинской битвы // Бородинское поле: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. URL: http://www.borodino.ru/index.php?page=news&type=view&DocID=188549&__CM3__CM3=mmpe2dqv1ukfr286608shipk32 (дата обращения: 17.09.2012 г.).

² По подсчетам автора настоящей монографии, сделанным на основании каталогов РГБ, в 90-е годы XX в. – начале XXI в. было защищено 59 докторских и кандидатских диссертаций, посвященных или затрагивающих различные аспекты Отечественной войны 1812 г. Здесь приводятся лишь наиболее значимые, с точки зрения развития ключевых аспектов историографии, работы. См.: Сапожников А.И. Граф М.И. Платов. Опыт научной биографии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; Целорунго Д.Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам. Дис. ... канд. ист. наук.

темы наполеоновской агрессии получили освещение в монографиях В.М. Безотосного, А.А. Васильева, И.Н. Васильева, В.Н. Земцова, Л.Л. Ивченко, Л.В. Мельниковой, Е.А. Назарян, А.И. Попова, О.В. Соколова, А.Г. Тартаковского, Н.А. Троицкого, Д.Г. Целорунго, В.Н. Шиканова и др.¹

М., 1997; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002; Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Гаврилов С.В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.: исторические аспекты. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; Попов А.И. Великая армия в России. Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2003; Шведов С.В. Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005; Лапина И.Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008; Джемсупов Э.С. Национальные воинские формирования русской армии в начале XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; Промыслов Н.В. Образ России во французском общественном мнении накануне и во время Отечественной войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; Постникова А.А. Великая армия на Березине: событие – память. Екатеринбург, 2013; и др.

¹ См.: Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвест. и неизвест. факты на фоне знаменитых событий. М., 1999; Его же. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005; Его же. Наполеоновские войны. М., 2010; Его же. Россия и Европа в эпоху 1812 года: стратегия и геополитика. М., 2012; Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12/24 октября 1812 года. Малоярославец, 2002; Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра: операция на р. Березине осенью 1812 г. или реабилитация адмирала Чичагова. М., 2001; Васильев И.Н., Попов А.И. Сражения при Красном. М., 2013; Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Его же. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010; Ивченко Л.Л. Бородино: легенда и действительность. М., 2002; Ее же. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008; Ее же. Бородинское сражение: история русской версии событий. М., 2009; Мельникова Л.В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; Ее же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; Назарян Е.А. Судьбы русских военнопленных 1812 года. Обнинск, 2012; Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2004; Попов А.И. Великая армия в России: погоня за миражом. Самара, 2002; Его же. Первое дело при Красном. М., 2007; Его же. Смоленские батальи: в 2 т. М., 2012; Его же. «Война необыкновенная»: Малая война в Смоленской губернии в 1812 г. М., 2013; Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003; Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999; Его же. Битва двух империй. 1805–1812 М., 2012; Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: легенды и быль

События «Грозы двенадцатого года» освещались в научных статьях, которые публиковались в текущей периодике, специальных выпусках журналов и альманахов¹, а также в материалах международных, всероссийских и региональных конференций². Значительное место среди печатной продукции заняла газетная и журнальная публицистика³.

В рассматриваемый историографический период были изданы не имеющие аналогов *справочные издания* А.А. Васильева, А.И. Попова, М. Елисеева, А.А. Подмазо о составе французских и русских войск накануне Бородинского сражения, о командирах и шефах русских

1812 года. М., 1996; Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994; Его же. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002; Его же. Александр I против Наполеона. М., 2007; Его же. 1812. Великий год России. М., 2007; Целорунго Д.Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения: Историко-социологическое исследование. М., 2002; Широкоград А. Бог войны 1812 года: артиллерия в Отечественной войне. М, 2012; Шиканов В.Н. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. М., 1999; СПб., 2002; Его же. Генералы Наполеона. М., 2004; и др.

¹ См.: «Гроза двенадцатого года» // Родина: российский исторический журнал. М., 2012. № 6. Июнь; Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А.В. Чудинова. М., 2012; Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память / под ред. А.В. Чудинова. М., 2013; Российская история. 2012. № 6; и др.

² Подавляющая часть выступлений на конференциях в Бородино, Бородинской панораме и Малоярославце после доработки публиковалась в виде статей в сборниках материалов этих научных форумов. В начале XXI в были предприняты попытки обобщения и анализа публикаций, сделанных по материалам научных конференций. См.: Митрошенкова Л.В. Некоторые итоги: обзор сборников Малоярославцевских научных конференций Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и Российской провинции // Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции: Материалы науч. конф. 21 октября 2000 г. Малоярославец, 2001. С. 112–118; Горбунов А.В. Итоги и перспективы проведения научных конференций «Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы X Всероссийской научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2001 г.). М., 2002. С. 3–8.

³ Общее количество журнальных статей даже приблизительно представляется затруднительным в связи с появлением множества новых периодических изданий, функционирующих на коммерческой основе, а также наличием периферийных периодических издательств, также размещающих на своих страницах публикации по исследуемой тематике.

полков, о генералитете русской армии, участниках войны 1812 года, о литературе, изданной в советский период¹.

Среди современных справочно-энциклопедических изданий о нашествии Наполеона на Россию основным является *Энциклопедия Отечественной войны 1812 года*. Ее разработка началась с 2000 г. группой энтузиастов историков, специализирующихся по теме «эпохи наполеоновских войн». Идея создания фундаментального труда родилась в неформальной обстановке на конференции в Малоярославецком музее Отечественной войны 1812 г. В узком кругу участников конференции (В.М. Безотосный, А.А. Васильев, А.И. Попов, А.А. Смирнов и др.) А.А. Подмазо предложил в связи с приближающимся 190-летием Отечественной войны 1812 г. создать коллективный труд по типу известного семитомника «1812–1912. Отечественная война и русское общество». Идею обсудили и поддержали. Тогда же был составлен примерный план работы, объем которой по самым приблизительным подсчетам должен был составить 12 томов. Тогда же стал формироваться и костяк авторского коллектива.

В дальнейшем В.М. Безотосный высказал предложение вместо многотомного научного труда подготовить энциклопедию Отечественной войны 1812 года. Для финансирования нового проекта он обратился за помощью к генеральному директору издательства РОССПЭН А.К. Сорокину, который поддержал идею издания энциклопедии и оказал всемерное содействие в публикации книги.

В ходе коллективного обсуждения общего замысла энциклопедии высказывались различные мнения. А.А. Подмазо настаивал на расширении хронологических рамок освещаемого исторического периода с 1812 г. до 1814 г. Однако большинство считали, что из-за отсутствия специалистов по заграничным походам русской армии в 1813–1814 гг. работа вряд ли будет завершена. В течение недели был составлен словник, и В.М. Безотосный стал собирать участников проекта. Подбирались наиболее подготовленные специалисты,

¹ См.: История Отечественной войны 1812 года: Указ. сов. лит-ры (1918–1990 гг.) / отв. ред. В.А. Дунаевский. М., 1992; Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года: состав войск и их численность / сост.: А. Васильев, А. Елисеев. М., 1997; Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков Русской армии (1796–1815 гг.). М., 1997; Его же. Большая Европейская война 1812–1815: Хроника событий. М., 2003; Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года: Хроника событий. GrandeArmée: состав армии при Бородино. М., 2002; Отечественная война 1812 года: биографический словарь. М., 2011; Мешков В.М. «Гроза двенадцатого года»: путеводитель по книгам об Отечественной войне. М., 2012.

поэтому 30 историкам было роздано около 80% всех энциклопедических статей.

Общее руководство работой осуществлял В.М. Безотосный. Он распределял энциклопедические статьи, координировал деятельность членов авторского коллектива, собирал и при необходимости дорабатывал материалы, а также доказывал авторскую точку зрения издательскому редактору Б.Ю. Иванову, пытавшемуся самостоятельно вносить изменения в тексты в соответствии с устаревшими сведениями из Большой Советской Энциклопедии. А.А. Смирнов занимался перекрестной проверкой малоизвестных исторических фактов. А.А. Подмазо по поручению издательства вел статистический учет сданных статей для расчетов с авторами и также редактировал тексты, исправляя фактические ошибки и дополняя их точными датами¹.

К 2003 г. издание в основном было завершено. Его содержание составили апробированные в ходе выступлений и публикаций новые идеи и обобщения о войне 1812 года. Объемный, почти в 900 страниц, с многочисленными иллюстрациями том включил в себя около 2 тыс. статей, выстроенных по алфавитному принципу. По многим аспектам эпохи 1812 г. здесь представлены исчерпывающие сведения. Так, 122 энциклопедические статьи освещали военные планы и ход военных действий. 473 статьи давали детальное представление о боевом и численном составе действующих армий противоборствующих сторон. Российская армия рассмотрена в энциклопедии от полка и выше, Великая армия Наполеона I – начиная от дивизии. Дипломатические акции, проводимые Францией и Россией накануне и в ходе войны, раскрываются в 31 статье. В энциклопедии опубликовано 1703 биографий военных и государственных деятелей, французских и российских генералов и офицеров, отличившихся в боях, а также мемуаристов, историков, писателей и художников, в чьем творчестве отразилась тема 1812 г.² Составители энциклопедии постарались проявлять уважительное отношение к французской стороне, стремясь уйти от ранее широко распространенных в советской историографии негативных оценок.

Работа над энциклопедией продолжилась в период подготовки к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне

¹ Письмо А.А. Подмазо – И.А. Шеину от 25.10.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина; Письмо В.М. Безотосного – И.А. Шеину от 27.10.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004.

1812 г. В дополнение к первой энциклопедии было решено издать другую двухтомную энциклопедию, посвященную заграничным походам русской армии в 1813–1815 гг. А.К. Сорокин вновь поддержал идею издания новой энциклопедии и взял на себя затраты по ее публикации¹. Книга вышла в 2011 г. ограниченным тиражом (всего 800 экземпляров) и разошлась преимущественно среди специалистов².

В соответствии с правительственным планом подготовки к 200-летнему юбилею, путем объединения и доработки этих двух энциклопедий была также выпущена третья, обобщающая, 3-томная энциклопедия «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов»³. По количеству статей она уступает предыдущим двум энциклопедиям, но по качеству и количеству иллюстраций превосходит их.

Можно с уверенностью говорить, что по своей уникальности, выразившейся в количестве задействованных в работе ученых, масштабности описания и многоплановости поднятых проблем, указанные справочно-энциклопедические издания не имели прецедента в нашей исторической науке и могут рассматриваться как высшее достижение отечественной историографии «эпохи двенадцатого года». По многим параметрам они просто несопоставимы, а по содержанию далеко превосходят известное семитомное коллективное издание «1812–1912. Отечественная война и русское общество», выпущенным к 100-летию Отечественной войны 1812 года.

Новые оценки и взгляды на Отечественную войну 1812 года развивались в научных статьях, которые публиковались в *сериальных и специальных выпусках периодических изданий*. Они стали отличительной особенностью современной историографии начала XXI столетия. Материалы, связанные с униформой, наградами, оружием, знаменами, геральдикой русской армии в 1812 г., публиковались в издаваемом с 1991 г. научно-популярном российском военно-историческом журнале «Цейхгауз»⁴.

¹ Письмо А.А. Подмазо – И.А. Шеину от 25.10.2013 г.; Письмо В.М. Безотосного – И.А. Шеину от 27.10.2013 г.

² См.: Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2011.

³ См.: Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2012.

⁴ См., напр.: Подмазо А.А. Ермоловская путаница // Цейхгауз. 2002. № 4. С. 16–21; Его же. Знамена русской пехоты в 1812 году // Там же. 2006. № 23; Валькович А. Голштинский принц и русская гвардия // Там же. 2000. № 2. С. 8–13; Его же. Лейб-казакам к первомаю: новые сведения о мундире гвардейских казаков в эпоху Отечественной войны // Там же. 2006. № 23; и др.

С 1996 г. статьи о войне 1812 г. размещались в независимом, иллюстрированном большим количеством цветных и черно-белых рисунков и фотографий военно-историческом издании «Сержанта»¹.

Достаточно хорошо известен среди любителей и специалистов этой темы иллюстрированный военно-исторический альманах «Император», выпускаемый издательством «Рейтарь». Первый номер альманаха вышел в 2000 г.² В издании, рассчитанном на широкую читательскую аудиторию, публиковались малоизвестные документы, статьи научно-популярного содержания об армиях противоборствующих сторон, военных событиях 1805–1814 гг., исторических персоналиях и т. п. Значение этого альманаха и других указанных серийных изданий состоит, прежде всего, в популяризации научных знаний о военной истории того периода.

Особое место среди специальных изданий занял периодический сборник научных статей и документов «Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография»³. Первый номер сборника был приурочен к 190-летию Отечественной войны 1812 года. Как отмечал в личной беседе с автором настоящей монографии один из главных организаторов сборника В.М. Безотосный, идея специального выпуска родилась в период подготовки энциклопедии «Отечественная война 1812 года». Значительная часть материалов давалась в энциклопедию в сокращенном виде, кроме того, часть из них оказалась невостребованной для справочно-энциклопедического издания. Поэтому было принято решение организовать публикацию не вошедших в энциклопедию или помещенных в ней в сокращенном виде статей в отдельном сборнике. При составлении сборника члены редколлегии руководствовались принципом объективности, приветствуя любые интересные и оригинальные материалы. Авторское понимание той или иной проблемы исследователем не обязательно должно было совпадать с мнением составителей, которые не ставили

¹ См., напр.: Карагодин Д.М., Коршев А.Р. Могилевский внутренний гарнизонный батальон в обороне Могилева в 1812 г. // Сержанта. 2000. № 15. С. 27–28; Васильев И.Н. Кобринское сражение 15 июля 1812 г. // Сержанта. 2001. № 3. С. 13–16; Подмазо А.А. Боевой состав регулярной кавалерии русской армии в июне 1812 г. // Сержанта. 2002. № 2. С. 21–23; и др.

² См.: Император: военно-исторический альманах. М.: Рейтарь, 2000–2007. № 1–6, 9, 11.

³ См.: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов: к 190-летию Отечественной войны 1812 года // Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 132, 312.

своей задачей подгонку печатаемых материалов под устоявшиеся в историографии стереотипы¹.

Успешный выпуск первого сборника способствовал дальнейшему продолжению этой серии в рамках подготовки к 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. Этим проектом Государственный исторический музей, под началом которого он осуществлялся, продемонстрировал свою заинтересованность в исследовании самых различных аспектов заявленной темы с привлечением специалистов из всех регионов страны.

С 2003 по 2012 г., как и планировалось, было издано 10 выпусков, содержание которых составили 113 исторических, 32 историографических статьи и 61 документальная публикация². Тематика статей была весьма разнообразной и затрагивала практически все ключевые аспекты историографии «эпохи наполеоновских войн». Наряду с российскими исследователями здесь размещали результаты своих исследований историки ближнего и дальнего зарубежья В.В. Ададуров, Э.М. Вовси, А.М. Лукашевич, А.Л. Самович, Д. Ливен. Завершала серию антология лучших статей, напечатанных за прошедшее десятилетие³.

К юбилейным датам издавались специальные выпуски военно-исторического альманаха «Родина». Первый такой номер был приурочен к 180-летию Отечественной войны 1812 г. О его значении для развития современной историографии этой темы уже говорилось в настоящей работе. В последующем вышло еще два специальных номера этого издания: к 190-летию и к 200-летию юбилеям⁴. Отличительная особенность всех юбилейных выпусков состояла в непрекращающихся попытках редакции отразить и осмыслить новые подходы и точки зрения на проблемы, которые актуальны уже два столетия.

По сути, ту же цель ставили перед собой и организаторы специального выпуска журнала «Российская история», посвященного 200-летию юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года⁵.

¹ См.: Там же. С. 6.

² Подсчитано по: Указатель статей «Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография». Т. I–X // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография... М., 2012. Вып. 187. С. 476–487.

³ См.: Эпоха 1812 года. Исследования. Документы / под ред. С. Романова, М. Наумова. М.: ГИМ, 2012.

⁴ См.: Родина. 1992. № 6–7; 2002. № 8; 2012. № 6.

⁵ См.: Российская история. 2012. № 6.

К этой же дате были подготовлены выпуски специальных номеров «Французского ежегодника»¹. Отличительная особенность их содержания состояла в развитии диалога с французской стороной – «диалога, исполненного взаимного уважения и толерантности»². «Французский ежегодник – 2013» готовился в рамках российско-французского научно-исследовательского проекта «Образ врага: взаимные представления французов и русских 1812–1814 гг.» В него вошли избранные материалы ряда международных конференций, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года.

Анализ литературы конца XX – начала XXI столетия позволяет выделить еще одну важную особенность развития современной историографии, связанную с развитием коллективных форм научной деятельности. Координация действий историков по формированию новых концептуальных положений в 90-х годах XX в. стала осуществляться в рамках *научных конференций по проблематике Отечественной войны 1812 года*. Содержание материалов научных конференций, издаваемых отдельными сборниками, общение автора настоящей монографии с постоянными участниками научных форумов и его личное участие в них дают основание говорить об их особой роли в развитии современной историографии.

Во-первых, в течение последнего десятилетия XX в. сформировались своеобразные специализированные центры научной разработки истории Отечественной войны 1812 года. Связующим звеном между историками, занимавшимися самостоятельными изысканиями, выступили Бородинский военно-исторический музей-заповедник, Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года и Музей-панорама «Бородинская битва».

Научные конференции, связанные с изучением Отечественной войны 1812 года, в Бородинском музее-заповеднике начали проводиться еще с 1982 г. в рамках фестиваля «День Бородина». С 1986 г. они стали ежегодными.

Первоначально конференции носили тематический характер. На них обсуждались различные аспекты Бородинского сражения, а так-

¹ См.: Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А.В. Чудинова. М., 2012; Французский ежегодник 2013. «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память / под ред. А.В. Чудинова. М., 2013.

² От редакции // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А.В. Чудинова. М., 2012. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/fe2012-oglav.html#Editorial> (дата обращения: 21.08.2013 г.).

же отражение Отечественной войны 1812 года в современных музейных экспозициях и памятниках культуры; выявление, реставрация и сохранение памятников Отечественной войны 1812 года.

С 1993 г. ежегодной темой конференций стала «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», что соответствовало профилю работы музея, занимающегося сохранением, изучением и использованием культурного наследия эпохи Отечественной войны 1812 года.

С 1992 г., раз в пять лет, конференции стали проводиться на международном уровне под названием «Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы»¹.

Вопросы Малоярославецкого сражения, событий войны в российских провинциях и военных действий на завершающем этапе Отечественной войны 1812 года рассматривались на ежегодных Всероссийских научных конференциях под общим названием «Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях»².

Ежегодные конференции под названием «Эпоха наполеоновских войн: люди, события идеи» («1812 год. Люди и события великой эпохи»), посвященные Отечественной войне 1812 года, с 1998 г. стали проводиться в музее-панораме «Бородинская битва».

Традиционные встречи ученых, проходившие на базе научно-просветительских учреждений, к настоящему времени приобрели масштаб всероссийских и международных слетов специалистов по истории Отечественной войны 1812 года.

Тематические конференции, посвященные Отечественной войне 1812 года, организовывались также в регионах Российской Федерации на базе крупных высших учебных заведений Министерства образования (Министерства образования и науки Российской Федерации) в Самаре (1997 г.), Петербурге (в конце 1990-х гг.), Вологде (2000 и 2001 гг.), в Смоленске (2008 г.) и других городах³.

¹ См.: Научные конференции // Бородинское поле: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. URL: <http://www.borodino.ru/index.php?page=content&DocID=91> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

² Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года [Электронный ресурс] // Музей 1812 года. URL: <http://www.musey1812.ru/about.html> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

³ См.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года [Электронный ресурс] // Самарская губерния: история и культура. URL:

Многочисленные конференции проводились в год 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. Самой крупной и статусной по количеству принявших в работе российских и зарубежных ученых (150 специалистов из 15 стран) стала научная конференция «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории». Она проходила с 9 по 13 июля в Москве под эгидой Института всеобщей истории РАН и Международного Наполеоновского общества. Открывший конференцию директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян подчеркнул, что в рамках мероприятия историки рассмотрят новейшие достижения российской и зарубежной историографии по изучению военной кампании 1812 г.

Тема конференции была представлена в 67 научных сообщениях. Их содержание затрагивало победоносные для России результаты во всемирном историческом контексте того времени. На форуме рассматривались геополитические задачи и последствия «русской кампании» Наполеона в международных отношениях, ее отражение в исторической науке и массовом сознании, цена победы, взаимные представления воюющих наций.

Обсуждались и частные вопросы общей научной проблемы: пропаганда и контрпропаганда в ходе боевых действий, участие польских и прочих нефранцузских контингентов в походе на Москву, роль климата и пространства в поражении Великой армии и другие¹.

В целом конференция представляла собой одну из первых попыток изменить существующую в мировой историографии традицию освещения событий 1812 г. сквозь призму сугубо национальных историй и совместными усилиями исследователей из разных стран рассмотреть события тех лет в контексте мировой истории.

К знаменательному событию были приурочены региональные научные конференции в Уфе, Санкт-Петербурге, Смоленске, Кизляре, в столичных учреждениях культуры и профильных научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях, в том числе и в Военном университете МО².

<http://www.gubernya63.ru/history/materials/ob-itogah-i-perspektivah-izuchenija-vojni-1812/> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

¹ См.: В РГГУ обсудили итоги Отечественной войны 1812 года в контексте мировой истории // Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). URL: <http://marketing.rshu.ru/news.html?id=2625493> (дата обращения: 20.10.2012 г.).

² Информация о научных конференциях и праздничных юбилейных мероприятиях публиковалась на сайте Общественный совет по содействию Государственной комиссии по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года См.: <http://www.sovet1812.ru/>

Во-вторых, итог научной деятельности ежегодных конференций в 90-х годах прошедшего столетия позволяет констатировать смещение эпицентра современных исследований истории войны 1812 года в неформально-общественные объединения ученых, функционирующих на базе военно-исторических музеев, а также в периферийные и столичные вузы.

С течением времени научные форумы стали оказывать непосредственное влияние на развитие историографии войны 1812 года, ведь именно здесь происходила апробация результатов научных исследований. Организаторы конференций выдвигали требования повышения уровня научности выступлений и докладов, на основе которых впоследствии готовились специализированные сборники статей. В частности, как отмечалось в предварительной программе международной конференции «Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы», готовившейся к проведению в сентябре 2002 г. в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике, доклады участников форума «должны содержать неопубликованные ранее материалы». При рассмотрении заявок учитывалось «введение в научный оборот новых источников, а также новые научные подходы...»¹.

Коллегиальная работа способствовала налаживанию устойчивых связей между историками, проживающими в различных регионах страны, складыванию костяка исследователей, по-новому оценивавших проблему. Среди них: заведующий экспозиционным отделом Государственного исторического музея В.М. Безотосный, заведующий сектором Калужского государственного объединенного музея

arhiv2012_2.html; 1812 год в судьбах России и Европы: Сб. тр. Междунар. науч. конф. / Правительство Санкт-Петербурга; организатор: ист. фак. С.-Пб. гос. ун-та. СПб., 2012; Республиканская научная конференция к 200-летию Отечественной войны 1812 года // Дагестанский государственный университет. URL: <http://www.dgu.ru/newsarchive/27-2011-12-10-12-32-24/1364--200-1812-.html> (дата обращения: 09.10.2013 г.); Сорочан А. Международная научная конференция «Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года»: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 3–5 декабря 2012 г. // Русский журнал. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/46s.html> (дата обращения: 07.09.2013 г.); Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: Сб докл. и материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 8–10 июня 2012 г. Уфа, 2012; Отечественная война 1812 года в судьбе России: Материалы межвузовской науч. конф. 17 мая 2012 г. Военный университет МО РФ. М., 2012.

¹ См.: Предварительная программа Всероссийского военно-исторического фестиваля «День Бородина», посвященного 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 2002. С. 2.

В.А. Бессонов, главный архивист РГВИА А.А. Васильев, доцент Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург) В.Н. Земцов, заведующая сектором Государственного музея А.С. Пушкина Л.Л. Ивченко, старший преподаватель Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета С.А. Малышкин, доцент Самарского государственного педагогического университета А.И. Попов, ученый секретарь Государственного исторического музея А.А. Смирнов, доцент Саратовского государственного университета В.П. Тотфалушин, старший научный сотрудник Музея истории Москвы С.В. Шведов¹ и др. Регулярные встречи в Бородино и Малоярославце определили их личные знакомства и симпатии, способствовали координации усилий в области изучения войны 1812 года. Большинство из перечисленных историков приняли участие в создании энциклопедии Отечественной войны 1812 года. Апробированные в ходе выступлений и публикаций новые идеи и обобщения легли в основу рассмотренного ранее фундаментального издания.

В-третьих, регулярное проведение научных конференций способствовало взаимодействию отечественной историографии с зарубежной исторической наукой. Так, VI научная конференция в Бородино, проходившая 9–12 сентября 1997 г. в рамках военно-исторического фестиваля «День Бородина», получила статус «международной». С докладами на ней выступили 30 ученых из России, Белоруссии, Великобритании, Франции, Канады². Статус международных получило и большинство научных форумов, проводившихся в канун и год 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 г.

Следует отметить и тот факт, что на 200-летний юбилей откликнулась научными форумами и научная общественность ближнего и дальнего зарубежья. Научная конференция «Эпоха Наполеоновских войн в Прибалтике: идеи, война и общество» прошла 16–18 августа 2012 г. в Риге. Она была организована при содействии международного фонда «Янтарный мост» и его партнера в Латвии «Amber bridge baltic fonds». Форум подготовили ученые факультета истории и философии Латвийского университета (ЛУ) в сотрудничестве с Музеем истории Риги и мореходства, Институтом истории Латвии и Инсти-

¹ Должности исследователей указаны на 2002 г.

² См.: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VI междунар. науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», посвященной 185-летию Бородинского сражения. Бородино, 1997 г. Бородино, 1998. С. 229, 233 [далее: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (VI)].

тутом всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН). Встреча ученых была организована с целью рассмотреть события времен похода французов 1812 г., а также в целом явления и тенденции конца XVIII–XIX в. в военной, социальной и культурной сферах, оценить их значение для истории Балтийского региона¹.

В республиканском масштабе проходила 23–24 ноября 2012 г. в Минске Международная научная конференция «Война 1812 года и Беларусь». Ее результаты будут рассмотрены более подробно при характеристике современной белорусской историографии.

7–8 декабря 2012 г. состоялась научная конференция «1812–2012 – 200-летний юбилей победы России над Наполеоном: конфронтация и диалог европейских культур» в г. Канны (Франция)².

В-четвертых, конференции способствовали развитию междисциплинарных связей в изучении истории Отечественной войны 1812 года. Большое количество докладов и научных сообщений посвящалось отражению этой темы в изобразительном искусстве, литературе, архитектуре, генеалогии, военной геральдике, униформологии, эмблематике, векселлологии, фалеристике, организации музейного дела. Необходимость и целесообразность междисциплинарных исследований наиболее ярко проявилась в совместных научных конференциях на тему: «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия», проводимых Бородинским музеем-заповедником и Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия. Основная цель этих конференций состояла в поиске рациональных путей сохранения и развития Бородинского музея-заповедника как сложного и ценного объекта культурного и природного наследия, включающего в себя исторические памятники, ландшафты и экосистемы³.

В-пятых, анализ докладов и научных сообщений, сделанных на конференциях по важнейшим концептуальным вопросам дают основание сделать вывод о том, что эти научные форумы способствовали преодолению со второй половины 90-х годов тенденции к сохранению в неизменном виде идей и концепций, тенденциозно освещавших

¹ См.: В Риге открылась конференция «Эпоха наполеоновских войн в Прибалтике: идеи, война и общество» // Янтарный мост: международный общественный фонд. URL: <http://www.amberbridge.org/newstext?id=14624> (дата обращения: 09.10.2013 г.).

² См.: От редакции // Французский ежегодник. URL: <http://annuaire-fr.parod.ru/fe2013-oglav.html> (дата обращения: 09.10.2013 г.).

³ См.: Бородинское поле: история, культура, экология. М., 1994; Вып. 2. М., 2000.

историю войны 1812 года. Об этом свидетельствует острый, полемичный характер большинства выступлений участников конференций. В ходе научных дискуссий наблюдается стабильно критическое отношение к субъективистским и конъюнктурным выводам не только советских, но и дореволюционных историков. Показательны в этом отношении материалы, подготовленные В.М. Безотосным, А.А. Васильевым, Л.Л. Ивченко, А.И. Поповым, В.А. Рязановым, А.А. Смирновым, А.И. Ульяновым, С.В. Шведовым и др.¹

Новым явлением в историографии Отечественной войны 1812 года стало появление специальных *ресурсов Интернета*. Зачинателем в формировании первого из существующих ныне многочисленных сайтов стала команда энтузиастов-историков и программистов под руководством Олега Полякова, который в январе 1998 г. перевел в электронный вид и опубликовал в Сети один из самых известных трудов академика Е. Тарле «Наполеон».

В период становления, пока проект был относительно немногочисленным и состоял всего из нескольких книг, он размещался на одном из бесплатных серверов. Но уже к лету 1998 г., когда размер сайта превысил 10 Мб, он переместился на известный русскоязычный сайт «Музеи России», где получил право неограниченного хранения информации. К началу 2000 г. общий объем публикуемых материалов составлял более 4 тыс. файлов и превысил 175 Мб. В 2006 г. был открыт филиал интернет-проекта «1812 год» – сайт memorandum.ru, предназначенный для размещения родственных материалов и ресурсов.

Благодаря усилиям создателей проекта исследователи темы получили возможность найти в электронном виде многочисленную до-

¹ См.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон: заключительный период кампании 1812 года // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года: Материалы науч. конф., посвященной 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова. Малоярославец, 1995. С. 3–24; Ивченко Л.Л. К.Ф. Толь и историография Бородинского сражения. С. 16–20; Ее же. Историография Бородинского сражения. С. 124–135; Попов А.И. Кто был зачинателем «народной войны» в 1812 году? // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы III науч. конф. Москва, 27 апреля 2000 г. М., 2000. С. 75–78; Рязанов А.М. М.И. Кутузов в сражении под Красным в ноябре 1812 года // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года. С. 62; Смирнов А.А. Так сколько же их было? (Об оставленных в Москве раненых) // Эпоха наполеоновских войн (III) С. 103–110; Ульянов А.И. Тарутинский лагерь: «неудобные» факты // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. С. 43–57; Шведов С.В. О стратегии «Золотого моста» М.И. Кутузова // События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. С. 38–54; и др.

революционную литературу, с которой раньше можно было ознакомиться преимущественно в центральных российских библиотеках: «Ленинке» (Российская государственная библиотека) и «Историчке» (Государственная публичная историческая библиотека). Например, были полностью воспроизведены с сохранением всего иллюстративного материала четыре из семи томов известного издания «1812–1912. Отечественная война и русское общество».

Ко второй годовщине проекта «1812 год» его творческой артелью был разработан мультимедийный CD-ROM «Славные истории страны», целиком включающий в себя проект «1812 год». Оригинальная программная оболочка CD-ROMа позволяла пользователю не только просматривать гипертекст, но также запускать и управлять режимами слайд-шоу и музыкальным проигрывателем. К 2005 г. в связи с увеличением объема информации интернет-проекта был выпущен DVD-диск «1812 год», в который, помимо самого интернет-проекта, включал музыкальный и видео разделы.

В 2011 и 2012 гг. сайт стал победителем Межрегионального конкурса журналистского мастерства «Слава России» среди интернет-ресурсов. Индекс цитирования сайта уже давно превысил 1500. Отдельные разделы сайта (например, военно-исторический форум) уже живут своей жизнью¹.

В период подготовки к юбилею активно развивались специальные интернет-ресурсы, часть из которых создавалась историками-любителями². Был значительно расширен интернет-проект «1812 год» за счет специальных разделов с историческими документами, научной, мемуарной и художественной литературой, произведениями изобразительного искусства, информационными статьями о том, как сохраняется память об Отечественной войны 1812 года в архитектуре, музейной и выставочной сферах, музыке, театре, кино, общественной жизни.

К настоящему времени на страницах интернет-проекта опубликовано более 100 полнотекстовых электронных копий документов и

¹ Об интернет-проекте «1812 год» // Интернет-проект «1812 год». URL: <http://www.museum.ru/1812/prj1812.html> (дата обращения: 10.07.2013 г.); Письмо А.А. Подмазо – И.А. Шеину от 25.10.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Наполеон Бонапарт – история, биография. URL: <http://www.bonapart-napoleon.com/> (дата обращения: 10.11.2012 г.); Наполеон Бонапарт. URL: <http://napoleon-i.narod.ru/> (дата обращения: 10.11.2012 г.); Наполеон Бонапарт и его роль в истории. URL: <http://napoleonbonapart.narod.ru/> (дата обращения: 10.11.2012 г.); Наполеон Бонапарт. Походы и завоевания. URL: <http://bonaparti.ru/> (дата обращения: 10.11.2012 г.).

книг: мемуары и дневники, письма, исторические труды и художественные произведения¹.

Специально к 200-летию юбилею сотрудники Российской государственной библиотеки (РГБ) подготовили свой интернет-проект «Отечественная война 1812 года». На нем опубликованы полнотекстовые электронные копии более 600 книг XIX – начала XX в., хранящихся в библиотечных фондах. Одновременно специалисты РГБ составили ряд библиографических списков изданий, посвященных самым актуальным темам, связанным с тем периодом².

Сведения научного и информационного содержания публикуются на официальных сайтах Бородинского военно-исторического музея, Музея Отечественной войны 1812 г. и Музея-панорамы «Бородинская битва»³. Наиболее показателен и оригинален в данном отношении официальный сайт Музея Отечественной войны 1812 г., на котором справки об экспозициях музея и хранящихся раритетах даются в контексте происходивших исторических событий. Пользователи сайта могут ознакомиться с современными характеристиками исторических персоналий, вершивших судьбы Европы и России в начале XIX столетия. Здесь же приводятся мнения современных российских и зарубежных историков по наиболее актуальным и дискуссионным вопросам историографии. Наглядное представление о работе музея можно получить из включенных в информационный блок видеосюжетов.

С точки зрения популяризации знаний и формирования общественного мнения о «Грозе двенадцатого года» представляет интерес сайт «1812. Война и мир» из группы сайтов государственного информационного агентства «РИА Новости» (ФГУП РАМИ «РИА Новости») ⁴. На нем размещены видеоматериалы телевизионных передач и документальных фильмов, информационные и публицистические статьи, в том числе по дискуссионным вопросам, фотографии и

¹ Об интернет-проекте «1812 год» // Интернет-проект «1812 год». URL: <http://www.museum.ru/1812/prj1812.html> (дата обращения: 10.07.2013 г.).

² См.: Интернет-проект «Отечественная война 1812 года» в Российской государственной библиотеке // Бородинское поле. URL: http://www.borodino.ru/index.php?page=content&DocID=190208&__CM3__CM3=d7rapvhnmtcutm1d4t6ua0og (дата обращения: 22.08.2013 г.).

³ См.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. URL: www.borodino.ru/; Музей Отечественной войны 1812 года. URL: <http://www.1812shm.ru/>; Музей-панорама «Бородинская битва». URL: www.1812panorama.ru

⁴ См.: 1812. Война и мир: Группа сайтов РИА новости. URL: http://ria.ru/1812_parallels/20121108/778658737.html (дата обращения: 07.10.2013 г.).

обзорные комментарии о памятных местах. Посетитель сайта может в занимательной форме расширить свои познания о событиях того времени через электронные игры, путем участия в викторине или турнире. Удачной можно считать попытку организаторов сайта представить интерактивную поденную хронику войны с анимационным сопровождением расположения войск противоборствующих сторон на карте.

При всем том положительном значении, которое имеет подобная форма распространения военно-исторических знаний среди россиян, и особенно среди молодежи, нельзя не обратить внимания на встречающиеся на личных и научно-популярных сайтах средств массовой информации ошибки фактического плана, обусловленные, как представляется, отсутствием в числе их организаторов специалистов по данной теме.

Электронные материалы интернет-проектов и сайтов сегодня вполне доступны каждому пользователю и служат не только делу патриотического воспитания и повышения уровня военно-исторического образования в стране, но и существенным подспорьем в научной деятельности исследователей при подготовке ими своих работ.

Говоря о значении ресурсов Интернета для историографии Отечественной войны 1812 года, необходимо отметить официальное признание публикуемых электронных материалов для их использования в научных исследованиях. Современный библиографический ГОСТ 2008 г. четко регламентирует порядок составления библиографической ссылки на интернет-источники¹.

Несомненно, что за Интернетом большое будущее. Основные принципы организации электронных ресурсов в Сети: наглядность, высокая степень информативности, простота и массовость в использовании выдвигает их в число наиболее перспективных направлений развития современного знания истории Отечественной войны 1812 г. С точки зрения развития собственно исторической науки речь идет о пока еще нереализованных возможностях, связанных с публикацией и доступностью результатов исследований на официальных сайтах научных периодических изданий, координированием усилий историков в создании коллективных исторических трудов, проведении научных конференций в режиме on-line, а также о наметившейся тенденции к постепенному вытеснению изданий на бумажных носителях.

¹ См.: ГОСТ Р. 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка: общие требования и правила составления» / Утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 апреля 2008 г. № 95 ст.: введен впервые. С. 11–13.

Анализ всего массива литературы постсоветской историографии позволяет выделить в ее развитии, по степени критического отношения к научным работам советских историков и вносимых изменений в концептуальные положения, несколько течений. Условно их можно обозначить как радикальное, либеральное и консервативное.

Большинство современных российских историков критически оценивали советскую историографию и выступили за *радикальное изменение* господствовавших в советской исторической науке взглядов на «Грозу Двенадцатого года». В начале 90-х годов очередной всплеск общественного внимания к истории Отечественной войны 1812 года отмечался в связи с ее 180-летним юбилеем. В сложный исторический период размежевания общества память об историческом событии актуализировалась призывами к гражданскому сплочению, чтобы «на примере славных дел и геройства наших предков... поверить в себя, в собственные силы, в державу»¹. Однако превратить празднование знаменательной даты во всероссийскую акцию единения нации не удалось.

Очередной юбилей традиционно вызвал повышенный интерес к этой проблеме, обозначив резкую поляризацию научных точек зрения. Вектор реформаторских научных разработок поддерживался редакциями популярных научных и историко-публицистических периодических изданий, публиковавших статьи по дискуссионным вопросам. Одну из первых попыток развития широкой научной дискуссии предприняла редакция журнала «Родина», которая в преддверии 180-летнего юбилея Бородинского сражения организовала «круглый стол» с участием ведущих исследователей темы. В ходе состоявшегося обсуждения внимание ученых закономерно фокусировалось на современном состоянии исследуемой проблемы, а также ключевых событиях этой исторической эпохи².

В ходе дискуссии часть историков отстаивала мысль, согласно которой движение вперед возможно только на основе критического анализа достигнутого. Они считали правильным показывать несостоятельность субъективистских взглядов, прочно утвердившихся в литературе. При характеристике работ официальных историков указывалось на теоретическое блуждание, историографическое очковтирательство, упрощенчество и прямую компиляцию. Свою главную

¹ См.: Бондаренко А., Фитигаров В. У каждого поколения свое Бородино: Празднование 180-летия Бородина // Красная звезда. 1992. 8 сентября.

² См.: Родина. 1992. № 6–7. С. 36–39, 72–75, 133–137. В дискуссии приняли участие историки Б.С. Абалихин, В.М. Безотосный, А.М. Валькович, А.А. Васильев, В.А. Дунаевский, Л.Л. Ивченко, А.Г. Тартаковский, филолог А.С. Немзер, философ С.А. Экштут.

задачу радикально настроенные исследователи видели в развитии воззрений, свободных от схематизма, на уровне последних достижений исторической мысли.

Новые оценки преобладали при обсуждении целей войны. У участников дискуссии не встретила возражений идея, которая объясняла основную цель похода Наполеона в Россию не территориальными захватами, а его стремлением заставить российское правительство выполнять условия Тильзитских соглашений, которые всячески обходились Александром I.

Несовпадение взглядов выявилось в вопросе о наличии у русско-го командования стратегического плана войны. Некоторые из исследователей высказали убежденность в том, что русское командование заблаговременно разработало стратегию отступления вглубь страны, рассчитанную на ведение затяжной войны. В противовес такому утверждению высказывалась альтернативная точка зрения, отрицавшая наличие четко выраженных замыслов у русского генералитета.

Новые оценки давались военным действиям, в первую очередь Бородинскому сражению. В ходе обмена мнениями отмечалось, что «при кажущейся изученности этой битвы, остается немало вопросов». В таком контексте ученые вновь попытались выяснить вопросы о реальной численности противоборствующих армий накануне сражения, о замыслах полководцев на проведение битвы, о ее итогах.

Альтернативные взгляды отмечались при обсуждении стратегических действий русской армии на заключительном этапе войны, после оставления французами Москвы. При этом высказывалась точка зрения о неправомерности применения понятия «контрнаступление» к боевым действиям русской армии в октябре–декабре 1812 г. В ходе завязавшейся дискуссии новая идея подверглась сомнению.

В вопросе о стратегических планах сторон после оставления первопрестольной французскими войсками особое мнение высказал Б.С. Абалихин. Он по-прежнему связывал замысел Наполеона с его попыткой прорваться в южные провинции Российской империи. Кроме того, ученый выдвинул новую гипотезу, согласно которой М.И. Кутузов имел собственный, отличный от правительственного, план уничтожения наполеоновской армии восточнее Днепра. Его осуществление, как полагал ученый, не удалось из-за вмешательства царя в стратегическое руководство войсками. Однако эти взгляды не нашли поддержки у собеседников Б.С. Абалихина, которые считали, что даже при наличии особого плана у Кутузова в нем не было принципиальных отличий от официальной директивы.

Важный предмет обсуждения составил блок социально-политических вопросов. Разнообразные мнения высказывались о содер-

жании народного характера войны. В ходе выступлений неоднократно подчеркивалась мысль об общих для всех социальных слоев Российской империи мотивов борьбы с наполеоновской армией. На этом основании некоторые участники «круглого стола» выразили убежденность в неправомерности резкого противопоставления крестьянского и дворянского патриотизма. В поисках объединяющего идейного и духовного оснований историки более внимательно подошли к оценке роли религиозного фактора в идеологии войны.

В сферу научной критики попали некоторые общепринятые в советской историографии характеристики исторических личностей. Часть историков высказалась в поддержку критического отношения Н.А. Троицкого к личности и полководческой деятельности М.И. Кутузова. Одновременно ими подчеркивалось принижение советскими историками заслуг Александра I, сужение ими фигуры «талантливого военного администратора» А.А. Аракчеева. Отмечалось, что еще недостаточно вскрыты историками истоки и глубина противоречий, существовавших среди русского генералитета.

В ходе обсуждения военно-политических итогов Отечественной войны 1812 года преобладала точка зрения, согласно которой победа русского оружия привела к поражению Наполеона в 1814 г. Признавалось революционизирующее влияние заграничных походов на российскую общественность. Но при этом критически оценивалось последующее послевоенное устройство мира, указывалось на реакционную направленность «Священного союза». В ходе полемики высказывалось мнение, что победа над Наполеоном законсервировала социально-экономические отношения внутри самой России, отсрочила отмену крепостного права.

Новые подходы к изучению Отечественной войны 1812 года в первой половине 90-х годов активно развивались в научных и научно-популярных статьях. Так, в контексте упомянутого «круглого стола», проходившего в 1992 г. в издательстве альманаха «Родина», был подготовлен специальный выпуск этого журнала, также приуроченный к 180-летию Отечественной войны 1812 года. Позиция редакции состояла в том, чтобы «без академического буквоедства... дать представление об истинных и фальшивых ценностях, привлечь читательское внимание к новым архивным документам, открытиям, версиям»¹. Специальный выпуск историко-публицистического журнала «Родина» наглядно продемонстрировал переход отечественной историографии в новое качество, характеризующееся началом разработки принципиально новой концепции войны 1812 года.

¹ См.: Родина. 1992. № 6–7. С. 6.

Ярким примером радикального направления в современной историографии является научная деятельность самарского историка А.И. Попова, работы которого отличаются новаторским подходом и оригинальностью авторских суждений в сочетании с резко-критическими оценками выводов советских историков. Базовой работой А.И. Попова является его первая монография «Великая армия в России: погоня за миражом»¹. Работая над книгой, автор привлек и критически проанализировал широкий круг не только российских, но, в большей мере, иностранных источников: корреспонденцию Наполеона, оперативную и делопроизводственную документацию из многотомных публикаций Л. Маргерона, Ж. Фабри и А. Шюке. В работе приведены выдержки из более двухсот иностранных дневников и мемуаров и многих сотен документов. Одновременно в научный оборот введено значительное количество архивных документов из 31 фонда пяти государственных российских архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Калужской области. Используемая источниковая база обеспечила высокую степень научности и доказательности авторских выводов.

Попов критически проанализировал состояние отечественной историографии темы, и в целом правильно выделил ее особенности и тенденции развития в каждом историографическом периоде. Однако обращает на себя внимание, что при острокритических и в большинстве случаев небезосновательных оценках трудов советских историков автор монографии практически отрицал достижения советской историографии и явно недооценил ее значение для развития темы.

Радикальные воззрения А.И. Попова проявились преимущественно в его авторских оценках стратегических планов противоборствующих сторон, социально-политического характера войны со стороны России, анализе истоков и содержания «народной войны» на оккупированных противникам территориях.

Монография А.И. Попова составила основу его докторской диссертации «Великая армия в России», защищенной в Самаре в 2003 г.² В качестве научного оппонента на защите в диссертационном совете было предложено выступить Н.А. Троицкому. Однако, ознакомившись с содержанием диссертации, он «категорически» отказался от оппонентского выступления, поскольку «в принципе» не

¹ Подробный разбор этого сочинения уже приводился в рецензии автора настоящей монографии. См.: Шеин И.А. [Рецензия] // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 64–66. Рец. на кн.: Попов А.И. Великая армия в России: погоня за миражом. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2002.

² См.: Попов А.И. Великая армия в России. Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2003.

мог быть солидарным с докторантом. Отчасти такой отказ был обусловлен резко критическими высказываниями по адресу коллег, друзей и даже кумиров известного историка: В.Н. Федорова, А.В. Фадеева, Л.Н. Бычкова, П.Г. Рындзюнского, Е.В. Тарле и др. Но в качестве главной причины была названа антагонистическая несовместимость методологических позиций двух историков. Правда, Н.А. Троицкий затруднился определить методологические подходы автора монографии, но себя считал «убежденным, стопроцентным марксистом... 40 лет борющимся с вульгаризаторами и ополшителями марксизма, вроде Гарничя, Жилина и К°, а теперь и с новомодными перевертышами». Поэтому он принципиально не мог согласиться с встречающимися в диссертации авторскими суждениями об «извращенном марксистско-ленинском мышлении», о «марксистах с их убогим “классовым подходом”». На этой основе Троицкий высказал абсолютное несогласие с авторским резюме диссертанта, отрицавшим марксистские, по мнению Попова, тезисы о «массовом крестьянском партизанском движении», о народе, как «главном и единственном виновнике победы», о крестьянстве, «как инициаторе и руководителе» народной войны 1812 года. Это же касалось и приведенных в диссертации разъяснений понятий «народная война» (НВ) и «партизанская война» (ПВ), которые, как отмечал Троицкий, рассматриваются по-марксистски просто: «ПВ – это всего лишь составная часть НВ как целого»¹.

Трудно судить, какие замечания к научному труду А.И. Попова высказали члены диссертационного совета на защите. Копий материалов диссертационного дела сам соискатель не сохранил, поскольку считал их «пустышными бумагами» и к процессу защиты отнесся весьма скептически, полагая, что «почти любая защита диссертации, это дело до безобразия формализованное! ...Все обращают внимание на чисто внешнюю сторону, на соблюдение формальностей, а не на сущностное содержание работы! А именно это я не люблю более всего!»²

За прошедшее десятилетие доктор исторических наук, профессор А.И. Попов, безусловно, занял одно из лидирующих мест в современной историографии Отечественной войны 1812 года, доказав свое лидерство многочисленными аналитическими научными публикациями и отличным знанием исторических событий и фактов. Его на-

¹ Письмо А.Н. Троицкого – А.И. Попову от 13.05.2000 г. [Ксерокопия черновика письма] // Личный архив И.А. Шеина.

² Письмо А.И. Попова – И.А. Шеину от 11.07.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

учный арсенал превышает 200 книг и статей, в том числе несколько монографий (не считая более 800 статей, написанных для трех энциклопедий). Из этого числа более 20 работ издавались за рубежом, главным образом, во Франции¹. Сфера научных интересов Попова затрагивает малоисследованные вопросы войны, такие, например, как судьба военнопленных российской армии, военные действия в районе Смоленска и русских армейских «летучих корпусов» в тылу противника, организация «кордонов» и «добровольных народных дружин» из местных жителей для защиты населенных пунктов от оккупантов. Особое место в исследованиях Попова занимают различные аспекты Бородинского сражения, источниковедческой работы, а также историографии и научной критики².

¹ См.: Popov A. *Le Brasier de Krasnoïé*. Paris, 2007; Popov A. 1812. La bataille de Smolensk // *Gloire et Empire. Revue de l'Histoire Napoléonienne*. 2011. № 34. P. 9–96; Popov A. La 1-re bataille de Polotsk 17–18 août 1812. Les opérations militaires sur la Dvina occidentale. Paris, 2012; Popov A., Zemtzov V. 1812. La bataille de la Moskova // *Gloire et Empire. Revue de l'Histoire Napoléonienne*. 2012. № 40. P. 9–98; Popov A. La cavalerie à pied de la Grande Armée [1812] // *Tradition magazine*. 2013. № 266. P. 39–51; Popov A. Regards sur les troupes irrégulières russes // *Tradition magazine*. 2013. № 267. P. 19–29; и др.

² Попов А.И. Партизаны 1812 г. // Исторические исследования. Вып. 3. Самара, 2000. С. 73–93; Его же. Набег отряда Дорохова на Смоленскую дорогу // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Ч. 1. Большие Вяземы, 2002. С. 196–215; Его же. О характере войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 229–246; Его же. Русские военнопленные в 1812 г. // Император. 2002. № 3. С. 7–12, № 4. С. 42–48; Его же. Мемуары о Бородинском сражении // Воин. 2002. № 10. С. 68–70; Его же. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 46–64; Его же. Кто они, партизаны 1812 года? // Император. 2003. № 5. С. 14–16; Его же. Современное мифотворчество, или что нам стоит бой «построить»? // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2003. С. 19–31; Его же. Из солдатских воспоминаний о русском походе 1812 г. // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 7. Саратов, 2006. С. 335–349; Его же. Воспоминания о службе в тылу // Эпоха 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 161. М., 2006. С. 248–270; Его же. Кто был «зачинателем» народной войны в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 8. № 3 (17). 2006. С. 698–710; Его же. Неизвестная война: действия отрядов армии А.П. Тормасова в тылу неприятеля // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2007. С. 129–162; Его же. Первое дело при Красном. М., 2007; Его же. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 г. // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2009. С. 3–20; Его же. Предыбилейный рецидив дилетантизма // Бородино в истории и культуре. Можайск, 2010. С. 34–46;

Наряду с представителями радикальных взглядов, в современной историографии войны 1812 года отмечается и *ультрарадикальное крыло*. Оно представлено книгами и статьями популистско-критиканского толка, обещающими «свежий, во многом сенсационный взгляд» на известные события и написанными, как правило, непрофессиональными историками¹. В обобщенном виде целевые установки подобного рода сочинений, можно найти, например, у Н.И. Вдовина, по мнению которого «за два века сказанное генералами, профессорами и академиками... стало превращаться почти в аксиому. Историки стали списывать друг у друга, практически не задумываясь. Вот почему нужен юмор, неожиданная встряска ума, чтобы ученые мужи снова начали задумываться над написанным»². В той или иной мере «встряхнуть умы» и заставить «ученых мужей задумываться над написанным» предполагают практически все новоявленные «ниспровергатели ученых авторитетов».

Подобное «встряхивание», для любителей «сенсационных взглядов», претендующих на новое слово в исторической науке, нередко заканчивается разгромными рецензиями со стороны специалистов. Критический разбор «сенсационных взглядов» содержится в статьях А.И. Попова, Л.Л. Ивченко, О. Захарчука, А.А. Подмазо и некоторых других исследователей войны 1812 года³.

Его же. Война 1812 года в новейшей исторической литературе // Отечественная война 1812 г. в российской истории и национальном самосознании. Самара, 2012. С. 15–25; Его же. Смоленские баталии. Т. 1–2. М., 2012; Его же. «Война необыкновенная»: малая война в Смоленской губернии в 1812 г. М., 2013; Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино: южный фланг. М., 2009; Их же. Бородино. Центр. М., 2010; и др.

¹ См.: Понасенков Е.Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004; Хлесткин В.М. Канун Бородина. Военно-исторический очерк с картами того времени. М., 2008; Юлин Б.В. Бородинская битва. М., 2008; Вдовин Н.И. Бородино. М., 2010; Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск, 2010; Бородино: 1812. М., 2011; Грюнберг П.Н. Французская рекогносцировка 6 сентября и общая оценка русской позиции при Бородине // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2007. С. 26–46; и др.

² Вдовин Н.И. Бородино. С. 3.

³ См.: Попов А.И. Попытка реанимации одиозных идей // Вопросы истории. 1998. № 2; Современное мифотворчество, или что нам стоит бой «построить»? // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2003. С. 19–31; Его же. Что нам стоит бой «построить»? // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 9. № 2 (20). 2007. С. 307–314; Его же. «Бедный, бедный Павел...», или неистребимый «зуд изобретательства» // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2009. С. 20–40; Эпидемия дилетантизма // Известия Самарского научного центра

В «откровениях» «недобросовестных сочинителей» некоторые современные критики отмечают их схожесть по следующим признакам: наличие априорных, схоластических «концепций», являющихся плодом воображения самих сочинителей; крайне низкий профессиональный уровень авторов работ; незнание ими исторических источников, особенно иностранных; подгон фактов под заранее разработанную схему; полное игнорирование результатов современных научных исследований, «уничтожающих на корню» бредовые выдумки дилетантов»¹.

Можно согласиться с мнением Л.Л. Ивченко о том, что современные общественные представления об эпохе 1812 г. сегодня формируют не столько профессиональные историки, сколько социологи, политологи, обозреватели СМИ, считающие, что их «свежий взгляд» на историю даст объективную картину. В конечном счете количество недостоверной, но политически ангажированной информации перешло в качество. Совершенно справедливо Л. Ивченко отметит, что подобное псевдонаучное творчество способствует рождению новых мифов, когда «вместо вопросов к прошлому предлагаются готовые ответы, настойчиво формирующие обыденное историческое знание российских граждан»².

РАН. Т. 12. № 2. 2010. С. 312–317; Предъюбилейный рецидив дилетантизма // Бородино в истории и культуре. Можайск, 2010. С. 34–46; Его же. «Неизвестная война» [Рецензия] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 6. С. 302–309. Рец на кн.: Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск, 2010; Его же. Новоявленный адвокат «московского Герострата» // История военного дела: исследования и источники. Т. 1. 2012. С. 378–90. URL: <http://www.milhist.info>; Ивченко Л.Л. Историография Отечественной войны 1812 года: 200-летний юбилей события [Электронный ресурс] // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года: Сб. / Фонд ист. перспективы; сост. Е.Н. Рудая. М.: Вече, 2012. С. 170–216; Захарчук О. Так рождаются мифы: наполеоноведение и современная постсоветская наука // Родина. № 6. Июнь. 2012. С. 25–29; Подмазо А.А. Правда и домыслы об Отечественной войне 1812 года: проблемы утверждения и разоблачения // Отечественная война 1812 года в судьбе России: Материалы Межвузовской научной конференции 17 мая 2012 г. / Военный университет. М., 2012. С. 25–32; Тепляков С. Бородино: краткий курс: «Шедевр» от «Де Агостини» (De Agostini) [Рецензия] // 1812: интернет-проект. URL: http://www.museum.ru/1812/News/de_agostini.html (дата обращения: 19.11.2011 г.). Рец. на кн.: Бородино: 1812. М.: Де Агостини, 2011. 29 с. Тир. 450 000 экз. (Серия: 100 битв, которые изменили мир. Вып. 1); и др.

¹ Попов А.И. «А вы, друзья, как ни садитесь...» [Рукопись статьи] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Ивченко Л.Л. Проблемы и особенности современной российской историографии наполеоновских войн [Рукопись статьи. Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

Касаясь темы псевдонаучного творчества, следует отметить и недобросовестные с точки зрения научной этики работы. Ярким примером такого рода сочинений может служить книга А.В. Шишова «Неизвестный Кутузов. Новое прочтение биографии»¹, автор которой был публично уличен в некорректных заимствованиях из других научных трудов и тем самым дискредитировал себя в глазах научной общественности².

Подобным же образом банальным переписыванием обширных фрагментов из чужих трудов под собственным именем и фамилией занимался писатель, член Союза литераторов РФ и Союза журналистов России С.Г. Асфатуллин³. Об этом убедительно свидетельствует проведенный Р.Н. Рахимовым сравнительный анализ сочинений литератора с текстами популярных монографий А.Н. Усманова, Н.А. Троицкого, а также статей А.З. Асфандиярова и самого Рахимова⁴. Сравнение книг различных авторов позволило историку сделать вывод о том, что сочинения Асфатуллина «не только не удовлетворяют каким-либо научным или художественным критериям, а представляют собой бессовестный плагиат». Подобным же образом часть приводимых Асфатуллиным документов, выдаваемых им за результат собственных архивных изысканий, на самом деле уже вводились в научный оборот другими исследователями⁵.

¹ См.: Шишов А.В. Неизвестный Кутузов: новое прочтение биографии. М., 2001.

² См.: Мародер от Истории [Рецензия] / Участники «Кутузовского проекта 1812 года» // Родина. 2002 № 8. С. 115. Рец. на кн.: Шишов А.В. Неизвестный Кутузов: новое прочтение биографии. М., 2001; Валькович А.М. Осторожно – плагиат: письмо в редакцию [Рецензия] // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 171–175. Рец. на кн.: Шишов А.В. Неизвестный Кутузов: новое прочтение биографии. М., 2001.

³ См.: Асфатуллин С.Г. Северные амуры в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2000; Его же. Братство по оружию. 1812 г. Уфа, 2007; Его же. Башкиры в войнах России (Российской империи) 1554–1814 годов (Братство по оружию. 1554–1814 гг.). Уфа, 2008.

⁴ См.: Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964; Троицкий Н.А. 1812 Великий год России. М., 1988; Асфандияров А.З. Народы Башкортостана в Отечественной войне 1812 г. // «Любезные вы мои...» / сост. А.З. Асфандияров. Уфа, 1992. С. 3–25; Рахимов Р.Н. Топтырские полки в Отечественной войне 1812 года // Там же. С. 65–74; Его же. С именем города... К истории Уфимского пехотного полка // Там же. С. 74–89.

⁵ Рахимов Р.Н. [Рукопись рецензии]. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина: Рец. на кн.: Асфатуллин С.Г. Башкиры в войнах России

Приведенные здесь негативные примеры в современной российской историографии, причем не только Отечественной войны 1812 года, не единичны. Масштабы беззастенчивого списывания чужих научных трудов под собственными фамилиями приняли поистине всероссийский масштаб. Иначе каким образом можно объяснить те скандалы, которые разразились вокруг некоторых диссертационных советов в связи с непрофессиональным исполнением целого ряда диссертационных работ и последовавшей в связи с этими реорганизацией ВАК и всей системы работы диссертационных советов.

Либеральное течение в современной историографии представлено научными работами, в которых наряду с пересмотром конкретных положений официальной советской концепции войны наблюдается стремление к сохранению в неизменном виде общих методологических позиций научного исследования.

Уже в 1992 г. на упомянутом «круглом столе» в редакции журнала «Родина»¹ против решительной ломки господствующих научных позиций выступила группа ученых, придерживавшихся традиционных воззрений на историю Отечественной войны 1812 года. Указывая на неясность, спорность и запутанность многих вопросов, они предостерегали своих оппонентов от повторений прежних ошибок, связанных с наклеиванием различных ярлыков. Одновременно высказывались опасения за проявленную в литературе последних лет тенденцию к разоблачениям и ниспровержениям авторитетов. В выступлениях утверждалась идея о том, что главное при осмыслении прошлого состоит не в развенчании задним числом былых мифов, не в срывании, «часто вместе с кожей», масок с лиц исторических деятелей, а в понимании того, «что за ними стояло».

Так, с известной настороженностью были встречены критические замечания некоторых участников «круглого стола» в адрес М.И. Кутузова. Например, Л.Л. Ивченко в качестве альтернативы указала на неблагоприятность перетаскивания лавров «от одного монумента к другому». Задачу современных историков она видела в том, чтобы создать объективную биографию М.И. Кутузова. Именно такой научный труд, по ее мнению, помог бы понять своеобразие и величину таланта главнокомандующего как генерала «первой десятки». Идеи Ивченко разделялись и другими учеными, которые указали на отсутствие в отечественной литературе биографических исследований военно-политической деятельности русских полко-

(Российской империи) 1554–1814 годов (Братство по оружию. 1554–1814 гг.). Уфа, 2008.

¹ См.: Родина. 1992. № 6–7. С. 36–39, 72–75, 133–137.

водцев, равных «биографии Наполеона, написанной Тарле или Манфредом». При этом внимание обращалось на чрезмерную увлеченность поисками противоречий среди верхов армии. Так, по мнению Б.С. Абалихина, в этом отношении историки иногда стали заходить слишком далеко и перестали замечать единство их общих национальных интересов.

Рассматривая вопрос о живучести в современной историографии общепринятых в советской исторической науке методологических подходов и связанных с ними научных точек зрения, следует особо остановиться на переиздании в 2007 г. обобщающей монографии Н.А. Троицкого «1812. Великий год России»¹. По замыслу ученого, новая книга не должна была быть простым переложением уже известного широкому читателю материала, а органически впитать в себя те идеи, которые он высказал в своих научных трудах и публикациях, изданных после 1988 г. Общая авторская концепция книги осталась прежней, но в процессе работы историк убирал или уточнял те суждения и факты, которые, как он полагал, не выдержали проверку временем.

Новое издание сопровождалось вступительной статьей автора настоящей монографии, в которой раскрывалась многолетняя научная деятельность Н.А. Троицкого и давалась подробная характеристика внесенных в новое издание изменений.

Однако через 19 лет после триумфальной публикации в 1988 г. обновленный «1812. Великий год России» был подвергнут жестокой критике со стороны А.И. Попова². Рецензент не отказался от своей ранее высказанной высокой оценки заслуг известного историка, связанных с его «попытками «очистить» историографию от самых очевидных пороков марксистской литературы»³. Тем не менее он не разделил «наивных надежд ангажированного историографа на то, что книга Троицкого “в очередной раз станет заметным явлением в историографии” и что его “концепция истории наполеоновского нашествия на Россию, разработанная более двадцати лет назад, не потеряла своей актуальности и в настоящее время”». При этом была подчеркнута тщетность попыток автора вступительной статьи отыскать

¹ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России / вст. ст. И.А. Шейна. М., 2007.

² См.: Попов А.И. [Рецензия] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2008. Т. 10. № 4. С. 1300–1306. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. 1812 Великий год России. М.: Изд-во Омега, 2007; Его же. «Новый» взгляд на войну 1812 г. URL: http://www.borodino.ru/download.php?file_id=363&__CM3__CM3=23ecpgg7mb

³ См.: История СССР. 1990. № 2.

нечто новое во втором издании. Неудовлетворенность Попова содержанием опубликованного сочинения побудила его провести повторный (через 20 лет) детальный разбор работы Троицкого. В новой рецензии была высказана идея полной несостоятельности ориентированного на классовые оценки авторского методологического подхода. Рецензент отметил слабое знание автором как современной, так и зарубежной историографии, а также архивных источников, связанных с развертыванием народной войны в России. Были отмечены имеющиеся в работе неточности при описании боевых действий войск и при исчислении потерь. По мнению А.И. Попова, автор монографии допускал передергивание исторических фактов и замалчивал выводы других исследователей, не соответствовавшие его концептуальным воззрениям. Были высказаны и другие, существенные, по мнению рецензента, замечания. В итоге А.И. Попов представил новое издание как попытку Н.А. Троицкого «сохранить за собой имидж самого крупного знатока истории войны 1812 года, каковым он на самом деле уже вряд ли является». Обобщающий вывод рецензии свелся к тому, что «эта книга находится ныне вовсе не “на острие” науки. За прошедшие 20 лет отечественная наука продвинулась далеко вперед, а Троицкий *даже не пожелал этого заметить*».

Критическая публикация не вызвала очередного продолжения дискуссии вокруг актуальных вопросов истории и историографии Отечественной войны 1812 года. Однако в контексте развития общих методологических проблем современной историографии указывалось на «стремление исследователя (Н.А. Троицкого. – *И. Ш.*) установить “истину” посредством механического “приращения” знаний, т. е. путем добавления новых сведений к уже изложенным в первой книге»¹.

Самого Н.А. Троицкого этот «исторический казус», когда рецензент «обрушился чуть ли не с матерной бранью на ту книгу, которую он раньше хвалил, ...не столько обидел и разгневал, сколько позабавил...»² Автор вступительной статьи и настоящей монографии не вступил в полемику с А.И. Поповым, признав убедительной аргументацию оппонента в части использования в монографии Троицкого традиционных для советской историографии оценок и общепризнанных на то время исторических фактов.

¹ См.: Ивченко Л.Л. Историография Отечественной войны 1812 года накануне юбилея события // 1812 год. Люди и события великой эпохи: Материалы Международной научной конференции: Москва, 23 апреля 2010 г. М., 2010. С. 4.

² Письмо Н.А. Троицкого – И.А. Шеину 30.08.09. // Личный архив И.А. Шеина.

Между тем вызывает возражения нигилистическое отношение А.И. Попова к марксистской методологии исторического познания. Этот вопрос является предметом самостоятельной дискуссии и, возможно, будет продолжен при обсуждении методологических аспектов изучения истории Отечественной войны 1812 года в отдельных публикациях. Здесь лишь отметим, что рецензент в некоторых случаях, сам того не замечая, становится на классовые позиции в своей оценке социально-политических явлений войны 1812 года. Это касается, например, его признания феодального, государственного строя России, при котором «народ вовсе не был самостоятельной силой (т. е. был политически бесправным. – *И. Ш.*), способной принимать какие-либо судьбоносные решения». В данном случае, с точки зрения марксистского формационного подхода, Попов вольно или невольно признает эксплуататорскую, крепостническую сущность самодержавия, а значит и угнетенное положение основной части населения России.

Заметим также, что марксизм не замыкается только на постулате признания классовой борьбы и решающей роли народных масс в качестве главной силы развития исторического процесса. Сам А.И. Попов с успехом опирается в своей научной работе на основные принципы и законы диалектического материализма, который является философской составляющей марксизма.

Более того, фальсификация фактов и их подгон под предварительно сделанные выводы, в которых рецензент пытался предметно уличить в лице Н.А. Троицкого всю советскую историческую науку, отнюдь не марксистское изобретение. Этой слабостью грешили не только советские историки. Субъективистский подход к интерпретации исторических событий известен до, и после советского периода историографии. Множество примеров тому и за рубежом.

То же касается и упреков Троицкому на опору в выводах и фактах на подходящие под его концепцию предшествующие работы. Вряд ли сам А.И. Попов станет возражать против того, что результаты его научных изысканий в ряде случаев представляют собой не первооткрытие, а перекликаются с выводами российских историков радикального направления в историографии начала XX столетия. Об этом свидетельствует, например, анализ научного аппарата его статьи «Иван Сусанин» 1812 года», в которой доказывается несостоятельность некоторых «фантазий позднейших сочинителей» о примерах массового героизма русского народа¹.

¹ См.: Попов А.И. «Иван Сусанин» 1812 года // Отечественная война 1812 года в Калужской губернии и российской провинции: Сб. статей. Малоярославец, 2000. С. 21–27.

Параллельно с этими новыми явлениями в историографии Отечественной войны 1812 года, преимущественно в справочно-энциклопедической, учебной и научно-популярной литературе 90-х годов, *сохранялась приверженность старым концептуальным положениям*. Часть историков, не специализирующихся по теме Отечественной войны 1812 года, продолжали освещать ее историю с позиций официальной советской историографии 60–80-х годов.

Об этом свидетельствует, например, анализ школьных и вузовских учебников Б.С. Абалихина, который попытался выяснить, какую историю войны 1812 года постигала молодежь? Сопоставив современное научное знание с учебным изложением материала, историк отметил, что многие положения старой концепции бережно сохранялись авторами учебных изданий. На этом основании Абалихин назвал учебники «своеобразным аккумулятором просчетов советских историков», поставив символическую «двойку» их составителям.

Суждения ученого, изложенные в статье, свидетельствовали о кардинальном изменении его научных взглядов на важнейшие аспекты темы. Однако, высказывая сожаление по поводу того, что «на головы бедных учащихся обрушивается поток искаженной информации», Абалихин утверждал некоторые собственные новые версии (например, о наличии у Кутузова особого, отличного от петербургского, плана разгрома Наполеона), которые не находили поддержки у других историков¹.

Подобным образом, изучая дидактику конфликта войны 1812 года в школьных учебниках по истории, Н. Потапова проследила интерпретацию научных концепций в дореволюционной, советской и современной учебной литературе. В результате проведенного анализа она пришла к выводу, что в постсоветской системе школьного обучения истории «события описывались в категориях советской послевоенной традиции и... воспроизводят устоявшийся в советское время нарратив»².

Отголоски старых концептуальных положений продолжают встречаться и в новейших школьных учебниках, хотя в условиях смены в постсоветской системе образования научной и дидактической парадигм вся советская учебная литература была подвергнута критике за чрезмерную идеологизированность. Наличие подобных реци-

¹ См.: Абалихин Б. О вреде чтения школьных и институтских учебников // Родина. 1992. № 6–7. С. 180–182.

² См.: Потапова Н. Дидактика конфликта: война 1812 г. в школьных учебниках истории // Новое литературное обозрение № 118 (6/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2893> (дата обращения: 04.10.2013 г.).

дивов подтверждается историографическим анализом Е.И. Бабакиной¹. Давая общую характеристику современной системе школьного исторического образования, историк указала на отсутствие в Российской Федерации единого унифицированного учебника по истории. За два истекших десятилетия было издано огромное количество описательно-аналитических учебных изданий нового поколения, различных по объему, методологическим и методическим критериям. Сегодня на выбор учителя общеобразовательной школы предлагается 17 вариантов учебников истории для 8 класса и примерно столько же для 10–11 классов, в которых тема Отечественной войны занимает от 2 до 20 страниц. Однако вместе с очевидными достоинствами в такой конstellляции выявились и недостатки, связанные в основном с проникновением рыночных отношений в систему дидактического книгоиздания. Множественность авторских подходов сама по себе не гарантировала высокого качества школьной учебной литературы. Педагогическая общественность и пресса сегодня критикуют даже наиболее известных авторов школьных учебников по истории за недобросовестность в вопросах подбора исторических фактов, а также за игнорирование достижений современной исторической науки.

По мнению Е.И. Бабакиной, сложившаяся ситуация в полной мере относится к изучению истории Отечественной войны 1812 года, в ходе которой решаются не только учебные задачи, но одновременно реализуется цель патриотического воспитания молодого поколения. Этим в большей степени и объясняется возврат к советской историографической традиции, которая наиболее заметно проявляется при характеристике личности и военно-политической деятельности Наполеона.

Как следует из статьи Е. Бабакиной, авторы школьных учебников для формирования у учащихся патриотических чувств внушают подросткам мысль об исключительной агрессивности Наполеона. В большинстве случаев причины войны объясняются непомерным честолюбием императора французов и его стремлением к мировому господству. Наполеон традиционно объявляется единственным виновником войны. При этом игнорируются результаты последних научных исследований, в которых причинами русско-французского конфликта признаются столкновение геополитических интересов Франции и России на европейском континенте, борьба российского

¹ См.: Бабакина Е.И. Образ Наполеона в Отечественной войне 1812 года: каким он представляется в современной школьной программе? // Право и образование. 2011. № 12. С. 155–160.

самодержавия за легитимность феодальных устоев в Европе, личные амбиции Александра I.

Историографический анализ Е.И. Бабакиной свидетельствует о том, что авторы некоторых учебников откровенно спекулируют фактами, стараясь показать образ «антигероя» Отечественной войны в самом неприглядном виде, как человека без моральных принципов, который «готовясь к войне с Россией, ...не брезговал самыми грязными средствами».

Еще одной темой для спекуляции, как установила историограф, является вопрос о внезапном для России начале войны. Кроме того, в большинстве школьных учебников вообще не упоминается тот факт, что усиленная подготовка противоборствующих сторон к войне началась с 1810 г. и в стратегических планах ведения войны российским командованием первоначально разрабатывалось превентивное вторжение русской армии в Европу.

Бабакина аргументировано доказала, что неточностей, искажений и замалчивания исторических фактов, относящихся к военно-политической деятельности Наполеона, в школьных учебниках не единицы. В своих попытках представить Наполеона исключительно с негативной стороны авторы учебников стараются избегать положительных оценок даже его полководческой деятельности, признавая очевидным достоинством лишь достижения в области законодательства и права.

В контексте статьи Е.И. Бабакиной можно добавить, что наличие большого количества ошибок при освещении Отечественной войны 1812 года в школьной исторической учебной литературе сегодня признается даже самими учащимися¹.

Можно согласиться с общим выводом автора историографической статьи о том, что принятая в школьной учебной исторической литературе вольная интерпретация событий оказывает «медвежью услугу» не только историческому знанию, но и воспитательному процессу. Между тем современные образовательные технологии в школе позволяют уйти от устаревших схем и отказаться от примитивных ответов об Отечественной войне 1812 года, одновременно не выходящая из учебников патриотических идей. Представляется, что основной задачей, стоящей перед авторами современных учебников по истории, является сокращение разрыва между содержанием учебного материала и современного научного знания.

¹ Фокин К. Отечественная война 1812 года в школьной программе // Отечественная война 1812 года в судьбе России: Материалы Межвузовской научной конференции в Военном университете 17 мая 2012 г. М., 2012. С. 59.

Приверженность традиционным взглядам в 90-е годы XX в. отмечалась в научно-исследовательских и военно-учебных заведениях Министерства обороны РФ. Показателен в этом отношении пример с переизданием в 1997 г. первого тома «Военной энциклопедии». Для опубликованной здесь статьи о Бородинском сражении характерно отсутствие какого-либо критического анализа действий русского командования¹. Статья готовилась к публикации А.А. Смирновым с учетом нового осмысления этого события специалистами-историками. Однако такая интерпретация Бородинского сражения не соответствовала позиции руководства Института военной истории МО РФ. Статья была существенным образом отредактирована без уведомления ее автора о сделанных исправлениях. Более того, дабы подчеркнуть приверженность старой традиции, рядом с фамилией А.А. Смирнова была поставлена фамилия умершего в 1987 г. П.А. Жилина.

Выход в свет статьи о Бородинском сражении в соавторстве и с редакционными правками оказался неожиданным для А.А. Смирнова, который направил протест на имя ответственного за выпуск начальника 4-го управления Института военной истории Министерства обороны РФ полковника В.И. Милованова. В своем послании Смирнов отметил, что внесенные редакторские «уточнения не отвечают опубликованным и признанным трудам исследователей за последние семь лет, а зачастую вносят в текст грубые ошибки»². Понимая, что исправить текст уже невозможно и вместе с тем, считая недостойным для себя втягиваться в судебные тяжбы, Смирнов потребовал от руководства печатаного издания энциклопедии официальных извинений.

Через две недели представитель Института военной истории по телефону принес свои извинения автору энциклопедической статьи. Как выяснилось из состоявшегося при этом разговора, исправления в текст были внесены по заключению Военной академии им. М.И. Фрунзе.

Подобные недостатки были характерны и для учебной военно-исторической литературы. Так, история Отечественной войны 1812 года составила обширный раздел «Военной истории Отечества с древнейших времен до наших дней», подготовленной Институтом военной истории³. Работа рекомендовалась в качестве учебника для

¹ Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 551–554.

² Копия этого письма была любезно предоставлена автору настоящей монографии А.А. Смирновым.

³ См.: Отечественная война 1812 года // Военная история Отечества с древнейших времен до наших дней: в 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 407–458.

военно-учебных заведений и активно использовалась в образовательном процессе курсантов и слушателей, но, как и в статьях «Военной энциклопедии», содержание раздела о 1812 г. было лишено какого-либо критического анализа русского военного искусства.

Старой историографической традиции придерживались преподаватели Военного университета и Военной академии им. М.И. Фрунзе Б.А. Божедомов и Ю.И. Гордеев в учебном пособии «Особенности военного искусства в Бородинском сражении 1812 года»¹, подготовленном для проведения военно-исторической поездки на Бородинское поле. В некоторых историографических обзорах в качестве одной из положительных сторон этого сочинения указывалось на стремление его авторов показать актуальность развития русского военного искусства в Бородинском сражении для современной военной науки². К этому можно добавить ряд полезных советов по организации и проведению учебного занятия на Бородинском поле. Однако по содержанию учебное пособие военных историков-педагогов осталось сориентированным на уже отжившую свой век концепцию Бескровного-Жилина. Авторы не приняли в расчет итоги предшествующих (начала XX в.) и последних научных исследований Бородинского сражения, ни словом не обмолвились о новых подходах к изучению поднятой ими темы. Как следует из приложенного к брошюре списка литературы, Б.А. Божедомову и Ю.И. Гордееву была знакома наиболее авторитетная на тот момент в научном мире монография Н.А. Троицкого «1812: Великий год России», однако все основополагающие суждения по истории войны авторы почерпнули из работ Л.Г. Бескровного и П.А. Жилина.

В начале XXI столетия в военном ведомстве по-прежнему отмечалось нежелание прикасаться к дискуссионным проблемам истории войны 1812 года. Об этом свидетельствовала, например, выжидательная позиция научно-популярного «Военно-исторического журнала». Направленная туда в ноябре 2001 г. автором настоящей монографии рукопись статьи «К вопросу о контрнаступлении Кутузова», в которой доказывалось отсутствие замыслов такового у главнокомандующего, долгое время оставалась без ответа. После длительных, почти трехмесячных, попыток выяснить, будет ли статья принята к публикации, из редакции передали анонимное заключение, в котором бесфамильный рецензент считал, что «очередное обращение» к этой те-

¹ См.: Божедомов Б.А., Гордеев Ю.И. Особенности военного искусства в Бородинском сражении 1812 года: Учебное пособие. М., 1995.

² См.: Горбунов А.В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 гг.) // Воинский подвиг защитников Отечества... С. 140.

ме «не отличается новаторством», а «избранный тов. Шейным И.А. метод критики теории контрнаступления... достаточно убедительным не представляется». Однако с учетом того, что «тов. Шейным И.А. ...проделана большая аналитическая работа по историографии Отечественной войны 1812 года, материал отличается... богатой источниковой базой (следовательно, авторские суждения оппонент считал в достаточной мере аргументированными. – *И. Ш.*)» рукопись статьи была рекомендована к публикации «при условии открытия на страницах журнала дискуссии по затронутой автором теме»¹. Редакция посчитала, что такая дискуссия пока еще не своевременна. Передававшая заключение редактор О.В. Балязина сообщила, что журнал не мог предоставить свои страницы для публикации статьи «по техническим причинам». Однако за «техническими причинами» проглядывалось очевидное нежелание руководства известного периодического издания менять устоявшиеся историографические традиции.

Напомним, что через 3 года редакция все же представила страницы своего журнала В.Я. Гросулу и В.Т. Иминову для доказательства бесспорности полководческого таланта М.И. Кутузова².

На отжившие положения советской историографии опирались авторы военно-исторического труда, посвященного развитию военной стратегии России³. По упрощенной официально-патриотической схеме изобразили войну 1812 года и Бородинское сражение военные историки Р.М. Португальский и А.В. Рунов⁴.

В ура-патриотическом духе советских времен звучал в 2003 г. на конференции в Бородино доклад ведущего научного сотрудника Института военной истории МО РФ А.В. Шишова о суворовских традициях генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова. Его автор возвращал научную аудиторию к середине 50-х годов утверждая, что «М.И. Голенищев-Кутузов “спаситель России”, применил суворовский натиск... в ходе контрнаступления русской армии, которое велось настойчиво и целеустремленно до самой государственной границы»⁵.

¹ Заключение [редакции «Военно-исторического журнала»] на рукопись статьи И.А. Шейна «К вопросу о контрнаступлении Кутузова в 1812 г.» от 17.12.2001 г. // Личный архив И.А. Шейна.

² См.: Госул В.Я., Иминов В.Т. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Кто следующий? // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 18–21.

³ См.: История военной стратегии России. М., 2000. С. 76–84.

⁴ См.: Португальский Р.М., Рунов А.В. Бородино. 1812. М., 1999.

⁵ Шишов А.В. Суворовские традиции полководческого искусства генерал-фельдмаршала М.И. Голенищева-Кутузова // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Всероссийской

Научная общественность крайне негативно оценила его научно-публицистическую работу о М.И. Кутузове, о чем будет сказано ниже.

Чрезмерный акцент авторов подобных работ на исключительно позитивных аспектах темы в какой-то степени можно объяснить задачами морально-психологической подготовки личного состава армии и флота. В частности, одно из директивных требований, предъявляемых Генеральным штабом к организации военно-исторической работы в Вооруженных Силах РФ состоит в «популяризации героических подвигов русских воинов, деятельности выдающихся полководцев и военачальников»¹. При всей необходимости и оправданности подобных указаний обращает на себя внимание отсутствие в указанном документе акцентов на критический разбор военных действий при проведении военно-исторических исследований.

Уместно напомнить, что в дореволюционный период преподавание военной истории также рассматривалось как правдивое изображение «доблести и заслуг народной русской армии перед своим отечеством – Россией»², как целенаправленная пропаганда «выдающихся подвигов русской армии и достигнутых ею результатов»³. Однако многие из дореволюционных военных историков стремились критически анализировать военную историю России и не превращать ее «в балласт, пригодный только для засорения голов»⁴. Такой методологический подход способствовал созданию в конце XIX – начале XX столетия объективно-критических, научно обоснованных трудов, специально предназначенных для всесторонней военно-исторической подготовки офицеров.

Отрадно отметить, что в преддверии 200-летнего юбилея несостоятельность господствовавших в советской историографии научных взглядов стала очевидной большинству ортодоксальных российских военных историков. Своеобразный прорыв в освещении Отечественной войны 1812 года в Институте военной истории можно связать с усилиями его нового начальника, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника И.И. Басика. В 2010 г. он

научной конференции. Бородино, 8–10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 412.

¹ Приказ МО РФ № 265 от 10.06.2001 года «О военно-исторической работе в Вооруженных Силах Российской Федерации». С. 3.

² См.: Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах. СПб., 1883. С. 60.

³ Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 1. С. III.

⁴ См.: Леер Г.А. Стратегия: тактика театра военных действий: в 3 ч. 6-е изд., СПб., 1898. Ч. 1. С. 91.

лично инициировал подготовку совместного с белорусскими коллегами военно-исторического труда о войне 1812 года. Результатом работы авторского коллектива стала книга «Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия»¹. Это первая обобщающая коллективная работа о нашествии Наполеона на Россию, которая подготовлена в стенах института после смерти П.А. Жилина. Его научный авторитет и традиции, как основателя данного научного учреждения, за редким исключением, очень долгое время оставались непререкаемыми для последователей и учеников. После работ П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного тема «Эпохи двенадцатого года» длительное время считалась в институте не актуальной². Во всяком случае, автору настоящей монографии, тщательно изучившему архивные фонды института с момента его образования в 1967 г., не удалось найти каких-либо документов, связанных с обсуждением и исследованием этой темы.

Авторы новой монографии постарались учесть новейшие достижения российской исторической науки и проявили необходимую меру объективности при интерпретации событий того исторического периода. Примечательно, что белорусская сторона без каких-либо оговорок приняла в целом российскую концепцию книги. Тем не менее этот, в общем-то добросовестный научный труд, в связи с ограниченностью тиража пока еще не дошел до белорусской общественности, и о нем до последнего времени ничего не было известно даже специалистам³.

Новые взгляды на историю «Грозы Двенадцатого года» приняла и редакция «Военно-исторического журнала». Определенным подтверждением тому является точка зрения главного редактора И.М. Чачуха, высказанная им в личной беседе с автором настоящей

¹ См.: Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812) / Алексеев Ю.А., Ковалев В.Е. и др. М., 2012. 352 с.

² Лишь в 1987 году И.И. Ростуновым была подготовлена монография «Отечественная война 1812 года», которая повторяла основные концептуальные положения работ П.А. Жилина. (См.: Ростунов И.И. Отечественная война 1812 года. М., 1987).

³ Один из ведущих белорусских историков, специализирующихся на войне 1812 г., А.М. Лукашевич так прокомментировал сообщение автора настоящей монографии об издании упомянутого научного труда: «Книги “Народы России и Белоруссии...” не видел даже я, потому что она, возможно, осела в кабинетах тех, кто книг не читает...» (письмо Л. Лукашевича к И. Шейну от 14.07.2013 [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шейна).

монографии по поводу публикации его обзорной статьи «Разгром Наполеона в России». Статья была размещена на первых страницах журнала без каких-либо редакционных правок¹.

Пережитками прошлого страдает и большинство современных работ посвященных участию башкирского народа в Отечественной войне 1812 г. Результаты историографического анализа национальной литературы, проведенного известным башкирским исследователем Р.Н. Рахимовым, свидетельствуют о наличии кризисной ситуации в изучении этой темы. Как отмечает исследователь, «большая часть публикаций по данной теме находится в жестких рамках концепций прошлых лет, авторы старательно обходят трудные вопросы, оперируют одними и теми же фактами. Сложился в некоторой степени замкнутый круг, сформировалась своя мифология»².

Анализ современной историографии был бы неполным без освещения общего состояния темы войны 1812 г. в *научных исследованиях стран ближнего зарубежья*, в первую очередь Беларуси и Украины, которые до недавнего времени являлись составной частью единой советской исторической науки. Распад Советского Союза стал одной из главных причин научного обособления национальных историографий войны 1812 г. бывших союзных республик. Наиболее активно в 90-х годах XX – начале XXI в. эта тема развивалась *белорусскими историками*. Историографические обзоры, раскрывающие достижения современной белорусской историографии, уже давались в ряде научных статей и разделов монографий³. Поэтому здесь предполагается дать лишь самую общую характеристику современной белорусской литературы с учетом уже имеющихся наработок.

¹ См.: Шейн И.А. Разгром Наполеона в России // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. С. 3–9.

² См.: Рахимов Р.Н. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Материалы II Международной научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2007 г.). Можайск, 2008. С. 283.

³ См.: Швед В.В. Беларусь часоў напалеонаўскіх войнаў (1805–1815 гг.): стан і перспектывы даследаванняў // Французска-руская вайна 1812 года. Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: матэрыялы Міжнар. навук. канф. 29–30 лістап. 2002 г., Мінск. Мн., 2003. С. 9–17; Лукашевич А.М., Яцкевич Д.Л. Предисловие // Беларусь и война 1812 года: Документы / сост. А.М. Лукашевич, Д.Л. Яцкевич. Минск, 2011. С. 3–10; Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812). М., 2012. С. 35–36. [Из содерж. § 1.4 Беларусь в 1812 году: историографический обзор.]

Анализ белорусских научных исследований двух последних десятилетий позволяет говорить о своеобразии национальных подходов к освещению событий 1812 года на белорусской земле. Историки независимой Беларуси выявили ряд социально-политических противоречий в белорусском обществе, обусловленных неоднозначным отношением разных социальных групп к наполеоновскому вторжению в пределы Российской империи. Научное обоснование социально-политическому содержанию войны для населения белорусских земель дали в своих работах В.В. Швед, А.М. Лукашевич, А.В. Ерашевич, Ю.И. Литвиновская и др.

По мнению одного из наиболее авторитетных белорусских исследователей этой темы А.М. Лукашевича, основные противоречия в анализе войны 1812 года возникают из-за того, что российские историки неправильно понимают этническую составляющую Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области, как и конфессиональный состав населения этих и Витебской с Могилевской губерниями. Поэтому белорусов-католиков записывают поляками или литовцами, со всеми вытекающими последствиями. А население Витебской и Могилевской губерний пытаются трактовать как исключительно православное, хотя соотношение по 5 губерниям было иным – 40% католики, 40% – униаты, 10% – православные, 10% – иудеи. Среди крестьян, которых по традиции советской историографии также ошибочно считают «единственными представителями белорусского народа», униаты составляли до 80%.

Поэтому подавляющая часть населения пяти этих губерний не воспринимала Российскую империю как свое отечество. Для них отечество – то государство, в котором они жили столетия до того – Великое Княжество Литовское и Речь Посполитая. На эти нюансы неоднократно обращалось внимание известных российских историков В.М. Безотосного, А.И. Попова, и др.¹

На основании таких оценок в белорусской историографии термин «Отечественная война 1812 г.» постепенно был заменен на более нейтральный – «война 1812 г.»

Рост национального самосознания и недостаточная изученность событий войны на ее территории в какой-то мере определили и тематику научных работ. Вопросы историографии войны 1812 года рас-

¹ А.М. Лукашевич – И.А. Шеину от 19 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

смотрены в работах В.В. Шведа¹, А.В. Ерашевича² и некоторых других историков³.

Ключевые аспекты белорусской историографии посвящены разработке региональных вопросов. Современных исследователей темы интересуют общественные настроения в приграничных районах и вопросы подготовки Белорусского театра военных действий к войне⁴. Осуществляется подробный анализ хода военных действий на территории различных белорусских областей⁵. Самостоятельные комплексные научные исследования посвящены влиянию событий

¹ Швед В. Беларусь часоў напалеонаўскіх войн (1805–1815 гг.): стан і перспектывы даследаванняў // Французска-руская вайна 1812 года. Еўрапейскія дыскусіі і беларускі погляд: матэрыялы Міжнар. навук. канф. 29–30 лістап. 2002 г., Мінск. Рэдкал.: К.І. Козак, В.В. Швед (адк. рэд.). Ф. Бакур. Мінск, 2003. С. 9–17.

² Ерашэвіч А.У. Вайна 1812 года і Беларусь паводле расійскай гістарыяграфіі XIX – пачатку XX ст. // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы навук. канф., прысв. 70-годдзю Ін-та гісторыі НАН Беларусі (Мінск, 6–7 кастр. 1999 г.). Мінск, 2000. С. 167–170; Его же. Дасавецкія выданні Беларусі па гісторыі вайны 1812 года: бібліяграфічны агляд // Гісторыя выдавецкай дзейнасці ў Польшчы і Беларусі ў XVI–XX стагоддзях: Зб. навук. арт. Рэдкал.: Н.Ю. Бярозкіна [і інш.]. Мінск, 2003. С. 81–86.

³ См., напр.: Колотков В.Е. Военно-исторические проблемы 1812 года на страницах белорусских энциклопедических изданий // Война 1812 года: военное искусство, военно-экономическое противоборство, гуманитарные аспекты: Материалы Междунар. воен.-ист. конф., посв. 195-летию сражения на реке Березина. Минск – Борисов, 22–23 ноября 2007 г. Минск, 2008. С. 126–129.

⁴ См.: Лукашевич А.М. Фортификационная подготовка Белорусского театра военных действий: планы и реализация (1810–1812) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VII: Сб. мат.-лов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. М.: ГИМ, 2009. Вып. 181. С. 39–95; Его же. Политическая ситуация в западных (белорусских) губерниях накануне и в начале Отечественной войны 1812 года в оценке российских служб контрразведки // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Междунар. науч. конф. 9–11 сент. 2008 г. Можайск, 2009. С. 54–71; Его же. Проблемы мобилизации промышленности западных (белорусских) губерний для нужд российской армии накануне войны 1812 г. // Бородино в истории и культуре: Материалы Междунар. науч. конф. 7–10 сент. 2009. Можайск, 2010. С. 200–217.

⁵ См.: Несцярчук Л.М. Баявыя дзеянні 3-й Заходняй рускай арміі у Айчынную вайну 1812 года на тэрыторыі Беларусі. Дыс. ... канд. гіст. навук, 07.00.02. Мн., 1996; Лякин В.А. Мозырь в 1812 году: историческая хроника. [Мн. ?]: БелСоЭС «Чернобыль», 2005; Сражение при Полоцке. 1812 год /

1812 г. на социально-политическую жизнь и экономическое состояние Белоруссии¹. Повышенный интерес проявляется к положению иностранных военнопленных, находившихся после окончания войны в западных областях империи². Новым явлением для белорусской историографии стало изучение действий наполеоновских властей и сотрудничавших с ними коллаборационистов на территории возрожденного Наполеоном Великого Княжества Литовского³.

сост. А.И. Судник. Полоцк, 2010; Лякин В.А. Гроза двенадцатого года над Полесьем. Минск: Четыре четверти, 2009; и др.

¹ См.: Ерашэвіч А.У. У плыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.) Дыс. канд. ... гіст. навук, 07.00.02. Мн., 2003; Литвиновская Ю.И. Ущерб, нанесенный Беларуси войной 1812 года // Французско-русская война 1812 года: еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: Матэрыялы Міжнар. навук. канф., 29–30 лістап. 2002 г., Мінск / адк. рэд. К.І. Козак, В.В. Швед. Мн.: Выд. центр БДУ, 2003. С. 90–91; Её же. Беларусь в войне 1812 года: социально-экономический аспект. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. БГПУ им. М. Танка. Мн., 2004; и др.

² См.: Лисова Л.М. Документы Витебской губернской комиссии по военнопленным 1812 г. как исторический источник // Французская рэвалюцыя і лесы свету. Матэрыялы канферэнцыі. Мн., 1999. С. 139; Сцебурака А. Лес палонных палякаў. 1812 год // Беларуско-польскія архіваліі: стан і перспектывы. Матэрыялы Другой беларуска-польскай канферэнцыі архівістаў 10–11 кастрычніка 2001 года, Мінск / рэд. К.І. Козак. Мн.: НА РБ, 2003. С. 86–89; Самович А.Л. Война 1812 года в Беларуси: содержание и репатриация французских военнопленных // Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследавання: зб. навук. арт. Мн.: БДПУ, 2004. С. 100–104; Её же. Военнопленные Великой армии Наполеона в Могилевской губернии // Шляхі Магілеўскай гісторыі: зб. навук. прац. Магілеў: Могилев. обл. укруп. тип., 2005. С. 126–130; Её же. Французские военнопленные 1812 г. в Могилевской губернии // Романовские чтения-I: Сб. трудов Международной науч. конф. / под ред. О.В. Дьяченко. Могилев: МГУ им. Кулешова, 2005. С. 107–109; Её же. Отношение российской власти и общества к польским военнопленным 1812–1814 гг. // Менталітэт славян і інтэграцыйныя працэсы: історыя, сучаснасць, перспектывы: Матэрыялы IV Межд. науч. конф. (Гомель, 26–27 мая 2005 г.). Гомель: УО «ГГТУ им П.О. Сухого», 2005. С. 253–254; Её же. Военнопленные 1812–1814 гг. Пропущенные страницы истории // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. Мн.: Экономпресс, 2006. С. 232–241; Её же. Отступление «Великой армии» через Березину: потери пленных как важнейшая проблема историографии // Война 1812 года: военное искусство, военно-экономическое противоборство, гуманитарные аспекты: Материалы Межд. военно-историч. конфер. (Минск, 22–23 ноября 2007 г.) / отв. ред.-сост. Г.Ч. Лянкевич. Минск: УО «ВА РБ», 2008. С. 111–117; и др.

³ См.: Литвиновская Ю.И. Фискальные мероприятия французских военных властей в Беларуси во время войны 1812 года // Гісторыя: праблемы вы-

Важный обобщающий материал по отдельным аспектам войны 1812 года на территории Беларуси содержится в материалах Международной научной конференции, прошедшей в Минске в ноябре 2002 г.¹, и Международной военно-исторической конференции, посвященной 195-летию сражения на реке Березина, которая состоялась на базе Военной академии Республики Беларусь в ноябре 2007 г.²

22 июня 2012 г. в Бресте состоялась Международная конференция «Отечественные войны Святой Руси», посвященная 200-летию Отечественной войны 1812 года и роли православной церкви во всех оборонительных войнах русской цивилизации. Участники конференции направили предложение руководству Национальной академии наук Беларуси вернуть в учебные программы понятие «Отечественная война 1812 года». 26 июля 2012 г. из Института истории НАН Беларуси был получен отрицательный ответ, из которого следует, что термин «Отечественная война» в приложении к 1812 г. в учебное и научное пространство соответствующие официальные структуры возвращать не собираются и его использование представляется необоснованным в официальной белорусской историографии³.

Основные концептуальные подходы новейшей белорусской историографии к истории вторжения Наполеона в Россию были обозначены на Международной научной конференции «Война 1812 года и

кладання. 2007. № 10. С. 10–18; Толеронок С.В. Создание французскими оккупационными властями государственных структур ВКЛ (1812). Мн., 1998; Ружанец А. Літоўска-беларускае войска цэсара Напалеона // Беларуская мінушчына. № 1. 1995; Таляронок С., Блінец А. Апошняя армія ВКЛ (1812–1814 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 1996. № 2; Швед В. Вялікае княства Літоўскае у 1812 годзе // Беларускі гістарычны часопіс. 2000. № 3; и др.

¹ Французска-руская вайна 1812 года. Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: матэрыялы Міжнар. навук. канф. 29–30 лістап. 2002 г., Мінск. Мінск, 2003.

² Война 1812 года: военное искусство, военно-экономическое противоборство, гуманитарные аспекты: материалы Междунар. воен.-ист. конф., посв. 195-летию сражения на реке Березина; Минск – Борисов, 22–23 ноября 2007 г. Минск, 2008.

³ Михайлов Н. Отрицание Отечественной войны 1812 года ведет к разрыву белорусов с Русским миром // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/08/30/otricanie_otechestvennoj_vojny_1812_goda_vedet_k_razryvu_belorusov_s_russkim_mirom/ (дата обращения: 15.10.2013 г.).

Беларусь», которая проходила в Минске 23–24 ноября 2012 г.¹ Конференция проводилась под эгидой высших и местных государственных органов исполнительной власти, ведущих научных и высших учебных заведений Республики Беларусь.

В ходе работы научного форума рассматривались международные аспекты положения Беларуси в начале XIX столетия, социально-политическое состояние белорусского общества, военные события на белорусских землях и отношение населения к воюющим сторонам, политические, а также социально-экономические и финансовые последствия войны 1812 года для Беларуси. Самостоятельным блоком были представлены вопросы источниковедения, историографии и сохранения народной памяти о событиях 1812 г.

Определенный резонанс среди участников конференции вызвало выступление российского историка А.И. Попова, который подверг критике и показал несостоятельность взглядов М. Голденкова, О.В. Пролесковского, Л.Е. Криштаповича о массовом партизанском движении в Белоруссии². Сам Попов следующим образом описал реакцию зала на его выступление: «Меня поразило, с каким вниманием вся без исключения аудитория слушала меня, а потом аплодировала – прямо как в советские времена! Вопросов мне не задавали, настолько все были огорошены. ...Вечером в “тесном составе” Ададуrow поведал нам, как во время моего выступления один старичок, сидевший рядом, спросил его: “Неужели вы во все это верите?”, на что получил ответ: “А причем тут вера? Докладчик приводит точные факты! Я и сам находил такие же”. В ответ: “Но ведь я знал Корнейчика, честнейший был человек!” – это и есть единственный аргумент приверженцев старой советской традиции! Они даже не могут понять, что он был крупнейшим фальсификатором вместе с Бычковым и Бабкиным. Потрашков подвел итог нашей беседы так: “Александр Иванович, своим докладом ты угробил целое направление современной белорусской историографии!” Я согласился...»³

По оценкам участников конференции, в целом между белорусскими и российскими сторонами наметилось определенное взаимо-

¹ Международная научная конференция «Война 1812 года и Беларусь». 23–24 ноября 2012 г. / Исторический факультет Белорусского государственного университета. URL: <http://hist.bsu.by/informatsionnoe-pismo-1812.html> (дата обращения: 19.07.2013 г.).

² Попов А.И. «Народное партизанское движение» в Беларуси в 1812 г. [Рукопись выступления на международной конференции 23 ноября 2012 г. в Минске.] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

³ А.И. Попов – И.А. Шеину от 26 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

понимание по большинству принципиальных вопросов современной концепции войны 1812 года. Российские историки «в ходе конференции в большинстве своем разделяли точку зрения, что Беларусь может иметь свой взгляд на события этой войны, и не нужно навязывать чужой»¹. Между тем высказывалось особое мнение, согласно которому выступавшие на конференции российские ученые пытались «навязать белорусам новую “историю” – смесь дикой лжи, подлости, невежества и двуличия»².

Тем не менее конференция имела большое значение для уяснения современных подходов историков двух государств к актуальным и дискуссионным аспектам историографии, налаживанию взаимопонимания и дальнейшего развития научного сотрудничества между белорусскими и российскими учеными.

Общее состояние *украинской историографии* Отечественной войны 1812 года в 90-х годах XX – начале XXI в., стало предметом историографического анализа С.В. Потрашкова³. Историк отметил тот факт, что украинские ученые после распада СССР начали активно заниматься выполнением нового социального заказа, ставившего своей целью обосновать историческую закономерность украинской независимости. Тема совместной борьбы русского и украинского народа в Отечественной войне 1812 г. против Наполеона, столь распространенная в советский период, резко потеряла свою актуальность и была «оттеснена на далекую периферию». Как установлено Потрашковым, с 1992 по 2002 г. серьезных научных исследований в этой области не проводилось. Как правило, в новых сочинениях по истории Украины о войне 1812 года вообще старались не вспоминать. Однако грандиозность и эпохальность этого события, оказавшего сильное влияние на последующее развитие украинского и русского народов, не позволяли полностью игнорировать эту тему. Проанализировав соответствующие разделы в исторических трудах В.Г. Сарбея, В. Вериги, В. Борисенко, В. Свербигуза, С.В. Потрашков пришел к выводу, что «спектр трактовок событий 1812 г. современ-

¹ А.М. Лукашевич – И.А. Шеину от 19 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Белорусский ученый: Белорусам навязывается «новая история» – лживая, подлая, русофобская // ИА REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/1597511.html> (дата обращения: 15.10.2013 г.).

³ См.: Потрашков С.В. Отечественная война 1812 года в освещении современных украинских историков (1992–2002 гг.) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции. Бородино, 8–10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 267–275.

ними українськими істориками достатньо широк: от традиційної, патріотическої, слегка модернізованої на потребу часу, до відкритої антиросійської, маніпулюючої фактами в спробі довести наявність профранцузьких настроїв, по крайній мірі у частині українського суспільства». Одночасно вказувалося на загальну для всіх робіт концептуальну ідею: відмова від використання соціально-політичної характеристики війни визначення «Отечественная» і визнання цілей боротьби з наполеонівською агресією в Росію чужими національними інтересами українського народу. На цьому ґрунті С.В. Потрашков вважав, що «не доводиться очікувати в найближчі роки появи серйозних узагальнюючих робіт про участь України в Отечественной війні 1812 року».

Сучасний бібліографічний аналіз ресурсів Інтернету підтверджує справедливості цього висновку. В ювілейний період в сучасній українській історіографії війни 1812 року нові наукові дослідження цієї теми практично не проводилися. К поточному часу ситуація в сучасній українській історіографії війни 1812 року принципово не змінилася, що свідчить про її продовжувану стагнацію. Однак, в зв'язі з останніми об'єктивними і ґрунтовними роботами В.В. Ададура і О.М. Захарчука, можна говорити про певний прогрес в дослідженні суспільно-політичних відносин, скланих на українських землях перед і в період вторгнення¹.

¹ См.: Ададур В.В. «Наполеоніда» на Сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007; Его же. Меморандуми польських авторів початку ХІХ ст. як джерело уявлень уряду Наполеона Бонапарта про південно-західні країни Російської імперії // Український історичний журнал. 2008. № 2. С. 154–166; Его же. Юго-Западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона: историографический аспект // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов: к 200-летию Отечественной войны 1812 г. / Труды ГИМ. Вып. 183. М., 2010. С. 359–398; Его же. Между шляхтой и крестьянством: отношение французских государственных и военных деятелей к крестьянскому вопросу в западных губерниях Российской империи во время войны 1812 г. // Там же. С. 118–139; Его же. Пришествие Наполеона, или эссе о конфликте религиозных мировоззрений в Восточной Европе в начале ХІХ в. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Вып. 10. М., 2012. С. 39–56; Его же. Наполеонів «українці»: Шляхта Правобережжя у французьких планах воєнної кампанії 1812 р. // Краєзнавство. Київ, 2012. Ч. 4 (81). С. 33–42; Наполеонів «українці»: Шляхта Правобережжя у французьких планах воєнної кампанії 1812 р. // Краєзнавство. Київ, 2012. Ч. 4 (81). С. 33–42;

Основная проблематика, которая в большей степени интересует украинских ученых, по-прежнему актуализируется вопросами истории государственной независимости Украины и ее взаимоотношений с Польшей и Россией. Для понимания генезиса основных концептуальных положений, доминирующих в современной украинской исторической науке, представляет интерес публикация В.В. Ададунова с научным анализом украинской историографии о планах Наполеона в отношении польских земель, вошедших в состав юго-западных окраин Российской империи. Особое внимание современный исследователь обратил на научную деятельность известного популяризатора истории французско-украинских отношений, украинского эмигранта Илько Борщака¹, пытавшегося в 20–30-х годах прошедшего столетия доказать заинтересованность Наполеона политической независимостью Украины. Досконально исследовав источниковую базу украинского историка, основанную преимущественно на материалах французских архивов и произведениях французских авторов, Ададунов убедительно доказал, что в работах Борщака присутствовало немало элементов фантазии и домысла. Чтобы научно аргументировать свою версию, Борщак сознательно фальсифицировал архивные источники, искажая их перевод, внося собственные добавления, и даже выдумывая документы, которых никогда не существовало.

Его же. Запорозький козак Твердовський проти Наполеона: Відображення вірнопідданих настроїв малоросійського дворянства в україномовному памфлеті з Національного архіву Франції // Український історичний журнал. Київ, 2012. № 5. С. 177–186; Захарчук О.М. Українська тема в записках польського генерала Міхала Сокольницького // Україна дипломатична: науковий щорічник. Вип. 7. Київ, 2006. С. 377–385; Его же. Прожекты польского генерала Михла Сокольницького и Отечественная война 1812 года // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2009. С. 192–205; Его же. Так рождаються міфи: наполеоноведення і сучасна постсоветська наука // Родина. 2012. № 6. Іюнь. С. 25–29; Его же. Новые сведения о названии австрийского корпуса Шварценберга в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 1. С. 143–145; и др.

¹ См.: Борщак И. Звідомлення з дослідів в архівах Західної Європи, переслане Українській Академії наук в Києві 1924 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка... Львів, 1925. Т. 134; Его же. Польські плани супроти України за Наполеона в світлі сучасних подій // Новая Громада: суспільно-політичний журнал під редакцією С. Витка. Відень, 1923. Ч. 3–4; Его же. Наполеон и Україна: з невідомих документів із тогочасними ілюстраціями. Львів, 1937.

На этом основании В.В. Ададуrow пришел к обоснованному выводу о политизированности работ И. Борщака, которая стала основной причиной активного вовлечения их в научный оборот как советскими, так и современными украинскими историками¹.

В свою очередь О.М. Захарчук в историографическом обзоре современной украинской литературы, а также некоторых сочинений российских и белорусских историков, указал на то упорство, с которым некоторые историки, не обращая внимания на результаты новейших исследований, переписывают из работы в работу «одни и те же глупости». Это касалось утверждений, согласно которым во время наполеоновской агрессии Украина представляла собой оплот антироссийского национального движения, о желании Наполеона восстановить независимость украинских земель, о французах как виновниках московского пожара в 1812 г., а также пожаров в Киеве, Луцке, Ковеле, Дубно и других украинских городах в 1811 г., о неточных сведениях по численности Великой армии перед вторжением в Россию, о завышенных потерях наполеоновской армии в Бородинском сражении и некоторых других.

Одна из важнейших особенностей развития современной историографии состоит в *координации усилий российских и зарубежных ученых в изучении «эпохи наполеоновских войн»*. Последнее десятилетие текущего столетия свидетельствует о переходе такого сотрудничества из области теоретических выводов в конкретную научно-практическую деятельность.

Одним из первых среди зарубежных историков особое стремление к взаимодействию с российскими специалистами в конце 90-х годов XX – начале XXI в. проявлял директор Центра изучения Наполеона (Франция) Ф. Бокур. Его выступления в Бородино и Малоярославце в 1997 и 2001 гг. показали сближение позиций отечественной и французской историографии по многим аспектам².

¹ См.: Ададуrow В.В. Юго-Западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона: историографический аспект.

² См.: Бокур Ф. Планы Наполеона при оставлении Москвы и выбор направления движения // II этап Отечественной войны 1812 года С. 3–8; Его же. Переправа через Березину Великой армии Наполеона в ноябре 1812 года // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (VI). С. 24–36; Его же. Причины, заставившие Наполеона идти на Москву. Неопубликованное письмо Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X всерос. науч. конф.: Бородино, 2001 год. М., 2002. С. 39–43 (далее: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (X)); и др.

Научные контакты российских ученых с западными коллегами особенно активизировались в связи с подготовкой к празднованию 200-летней годовщины Отечественной войны 1812 года. Так, в международной юбилейной конференции «Отечественная война 1812 года в контексте мировой истории» приняли участие 150 специалистов из 15 стран ближнего и дальнего зарубежья. В работе научного форума приняли участие президент Международного Наполеоновского общества со штаб-квартирами в США и Канаде Дэвид Маркхем, и его заместитель Д. Ховард (США). По личной инициативе принимали участие в ежегодных музейных и юбилейных (институтов всеобщей и российской истории) научных конференциях, Ф. Бокур, М.-П. Рей, Т. Ленц (Франция), Д. Ливен (Англия), А. Неуважны (Польша) и Э. Вовси (США).

При этом отмечается стремление иностранных ученых к сотрудничеству не только со столичными, но и с периферийными научными центрами. Так, французский историк профессор кафедры истории России и Советского Союза, директор Центра исследований по истории славян Университета Париж I Пантеон Сорбонна, кавалер ордена Почетного легиона М.-П. Рей в феврале 2012 г. посетила г. Екатеринбург, где приняла участие в работе практикума для молодых ученых в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. Она прочитала открытую лекцию «Эпоха наполеоновских войн: старые клише и новые подходы», а затем в течение двух часов отвечала на вопросы преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и магистрантов. Лектор сопоставила французскую и русскую точки зрения на причины, ход и результаты войны 1812 года и попыталась развенчать целый ряд исторических мифов и стереотипов. Современный взгляд из России на те же события 200-летней давности представил в научном докладе «Человек 1812 года: взгляд через 200 лет» доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств УрФУ В.Н. Земцов. Плодотворность дискуссии вылилась в обоюдное стремление к развитию научного сотрудничества. Французская гостья заинтересовалась разработками уральских ученых, что позволило наметить конкретные перспективы совместных научных проектов Уральского федерального университета и Сорбонны¹.

В сотрудничестве зарубежных и российских историков можно отметить работу по популяризации современных научных взглядов на

¹ См.: «Недаром помнит вся Россия...» // Уральский федеральный университет. URL: <http://urfu.ru/home/press/news/article/nedarom-pomnit-vsja-rossija/> (дата обращения: 07.10.2013 г.).

«эпоху наполеоновских войн». Примером тому может служить создание и показ на центральном телеканале «Россия 1» ВГТРК телевизионного документального многосерийного исторического фильма «Война и мир Александра Первого. Наполеон против России» (автор сценария: Елена Чавчавадзе; режиссер: Галина Огурная). В фильме приняли участие: известные европейские исследователи эпохи наполеоновских войн – Ж.Тюлар, М-П. Рей (Франция), Д. Ливен (Англия), российские историки: В. Безотосный, Л. Ивченко, Л. Мельникова, А. Петров, В. Файбисович. При написании сценария фильма использовались неизвестные архивные документы, съемки проводились в интерьерах дворцов России и Европы¹.

Современные идеи и взгляды российских историков постепенно становятся достоянием научной общественности за рубежом. По мнению Д. Маркхема, каждая национальная историография создает свою концепцию событий 1812 г., как правило, на основе своих национальных архивных документов. Но история полна нюансов и крайне интересных деталей, которые можно узнать, только общаясь между собой².

Как отмечал американский доктор истории Э.М. Вовси, до недавнего времени представления американского общества о войне 1812 года складывались, главным образом, на переводах «классических» книг Е.В. Тарле и Л.Г. Бескровного. Знания зарубежного читателя по этой теме были расширены благодаря поддержке Центра Индиана-Мичиган по русским и восточноевропейским исследованиям, способствовавшего изданию на английском языке мемуаров А. Ермолова, Н. Дуровой и Д. Давыдова. В начале текущего столетия научные круги США смогли ознакомиться с переводами специальных работ российских историков Александра и Юрия Жмодиковых «Тактика русской армии в наполеоновских войнах» и Олега Соколова «Армия Наполеона»³.

Отметим, что распространение взглядов российских историков в дальнем зарубежье в большинстве случаев осуществляется через

¹ См.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года [Электронный ресурс] // Самарская губерния: история и культура. URL: <http://www.gubernya63.ru/history/materials/ob-itogah-i-perspektivah-izuchenija-voynu-1812/> (дата обращения: 11.08.2013 г.); Война и мир Александра Первого. Наполеон против России // «Россия 1. URL: http://russia.tv/video/show/brand_id/37066/video_id/203629 (дата обращения: 03.10.2013 г.).

² См.: Редько Н. Наполеон для «чайников»: интервью Дэвида Маркхема // В Контакте. URL: http://vk.com/topic-17152540_26779470 (дата обращения: 9.12.2012 г.).

³ См.: Вовси Э.М. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии: Материалы «круглого стола» // Французский ежегодник 2011. М., 2011. С. 352.

французскую печать¹. Развитию этой формы сотрудничества в некоторых случаях способствуют и российские издатели. В частности, благодаря личной инициативе самарского издателя И. Пархоменко за последние пять лет во Франции было опубликовано несколько статей российских авторов в самом популярном военно-историческом журнале «Традисьон» и даже издаются книги о войне 1812 года².

Российские ученые также участвуют в работе зарубежных научных форумов. Приведем лишь последние факты. Так, В.Н. Земцов в сентябре 2010 г. на Корсике представил международному сообществу доклад: «Московский пожар 1812 г.: 200 лет двух национальных мифов»³. Л.Л. Ивченко в августе и начале сентября 2013 г. приняла участие в юбилейных научных конференциях, проходивших в Кульме, Праге и Лейпциге⁴. Также следует отметить награждение в 2003 г. орденом Почетного легиона известного российского историка О. Соколова за большой вклад в дело изучения и популяризации истории Франции и ее армии.

Повышение научного и общественного интереса к зарубежной историографии отразилось в выпуске переводных изданий, в основном по наполеоновской тематике⁵. Среди публикаций иностранных

¹ В качестве примера можно указать лишь на некоторые публикации в зарубежной печати статей и монографий О. Соколова и В.Н. Земцова и на уже приводимые ранее зарубежные публикации А.И. Попова См.: Sokolov O.V. *La campagne de Russie. Les origines du conflit // Napoleon Ier.* 2001. № 5; idem. *Armee de Napoleon.* Paris, 2003; idem. *Austerlitz. Napoleon, l'Europe et la Russie.* Paris, 2006; *Napoleon et les Invalides.* Paris, 2010; Zemcov V.N. *The Battle of Borodino: The Fall of the Grand Redoute // The Journal of Slavic Military Studies.* Vol. 13. 2000. № 1. P. 90–112; idem. *Napoléon en Russie – 1812. L'Incendie de Moscou.* // *Gloire et Empire. Revue de l'Histoire Napoléonienne.* 2012. № 43. P. 9–100; *Napoléon en Russie – 1812. La bataille de la Moskova // Gloire et Empire. Revue de l'Histoire Napoléonienne.* 2012. № 40. P. 9–98; и др.

² См.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года [Электронный ресурс].

³ См.: Zemcov V.N. *Napoléon et incendie de Moscou: 200 ans d'histoire de deux mythes nationaux con-cernant l'incendie de Moscou de 1812 // Attentes et sens autour de la présence du myth de Napol on aujourd'hui / Sous la direction de J.-D. Poli. Ajaccio: Éd. Alain Piazzola – Univ. di Corsica,* 2012. P. 111–119.

⁴ В.Н. Земцов – И.А. Шеину от 05 июля 2013 г.; Л.Л. Ивченко – И.А. Шеину от 17 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

⁵ См.: Кирхейзен Ф. *Наполеон 1. Его жизнь и его время: в 2 т.* М., 1997; Чандлер Д. *Военные кампании Наполеона: Триумф и трагедии завоевателя.* М., 1999; Вейдер Б. *Триумф и загадочная смерть Наполеона.* М., 2000; Дюф-

авторов, изданных в последнее время в России, особо следует отметить работы Доминика Ливена и Мари-Пьер Рей. Оба автора проявляют особый научный интерес к результатам новейших исследований российских историков, что в значительной мере способствовало формированию у них не традиционных для зарубежной историографии взглядов на события войны 1812 года.

Английский историк Д. Ливен в книге «Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814 гг.»¹ показал русско-французский конфликт в контексте европейской истории начала XIX столетия. обстоятельное изучение книги Ливена позволяет в целом одобрительно отнестись к авторскому обоснованию ее основных положений. Показательно, что российские специалисты при личном общении с автором настоящей монографии практически единодушно одобрили этот научный труд с точки зрения объективности и научной обоснованности авторских суждений. На данном основании автор монографии берет на себя смелость утверждать, что совокупное мнение российских исследователей нашло выражение в готовящейся к публикации рецензии Л.Л. Ивченко². Критик вполне обоснованно отметила преодоление автором монографии характерной для российской историографии «заикленности» на изучение сугубо франко-российских отношений и его выход на относительно малоизученную проблему взаимоотношений России с союзниками по антинаполеоновской коалиции. При этом приветствовалась в достаточной степени убедительная и аргументированная «историческая модель» событий. В качестве важного достоинства научного труда, отмечен перенос исследовательской проблематики с сугубо военных вопросов на экономические, политические и дипломатические аспекты изучаемой темы.

Однако Л.Л. Ивченко критически оценила авторское понимание причин высокой моральной стойкости русских солдат, его завышенную оценку роли штабных офицеров иностранного происхождения в управлении русской армией и, наоборот, принижение полководче-

рес Р. Наполеон. М., 2003; Ленц Т. Наполеон. М., 2008; Кастело А. Наполеон = Napoleon. М., 2010; Тюлар Ж. Наполеон. М., 2012; и др.

¹ См.: Ливен Д. Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814 = Russia Against Napoleon: The Battle for Europe, 1807 to 1814 / пер. А. Петров. М., 2012.

² См.: Ивченко Л.Л. Отечественная война 1812 года глазами британского исследователя [Рукопись статьи, готовящейся к публикации.] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

ских способностей П.И. Багратиона. Тем не менее можно согласиться с высказанным Л.Л. Ивченко мнением о том, что Д. Ливен внес значительный вклад не только в английскую, но и в современную российскую историографию, в последнее время явно тяготеющую к «наполеоновской легенде».

В свою очередь, М.-П. Рей исследование жизни и военно-политической деятельности Александра I¹ построила на сопоставлении французских и русских источников, а также на документальных материалах, отложившихся в архивах других стран. По мнению исследователя, главная цель похода Наполеона в Россию была направлена против государственного, геостратегического и дипломатического могущества Российской империи. Наполеон не хотел ни дестабилизации России, ни падения самодержавного режима, поскольку нет никаких подтверждений тому, что Наполеон планировал какие-либо политические преобразования в России.

На основе конкретных фактов историк попыталась опровергнуть общепринятую в зарубежной историографии точку зрения, согласно которой в ходе стратегического отступления русская армия не вела военных действий. В книге проводится мысль о наличии у русского командования заранее разработанного плана стратегического отступления вглубь страны. Такой стратегический план разрабатывался до начала войны военным министром Барклаем де Толли и был утвержден императором. По мнению Рей, Кутузов, назначенный Александром I на пост главнокомандующего всеми русскими армиям под напором общественного мнения, продолжил военную стратегию своего предшественника, которая и привела к победе.

Рей высказала свою точку зрения о победителе в Бородинском сражении. В качестве главного критерия для решения этого дискуссионного вопроса она приняла численное соотношение потерь противоборствующих сторон. По ее мнению, победителем стала та сторона, которая понесла меньшие потери. При этом, она исходила из следующих цифровых показателей: 42 тыс. убитыми и ранеными (одна треть) русской армии и 28 тыс. (пятой часть) в Великой армии.

Автор книги отошла от распространенных среди французских историков объяснений причин поражения Великой армии в России исключительно ошибками и просчетами Наполеона, а также первоочередным влиянием климатических и физико-географических факторов. На богатом цифровом материале М.-П. Рей постаралась

¹ См.: Рей М.-П. Александр I / пер. с фр. А.Ю. Петров, А.Ю. Терещенко. М., 2013 (Marie-Pierre Rey. Alexander I. The Tsar Who Defeated Napoleon. DeKalb, Northern Illinois University Press, 2012).

доказать потерю боеспособности Великой армии до наступления зимних холодов.

Сравнительный анализ приведенных здесь и других работ иностранных авторов дает основание некоторым современным российским историографам выделить в развитии современной зарубежной историографии ряд особенностей, которые, по мнению автора настоящей монографии, в определенной степени начинают проявляться и в российских научных исследованиях. Во-первых, война 1812 года рассматривается как важнейшее событие эпохи, смысл которого, однако, возможно понять только в контексте более общих всеевропейских и мировых процессов конца XVIII – начала XIX в. Во-вторых, отмечается тенденция к расширению исследовательской проблематики и методов научного поиска. В настоящее время наряду с изучением собственно фактологической стороны событий становятся актуальными вопросы «социологии» и «психологии» войны, ее «человеческого измерения». В научных исследованиях все большее значение придается «междисциплинарным методам». В-третьих, развивается процесс интернализации не только тематики и исследовательских методов, но и научных школ в целом. Эти процессы свидетельствуют о выходе национальных историографий за пределы собственных историографических традиций¹.

Завершая аналитический обзор общего состояния современной историографии, следует отметить ее поступательное движение, развившееся в накоплении разнохарактерного по содержанию и разнообразного по тематике массива литературы. Постсоветская историография темы на каждом этапе своего развития в целом отражала общее состояние исторической науки. Ликвидация в 90-х годах XX в. административного давления на научную деятельность историков способствовала окончательному раскрепощению исторической мысли.

Внутриполитическая ситуация в стране определила основополагающую форму разрешения назревших вопросов через их коллегиальное обсуждение. Новые явления в историографии темы были обусловлены активным использованием ресурсов Интернета.

Неограниченная свобода в выражении своих взглядов, подогреваемая новым социальным заказом, а нередко и коммерческим интересом, способствовала развитию критического отношения к выводам предшествующей официальной советской историографии. Уже в начале 90-х годов для большей части специалистов-историков была по-

¹ См.: Земцов В.Н. Вместо заключения [Рукопись.] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шенина.

нятна необходимость смены существовавшей научной концепции Отечественной войны 1812 года.

Однако вопрос о разработке новых концептуальных положений понимался по-разному. Значительная часть историков выступали за радикальные изменения основных концептуальных положений. Другая часть исследователей, признавая субъективизм советской историографии и наличие кризисных явлений в переходный период, проявляли определенный либерализм в отношении устоявшейся методологии научных исследований и некоторых сделанных на ее основе обобщающих выводов.

Историографический анализ публикаций 90-х годов свидетельствует о том, что незначительная часть историков, не специализирующихся на изучении Отечественной войны 1812 г., пока еще оставалась приверженной положениям и выводам официально-патриотической концепции второй половины 50-х – первой половины 80-х годов. Наиболее консервативной в этом отношении оставался комплекс учебной исторической и военно-исторической литературы, а также научно-популярные издания, предназначенные для широкой, в первую очередь, молодежной читательской аудитории.

С распадом СССР произошло отделение и формирование обособленных национальных историографий, рассматривающих события войны 1812 года с позиции собственных национальных особенностей.

Важнейшей особенностью постсоветской историографии является активное сотрудничество российских историков с зарубежными коллегами и отмечающееся на данной основе сближение научных позиций.

§ 2. Основные направления развития историографии 90-х годов XX – начала XXI в.

Анализ современной литературы свидетельствует о том, что в развитии постсоветской историографии 90-х годов XX – первого десятилетия XXI в. сформировались относительно устойчивые и обособленные по научной проблематике направления.

Наиболее важное из них связано с изучением собственно историографических аспектов истории Отечественной войны 1812 года. В условиях возникшего в начале 90-х годов методологического и идеологического тупика, а впоследствии, к началу XXI в., резкого количественного увеличения современной литературы, следовало поновому проанализировать уже достигнутые научные знания и выявить общую ситуацию в историографии Отечественной войны

1812 года. Указанное обстоятельство объективно способствовало проведению новых историографических исследований. В данный исторический период в связи с неопределенностью общей исторической концепции историографические работы получили приоритетное развитие, сформировались в самостоятельное направление научных исследований.

Решение общей историографической задачи одним из первых предпринял А.Н. Троицкий в своей монографии «Отечественная война 1812 года: история темы»¹. Новаторство ее автора проявилось уже в том, что хронологические рамки историографического анализа впервые охватывали весь период развития темы, от появления первых публикаций до современных для того времени научных работ.

В очередном труде Н.А. Троицкий не ограничился только характеристикой различных концептуальных положений и содержания наиболее значимых публикаций. Историк считал более важным продолжить начатую им во второй половине 80-х годов борьбу за преодоление субъективистских взглядов, «которые... от многократного повторения приобретали силу научной традиции»².

Такие целевые установки предопределили отличительные черты работы Н.А. Троицкого, от схожей по тематике монографии Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского, посвященной развитию советской историографии войны 1812 года³. Ученый принципиальней и непримиримей, чем его коллеги, отнесся к тем исследованиям, в которых отражалось «квазипатриотическое стремление большинства отечественных историков непременно приукрасить боевую славу русского оружия...»⁴. В связи с этим острой критике были подвергнуты официальные труды дореволюционной и, в особенности, советской историографии.

Критический анализ господствовавшей концепции сопровождался утверждением альтернативной точки зрения, отражавшей общую тенденцию к пересмотру основных положений войны 1812 года.

Отметим, что при всей новизне авторских суждений очередная монография Троицкого осталась сориентированной на марксистско-ленинские подходы, которые, по мнению историка, составляли «на-

¹ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991.

² См.: Там же. С. 4.

³ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990.

⁴ См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 4.

дежную методологическую опору для изучения наполеоновских войн вообще и Отечественной войны 1812 года в частности». Отсюда, как и в обобщающей монографии «1812. Великий год России», ученый в качестве отправных точек своих рассуждений считал замечания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина¹.

Критика Н.А. Троицким мифологем советской официальной историографии определила соответствующее его отношение к упомянутому историографическому исследованию «1812 год на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987 гг.» Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского. В журнале «Отечественная история» Н.А. Троицкий поместил свой отзыв об этой монографии², в котором в целом положительно оценил значение работы для развития темы. Вместе с тем рецензия содержала обширную критику по уже обозначенным в его предшествующих сочинениях дискуссионным аспектам проблемы. Проанализировав содержание научного труда, рецензент пришел к выводу, что «Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский вслед за своими предшественниками обходят самые острые вопросы истории 1812 года, ...не смогли в полной мере преодолеть инерцию квазипатриотического мышления»³.

Подобные критические оценки Троицкого оказались неприемлемыми для авторов книги. «Обруганные», по их собственному выражению, ученые не пожелали «терпеливо сносить хулу» и подготовили ответ своему оппоненту. Их возражения привели к очередной острой полемике в периодической печати. Через директора Музея-панорамы «Бородинская битва», вместе с сопроводительным письмом, ответ был передан в Отделение истории РАН. Как и в случае с монографией О.В. Орлик, в письме обращалось внимание на «неоднократные оскорбления авторов рецензируемого труда... развязанный тон» рецензента. Одновременно ставился вопрос «о недостаточном профессионализме саратовского профессора»⁴. Соответствующим образом члены редколлегии журнала обвинялись в предвзятом отношении к монографии и даже нежелании ознакомиться с ее содержанием. Поэтому в письме высказывалось сомнение в том, что журнал «Отечественная история» «поместил бы на своих страницах развернутый ответ авторов книги...»⁵.

¹ См.: Там же. С. 5.

² См.: Троицкий Н.А. [Рецензия] // Отечественная история. 1992. № 2. С. 195–197. Рец. на кн.: Б.С. Абалихин, В.А. Дунаевский. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990.

³ Там же. С. 197.

⁴ См.: От редакции // Отечественная история. 1992. № 6. С. 192.

⁵ См.: Там же.

Обращение Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского с апелляцией в Академию наук, скорее всего, объясняется желанием авторов рецензируемого научного труда привлечь внимание научного руководства к положению дел в историографии Отечественной войны и позиции Н.А. Троицкого, в частности. Высказанные при этом опасения, что ответ авторов письма будет проигнорирован редколлегией периодического издания, вероятно, служили формальным предлогом для такого обращения в руководящую инстанцию.

Кружным путем, через Российскую академию наук, ответ Н.А. Троицкому поступил в редакцию журнала «Отечественная история» и был опубликован в одном из ближайших номеров¹. В публичном обращении к читателям Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский признавали, что рецензент дал немало поводов для того, чтобы считать их работу далекой от совершенства. Однако резкую критику в свой адрес со стороны Троицкого они объясняли не столько его стремлением к установлению истины, сколько желанием представить себя в качестве «истины в последней инстанции»².

Большинство замечаний рецензента историки считали несостоятельными и выдвинули против них свои контраргументы. При этом они обвинили его в «фальсификации не только истории Отечественной войны 1812 года, но и других событий не столь отдаленного прошлого», использовании «приемов недостойных ученого»³. Более того, Троицкому инкриминировалась попытка «скомпрометировать авторов монографии в глазах научной общественности» приемами «из печально памятных годов» сталинского правления⁴.

Ознакомившись с ответом на свою рецензию, Н.А. Троицкий посчитал для себя «неприличным полемизировать с такими оппонентами и по тону, который они задали, и по существу...»⁵. Поэтому он отказался от дальнейшей дискуссии, ограничившись коротким письмом в редакцию, в котором выразил свое негативное отношение к характеру публикации Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского.

Следует заметить, что при явном желании удовлетворить оскорбленное самолюбие, некоторые возражения Абалихина и Дунаевского Троицкому выглядели резонными. Это касалось его представлений о

¹ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель... Авторы книги о войне 1812 года не согласны с оценками рецензента // Отечественная история. 1992. № 6. С. 188–192.

² См.: Там же. С. 188.

³ См.: Там же. С. 192.

⁴ См.: Там же.

⁵ Троицкий Н.А. Глагол времен. С. 25.

научном творчестве Е.В. Тарле, якобы независимом от политической конъюнктуры¹. Представляется убедительной версия Абалихина и Дунаевского о начале хождения в научной литературе термина «Отечественная война»². В какой-то мере можно согласиться с указанием критиков на то, что исследователь, ставя под сомнение распространенный термин «Отечественная война 1812 года», до (и после) публикации своего отзыва активно использовал его в общепринятой интерпретации. В контексте замечаний Абалихина и Дунаевского о субъективизме подсчетов Троицким численности русской армии перед Бородинским сражением, следует признать необходимость дальнейшего изучения этого вопроса.

Желая разобраться в создавшейся конфликтной ситуации, редакция журнала «Отечественная история» предложила В.М. Безотосному выступить в качестве независимого арбитра в разгоревшейся полемике. Историк согласился принять участие в научной дискуссии³. Свое отношение к творчеству и исторической концепции Н.А. Троицкого Безотосный выразил в развернутой рецензии на его историографическую работу «Отечественная война 1812 года: история темы»⁴.

Рецензент не отрицал наличия прогрессивных подходов исследователя к освещению темы 1812 г., высоко оценив научную значимость и литературные достоинства трудов саратовского историка. По определению Безотосного, без этих работ сегодня «уже не обойдется ни один исследователь 12-го года, так как они стали своеобразной вехой в нашей науке»⁵.

Подобным образом отмечалась необходимость и важность анализируемого сочинения, которое выгодно отличалось от традиционных, скучных и описательных историографических обзоров и представляло собой определенный итог научного творчества ученого по истории похода Наполеона в Россию. В этом отношении критик ставил книгу «Отечественная война 1812 года: история темы» выше подобной монографии Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского⁶.

¹ См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель... С. 192.

² Там же. С. 192.

³ Об этой просьбе автору стало известно из личной беседы с В.М. Безотосным.

⁴ См.: Безотосный В.М. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 203–207.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ См.: Там же.

Безотосный констатировал способность автора монографии успешно решать поставленные перед ним научные задачи, приветствовал стремление Троицкого развеять сложившиеся в отечественной историографии субъективистские суждения и утверждать собственную точку зрения на спорные вопросы.

Но узкие рамки используемой Н.А. Троицким методологии, как это отмечалось в статье, все же ограничили новаторское рассмотрение поднятых аспектов. Одновременно подчеркивалось, что автор рецензируемого труда сам до конца не освободился от стереотипного мышления. Под таким углом зрения оппонент подверг сомнению правомерность выводов, представляющих классиков марксизма-ленинизма как крупных специалистов в военно-исторической науке. Определенные нарекания были высказаны по поводу приверженности Н.А. Троицкого к общепринятой классификации отечественной историографии по социально-классовому признаку господствовавших концепций¹.

В рецензии критиковались и некоторые другие положения книги. Например, высказывались сомнения в правильности применения понятия «контрнаступление» к боевым действиям русской армии на заключительном этапе войны². Подчеркивалось, что, как и в предшествующих трудах, Н.А. Троицкий предвзято оценил роль классов и сословий в достижении победы над Наполеоном³.

Указав на ряд спорных моментов фактического порядка, в завершении своего разбора, В.М. Безотосный отметил, что в сочинении имеется база для кардинального пересмотра общих представлений об эпохе 1812 г., скрепленных мощными авторитетами и долголетней традицией. Главная же заслуга Н.А. Троицкого представлялась критику в его попытках «очистить» марксистское направление в историографии 1812 г. от накопившихся пороков. Но вместе с тем оппонент склонялся к бесперспективности дальнейшего развития указанной научной школы в историографии 1812 г. «Приведенные в книге факты, – подчеркивал Безотосный, – помимо авторской воли, зачастую выносят приговор марксистскому объяснению истории»⁴.

В общем ряду полемических статей, появившихся в печати в тот период, рецензия В.М. Безотосного выгодно отличалась корректностью, обстоятельностью, взвешенностью и продуманностью сделан-

¹ См.: Безотосный В.М. [Рецензия] // Отечественная история. 1993. № 2. С. 203–207. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. Саратов, 1991. С. 205.

² См.: Там же. С. 205–207.

³ См.: Там же. С. 206.

⁴ См.: Там же. С. 208.

ных в ней суждений и выводов. В письме к автору настоящей монографии Н.А. Троицкий особо выделил эту статью среди ряда других критических отзывов о его научном творчестве, на которые он не отвечал, полагая недостойным для себя «опуститься до уровня своих оппонентов»¹. Однако и в случае с рецензией Безотосного маститый историк посчитал, что «отвечать на нее не было смысла», ибо «настолько разные методологические позиции... в самом подходе к нашей теме»², делали такую полемику принципиально невозможной. «Если я (как мне думается) отчасти понимаю его (В.М. Безотосного. – *И. Ш.*), то он меня понять не сможет», – отмечал Троицкий³.

Однако в дальнейшем историк корректировал или отстаивал свои взгляды с учетом рецензии В.М. Безотосного. Например, он отошел от категоричных оценок историографии по социально-классовому типу, стилистически подчеркивая условность принятого деления литературы на дворянскую и либерально-буржуазную. Прямым следствием публикации упомянутой рецензии является его полемика с Безотосным по вопросу о применении термина «контрнаступление».

Поднятые в начале 90-х годов в монографии Н.А. Троицкого и в дискуссии историков актуальные вопросы отечественной историографии продолжали обсуждаться и в начале XXI в.

На рубеже столетий к актуальным проблемам современной российской историографии 1812 г. вновь обратился Б.С. Абалихин⁴. Важность своей новой работы, опубликованной уже после смерти историка, он увязывал с переходным положением историографии. Ученый признал, что в советский период существовало негласное монопольное право на истину о 1812 г., представленное далеко не безупречными трудами П.А. Жилина. Однако в критическом переосмыслении официальной концепции войны исследователь увидел другую опасность. По его мнению, «опьяненные свободой... некоторые историки ударились в другую крайность – очернительство всего и всех»⁵. Именно с таких позиций Б.С. Абалихин оценил научную деятельность Н.А. Троицкого, которого в очередной раз обвинил в

¹ Письмо Н.А. Троицкого – И.А. Шеину от 18 ноября 2002 года // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Троицкий Н.А. Современная историография Отечественной войны 1812 года: новое в научной полемике и этике // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Материалы всерос. науч. конф. Саратов: 30 мая – 1 июля 2002 г. Саратов, 2002. С. 85.

³ Письмо Н.А. Троицкого – И.А. Шеину от 18 ноября 2002 года.

⁴ См.: Абалихин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000.

⁵ См.: Абалихин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. С. 9.

пристрастности и предвзятости. Наиболее жестко Абалихин критиковал Троицкого за его сомнения в превосходстве полководческого мастерства Кутузова над военным искусством Наполеона. Основное содержание книги, по сути, направлялось на доказательство несостоятельности этой мысли.

Одновременно историк рассмотрел и другие злободневные, на его взгляд, аспекты истории Отечественной войны 1812 года, вызвавшие острые споры на научных форумах и в периодической печати. В живой полемике со своими оппонентами Б.С. Абалихин постарался дать собственное понимание дискуссионных вопросов, показать несостоятельность взглядов своих критиков.

Анализ содержания монографии свидетельствует о стремлении ее автора к синтезу старых концептуальных положений с новыми идеями. Такой методологический подход вызвал противоречивые мнения у рецензентов. Например, в предисловии В.Г. Сироткина¹ отмечен новаторский характер труда, его полезность для системы среднего и высшего образования, для всех, кто интересуется героическим прошлым нашей Родины. Такое заключение свидетельствовало о признании важности концептуальных взглядов Абалихина для практики военно-патриотического воспитания молодого поколения россиян.

С.А. Малышкин и А.А. Орлов оценили работу критичнее. Они отметили стремление автора к объективному отображению роли М.И. Кутузова в Бородинском сражении, но указали на непоследовательность и даже на противоречия авторского повествования при раскрытии данного вопроса². Рецензенты нашли поводы для критики авторских взглядов на планы отступления Наполеона из Москвы в южные губернии России, связав их с недостатком беспристрастности при анализе первоисточников. Признавая право автора на собственную концепцию развития событий войны 1812 года на ее заключительном этапе, критики считали неоправданным говорить о контрнаступлении русской армии. Они высказали сомнение в правомерности использования в качестве доказательной базы идеологические публикации, подготовленные Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и официальные статьи, написанные в период культа личности Сталина. По их мнению, эти работы на сегодняшний день утратили научный авторитет. В целом рецензенты пришли к выводу о «гиперболизации автором роли Кутузова в войне»³.

¹ См.: Сироткин В.Г. Новое о «Грозе 12-го года»: Вместо предисловия // Абалихин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. С. 5–8.

² См.: Малышкин С.А., Орлов А.А. [Рецензия] // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 164–167. Рец. на кн. Абалихин Б.С. 1812 год: актуальные проблемы истории. Элиста, 2000.

³ См.: Там же. С. 166.

Гораздо более категорично отозвался о новой работе Б.С. Аба-лихина, Н.А. Троицкий, который в выступлении на научной конфе-ренции 2002 г. в Саратове упрекнул В.Г. Сироткина, С.А. Ма-лышкина и А.А. Орлова в необъективности их оценок. С учетом мнe-ния А.Г. Тартаковского, Троицкий подчеркнул низкий профессио-нальный уровень Абалихина как ученого, указав на «амбициозную категоричность при малой компетентности и большой предвзятости» содержания данного труда. С трибуны научного форума он в очеред-ной раз жестко высказался об «умозаключениях Абалихина» по клю-чевым аспектам историографии¹.

Через десять лет после выхода своей первой историографической монографии в Саратове и в последующих работах Н.А. Троицкий продолжал анализировать современное состояние историографии войны 1812 г.² В качестве важнейшего условия современного разви-тия темы он не без основания отметил «почти абсолютную свободу слова... для ученого люда», отсутствие цензурных ограничений для полемики, позволяющее высказывать любые, даже вздорные, по-шлые и халтурные суждения. Данное обстоятельство, с точки зрения ученого, привело к смещению научной критики сверху вниз: если раньше критика научных воззрений историков осуществлялась сверху «в угоду “верхам”», то в постсоветской историографии истори-ки критикуют друг друга, «воспринимая позицию оппонентов в меру собственной профессиональной и нравственной достаточности или испорченности»³.

Н.А. Троицкий подчеркнул, хотя и с некоторыми оговорками, определенный прогресс в изучении «Двенадцатого года». Однако обще-е мнение Троицкого сводилось к необходимости обновления и углубления истории Отечественной войны 1812 года, как исследова-тельской проблемы. Такой обобщающий вывод аргументировался острым критическим разбором новейших на тот период работ Б.А. Абалихина, И.А. Андриановой, Л.И. Ивченко, В.Г. Сироткина, Б.П. Фролова, А.В. Шишова и некоторых других. Одновременно

¹ Троицкий Н.А. Современная историография Отечественной войны 1812 г.: новое в научной полемике и этике // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года: Материалы Всероссийской научной конфе-ренции. Саратов 30 мая – 1 июня 2002 г. Саратов, 2002. С. 81–83.

² См.: Троицкий Н.А. Современная историография Отечественной вой-ны 1812 г.: новое в научной полемике и этике. С. 79–84; Его же. Фельдмар-шал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 11–50; Его же. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 71–93.

³ См.: Троицкий Н.А. Современная историография Отечественной вой-ны 1812 г.: новое в научной полемике и этике. С. 79.

указывалось на ошибочность некоторых авторских суждений в подготовленной и опубликованной в 2004 г. под руководством В.М. Безотосного энциклопедии «Отечественная война 1812 года». Свое преимущественно критическое, а не похвальное отношение к новейшим публикациям Троицкий объяснял, ссылаясь на образное выражение М.Е. Салтыкова-Щедрина, необходимостью иметь в отечественной историографии «дезинфицирующее начало». А поскольку, как признавал сам историк, «желающих выступить в сколько-нибудь похожей роли не нашлось, [он] взял эту неблагодарную, ...неблаговидную роль на себя, рискуя, конечно, обзаводиться недругами даже из числа бывших друзей»¹.

В начале XXI столетия, собственное комплексное изучение историографии Отечественной войны 1812 года от появления первых публицистических статей до современных работ (2002 г.) провел и автор настоящей монографии. Результатом научных поисков, сопряженных с активным изучением комплекса архивных историографических документов, стали журнальные публикации, а также изданная в 2002 г. в Военном университете монография на тему: «Война 1812 года в отечественной историографии»². Вышедшая небольшим тиражом (300 экз.), она разошлась преимущественно среди специалистов, (распространялась частным порядком на конференции в Бородинском музее-заповеднике), но какого-либо резонанса в научном сообществе не вызвала (вероятно, в связи с отсутствием в ней резко критических оценок и суждений о работах современных авторов). Рецензий и критики в научной периодике на данную работу не последовало.

Однако в частном порядке монография была положительно оценена некоторыми ведущими исследователями темы. Так, «приятное

¹ См.: Троицкий Н.А. Современная историография Отечественной войны 1812 г.: новое в научной полемике и этике. С. 87.

² См.: Шеин И.А. Научное наследие Е.В. Тарле: история одной публикации // Отечественные архивы. 2000. № 5. С. 36–46; Его же. Академик Е.В. Тарле и власть: письма историка И.В. Сталину и Г.М. Маленкову. 1937–1950 гг. // Исторический архив. 2001. № 3. С. 98–110; Его же. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930–1950-х гг. // Отечественная история. 2001. № 6. С. 97–108; Его же. 1812 год в военной историографии в канун 100-летней годовщины Отечественной войны // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сборник материалов: К 190-летию Отечественной войны 1812 года (I); Труды ГИМ. Вып. 132. М., 2002. С. 268–293; Его же. Некоторые методологические аспекты историографии Отечественной войны 1812 года // Там же. (III); Вып. 142. М., 2004. С. 249–270; Его же. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Военный университет, 2002; и др.

удивление и удовольствие» от прочтения данной монографии испытал, по его собственному признанию, В.Н. Земцов. В своем письме к А.А. Смирнову он отметил, что «книга И.А. Шеина, ...от которой [я] многого не ожидал, весьма неплоха». В качестве достоинств нового труда историк указал на авторскую периодизацию отечественной историографии, освещение и уточнение многих ранее неизвестных или малоизвестных фактов и высокий профессиональный уровень исследования. При этом В.Н. Земцов особо подчеркнул совпадение точек зрения автора монографии с его собственными взглядами: «Многие вещи прямо накладывались на мой материал по русской историографии, опубликованный в “Великой армии...”»¹

В целом положительно оценил монографию в переписке с автором и Н.А. Троицкий. Как отмечалось в одном из писем известного историка, труд ему понравился «масштабностью и стремлением к объективности, и (не скрою) близостью к моей [Н.А. Троицкого] позиции, хотя он и не бесспорен (как, впрочем, любое историческое исследование)». Автору монографии было указано на ряд спорных моментов в работе². Критические замечания были учтены и необходимые изменения внесены в содержание развернутого до уровня диссертации научного труда. В дальнейшем Троицкий уже публично дал положительную оценку монографии И.А. Шеина, оценив ее как «самое обстоятельное из всех существующих исследований историографии “Двенадцатого года”»³.

Проведенное автором настоящей монографии комплексное изучение историографии Отечественной войны 1812 года завершилось защитой в 2003 г. в диссертационном совете по историческим наукам при Военном университете докторской диссертации⁴. В официальных отзывах на содержание диссертации и на автореферат (в т. ч. и в отзыве Н.А. Троицкого) не было высказано принципиальных критических замечаний и, в целом, давалась положительная оценка проделанной работе. Однако в ходе защиты некоторые из негативно относящихся к пересмотру советской историографии членов диссертационного совета, признавая актуальность и основательность проведенного исследования, высказали по этому поводу ряд собственных

¹ См.: Письмо В.Н. Земцова – А.А. Смирнову от 23.09.2002 г. [Ксерографическая копия] // Личный архив И.А. Шеина.

² Письмо Н.А. Троицкого – И.А. Шеину от 18.XI. 2002 г. // Личный архив И.А. Шеина.

³ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 83.

⁴ См.: Шейн И.А. Отечественная война 1812 года: историографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. М.: Военный университет, 2003.

суждений. Тем не менее авторские концептуальные подходы к анализу исследуемой проблемы не вызвали серьезных возражений. Выступивший в ходе научной дискуссии В.М. Безотосный привел свои доводы в поддержку диссертанта, отметив, что его защита «во многом поднимает научный авторитет не только самого соискателя, но и той организации, которая его подготовила»¹.

Официальную положительную оценку диссертация получила в бюллетене Высшей аттестационной комиссии после ее изучения рецензентами ВАК. Однако при этом подчеркивалось, «что еще рано говорить о разрушении устоявшейся исторической концепции нашествия Наполеона на Россию...»².

Количественные и качественные изменения, происходившие в изучении Отечественной войны 1812 года в 90-е годы XX – начале XXI в., способствовали дальнейшему усилению тенденции расширения масштабов и тематики собственно историографических исследований на уровне научных статей и кандидатских диссертаций.

Среди новейших работ, показывающих особенности развития историографии темы в целом, ее достижения и недостатки на современном этапе российской исторической науки, можно отметить кандидатскую диссертацию Л.И. Агронова, а также обобщающие статьи В.М. Безотосного, Л.В. Выскочкова, В.Н. Земцова, Л.Л. Ивченко, А.И. Попова³.

¹ Стенограмма заседания диссертационного совета по историческим наукам при Военном университете от 26 февраля 2003 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Шейн И.А. «Отечественная война 1812 г.: историография проблемы» // Бюллетень ВАК. 2004. № 2. С. 13.

³ См.: Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2007; Безотосный В.М. О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IV.: Сб. материалов: К 200-летию Отечественной войны 1812 г. // Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 147. С. 294–311; Выскочков Л.В. Итоги и проблемы изучения Отечественной войны 1812 года // 1812 год в судьбах России и Европы: Сб. трудов Междунар. науч. конф. СПб., 2012. С. 64–74; Земцов В.Н. Историография Отечественной войны 1812 года: 200 лет поиска истины // IMAGINES MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Екатеринбург, 2010. Вып. 4. № 7. С. 105–117; Его же. Вместо заключения // Французский ежегодник 2013. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/fe2013-oglav.html#Editorial> (дата обращения: 02.10.2013 г.); Ивченко Л.Л. Бородинское сражение: историография, источники, проблемы исторической реконструкции. Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2005; Ее же. Историография Отечественной войны 1812 г. накануне юбилея события // 1812 год: люди и

В начале XXI столетия получила развитие комплексная историографическая разработка отдельных аспектов истории Отечественной войны 1812 года. Она нашла свое отражение в работах Е.И. Бабакиной, Т.А. Лепешинской, М.Г. Лобачковой, А.И. Прохоровской, С.Д. Сахончик и др.¹

события великой эпохи: материалы Международной научной конференции: Москва, 23 апреля 2010 г. М., 2010. С. 3–21; Ее же. Историография Отечественной войны 1812 года: 200-летний юбилей события // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года: [Сб.] / Фонд ист. перспективы; [сост. Е.Н. Рудая]. М., 2012. С. 170–216; Ее же. Проблемы и особенности современной российской историографии наполеоновских войн [Рукопись статьи] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина; Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сб. материалов XVII Всероссийской научной конференции 24 октября 2009 г. / Малоярославецкий военно-исторический музей 1812. Малоярославец, 2009. С. 8–20; Его же. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года // Самарская губерния: история и культура. URL: <http://www.gubernya63.ru/history/materials/ob-itogah-i-perspektivah-izuchenija-vojny-1812/> (дата обращения: 11.08.2013 г.); Его же. Современная историография Отечественной Войны 1812 г. // Российская государственность: от истоков до современности: Материалы международной научной конференции «Российская государственность: от истоков до современности: к 1150-летию российской государственности». 3–15 сентября 2012 г., Самара. Самара, 2012. С. 159–1691 и др.

¹ Бабакина Е.И. Наполеон Бонапарт и отмена крепостного права в России в отечественной историографии войны 1812 года // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 139–147; Лепешинская Т.А. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» как исторический источник в изображении событий Отечественной войны 1812 г. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006; Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007; Прохоровская А.И. Военно-политическая деятельность Александра I в период борьбы с наполеоновской Францией (1804–1816 гг.): Историографическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Сахончик С.Д. Полководческая деятельность генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.: Историографическое исследование. М., 2011; Ивашко М.И. Российская армия и церковь (XVIII – начало XX в.): Историографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007; Ивченко Л.Л. Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. М., 2003. С. 9–25; Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // Бородино в истории и культуре: Материалы Международной научной конференции 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 217–236; и др.

В ходе совместной работы российских историков все большее признание получала идея о том, что создание многоплановой, научно достоверной картины Отечественной войны 1812 года невозможно без привлечения широкого круга зарубежных источников и литературы. Поэтому, как показал анализ печатных изданий конца 90-х годов, иностранная историография и источниковедение стали предметом особого внимания со стороны современных российских ученых, которые делали собственные попытки всестороннего анализа зарубежных источников и историографии¹. Комплексное исследование зарубежной историографии провел М.В. Шистеров, который в 2009 г. защитил по этой теме кандидатскую диссертацию².

¹ См.: Земцов В.Н. «Английское» Бородино // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2000. С. 25–44; Его же. «Французское» Бородино: французская историография Бородинского сражения // Отечественная история. 2002. № 6. С. 38–51; Его же. «Польское» Бородино: Бородинское сражение в польской историографии // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории: Сб. науч. ст., посвященный 10-летию исторического факультета УрГПУ. Екатеринбург, 2002. С. 207–214; Его же. Наполеоновские войны в британской историографии // Imaginesmundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 2. Альбионика. Вып. 2: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003; Его же. Зарубежная историография Бородинского сражения // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы: Материалы Международной научной конференции. Бородино, 9–11 сентября 2002 г. М., 2003. С. 25–32; Его же. Бородинское сражение в современной зарубежной историографии // Бородино в истории и культуре: Материалы международной научной конференции. Можайск, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 26–33; Его же. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всерос. науч. конф. Бородино, 1998 г. Бородино, 1999. С. 53–73 [далее: Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. (VII)]; Его же. Армия Наполеона в Москве: Обзор французских источников // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сентября 2005 г. М., 2006. С. 17–28; Попов А.И. Немецкие источники о сражении у Малоярославца // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. С. 11–16; Ивченко Л.Л. Влияние французских источников на становление отечественной историографии Бородинского сражения: хронометрия событий // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сентября 2005 г. С. 3–14; и др.

² См.: Шистеров М.В. Отечественная война 1812 года в зарубежной историографии. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

Результаты историографических исследований убедительно свидетельствовали об ошибочности сделанного в 2003 г. официального вывода экспертов ВАК, отрицавшего начало разрушения советской исторической концепции нашествия Наполеона на Россию. Анализ новейшей литературы свидетельствовал об обратном: именно на данном этапе развития историографии ее главной отличительной чертой стала активная работа профессиональных историков по формированию новой исторической концепции Отечественной войны 1812 года. Однако процесс обновления протекал неоднородно и сопровождался борьбой мнений ученых, придерживавшихся различных точек зрения на дискуссионные вопросы.

В целом историографическое направление является наиболее перспективным в современных научных исследованиях, поскольку с его помощью оценивается не только уровень достигнутого научного исторического знания, но и определяются возможности дальнейшего развития исторической науки. В связи с этим можно считать излишне утрированным вывод В.Н. Земцова о том, что «неполезность» работы историографа явно перевешивает «пользу». В ошибочности такого суждения автор настоящей монографии пытался убедить своего коллегу на одном из научных форумов¹.

Рядом с историографическим направлением, близким по значимости для развития современной российской историографии, стоит крупная проблема *разработки современной методологии проведения научно-исследовательских работ*. Отмена идеологических ориентиров в исторической науке в начале 90-х годов XX в. выдвинула ее в число приоритетных задач. К концу этого десятилетия в отечественной научно-исторической мысли обозначился ярко выраженный переход от гносеологического монизма к познавательному плюрализму. В контексте общих методологических аспектов исторической науки был поставлен вопрос о методологии изучения истории и историографии Отечественной войны 1812 года.

Методологический кризис в историографии темы стал ощущаться в начале 90-х годов. Одним из первых его проявлений стала острая дискуссия, развернувшаяся по поводу критической рецензии Н.А. Троицкого на работу Б.С. Абаляхина и Дунаевского². Анализ

¹ См.: Земцов В.Н. Несколько мыслей, возникших при чтении доклада Э.М. Вовси // Французский ежегодник 2011. М., 2011. С. 358–359; Шейн И.А. Выступление на круглом столе «Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии: Материалы «круглого стола» // Там же. С. 385–387.

² См.: Троицкий Н.А. [Рецензия] // Отечественная история. 1992. № 2. С. 195–197. Рец. на кн.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на пере-

публикаций свидетельствует о том, что уже в то время историки понимали невозможность продвижения вперед по пути научного поиска, оставаясь на старых, методологических позициях. Однако варианты решения этой проблемы предлагались разные. Если Н.А. Троицкий продолжал видеть перспективы дальнейшего развития историографии на базе обновленной марксистско-ленинской методологии, то В.М. Безотосный считал ее окончательно изжившей себя. Дальнейшее развитие историографии в начале XXI столетия в определенной степени, подтвердило прогноз Безотосного. Вместе с тем новых методологических концепций пока еще не предлагалось.

Современное состояние историографии свидетельствует о признании большинством специалистов несостоятельности взглядов основоположников марксистско-ленинской теории на войны и социально-политические явления наполеоновской эпохи. Отказ от опоры на высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина привел к разрушению устоявшейся во второй половине XX в. исторической концепции войны 1812 года. Пересмотру подверглись все ключевые аспекты темы.

Между тем наблюдению некоторых исследователей «среди отечественных специалистов, занимающихся проблемами Наполеоновских войн в целом и Отечественной войны 1812 г., в частности, споры о методологических основах исследования – явление нечастое. Затянувшаяся полная неопределенность в этом вопросе... “грозит депрофессионализацией исторического знания”... В нашей среде по-прежнему большим завоеванием считается преодоление идеологической составляющей, которая обозначается как “лжепатриотизм”, который ставится в вину исключительно российским профессиональным историкам, создателям лживого отечественного “официоза”...»¹

Такое положение отчасти объясняется наличием даже среди известных высококвалифицированных исследователей стойкой предубежденности к новейшим методологическим разработкам и их приверженностью к исключительно позитивистским способам познания истории. В этом случае единственно правильной считается принци-

крестках мнений советских историков 1917–1987. М., 1990; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель... С. 188–192; см.: Безотосный В.М. Рец. на кн.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 205–208.

¹ См.: Ивченко Л.Л. Историография Отечественной войны 1812 года накануне юбилея события // 1812 год: люди и события великой эпохи: Материалы Международной научной конференции. Москва, 23 апреля 2010 г. М., 2010. С. 4.

пиальная идея воссоздания объективной картины прошлого путем всестороннего критического изучения «достоверных источников» для обоснования тех или иных концептуальных положений. На этом основании делается вывод о схоластичности методологических дискуссий, их «вторичности, третичности и даже четвертичности по отношению к настоящей исторической науке». Одновременно высказывается мнение о том, что методологическим «словоблудством» занимаются те, кто не может анализировать саму историю, а среди самих историков-профессионалов дурно пахнущее слово “методология” почти не упоминается»¹.

Вряд ли можно признать справедливыми подобные суждения. Возрастающий интерес научной общественности к новым методам исследования Отечественной войны 1812 года наглядно иллюстрируется примером с защитой диссертационного исследования А. Постниковой, выполненной на междисциплинарном методе имагологии². Вот что свидетельствовал по этому поводу научный руководитель диссертантки и непосредственный участник событий В.Н. Земцов: «Попов и Адауров прислали отзывы на диссертацию Постниковой – они оказались настолько неформальными... и настолько важными в плане методологических споров сегодня, что их пришлось зачитать полностью. Зал не проронил ни слова, пока их читали минут 30–40!»³

В целом, соглашаясь с критическими оценками о недостаточном использовании методологических инноваций в изучении событий «эпохи наполеоновских войн», нельзя не отметить дальнейшего совершенствования традиционных позитивистских методов научного исследования и преодоления общепринятых представлений о ремесле историка. Современные аналитики⁴ связывают процесс дальнейшего совершенствования методологии в первую очередь со значи-

¹ Письма А.И. Попова – И.А. Шеину от 08.07.2013 г. и 11.07.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² Имагология – сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи.

³ Письмо В.Н. Земцова – И.А. Шеину от 07 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

⁴ См.: Земцов В.Н. Микроистория изучения Отечественной войны 1812 года // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 32–35; Ивченко Л.Л. Проблемы и особенности современной российской историографии наполеоновских войн [Рукопись статьи.] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

тельным расширением источниковой базы. При этом подразумевается не столько количественное увеличение вводимых в научный оборот ранее неизвестных документальных материалов, сколько принципиально новый подход к самому пониманию источника как носителя разноплановой информации. В данном случае главная задача специалиста представляется в изучении как обстоятельств создания источника, так и личности его создателя. Одновременно предлагается сведения о каждом отдельно созданном источнике вписывать в данные исследований «культурных инвариантов» – образцов сознания и поведения военнослужащих воюющих армий, которые также нуждаются в тщательном научном изучении и осмыслении. Только на этом основании признается возможность выработки непротиворечивого и научно сбалансированного взгляда на историческое явление.

В качестве перспективного направления методологического поиска также указывается на увеличение арсенала новых методов изучения прошлого – от количественных (количественных) до микроисторических. Среди них наиболее актуальными определялись микроистория (дать детальный анализ отдельных «капель» «Грозы Двенадцатого года») и имагология («попытаться в целом понять, как смотрели друг на друга воюющие нации», какие архетипы, стереотипы и образы определяли тогда отношение к «врагу» и к «другу»)¹.

В данном отношении заслуживает внимания первый российский опыт изучения Отечественной войны 1812 года в формате микроистории. Активным разработчиком и проводником этого научного метода стал екатеринбургский профессор В.Н. Земцов².

¹ От редакции // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А.В. Чудинова. М., 2012. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/fe2012-oglav.html#Editorial> (дата обращения: 21.08.2013 г.).

² См.: Земцов В.Н. Наполеон в Бородинском сражении: Опыт микроисторического исследования // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Бородино, 6–7 сентября 1999 г. Можайск, 2000; Его же. Микроистория изучения Отечественной войны 1812 года // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 32–35; Его же. Куда исчезает «микроистория»? Размышления о «незатухающем» споре вокруг московского пожара 1812 года / Урал. гос. пед. ун-т // Региональные модели исторического и профессионального образования: Материалы Восьмых всероссийских историко-педагогических чтений. Екатеринбург, 2004. Ч. 1; Его же. Наполеон в Москве: исторический сюжет на фоне локальной истории и микроистории: Тезисы / Урал. гос. пед. ун-т // Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования: Материалы Девярых всероссийских историко-

По собственному признанию ученого, главный предмет его научной деятельности – Великая армия Наполеона в Бородинском сражении¹ рассматривался им сразу в нескольких плоскостях. Прежде всего, изучался вопрос восприятия и интерпретации сражения разными народами в течение прошедших 200 лет. Причем в данном случае исследование велось на междисциплинарном уровне – на стыке историографии, интеллектуальной истории и исторической памяти. Эти подходы в дальнейшем стали развивать и ученики В.М. Земцова: М.В. Шистеров и А.А. Постникова, проявившие современное понимание того, что принято называть «новой историографией»².

Второй срез научного изучения составил своего рода антропологический портрет армии, сражавшейся под Бородином. Для его воссоздания использовались идеи военно-исторической социологии и военно-исторической психологии. В результате удалось выявить некую предопределенность, заданность действий солдат Великой армии в день сражения.

Наконец, поднимались вопросы собственно микроистории – поведения конкретного человека в конкретных обстоятельствах, где окказиональность проявилась в полной мере, и можно было увидеть «предопределенность и случайность» исхода Бородина. При этом исследователь вновь обратился к тому, как солдаты Великой армии начали осмысливать произошедшее, т. е. к истокам формирования исторической памяти. Таким образом, исследовательская проблематика замыкалась в круг, вновь возвращаясь к вопросам восприятия и интерпретации исторического события³.

Можно согласиться с современными оценками новой методологии В.Н. Земцова, которая рассматривается как «качественно новый уровень понимания событий 1812 г.», позволяющий «подчеркнуть огромную роль человеческого фактора на войне (на примере реконструкции Бородинского сражения)»⁴. Автор настоящей монографии

педагогических чтений. Екатеринбург, 2005. Ч. 2; Его же. Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 4–7.

¹ См.: Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2008.

² См.: Шистеров М.В. Отечественная война 1812 года в зарубежной историографии. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009; Постникова А.А. Великая армия на Березине: событие – память. Екатеринбург, 2013.

³ Письмо В.Н. Земцова – И.А. Шеину от 05 июля 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

⁴ См.: Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 13.

также полностью разделяет позицию тех ученых, которые утверждают многовариантный подход к изучению прошлого, способствующий углубленному познанию исторических событий и явлений.

Особое место в современной методологии отводится изменению содержания и смысла историографических исследований. Совершенно справедливо подчеркивается необходимость перехода от простой констатации историографического факта к выявлению причинно-следственных связей их появления. Достижение этой цели представляется путем воссоздания историографом внутреннего мира их создателей, проникновением в историческую и конкретно-психологическую ситуацию той эпохи, когда писались эти произведения. В рамках подобных суждений представляется важным указать на необходимость дальнейшего расширения источниковой базы историографических разработок. Без изучения эпистолярных источников, стенограмм заседаний ученых и диссертационных советов, рецензий, черновиков рукописей и т. п. по поводу подготовки тех или иных научных трудов историографическое исследование больше напоминает библиографическое описание литературы. Если применить образное сравнение, то сами публикации представляют всего лишь фасад историографии, а главное, что позволяет выявить мотивацию их написания и, таким образом, воссоздать наиболее объективную картину развития исторической научной мысли, скрыто в переписке, свидетельствах очевидцев событий, обсуждениях, рецензиях и т. д.

Рассматривая актуальные вопросы методологии историографического исследования, следует обратить внимание и на практически не разработанный в теоретическом плане вопрос о ее периодизации. На стадии формирования современной российской исторической науки в работах 90-х годов без особых изменений воспроизводилась советская периодизация историографии Отечественной войны 1812 года, построенная на различном понимании роли классов и социальных групп в войне¹. Однако уже тогда некоторые исследователи стали задумываться о порочности и неадекватности истинному положению вещей принципа деления отечественных школ по классовому при-

¹ См.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. С. 4–13; Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 12, 21, 29; Попов А.И. Кто был зачинателем «народной войны» в 1812 году? // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы III Научной конференции. Москва, 27 апреля 2000 г. М., 2000. С. 75–77; Бессонов В.А. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. С. 2–3.

знаку. Одним из первых против подобной систематизации выступил В.М. Безотосный, который заметил, что «многие историки никак не вписываются в прокрустово ложе» общепринятой схемы¹. Замечания Безотосного были замечены и, отчасти, приняты во внимание даже историками, причисляющими себя к сторонникам ортодоксального марксизма. Например, Н.А. Троицкий в контексте критики В.М. Безотосного в одном из своих современных трудов фразеологически признал условность деления дореволюционной историографии на «официально-дворянскую» и «либерально-буржуазную»².

Сегодня в историографии Отечественной войны 1812 года констатируется полное отсутствие отголосков былой идеологической борьбы и переход к попыткам беспристрастного освещения истории, хотя не отрицается концептуальное противостояние национальных историографий, наличие у исследователей стереотипного мышления, избирательного отношения к историческим фактам³.

В связи с этим предложенная автором настоящей монографии периодизация отечественной историографии на «досоветский», «советский», «постсоветский» («современный») периоды⁴ для некоторых исследователей представляется «весьма удачной». В целом, соглашаясь с такой периодизацией, в конкретных случаях предлагается несколько иное разделение этих периодов на этапы⁵. Несомненно, что конкретизация хронологических рамок историографических периодов связана с определенными сложностями, требующими всестороннего учета различных факторов, условий и обстоятельств. Но даже их всесторонний анализ позволяет выделять периоды и этапы в развитии исторической науки лишь условно.

¹ См.: Безотосный В.М. [Рецензия] // Отечественная история. 1993. № 2. Рец. на кн.: Н. А. Троицкий. Отечественная война 1812 года: история темы. Изд-во Саратовского ун-та, 1991. С. 204–205.

² См.: Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 16, 21.

³ От редакции // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А.В. Чудинова. М., 2012. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/fe2012-oglav.html#Editorial> (дата обращения: 21.08.2013 г.).

⁴ См.: Шеин И.А. Некоторые методологические аспекты историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 г. Исследования. Источники. Историография: Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 142. С. 249–270.

⁵ См.: Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 г.: на материалах Среднего Поволжья. Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007. С. 4.

В завершение характеристики современных методологических проблем изучения Отечественной войны 1812 года следует указать на неправомерность нигилистического отношения к любым научным методологическим системам. Как показывает научная практика, в каждой из них можно найти рациональные зерна. Именно на этой основе возможна интеграция позитивистских и постмодернистских методологических подходов, уже получившая свой первый положительный опыт в российской исторической науке. Руководствуясь этим основополагающим принципом едва ли можно считать объективной достаточно распространенную обобщающую оценку советской историографии, согласно которой «извращенное марксистско-ленинское классовое мышление» заставило советских авторов идти против «всяких факторов и элементарной логики»¹. Представляется важным в новейшей историографии не отказываться от достижений диалектико-материалистической методологии, основные положения которой, преодолев догматизм, позволяют объективно и всесторонне оценивать исследуемые исторические события, явления и процессы. Одновременно на этом основании можно признать правильным дальнейшую разработку новых методологических подходов к изучению истории и историографии Отечественной войны 1812 года.

Характеризуя современное состояние российской историографии Отечественной войны 1812 года, следует отметить многоплановость авторских подходов к освещению ключевых аспектов темы и разнообразность научного уровня исследовательской работы. Эта особенность современного развития исторической науки хорошо прослеживается при анализе *обобщающих работ*, отражающих в концентрированном виде концептуальные взгляды на «Эпоху двенадцатого года». Анализ содержания комплексного научного исследования и публикаций В.М. Безотосного, Е.Н. Панасенкова, О.В. Соколова, Н.А. Троицкого, некоторых коллективных трудов², свидетельствует о различной степени научного осмысления исследуемой проблемы, а также о существенных отличиях в понимании авторами основных положений современной концепции этой войны.

¹ См.: Попов А.И. Кто был зачинателем «народной войны» в 1812 году? С. 88.

² См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007; Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010; Его же. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013; Понасенков Е.Н. Правда о войне 1812 года. М., 2004; Соколов О.В. Битва двух империй. 1805–1812. М., 2012; Митрошенкова Л.В., Львов С.В., Монахов А.Л. Отечественная война 1812 года. М., 2010; Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812) / Алексеев Ю.А., Ковалев В.Е. и др. М., 2012.

В общем ряду представленных работ новизной общего методологического подхода отличаются монография и подготовленная на ее основе докторская диссертация В.М. Безотосного. Историк отошел от традиционного для отечественной историографии взгляда на войну 1812 года как эпохального, но все же особо выделяемого из контекста европейской истории вооруженного конфликта. Противоборство России и Франции показаны Безотосным с точки зрения защиты российской стороной своих национальных интересов, но все же в рамках общеевропейского исторического процесса. Такой взгляд на участие России в разрешении европейских противоречий начала XIX столетия дал исследователю основание указать на коалиционный характер наполеоновских войн и назвать их «первой мировой войной или ее репетицией»¹.

Подобная интерпретация истории, по мнению некоторых специалистов, перекликается с общей концепцией британского историка Д. Ливена и воплощает в себе «идею создания обобщающих трудов по Отечественной войне 1812 года, в которых предложен своего рода итог научных представлений о давних событиях в год празднования 200-летнего юбилея»².

Взгляд на историю Отечественной войны 1812 г. в контексте международных отношений, столь успешно представленный в трудах В.М. Безотосного, нашел развитие в его последующих работах и в какой-то мере рассматривался другими исследователями, избравшими в качестве предмета изучения дипломатию или другие европейские государства³.

¹ См.: Безотосный В.М. Наполеоновские войны. М., 2010. С. 5.

² См.: Ивченко Л.Л. Отечественная война 1812 года глазами британского исследователя [Рукопись статьи.] [Электронный ресурс] // Из личного архива И.А. Шенина.

³ См.: Бухарина А.Ю. Зарождение и сущность идеи Священного Союза // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 151–154; Крылова Н.Б. Русско-австрийские отношения накануне и в начале Отечественной войны 1812 г., 1810 – июль 1812 г. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2002; Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I: дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., 2003; Лапонов А.В. Англо-русские отношения в связи с французской экспансией, 1798–1805 годы. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001; Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2004; Прокопов С.В. Пруссия на Венском конгрессе 1814–1815 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005; Панченко А.А. Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2007; Жучков К.Б. Военно-политическое противостояние России и Франции в декабре 1812 – феврале 1813 г. Дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2010; Безото-

В постсоветской историографии *предметом особого изучения стала русская императорская армия*. Эта тема рассматривалась как в обобщающих, так и специальных научных трудах, освещающих отдельные стороны строительства вооруженных сил. Повышенное внимание современных исследователей к армейским вопросам в определенной степени было обусловлено их относительной малоизученностью в советской историографии¹. Советские историки, опираясь на социально-классовые оценки русской армии начала XIX в. как реакционного политического института самодержавной России, либо уходили от углубленного изучения армейских проблем, либо предпочтительно старались показать их негативные стороны.

С начала 90-х годов и до настоящего времени тема русской армии накануне и во время Отечественной войны 1812 года выдвинулась в число приоритетных. Вопросы подготовки армии к войне с Наполеоном стали рассматриваться как составная часть военной реформы, а ее общее состояние оцениваться в духе новых цивилизационных подходов, получивших развитие в исторической науке после распада СССР².

Современные историки уточнили вопросы комплектования, численности, общего состава, потерь и некоторые аспекты региональной подготовки резервов для войск³. Исследовался национальный и социальный состав генералитета и офицерского корпуса, их участие в

сный В.М. Россия и Европа в эпоху 1812 года: стратегия и геополитика. М., 2012; и др.

¹ В советской историографии общее состояние русской армии дано в монографии Л.П. Богданова: Богданов Л.П. Русская армия в 1812 году. М.: Воениздат, 1979.

² См.: Русская армия 1812–1814 / В.М. Безотосный, А.А. Васильев, А.М. Горшман и др. М., 1999; Безотосный В.М. На пути к реформам: русская армия в начале царствования Александра I // Россия и Франция в начале XIX столетия: Просвещение. Культура. Общество. М., 2004; Коваленко А.Ю. Военные реформы в России в первой четверти XIX века. Дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2004; Шаров Д.М. Деятельность императора Александра I по укреплению русской армии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; и др.

³ См.: Шведов С.В. Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005; Русская армия в июне 1812 г. / сост. А.А. Подмазо // 1812: интернет проект. URL: http://www.museum.ru/MUSEUM/1812/War/Sostav_rus/index.html (дата обращения: 15.10.2013 г.); Российская армия в начале Отечественной войны 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Биографический словарь. Б. М., 2011. С. 331–345; Рахимов Р.Н. Подготовка резервов для русской армии в 1812 году оренбургским военным губернатором Г.С. Волконским // Отечественная война 1812 года и российская провинция

Бородинском сражении, вопросы организации быта и повседневной жизни офицерского состава¹.

Специальные работы посвящались изучению отдельных родов войск², взаимоотношениям армии с Русской православной церковью, вопросам религиозно-нравственного воспитания военнослужащих и морально-психологической подготовки войск³, организации снабжения и тылового обеспечения накануне и в ходе ведения военных действий⁴.

в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской науч. конф. Малоярославец, 2009. Вып. XVII. С. 176–186; и др.

¹ См.: Бездотосный В.М. Национальный состав российского генералитета 1812 г. // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 60–71; Его же. Армейский генералитет в правление императора Александра I // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. III; Труды ГИМ. М., 2004. Вып. 142. С. 27–58; Его же. Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 г. // Там же. М., 2002. Вып. 132. С. 7–46; Целорунго Д.Г. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Целорунго Д.Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения: Историко-социологическое исследование. М., 2002; Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008; Рахимов Р.Н. Офицеры Уфимского пехотного полка в Бородинском сражении // Братство, скрепленное кровью: Сб. ст. и очерков. Уфа, 2007. С. 29–40.

² См.: Бегунова А.И. Сабли остры, кони быстры: из истории русской кавалерии. М., 1992; Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996; Львов С.В. Армейские уланы России в 1812 году. М., 2002; Рахимов Р.Н. История Уфимского пехотного полка. 1796–1833. Уфа, 2004; Широкоград А. Бог войны 1812 года: артиллерия в Отечественной войне. М., 2012; Львов С.В. Уланские полки Российской Армии в 1812 году. М., 2010; и др.

³ См.: Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота, 1800–1917 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1999; Ивашко М.И. Российская армия и церковь (XVIII – начало XX в.): Историографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007; Мельникова Л.В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; Тажиев А.К. Морально-психологическая подготовка военнослужащих Русской армии в первой половине XIX в.: Историческое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁴ См.: Гаврилов С.В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг.: Исторические аспекты. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; Рахимов Р.Н. Тыл и тяготы войны: взаимоотношения крестьян и национальной конницы в невоенных условиях в 1807–1812 гг. // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX веков: макро- и микропроцессы: Сб. ст. Оренбург, 2010. С. 448–454; Кузьмин А.А. Тыловое обеспечение русской армии в Оте-

В работах, посвященных казачеству и национальным вооруженным формированиям, создавалась более достоверная картина участия в войне иррегулярных войск¹. Например, исследованиями В.М. Безотосного были значительно расширены современные представления о генералах Донского войска, боевая деятельность и уклад жизни которых оставались неизвестными даже для многих специалистов-историков².

В фокусе авторского внимания оказались не только персоналии и традиции донской старшины, но и другие относительно неисследованные и дискуссионные аспекты военно-исторической проблематики войны 1812 года: место и роль корпуса М.И. Платова в боевых действиях 2-й Западной армии, участие казачьей конницы в Бородинском сражении и в период отступления французских войск из Москвы, «дуваные» обычаи казаков и возникавшие в связи с ними недоразумения с местным населением, страдавшим от прямых поборов не только иррегулярных, но и армейских частей, и др.

чественной войне 1812 г.: Историческое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; и др.

¹ Соловьева С.В. Войско Донское в период войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1995; Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: Малоизвест. и неизвест. факты на фоне знаменитых событий. М., 1999; Рахимов Р.Н. Башкиры в наполеоновских войнах: взгляд с противоположной стороны // Археография Южного Урала: археографические исследования в XXI веке: Материалы X Межрегиональной научно-практической конф. Уфа, 2010. С. 193–200; Его же. Тептярские полки в Отечественной войне 1812 года // «Любезные вы мои...»: Сб. ст. Уфа, 1992. С. 65–74; Его же. Башкирские полки в 1812 году в современной историографии: от мифов к истории // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XV Междунар. науч. конф., 9–11 сентября 2008 г. Можайск, 2009. С. 246–254; Его же. 1-й Башкирский полк в Отечественной войне 1812 года // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Материалы II Междунар. науч. конф. Бородино, 3–5 сентября 2007 г. Можайск, 2008. С. 283–292; Его же. История тептярских конных полков. 1790–1845. Уфа, 2008; Говорова А.В. Черноморское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2009; КОРТУНОВ А.И., РАХИМОВ Р.Н. Аннотированная хроника военной службы народов Урала в XVI–XIX вв. Уфа, 2009; ДЖЕСЮПОВ Э.С. Национальные воинские формирования русской армии в начале XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; и др.

² См.: Безотосный В.М. Атаман Платов в 1812 году // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 130–146; Его же. Атаман М.И. Платов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (VI). С. 3–10; Его же. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М., 1999.

Интересные аналитические наблюдения В.М. Безотосного значительно обогатили отечественную историографию новыми, более объективными представлениями об участии Войска Донского и его верхушки в Отечественной войне 1812 года, во многом освободив их от пристрастного отношения предшествующих историков.

Новым в изучении русской армии стал вопрос о судьбах солдат и офицеров, оказавшихся во французском плену¹. Эта тема содержит большой исследовательский потенциал и требует дальнейшей разработки в виде комплексного научного исследования на уровне диссертационной работы.

Самостоятельное направление в постсоветской историографии связано с *исследованием организации и ведения военных действий русской армии* в 1812 г. В рамках указанного направления отдельные публикации были посвящены разработке стратегического плана ведения войны русским командованием². Данная тема нашла также свое отражение в содержании ряда общих работ и научных статей³. Исследователи придерживаются различных точек зрения на стратегические планы русского командования, но все большее число специалистов принимают версию преднамеренного стратегического отступления русской армии вглубь своей территории («скифский план ведения войны»).

В последние десятилетия новые трактовки получили практически все крупные сражения Отечественной войны 1812 года.

Особое место в изучении военных действий занимает Бородинское сражение. Это центральное событие войны активно освещалось в

¹ См.: Попов А.И. Русские военнопленные в 1812 г. // Император. 2002. № 3. С. 7–12; Назарян Е.А. Судьбы русских военнопленных 1812 года. Обнинск, 2012;

² См.: Шведов С.В. О дальнейшем отступлении «...не было и помышления»? // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 25–30; Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году М., 2005; Безотосный В.М. Русский план военных действий в 1812 г.: Анализ прямых и косвенных источников // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. VI. Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 166. С. 109–127.

³ См., напр.: Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М., 2001 С. 306–307; Безотосный В.М. Наполеоновские войны. С. 135–140; Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812). С. 49–63; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 130–132. Шведов С.В. Москва в Отечественной войне 1812 года: «Западня для Наполеона» // Отечественная война 1812 года в судьбе России: Материалы межвузовской научной конференции 17 мая 2012 г. М.: ВУ, 2012. С. 159–174; 1812 г. Московский календарь / сост. В.М. Хлесткин. М., 2012. С. 8; и др.

постсоветской историографии 90-х годов прошедшего столетия¹ и не потеряло своей актуальности до настоящего времени².

В качестве современных особенностей изучения Бородинского сражения можно отметить повышенный интерес к морально-психологическому состоянию личного состава противоборствующих сторон, активное введение в научный оборот иностранных источников и сближение позиций российских историков с выводами зарубежной историографии.

Однако общее мнение историографов³ и историков сходится на том, что, несмотря на обширную литературу, до настоящего времени

¹ По данным А.В. Горбунова в 90-е годы XX в. написано более 40 работ, посвященных Бородинскому сражению. Наиболее значительные из них – монографии и статьи А.А. Васильева, А.И. Попова, В.Н. Земцова, Л.Л. Ивченко, С.В. Шведова и др. См.: Горбунов А.В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 гг.) // Воинский подвиг защитников Отечества: Традиции, преемственность, новации: Материалы Межрегиональной научно-практической конф. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 135.

² Земцов В.Н. Великая армия в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001; Его же. Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и наполеоновские войны. Битвы, поля сражений, мемориалы. М., 2003. С. 46–64; Его же. Бородино: северный фланг. М., 2008; Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино: южный фланг. М., 2009; Их же. Бородино: центр. М., 2010; Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: Историко-социол. исслед. М., 2002; Ивченко Л.Л. Бородино: легенда и действительность. М., 2002; Ее же. Бородинское сражение: Историография, источники, проблемы исторической реконструкции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Ее же. Бородинское сражение: История русской версии событий. М., 2009; Грюнберг П.Н. О численности Великой армии в сражении при Бородине // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы V Всероссийской научной конференции. Москва, 25 апреля 2002 г. М., 2002. С. 45–71; Его же. О десяти аргументах А.И. Попова, а также о том, кто такой «генерал Охс» // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VII Всероссийской научной конференции. Москва, 23–24 апреля 2004 г. М., 2004. С. 180–202; Казанцев М. О тактическом плане Кутузова в Бородинском сражении [Электронный ресурс] // 1812 год: интернет-проект: 2004. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Kazantsev/> (дата обращения: 9.10.2011 г.); Его же. Бородино: Замечания и мнения по некоторым вопросам [Электронный ресурс] // 1812 год: интернет-проект: 2010. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Kazantsev1/>. (дата обращения: 9.10.2011 г.); Юлин Б.В. Бородинская битва. М., 2008; Вдовин Н.И. Бородино. М., 2008; Хлесткин В.М. Канун Бородина: [Военно-исторический очерк]. М., 2008; 1812. Бородинская битва. М., 2009; Митрошенкова Л.В. На Бородинском поле. М., 2009; и др.

³ См.: Горбунов А.В. Бородинское сражение в новейшей отечественной историографии (1989–1999 годы) // Воинский подвиг защитников Отечества... С. 135–143; Земцов В.Н. Бородинское сражение в современной зару-

достоверная картина генерального сражения пока еще окончательно не воспроизведена. Некоторые из исследователей считают, что этот недостаток определялся не только факторами политического свойства, но рядом других объективных и субъективных причин. По результатам новых исследований вносятся существенные коррективы в традиционные точки зрения. Это касается устоявшихся мнений о расположении русских войск, о месте и роли в Бородинском сражении Шевардинского редута, об инженерном оборудовании Бородинской позиции, о замысле Наполеона, о ходе борьбы за Семеновские флеши, Курганную высоту, на Старой смоленской дороге, об итогах кавалерийского рейда Ф.П. Уварова и М.И. Платова. Часть вопросов считаются спорными и требующими дальнейшего изучения. Представляется актуальной точка зрения, согласно которой еще нельзя считать окончательно доказанным численный перевес боевого состава русской армии накануне сражения. Значительные расхождения имеются в подсчете потерь сторон, а также в общей хронологии Бородинского сражения. Отмечая наличие устойчивого интереса у российских историков к теме Бородинской битвы, современные историографы между тем указывают на ряд типовых ошибок, кочующих из одного издания в другое, и одновременно на наличие в современной литературе тенденциозных суждений и выводов.

В свою очередь, необходимо еще раз отметить, что для воссоздания объективной картины сражения потребовался скрупулезный и всесторонний пересмотр источниковой базы, на основе которой формировались субъективистские суждения и выводы. Как показывает современный источниковедческий анализ наиболее автори-

бежной историографии // Бородино в истории и культуре: Материалы Международной научной конференции. Можайск, 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 26–33; Ивченко Л.Л. Историография Бородинского сражения // Воинский подвиг защитников Отечества... С. 124–135; Ее же. Актуальные вопросы изучения Бородинского сражения в современной отечественной историографии // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. М., 2003. С. 9–25; Ее же. Бородинское сражение: Историография, источники, проблемы исторической реконструкции. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Смирнов А.А. Шевардинский редут сквозь призму военно-исторических воззрений своего времени // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: материалы Всероссийской научной конференции. Бородино, 8–10 сентября 2003 г. Можайск, 2004. С. 328–334; Его же. Что же такое Шевардинский редут?: Мнения постсоветских историков // Эпоха 1812 года.: Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 161. С. 353–369; Агронов Л.И. Постсоветская российская историография Отечественной войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.

тетных документов о Бородинской битве, составленных полковником К.Ф. Толем, их содержание не всегда отражало истинное положение вещей¹.

Отметим также, что исследования самого знаменательного события Отечественной войны 1812 года продолжают не только путем новой интерпретации этих источников, но и углубленного изучения малоисследованных вопросов. В данном аспекте интерес представляют уже упоминавшиеся ранее справочные издания «Война 1812 г. Хроника событий. Grade Armée. Состав армии при Бородино», «Русские соединенные армии при Бородине», информационно-справочная система «Участники Бородинского сражения» и, в особенности, один из ее разделов «Русские генералы и офицеры – участники Бородинского сражения»², которые во многом уточнили современные знания о составе воинских частей и офицеров – участников одного из наиболее знаменитых сражений в истории Отечества.

В современной историографии дальнейшему изучению подверглось *Малоярославецкое сражение*³. Специалисты отмечают внесение существенных дополнений и уточнений в боевые действия противоборствующих сторон на пути от Москвы до Малоярославца и оттуда до Можайска⁴.

Обстоятельное исследование собственно *Малоярославецкого сражения* провел А.А. Васильев. Тщательный анализ военных действий сторон позволил ему подтвердить господствовавшее среди советских историков мнение о стратегической победе русских войск под Малоярославцем и ее решающем влиянии на исход всей кампании.

¹ См.: Ивченко Л.Л. Бородинское сражение: История русской версии событий. М., 2009. С. 20–63.

² См.: Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 г. Хроника событий. Grade Armée. Состав армии при Бородино. М., 2002; Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа 1812 года: состав войск и их численность / сост.: А. Васильев, А. Елисеев. М., 1997. Целорунго Д.Г. Русские офицеры – участники Бородинского сражения: Историко-социологическое исследование. М., 2002. С. 67–72.

³ См.: От Тарутино до Малоярославца: К 190-летию Малоярославецкого сражения / сост. Н.В. Котлякова, Е.А. Назарян. Калуга, 2002. Собрание материалов ежегодных научных конференций в г. Малоярославце // 1812 г.: интернет-проект. URL: www.museum.ru/1812/library/Mmnk/list.html (дата обращения: 5.10.2013 г.).

⁴ См.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года // Самарская губерния: история и культура. URL: <http://www.gubernya63.ru/history/materials/ob-itogah-i-perspektivah-izuchenija-vojnny-1812/> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

Одновременно он акцентировал внимание на непопулярном среди советских историков факте, что бой за город «тактически закончился победой наполеоновских войск», сумевших сохранить его в своих руках и «прочно утвердиться на правом берегу р. Лужи»¹. В советской историографии такой итог Малоярославецкого сражения предпочитали не афишировать².

Новые критические оценки действий русского командования отмечаются и в описании Березинской операции. Так, например, по мнению С.В. Шведова, «кольцо русских войск на Березине сжималось без энергии, желания во что бы то ни стало добить врага. Главным был не недостаток сил, а недостаток единства действий и воли к победе. Чичагов двое суток должен был один драться на переправе. ...План Березинской операции сыграл выдающуюся роль в изгнании Наполеона из России, хотя на конечном этапе не мог быть выполнен до конца из-за множества объективных и субъективных причин»³. Подобная точка зрения разделяется и другими исследователями этого заключительного сражения Отечественной войны 1812 года⁴.

Важно отметить и те резервы, которые позволяют заполнять еще существующие пробелы в накоплении фактического материала. В данной связи следует отметить усилия А.И. Попова, направленные на выявление новых деталей ведения боевых действий русской армией на Смоленской земле⁵.

¹ См.: Васильев А.А. Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 года // Малоярославец: Очерки по истории города: К 180-летию Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1992. С. 79, 86.

² Одним из первых на такой подход к освещению Малоярославецкого сражения обратил внимание Н.А. Троицкий. См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 259–260.

³ Шведов С.В. Действия М.И. Кутузова в Березинской операции // Малоярославец. № 6. 2009. С. 90.

⁴ См.: Мазинг Г.Ю., Ерусалимчик Л.Ф. Березина, год 1812-й. Минск, 1991; Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра: операция на р. Березине осенью 1812 г. или реабилитация адмирала Чичагова. М., 2001; Безотосный В. Все сражения русской армии 1804–1814: Россия против Наполеона. М., 2012; Постникова А.А. Великая армия на Березине: событие – память. Екатеринбург, 2013; и др.

⁵ См.: Попов А.И. Первое дело при Красном. М., 2007; Его же. «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингерода в 1812 г. М., 2011; Попов А.И. Смоленские баталии: в 2 т. М., 2012. Т. 1. Сражение за Смоленск; Т. 2. Непредвиденная баталия или стычка, перешедшая в сражение; Васильев И.Н., Попов А.И. Сражения при Красном. М., 2013.

Возвращаясь к основным направлениям развития постсоветской историографии можно отметить принципиально новую проблематику, связанную с *изучением противника России в 1812 г.* Научный поиск велся по зарубежным источникам и литературе, которые практически выпали из поля зрения советских историков.

На слабое привлечение в советских исследованиях документов французского происхождения в начале 90-х годов указал В.М. Безотосный, который связывал такой недостаток с трудностями в преодолении языкового барьера¹. Поэтому он признал в качестве первоочередной задачи необходимость активного выявления и вовлечения в научный оборот многочисленной трофейной документации, сосредоточенной в отечественных архивах, а также документального массива, опубликованного во Франции.

На тот период такие выводы были своевременны и актуальны. Ситуация принципиально стала меняться в конце 90-х годов прошлого столетия, когда иностранная проблематика стала предметом особого внимания со стороны российских ученых. Она четко определилась в самостоятельное, наиболее перспективное и активно развивающееся направление историографии «Двенадцатого года». С учетом иностранных источников и исследований стала восстанавливаться объективная картина войны. Сфера приложения научных интересов историков, касающаяся участия Франции и ее союзников в войне 1812 года, к началу XXI в. была значительно расширена. Современные исследования захватывают наиболее общие вопросы военного строительства², реконструкцию по иностранным источникам хода Бородинского сражения³. На иностранной и на новой отечественной источниковой базе уточнялись детали пребывания наполе-

¹ См.: Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года // История СССР. 1990. № 3. С. 212–219.

² См.: Соколов О. Армия Наполеона. СПб., 1999; Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 года. Хроника событий. GrandeArmée. Состав армии при Бородино. М., 2002.

³ См.: Земцов В.Н. Французская армия 6 сентября 1812 года: подготовка к Бородинской битве // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1998. С. 67–88; Его же. Битва при Москве-реке: армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999; Попов А.И. Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995; Его же. Межд двух вулканов: боевые действия в центре Бородинского поля. Харьков, 1997; Его же. Великая армия в России: погоня за миражом. Самара, 2002; Васильев А.А. Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2001; и др.

оновских войск в Москве¹, эпизоды отступления французов из России², участь французских военнопленных³, представления французского общества о России⁴ и другие вопросы.

¹ См.: Безотосный В.М. Разведка и планы сторон: заключительный период кампании 1812 года // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года. Малоярославец, 1998. С. 3–24; Васильев А.А. Французская пехота в Москве. Отчеты о состоянии трех полков корпуса маршала Даву на 27 сентября 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2000. С. 43–50; и др.

² См.: Васильев А.А. Императорское «Ура». Бой казаков с конвоем и свитой Наполеона под Городней 13 (25) октября 1812 года глазами очевидцев // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С. 25–34; Его же. Французские карабинеры в бою при Винково 13 октября 1812 года // Калужская губерния на II этапе Отечественной войны 1812 года... Малоярославец, 1998. С. 51–64; и др.

³ См.: Потрашков С.В. Военнопленные Великой армии в Слободско-Украинской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всероссийской научной конференции (Бородино, 1998 г). Бородино, 1999; Бессонов В.А. Военнопленные 1812 года в городе Калуге // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. С. 97–112; Его же. Военнопленные Великой армии 1812 года в России (по материалам Калужской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2001; Иванов К.В. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 91–95; Тихомиров С.А. Отношение российских властей к иностранным военнопленным наполеоновской эпохи // Проблемы военного плена: история и современность. Вологда, 1997. Ч. I. С. 162–165; Шведов С.В. Пленные Великой армии в России // Отступление Великой армии Наполеона из России. Малоярославец, 2000. С. 55–75; Хомченко С.Н. Военнопленные поляки в Астраханской губернии в 1812–1815 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 306–313; Его же. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812–1814 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007; Миловидов Б.П., Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIII Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 261–288; Самович А.Л. Военнопленные XIX – начала XX в. в западном регионе России: Историческое исследование. М., 2011. С. 31–104; Столярова Н.В. Военнопленные французской армии в национальных добровольческих воинских формированиях в Отечественной войне 1812 года // Отечественная война 1812 года в судьбе России: Материалы Межвузовской научной конференции 17 мая 2012 года. М.: ВУ, 2012. С. 94–104; и др.

⁴ См.: Промыслов Н.В. Образ России во французском общественном мнении накануне и во время Отечественной войны 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Для специалистов, освещающих действия неприятеля и русских войск, характерен вдумчивый, конструктивный, беспристрастный анализ первоисточников. Написанные преимущественно на зарубежных документальных материалах аналитические статьи, монографии и диссертационные исследования А.А. Васильева, В.Н. Земцова, А.И. Попова, В.А. Бессонова и других историков выгодно отличают убедительность и аргументированность авторских суждений. Содержание этих работ позволяет констатировать возрождение в отечественной историографии провозглашенного еще в начале XX столетия основополагающего принципа изучения истории наполеоновского нашествия на Россию без «квазипатриотического... издевательства» и «шовинистических излияний» над французами¹.

В 90-х годах XX – первом десятилетии XXI в. отмечался повышенный интерес историков к блоку *социально-политических аспектов войны 1812 года*. Новые идеи и взгляды отмечались в понимании народного и отечественного характера войны. Наряду с полной уверенностью в соответствии термина «отечественная война» к событиям 1812 г., часть современных исследователей и публицистов высказывает мысль о неправомерности его применения к западным губерниям Российской империи, ранее входивших в состав Речи Посполитой².

Анализ современных публикаций свидетельствует о том, что современные историки и публицисты, кроме Н.А. Троицкого, стараются уйти от социально-классового подхода в понимании отечественного характера войны 1812 года. Как правило, их разногласия вытекают из различного сущностного понимания категории «отечество» и произ-

¹ См.: От редакции // 1812–1912. Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 1. С. IV–V.

² См.: Троицкий Н.А. Отечественная война 1812 года: история темы. С. 14, 16, 32–33, 35–37; Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель... С. 191; Круглый стол: Лица или маски? // Родина. 1992. № 6–7. С. 134; Попов А.И. О характере войны 1812 года // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 132. С. 229–246; Дырышева И.Г. Патриотизм дворянства в Отечественной войне 1812 года. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007; Безотосный В.М. А была ли война Отечественной? // Родина: специальный выпуск. 2012. № 6. С. 4–8; Народы России и Беларуси в год наполеоновского нашествия (1812). М., 2012. С. 80–85; Романов П., Элита и народ в войне 1812 года: вместе или порознь? // Война и мир 1812 г.: РИА Новости. URL: http://ria.ru/1812_parallels/20121108/778658737.html (дата обращения: 10.2011 г.); Парсамов В.С. Конструирование идеи народной войны в 1812 году // Новое литературное обозрение № 118 (6/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2894> (дата обращения: 04.10.2013 г.).

водного от него «отечественная война». В современной историографии не отрицается, что победа над Наполеоном во многом зависела от патриотической позиции российского дворянства, которое, как часть русского народа, создало не только политические и экономические предпосылки для разгрома агрессора, но внесло свой вклад в победу активным личным участием и героическим поведением в боевых действиях. Тем не менее практически всеми учеными по-прежнему признается феодальная (крепостническая), а значит и эксплуататорская, классовая сущность благородного сословия. Одновременно подчеркивается дворянская монополия на политическую власть, а значит и политическое бесправие остальных социальных слоев самодержавной России. Такие, по сути, марксистские, оценки состояния российского общества подспудно выводят современных исследователей на марксистско-ленинское понимание отечественного характера войны. В этом случае следует признать, что понятие «отечественная война» было приемлемо только для господствующего класса (в 1812 г. – дворянство) который, прикрываясь общенациональными лозунгами, защищал свой политический режим, свои общественные привилегии и эксплуататорское крепостное право.

Однако следует учитывать и тот факт, что с позиций цивилизационного подхода, трактующего понятия «отечество» и «отечественная война» с точки зрения общенациональных ценностей, марксистско-ленинский взгляд на данный вопрос считается упрощенным. На данном основании в основу понимания народного патриотизма 1812 г., а, следовательно, и отечественной войны закладываются чувства национального и религиозного самосознания, ощущения единства нации, возникшего в недрах российского общества под влиянием внешней угрозы.

Тема народного и отечественного характера войны 1812 года тесно переплетается с *проблемой религиозного фактора и роли Русской православной церкви* в достижении победы над агрессором. Историографический анализ свидетельствует о том, что роль Русской Православной Церкви в Отечественной войне 1812 года нашла лишь фрагментарное освещение в дореволюционной литературе. В советской исторической науке эта проблема считалась не актуальной и поэтому либо просто замалчивалась, либо рассматривалась с атеистических позиций, в контексте общих концептуальных постулатов марксизма-ленинизма. Только в постсоветской историографии с конца 90-х годов началась ее комплексная разработка¹. В литературе

¹ См.: Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота, 1800–1917 гг. Дис.

последнего десятилетия отмечаются неоднозначные суждения исследователей по вопросам участия церкви в войне с Наполеоном. Некоторые из них (Н.А. Троицкий) в духе советской историографической традиции продолжают считать, что РПЦ предательством священнослужителей в западных регионах Российской империи «весьма скомпрометировала себя перед Россией. Хвалебные же труды дореволюционных историков о заслугах ее перед отечеством в 1812 г. необъективны»¹. Другие (А.И. Попов) признавали эффективность «религиозной пропаганды» и, следовательно, деятельности церкви в деле возбуждения народной войны, но отмечали ее субъективизм, рассчитанный на массу неграмотного крестьянства. В данном случае следствием такой пропагандистской работы называется немотивированное жестокое обращение крестьян с пленными безоружными солдатами Великой армии, вызывавшее обратное действие завоевателей по отношению к русским церквям. Некоторыми исследователями при характеристике современной литературы указывается также на случаи чрезмерного восхваления церковно-государственных отношений².

Наиболее заметны и плодотворны в разработке рассматриваемой проблемы научные труды Л.В. Мельниковой, которая впервые всесторонне исследовала роль Русской Православной Церкви в войне 1812 г. в идеологическом, военном и культурном отношениях. Критика отметила ее авторскую концепцию, согласно которой наполеоновские войны (и особенно – Отечественная война 1812 года) были не только политической борьбой государств, но также религиозным противостоянием православной России и «безбожной» Франции. Положительную оценку получили результаты изучения Мельниковой антинаполеоновской церковной проповеди, участия военного духовенства в поддержке высокого морального духа русских солдат и офицеров, помощи приходского духовенства в создании ополчения и его личного

... д-ра ист. наук. СПб., 1999; Его же. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. СПб., 2004; Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Ее же. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002; Ее же. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007; Ивашко М.И. Российская армия и церковь (XVIII – начало XX в.): Историографическое исследование. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007; и др.

¹ Троицкий Н.А. 1812 г. Великий год России. М., 2007. С. 355.

² См.: Попов А.И. Религиозная пропаганда в 1812 году // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы IV Научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001. С. 193–212; Чимаров С.Ю. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года. СПб., 2004. С. 7–8.

участия в «народной войне». Одновременно отмечался широкий круг вводимых в научный оборот архивных источников, аргументированность авторских суждений при раскрытии основных направлений многогранной деятельности духовного сословия по организации народного сопротивления захватчикам¹.

В свою очередь автор настоящей монографии также особо выделил роль церкви в разгроме Великой армии Наполеона. Не вызывает сомнения, что особенности национальной психологии в 1812 г. определялись тесным переплетением военных и религиозно-бытовых традиций русского общества. Поэтому всенародная борьба с иноземцами идеологически была ориентирована не только на защиту государственного суверенитета, но и православной веры.

В российском патриотизме начала XIX в. религиозная составляющая занимала едва ли не главное место. Документальные источники 1812 г. свидетельствуют о том, что религиозные мотивы стали одним из основополагающих моментов, цементирующих российское общество в его благородных устремлениях отстоять свое Отечество. Правительство через духовенство ставило своей задачей добиться у народа осмысления войны в религиозном плане и имело в этом отношении значительный успех.

Под влиянием религиозной пропаганды народ видел в отлученном от церкви Наполеоне и его воинстве посланников антихриста, с пришествием которых Православная церковь обещала наступление конца света. Пренебрежительное отношение иноверцев к святым местам и предметам религиозного культа повсеместно воспринималось в народе как практическое подтверждение произносимых с амвонов речей. Именно на этой почве выросла народная непримиримость к захватчикам, сокрушившая наполеоновские замыслы².

К этому можно добавить, что современники по достоинству оценили значение религиозного фактора в разгроме наполеоновских войск. «Иноземцы, шедшие против Бога и Руси, – писал участник войны и известный русский военный историк А.И. Михайловский-Данилевский, – перестали в понятии народа казаться людьми, всякое мщение против них почитали не только позволительным, но законным, угодным Небу»³.

¹ См.: Безотосный В.М. [Рецензия] // Отечественная история. 2007. № 5. С. 204–205. Рец. на кн.: Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской Империи в эпоху наполеоновских войн. М., 2007.

² См.: Шеин И.А. Разгром Наполеона в России // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. С. 7.

³ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году: в 4 т. СПб., 1839. Т. 3. С. 123.

В постсоветских исследованиях социально-политических аспектов войны отмечается принципиально новая трактовка развернувшегося на оккупированных противником территориях *партизанского движения*. Против прочно утвердившегося в исторической науке тезиса о массовом партизанском движении против наполеоновских войск выступил А.И. Попов. Основные положения своей авторской концепции он изложил в обобщающей монографии «Великая армия в России: погоня за миражом» и ряде научных публикаций¹.

Анализируя научную разработанность проблемы, А.И. Попов обратил внимание на то, что в отечественной историографии, особенно в ее советский период, складывались превратные представления о действиях русских партизанских отрядов на коммуникациях противника. По его мнению, «Выражение “партизанское движение” неприменимо к 1812 г., ибо оно было заимствовано марксистами-ленинцами из реалий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Основные причины появления в исторической литературе многочисленных стереотипных суждений о народной и партизанской войне с Наполеоном исследователю представлялись в том, что историки должным образом не изучали иностранных источников и поэтому просто не имели четкого представления об истинном положении дел в тылу Великой армии. По его мнению, этот фактор сочетался с лож-

¹ Попов А.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 9, 24, 316–317; Партизаны и народная война в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VIII Всероссийской научной конференции 1999 г. Бородино, 2000. С. 172–208; 1812 г.: интернет-проект. URL: www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/.../Popov.pdf (дата обращения: 9.10.2011 г.); Его же. Партизаны 1812 г. // Исторические исследования. Вып. 3. Самара, 2000. С. 73–93; Его же. Остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог? // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 2002. С. 147–161; Его же. Русские амазонки, Геркулес, Сцевола и Иван Сусанин 1812 года // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Новые гуманитарные исследования». Самара, 2002. С. 88–98; Его же. Кто они, партизаны 1812 года? // Император. 2003. № 5. С. 14–16; Его же. Партизанские отряды армии П.В. Чичагова (рейд отряда А.И. Чернышева в великое герцогство Варшавское) // Отечественная война 1812 г. и русская провинция. Малоярославец, 2004. С. 83–103; Его же. Кто был «зачинателем» народной войны в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 8. № 3 (17). 2006. С. 698–710; Его же. Классовая борьба и патриотизм крестьянства в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11. № 6. С. 43–51; Его же. «Народное партизанское движение» в Беларуси в 1812 г. [Рукопись статьи 2012 г.] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина; Его же. «Война необыкновенная»: Малая война в Смоленской губернии в 1812 г. М., 2013.

но понятым патристизмом, который «до сих пор “застит глаза” многих историков...». На данном основании Попов сделал вывод, что абсолютное большинство написанных по рассматриваемой проблеме сочинений представляет собой не научную, а популярную, «лубочную» продукцию, в которой причины, характер и масштаб народных выступлений против захватчиков в значительной мере оказались искаженными.

Так, с точки зрения А.Н. Попова, советские историки безосновательно называли все народные дружины и кордоны партизанскими отрядами, бездоказательно объявляли «зачинателем» народной войны сам народ, неоправданно замалчивали иницилирующую и лидирующую роль царя, российского дворянства и православной церкви в данном вопросе.

С учетом четких разграничений терминов «партизанская» и «народная» война в исторической дореволюционной литературе XIX – начала XX в. Попов считал недопустимым смешение этих категорий в современных исследованиях. При этом под партизанской войной автор понимал только действия небольших мобильных армейских отрядов в тылу неприятельской армии.

«Народная война», по мнению А.И. Попова, в 1812 г. была представлена следующими формами военных организаций: во-первых, губернскими ополчениями, сформированными в соответствии с царскими манифестами; во-вторых, кордонными отрядами ополченцев и крестьян, созданными под влиянием царских манифестов, преимущественно по инициативе местных властей; в-третьих, вооруженными отрядами мирного населения, образованными по личной инициативе представителей различных классов и сословий Российской империи.

В связи с этим историк полагал неправильным считать «партизанскими» большинство вооруженных отрядов местных жителей в 1812 г. в сравнении с войсковыми отрядами, действующими в тылу противника. В свою очередь можно отметить целесообразность такого деления для более объективного и всестороннего изучения организации, способах ведения и масштабах так называемой малой войны, организованной штабом М.И. Кутузова в период нахождения Наполеона в Москве. В данном случае партизанские действия армейских отрядов представляют собой относительно обособленное явление, которое по своим целям и задачам неправомерно смешивать с выступлениями местных жителей.

Попов предпринял попытку собственного обобщения сведений об итогах деятельности партизанских отрядов. Всего в течение войны партизаны, в том числе и на стратегических флангах, провели до

300 боевых операций, причем их основная часть пришлось на октябрь–ноябрь (76%). Точка зрения историка свелась к тому, что партизанские действия сыграли большую роль, чем народная война как по продолжительности и по масштабам действий, так и по размерам нанесенных неприятелю потерь. Попов, из-за крайней сложности в подсчетах, не привел точных сведений о прямых потерях, понесенных французами в результате действий партизанских отрядов. По его мнению, они составили несколько десятков тысяч человек.

А.И. Попов установил, что в период наполеоновского нашествия вооруженные крестьянские отряды, как правило, составляли звенья единой кордонной системы, созданной дворянской администрацией исключительно в целях охраны прифронтовой полосы от проникновения французских дезертиров, мародеров и фуражиров. Он подробно рассмотрел основные направления, формы и методы боевой деятельности кордонов в русских и малороссийских губерниях, а также определил их конкретный вклад в разгром наполеоновской армии. По авторским подсчетам, общие потери противника на кордонах русских губерний составили 10–12 тыс. человек.

Многочисленные факты, приводимые в работах А.И. Попова, свидетельствуют о том, что партизанские действия армейских отрядов и повсеместное вооружение местных жителей для борьбы с захватчиком планировались русским командованием еще накануне войны, но реальное их осуществление стало возможным только в коренной России. Исследователь убедительно доказал, что инициатором и идейным вдохновителем «народной войны» являлся император Александр I при активной поддержке церкви и местной дворянской администрации. В связи с этим ученый вполне обоснованно поставил вопрос о субъективности распространенных в литературе взглядов на то, что крестьянство исключительно по собственной инициативе вступило на путь вооруженной борьбы с захватчиками.

Подобным же образом А.И. Попов показал несостоятельность утверждения советских и современных белорусских историков о разрывании с первых же дней войны массового партизанского движения на белорусской земле. По мнению российского исследователя, вымыслом является утверждение о том, что жители белорусских земель уходили из родных мест вместе с отступающей русской армией и оказывали ей всемерную помощь продовольствием, подводами, проводниками и разведчиками. Не подтвержденной документально и явно преувеличенной Попов считает точку зрения, согласно которой Наполеон был вынужден оставлять целые воинские части для борьбы с крестьянами Литвы и Белоруссии. По мнению историка, подобные заявления «являются реминисценциями событий 1941–

1944 г., не имеющими абсолютно никакого отношения к войне 12-го года». Попов признал не соответствующими действительности утверждения о массовых крестьянских погромах профранцузски настроенной шляхты. В доказательство историк привел примеры крестьянских выступлений не только против помещиков, оставшихся на стороне России, которые подавлялись в равной мере и французскими и русскими карательными отрядами.

Итоговый вывод А.И. Попова свелся к тому, что «советские фальсификаторы буквально из ничего выдули “мыльный пузырь” “народного партизанского движения” в Белоруссии в 1812 г. ...После окончания Великой Отечественной войны, когда на самом деле в Белоруссии была развернута партизанская война, некоторым рьяным идеологам захотелось отыскать такое же явление в войне 1812 г. и ради этого они пустились во все тяжкие... а “крестьянских партизанских отрядов”, как и “народного партизанского движения” не было не только в Беларуси, но и в коренной России»¹.

Подобная постановка вопроса о сущности и массовости партизанской борьбы на оккупированных территориях встретила резкие возражения, особенно среди белорусских историков. Белорусский политолог Н. Малишевский в противовес А.И. Попову настаивал на том, что партизанская война 1812 года «против оккупантов на территории Белоруссии» имела всенародный характер – «в ней участвовали не только мужчины, но и женщины, и даже дети». По его мнению, не было в Беларуси и массового сотрудничества с оккупационными властями, «желающих сотрудничать с оккупантами “для оказания вооруженной помощи административной и гражданской власти” нашлось всего несколько сотен»².

Более аргументировано суть своей позиции по дискуSSIONному вопросу изложил кандидат исторических наук А.Д. Гронский в докладе «Отечественная или русско-французская: современный белорусский научно-политический дискурс о событиях 1812 г.» на научной конференции «Отечественная война 1812 г. и Беларусь», проходившей 21 июля 2012 г. в Военно-историческом музее им. А.В. Суворова в Кобрине. Докладчик проанализировал современные представления об отечественном характере войны 1812 года

¹ Попов А.И. «Народное партизанское движение» в Беларуси в 1812 г. [Рукопись статьи 2012 г.] [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

² См.: Малишевский Н. Сволочь со всего света, или Отечественная война 1812 года и Белоруссия // Фонд стратегической культуры. URL: www.fondsk.ru/news/2012/12/09/svoloch-so-vsego-sveta-ili-otechestvennaja-vojna-1812-i-belorussija-18131.html (дата размещения: 09.12.2012 г.; дата обращения: 17.10.2013 г.).

и сделал вывод о том, что она не может рассматриваться для белорусов как гражданская война. Это базовое положение доклада аргументировалось существованием активного партизанского движения в 1812 г. на территории Белоруссии, «как бы его ни старались не замечать некоторые нынешние ученые».

Вполне обоснованно ученый указал на основную причину возникающих разногласий, связанную с различным пониманием сущности категории «партизан» в XIX – начале XX в. и в настоящее время. Как отмечалось в докладе, в 1812 г. партизанами называли только участников армейских отрядов, действовавших в тылу наполеоновских войск, а крестьянские отряды не называли никак. Но это никак не отменяет исторической действительности, в которой мирное население, объединяясь против захватчиков, наносило им удары с тыла¹.

Российский исследователь В.С. Парсамов высказал свою точку зрения по поводу позиции А.И. Попова. В частности, он отмечал: «То, что А.Н. Попов называет “банальной ложью” (о массовом партизанском движении в Смоленской, Калужской и Московской губерниях. – *И. Ш.*), в действительности является смешением языка и объекта описания, когда исследователи, вольно или невольно, представлениям о войне 1812 года придают событийно-фактический статус».

Приведенные взгляды на сущность и масштабы партизанской войны в войне 1812 года показывают недостаточную разработанность данного вопроса в методологическом плане. Поэтому представляется важным обратить внимание на необходимость разработки современных методологических подходов к выявлению сущностного аспекта партизанской борьбы в период Отечественной войны 1812 года. Только в таком случае удастся сбалансировать имеющиеся разночтения и дать более или менее объективную оценку партизанских действий в рассматриваемый исторический период.

В контексте дискуссий, развернувшихся между специалистами о масштабах партизанской борьбы против оккупантов в 1812 г., следует отметить преобладание традиционных советских взглядов современного российского общества и молодежи школьного возраста (по крайней мере тех, кто интересуется историей своей страны) по данному вопросу. В общественном мнении партизанское движение оце-

¹ Михайлов Н. Отрицание Отечественной войны 1812 года ведет к разрыву белорусов с Русским миром // Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/08/30/otricanie_otechestvennoj_vojny_1812_goda_vedet_k_razryvu_belorusov_s_russkim_mirom/ (размещено: 30.08.2012 г.; дата обращения: 9.10.2011 г.).

нивается как яркое проявление народного характера Отечественной войны 1812 года, которое началось сразу после вторжения наполеоновских войск в Литву и Белоруссию и постепенно охватило весь театр военных действий. По мнению некоторых школьников, на оккупированных территориях создавались «крупные отряды, появились тысячи народных героев, выдвинулись талантливые организаторы партизанской борьбы»¹.

В качестве критерия народной войны современные исследователи указывают на масштабную организацию народного (земского) ополчения. Изучение современной литературы позволяет отметить значительное расширение масштабов данной исследовательской проблемы и ее выход на изучение конкретных российских регионов². Современные исследования во многом опровергают распространенные среди советских историков взгляды на земское ополчение как проявление воли народа. В настоящее время в абсолютном большин-

¹ Партизанское движение в годы Отечественной войны 1812 года: презентация ученицы 11 «а» класса МОУ «СОШ р.п. Духовницкое Духовницкого района Саратовской области» Фёдоровой Виктории // slideboom. URL: <http://www.slideboom.com/presentations/662342/> (дата обращения: 15.10.2013 г.).

² См.: Векслер А.Ф. Петербург и ополченские соединения Отечественной войны 1812 года // Петербургские чтения: Петербург и Россия. СПб., 1994. С. 17–20; Жмодиков Ю.Л. Вопросы формирования Петербургского ополчения в отечественной историографии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы II Всероссийской научной конференции. Бородино, 1993 г. Бородино, 1994; Его же. Волонтерные формирования в составе С.-Петербургского ополчения 1812 года // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Материалы научной конференции, посвященной 181-й годовщине Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1994; Селиванова Е.Ф. Нижегородское народное ополчение 1812–1814 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1995; Рыков В.К. О реорганизации Смоленского ополчения в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (VII). М., 1999. С. 162–165; Иванов М.Ю. Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002; Тотфалушин В.П. Саратовцы и ополчения 1812 года // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сб. материалов XVII Всероссийской научной конференции 24 октября 2009 г. Малоярославец, 2009. С. 166–175; Лапина И.Ю. Земское ополчение Санкт-Петербургской губернии в 1812 году. СПб., 2006; Ее же. Земское ополчение России 1812–1814 годов. СПб., 2007; Ее же. Земское ополчение в заграничном походе русской армии (1813–1814 гг.) // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 93–99; Ее же. Земское ополчение 1812 года: Опыт исторического исследования. СПб., 2008; Ее же. Земское ополчение России 1812–1814 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008; и др.

стве случаев по результатам исследований инициатива в созыве земских ополчений признается за императором Александром I, а руководящая роль в их организации – за дворянским сословием.

В качестве малоисследованной проблемы в современной историографии указывается *на положение российских провинций в 1812 г. и отношение к войне провинциального общества*. К изучению этих вопросов приступили в середине 90-х годов прошедшего столетия¹. Предмет исследования определялся по территориальному и социальному признакам.

Можно отметить весьма оригинальные наблюдения отношения к войне русских крестьян. Так, согласно выводам Л.И. Агронова, население центральных губерний России по-разному отнеслось к вторжению неприятельской армии в пределы Российской империи. Часть из них была подвержена панике. Во многих случаях отмечалось совершенное спокойствие и высокомерные шапкозакладательские настроения. Убежденность в абсолютном превосходстве над врагом была чрезвычайно распространена среди простого народа, особенно на территориях, не подвергшихся нашествию. В крестьянской среде отмечались антикрепостнические настроения и выражалась надежда

¹ См.: Белковская Л.Г. Участие калужского купечества в войне 1812 года // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года: Материалы Науч. конф. Малоярославец, 1994. С. 112–116; Тотфалушин В.П. Поволжские колонисты и Отечественная война 1812 года // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения: Материалы Международ. науч. конф. М., 1996. С. 139–157; Максимов И.С. Крестьянство Мордовского края в период военных кампаний 1812–1815 гг. // Обновляющаяся Россия: формирование нового гуманитарного пространства. Саранск, 1997. С. 120–156; Его же. Повинности населения России в связи с военными кампаниями 1812–1814 гг. // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции: Материалы IV Сафаргалиевских науч. чтений. Саранск, 1999. С. 88–96; Дементьева Е.Ю. Провинциальное дворянство Среднего Поволжья первой половины XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999; Чижова В. Тверская дворянская корпорация в Отечественной войне 1812 года // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года: Сб. материалов. Ист.-краеведч. конф. Тверь, 2002. С. 42–48; Потапова Е. Крестьяне Тверской губернии в Отечественной войне 1812 года // Там же. С. 49–57; Кукушкина М. Духовенство Тверской епархии в Отечественной войне 1812 года // Там же. С. 58–63; Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 г.: на материалах Среднего Поволжья. Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007; Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем // 1812 год: интернет-проект. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Agronov1/index.html#r7> (дата обращения: 14.12.2011 г.); и др.

в данном вопросе на помощь. Присутствовало и абсолютное неведение или безразличие к происходившим в России событиям¹.

В контексте отношения российского общества к наполеоновской войне в России следует отметить попытки особо выделить еврейский вопрос в войне 1812 года². По данному вопросу наиболее объективной и заслуживающей внимания представляется точка зрения С.В. Потрашкова, который отметил наличие у еврейского населения индифферентного отношения к завоевателям. Как полагал ученый, «большинству их оказались одинаково чужды как наполеонизация поляков, так и идея народной войны с захватчиками. Покорные воле своих религиозных лидеров, российские евреи отвергли союз с незваными гостями из Европы; вместе с тем у них отсутствовала убедительная мотивация для активного массового участия в сопротивлении нашествию. Оказавшись между двух огней, евреи вынуждены были приноравливаться выживать в суровых условиях войны и, в конце концов, мириться с неизбежными человеческими и материальными жертвами³.

Наконец в блоке социально-политических аспектов Отечественной войны 1812 года, активно изучавшихся в постсоветской историографии, особое место занимает московская тема⁴. Значительный

¹ См.: Агронов Л.И. Восприятие событий Отечественной войны 1812 г. российским простонародьем.

² См.: Филюшкин А. От худости сердца: Измена в Отечественную войну 1812 года // Родина. 2000. № 8. С. 45, 48; Клиер Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России, 1772–1825. М., 2000. С. 247, 248; Потрашков С.В. Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Российской империи // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Всероссийской научной конференции. Бородино, 5–7 сентября 2005 г. М., 2006. С. 238.

³ См.: Потрашков С.В. Чужая война: нашествие Наполеона и еврейское население запада и юго-запада Российской империи. С. 229–238.

⁴ См.: Земцов В.Н. Процесс над «поджигателями», или Московский пожар глазами французов // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. М., 2007. Вып. 166. С. 337–372; Его же. Граф Ф. Ростопчин, уголовники и московский пожар 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Труды ГИМ. Вып. 179. М., 2008. С. 105–25; Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010; Тепляков С.А. Москва в 1812 году [Электронный ресурс] // 1812 год: интернет-проект. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Teplakov3/> (дата обращения: 9.10.2011 г.); Москва, 1812. М., 2008; Тепляков С.А. Москва в 1812 году // 1812 год: интернет-проект. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Teplakov3/index.html> (дата размещения: 2010 г.; дата обращения: 15.10.2012 г.); Казанцев М.М. И. Кутузов и оборона Москвы [Электронный

прирост знаний о положении дел в Москве накануне сдачи ее неприятелю и в период оккупации внес своими работами В.Н. Земцов. В своей главной работе «1812 год. Пожар Москвы» исследователь не ограничился стремлением дать однозначный ответ на главный вопрос: кто же именно поджог Москву: русские или Наполеон? На основе широкого использования иностранных и российских источников он предпринял попытку конкретно исторически ответить на исконно философские проблемы: какова цена человеческой жизни? в чем природа русского патриотизма? каков характер взаимоотношений Власти и Человека в России; велика ли возможность взаимопонимания между русскими и западноевропейцами? и многие другие. Основу исследовательского метода, как и в прежних работах В.Н. Земцова, составили принципы микроисторического подхода, позволившие ему до известной степени отрешиться от бытующих в исторической науке стереотипов и дающие редкий шанс представить событие и человеческий поступок во всей противоречивой конкретности¹.

В контексте критического анализа отечественной историографии и вытекающей из него разработки новой концепции Отечественной войны 1812 года происходила переоценка результатов общественно-политической и военной деятельности *исторических персоналий* наполеоновской эпохи.

В центре развернувшихся дискуссий в первую очередь оказалась личность и полководческое искусство одного из главных национальных героев – М.И. Кутузова. Приближающееся 250-летие со дня его рождения стимулировало подготовку ряда историко-публицистических и научно-популярных работ об известном полководце, среди которых выделялся историко-биографический очерк Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева «Фельдмаршал Кутузов»². Авторы очерка при-

ресурс] // 1812 год: интернет-проект. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Kazantsev3/> (дата обращения: 9.12.2011 г.); Борисов М.В. Так кто же виновен в пожаре Москвы 1812 года? [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 287–345; Попов А.И. Новоявленный адвокат «московского Герострата» // История военного дела: Исследования и источники. Т. 1. 2012. С. 378–390; Москва в огне: версии причин пожара 1812 года [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. URL: http://ria.ru/trend/moscow_1812/ (дата размещения: 18.06.2012 г.; дата обращения: 31.10.2012 г.).

¹ См.: Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010.

² См.: Баязин В.Н. Михаил Кутузов. М., 1991; Его же. Вечный спор Наполеона с Кутузовым: Новый взгляд историка на известные факты // Российская газета. 1995. 7 сентября; Шамагонов Н.Ф. Счастлив, предво-

вели ряд новых сведений из биографии Кутузова и дали более объективные, чем это было принято в советской литературе во второй половине 50–80-х годах, оценки его полководческой деятельности в Отечественной войне 1812 года. Однако общая концепция книги, как и большинства других работ, по-прежнему не выходила за рамки сложившейся в советский период историографической традиции.

Между тем, как это видно из предшествующего анализа выступлений на «круглом столе» в редакции журнала «Родина», во мнениях историков по поводу М.И. Кутузова наметились определенные разногласия. Первый опыт критического осмысления кутузовской темы, не встретив противодействия со стороны властных структур, получил дальнейшее распространение.

В 1995 г. редакция этого журнала организовала новый «круглый стол» под названием «Спаситель Отечества: Кутузов – без хрестоматийного глянца», на котором часть историков продолжила критический анализ личности и полководческого искусства Кутузова¹. Высказанные В.М. Безотосным, О. Соколовым, А.И. Ульяновым замечания встретили категорическое несогласие Ю. Гуляева, считавшего Кутузова великим талантливым стратегом, последователем военного искусства П.А. Румянцева и А.В. Суворова². В свою очередь, Л.Л. Ивченко предостерегла исследователей от соблазна «некритического восприятия источников», содержащих «отрицательные оценки... Кутузова» со стороны его недоброжелателей. Такую позицию в какой-то мере поддержал А.А. Смирнов, подчеркнувший порочность методики анализа полководческой деятельности светлейшего князя исключительно с позиций современной военной науки без учета воинских регламентов, возможностей оружия того времени и обстоятельств принятия конкретных решений.

Обсуждение вопросов, связанных с полководческой деятельностью М.И. Кутузова, было продолжено на научных конференциях в Малоярославце и в Бородинском военно-историческом музее-заповеднике³.

дательствуя русскими: о М.И. Кутузове. М., 1992; Абаляхин Б.С. Бессмертен тот, Отечество кто спас... Михаил Илларионович Кутузов. М., 1995; Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов: Историко-биографический очерк. М., 1995.

¹ См.: Спаситель Отечества: Кутузов – без хрестоматийного глянца // Родина. 1995. № 9. С. 60–66.

² Там же. С. 60.

³ М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года: Материалы Научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова. Малоярославец, 1995; Шведов С.В. Действия М.И. Ку-

Определенный резонанс в научных кругах вызвал опубликованный в материалах Малоярославецкой юбилейной конференции 1995 г. доклад Н.А. Троицкого «Михаил Илларионович Кутузов. Факты. Версии. Мифы»¹. На основе критического анализа отечественной историографии историк сделал вывод о том, что «польза наша» долгое время довлела над истиной в изображении образа М.И. Кутузова, особенно в советской литературе конца 40–80-х годов, придавая его личности «мифические размеры непогрешимого, полубожественного Спасителя». По мнению Троицкого, это достигалось выпячиванием и приукрашиванием фактов, выгодно характеризовавших знаменитого военачальника. Одновременно замалчивались отрицательные стороны его биографии, измышлялись версии и даже мифы с заведомой целью поднять образ М.И. Кутузова «выше... его истинного (и без того высокого) уровня».

Рассуждая подобным образом, исследователь считал важным на современном этапе развития исторической науки отказаться от традиционного славословия в адрес известного полководца. Н.А. Троицкий подчеркивал, что он не ставил своей задачей развенчать Кутузова как национального героя. Но, как полагал историк, истинный масштаб его заслуг в борьбе с Наполеоном требовал уточнений. Поэтому в своих работах он попытался скорректировать господствующие в литературе суждения, высвободить их из-под «камуфляжа умолчания, преувеличений и домыслов», по-новому проинтерпретировать уже известные факты. В конечном счете Троицкий пришел к выводу о том, что «истинный масштаб личности М.И. Кутузова меньше той видимости, которую он обретает (благодаря совокупным усилиям наших историков и писателей) как главнокомандующий над всеми русскими армиями на завершающем триумфальном победоносном этапе Отечественной войны 1812 года».

Принципиальное несогласие по основным положениям, изложенным в докладе Н.А. Троицкого, высказал научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВ и ВС) *Ю.Н. Гуляев*, которого «обескуражили своей не-

тузова в Березинской операции // Второй этап Отечественной войны 1812 года: Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997. С. 74–90; Ивченко Л.Л. М.И. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 1997; и др.

¹ См.: Троицкий Н.А. Михаил Илларионович Кутузов. Факты. Версии. Мифы: к 250-летию со дня рождения // М.И. Кутузов и русская армия на II этапе Отечественной войны 1812 года: Материалы научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М.И. Кутузова. С. 31–48.

объективностью» оценки личностных качеств и полководческих способностей Кутузова¹.

В ответной статье Гуляеву *Троицкий* привел контраргументы, обосновывавшие ранее высказанную им точку зрения². Он обвинил оппонента в дилетантстве, слабом знании основополагающих источников и неумении владеть методикой исторического исследования. По его мнению, труды, подобные статье Гуляева, нельзя оставлять без ответа, поскольку они «хороши лишь в качестве примеров того, как не надо писать историю»³.

К дискуссии о роли Кутузова в Отечественной войне подключился ученый секретарь Государственного исторического музея А.А. Смирнов⁴. По большинству положений он поддержал Н.А. Троицкого, обратив внимание на неубедительность почти всех возражений Ю.Н. Гуляева и на его вольное обращение с литературой и первоисточниками. По мнению Смирнова, Троицкий не отвергал, но и не идеализировал личных военных заслуг главнокомандующего, «что немало важно для человеческого, а не канонического образа Кутузова»⁵.

В дальнейшем, развивая критическое направление в оценках М.И. Кутузова, Н.А. Троицкий расширил свой доклад на малоярославской конференции 1995 г. до размеров небольшой книги. Наиболее полно позиция историка была изложена в его обобщающей монографии «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты», изданной в 2002 г.⁶ На основе предварявшего книгу историографического обзора⁷, ученый повторил свой прежний вывод о том, что особая квазипатриотическая традиция возвеличивания Кутузова «как надклассового и непогрешимого феномена» была заложена в советской историографии работами П.А. Жилина и Л.Г. Бескровного. По мнению Троицкого, в постсоветской историографии 90-х годов XX в. еще повторялась «официозно-

¹ См.: Гуляев Ю.Н. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Правда и домыслы // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.): 185 лет Малоярославецкому сражению. Вып. 2. Малоярославец, 1998. С. 46–57 (далее: От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.)).

² См.: Троицкий Н.А. Домыслы вместо правды (ответ Ю.Н. Гуляеву) // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.). С. 58–64.

³ Там же. С. 63.

⁴ См.: Смирнов А.А. Так, где же «домыслы»? // От Москвы до Парижа (1812–1814 гг.). С. 65–70.

⁵ См.: Там же. С. 70.

⁶ Троицкий Н.П. Фельдмаршал М.И. Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998; Его же. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 11.

⁷ См.: Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. [Из содерж.: гл. 1. Были-небыли, или как изучался М.И. Кутузов.] С. 11–50.

советская трактовка темы, с характерным для нее прикрасами, умолчаниями и домыслами». Такие недостатки историк отметил в трудах А.В. Шишова, Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева и, особенно, Л.Л. Ивченко.

Последующие критики из числа последователей Н.А. Троицкого считали, что его работы о Кутузове занимают «особое место» и представляют собой «событие в историографии Отечественной войны 1812 г.», а также «задают ту высокую планку рассмотрения феномена вождя народных сил в 1812 году, ниже которой опускаться серьезным исследователям уже невозможно». При этом подчеркивалось, что «автор, не скрывая ряда, можно сказать, негативных черт его характера, ...тем не менее пишет о Кутузове как о выдающемся русском военном и государственном деятеле...». В таком контексте одобрялись «четкость и конкретность позиции ученого, согласно которой М.И. Кутузов, при всех его достоинствах, не был великим полководцем, равным, а тем более превосходящим А.В. Суворова и Наполеона». В качестве заслуги автора монографий указывалось на «скрупулезность проделанной работы по выявлению методов и механизмов создания из Кутузова “спасителя Отечества”». Одновременно отмечалась излишняя доверчивость историка к высказываниям сторонних наблюдателей при оценке личности Кутузова, в результате чего «Кутузов у Троицкого как бы скукожился до размеров заурядного интригана»¹.

Совместно с Троицким критическое направление в оценках личности и полководческой деятельности М.И. Кутузова развивал в своих последних статьях профессор Саратовского государственного университета В.В. Пугачев².

Свои критические суждения об организации М.И. Кутузовым контрнаступления как способа стратегических действий русской армии в завершающем периоде Отечественной войны высказал и автор

¹ См.: Госул В.Я., Иминов В.Т. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Кто следующий? // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 18–21; Епанчин Ю.Л. Споры вокруг фельдмаршала: оценка личности М.И. Кутузова в современной историографии // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 334–336.

² См.: Пугачев В.В. Барклай де Толли, Кутузов, «скифские войны» и прошлые аналоги // История. Общество. Личность. Саратов, 1993; Пугачев В.В. Чем отличался Кутузов от Барклая? // Постигая прошлое и настоящее. Саратов, 1997; Пугачев В.В. Кутузов и Лористон («Война и мир» и реальность) // In Memoria: Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997; Пугачев В.В., Динес В.А. Ю.М. Лотман о пушкинском понимании Барклая и Кутузова // Лотмановские чтения. Саратов, 1998.

настоящей монографии. Разночтения в исторической литературе о дате прибытия Кутузова к войскам у с. Царево Займище в августе 1812 г. побудили более детально разобраться в этом вопросе и сделать необходимые уточнения¹.

В начале XXI в. критические оценки М.И. Кутузова стали популяризироваться в средствах массовой информации. Показательна в данном отношении публикация в «Аргументах и фактах» в декабре 2003 г., в которой редакция констатировала возникшие у части историков сомнения в гениальности Кутузова как полководца. В подтверждение этого факта приводились мнения двух специалистов, имевших научные труды по теме Отечественной войны 1812 года: кандидатов исторических наук М.В. Горностаева и В.М. Безотосного².

Позиция газеты и общее содержание публикаций вызвали возражения у сотрудников ведущих государственных научно-исследовательских учреждений в области российской и военной истории (Института российской истории РАН и Института военной истории МО РФ) доктора исторических наук, профессора В.Я. Гросула и кандидата исторических наук, генерал-лейтенанта в отставке В.Т. Иминова, которые поместили в «Военно-историческом журнале» ответную статью³. Ученые считали, что «и анонс на первой странице, и рубрика, и комментарии с вопросами выдают действительную позицию редакции до такой степени, что игра в объективность становится излишней». В связи с этим они привели свои доводы, доказывавшие, по их мнению, бесспорность полководческого таланта М.И. Кутузова. В развернувшейся дискуссии многие из приводимых авторами статьи суждений, в свою очередь, также можно подвергнуть обоснованной критике. Однако обращает на себя внимание другое. Нельзя не согласиться с их замечанием о том, что редакции средств массовой информации, подобных «Аргументам и фактам», тиражи которых во много раз превышают научные и научно-популярные исторические издания, должны в полной мере

¹ См.: Шейн И.А. О контрастности Кутузова в 1812 году // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 156–160; Его же. О времени прибытия М.И. Кутузова к войскам и вступлении в должность главнокомандующего // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. М., 2003. С. 81–88.

² См.: Горностаев М. А был ли Кутузов? // Аргументы и Факты. 2003. 17 сентября. № 38; Безотосный В.М. Что спит, то пусть спит... // Там же.

³ См.: Госул В.Я., Иминов В.Т. Фельдмаршал М.И. Кутузов. Кто следующий? // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 18–21.

осознавать свою ответственность за формирование в общественном сознании идей, направленных на дегероизацию русской истории.

Против развернувшейся в научной среде и в средствах массовой информации кампании критики известного русского полководца выступила и Л.Л. Ивченко, которая начала активную разработку темы М.И. Кутузова в современной российской историографии со второй половины 90-х годов XX столетия¹. Свое особое внимание к данному вопросу историк объясняла тем, что «на его примере видны все издержки нашей постперестроечной историографии». Главную причину субъективистских суждений современных исследователей в отношении русского полководца она видела в широко распространенной практике интерпретации исторических источников без учета «целесолагания автора и времени, в которое он создавался». При этом высказывалась убежденность в том, что, «кроме чтения источника, автор должен обладать широким внеисточниковым знанием об эпохе, к которой относится тот или иной источник»².

С учетом данных обстоятельств Л.Л. Ивченко в своих выступлениях на научных конференциях и в статьях стала поднимать вопрос о «легитимности» критики М.И. Кутузова. В частности, в докладе на XI Всероссийской конференции в Бородино 8 сентября 2003 г. она изложила собственную версию генезиса кутузовской темы в отечественной историографии³. Появление критических оценок в адрес

¹ См.: Ивченко Л.Л. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции (Бородино, 1995–1996 гг.). Бородино, 1997; Ивченко Л.Л. Кутузов в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы IV и V Всероссийской научной конференции (Бородино, 1995–1996 гг.). Бородино, 1997; Ее же. Кто выпустил Наполеона из России? // Материалы VII Всероссийской научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы», 1998 г. Бородино, 1999. С. 74–87; Ее же. Планы русского командования в Бородинском сражении и их реализация // Бородинское поле. История, культура, экология: Сб. Вып. II / сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2000; и др.

² Письма Л.Л. Ивченко – И.А. Шеину от 03.07. и 17.09. 2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

³ См.: Ивченко Л.Л. М.И. Кутузов в современной историографии. Приговор истории или произвол историков? // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всероссийской научной конференции (Бородино, 8–10 сентября 2003 г.) / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2004. С. 143–167. Повторно доклад был опубликован в 2004 г. в журнале «Рейтар» (см.: М.И. Кутузов в современной историографии. Приговор истории или произвол историков? // Рейтар. 2004. С. 58–71).

М.И. Кутузова как в дореволюционной, так и в современной российской историографии, Л.Л. Ивченко объясняла использованием набора «убийственных» цитат и их притягиванием к готовым концепциям «без подробного комментария к источникам, откуда эти цитаты заимствованы». Как отмечалось в докладе, материал для критики наиболее популярного русского полководца в течение многих десятилетий истории питали из «оправдательных» писем М.Б. Баркляя де Толли, «в которых впервые излагалась стройная версия основных событий Отечественной войны, существенно отличавшаяся от той, что была представлена Кутузовым в официальных документах». Последующие мифы отечественной историографии, «выдаваемые за действительность с помощью сомнительных в научном отношении аргументов», историк выводила из этого возникшего противостояния двух исторических концепций («антитеза Кутузов – Барклай»). Одновременно обращалось внимание на недостаточную изученность влияния баркляевских записок на всю отечественную историографию. По мнению Ивченко, адресный характер сочинений М.И. Баркляя де Толли, предназначенных в первую очередь для Александра I, недооценивался в работах А.Н. Кочеткова, А.Г. Тартаковского и Н.А. Троицкого, тогда как особые взаимоотношения Государя и Баркляя, безусловно, способствовали укоренению «версии» Баркляя.

Рассуждая о характере этих взаимоотношений, Л.Л. Ивченко обратила внимание на некорректность позиции В.М. Безотосного, который цитируя в подзаголовке своей статьи «Избрание, сверх воинских дарований»¹, как полагала исследователь, формулировку членов Чрезвычайного комитета, избравшего Кутузова главным командующим, якобы исказил смысл исторического документа. Следуя цитате, можно было понять, что Кутузов получил назначение свыше своих способностей. При этом Безотосному задавался риторический вопрос: «Зачем вчитывать» в источник то, чего там не было и нет?

Продолжая анализ кутузовской историографии, Л.Л. Ивченко, как и Н.А. Троицкий, также признала негативное влияние сталинской суждений о М.И. Кутузове на доходившие до абсурда высказывания советских историков. По мнению исследователя, противостояние Баркляя де Толли и Кутузова в данном случае приобрело идеологический контекст и оказалось тесно связанным с политической

¹ См.: Безотосный В.М. Борьба генеральских группировок в русской армии эпохи 1812 года. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов: К 190-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ. М., 2002. Вып. 132. С. 22.

конъюнктурой. Политическая детерминированность проблемы стала главной причиной цикличности в развитии историографического явления: в период ослабления политического режима историки принимали на щит Барклая де Толли, и наоборот, прикрываясь борьбой со сталинизмом, жестко критиковали Кутузова.

Ивченко отметила затяжной характер выявленного историографического противостояния двух полководцев в современной исторической науке. Заметное усиление критических настроений в отечественной историографии на рубеже XX–XXI столетий в отношении М.И. Кутузова она объясняла «современной познавательной ситуацией, вырвавшейся из жестких тисков идеологии» и не оставившей «сталинистов» среди историков. В связи с этим Ивченко подвигла критику точку зрения Троицкого, согласно которой часть современных исследователей темы «руководствуются в своих взглядах на Кутузова именно “указаниями товарища Сталина”», а также его марксистско-ленинский, классовый методологический подход к освещению места и роли русского полководца в Отечественной войне 1812 года. Полемику с Троицким Ивченко продолжила и в дальнейшем, выдвигая свои контраргументы против суждений саратовского ученого¹.

Публикация доклада не осталась незамеченной и вызвала ответные критические замечания в сторону Л.Л. Ивченко. Так, Ю.Л. Епанчин, без всяких на то оснований, подверг сомнению профессионализм Л.Л. Ивченко в изучении кутузовской темы, отметив, что ей, как и другим «полупрофессионалам», не хватило ни знаний, ни аргументов, чтобы убедительно оспорить выводы Н.А. Троицкого. По мнению критика, доклад имел конъюнктурный характер «с набором штампов времен брежневского застоя» и свидетельствовал о том, что его автор была незнакома с «новой солидной монографией академика»².

Подобное отношение к публикациям Л.Л. Ивченко выразил и сам Н.А. Троицкий, считая, что она «печатает страдальчески-апологе-

¹ См.: Ивченко Л.Л. Историография Отечественной войны 1812 года: 200-летний юбилей события // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года: [Сб.] / Фонд ист. перспективы; [сост. Е.Н. Рудая]. М., 2012. С. 170–216; Ее же. Ивченко Л.Л. М.И. Кутузов в отечественной историографии: Проблемы изучения биографии полководца // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 194–190.

² См.: Епанчин Ю.Л. Споры вокруг фельдмаршала: оценка личности М.И. Кутузова в современной историографии // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 334.

тические статьи о М.И. Кутузове», в которых полководец «напрочь лишен каких-либо недостатков», а их автор «амбициозно (но дилетантски)... преклоняется перед фельдмаршалом до абсурда»¹.

Свое резко негативное отношение к докладу Л.Л. Ивченко высказал и В.М. Безотосный, у которого вызвали удивление и насторожили «несколько странных моментов», не только его содержание, но и название. В ответной критической статье², с заметной долей сарказма, Безотосный обратил внимание на некорректность названия доклада, сразу ориентирующего читателя на конечный вывод о том, что в историографии кутузовской темы «царит произвол историков». Одновременно указывалось на категоричный настрой и обвинительный пафос статьи, напоминающие «больше следователя или прокурора, чем историка».

Безотосный усомнился в правильности применения подобных методов критики в отношении ведущих исследователей темы Отечественной войны 1812 года. Выказывая собственное критическое отношение к позиции Ивченко, Безотосный отметил слабость ее доказательной базы. Свое суждение он аргументировал разбором упомянутого сюжета с цитированием исторических документов и поставленного в докладе риторического вопроса о «вчитывании» в источник, чего там не было и нет? Историк дал пояснение, что использованная им выдержка: «избрание, сверх воинских дарований» процитирована не из постановления членов Чрезвычайного комитета, а из рескрипта Александра I Кутузову о его назначении на пост Главнокомандующего всеми русскими армиями. Далее Безотосный оценил как субъективистские и высказал собственную точку зрения по тем положениям доклада, в которых характеризовалась личность Александра I, его взаимоотношения с Барклайем де Толли и Кутузовым, а также причины назначения последнего на высокий пост. Причем, как считал критик, субъективизм у Ивченко проявлялся «очень эмоционально и абсолютно откровенно (Кутузов хорош, потому что Барклай плох – это не только лейтмотив или тезис, но и принципиальная позиция)».

В заключение В.М. Безотосный указал на ярко выраженную непримиримость позиции Л.Л. Ивченко, которая, по его мнению, подталкивает историков к развязыванию «историографической войны». Одновременно он считал абсолютно неправомерным оставить образ Кутузова «таким же заповедным, как в советские времена: чтобы ис-

¹ См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007. С. 82.

² См.: Безотосный В.М. Дело о «заговоре» историков против М.И. Кутузова // Рейтар. 2005. № 19. С. 132–146.

следователи не брали в расчет негативные отзывы современников, а любая мысль об его возможных ошибках считалась кощунственной»¹.

Ответной публикации со стороны Л.Л. Ивченко на замечания В.М. Безотосного и других оппонентов не последовало. Позже, в своем письме к автору настоящей монографии, она отметила, что «и не думала упрекать Безотосного в некомпетентности», подчеркнув отсутствие на сегодняшний день принципиальных расхождений, «хотя начиналось все, действительно, с них. Спор в 2004 году я считаю недоразумением: речь шла о некорректном, на мой взгляд, цитировании документа – фраза была оборвана так, что от этого менялось ее содержание. Виктор Михайлович на меня тогда был обижен, написал сердитую статью. Я хотела ответить еще более задиристой статьей, но сознательно себя сдержала: в мои намерения не входило обидеть своего коллегу. По тону и лексике его статьи я поняла, что я все же это сделала, поэтому моей задачей было принести коллеге свои извинения, что я и сделала в Малоярославце, как только представился случай»².

Полемика Л.Л. Ивченко с Н.А. Троицким и В.М. Безотосным, развернувшаяся в начале нового столетия, позволяет сделать вывод, что вопрос о месте и роли Кутузова в Отечественной войне 1812 года стал одним из ключевых и дискуссионных аспектов постсоветской историографии.

Отметим, что замечания и аргументы В.М. Безотосного в защиту своей позиции, по мнению автора настоящей монографии, во многом можно признать небезосновательными и заслуживающими внимания. В свою очередь, содержание публикаций Л.Л. Ивченко, в которых она выступает против критики Кутузова, противопоставляя его Барклаю де Толли, дает основание говорить о завышенной оценке ученым места и роли полководца в Отечественной войне 1812 года. Представляется, что главная слабость общей позиции Ивченко заключается в том, что она особо выделяет Кутузова без учета того, что было сделано его предшественниками. Между тем заслуги Кутузова как освободителя Отечества нельзя отрывать от заслуг Барклая де Толли, который сделал для этого спасения ничуть не меньше. Не Кутузов, а Барклай руководил подготовкой страны к войне и вместе с Багратионом решил одну из главных стратегических задач – сорвал основной замысел противника, не дав разгромить русскую армию в приграничных сражениях по частям. В этом отношении Барклай де Толли должен почитаться не в меньшей степени, чем Кутузов.

¹ Безотосный В.М. Дело о «заговоре» историков против М.И. Кутузова // Рейтар. 2005. № 19. С. 145.

² Письма Л.Л. Ивченко – И.А. Шеину от 12, 17.07.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

К кутузовской теме Л.Л. Ивченко обращалась и в последующем, накануне и в год 200-летнего юбилея, отчасти развивая свои идеи, высказанные в 2003 г., и, одновременно, указав на встречающиеся в литературе неточности из биографии М.И. Кутузова, связанные с его происхождением, местом и датой рождения, образованием. Историк подчеркнула необходимость изменения традиционных подходов к изучению биографии М.И. Кутузова, которые до настоящего времени сводятся к перечислению биографических фактов без связи с важнейшими событиями российской истории. С точки зрения Ивченко, подобная методология позволяет воссоздать только вневременной портрет исторической личности, становится причиной необоснованной жесткой критики Кутузова, создания новых, надуманных версий, основанных «на интуиции и бытовом здравомыслии современного человека». Дать объективную оценку Кутузову можно только выработав научную концепцию критики на основе изучения многочисленных источников, в историко-психологическом контексте эпохи¹. Обобщенный авторский взгляд на личность и полководческую деятельность Кутузова она изложила в специальной монографии².

Накануне юбилея книжный рынок страны был наполнен большим количеством всевозможных изданий о фельдмаршале М.И. Кутузове, в том числе повторных. Как правило, они представляли собой научно-популярное изложение более ранних работ или авторскую интерпретацию уже известных событий и по существу не привнесли в науку ничего нового³.

В новых исторических условиях гораздо оптимистичнее, чем в советский период, стала оцениваться *государственная практика российского императора*. Эта тема стала предметом специальной работы А.Н. Сахарова⁴, который не только по достоинству оценил диплома-

¹ Ивченко Л.Л. М.И. Кутузов в современной историографии: вопросы без ответов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XVII Международной научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2011 г.). Можайск, 2012. С. 176–191; Ее же. М.И. Кутузов в отечественной историографии: Проблемы изучения биографии полководца // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 194–190.

² См.: Ивченко Л.Л. Кутузов. М., 2012.

³ См.: Мельникова Л., Подмазо А., Никитин К. Кутузов: спаситель России. М., 2011; Михайлов О. Кутузов. М., 2011; Раковский Л. Кутузов. М., 2011; Шишов А.В. Кутузов. М., 2012; Шеремет В.И., Нигматулин Б.И., Пестун И.В. Кутузов: Жизнь. Сражения. Победы. М., 2012; Пересвет А. Тайный дневник фельдмаршала М.И. Кутузова. М., 2013; и др.

⁴ См.: Сахаров А.Н. Александр I. Человек на троне. М., 1992.

тические качества Александра I, но и одним из первых в современной историографии предпринял попытку пересмотреть его роль в руководстве обороной страны.

В противовес распространенным в советской литературе взглядам, согласно которым царь являлся бездарным и ограниченным военачальником, А.Н. Сахаров разглядел в российском императоре более опытного стратега, сумевшего учесть особый характер войны при планировании военных действий русской армии¹. Через психологический портрет царя историк вышел на причинно-следственные связи вооруженного конфликта между Россией и Францией. Он отошел от традиционных трактовок причин войны, по которым экономические противоречия определялись в качестве основополагающего фактора военного противостояния двух держав. Лейтмотивом всего произведения звучит мысль о преобладающем влиянии сферы межличностных отношений глав государств на характер проводимой ими внешней политики. По мнению Сахарова, война с Францией приняла для Александра I «форму личного и бескомпромиссного конфликта с Наполеоном, и русский император вложил в него всю силу своей ненависти, задетого самолюбия, твердости воли»².

Свою оценку личности Александра I в сравнении с Наполеоном дал и Н.А. Троицкий. Его монография «*Александр I и Наполеон*» представляла опыт сравнительного жизнеописания двух императоров³. Обращение к «вечной» наполеоновской проблематике, насчитывающей к моменту написания книги около 400 тыс. научных трудов, автор объяснял изменением «нашего видения мировой истории»⁴. Под таким углом зрения исследователю представлялось важным на уровне современных знаний «оценить... смысл, возможные альтернативы и, главное, уроки противоборства тех сил... которые сделали революционного генерала Бонапарта поработителем Европы, а крепостника-самодержца Александра ее «освободителем»»⁵.

В соответствии с авторским замыслом главная сюжетная линия книги направлялась на преодоление субъективистских оценок об основных действующих лицах произведения. Например, историк считал, что к личности Александра I большинство биографов и исследователей его социально-политической деятельности подходили с заниженными мерками. «Судить об Александре I надо целой окта-

¹ См.: Сахаров А.Н. Александр I. Человек на троне. М., 1992. С. 227, 229.

² Там же. С. 214–215, 230–231.

³ См.: Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

⁴ См.: Там же. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 7.

вой выше, как это сделал А.З. Манфред в книге о Наполеоне», – такая мысль заключала работу¹.

Научное сообщество в целом приветствовало выход в свет новой книги известного историка. В печати отмечалась оригинальность, без подражательности, авторского замысла, изобилие малоизвестных российскому читателю фактов, живость и увлекательность изложения. Вместе с тем указывалось на некоторые фактические неточности и чрезмерную доверчивость автора новой книги к тем легендам, которые подвергались критике даже во французской историографии².

Тем не менее некоторые критики полагали, что историк не сумел объективно сопоставить жизненные пути Александра I и Наполеона и по сути повторил «все те же взятые им из трудов буржуазных историков».

Определенным дополнением к книгам А.Н. Сахарова и Н.А. Троицкого стала белитризованная биография Александра I, подготовленная С.Э. Цветковым³. Тема межличностных взаимоотношений двух императоров в контексте генезиса войны в данном сочинении получила дальнейшее звучание. Однако относительно полководческих способностей царя историк высказывался более сдержанно, чем Сахаров. Авторский тезис о том, что император «слушал только советы генерала Фуля» во многом перекликался с выводами официальной советской историографии. Но нивелировав Александра I как полководца, Цветков тем не менее воздал ему должное как политическому лидеру, отведя роль консолидирующего начала нации. Реабилитировав эту, распространенную еще в XIX в. посылку, автор через нее вывел читателя на причины поражения Наполеона в России, которому пришлось воевать «не с Александром, не с его генералами, а с разъяренным народом, суровым климатом и необъятным пространством». В соответствии с логикой подобных рассуждений Цветков разделил «пресловутые лавры» спасителя Отечества между Александром I и М.И. Кутузовым.

Тенденция к более взвешенной и объективной оценке военно-политической деятельности российского императора, обозначенная в трудах Н.А. Троицкого, С.Э. Цветкова получила дальнейшее развитие в публикациях и выступлениях историков на научных конференциях. Например, А.И. Попов, обстоятельно проанализировав

¹ Там же. С. 292.

² См.: Егоров А. [Рецензия] // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 226–227. Рец. на кн. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

³ См.: Цветков С.Э. Александр I: Белитризованная биография. М., 1999.

причины народной войны против наполеоновских войск, особо подчеркнул инициативу российского императора в зарождении этого движения, а также высоко оценил его роль в достижении победы над агрессором. Историк придавал особое значение твердой решимости Александра I не заключать мира с Наполеоном, «которая в условиях абсолютной монархии, когда решение важнейших военно-политических решений зависело от воли монарха, значила многое»¹.

Свой сравнительный анализ военно-политической деятельности Александра I и Наполеона провел и В.М. Безотосный, который отметил возросший интерес в современной историографии к личности российского императора и охарактеризовал его как талантливого дипломата и мастера политического расчета². Содержание статьи выражало основную авторскую идею, согласно которой Александр I, активно используя пропаганду как важнейший элемент политики, переиграл своего противника на дипломатическом поприще, одержав в итоге безоговорочную победу над Наполеоном.

В общих концептуальных подходах 90-х годов XX – первой половины 10-х годов XXI в. к оценке военно-политической деятельности Александра I отмечалось и возрождение старых идей. Например, основные положения религиозно-монархической концепции XIX в. получили новое звучание в научном сообщении Е.В. Семенищевой³.

Доминировавшие в советской историографии 20-х – первой половины 30-х годов XX в. взгляды М.Н. Покровского на императора Александра I, как главного виновника франко-русского конфликта, нашли отражение в совместной статье Е.Н. Панасенкова и В.Г. Сироткина⁴.

¹ См.: Попов А.И. Кто был зачинателем «народной войны» в 1812 году? С. 78–79, 88; Попов А.И. «Остервенение народа, Барклай, зима иль русский бог?» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всероссийской научной конференции (Бородино, 3–5 сентября 2001 г.). М., 2002. С. 158.

² Безотосный В. Два императора // Родина: Россия и Наполеон. М., 2002. С. 6–9.

³ Семенищева Е.В. Православный царь и Отечественная война 1812 года: К 200-й годовщине воцарения императора Александра I // Русские государи-покровители православия. Материалы VIII Рос. науч. конф., посвящ. памяти святителя Макария. М., 2001. С. 240–250.

⁴ См.: Панасенков Е.Н., Сироткин В.Г. Наполеоновские войны и русская кампания 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV Научной конференции. Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001. С. 47.

В духе советской исторической концепции Л.Л. Ивченко возлагала всю ответственность «за несогласие среди русского командования» на Александра I. Не отрицая многих достоинств императора, историк выделила особенную черту его характера: неуправляемость в симпатиях и крайнюю злопамятность. Эти отрицательные качества в полной мере испытал на себе М.И. Кутузов: император постоянно ограничивал полномочия полководца, вмешивался во все его распоряжения¹. Тем не менее у Ивченко в данную оценку не закладывались социально-классовые противоречия, как это было принято в советской историографии. Историк отмечала конфликтную ситуацию на уровне межличностных отношений.

Завершая краткий историографический анализ первых постсоветских сочинений об Александре I, можно отметить четко обозначившуюся особенность, связанную с переосмыслением роли главы российского государства в войне 1812 года. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что этот процесс, направленный своим острием на реабилитацию заслуг царя в победе над Наполеоном, и воспроизводит элементы консервативно-монархической концепции XIX – начала XX столетия.

В рассматриваемый исторический период стала отмечаться тенденция к увеличению числа научных и научно-популярных публикаций, в том числе переводных, о личности, военно-политической и полководческой деятельности Наполеона Бонапарта. По мнению Л.Л. Ивченко, еще со времен перестройки в литературе «Эпохи двенадцатого года» начался определенный перекокс в сторону увлечения различного вида печатной продукцией, посвященной Наполеону и его Великой армии, когда «...на одного историка русской армии приходится пять обожателей французской армии, у которых на руках тогда была козырная карта – “лжепатриотизм”»². Увлеченность «наполеоновской легендой», на которую в свое время работали Е.В. Тарле и А.З. Манфред, определяла преимущественно позитивное отношение историков к этим вопросам.

О необходимости более взвешенной и объективной оценки военно-политической деятельности Наполеона одним из первых в постсоветской историографии стал заявлять Н.А. Троицкий, указавший на умолчание в советской исторической литературе прогрессивной стороны внутренней и внешней политики императора француз-

¹ Ивченко Л.Л. Сражение на Березине // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы II научной конференции. Москва, 29 апреля 1999 г. М., 1999. С. 83–90.

² Письма Л.Л. Ивченко – И.А. Шеину от 10, 24.07.2013 г. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

зов. Причину такого отношения историк выводил из «небрежного обращения» советских историков с трудами основоположников марксизма, тогда как «именно Маркс и Энгельс многократно и обстоятельно разъясняли прогрессивную сторону деятельности Наполеона»¹.

Проводя в монографии «Александр I и Наполеон» сравнительный анализ главных героев книги, исследователь усматривал их общность в деспотической сущности. Ученый не отрицал в военно-политической деятельности Наполеона деструктивных элементов деспотизма и агрессивности, дискредитирующих его прогрессивные начинания внутри Франции и в ее внешней политике.

Но при всех недостатках императора французов историк видел в Наполеоне прогрессивного буржуазного политика. Поэтому в своем сравнительном анализе автор книги все же более благосклонно относился к Наполеону, чем к Александру I. Историк всячески подчеркивал гениальность Бонапарта, раздвинувшую до бесконечности то, «что до него считалось крайними пределами человеческого ума и человеческой энергии»².

Отметим, что в современной историографии предметом изучения все чаще становится исследование различных историографических и исторических аспектов деятельности французского императора, в том числе его законотворчество и полководческий талант³.

¹ См.: Троицкий Н.П. Отечественная война 1812 г.: история темы. С. 5–6.

² См.: Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. С. 295, 296.

³ См.: Варламов А.А. Наполеон Бонапарт и его военная деятельность. Петрозаводск, 1992; Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть (эпоха консульства). Балашев, 1993; Боботов С.В. Наполеон Бонапарт – реформатор и законодатель. М., 1998; Земцов В.Н. Наполеон в Бородинском сражении // Славься ввек, Бородино! М., 2000. С. 78–89; Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М., 2000; Тимашева О.В. Три Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. (IX). С. 241–259; Буровский А.М. Наполеон – спаситель России. М., 2009; Соколов О.В. Наполеон: Pro et contra: Антология. М., 2013; Дейо А. Неизвестный Наполеон: эпопея о величии и падении. М., 2012; Египетский поход / Наполеон Бонапарт; пер. В. Голант. М., 2011; Наполеон. Афоризмы / Наполеон Бонапарт; пер. Т. Иванова. М., 2009; Соколов О. Наполеон не хотел идти в Россию? URL: <http://topwar.ru/print:page,1,19647-napoleon-ne-hotel-idi-v-rossiyu.html> (дата обращения: 19.09.2013 г.); Шиканов В.Н. Наполеоновская армия. М., 2012; Бабакина Е.И. Образ Наполеона в войне 1812 года: Анализ отечественной историографии первой половины XIX века. // Отечественная война 1812 года в судьбе России: Материалы Межвузовской научной конференции в Военном университете 17 мая 2012 года. М., 2012. С. 33–37; Ее же. Наполеон в Отечественной войне 1812 года: Анализ советской историографии второй половины 30-х –

В целом наполеоновская тема все сильнее претендует на обособленное существование в современной российской историографии. Содержание публикаций и научных докладов на научных форумах позволяют говорить о сближении позиций отечественной и зарубежной историографии.

В центре внимания исследователей в очередной раз оказалась незаурядная личность главнокомандующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли. Значительный количественный рост в 90-х годах XX – начале XXI в. разнообразных по содержанию публикаций о Барклае де Толли стал предметом историографического анализа специализирующегося на барклаевской теме саратовского историка В.П. Тотфалушина. Подробно изучив многочисленную литературу, исследователь пришел к выводу, что, обращаясь к жизни и деятельности М.Б. Барклая де Толли, многие историки стремятся к отысканию новых фактов и разработке новых подходов и суждений, пытаясь преодолеть ранее господствовавшие идеи и концепции. Однако некоторые из них при этом демонстрируют незнание или элементарное пренебрежение достижениями своих предшественников. Одновременно даже в новейших изданиях отчетливо прослеживается тенденция к сохранению в неизменном виде двух традиционных диаметрально противоположных направлений в оценке деятельности российского полководца¹.

Современные историки проявили научный интерес и к другим полководцам и героям Отечественной войны 1812 года. Большинству из них также присуще стремление дать новые оценки результатов их деятельности².

середины 80-х гг. // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 1 (21). С. 69–72; Ее же. Образ Наполеона в Отечественной войне 1812 года: каким он представляется в современной школьной программе? // Право и образование. 2012. № 12. С. 155–160; Наполеон Бонапарт и отмена крепостного права в России в отечественной историографии войны 1812 г. // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 139–147; и др.

¹ Тотфалушин В.П. М.Б. Барклай де Толли в современной российской историографии // Бородино в истории и культуре: Материалы Международной научной конференции 7–10 сентября 2009 г. Можайск, 2010. С. 217–236.

² См.: Сапожников А.И. Граф Матвей Иванович Платов: Опыт научной биографии. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995; Епанчин Ю.Л. Николай Николаевич Раевский // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 59–81; Бобенко Г.И. Полководцы России: Михаил Милорадович. Карл Бистром. СПб., 2000; Горностаев М.В. Государственная и общественная деятельность Ф.В. Ростопчина в 1796–1825 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Накропин В.В. Генерал А.П. Ермолов в войнах против наполеоновской Франции: 1805–1815 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003; Хмельницкая О.Е. А.И. Чернышев – государственный деятель России первой половины XIX века. Дис. ... канд. ист.

Важнейшее направление развития современной историографии представлено массивом литературы, посвященной отображению *Отечественной войны 1812 года в литературе и искусстве, сохранению исторических памятников и формированию национальной памяти о событиях того времени*. Многоплановость исследовательской проблематики и высокие количественные показатели публикаций определили особое положение этих вопросов в общем ряду ключевых аспектов историографии. Они нашли отражение в научных исследованиях на уровне диссертационных работ, монографий и статей¹, а также в научно-популярных изданиях², выставочных катало-

наук. Томск, 2003; Лесин В.И. Атаман Платов. М., 2005; Мещерякова А.О. Государственная деятельность и общественно-политические взгляды Ф.В. Ростопчина. Воронеж, 2006; Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Ивченко Л.Л. Князь П.И. Багратион. М., 2010; и др.

¹ См.: Воробьев Б.В. История Отечественной войны 1812 года в изобразительном искусстве. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994; Памятники Отечества: Иллюстрир. альманах / сост.: А.Д. Качалова, А.В. Горбунов. М., 2000; Чернов О.В. Отечественная война 1812 года в русской батальной живописи XIX – начала XX века. Дис. ... канд. культурол. наук. Барнаул, 2000; Левин С.С. Награды Наполеона в собраниях ГИМ // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов: К 190-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ. Вып. 132. С. 47–62; Мельникова Л.В. Мемориал войны 1812–1814 гг. в церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Сб. материалов: К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ. Вып. 142. М., 2004. С. 168–175; Конов А.Н., Мержанов С.Б. Художественная концепция мемориально-ландшафтной экспозиции «Батарея Раевского» // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всеросс. науч. конф. Бородино, 8–10 сент. 2003 г. Можайск, 2004. С. 168–175; Нарышкина Н.А. Отечественная война 1812 г. в изобразительном искусстве // Клио. СПб., 2004. № 3. С. 195–202; Желаднова Л.И. Панорама «Бородинская битва» – выдающееся произведение батальной живописи // Вестник Музея-панорамы «Бородинская битва». М., 2006. Вып. 3. С. 54–67; Шереметьев О.В. «И вечной памятью двенадцатого года»: Отеч. война 1812 г. в произведениях рос. худож.-баталистов XIX – нач. XX в. Барнаул, 2007; Скворцов А.А. Северный Кавказ в период борьбы России с Наполеоном и историческая память местного общества об эпохе 1812–1815 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009; Новиков В.И. Из пламя и света рожденное слово: А.С. Пушкин и Отечественная война 1812 г. М., 2011; Постникова А.А. Великая армия на Березине: событие – память. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; и др.

² Малоярославец: Очерки по истории города. Буклет. Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года. 1992; Бородинское поле: музей и памятник: К 165-летию основания Бородинского музея-заповедника / сост.

гах¹ и путеводителях по памятным местам и музейным экспозициям². Авторами большинства указанных работ являются историки, литераторы, культурологи, научные сотрудники музеев, те, кто по роду своей профессиональной деятельности связаны с сохранением наследия «эпохи двенадцатого года».

Большую работу по сохранению исторического наследия и национальной памяти об Отечественной войне 1812 года проводят специализированные культурно-массовые и научные музейные организации. Среди них Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле», Музей Отечественной войны 1812 года в Москве, Музей-панорама «Бородинская битва», Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года и некоторые другие.

Ранее уже отмечалась непосредственная роль большинства этих учреждений в развитии научной деятельности по изучению истории Отечественной войны 1812 года. Не менее важна для рассматриваемой темы и их основная функциональная обязанность, связанная с сохранением исторических реликвий и проведением просветительской работы среди граждан Российской Федерации.

А.В. Горбунов. М., 2005; «Гроза Двенадцатого года»: Методические материалы. М., 2011; Митрошенкова Л.В. Город храмов и палат: архитектурные памятники Москвы – свидетели событий 1812 года. М., 2011; И Париж видали мы... / авт.-сост. Р.Н. Разимов. Уфа, 2012; Мартиросова М.А. Военная галерея 1812 года. Джордж Доу. М., 2012; и др.

¹ Александр I: «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки. СПб., 2005; «Меня следует считать русским художником»: Каталог выставки, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Рубо. М., 2006; Портреты участников Отечественной войны 1812 года в гравюре и литографии: из коллекции Музея-заповедника «Бородинское поле»: Каталог / сост.: В.Е. Анфилатов, Т.Ю. Громова. М., 2006; Наполеон и Лувр: из собраний музеев Франции: Выставка в Государственном историческом музее 21 сентября – 10 декабря 2010 г.: Каталог / А. Себастьян, Б. Кристоф, В. Безотосный. М., 2010; «Вам не видать таких сражений...»: Отечественная война 1812 г. в событиях и лицах: Каталог выставки 25 декабря 2011 – 8 апреля 2012 / Екатеринбургский музей изобразительных искусств. Екатеринбург, 2012; Отечественная война 1812 года в коллекциях Музея-панорамы «Бородинская битва»: Альбом-каталог / сост. С.В. Львов. М., 2011; и др.

² См.: Смирнов А.С. Москва – героям 1812 года: Путеводитель. М., 1996; «Время сражаться»: Путеводитель по основной экспозиции Музея-панорамы «Бородинская битва». М., 2012; Путеводитель по панораме «Бородино». М., 2012; Монахов А.Л. «Любимцы Марса»: Путеводитель по вводному залу экспозиции Музея-панорамы «Бородинская битва». М., 2013; и др.

Особо ценным объектом культурного наследия народов России является *Бородинский военно-исторический музей-заповедник*. Это мемориал двух Отечественных войн, старейший в мире музей из созданных на полях сражений (1839 г.). На территории музея-заповедника в 110 кв. км расположены более 200 памятников и памятных мест, в том числе на местах командных пунктов М.И. Кутузова и Наполеона, расположения русских войск, а также Спасо-Бородинский монастырь и церковь в селе Бородино – единственный свидетель сражения.

В музее развернуты пять постоянно действующих экспозиций, где представлены личные вещи полководцев, оружие, военный костюм, трофеи и находки с мест сражения, портреты и батальные произведения. В фондах музея хранятся богатейшие коллекции археологии, печатной графики 1-й половины XIX в., редкой книги.

Сотрудниками музея проводится большая просветительская и культурно-массовая работа в виде тематических экскурсий по экспозиции музея и Бородинскому полку, а также проведение лекционного цикла «Отечественная война 1812 г.» Музей является главным инициатором и организатором ежегодного военно-исторического праздника «День Бородина». Как уже отмечалось, в рамках этого праздника территория музея стала основным местом проведения кульминационных мероприятий, посвященных 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. Около трех тысяч человек в обмундировании 1812 года, с действующими моделями оружия того времени, более трех сотен лошадей, десятки пушек в сочетании с точной пиротехнической имитацией давали образное представление о том, что же происходило «на поле близ села Бородина» 26 августа 1812 г.

В целях военно-патриотического воспитания подрастающего поколения школьного возраста в последнее воскресенье мая, к окончанию учебного года, проводится военно-исторический праздник «Стойкий оловянный солдатик». Дети вместе с экскурсоводом совершают экскурсию в прошлое, осматривают памятники и памятные места двух Отечественных войн, узнают, как и за что сражались наши предки на Бородинском поле.

Одно из важнейших направлений работы музея заключается в сохранении и управлении культурным ландшафтом Бородинского поля¹.

Своими достижениями музей во многом обязан слаженной работе сотрудников (всего 194 чел., из них 60 научных). Высокому научному

¹ См.: Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле». URL: www.borodino.ru/; Музеи России. URL: <http://www.museum.ru/m442> (дата обращения: 10.10.2013 г.).

и общественному статусу музея способствует творческая деятельность заместителя директора музея по научной работе (в этой должности с 1986 г.) заслуженного работника культуры РФ А.В. Горбунова. Основное направление его научных исследований связано с изучением историко-культурного ландшафта полей сражений наполеоновских войн, а также с практической работой по сохранению и музеефикации Бородинского поля, которая получила высокую оценку в виде премии ЮНЕСКО «За сохранение и управление культурным ландшафтом» (2007 г.). Горбунов руководил работой по подготовке и проведению 16 Международных и Всероссийских научных конференций. Он автор более 40 научных публикаций по проблемам изучения Бородинского сражения и Бородинского поля как объекта культурного наследия. За создание экспозиции «Военная галерея Бородинского поля» А.В. Горбунов удостоен Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» I степени (2011 г.)¹.

Новым историко-культурным центром сохранения национальной памяти о войне 1812 г., созданным в соответствии с федеральным планом подготовки к 200-летию юбилею, стал *Музей Отечественной войны 1812 года*. Организационно и территориально он является составной частью Государственного исторического музея, разместившись в специально построенном павильоне на месте внутреннего дворика в промежутке между Городской думой (ранее Музей В.И. Ленина) и старинным зданием Монетного двора. Несмотря на свою новизну, музей имеет давнюю предысторию. Идея его создания родилась в 1839 г., но только в 1902 г. она стала воплощаться в жизнь. Вопрос обсудили на специально созданном «Особом комитете по устройству Музея 1812 года», тогда же начали собирать и музейную коллекцию. Высочайшее повеление о создании Музея последовало в 1908 г. Раритетные коллекционные экспонаты впервые выставлялись для обозрения в 1912 г. во время мероприятий, приуроченных к 100-летию юбилею. Исторические катаклизмы, в водоворот которых оказалась втянутой Россия через два года после юбилейных торжеств, сделали не актуальным вопрос о создании такого музея. Только в настоящее время были найдены необходимые средства для воплощения давнего замысла.

Главными «идеологами» реализации правительственного решения о создании Музея Отечественной войны 1812 г. стали заведующие

¹ См.: Александр Викторович Горбунов // РИА Новости [сайт]. URL: http://ria.ru/authors/gorbunov_aleksandr/#ixzz2hG9trAli (дата обращения: 10.10.2013 г.); Беседы с заповедными людьми: Александр Горбунов // Заповедные острова 2012 г. 24 июня. № 137.

щий экспозиционным отделом XIX в. В.М. Безотосный и ведущий научный сотрудник ГИМ А.А. Смирнов, разработавшие по поручению дирекции «Концептуальные предложения для будущей экспозиции “Музея 1812 года”»¹. После внесения некоторых изменений и дополнений они были одобрены ученым советом ГИМ².

В соответствии с принятой концепцией экспозиция Музея отражает предысторию десятилетнего противоборства России и Франции до 1812 г., представляет «музейный образ» самой Отечественной войны и периода освобождения Европы из-под власти Наполеона, затрагивает особую тему «переживания войны» и памяти о ней. Она построена по хронологическому принципу и состоит из презентационной зоны и десяти тематических разделов, отражающих в музейных экспонатах участие России в «эпохе наполеоновских войн» с 1801 по 1815 г.

При создании музея основная музейная коллекция 1912 г. была расширена за счет новых приобретений, главным образом, археологических находок с полей сражений. Большая часть экспонатов – подлинные вещи той эпохи. Среди раритетов походная кровать Наполеона, его личные вещи и сабля, коронационное кресло Александра I, созданное в подражание тронным креслам Бонапарта, подлинники документов, оружие, военная форма одежды тех времен и даже оставшаяся в единственном экземпляре полевая кухня 1811 г., сделанная в Германии для 1-го корпуса маршала Даву. Украшением последнего зала музея, посвященного памяти об Отечественной войне в России, является почти полная серия полотен на тему 1812 г. Василия Верещагина. Научно-просветительская и образовательная деятельность Музея состоит в проведении циклов лекций о войне 1812 г., а также в организации работы клуба «Наш дом – музей» для школьников 6–11 классов, студентов и семейной аудитории³.

Масштабная и напряженная работа организаторов музея позволила в короткие сроки воплотить в жизнь правительственное требование создать Музей «со всеми последними достижениями в музейном деле на уровне лучших музеев мира»⁴. Музейная экспозиция

¹ Концептуальные предложения для будущей экспозиции «Музея 1812 года» / В.М. Безотосный, А.А. Смирнов [Электронный ресурс] // Из личного архива И.А. Шеина.

² Автор настоящей монографии принимал личное участие в обсуждении указанных «Концептуальных положений» на ученом совете ГИМ в 2010 г.

³ См.: Музей Отечественной войны 1812 года // Музеи России. URL: www.museum.ru/M424 (дата обращения: 11.10.2012 г.); Музей Отечественной войны 1812 года. URL: www.1812shm.ru (дата обращения: 11.10.2012 г.).

⁴ См.: И вечной памяти двенадцатого года // Московская правда. 2010. 18 марта.

имеет отличное техническое оснащение: на экраны и мониторы проецируются кадры исторических фильмов, с помощью сенсорных панелей посетители могут узнать интересующие их подробности, звуковое сопровождение экспозиции обеспечивают специальные аудиоустройства.

Музей-панорама «Бородинская битва» является единственным музеем Москвы, экспозиция которого полностью посвящена Отечественной войне 1812 года. Центральным экспонатом музея является панорама – художественное полотно академика живописи Франца Рубо, посвященное Бородинскому сражению. Полотно отражает кульминационные события битвы, происходившие около полудня 26 августа (7 сентября) 1812 г. Размеры панорамы впечатляющие: по окружности 115 м, а по высоте 15 м.

Открытие панорамы состоялось в деревянном павильоне на Чистых прудах 29 августа 1912 г. К 1918 г. здание пришло в негодность, и вторая жизнь панорамы началась только в 1962 г., когда к 150-летию юбилею победы в Отечественной войне было сооружено новое здание на Кутузовском проспекте.

Музей задумывался для демонстрации единственного экспоната, но собранные за годы обширные коллекции живописи, графики, декоративно-прикладного искусства, предметы снаряжения и вооружения позволили создать полноценную экспозицию, которая раскрывает основные события Отечественной войны 1812 года.

Так же как и другие музеи, музей-панорама «Бородинская битва» занимается научно-просветительской работой, проводя лекции и культурно-образовательные костюмированные программы для детей 7–12 лет¹.

Относительно небольшой *Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года* (штат музея – 7 чел., из них 3 научных сотрудника) является центром изучения, хранения и пропаганды памятников, связанных с Малоярославецким сражением 1812 г. Подлинные экспонаты – русское и французское оружие, предметы экипировки обмундирования и военного быта, нумизматики, фалеристики, военная миниатюра, живопись и графика художников XIX–XX вв. позволяют полнее представить ход войны и значение Малоярославецкого сражения, которое явилось началом бегства и гибели Великой армии Наполеона².

¹ См.: Музей-панорама «Бородинская битва» // Музеи России. URL: <http://www.museum.ru/M384> (дата обращения: 11.10.2012 г.).

² См.: Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года // Музеи России. URL: <http://www.museum.ru/m627> (дата обращения: 14.10.2012 г.).

Следует отметить, что эффективность музейной работы по сохранению исторической памяти о войне во многом зависит от творческой активности музейных работников, в большинстве своем являющихся высокими профессионалами и энтузиастами своего дела. Кроме уже упомянутых А.В. Горбунова, В.М. Безотосного и А.А. Смирнова, повышению роли и значения музейной работы в изучении событий «эпохи двенадцатого года» способствуют организаторская и научная деятельность заместителя министра культуры Калужской области В.А. Бессонова, главного хранителя музея-панорамы «Бородинская битва» И.И. Ивченко, директора Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 г. Н.В. Котляковой, зав. научно-информационным отделом музея-панорамы «Бородинская битва» С.В. Львова, заместителя директора музея-панорамы «Бородинская битва» по научной работе Л.В. Митрошенковой и многих других.

Формированием общественных представлений об Отечественной войне 1812 г. и сохранением народной памяти о ней, кроме историков и музейных работников, занимались и продолжают заниматься многочисленные публицисты и литераторы.

В многочисленной художественной литературе исторические события и герои 1812 г., в том числе и подлинные персоналии, воссоздаются литературным творчеством писателя и зависят от уровня его исторической подготовленности и воображения. В итоге представленная в книге общая картина зачастую не совпадает с подлинной историей. Напомним, что даже «смелые парадоксы» IV тома «Войны и Мира» заставляли специалистов неоднократно братья за перо, чтобы развенчать созданные Л.Н. Толстым «самые превратные понятия как о военном деле, так и об исторических событиях 1812 года»¹.

Подобная ситуация повторилась и в середине 90-х годов XX столетия. Обилие противоречивых суждений в беллетристике подтолкнуло Н.А. Троицкого в 1994 г. к критическому обзору в журнале «Родина» литературных сочинений В.С. Пикуля, О.Н. Михайлова, Н.А. Задонского, С.П. Алексеева. Исправляя фактические ошибки в художественных произведениях, историк в очередной раз видел свою задачу в разоблачении субъективизма исторического мышления, сформированного на базе научных догм².

Критика Н.А. Троицкого вызвала очередные резкие возражения со стороны «обруганных», на этот раз, писателей. Редакция журнала

¹ См.: Витмер А. 1812 год в «Войне и мире». С. II.

² См.: Троицкий Н.А. Небываемое бывает? Война 1812 года в изображении советских писателей // Родина. 1994. № 9. С. 68–72.

здесь же поместила ответ О.Н. Михайлова, возмущенного требованием соблюдения исторической достоверности в художественных произведениях. Основным контраргумент литератора свелся к традиционному для дискуссий романистов и ученых суждению о свободе литературного творчества, допускающего отход от изображения реальных событий¹.

Полемика литератора с историком обозначила серьезную проблему, связанную с идейно-нравственной направленностью концепции 1812 г. Как следует из анализа дискуссии, попытки саратовского историка пересмотреть основные концептуальные положения темы в ортодоксально настроенных общественных кругах воспринимались чем-то вроде идеологической диверсии. В контексте критической публикации писателя отчетливо прослеживается идея о необходимости политизации истории 1812 г. в интересах патриотического воспитания народа. Поэтому «гротескно-патриотические» тезисы, трактующие войну с Наполеоном исключительно «в нашу пользу», им не только не отрицались, а, наоборот, воспринимались как важные идеологические ориентиры, указывающие путь к решению конкретных практических задач. В рамках такого мировоззрения О.Н. Михайлов обвинил Н.А. Троицкого в попытках «с помощью либерального террора отвергнуть все и вся, отбросить все прежние ценности, не давая, по сути, взамен ничего, кроме отрицания». При этом ученый в очередной раз уличался в космополитизме и безыдейности, которые, по мнению писателя, выразились в «крайне удивительном раздражении» и «ловле блох по мелочам».

Высказанное О.Н. Михайловым отношение к отечественной истории вряд ли можно признать оправданным. Позиция литератора рассчитана на успех в исторически неподготовленной читательской аудитории. У образованного, вдумчивого читателя далекое от исторической правды литературное произведение в лучшем случае вызовет чувство снисхождения к научной эрудиции автора. Скорее всего, подобным сочинением можно добиться лишь отрицательных эмоций, основанных на убеждении преднамеренного подлога.

Однако писатель совершенно справедливо заострил внимание на объединяющей не только литераторов, но и историков «сверхзадаче» использовать исторический опыт всенародной борьбы с Наполеоном в интересах патриотического воспитания российского общества. В связи с этим видится важным умение автора научного или литературного труда найти правильные подходы к взвешенному, объективному толкованию исторических событий. Критическая история, све-

¹ См.: Михайлов О. В чужом монастыре // Родина. 1994. № 9. С. 74.

денная к очернительству, столь же вредна, как и слепое, безудержное восхваление пусть даже и героического прошлого.

В начале XXI столетия вопросы осмысления феномена войны в русской культуре стали предметом специального обсуждения на научной конференции «Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года», проходившей 3–5 декабря 2012 г. в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН.

Отличительной особенностью конференции был весьма обширный блок докладов, посвященных искусствоведческой проблематике отражения темы Отечественной войны 1812 г. в музыке, театре, изобразительном искусстве. Но основное содержание научного форума было посвящено литературоведческим вопросам. В научных сообщениях рассматривались вопросы поэтического преображения и «анекдотического» переосмысления событий войны 1812 года, проводился сравнительный анализ описания битвы при Ватерлоо Стендалем и Бородинского сражения Л.Н. Толстым, аналитический разбор исторических романов, написанных в 1912–1913 гг.

Некоторые из участников конференции выразили критическое отношение к современным произведениям, указав на «неготовность» литературы к отражению такого эпохального события, как Отечественная война 1812 г., на неспособность авторов «справиться с материалом», на примитивизм и условность текстов. При этом был поднят вопрос о соотношении «в филологическом материале» реалий и легенд. Некоторые участники конференции высказывали мнение о том, что непреодолимых границ между «историей» и «мифом» нет, а процесс их совмещения и преображения может быть раскрыт как на предельно конкретном, «документальном» материале, так и в форме различных филологических реконструкций. Отдельно на конференции рассматривался механизм изучения «реального» и «легендарного»¹.

Вопросы мифологизации истории в художественных произведениях продолжают оставаться актуальными и для профессиональных историков. Однако если литераторы указывают на необходимость дальнейшего изучения соотношения реальной истории и мифов, то профессиональные историки по-прежнему требуют достоверного изображения в художественных произведениях исторических фак-

¹ См.: Сорочан А. Международная научная конференция «Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года»: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 3–5 декабря 2012 г. // Новое литературное обозрение: независимый филологический журнал. 2013. № 121; Русский журнал. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/121/46s.html> (дата обращения: 07.09.2013 г.).

тов. Так, А.И. Попов считал необходимым «в корне пересмотреть подход к знаменитому роману Л.Н. Толстого “Война и мир”». По примеру А. Витмера он задался вопросом: «На каком основании это сугубо литературное произведение стало восприниматься в нашей историографии почти как исторический источник?» Кроме того, историк отметил слишком доверчивое отношение исследователей к панораме Ф. Рубо, полотнам В.В. Верещагина и такому известному «источнику», как лубок¹.

200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. актуализировал проблему ее образного изображения в кинематографе. Эта тема обсуждалась 24–26 мая 2012 г. на научной конференции «Отечественная война 1812 года. Экранизация памяти», организованной Научно-исследовательским институтом (НИИ) киноискусства в Москве.

Перед кинематографистами была поставлена цель изучения возможностей кинематографа (и шире – экранных медиа) в конструировании образа исторического события как важнейшего фактора формирования коллективной памяти.

В центре внимания участников конференции оказались вопросы осмысления самого феномена исторического фильма как формы бытования исторического знания. Большой интерес представлял вопрос о литературных экранизациях, когда одна и та же литературная основа используется для создания качественно отличающихся и не «родственных» в культурном отношении фильмов. В связи с этим подробно рассматривались особенности экранизации российской и американско-европейской версий романа «Война и мира» Л.Н. Толстого.

В нескольких научных сообщениях была поднята проблема влияния кинообразов на эпическое воплощение национальных мифов и исторических сюжетов. Так, например, Р. Рахимов (Башкирский государственный университет) проанализировал кинематографические образы солдат-часовых наполеоновской эпохи с учетом национальных традиций создателей фильмов, культурологического и идеологического контекста, в котором он находились².

Проблему исторической достоверности отечественных фильмов, касающихся войны 1812 г., поднял А.А. Подмазо. Он привел подробную классификацию всех встречающихся в кино «исторических ля-

¹ См.: Попов А.И. Об итогах и перспективах изучения войны 1812 года [Электронный ресурс] // Самарская губерния: история и культура. URL: <http://www.gubernya63.ru/history/materials/ob-itogah-i-perspektivah-izuchenija-vojny-1812/> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

² См.: Чистякова В.О. 1812 год: экранные воплощения // Российская история. 2012. № 6. С. 200–202.

пов», т. е. тех или иных несоответствий экранного произведения реалиям конкретной исторической эпохи. Историк отметил нацеленность современного российского кинематографа на высокие рейтинги и погоню за «длинным рублем», которые привели к снижению роли отечественного кино в патриотическом воспитании молодежи при отражении темы «эпохи двенадцатого года».

Рассмотрев уже известные популярные советские и новые, юбилейные фильмы об Отечественной войне 1812 года, Подмазо указал на имеющиеся в них «фактологические сюжетные ошибки, обусловленные слабым знанием исторических фактов либо намеренным искажением фактов авторами сценария и режиссерами». Историческую недостоверность фильмов историк также связал с ошибками реквизита, поведения актеров, военной формы, одежды и наград, используемой терминологии и зрительных образов известных исторических персоналий.

Серьезный изъян современного российского кинематографа А.А. Подмазо усмотрел в появлении отличающихся «абсолютным идиотизмом» фильмов, высмеивающих реальные события героических эпох российской истории, таких, например, как «Гитлер капут» и «Ржевский против Наполеона». Не без основания историк отметил опасность воздействия такой кинопродукции на умы подрастающего поколения, мыслящего, по большей части, аудиовизуальными образами¹.

Таким образом, анализ основных направлений развития постсоветской историографии Отечественной войны 1812 г. свидетельствует о дальнейшем углублении научных исследований и о значительном расширении исследовательской проблематики этой темы.

Кризисное положение историографии в начале 90-х годов стало важнейшим фактором, способствующим проведению собственно историографических исследований. Процесс приращения научных знаний шел от изучения общих вопросов историографии к углубленному исследованию ее частных историографических аспектов. Данное направление развития современной историографии является наиболее перспективным, поскольку именно на основе историографических разработок определяются еще не реализованный научный потенциал и возможности дальнейшего развития исторической науки.

¹ См.: Подмазо А.А. К вопросу об исторической достоверности в отечественных фильмах на тему войны 1812 года: Выступление на международной научной конференции: «Отечественная война 1812 года. Экранизация памяти» 24–26 мая 2012 г., Москва. [Электронный ресурс] // Личный архив И.А. Шеина.

Подобным же образом, важнейшей задачей развития историографии являлось преодоление методологического кризиса, в котором оказалась тема войны 1812 г. в результате смены идеологических ориентиров. К настоящему времени в данной области накоплен некоторый положительный опыт, связанный как с совершенствованием традиционных позитивистских методов научного исследования, так и первых удачных попыток применения российскими историками методологии постмодернизма. Однако эта крупная научная проблема требует дальнейшего изучения. Представляется, что развитие современной методологии научного познания связано с утверждением многовариантности методологических подходов в научных исследованиях, позволяющих воссоздать наиболее полную и достоверную картину войны 1812 года.

Основные направления развития современной историографии находились в тесной взаимосвязи с разработкой важнейших концептуальных положений истории Отечественной войны 1812 года. Переосмысление традиций советской историографии способствовало проведению комплексных научных исследований международных аспектов русско-французского конфликта, военных вопросов, блока социально-политических проблем, места и роли исторических персоналий в «эпохе двенадцатого года», а также сохранения исторической памяти о событиях того времени.

Итоги исследовательской работы свидетельствовали о наличии в историографии спорных и недостаточно изученных вопросов, разрешение которых стимулировало появление новых научных работ.

Подводя итог развития историографии исследуемой проблемы в период подготовки и празднования 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 года, можно отметить завершение стадии пересмотра общей концепции советской историографии, который начался с распадом СССР в 90-х годах прошедшего столетия. Как показало изучение разнообразных историографических источников, несостоятельность господствовавшей в советской исторической науке концепции стала общепризнанным явлением.

Поэтому главная тенденция развития историографии Отечественной войны 1812 года проявляется в популяризации и внедрении новых взглядов в общественное сознание. Сформированные в 90-х годах XX столетия концептуальные положения уже переставали быть исключительно достоянием историков-специалистов. Признание результатов проводимых научных исследований на уровне средств массовой информации свидетельствовали о потенциальной готовности современного российского общества к восприятию общей картины этой войны, разработанной историками с учетом новых методологических подходов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло двести лет с тех пор как победоносно для России завершилась одна из самых крупных войн, которые ей пришлось вести в XIX столетии. В сознании большинства наших соотечественников – участников и современников событий вооруженная борьба против Наполеона отразилась всенародным подвигом повсеместного сопротивления неприятелю, вторгнувшемуся «в пределы... могущественного, изобильного и благополучного Царства Российского»¹. Эта легендарно-эпическая сторона истории, сформулированная в понятие «Отечественная война 1812 года», получила всеобщее признание, вошла в благодарную память потомков и за два столетия превратилась в традицию, в «акт самосознания культуры»².

Но историческое знание передавалось из поколения в поколение не только на уровне преданий и легенд. Многочисленный отряд сменявших друг друга историков-исследователей с первых послевоенных лет и до настоящего времени активно работал и продолжает работать над созданием научной истории военного похода Наполеона в Россию.

Изучаемая проблема нашла отражение в самой разнообразной научной, научно-популярной и учебной литературе. Противоречивость высказанных в них авторских суждений и мнений обусловила особый интерес ученых к развитию научной мысли о войне 1812 года как к особому предмету исследования.

За 200-летний период историография темы превратилась в самостоятельное направление в исторической науке. Ученые с разных методологических позиций пытались воспроизвести и объяснить изучаемые ими события. От простого описания фактов и создания подробной хроники войны в первой половине XIX в. историки со временем перешли к более углубленному научному анализу ее экономических, внешнеполитических, военных, социально-политических и духовных аспектов. В начале XX в. в методологии научного по-

¹ Благодарственный манифест Русскому народу от 5 ноября 1812 года // Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 3. С. 67.

² Эту справедливую точку зрения в свое время высказал А. Немзер. См.: Лица или маски? // Родина. 1992. № 6–7. С. 134.

иска, основанной на объективно-критических оценках первоисточников, были определены подходы, позволявшие максимально приблизить научные знания к реальной исторической действительности.

Вместе с тем чрезмерная увлеченность исследователей в 30–80-х годах XX в. разработкой всеобъемлющей теории научного познания, дающей единственно правильное понимание исторического процесса, в сочетании с конкретными социокультурными условиями развития отечественной исторической науки повлекла за собой формирование ошибочных представлений и субъективистских суждений об истории нашествия Наполеона на Россию. В начале 90-х годов XX столетия несовершенство такой методологии привело к кризисным явлениям в историографии темы.

Анализ ранее применявшихся и современных общефилософских и мировоззренческих подходов свидетельствует о том, что создание наиболее научно обоснованной и объективной концепции войны 1812 года возможно только с учетом признания рациональных идей, существующих в любой познавательной парадигме.

Историография Отечественной войны 1812 года развивалась под влиянием многообразных факторов экономического, внешнеполитического, социально-политического, духовного и собственно научного содержания. Анализ историографических источников показал, что социально-политические условия, в которых работали исследователи проблемы, оказывали решающее значение на характер интерпретации исторических событий. Формирование, утверждение и смена господствовавших концепций всегда оказывались тесно связанными с динамикой социально-политической жизни страны. Эта устойчивая, повторяющаяся взаимосвязь составила важнейшую закономерность в развитии темы.

Учитывая характер взаимосвязи историографии Отечественной войны 1812 года с социально-политическими условиями, в российской исторической науке можно выделить три периода ее развития: дореволюционный (досоветский), советский и современный (постсоветский), которые в самых общих чертах совпадают с общепринятой периодизацией истории нашей страны.

Другим важнейшим фактором, который оказывал прямое и непосредственное влияние на историографию темы, являлся уровень достигнутых научных знаний или состояние самой исторической науки. Как правило, конечные положения и выводы зависели от используемого научно-теоретического инструментария, состояния источниковой базы, опыта подготовки научных трудов, характера деятельности научно-исследовательских учреждений, профессио-

нальной компетентности исследователей, методов руководства исторической наукой и от некоторых других условий.

Зависимость эволюции историографии Отечественной войны 1812 года от общего состояния исторической науки, от уровня достижения научных знаний по проблеме составила другую закономерность ее развития.

Взаимодействие социально-политических и научных факторов вызывало качественные изменения в доминировавших концептуальных положениях и определило в историографии темы несколько последовательных этапов. В итоге совокупными усилиями историков каждое из новых поколений россиян получало свою историю войны с Наполеоном.

Жизнеспособность новых оценок Отечественной войны 1812 года во многом зависела и продолжает зависеть от развития источникового фундамента научных исследований. Археография и источниковедение являются относительно самостоятельными направлениями в эволюции темы. Тем не менее без учета их достижений невозможно проведение комплексных исторических и историографических исследований.

В дореволюционный период была проделана огромная работа по комплексной систематизации и описанию архивных документов. Итог этой многоплановой и объемной работы воплотился в массовой публикации документов и мемуаров из государственных архивов и частных коллекций, в создании подробных НСА различных архивохранилищ. Среди документальных публикаций дореволюционного периода своей информационной насыщенностью особо выделяется фундаментальное многотомное издание «Отечественная война 1812 г.: Материалы Военно-ученого архива». Признавая некоторое несовершенство структуры и археографического оформления этого собрания первоисточников, последующие поколения историков, вполне обоснованно, давали ему высокую оценку¹. Между тем опубликовавшиеся в канун столетней годовщины Отечественной войны 1812 года материалы Военно-ученого архива, хотя и привлекались к написанию научных трудов, до настоящего времени оставались недостаточно востребованными в исследовательской работе. Дореволюционные исследователи не успели по достоинству оценить и проанализировать всю совокупность опубликованных первоисточников.

¹ См., напр.: Абаляхин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений... С. 10; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 55–56; Дьяков В.А. Русская военная историография в последней четверти XIX в. С. 109; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. С. 10; Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 9; и др.

Тому помешали последовавшие за столетним юбилеем социально-политические катаклизмы: Первая мировая и братоубийственная Гражданская войны. Для советских историков со второй половины 30-х годов прошедшего столетия, создававших свою концепцию войны, многие документы оказались неудобными и поэтому замалчивались при написании новых работ¹.

Однако нельзя не признать ту огромную работу, которую проделали советские архивисты по поиску и публикации малоизвестных научной общественности документальных источников. Эта работа на новом качественном уровне продолжается и в современных условиях.

Представляется, что задача всестороннего анализа дореволюционных и последовавших за ними советских и современных документальных публикаций и всемерного их привлечения для написания всеобъемлющей и беспристрастной истории «Двенадцатого года» в настоящее время остается злободневной. Ее актуальность определяется имеющимся в распоряжении исследователей истории и историографии Отечественной войны 1812 года документальным комплексом, который дает возможность объективно и точно судить о событиях исследуемого исторического периода.

В источниковой базе исследования особое место заняла мемуарная литература. В течение XIX в. она формировалась и развивалась параллельно с историографией темы и во многом отражала ее особенности и тенденции. В последующие десятилетия основные усилия исследователей направлялись на поиск и публикацию записок и воспоминаний участников и свидетелей войны, которые до настоящего времени считаются важнейшими источниками и продолжают активно вовлекаться в научный оборот.

Вместе с тем специфичность мемуарной литературы, связанная с ее субъективной природой, должна учитываться как при подготовке новых сочинений, так и при историографическом анализе научных трудов, посвященных рассматриваемой научной проблеме.

Историографический анализ *литературы первой половины XIX в.* свидетельствует о том, что первые научные труды, подготовленные Д.И. Ахшарумовым, Д.П. Бутурлиным, А.И. Михайловским-Данилевским, дали детализированную, хронологически выверенную кар-

¹ На этот факт, например, в свое время обращал внимание Н.А. Троицкий. В частности, он справедливо заметил, что документы о наступательных планах царизма, впервые полностью опубликованные в сборнике материалов Военно-ученого архива, просто игнорировались в советской литературе. См.: Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. С. 41, 42; Его же. Повторение пройденного // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 157.

тину Отечественной войны 1812 года. Но первопроходцы темы, как непосредственные участники событий, цель своей работы видели в том, чтобы «покровительствовать всему, что раздает славу и предает потомству деяния тех, кои посвящают свою жизнь снискать уважение потомства»¹. Этот патриотический личностный фактор и созвучные ему общественные настроения довели над историками, заставляя их некритически относиться к очевидным просчетам и недостаткам русского командования. Героический пафос, составивший важнейшую особенность содержания научных работ первой половины XIX в., опирался на соответствующие официально-правительственные документы, способствовал упрочению в исторической науке и в обществе самодержавно-охранительных идей. Тенденция к усилению официально-патриотического направления в историографии темы закреплялась конкретными целевыми установками историкам со стороны правительственных кругов и генералитета, непосредственно курировавших подготовку новых научных трудов. Такая заинтересованность официальных властей в конечных выводах проводимых исследований во многом предопределила панегирический оттенок официальных изданий и субъективизм авторских суждений по социально-политическим аспектам темы.

Важной особенностью историографии 40-х – начала 50-х годов XIX столетия стало активное закрепление официально-патриотической концепции Отечественной войны 1812 года в публицистике, справочно-энциклопедической, научно-популярной и учебной литературе. Широкая популяризация официальных воззрений на историю похода Наполеона в Россию определила их безраздельное господство в исторической науке и в общественном сознании.

Распространенное в советской историографии мнение о наличии у декабристов и революционных демократов собственной концепции войны, которая резко противостояла официальным воззрениям и оказывала сильное влияние на общество с позиций современной методологии научного познания, во многом представляется несостоятельным.

Анализ особенностей развития темы в середине XIX в. выявил важную проблему о соотношении исторической правды и вымысла об Отечественной войне 1812 года в художественной литературе. В указанный период сильный резонанс в научном мире вызвал 4-й том «Войны и мира» Л.Н. Толстого с описанием общего хода войны и детализированным изображением глазами очевидцев Бородинского сражения.

¹ Из письма Д.И. Ахшарумова А.И. Михайловскому-Данилевскому // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3376. Ч. III. Л. 399.

Как было отмечено исследователями темы, активное использование в романе результатов научных исследований с их авторской интерпретацией писателем стали порождать в общественном сознании превратные представления о причинах войны, о реальных исторических фактах, о роли полководцев в организации военных действий и о некоторых других аспектах. Все это дало основание историкам-специалистам также отнести к Л.Н. Толстому как историка и критически оценить его взгляды на историю похода Наполеона в Россию.

Опыт изучения историографии свидетельствует, что обозначенный вопрос остается актуальным и в современных условиях, когда не только в художественной литературе, но и кинематографе продолжают популяризироваться искаженные факты, дающие фальсифицированную картину войны. На таком научном базисе посредством художественных образов художник формирует соответствующее общественное знание о действительной истории. Принимая во внимание такое значение художественной литературы и кинематографа в распространении исторических знаний, есть все основания говорить об известной доли ответственности писателей и кинематографистов за правдивость изображаемых ими исторических событий.

После окончания Отечественной войны 1812 года в первые послевоенные десятилетия в историографии темы были сформулированы и стали доминировать выводы, согласно которым ответственность за развязывание вооруженного конфликта единолично возлагалась на Наполеона. В его внешней политике подчеркивались агрессивные, захватнические цели, направленные на порабощение России и государств Западной Европы. Внешнеполитический курс Российской империи представлялся сдерживающим фактором французской агрессии. Признавался народный, отечественный характер войны 1812 года. Утверждалась идея о сплочении во главе с дворянством всех социальных слоев общества вокруг престола для обороны страны от захватчиков. Национально-освободительная идеология войны понималась через религиозно-православные и монархические убеждения русского народа. Имелось завышенное представление о заслугах Александра I в организации обороны страны. Причины поражения наполеоновской армии объяснялись Божественным провидением и всенародным характером вооруженной борьбы. Выводы зарубежной историографии по некоторым аспектам темы подвергались критике.

Как свидетельствует анализ литературы, уже в этот период начало формироваться критическое отношение к действиям русского военного командования, которое обозначило новое направление в историографии проблемы. Метод критического анализа военно-

исторических событий, впервые примененный Н.А. Окуневым, впоследствии воплотился в критико-публицистических статьях И.П. Липранди и монографии М.И. Богдановича. В дальнейшем он широко использовался А.Н. Витмером, А.Н. Поповым, Г.А. Леером, А.П. Скугаревским, а наибольшее распространение получил в канун празднования столетней годовщины Отечественной войны 1812 года в трудах историков и публицистов марксистских и либеральных взглядов.

С последней четверти XIX столетия в эпицентре научных интересов историков оказываются социально-политические вопросы. По мере демократизации общественной жизни в стране и внедрения в исторические исследования новой методологии научного поиска начинается критическое переосмысление важнейших положений официально-патриотической концепции войны. Пересмотру подверглись традиционные взгляды на причины вооруженного конфликта, среди которых приоритет отдавался экономическим факторам. Во внешней политике России стали признаваться контрреволюционные цели и геополитические интересы, направленные на ее собственное преобладание в Западной Европе. Критически оценивались роль императора Александра I и полководческая деятельность М.И. Кутузова в спасении Отечества. Наметилась линия на реабилитацию заслуг М.Б. Барклая де Толли в спасении армии. Изменились взгляды на социально-политический характер войны, в котором отмечалась дифференциация экономических и общественных интересов различных слоев населения. В причинах поражения Наполеона значительное внимание уделялось теории естественных факторов. Усилился акцент на реакционное значение победы России, приведшей к восстановлению монархических порядков в Европе. В военной историографии уточнялись и критически анализировались боевые действия противоборствующих сторон. Стала обособляться историографическая проблематика темы. Наметилось сближение позиций российских и зарубежных историков по ряду концептуальных положений.

Новая концепция войны формировалась и утверждалась через борьбу научных идей параллельно с распространением в литературе традиционных воззрений. К началу Первой мировой войны она постепенно заняла доминирующее положение в исторической науке.

Процесс смены официально-правительственных взглядов на социальную природу и сущность вооруженного конфликта России и Франции ускорился в 20–30-х годах XX в. Критические оценки дореволюционных историков получили дальнейшее усиление с позиций марксистско-ленинской теории и в контексте исторической концепции М.Н. Покровского. На этом основании император Александр I

стал считаться главным виновником вооруженного столкновения двух держав. В литературе преобладала точка зрения, отрицающая отечественный характер войны и патриотические чувства в различных слоях населения.

В условиях формирования авторитарного политического режима естественная научная полемика за утверждение в исторической науке новых идей стала подменяться жестким администрированием и сопровождалась репрессиями против представителей дореволюционной исторической науки. На таком основании достигалось относительное единство взглядов на исследуемую проблему. В целом она считалась утратившей свою актуальность и временно оказалась на этапе стагнации.

Вместе с тем со второй половины 30-х годов начался новый этап в развитии историографии Отечественной войны 1812 года. Осложнившаяся международная обстановка и необходимость усиления патриотического воспитания советских людей на боевых традициях русской армии и народа обусловили принципиально иное отношение высшего руководства страны к исследуемой проблеме.

В условиях новой политической конъюнктуры господствующие в исторической науке взгляды Покровского о единоличной ответственности российской стороны за франко-российский вооруженный конфликт были подвергнуты пересмотру. Взамен стала утверждаться основанная на сталинской критике взглядов Ф. Энгельса идея об оборонительном по отношению к Наполеону характере внешней политике России. Был возрожден тезис об агрессивности и захватнических устремлениях Наполеона, направленных на превращение России во французскую колонию. Новое признание получил вывод о народном и отечественном характере войны. В литературе популяризировалась мысль о патриотизме русского крестьянства, который между тем понимался без религиозной и самодержавной идеологии. Новые положения аргументировались утрированным пониманием марксистско-ленинских характеристик наполеоновской эпохи.

Победоносно завершившаяся Великая Отечественная война советского народа с немецким фашизмом послужила основанием для дальнейшей корректировки официальной концепции. Под влиянием И.В. Сталина в историографии стала идеализироваться личность М.И. Кутузова. Изучение темы приобрело одностороннюю направленность, а четко обозначенная политизация научных исследований способствовала порождению многочисленных субъективистских взглядов и оценочных стереотипов. В итоге в господствующей концепции войны 1812 года оказались воспроизведенными некоторые официально-правительственные взгляды на проблему, сформированные в первой половине XIX в.

В 60–80-х годах XX в. доминирующие в исторической науке взгляды на Отечественную войну 1812 года существенно не изменялись. Одновременно в новых официальных трудах стала проводиться линия на сравнительный анализ войны 1812 года с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Тем не менее новая внутривластная ситуация, сложившаяся в стране к началу 60-х годов XX в., способствовала поступательному развитию темы. Была значительно расширена проблематика научных исследований. Началось оформление историографии в самостоятельное направление научного поиска. Одновременно предпринимались попытки преодолеть стереотипное мышление по некоторым ключевым аспектам проблемы. Однако открытая дискуссия допускалась лишь в границах, исключающих обсуждение системообразующих положений и выводов официальной концепции.

Новый внутривластный курс, предпринятый Советским правительством со второй половины 60-х годов на укрепление командно-административных методов управления страной, способствовал дальнейшему упрочению официального направления в развитии темы. В рамках этой тенденции искажение подлинного генезиса социально-политического характера и хода войны приобрело масштабный характер.

Однако научное изучение темы с позиций исторической объективности хотя и замедлилось, но полностью не остановилось. Анализ литературы этого периода свидетельствует о постоянном стремлении части исследователей если не пересмотреть, то хотя бы поставить вопрос об объективности в оценках событий и фактов. Такой подход отчасти соответствовал изменившимся к середине 70-х годов идеологическим установкам, допускавшим мирное существование государств различных политических систем. По этой причине новая авторская интерпретация некоторых ключевых аспектов истории Отечественной войны 1812 года, в частности, доказывавшая отсутствие между феодальной Россией и буржуазной Францией непримиримых противоречий, не вызывала принципиальных возражений со стороны контролирующей историческую науку партийно-государственных структур.

Параллельно с этими основными тенденциями продолжалось с опорой на новые первоисточники углубленное изучение исторических фактов и расширение тематики научных исследований. В указанный исторический период значительно расширились научные представления об экономической подготовке России к войне, о стратегических планах сторон, о ходе военных действий на второстепенных стратегических направлениях, о формировании народных ополчений, о партизанских действиях в тылу наполеоновских войск и о некоторых других

малоисследованных вопросах темы. Историография Отечественной войны 1812 года на данном этапе окончательно оформилось в самостоятельное научное направление.

Преобразования в экономике и в политической жизни СССР во второй половине 80-х годов способствовали формированию в историографии темы новых явлений. Большинство исследователей продолжали придерживаться традиционных взглядов на историю Отечественной войны, развивая официальную версию. Часть историков попыталась совместить новые взгляды с прочно утвердившимися положениями. Одновременно отдельные ученые выступили за полный пересмотр господствовавшей концепции войны. Последнее направление в историографии темы возглавил Н.А. Троицкий, утверждавший через критику официальных научных трудов свое понимание истории.

После распада СССР в начале 90-х годов прошедшего столетия в историографии Отечественной войны 1812 года важное место заняли коллективные формы научной деятельности. Итоги их работы свидетельствуют о дальнейшем усилении тенденции, направленной на кардинальный пересмотр всей предшествующей историографии и господствовавшей в 60–80-х годах XX в. концепции войны. В качестве важной особенности современного развития проблемы отмечается смещение эпицентра научных исследований из официальных крупных научно-исследовательских центров в неформальные научно-общественные объединения ученых, действующие на основе ежегодных конференций. Коллегиальная научная деятельность исследователей, проживающих в различных регионах страны, консолидирует их усилия в формировании новой концепции войны.

Итоги работы научных форумов в целом свидетельствуют о том, что к концу 90-х годов XX столетия было преодолено стремление к сохранению в неизменном виде идей и концепций, тенденциозно освещавших историю войны 1812 года. Тем не менее в изданиях того времени отчетливо прослеживались работы консервативного направления, представленные в большей степени комплексом учебной и научно-популярной литературы. Приверженность многим, признанным сегодня несостоятельными суждениям об Отечественной войне 1812 года, наблюдалась в сводных военно-исторических трудах.

Ряд авторов новейших сочинений определили линию на синтез общих выводов советской историографии с новыми подходами, фактами и суждениями. Нельзя не отметить в этом направлении ряд удачных находок и решений.

И все же ведущей в современной историографии является тенденция к утверждению принципиально новой исторической концеп-

ции войны. Научно-критический анализ предшествующей историографии составил главную особенность современного развития исследуемой проблемы. Сегодня эта развивающаяся историографическая традиция находит отражение в научных, научно-популярных и энциклопедических изданиях.

Как показал анализ последних работ, современные историки все чаще приходят к выводам о том, что война между Россией и Францией *была вызвана всей совокупностью* объективных – экономических, внешнеполитических, социально-политических, и субъективных – личностных отношений между Наполеоном и Александром I, факторов. Сегодня гораздо больше внимания уделяется оценкам взаимодействия России и Франции на международной арене как государствам с различными политическими режимами и с различным уровнем духовной культуры. При этом не отрицается тот факт, что внешняя политика России преследовала цель сдерживания не только наполеоновской гегемонии, но и распространения идей Великой французской революции. Значительная часть историков не отрицают того факта, что Российская империя добивалась установления на континенте собственного лидирующего положения. Иначе чем на предшествующем этапе историографии темы рассматриваются межличностные отношения между двумя императорами, которым отводится важная роль в генезисе войны 1812 года.

Поход Наполеона в Россию традиционно классифицируется как акт агрессии против суверенного государства. Однако при этом окончательно доказана несостоятельность точки зрения о внезапном, без официального объявления войны, нападении Франции.

В литературе нередки утверждения о том, что Наполеон не ставил перед собой цели порабощения России и превращения ее во французскую колонию. При этом основные задачи предпринятой военной акции представляются ученым в стремлении заставить российское правительство выполнять условия Тильзитского мирного договора.

Среди современных исследователей темы все большее признание получает идея, что французский император не имел четко выраженных планов ведения военных действий. В развитии этой позиции утверждается, что Великая армия продвигалась вглубь территории России за уклоняющейся от генерального сражения русской армией. Этим фактом объясняются длительная остановка Наполеона в Вильно и его колебания в Смоленске, возникшие по поводу планов дальнейшего ведения войны. Подобным же образом находит поддержку мысль о том, что московское стратегическое направление стало главным в связи с отступлением к Москве главных русских сил.

Новое развитие получают взгляды на вопросы стратегического планирования войны и хода военных действий российской стороной.

Во многом обоснованными можно считать утверждения о том, что русское командование придерживалось заранее разработанного плана стратегического отступления вглубь страны. Однако при этом следует указать на противоречивость мнений относительно конечного рубежа этого отступления.

Актуальными продолжают считаться выводы, согласно которым русское командование в ходе отступления сумело решить главную стратегическую задачу – спасти армию от разгрома и тем самым предотвратить поражение России в войне.

Современное развитие историографии проблемы немыслимо без выработки научно обоснованных взглядов на ключевые аспекты Бородинского сражения. Преодоление существующих здесь разногласий возможно только после тщательного источниковедческого анализа основополагающих архивных документов, часть из которых представляется изначально фальсифицированной. Дальнейшего изучения и уточнения требуют выводы о соотношении сил и потерях сторон. Достижения единства взглядов на этот вопрос возможно только на основе единой методики подсчета.

Изучение современных научных трудов о Бородинской битве указывает на перспективность развития тех положений, которые дают критические оценки действиям противоборствующих сторон. В этом отношении заслуживает внимания анализ ошибок и просчетов, допущенных Наполеоном и Кутузовым в планировании и ведении генерального сражения. В определении его итогов наиболее объективной можно считать точку зрения, согласно которой ни одна из враждующих сторон не достигла поставленных перед ними стратегических задач. Одновременно следует обратить внимание на выводы историков, признающих победу Наполеона на тактическом уровне. В пользу этого положения говорит факт вынужденного отхода русских войск с Бородинской позиции и наличия у французского императора отборного гвардейского корпуса, при отсутствии свежих резервов в русской армии.

Научные исследования последнего десятилетия убедительно разрешают вопрос о виновниках московского пожара. Всестороннее изучение разнообразных источников дает веские аргументы в пользу обвинений, выдвигаемых в данном вопросе против Ф.В. Ростопчина и М.И. Кутузова. Одновременно представляются обоснованными суждения тех историков, которые отмечают важную роль пожара первопрестольной в развертывании всенародной борьбы с захватчиками и наступившем в связи с этим событием переломе стратегической ситуации в пользу России.

При объяснении духовных оснований, сплотивших русский народ в борьбе против вражеских войск, в исторической науке все боль-

шее число сторонников завоевывает идея, согласно которой религиозные мотивы стали одним из базовых идеологических моментов, цементирующих российское общество в его решимости отстоять свой национальный суверенитет. Как отмечается в литературе, правительство ставило своей задачей добиться через духовенство религиозного осмысления войны и достигло в этом отношении значительного успеха. Благодаря деятельности церкви Наполеон стал восприниматься в народе как представитель антихриста, а сама агрессия как нашествие «басурман» и гонителей православной веры. Современные историки вполне оправданно отмечают, что именно на этой почве выросла народная непримиримость к захватчикам, сокрушившая наполеоновские замыслы.

Дискуссионность взглядов современных историков на завершающий этап Отечественной войны 1812 года свидетельствует о его относительной неразработанности. Дальнейшего изучения требует вопрос о стратегических планах сторон после оставления французами русской столицы. Представляются спорными утверждения о том, что Наполеон планировал стратегический прорыв из Москвы на Калугу и далее на Украину. Не достаточно обоснованным можно считать вывод о наличии у М.И. Кутузова собственного, отличного от петербургского, плана окружения Великой армии. Есть все основания пересмотреть традиционную точку зрения о проведении контрнаступления русской армией с точки зрения современного понимания этого термина в военной науке. Более реалистично, чем принято, следует рассматривать итоги переправы французских войск через Березину.

Наряду с традиционными, прочно утвердившимися в исторической науке мнениями о причинах поражения Наполеона в России, в новейшей литературе и на научных форумах отмечается повышенное внимание к пространственно-климатическим условиям, сыгравшим определенную роль в ослаблении французских войск. В связи с этим представляется правильным равнозначно рассматривать весь комплекс экономических, военных, социально-политических, духовных и пространственно-климатических факторов, приведшую наполеоновскую армию к катастрофе.

В последнее десятилетие в историографии темы даются новые оценки военно-политическим итогам войны. В связи с этим признается не только прогрессивное значение победы над Наполеоном, но и ее реакционные последствия, которые привели к восстановлению феодальных порядков в Европе и определили России последующую роль европейского жандарма.

Представляется, что перечисленные концептуальные положения при их соответствующей документальной аргументации сегодня являются наиболее перспективными для формирования новой концепции Отечественной войны 1812 года.

Важно отметить, что генезис отечественной историографии осуществлялся параллельно с развитием западноевропейской исторической мысли о наполеоновской эпохе. В русской дореволюционной литературе процесс развития зарубежной литературы отзывался изданием переводных сочинений наиболее популярных авторов, активным привлечением иностранных источников, в первую очередь мемуаров, к написанию новых трудов. Распространенные среди советских историков убеждения о том, что официальные дореволюционные труды «ярко пропагандировали» и «надолго закрепили» взгляды французских и немецких историков, не подтверждаются анализом содержания этих работ.

Уже первые историки темы считали сочинения, «что есть в чужих краях, ...почти неверны и пристрастны»¹. Вместе с тем большинство дореволюционных исследователей подходило к достижениям западноевропейской историографии избирательно, считая правильным не только критиковать ее, но и заимствовать у иностранных ученых объективные взгляды и суждения.

Гораздо более предвзятое отношение к зарубежным сочинениям отмечалось во второй половине 40-х – первой половине 80-х годов XX в. Утверждалось, что «в капиталистических странах история... не может быть объективной наукой, правдиво и всесторонне освещающей всякое историческое явление»². Опора исследователя на иностранные источники, особенно в конце 40–50-х годов XX в. могла повлечь (и влекла) за собой обвинения в космополитизме и меры административного воздействия. Все это определило настороженное и крайне негативное отношение к зарубежной историографии со стороны большей части историков 60-х – первой половины 80-х годов XX в.

Положение стало изменяться со второй половины 80-х годов прошедшего столетия, когда было признано, что «одной из первоочередных задач по изучению проблем Отечественной войны является расширение круга источников за счет активного выявления и введения в научный оборот французских документов, имеющихся в СССР и опубликованных во Франции»³.

В современный период более тесному сотрудничеству и налаживанию постоянных контактов с представителями зарубежной историографии способствует работа научных конференций, в ходе кото-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3376. Ч. III. Л. 10 об.–11.

² Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. С. 70.

³ Безотосный В.М. Французские источники по истории Отечественной войны 1812 года. С. 219.

рых наблюдается сближение позиций отечественной и французской историографии по большинству ключевых аспектов проблемы. Сегодня можно констатировать, что иностранная историография стала предметом особого внимания со стороны современных российских ученых, а «французская» тематика окончательно оформилась в самостоятельное направление научных исследований.

Таким образом, за двести лет своего существования историография Отечественной войны 1812 года прошла сложный, противоречивый путь развития и превратилась в важную исследовательскую проблему. Упорным трудом нескольких поколений историков были достигнуты немалые успехи. Накоплен и введен в научный оборот огромный массив источников, тщательно изучены различные аспекты войны, написаны обстоятельные научные труды. В настоящее время основные события наполеоновского нашествия на Россию уже освещены с достаточной полнотой и ясностью.

Однако изучение историографии свидетельствует о том, что несмотря на бесспорные достижения в этой области исторических знаний, многие вопросы продолжают оставаться открытыми и требуют своего объяснения. В многочисленных трудах ученые по-разному пытались воспроизвести и объяснить изучаемый исторический феномен. В итоге формировались различные взгляды и суждения о войне и ее историографии.

В современных условиях историография вышла на качественно новый этап. Большинство исследователей, признав несостоятельность старых методологических подходов, приступили к пересмотру устоявшейся концепции Отечественной войны 1812 года. Вследствие этого процесс ее изучения до конца еще остается незавершенным. Перед историками стоят серьезные научные задачи. В первую очередь это касается утверждения в общественном сознании новых представлений, основанных на объективном и честном изучении самых разнообразных источников. Следует продолжить дальнейшее исследование еще относительно малоизученных аспектов.

В историографии Отечественной войны 1812 года много не только познавательного, но и поучительного для определения дальнейших перспектив российской исторической науки. Этот полезный опыт необходимо учитывать при подготовке новых сочинений об истории гибели Великой армии в России. Они должны оставаться достойным памятником тем, кто спас свою страну в грозный год военного испытания, отстоял ее государственный суверенитет и национальную независимость.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	4
Глава I. Источники изучения историографии и истории отечественной войны 1812 года	20
§ 1. Характеристика источниковой базы историографии и истории Отечественной войны 1812 года.....	20
§ 2. Мемуарная литература как источник историографичес- кого исследования борьбы русского народа с наполеонов- ской агрессией	56
Глава II. Генезис историографии Отечественной войны 1812 года в XIX – начале XX в.	77
§ 1. Формирование и развитие научных взглядов на историю похода Наполеона в Россию в первой половине XIX в.	78
§ 2. 1812 год в научной литературе второй половины XIX – начала XX столетия (1909 г.)	107
§ 3. Историография темы в период подготовки и праздни- кования 100-летней годовщины победы над Наполеоном и в годы Первой мировой войны.....	140
Глава III. Отечественная войны 1812 года в советской исторической науке: общая характеристика научных исследований	174
§ 1. Война 1812 года в советской историографии 20-х – первой половины 30-х годов.....	175
§ 2. Новый взгляд на проблему во второй половине 30-х – первой половине 50-х годов. Формирование и утвержде- ние сталинской концепции войны.....	197
§ 3. Эволюция темы в исторических исследованиях второй половины 50-х – первой половины 80-х годов.....	245
§ 4. Развитие историографии в условиях перестройки советской исторической науки во второй половине 80-х годов	282
Глава IV. Формирование новой историографии Отечественной войны 1812 года	311

§ 1. «Гроза Двенадцатого года»: общая характеристика постсоветской историографии	312
§ 2. Основные направления развития историографии 90-х годов XX – начала XXI в.	371
Заключение	446

Научное издание

Эпоха 1812 года

Шеин Игорь Александрович

**ВОЙНА 1812 ГОДА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.11.2013.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 29,0.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1976.

Издательство «Научно-политическая книга»

109012, Москва, ул. Никольская, д. 3, корп. 2

Тел./Факс 8(499) 685-15-75

Отпечатано в ОАО «Областная типография «Печатный двор»,
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

Шейн Игорь Александрович – профессор кафедры истории Военного университета, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, полковник запаса.

Родился в 1957 г. в г. Бресте. Окончил Донецкое высшее военно-политическое училище инженерных войск и войск связи в 1978 г., Военно-политическую академию им. В. И. Ленина в 1990 г., очную адъюнктуру Гуманитарной академии Вооруженных Сил в 1994 г. На преподавательской работе с 1990 г.

Иллюстрированная
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1812 года.
ИМПЕРАТОРЪ Николай Павловичъ
Генералъ-Адмиралъ И. И. Дубровинъ
Въ годы Отечественной войны-защиты славы отечества
его соавторъ ИГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
1887.

Библио-Глобус
Москва, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1 Тел: (495) 781-19-00,
<http://www.biblioglobe.ru> 628-35-67,
624-46-80.
КТК: 038
9 785906 594037
Шейн И.А. Война 1812 года
Цена: 489,00

